

О ПРОИСХОЖДЕНИИ
И
ПЕРВОБЫТНОМЪ СОСТОЯНІИ
РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.

С. Флаголева.

МОСКВА.

Типографія А. И. Снегиревой. Остоженка, Савеловскій переулокъ, соб. домъ.

1894.

Отъ Совѣта Московской Духовной Академіи печатать разрѣшается.
Ректоръ Академіи Архимандритъ Антоній.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введеніе. 1—20

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Библейское ученіе и эволюціонная гипотеза о происхожденіи и первосостояніи человѣчества.

Отдѣлъ первый.

Библейское ученіе.

Глава 1-ая. Ученіе Библии о сотвореніи человѣка.	21—54
Глава 2-ая. О паденіи первыхъ людей	54—76
Глава 3-ья. Мѣсто обитанія первозданнаго человѣка	76—92
Глава 4-ая. Библейское повѣствованіе о судьбахъ человѣчества отъ паденія первыхъ людей по вавилонское столпотвореніе.	92—108
Глава 5-ая. Древность человѣка по ученію Библии	109—137

Отдѣлъ второй.

Эволюціонная гипотеза.

Глава 1-ая. Эволюціонная теорія происхожденія человѣка.	138—165
Глава 2-ая. Доказательства происхожденія человѣка отъ животныхъ типовъ.	166—196
Глава 3-ья. Исторія происхожденія человѣка.	196—224

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Разборъ данныхъ для сужденія о происхожденіи и перво-
бытномъ состояніи рода человѣческаго.

- Глава 1-ая. Сравненіе библейскаго и эволюціон-
наго ученія о происхожденіи чело-
вѣка съ точки зрѣнія потребностей
человѣческаго духа . . . . . 225—242
- Глава 2-ая. Критическія замѣчанія на теорію
Дарвина вообще. Новыя эволюціон-
ныя теоріи. Разборъ ихъ . . . . 242—276
- Глава 3-ья. Разборъ побочныхъ данныхъ, пред-
ставляемыхъ эволюціонистами въ
доказательство происхожденія чело-
вѣка отъ животныхъ типовъ . . . 277—297
- Глава 4-ая. Разборъ прямыхъ данныхъ, пред-
ставляемыхъ эволюціонистами въ
доказательство происхожденія чело-
вѣка отъ животныхъ типовъ . . . 297—332
- Глава 5-ая. Разборъ теоріи предшественника или
предшественниковъ челоѣка . . . 332—364
- Глава 6-ая. Разборъ основаній, представляемыхъ
эволюціонистами въ доказательство
возможности происхожденія чело-
вѣка отъ животныхъ типовъ . . . 364—379
- Глава 7-ая. Разборъ основаній, представляемыхъ
эволюціонистами въ доказательство
возможности происхожденія чело-
вѣка отъ животныхъ типовъ (со
стороны психической) . . . . . 380—439
- Глава 8-ая. Рядъ доводовъ, опровергающихъ
эволюціонную теорію происхожденія
человѣка, почерпаемыхъ изъ дан-
ныхъ геологіи, палеонтологіи и
археологіи о древности челоѣче-
скаго рода. . . . . 439—477
- Глава 9-ая. Разсмотрѣніе доказательствъ древ-
ности челоѣческаго рода, почерпае-

	мыхъ изъ факта давнишняго существованія многихъ рѣзко различающихся между собою расъ . . .	477—505
Глава 10-ая.	Разсмотрѣнiе доказательствъ древности человѣческаго рода, почерпаемыхъ изъ фактовъ представляемыхъ лингвистикою и исторiею. . . .	505—542
Глава 11-ая.	Изложенiе и разсмотрѣнiе преданiй человѣчества, свидѣтельствующихъ о недавнемъ происхожденiи рода человѣческаго отъ одного общаго корня. Приблизительное опредѣленiе даты появленiя и начала распространенiя человѣчества на землѣ .	542—592
Заключенiе.		592—605

О происхождении и первобытномъ состояніи рода человѣческаго.

Ὁ Θεός.... ἐποίησέ τε ἐξ ἑνὸς
αἵματος πᾶν ἔθνος ἀνθρώπων κατοικεῖν
ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς.

Πράξ. τῶν ἀποστόλ. ιζ', κδ'.

В В Е Д Е Н И Е.

Въ сказаніяхъ различныхъ народовъ повѣствованіе о происхожденіи и первыхъ судьбахъ человѣчества примыкаетъ обыкновенно къ космологическимъ мифамъ, соединяется съ повѣствованіемъ о происхожденіи міра и стоитъ въ тѣсной связи съ религіозными воззрѣніями народовъ. Въ этихъ сказаніяхъ происхожденіе человѣка разсматривается какъ чудо, не могущее подлежать ни изслѣдованію, ни повѣркѣ. Перво-состояніе человѣчества обыкновенно также представляется въ нихъ, какъ заключающее въ себѣ много чудеснаго. Стоя на религіозной почвѣ, эти сказанія сами являлись и являются основаніемъ для религіозныхъ обычаевъ и вообще религіозной практики народовъ.

Но въ сторонѣ отъ этихъ сказаній уже въ самой глубокой древности начинается выработываться иной взглядъ на происхожденіе человѣка. Этотъ взглядъ возникъ на почвѣ философіи и только очень поздно онъ сталъ искать для себя опоръ въ данныхъ естествознанія. Въ основѣ этого взгляда лежало чисто философское убѣжденіе, что въ мірѣ нѣтъ ничего чудеснаго, что все естественно, и что, слѣдовательно, и человѣкъ произошелъ естественнымъ образомъ. Самое есте-

ственное происхождение чело́вѣка различные сторонники этого взгляда представляли различно. Одни говорили, что чело́вѣкъ произошёлъ отъ какихъ-то невѣдомыхъ рыбъ, другіе, что его произвела земля, третьи, что онъ образовался изъ воды и ила и т. д. Но какимъ образомъ вода, рыбы или земля могли произвести чело́вѣка въ прошедшемъ, когда настоящее не представляетъ для этого никакой аналогіи, на этотъ вопросъ не давалось отвѣта. **Долгое значеніе** (предполагаетъ за собою причину, всякая вещь должна имѣть происхожденіе. Исходя изъ этихъ принциповъ, мыслители древности, мнѣніе которыхъ мы привели, пытались объяснить и происхожденіе чело́вѣка: но въ дѣлѣ этого объясненія они руководились лишь фантазією, и потому всѣ рѣшенія вопроса, предлагавшіяся ими, могутъ имѣть лишь интересъ историческій, какъ матеріалъ для изслѣдованія исторіи мысли, но никогда не могли имѣть для ученыхъ и мыслителей вѣковъ послѣдующихъ никакого руководительнаго значенія.

Конечно, это и не удивительно по отношенію къ взглядамъ, имѣющимъ за собою два тысячелѣтія, но гораздо удивительнѣе то, что въ теченіе цѣлыхъ 18 вѣковъ христіанской эры вопросъ этотъ нисколько не подвинулся въ своемъ рѣшеніи. Люди восемнадцатаго вѣка, гордо называвшаго себя вѣкомъ разума, на вопросъ о происхожденіи чело́вѣка не находили ничего лучше отвѣтить, какъ то, что чело́вѣкъ явился впервые подъ тропиками въ чашечкѣ гигантскаго цвѣтка, что чело́вѣкъ произошёлъ отъ допотопныхъ гигантскихъ лягушекъ, наконецъ, высказали и то, что чело́вѣка бодила обезьяна. Но такъ какъ цвѣты рождаютъ только цвѣты, лягушки рождаютъ лишь лягушекъ и обезьяны — обезьянъ, и такъ какъ это положеніе въ восемнадцатомъ вѣкѣ было установлено настолько твердо, что представители вѣка отрицали возможность общаго происхожденія европейца и негра, и Вольтеръ восклицалъ, что лишь слѣпой можетъ говорить, что негры и европейцы произошли отъ однихъ предковъ, то очевидно, предлагавшееся рѣшеніе вопроса, расходившееся съ наблюденіемъ и съ твердо установившеюся теорією, свидѣтельствовало только о томъ, что разуму представителей разума восемнадцатаго вѣка вопросъ представлялся неразрѣшимымъ.

Вѣрили ли они действительно въ цѣлты и лягушекъ или обманывали другіхъ, когда говорили о нихъ, они, будучи развиты много болѣе, чѣмъ Анаксимандръ и Эмпедоклъ, во всякомъ случаѣ должны были чувствовать, что въ защиту своей вѣры и своихъ утвержденій они не могутъ привести никакихъ дѣйствительныхъ основаній. Они должны были чувствовать, что они не могутъ ничего противопоставить ученію о чудесномъ происхожденіи челоуѣчества кромѣ голо-словнаго утвержденія, что чудесъ не бываетъ. Въ концѣ восемнадцатаго вѣка большая часть образованнаго міра принимала библейское ученіе о происхожденіи челоуѣка. Противники Библии — по крайней мѣрѣ добросовѣстные противники — должны были сознаваться, что ихъ воззрѣнія не опираются на научныя изслѣдованія и открытія, что кромѣ философскихъ принциповъ и субъективныхъ убѣжденій они не могутъ ничего противопоставить Библии, что наука, не подтверждая Библии, не подтверждаетъ и ихъ.

Положеніе противниковъ Библии въ вопросѣ о происхожденіи челоуѣка въ то время было весьма затруднительно въ логическомъ отношеніи. У нихъ имѣлось два ряда фактовъ, изъ которыхъ второй стоялъ въ противорѣчій съ первымъ и, являясь опорой для ихъ враждебныхъ нападеній на Библию, въ то же время обращался и противъ нихъ.

Первый рядъ фактовъ, это тѣ свѣдѣнія, которыя имѣли люди восемнадцатаго вѣка объ обезьянахъ и которыя склоняли ихъ къ мысли, что челоуѣкъ произошелъ отъ этихъ лазающихъ млекопитающихъ. Мысль о родствѣ челоуѣка съ обезьяною — старая мысль. Она естественно и сама собою навязывается челоуѣку, когда онъ смотритъ на этихъ животныхъ. Уже въ глубокой древности поразительное сходство челоуѣка съ обезьяною породило многочисленныя сказанія, преданія и обычаи у разныхъ народовъ. Обезьянъ даже прямо смѣшивали съ людьми. Это, наприм., случилось съ Ганнономъ — знаменитымъ карфагенскимъ мореплавателемъ. На южной оконечности Африки (такъ рассказываетъ Периплъ, древнѣйшая штурманская книга) Ганнонъ открылъ островъ, населенный существами, которыхъ нельзя было не признавать за людей. Толмачи называли ихъ γορίλλοι, они были покрыты

черными волосами, защищались камнями и от нападеній искали спасенія въ лѣсистыхъ горахъ. Немногія, которыхъ удалось поймать, не хотѣли говорить, но такъ яростно кусались, что принуждены были ихъ убить. Возвратившись, Ганнонъ повѣсилъ ихъ шкуры въ храмъ вмѣсто трофеевъ и для воспоминанія о приключеніяхъ счастливо оконченнаго плаванія“. Что касается до низшихъ человѣческихъ племенъ, то они и теперь смотрятъ на человѣкообразныхъ обезьянъ такъ, какъ смотрѣлъ на нихъ Ганнонъ за пять вѣковъ до нашей эры. Такъ яванцы думаютъ, что orangъ-утанги суть остатокъ первыхъ обитателей ихъ острова и что они скрываютъ свою человѣческую природу только для того, чтобы не попасть въ работы. Малайцы полагаютъ, что orangъ-утангъ настоящій и законный властитель этихъ лѣсовъ, что подъ его ободочкой живетъ душа ихъ давно умершихъ предковъ.

Что касается до европейцевъ восемнадцатаго вѣка, то они имѣли много основаній ставить обезьяну гораздо ближе къ челоѣку, чѣмъ ставятъ ее въ настоящее время. Зоологія и этнографія того времени имѣли нѣсколько фантастическій характеръ. Не зная и не подозрѣвая о существованіи многихъ животныхъ видовъ и многихъ человѣческихъ племенъ, эти науки того времени знали за то такихъ животныхъ и такихъ людей, какихъ на самомъ дѣлѣ никогда не было. Причина этому лежала въ богатомъ воображеніи путешественниковъ и въ легковѣрїи натуралистовъ, вносившихъ сообщенія и рассказы этихъ путешественниковъ въ свои трактаты безъ всякой мысли о критическомъ отношеніи къ нимъ. Сообщенія же эти были такого рода, что Линней, чимпанзе и orangъ-утанга назвалъ *Homo traglodites*, *homo lag*, и не было найдено основаній отказываться отъ этой терминологіи. Совершенно понятно, что, крайне преувеличивая близость обезьяны къ челоѣку съ физической и психической стороны, невѣрующіе ученые восемнадцатаго вѣка могли находить весьма естественнымъ допущеніе происхожденія второго отъ первой.

Но это допущеніе разбивалось о другой рядъ фактовъ. Весь запасъ наблюденій, имѣвшійся у натуралистовъ восемнадцатаго вѣка, убѣждалъ ихъ въ неподвижности органиче-

скихъ формъ. Они видѣли, что подобное всегда производить подобное, что индивидуальныя измѣненія колеблются всегда около нѣкоторыхъ неподвижныхъ центровъ, и что если у индивидуумовъ являются довольно значительныя уклоненія отъ нормъ, то обыкновенно въ слѣдующихъ поколѣннхъ эти уклоненія исчезаютъ. Они видѣли, что всякій животный и растительный организмъ обязанъ своими свойствами закону наследственности, и что этотъ законъ непреоборимъ и не можетъ быть побѣжденъ природою и внѣшними условіями. Они особенно удобно могли прѣвѣрить это на человѣческомъ родѣ. Если человѣческій родъ произошелъ отъ общихъ родоначальниковъ, то, значить, особенности, отличающія расы одна отъ другой, были произведены различіемъ географическихъ и климатическихъ условій, въ которыхъ жили эти расы. Но многовѣковый опытъ показывалъ людямъ восемнадцатаго вѣка, что эти особенности не имѣютъ вліянія на образованіе расъ. Евреи, въ теченіе столѣтій, разсѣянные по земному шару, являлись предъ ними сохранившими свои типическія особенности. Португальцы и Испанцы, уже три столѣтія поселившіеся въ южной Америкѣ, оказывалось, сохранили свои первоначальныя физическія, умственные и нравственныя особенности. Голландскіе боэры на мысѣ Доброй Надежды и потомки древнихъ Голландскихъ поселенцевъ на Молуккскихъ островахъ не утратили ни чертъ лицъ, ни цвѣта кожи германскаго племени. Этнографическія изслѣдованія показывали, что часто представители различныхъ расъ живутъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, изслѣдованія историческія убѣждали, что и въ прошедшемъ всегда существовали тѣ расы, которыя оказывались существующими въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Этотъ рядъ фактовъ, склоняющій къ отрицанію возможности происхожденія отъ одного корня еврея и араба, тѣмъ самымъ дѣлалъ совершенно нелѣпою мыслью о происхожденіи человѣка отъ чимпанзе.

Между тѣмъ эти факты и ихъ значеніе никѣмъ не оспаривались. Пріемлющіе Библейское ученіе о происхожденіи человѣчества, не отрицая этихъ фактовъ, склонялись къ мысли о чудесномъ происхожденіи расъ послѣ потопа и именно во время столпотворенія вавилонскаго, они пыта-

лись даже находить въ Библии основанія для своего взгляда. Не трудно видѣть, что разсуждающіе такимъ образомъ — вѣрны или не вѣрны были ихъ предположенія — не вступали во вражду съ логикой, чего нельзя сказать о сторонникахъ теоріи происхожденія человѣка отъ животныхъ. На самомъ дѣлѣ полигенизмъ, т. е. ученіе о многихъ первоначальныхъ родоначальникахъ человѣчества, исходилъ у нихъ изъ такихъ противорѣчивыхъ началъ, что приходится удивляться, какимъ образомъ, его держались лица, прославившіяся въ исторіи силою своей мысли. Сущность полигенизма заключалась въѣдъ въ томъ: различіе между человѣческими расами столь велико, что обязываетъ отрицать родство между ними и обязываетъ признать, что у различныхъ расъ были различные родоначальники. Эти родоначальники произошли отъ обезьянъ (или отъ другихъ животныхъ), отличіе которыхъ отъ людей еще болѣе велико, чѣмъ различіе людей между собою, и потому родство ихъ съ людьми можетъ еще меньше быть допущено, чѣмъ родство различныхъ человѣческихъ племенъ между собою. Не смущаясь столь явною несообразностію своихъ разсужденій, полигенисты однако сдѣлали изъ нихъ два вывода великой важности. Первый противъ христіанской религіи: человѣкъ произошелъ не такъ, какъ учитъ христіанская религія, слѣдовательно, ученіе этой религіи ложно, и она не есть религія Богооткровенная. Второй противъ того нравственнаго правила, формулированнаго тоже христіанскою религіею, которое обязываетъ насъ смотрѣть на всѣхъ людей, какъ на ближнихъ, и обращаться со всѣми, какъ съ братьями. Съ точки зрѣнія полигенизма негры столь же мало родственны бѣлымъ, какъ и собаки, и потому бѣлые могутъ обращаться съ ними, какъ съ собаками. Этотъ выводъ особенно понравился работорговцамъ и рабовладѣльцамъ всѣхъ странъ и постоянно выставлялся ими, какъ вполне оправдывающій всѣ возможныя жестокости по отношенію къ рабамъ.

Эти странныя разсужденія съ ихъ безнравственными выводами не исчезли и въ девятнадцатомъ вѣкѣ, напротивъ, какъ увидимъ ниже, они даже получили болѣе развитіе, но уже съ самаго начала девятнадцатаго вѣка въ рѣшеніи

вопроса о происхожденіи челоуѣка начинается выступать иное направление, которое во вторую половину вѣка и получаетъ господство, и широкое распространеніе.

Въ 1802 году французскій зоологъ Ламаркъ издалъ сочиненіе: *Recherches sur l'organisation des corps vivants et particulièrement sur son origine, sur les causes de ses développemens et des progrès de sa composition etc.* Paris. Въ этомъ сочиненіи онъ высказалъ взглядъ, что животныя виды произошли другъ отъ друга; подробнѣе этотъ взглядъ онъ развилъ въ сочиненіи *Philosophie Zoologique*, вышедшемъ въ 1809 г. Въ этихъ сочиненіяхъ Ламаркъ установилъ прежде всего тезисъ о безграничной измѣнчивости организмовъ. Прежде думали, что органическія формы въ природѣ постоянны и неизмѣнны, что колебанія въ нихъ возможны лишь въ весьма незначительной степени, и что эти колебанія совершаются около неподвижныхъ центровъ. Ламаркъ высказалъ, что за неподвижность въ природѣ принимали медленное движеніе, что подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій съ одной стороны и употребленія и неупотребленія органовъ съ другой организмы могутъ измѣняться до безконечности. Огромныя преобразованія, которымъ съ теченіемъ времени подвергалась вся поверхность земного шара, должны были измѣнять всѣ потребности животныхъ, а слѣдовательно, и всю ихъ дѣятельность, измѣнялись привычки, и вмѣстѣ съ ними употребленіе однихъ органовъ увеличивалось, а другихъ уменьшалось. Такимъ путемъ въ строеніи организмовъ раздѣлялись различнаго рода измѣненія, передававшіяся по наслѣдству потомкамъ и въ этихъ послѣднихъ подъ дальнѣйшимъ дѣйствіемъ тѣхъ же причинъ укруплявшіяся и увеличивавшіяся. Постепенно развивались новыя формы, которыя, расселяясь по всѣмъ частямъ земной поверхности, попадали въ самыя различныя жизненныя условія; это вносило дальнѣйшее разнообразіе въ ихъ строеніе и въ концѣ концовъ привело къ тому огромному множеству видовъ, которое мы наблюдаемъ на землѣ въ настоящее время. Согласно съ этой теоріей Ламаркъ, наприм., объяснял происхожденіе плавательной перепонки употребленіемъ конечностей для движенія въ водѣ, гдѣ животному приходится

искать себѣ пищу. Постепенное развитіе способности летать онъ старался объяснить такъ, что тѣ начальныя формы крыла, которыя мы имѣемъ въ расширеніи кожи у различныхъ млекопитающихъ (*Petaurus*, *Pteropus*, *Galeorhynchus*) и которыя поддерживаютъ животное во время большихъ прыжковъ, впоследствии путемъ продолжительнаго употребленія и развитія привели къ порханію и летанію летучей мыши. Удлиненные языки у птицъ и млекопитающихъ, принужденныхъ добывать себѣ пищу изъ глубокихъ щелей или изъ цвѣточныхъ бокальчиковъ, или же изъ земляныхъ кучъ, онъ объяснялъ усиленнымъ употребленіемъ этого органа, и наоборотъ редукцію глаза у крота и пещерныхъ животныхъ, потерю конечностей у змѣй и пресмыкающихся, или зубовъ въ челюстяхъ кита и многихъ *Edentata* онъ принималъ за слѣдствіе неупотребленія.

Съ точки зрѣнія Ламарка животныя виды наиболѣе сходныя между собою или произошли отъ общихъ предковъ или одинъ отъ другого. Развивая эту теорію происхожденія животныхъ, Ламаркъ, конечно, не могъ забыть о человѣкѣ — млекопитающемъ животномъ съ зоологической точки зрѣнія — и, дѣйствительно, въ опредѣленныхъ выраженіяхъ, не допускающихъ никакого сомнѣнія, онъ выразилъ свой взглядъ по этому вопросу. Онъ высказалъ, что съ точки зрѣнія его теоріи слѣдовало бы признать, что человѣкъ произошелъ отъ чимпанзе, „если бы мы не знали, добавилъ онъ, что происхожденіе его было иное“. Это краткое положеніе Ламарка должно было многихъ навести на серьезныя размышленія. Ламаркъ былъ христіаниномъ (что теперь отрицаетъ Геккель съ недобросовѣстностью, свойственною этому нѣмецкому ученому), и вопросъ о происхожденіи человѣка для него не существовалъ, ибо онъ зналъ его рѣшеніе. Но въ началѣ девятнадцатаго вѣка было много ученыхъ и мало вѣрившихъ или совсѣмъ не вѣрившихъ въ Библию. Необходимымъ постулатомъ ученыхъ послѣдней категоріи было то, что человѣкъ произошелъ естественнымъ образомъ. Но какъ? Этого они не знали съ увѣренностію. Въ ряду различныхъ предположеній мысль объ обезьянѣ стала выдвигаться у нихъ замѣтно впередъ. Ламаркъ въ ученіи о безпредѣльной измѣн-

чивости организмовъ далъ сильное подкрѣпленіе этой мысли. Она получила большую степень вѣроятія, ее легко можно было развивать и варіировать, убѣдительныя возраженія противъ нея выставить было не легко. Разъ допускалось, что въ органическомъ мірѣ существуетъ безпредѣльная измѣнчивость, и что обезьяна могла произойти отъ какого-нибудь кретинообразнаго демура, то легко уже можно было допустить, что и человѣкъ произошелъ отъ умной и человѣкообразной гориллы.

Вслѣдъ за Ламаркомъ въ защиту безпредѣльной измѣнчивости въ органическомъ мірѣ выступилъ Жоффруа Сентъ Илеръ. Онъ не придавалъ столько значенія упражненію организмовъ въ дѣлѣ измѣнчивости, сколько придавалъ имъ Ламаркъ, но главнымъ образомъ поставлялъ измѣнчивость въ зависимость отъ внѣшнихъ условій. Такъ, онъ, наприм., представлялъ себѣ, что вслѣдствіе увеличенія въ атмосферѣ содержанія кислорода кровь высшихъ позвоночныхъ приобрѣла болѣе высокую температуру, а чешуйки преобладающихъ превратились въ перья.

Наконецъ, Вольфгангъ Гете далъ философскую подкладку возникшей теоріи измѣнчивости. Умъ этого нѣмецкаго гения; неудержимо стремившійся къ монизму, сводившій къ единству все, представлялъ многообразіе дѣйствительности, какъ возникшее изъ первоначальнаго единства и неудержимо преобразующееся и прогрессирующее.

Послѣ этого мысль о животномъ происхожденіи человѣка не исчезала. Мыслители, не принимавшіе религіознаго ученія, принимали теорію животнаго происхожденія, какъ неизбѣжный постулатъ, притомъ еще постулатъ, имѣющій много за себя и ничего противъ. Однако во всю первую половину вѣка эта теорія не получила широкаго распространенія, и лицъ, державшихся ея, можно было считать лишь единицами. Для этого были особыя причины. Подъ вліяніемъ авторитета Кювье въ это время въ геологіи крѣпко утвердилось ученіе о міровыхъ катастрофахъ, много разъ измѣнявшихъ лицо земного шара, и было твердо установлено поколебленное-было Ламаркомъ ученіе о постоянствѣ органическихъ формъ. Эти два ученія были связаны между собою. Ими утверждалось,

что каждой геологической эпохѣ были присущи особая флора и фауна, и что затѣмъ мировая катастрофа уничтожила таковыя флору и фауну и полагала конецъ геологической эпохѣ. Личо земли измѣнялось, и на ней возникали новыя фауна и флора. Кювье, впрочемъ, допустилъ, что нѣкоторыя органическія формы сохранялись во время геологическихъ переворотовъ и переходили изъ одной эпохи въ другую, но онѣ сохранялись по его мнѣнію неизмѣнными и не подвергались и не могли подвергаться эволюціи. Это ученіе дѣлало весьма удобной классификацію геологическихъ отложений и эпохъ по находимымъ въ отложенияхъ, останкамъ растительной и животной жизни. Разъ каждой эпохѣ были присущи особыя формы жизни, то, опредѣливъ въ одномъ мѣстѣ послѣдовательность эпохъ, мы затѣмъ въ другомъ мѣстѣ, найдя тѣ или другіе останки, прямо рѣшаемъ вопросъ: съ какою изъ эпохъ первого мѣста синхронистична геологическая эпоха этого второго мѣста, эпоха, въ теченіе которой жили найденные организмы. Однако время распалось геологическую теорію Кювье — теорію мировыхъ катастрофъ и на ея мѣсто начала становиться теорія, развитая Ляйлемъ, медленнаго и постепеннаго измѣненія земной поверхности подъ вліяніемъ тѣхъ условій, которыя совершаютъ это измѣненіе и понынѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ отходила въ область исторіи геологическая теорія Кювье, возбуждала къ себѣ все болѣе и болѣе сомнѣній и теорія постоянства органическихъ формъ, и вотъ, въ 1859 г. вышла знаменитая книга Дарвина *On the origine of species by means of natural selection*. London, въ которой утверждалась и доказывалась безграничная измѣнчивость организмовъ, перечислялись факторы, производящіе эту измѣнчивость, указывалось направленіе, въ которомъ должна была совершаться эта измѣнчивость. Всѣ эти соображенія приводились лишь по отношенію къ животному и растительному міру, но было высказано, что они имѣютъ всю силу и по отношенію къ человѣку.

Съ выхода въ свѣтъ книги Дарвина „О происхожденіи видовъ“ ученіе о происхожденіи животныхъ и растений однихъ видовъ отъ другихъ получило широкое распростра-

неніе, сдѣлалось достояніемъ не ученыхъ только, но и общества. Особенное же распространіе получило приложеніе этой теоріи къ человѣку. Согласно теоріи человѣкъ долженъ былъ произойти отъ обезьяноподобнаго предка. Очень многіе натуралисты взяли на себя трудъ подробнѣйшимъ образомъ раскрыть это положеніе предъ обществомъ. Назовемъ наиболѣе выдающихся изъ этихъ натуралистовъ. Въ Англіи: самъ творецъ эволюціонной теоріи — Дарвинъ, затѣмъ Гексли, Лаббокъ, Тайлоръ, Ляйэлъ и Уоллэсъ (два послѣдніе съ нѣкоторыми ограниченіями), въ Германіи: Геккель, Фогтъ, Снель, во Франціи: Мортилье, Брока, Карпальякъ, Ноденъ, Говелахъ, Заборовскій, Тоцинаръ и др. Теорія животнаго происхожденія человѣка получила такую широкую извѣстность, какой доселѣ не имѣла ни одна изъ философскихъ или научныхъ доктринъ. Трудно найти мало мальски грамотнаго человѣка, который бы не слыхалъ о Дарвинѣ и его обезьянѣ. Число послѣдователей этой теоріи также громадно. Не говоря о большинствѣ натуралистовъ, ее приняли многіе ученые и другихъ специальностей и вообще многіе, образованные и полуобразованные люди. Число ихъ должно быть считаемо десятками тысячъ.

Съ возникновеніемъ эволюціонной теоріи и съ появленіемъ опытовъ приложенія ея къ человѣку получился ясный отвѣтъ на то: на основаніи какихъ данныхъ должно рѣшать вопросъ о происхожденіи человѣка, какимъ методомъ должно его рѣшать и какое значеніе должно имѣть его рѣшеніе?

Если человѣкъ произошелъ отъ животныхъ предковъ путемъ медленнаго преобразованія животнаго въ человѣка, то, очевидно, нѣкогда должны были существовать промежуточные звенья между животнымъ и человѣкомъ—существа, которыя бы путемъ незамѣтныхъ переходовъ вели насъ отъ гориллы къ негру. Слѣдовъ существованія такихъ организмовъ и должно искать въ геологическомъ прошедшемъ. Съ другой стороны, если человѣкъ произошелъ отъ животнаго, то въ немъ самомъ, въ его организмѣ должны быть какіе-нибудь слѣды, указывающіе на его происхожденіе, поэтому признали полезнымъ поискать и въ современныхъ людяхъ

слѣдовъ ихъ животнаго происхожденія—слѣдовъ частію постоянныхъ, частію случайныхъ, появляющихся время отъ времени. Затѣмъ должно выяснить: во 1-хъ) почему физическая организація животнаго превратилась въ человѣческую, и во 2-хъ) почему у животнаго явились психическія способности человѣка? Трудность этого втораго вопроса ясна съ перваго взгляда. Превращеніе физической организаціи животнаго въ человѣческую—хотя на самомъ дѣлѣ оно можетъ быть и невозможно—уму человѣческому не представляется явленіемъ неудобопонятнымъ, ибо здѣсь дѣло идетъ объ измѣненіи одной формы въ другую, о преобразованіи, а не о новообразованіи, слѣдовательно, дѣло идетъ о явленіи аналогичномъ преобразованію свѣта въ теплоту, звука въ электричество и т. д., явленіи предполагающемъ объясненіе возможнымъ. Но говорить по отношенію къ духовнымъ способностямъ человѣка, что онѣ сѣтъ только преобразование духовныхъ способностей животныхъ, представляется рискованнымъ: способность рѣчи, чувство правды, религіозная вѣра неужели это только преобразованныя ослиное ржаніе, страхъ конки, снявпней сливки, и виляніе хвостомъ собаки предъ хозяиномъ? Простому здравому смыслу это положеніе представляется нелѣпымъ. А между тѣмъ ученый, принимающій теорію животнаго происхожденія человѣка, обязанъ доказать это. Объясняя физическія свойства человѣка происхожденіемъ его отъ животныхъ типовъ, эволюціонистъ обязанъ изъ этого же происхожденія объяснить и его духовныя свойства, изъ этого же начала онъ долженъ вывести идеи истины, добра и красоты, происхожденіе религіи и права. Вопросы зоологическаго характера отодвигаются назадъ предъ этими вопросами не только по своей легкости, но и по своей неважности. Между тѣмъ вопросы, выступающіе впередъ, по своему характеру таковы, что они не могутъ быть рѣшаемы учеными одной спеціальности, въ обсужденіи ихъ должны принять участіе ученые весьма многихъ спеціальностей. Мюнхенскій ботаникъ Негели выразилъ сильное неудовольствіе на то, что въ спорѣ о происхожденіи видовъ принимаютъ участіе „философы, богословы и литераторы всѣхъ сортовъ“. Пытаться

обсуждать вопросъ о происхожденіи растительныхъ и животныхъ видовъ со стороны писателей всѣхъ сортовъ, конечно, рискованно, но обсуждать вопросъ о происхожденіи чело­вѣка, имѣеть право и даже обязанъ и богословъ и философъ.

Православно-христіанскій богословъ прежде всего обязанъ отвергнуть теорію животнаго происхожденія чело­вѣка, какъ прямо противорѣчащую основнымъ истинамъ исповѣдуемой имъ религіи. По ученію св. Православной Церкви, все существовавшее и существующее чело­вѣчество произошло отъ одной четы, созданной непосредственно Богомъ. Перво­зла­дан­ная чета была вызвана къ бытію, чтобы „познавать Бога, прославлять Его и уразъ то вѣчно блаженствовать“, но она не устояла въ добрѣ, подпала грѣху, а вслѣдствіе этого проклятію и смерти, при чемъ грѣхъ, проклятіе и смерть должны были стать удѣломъ и всего послѣдующаго чело­вѣчества. Однако, уже немедленно послѣ паденія первыхъ людей, при самомъ обреченіи чело­вѣчества на страданія, было даровано людямъ обѣтованіе, искупленія и спасенія въ сѣмени жены. Это сѣмя жены Христосъ, Сынъ Божій, средоточіе всемірной исторіи. Онъ искупилъ своими страданіями и смертію грѣхъ чело­вѣчества и создалъ Церковь, предлагающую спасеніе всѣмъ ищущимъ спасенія. Св. Церковь въ своемъ ученіи тѣснѣйшимъ образомъ соединяетъ эти три догмата; творенія, паденія и искупленія чело­вѣка, объясняя ими весь смыслъ и всю сущность исторіи чело­вѣчества. Догматъ о твореніи чело­вѣка является здѣсь первымъ и начальнымъ, открывая чело­вѣку его происхожденіе, уста­навливая предъ Богомъ равенство и братство всѣхъ людей, объясняя причину хорошихъ и высокихъ свойствъ въ чело­вѣкѣ (источникъ темныхъ свойствъ указывается въ фактѣ паденія); отвергнуть этотъ догматъ, очевидно, возможно лишь въ томъ случаѣ, если отвергнуть и два другихъ, какъ имъ обусловленные, т. е. въ томъ случаѣ, если отверг­нуть все догматическое ученіе христіанства. Но для при­знанія этого ученія истиннымъ каждый православно-христіанскій богословъ имѣеть многія и непререкаемыя основанія. Всѣ эти основанія истинности христіанской вѣры являются

вмѣстѣ съ тѣми основаніями для полнѣйшаго отрицанія доктрины эволюціонной!

Но и независимо отъ истинъ вѣроученія богословъ, просто какъ специалистъ исторіи религіи, можетъ показать, что факты этой исторіи не согласуются съ теоріей животнаго происхожденія человѣка, ибо, если бы теорія была справедлива, то неизбежно должно бы было признать, что ходъ религіознаго развитія былъ такой-то и такой-то, а на самомъ дѣлѣ онъ оказывается инымъ. Равнымъ образомъ философъ можетъ показать, что развитіе мышленія въ человѣчествѣ шло такимъ-то и такимъ-то путемъ, и затѣмъ сравнить, какимъ должна представлять движеніе мышленія теорія животнаго происхожденія человѣка, и выяснивъ, что второе не согласуется съ первымъ, отвергнуть теорію. Далѣе лингвистъ точно также долженъ принять участіе въ спорѣ о происхожденіи человѣка; ибо вопросъ о происхожденіи человѣка есть вопросъ о происхожденіи существа говорящаго, есть, следовательно, и вопросъ о происхожденіи языка и его развитіи. Для психолога вопросъ о происхожденіи человѣка есть вопросъ о происхожденіи объекта его изслѣдованій: психологъ изслѣдуетъ умъ, волю и чувство человѣка, но какъ возникли и образовались эти умъ, воля и чувство? Вопросъ о происхожденіи и будущности права можетъ быть рѣшаемъ юристомъ лишь въ связи съ вопросомъ о происхожденіи человѣка. Историкъ индустріальной культуры равно какъ и историкъ вообще, необходимо связываютъ зарожденіе предметовъ ихъ изслѣдованія съ появленіемъ человѣка! Вообще вопросъ о происхожденіи человѣка—разсматривая этотъ вопросъ только съ научной точки зрѣнія—важенъ для ученыхъ весьма многихъ специальностей, неваженъ лишь для тѣхъ, кто съ самаго начала взялся за его рѣшеніе, неваженъ для натуралистовъ: зоологъ, минералогъ и ботаникъ, астрономъ, физикъ и химикъ. Не измѣнять ни одной строчки въ своихъ трудахъ, перестануть ли они вѣрить въ Адама и представлять, что человѣкъ произошелъ отъ четвероногихъ, или, наоборотъ, примутъ весьма сердцемъ истинны Библіи.

Но если еще можно найти науки, для которыхъ вопросъ

« происхожденіи чловѣка не имѣть важности, то нельзя найти чловѣка, для котораго то или иное рѣшеніе этого вопроса не имѣло бы самаго глубокаго и жизненнаго значенія. Вопросъ о происхожденіи вещи тѣсно сливается съ вопросомъ о ея свойствахъ и ея назначеніи. Если Богъ сотворилъ чловѣка, одаривъ его свободною и бессмертною душою, то чловѣкъ имѣеть высшее назначеніе и обязанъ стремиться къ выполненію этого назначенія. Если чловѣкъ произошелъ отъ скотовъ, то немѣнно онъ не имѣеть ни бессмертнаго духа, ни свободной воли: какъ умираютъ скоты, такъ умираетъ и онъ. Весь смыслъ его бытія исчерпывается, какъ и все его бытіе ограничивается лишь земнымъ существованіемъ, и поэтому наиболѣе благоразумно съ его стороны будетъ заботиться лишь о томъ, чтобы провести эту жизнь какъ можно притѣе. „Да адимъ и піемъ, утрѣ бо умремъ“, вотъ что должно быть девизомъ чловѣчества. Св. ап. Павелъ давно показалъ, что этотъ призывъ есть неизбѣжный логическій выводъ изъ материалистической философіи (1 Кор. 15). А между тѣмъ теорія животнаго происхожденія чловѣка съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все болѣе распространеніе и все болѣе число послѣдователей.»

«Какъ долженъ смотрѣть на это торжество доктрины, могущей лишь деморализировать, а никакъ не поднять нравственно общество, вѣрующій христіанинъ? Онъ знаетъ, что наше происхожденіе было иное, и не то, какое приписывается намъ новой теоріей; но онъ видитъ, что другіе болѣе охотно склоняются на сторону новой теоріи, чѣмъ Библия. Безъ сомнѣнія, это должно вызывать скорбь, но не должно быть отчаянія. „Совѣду Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ей“, сказалъ Христосъ. Эти слова Божественнаго основателя Церкви христіанской побуждаютъ, не смущаясь, смотрѣть на блужданіе умовъ въ современномъ мрѣ. Теорія эволюціи падетъ, какъ пало ученіе Гегеля, какъ пали на пространны въковы и многія иныя ученія. Все это пройдетъ, и восторжествуетъ святая истина, и торжество ея, какъ вообще торжество всякой правды послѣ испытанія, будетъ болѣе понятнымъ и болѣе совершеннымъ.»

Наша христіанская вѣра, даетъ намъ непоколебимое убѣжденіе, что теорія эволюціи преидеть, какъ тѣнь, въ исторію человѣчества, разсмотрѣніе тѣхъ выводовъ, которые слѣдуютъ изъ этой теоріи, заставляетъ насъ надѣяться, что скоро само общество возмутится и откажется отъ нея, изученіе открытій, сдѣланныхъ въ наукѣ въ послѣдніе годы, приводитъ къ заключенію, что и въ самой наукѣ уже настаетъ время, когда можно подвести итогъ имѣющемуся матеріалу для сужденія о происхожденіи человѣка, и когда всякій добросовѣстный ученый долженъ признаться, какъ Катрфажъ, что вопросъ о происхожденіи человѣка (краеугольный камень теоріи эволюціи, какъ цѣльнаго философскаго міросозерцанія) есть вопросъ неразрѣшимый при настоящемъ состояніи знанія, что мысль объ обезьянѣ должна быть оставлена, а ученый вѣрующій долженъ прибавить, что рѣшеніе этого вопроса находится только въ Библии.

Надѣясь, что въ будущемъ теорія животнаго происхожденія человѣка падетъ, мы, однако, думаемъ, что за нею нельзя будетъ признать одного лишь вреднаго значенія. Нѣтъ. Не говоря уже о томъ, что въ наукѣ она возбудила живой и горячій интересъ къ изслѣдованіямъ и дала толчекъ къ открытію многихъ новыхъ данныхъ о прошлыхъ и первыхъ судьбахъ человѣчества, она должна была принести прямую пользу и для богослововъ, ибо во 1) богословамъ она послужила стимуломъ, побуждающимъ къ новымъ изслѣдованіямъ въ области Библии по вопросу о начальной судьбѣ человѣчества, во 2) богословы получили въ новыхъ данныхъ и открытіяхъ антропологии новый матеріалъ, помогающій уразумѣнію первыхъ главъ кн. Бытія, говорящихъ, но говорящихъ весьма кратко о первыхъ судьбахъ человѣчества.

Попытку промзвести такого рода сильное изслѣдованіе библейскаго ученія о происхожденіи и первыхъ судьбахъ человѣчества представляетъ и настоящій трудъ. Задача предлагаемаго изслѣдованія состоитъ во 1) въ томъ, чтобы показать, что библейское ученіе о происхожденіи человѣчества съ своей философской стороны есть единственное, которое можетъ уснокснить духъ человѣка и сдѣлать для него дѣйствительность разумною и отрадною, во 2) въ томъ, чтобы

показать, что въ своихъ историческихъ, географическихъ, хронологическихъ и вообще научныхъ указаніяхъ о первыхъ судьбахъ человѣка Библія не стоитъ ни въ какомъ противорѣчій съ научными открытіями, что, напротивъ, она подтверждается ими и разъясняетъ ихъ, ибо даетъ возможность соединить и обобщить разрозненные факты и затѣмъ уже воспользоваться ими для дальнѣйшаго уразумѣнія священнаго текста. Въ сочиненіи связываются два предмета: 1) происхожденіе человѣка и 2) его первобытное состояніе. Основанія для этого слѣдующія.

Въ теоріи животнаго происхожденія человѣка вопросъ о происхожденіи человѣка сливается самымъ тѣснымъ образомъ съ вопросомъ о непосредственно предшествующей этому событію судьбѣ его предковъ и затѣмъ о судьбѣ его потомковъ. Собственно говоря, съ точки зрѣнія этой теоріи даже нельзя указать момента появленія человѣка на землѣ; ибо измѣненіе животнаго въ человѣка происходило такъ медленно и незамѣтно, что различіе между двумя смежными поколѣніями организмовъ всегда было весьма ничтожно. Поэтому можно лишь говорить о цѣлой геологической эпохѣ, въ началѣ которой на землѣ существовалъ извѣстный видъ животныхъ, а въ концѣ вѣтвь потомства этихъ животныхъ оказалась родомъ Номо. Все равно какъ въ солнечномъ спектрѣ нельзя указать и провести демаркаціонной линіи на границѣ, отдѣляющей одинъ цвѣтъ отъ другого, положимъ, красный отъ оранжеваго; но можно лишь видѣть постепенный переходъ перваго во второй, такъ въ геологическомъ прошѣдшемъ нельзя указать животныхъ родителей, дѣти которыхъ были бы людьми, но можно лишь видѣть медленное поднятіе животнаго до человѣка. Такъ учитъ теорія. Далѣе она отмѣчаетъ, что, и ставши вполне человѣкомъ по своему внѣшнему облику, нашъ проблематическій предокъ по своимъ духовнымъ дарованіямъ могъ еще далеко отстоять отъ человѣка: онъ могъ не имѣть дара слова, не имѣть религіи, не знать употребленія огня, орудій и т. д. Очевидно, для того, чтобы вполне выяснитъ себѣ происхожденіе человѣка, мы не должны ограничиваться моментомъ появленія существа съ видомъ человѣка, но должны прослѣдить, какъ это

существо стало вполне человекомъ, т.-е. приобрѣло всѣ тѣ признаки и свойства, которыми мы отличаемъ теперь человека отъ животнаго. Такимъ образомъ вопросъ о происхожденіи человека долженъ необходима сливаться съ вопросомъ о первыхъ судьбахъ человечества. У теоріи животнаго происхожденія человека есть еще одно побужденіе, заставляющее необходимо сливать эти вопросы. Аргументація, приводимая въ защиту теоріи, главнымъ образомъ черпается изъ тѣхъ данныхъ, какія имѣются о первобытномъ человечествѣ. Аргументація теоріи такова. Исторія показываетъ намъ, что въ общемъ человечество двигалось отъ состоянія нецивилизованнаго къ состоянію культурному, и дѣль далѣе мы будемъ отступать въ глубь исторіи, тѣмъ менѣе мы будемъ находить на землѣ слѣдовъ культуры. Данныя доисторическаго періода показываютъ, что до начала исторіи человекъ былъ еще болѣе дикимъ, чѣмъ какія-либо изъ дикихъ историческихъ племенъ, и что, двигаясь далѣе въ глубь прошедшаго, мы доходимъ до того, что встрѣчаемъ человека и съ низшею организаціею и повидимому довольствующагося лишь тѣмъ, чѣмъ довольствуются и животныя, встрѣчаемъ человека безъ человѣческихъ потребностей. Далѣе эти данныя исчезаютъ у насъ, цѣль, которая вела насъ досель, обрывается, но мы, руководясь аналогіею, очевидно, должны предположить, что тамъ въ томъ мракѣ, до котораго мы дошли, скрывается существо еще нижее, чѣмъ человекъ, котораго мы только что встрѣтили, что это существо уже не человекъ, а антропонпикъ, человекъ-обезьяна, человекъ-животное. Двигаясь теперь уже не по почвѣ фактовъ, а лишь увлекаемые аналогіею, мы легко можемъ нарисовать воображеніемъ, что еще далѣе мы должны встрѣтить какъ человѣческаго предка просто на просто животное.

Понятно, что такая аргументація обязываетъ насъ изслѣдовать: дѣйствительно ли данныя о первомъ періодѣ существованія человека на землѣ ведутъ къ тому роковому выводу, который дѣлаетъ изъ него теорія? Съ другой стороны у насъ имѣются богословскія основанія, чтобы вопросъ о происхожденіи человѣческаго рода соединять съ исторіею или,

говоря, конечно, первоисторией человечества. Вопрос о происхождении человека заключаетъ въ себѣ вопросъ о происхождении такого человека или такихъ людей, отъ которыхъ естественнымъ путемъ могли бы произойти люди, подобные намъ. Но Библия, повѣствуя о сотвореніи первыхъ людей, не только не рѣшаетъ вопроса о происхожденіи людей послѣдующаго времени, напротивъ, высказываетъ затрудненія для пониманія этого происхожденія. Сначала, было все добро зѣло, говоритъ намъ Библия, первоизданная чета была создана невинною и безгрѣшной, откуда же явились виновные и грѣшныя люди? Мы узнаемъ это, когда прочитаемъ въ Библии повѣствованіе о дальнейшей жизни первоизданныхъ людей; такимъ образомъ намъ для пониманія происхожденія современнаго человечества необходимо ознакомиться съ съ библейской первоисторіей человечества. Кроме того намъ должно ознакомиться съ этой исторіей для того, чтобы уразумѣть, какъ Библия представляетъ ходъ развитія человечества, для того, чтобы выдѣлать себѣ вопросы о происхожденіи племенъ, о древности четвервѣческаго рода, для выясненія вопроса о томъ, какимъ образомъ отъ людей, жизнь которыхъ простиралась почти до 1000 лѣтъ, произошло современное человечество, представители котораго рѣдко доживаютъ до 70 лѣтъ. Для изслѣдованія всѣхъ этихъ вопросовъ мы должны прослѣдить по Библии судьбы человечества отъ появленія рода четвервѣческаго до того времени, когда жизнь человечества приняла тѣ формы и тотъ видъ, которые подобны существующимъ нынѣ и которые намъ извѣстны. Это тѣ формы, которыя мы находимъ въ государствахъ и о которыхъ говоритъ намъ исторія. Съ начала государствъ и съ началомъ ихъ исторіи жизнь человечества имѣла ту же продолжительность, расы существовали тѣ же самыя, что и нынѣ, главнѣйшее раздѣленіе языковъ (на три группы) было то же самое, измѣненія съ этого времени имѣли лишь второстепенный характеръ. Знаменательно, что и Библия доводитъ исторію человечества лишь до этого времени и затѣмъ, оставляя человечество, излагаетъ лишь судьбы церкви ветхозавѣтной.

Вотъ тѣ основанія, по которымъ мы соединяемъ вопросъ

о происхождении человека и его непосредственно последующей судьбѣ вплоть до возникновения государства на землѣ или, по Библии, по вавилонское столпотвореніе. Этотъ долгій и богатый событиями періодъ въ жизни человечества мы называемъ первобытнымъ состояніемъ, слѣдуя тому пониманію, по которому подъ первобытнымъ состояніемъ разумѣется догосударственное состояніе расы или племени. Нашъ трудъ распадается на двѣ части, первая изъ которыхъ, въ свою очередь, распадается на два отдѣла. Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ мы, руководствуясь прежде всего и главнымъ образомъ ученіемъ Св. Иераславной церкви и толкованіями Св. отцовъ и затѣмъ современными научными данными, стараемся по возможности выяснить библейское ученіе о происхожденіи и первоособытій рода человеческого. Во второмъ отдѣлѣ мы излагаемъ эволюціонное ученіе о происхожденіи и первыхъ судьбахъ человечества, указываемъ основанія, которыя эволюціонисты приводятъ въ опору этого ученія и тѣ главнѣйшія развѣтвленія, которыя получило это ученіе въ настоящее дни. Вторая часть посвящена у насъ критическому изслѣдованію тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ судятъ о происхожденіи и далекомъ прошломъ человека. Въ этой части раскрывается та мысль, что всѣ эти данныя опровергаютъ доктрину естественнаго происхожденія человека и, будучи непонятными и неясными безъ того свѣта, который даетъ Библия, при ея свѣтѣ, оказываются, подтверждаютъ Божественное Откровеніе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Библейское учение и эволюционная гипотеза
о происхождении и первоосостоянии человечества.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

БИБЛЕЙСКОЕ УЧЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Учение Библии о сотвореніи человѣка. Четыре различныхъ способа пониманія библейскаго повѣствованія о твореніи человѣка: (1) что оно богодухновенно только съ догматической стороны, (2) что оно представляетъ аллегорію, (3) антропологическое пониманіе и (4) православное). Старая и новая теорія преадамитовъ. Библейское повѣствованіе о сотвореніи человѣка. Образъ и подобіе Божіе въ первоизданныхъ людяхъ. Приближеніе нѣкоторыхъ языческихъ писателей къ правильному взгляду на человѣка. Физическая организація первоизданнаго человѣка и его духовная природа.

Если мы прочтемъ въ Библии только повѣствованіе о созданіи человѣка, мужа и жены, то существованіе современнаго человечества и его настоящая жизнь станутъ для насъ еще болѣе загадочною, чѣмъ была прежде этого чтенія. Мы прочтемъ, вѣдь только, что человѣкъ былъ созданъ безбодѣзненнымъ, чуждымъ грѣха и порока, и что ему предназначалась блаженная жизнь. Откуда же та масса горя, бѣдствій, страданій, которую мы наблюдаемъ въ настоящее время, откуда двойственность въ самой природѣ человѣка, откуда произошло то, что изъ сердца человѣка исходятъ помысленія злыя, прелюбоудѣянія, татьбы? Человѣкъ, вѣдь, существо, двойственное. Уже внѣшній обликъ его часто носитъ на себѣ вмѣстѣ съ красотой и величіемъ

отпечатокъ чего то низшаго, животнаго, чувственнаго, и самыя черты лица его часто бываютъ неправильны и непривлекательны; но еще болѣе эта двойственность открывается въ его духѣ; его духъ стремится къ добру и къ злу, и изъ борьбы между этими двумя противоположными стремлениями слагается почти вся жизнь людей, искренно стремящихся стать лучшими. Откуда же вышло это существо? Нашъ разумъ говоритъ намъ; если бы Богъ создалъ человѣка, то онъ создалъ бы его прекраснымъ и чуждымъ всему дурному и злему; если же духъ есть произведение темнаго начала, то ему нужно бы было носить въ своей душѣ только сѣмена злости; однако нѣтъ ни того, ни другаго. И добро и зло доступны человѣку: онъ любитъ добро и подчиняется злу, его разумъ стремится къ добродѣтели, его сердце часто отдается пороку. Миѣ о Геркулесѣ, встрѣтившемъ на своемъ жизненномъ пути богатую порочность и бѣдную добродѣтель и остановившемся въ раздумьѣ, за кѣмъ ему послѣдовать, находитъ постоянное подтвержденіе въ жизни человечества. Созерцая эту странную двойственность, не естественнѣе ли и не разумнѣе ли придти къ заключенію, что не добру и не злу человѣкъ обязанъ своимъ происхожденіемъ, а равнодушной природѣ, чуждой нравственныхъ дѣлей и не трогающейся ни счастьемъ, ни страданіемъ своихъ созданий? Нашъ разумъ однако опять возстаетъ противъ этого: онъ требуетъ разумности и дѣлесообразности бытія и не можетъ видѣть въ существующемъ только бессмысленный механический процессъ, не имѣющій ни конца, ни цѣли, хотя, съ другой стороны, онъ видитъ въ жизни человѣческой явленія, смыслъ которыхъ темнѣе и доброе значеніе недопустимо. Какъ объяснить намъ человѣка? Первоначальный Адамъ не объясняетъ его. Для объясненія намъ должно продолжить чтеніе библейскаго текста. Оказывается, что колыбель современнаго человечества нужно искать не въ Едемѣ, а внѣ его. Первоначальный человѣкъ былъ надѣленъ многими прекрасными дарами и между ними свободой, которую человѣкъ долженъ бы былъ принести въ жертву Богу (въ чемъ и получилъ бы высшее счастье), но человѣкъ произвольно далъ свою свободу другое

направленіе и нарушилъ волю Божию. Это нарушеніе имѣло своимъ послѣдствіемъ изгнаніе его изъ рая и сдѣлалось источникомъ для него всевозможныхъ бѣдствій, нравственныхъ и физическихъ страданій. Отъ этого то человѣка или отъ этой то пары людей, выгнанной изъ Эдема для страданія, произошло человѣчество, а не отъ тѣхъ первозданныхъ чистыхъ людей, которые вошли въ Эдемъ для блаженства. Для пониманія происхожденія человѣчества пужно читать не только о происхожденіи человѣка, но и исторію его паденія, пужно читать три первыхъ главы книги Бытія.

У христіанскихъ писателей, признающихъ богодухновенность Библии, можно отмѣтить существованіе 4-хъ различныхъ взглядовъ на библейское повѣствованіе, изложенное въ этихъ трехъ главахъ. Изложимъ эти взгляды.

1) Нѣкоторыми писателями, принадлежащими къ католической церкви, главнымъ образомъ Ленорманомъ, въ послѣднее время было высказано мнѣніе, что авторы богодухновенныхъ книгъ получили откровеніе только относительно догматическихъ истинъ, но что, употребляя ту или другую форму для выраженія ихъ и присоединя къ нимъ историческія, географическія и иного рода сообщенія, они стояли на уровнѣ людей своего времени и раздѣляли всѣ заблужденія своего времени. Разсматривая съ этой точки зрѣнія повѣствованіе Библии о твореніи и паденіи человѣка, Ленорманъ приходитъ къ заключенію, что библейскія сказанія составлены авторомъ на основаніи языческихъ сказаній объ этомъ предметѣ, что богодухновенный авторъ, очистивъ послѣднія отъ политеистической окраски, воспользовался ими для возвышенія человѣчеству слѣдующихъ религіозныхъ истинъ: 1) непосредственнаго созданія людей Богомъ, 2) первоначальнаго безгрѣшнаго состоянія человѣческой расы, и 3) ея нравственнаго паденія вслѣдствіе злоупотребленія свободою волею. Наша святая православная церковь не допускаетъ такого толкованія Библии. Не трудно видѣть, что оно и дѣйствительно ведетъ ко многимъ затрудненіямъ и представляетъ собою въ сущности неудачный компромиссъ между вѣрою и невѣріемъ. Ленорманъ ¹⁾

1) L'Histoire ancienne de l'orient 1881.

вѣрить христіанскимъ догматамъ, возвыщеннымъ Моисеемъ, но не вѣрить исторіи, написанной тѣмъ же авторомъ. Но гдѣ въ повѣствованіи о твореніи человѣка кончается исторія? Какъ долженъ писатель, смотрящій на богодухновенность Библии глазами Ленормана, отнестись хотя бы къ новѣйшимъ ученымъ о происхожденіи человѣка? Ленорманъ нѣсколько разъ на страницахъ своей книги отказывается отъ солидарности съ Геккелемъ и Дарвиномъ въ вопросѣ о происхожденіи человѣка, но какъ же произошелъ человекъ, почему, не зная, какъ онъ произошелъ, онъ такъ настойчиво во имя религіи утверждаетъ, что онъ произошелъ не такъ, какъ думаетъ Геккель? Отчего не допустить съ точки зрѣнія Ленормана, что человѣкъ произошелъ такъ, или приблизительно такъ, какъ представляетъ Уоллэсъ, что Богъ преобразовалъ обезьяну или другое какое либо животное и превратилъ въ человѣка, вложивъ въ него бессмертную душу и разумъ. Уоллэсъ смотритъ на происхожденіе человѣка приблизительно такимъ образомъ. При такомъ взглядѣ человѣкъ остается созданнымъ по образу и подобию Божію, а вмѣстѣ съ тѣмъ по образу и подобию обезьяны. Въ сочиненіяхъ, написанныхъ подъ вліяніемъ взгляда Ленормана на богодухновенность Библии, мы дѣйствительно видимъ, что авторы очень близко подходятъ къ теоріямъ, которыя непосредственному чувству вѣрующаго представляются совершенно враждебными Христіанству. Они тщательно изгоняютъ чудо изъ исторіи, потому что чудо не относится къ догматамъ, и по ихъ мнѣнію въ повѣствованіяхъ о чудесахъ богодухновенные авторы платили дань своему суевѣрному времени. Мы не знаемъ, какъ писатели, такъ рассуждающіе, относятся къ новозавѣтной исторіи, къ повѣствованію (историческому) о Боговоплощеніи и чудесахъ Господа. Ихъ точка зрѣнія легко можетъ повести здѣсь къ отрицанію всего христіанства. Они могутъ указать для себя появу въ ученіи церкви, въ тѣхъ догматахъ, которые она утвердила, но вѣдь въ ряду этихъ догматовъ нужно собственно поставить ученіе о богодухновенности Писанія, каковую богодухновенность католическая церковь, принадлежащими къ которой они счита-

ють себя, понимала всегда не такъ, какъ понимаютъ они.

2) Въ изложенномъ нами взглядѣ заключается, между прочимъ, та мысль, что форма библейскаго повѣствованія есть только оболочка для заключающихся въ ней божественныхъ догматическихъ истинъ, она представляетъ только метафоры, аллегорію. Ленорманъ прямо употребляетъ это слово. Онъ беретъ его въ данномъ случаѣ у богослововъ, державшихся совершенно иного взгляда, чѣмъ онъ, на богодухновенность библейскаго повѣствованія, но державшихся все-таки взглядовъ, отъ которыхъ издавна обыкновенно отказывались и отказываются православные изслѣдователи. Это тотъ взглядъ, что первыя три главы только аллегорическое повѣствованіе о чемъ то такомъ, что собственно совершенно не соответствуетъ описываемому. Такіе взгляды въ глубокой древности развивала александрійская школа. Въ наиболѣе рѣзкой формѣ мы находимъ выраженными ихъ у Оригена. Онъ признаетъ предсуществованіе душъ чelовѣческихъ и домірное ихъ паденіе. Этотъ видимый міръ возникъ тогда, когда невидимый утратилъ свою первоначальную чистоту, падшія души были введены въ этотъ міръ и вступили въ мучительный союзъ съ матеріею. Если прибавить къ этому, что Оригенъ признавалъ бессмертную душу у животныхъ, то для желающихъ является полная возможность примирять ученіе христіанское съ теоріею эволюціи. Человѣкъ, по Оригену, могъ произойти и отъ обезьяны, онъ могъ сначала быть дикимъ, не знающимъ религіи и морали, малоспособнымъ, ибо онъ уже раньше утратилъ чистоту не здѣсь на землѣ, а на небѣ. У св. Григорія Нисскаго, хотя въ весьма сдержанной формѣ мы находимъ, однако, въ нѣкоторыхъ пунктахъ приближеніе къ этому ученію Оригена. Св. Григорій въ трехъ первыхъ главахъ Библии видѣлъ аллегорію. Онъ приводилъ и доказательства своего взгляда. Напримѣръ, во 2 гл. 9 ст. Бытія говорится, указывалъ онъ, что посреди рая находилось древо познанія добра и зла, но въ одномъ и томъ же центрѣ не можетъ помѣщаться двухъ предметовъ, слѣдовательно, это должно понимать иносказательно. Взглядъ на возможность аллегорическаго пониманія первыхъ трехъ главъ не

исчезъ совсѣмъ и въ послѣдующее, и даже въ наше время. Но признавая то, что многіе державшіеся его были глубоко благочестивыми христіанами и замѣчательными мыслителями своего времени; должно утверждать, что этотъ взглядъ совершенно несогласимъ съ духомъ Библии. Прежде всего онъ разрѣшаетъ въ ничто библейское повѣствованіе: 1—3 главы—аллегорія. Какъ понимать аллегорію? Можно, конечно, тысячами различными способами; но гдѣ критерій, что избранный нами способъ будетъ наилучшій? Въ сущности должно принять, что при такихъ условіяхъ Человѣчеству не суждено уразумѣть первыхъ главъ Бытія, если не будетъ дано свыше новаго откровенія. У насъ исчезаетъ откровеніе о прошедшемъ. Затѣмъ этотъ взглядъ стоитъ въ противорѣчій съ взглядомъ богодухновеннаго, автора, смотрѣвшаго на свою книгу, какъ на исторію, а не какъ на аллегорію. Въ послѣдней части своей книги Моисей говоритъ о событіяхъ, отстоявшихъ недалеко отъ того времени, въ которое онъ жилъ, о событіяхъ чисто историческаго характера; но эти событія у него непрерывною нитью связаны со всѣмъ предшествовавшимъ; что же ужели онъ къ историческому заключенію присоединилъ неисторическое начало? Далѣе у Моисея приводятся многія генеалогическія таблицы, по этимъ таблицамъ многихъ лицъ можно провести отъ Моисея до Адама. Какой же былъ бы смыслъ ихъ, и какъ ихъ можно бы было выдумать Моисею и за чѣмъ, еслибы бнѣ по его предположенію не соответствовали дѣйствительности? Наконецъ, самый тонъ повѣствованія, частіи ссылки на твореніе чловѣка, какъ на фактъ, все это ясно и несомнѣнно показываетъ, что Моисей въ повѣствованіи 1, 2 и 5 главъ своей книги видѣлъ исторію, а не аллегорію. Такъ смотрѣли на повѣствованіе о сотвореніи и на первоисторію чловѣчества и послѣдующіе бѣщенные писатели. Мы встрѣчаемъ опять упоминаніе Адама, какъ прародителя всего чловѣчества (1 Паралип. 1, 1); въ Евангеліи св. Луки родословіе Господа возводится къ Адаму. Вообще въ Библии можно указать много, очень много мѣстъ, гдѣ о первоначальныхъ событіяхъ, описываемыхъ въ Библии

говорится, какъ о событіяхъ историческихъ²⁾. Взглядъ аллегорическій опровергается известнѣйшими открытіями въ Сиріи, Палестинѣ, Египтѣ и вообще у народовъ восточныхъ, каковыя открытія показали, что и у другихъ народовъ кромѣ евреевъ сохранились сказанія о первобытныхъ временахъ весьма сходныя въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ еврейскими. Мы приведемъ многія изъ этихъ сказаній въ послѣдствіи. Они несомнѣнно указываютъ на историческую первооснову событіи, о которыхъ говорятъ. Все это принуждаетъ совершенно отвергнуть ученіе объ аллегорическомъ характерѣ библейской первоисторіи человечества.

3) Совершенно противоположнымъ изложенному является взглядъ, требующій исключительно буквальнаго пониманія библейскаго повѣствованія. Этимъ взглядомъ предполагается, что богодухновенный авторъ излагалъ откровенныя истины языкомъ точнымъ, и что онъ не допускалъ ниоказаній и образовъ въ своемъ повѣствованіи. Такой взглядъ, какъ и предыдущіе, нельзя признать правильнымъ. Имъ вносится слишкомъ грубый антропоморфизмъ, имъ вызываются многія иныя затрудненія. Мы видѣли выше, какъ образенъ языкъ бытописателя при описаніи имъ сотворенія челоѵка, знаемъ, что Слова Божіе назначаются не однимъ ученымъ XIX или XVIII вѣка, а во спасеніе всѣмъ вѣрующимъ всѣхъ вѣковъ, наконецъ цѣль написанія священныя книги есть исключительно цѣль религіозная—благо церкви, поэтому, говоря обо всемъ только истину, богодухновенный авторъ вовсе не долженъ былъ замыкать своей рѣчи въ сухія логическія формулы или превращать свою книгу въ учебникъ астрономіи или антропологии. Предметъ изслѣдуемаго нами повѣствованія самъ по себѣ таковъ, что о немъ невозможно говорить точно и безъ образовъ. Вотъ какъ рассуждаетъ объ этомъ св. Златоустъ, обличая склоняющихся къ антропоморфизму въ слѣдствіе увлеченія буквою: „Если они говорятъ оныя изъ за того, что писаніе говоритъ „вдуху въ лице его“ — захотятъ приписать Богу уста,

2) См. догматики: митр. Макарія (т. 2 стр. 105—190), епископа Славостра (т. 3 стр. 184—254), архіепископа Филарета (стр. 183—188, изд. 3-е).

въ такомъ случаѣ надобно будетъ дать ему и руки, ибо сказано: „сотвори (тѣло)сѣ) человѣка“. Не послѣдуемъ указанію Божественнаго Писанія, которое само себя поясняетъ, если только мы не останавливаемся грубостью (плухотти) выраженій, во имѣемъ въ виду, что причину такой грубоести наша немощь. Ибо иначе, т. е. безъ такого приспособленія словъ человѣческому слуху невозможно было бы и принять ихъ. Итакъ, помышляя и о немощи нашей, и о томъ, что слова (Писанія) относятся къ Богу, будемъ принимать эти слова такъ какъ прилично принимать ихъ о Богѣ, не низводя Божество до тѣлеснаго образа и сложности членовъ; но мысля о всемъ богодухновенно, Божество просто, не сложно, не имѣетъ вида (внѣшняго асхрѣатистов); поэтому если мы вознамѣримся Богу усвоить и совокупность членовъ, то незамѣтно впадемъ въ языческое нечестіе. Итакъ, когда услышимъ, что писаніе говоритъ: „сотвори Богъ человѣка“ понимай эти слова въ томъ же смыслѣ, какъ и въ выраженіи: да будетъ; также когда услышимъ, что Богъ „вдуу въ лице его дыханіе жизни“ разумѣй, что Онъ, какъ произвелъ безтѣлесныя силы, такъ благоволилъ, чтобы и тѣло человѣка, созданное изъ персти, имѣло разумную душу, которая могла бы пользоваться тѣлесными членами. Это тѣло, бывъ создано по повелѣнію Божию, лежало, какъ орудіе, которое нуждается въ движителѣ; или, лучше сказать, какъ лира, нуждающаяся въ томъ, кто при помощи своего искусства и ума умѣлъ бы своими членами, какъ бы струнами, возносить къ Господу приличную пѣнь. „Вдуу, говорятъ, въ лице его дыханіе жизни, и бысть человѣкъ въ душу живу“, что это вдуу (дыханіе жизни)? Восхотѣлъ, т. е. повелѣлъ, чтобы это созданное тѣло, имѣющее жизненную силу, которая у этого животнаго бысть въ душу живу, т. е. дѣйствующую и могущую высказывать свое искусство посредствомъ движенія членовъ³⁾).

4) Разсмотрѣніе третьяго взгляда само по себѣ подсказываетъ намъ, какой долженъ быть истинный взглядъ на образъ повѣствованія бытописателя. Бытописатель излагаетъ исто-

³⁾ Телъ. на Быт. стр. 203—205.

рлю человечества, въ которой въ данномъ случаѣ нѣтъ мѣста аллегоріямъ, но бытописатель излагаетъ ее языкомъ не научнымъ, а общо-доступнымъ (не для однихъ мудрыхъ, но для мудрыхъ и простыхъ вкушѣ⁴⁾). Если мы приедемъ во внимание время, въ которое и для котораго писалъ богодухновенный авторъ, и особенно предметъ, о которомъ онъ писалъ, то мы необходимо должны признать, что здѣсь необходимы образы и неизбежны неточныя выраженія. Въ общемъ такой взглядъ на образъ повѣствованія бытописателя даетъ намъ руководство для уразумѣнія Писанія, но въ частныхъ случаяхъ весьма трудно различить, образъ-ли представляетъ добрую извѣстную выраженіе Моисея или описаніе дѣйствительности. Укажемъ примѣръ, гдѣ особенно возникаетъ это затрудненіе. Мы провели сейчасъ объясненіе Златоуста на повѣствованіе о твореніи. Св. Отецъ представляетъ, что собственно созданіе челоуѣка совершилось тѣмъ-же творчествомъ „да будетъ“, какимъ была вызвана изъ небытія вся вселенная. Онъ видитъ въ этомъ твореніи два момента: 1) Богъ повелѣлъ землѣ образовать тѣло, 2) Богъ повелѣніемъ создалъ душу для этого тѣла. Процессъ образованія Господомъ тѣла и вложенія въ него души, описанной Моисеемъ, является только образомъ, метафорой. Но при толкованіи повѣствованія Моисея о созданіи жены св. Златоустъ понимаетъ слова Моисея буквально⁵⁾ хотя событіе, описываемое тамъ и по своимъ свойствамъ и по тому, какъ оно представлено богодухновеннымъ авторомъ, является сходнымъ. Это показываетъ намъ, какъ трудно понимать смыслъ Писанія. Безъ сомнѣнія одними своими силами нельзя выяснить его, но установивъ теперь общую точку зрѣнія на повѣствованіе Моисея, мы будемъ пытаться уяснить его, руководясь прежде всего толкованіемъ Св. Отцовъ.

О твореніи челоуѣка повѣствуется три раза. Это обстоятельство еще въ глубокой древности вызвало вопросъ, разсказывается-ли во всѣхъ этихъ трехъ повѣствованіяхъ объ

⁴⁾ Филар. записки на кв. Бытія стр. 7.

⁵⁾ Сравн. стр. 235--839.

одномъ событіи, или по различнымъ обстоятельствамъ, своимъ источникомъ отчасти въ исторіи тѣхъ Библиейской части, или, по крайней мѣрѣ, въ некоторыхъ научныхъ положеніяхъ. Недоумѣвая, откуда должны были взятъ женовъ сыновья Адама, Каинъ могъ населить построенный имъ городъ, встрѣчаясь къ нему онъ могъ бояться оного, да и прибѣгалъ къ теоріи преадамитовъ, говорили, что въ 1-й и 2-й главахъ говорится объ иномъ созданіи людей, гдѣ въ первой и что во второй (содѣвствующая только о обладаніи родоначальника еврейскаго рода, и. т. д.)⁶⁾ Но все это разсужденія разбивались новыми изрѣченіями Свя. Писанія, доказывавшими, что Адамъ былъ первымъ человѣкомъ на землѣ, что не было до него никого, кто бы воздѣлывалъ землю (2, 5), что никто не имѣлъ себе помощника по себѣ, и предложіемъ къ Адаму, словъ дьявола, данныхъ въ повѣствованіи о сотвореніи свѣдѣній главахъ. Въ Новомъ Заветѣ, словами Самого Спасителя, ясно показывалось, что въ 1-й и 2-й главахъ, говорится о божіемъ твореніи (Мат. 19, 4—5). Наконецъ догматы о необходимости искупленія не могъ бы распространяться на все человечество, если бы не все человечество несло тяготы Адамова проклятія, но апостоль Павелъ, возвыщая о согрѣшеніи всѣхъ людей въ Адамъ, каинскихъ родоначальникъ, о возстановленіи всѣхъ во Христѣ. Съ другой стороны, ста побуждавшія склоняться къ теоріи преадамитовъ, на самомъ дѣлѣ оказывались весьма легко разрѣшающимися безъ этой теоріи. Сыновья Адама должны были жениться на его дочеряхъ, Каинъ могъ бояться своихъ братьевъ (хотя бы и будущихъ), городъ Каина былъ конечно огороженнымъ мѣстомъ для защиты отъ нападенія звѣрей или людей и долженъ былъ быть населенъ дѣтьми Каина. Запрещеніе жениться на сестрахъ, должно было явиться поздно, быстрое же умноженіе потомства при Адамѣ не представляетъ ничего удивительнаго, она объясняется здоровьемъ первыхъ людей, и отсутствіемъ тѣхъ обстоятельствъ, кото-

⁶⁾ Теорія преадамитовъ держались Парацельсъ, Бруно. Подробно ее развилъ Ла Пейеръ въ 1655. см. Катрафажъ, Естество: исторія человѣка стр. 102—105.

рыя въ настоящее время удосить (въ могилу) многихъ еще не вкусившихъ сладости бытія. Другое побужденіе, которое склоняло многихъ, еще недавно къ теоріи предамитовъ, крылось въ различіи существующихъ расъ между собою, главнымъ образомъ въ морфологическомъ различіи. Теорія постоянства видовъ господствовала въ наукѣ до Дарвина, находила невозможнымъ, чтобы негры и европейцы могли произойти отъ однихъ родоначальниковъ или однихъ отъ другихъ. Но эта теорія пала въ наукѣ. Несомнѣнный фактъ, что виды могутъ варіировать и различныя разновидности могутъ далеко расходиться между собою, опровергли ее по крайней мѣрѣ въ приложеніи къ человѣку. Да въ разсужденіи о человѣкѣ она отличалась всегда крайнею несостоятельностью. Какъ произошли тѣ люди — всѣ ли это народы или нѣкоторые племена, для которыхъ Адамъ не является родоначальникомъ? Теорія постоянства видовъ признавала, что такихъ людей создала природа, или изъ моря или еще откуда; но вѣдь, гораздо легче было бы природѣ изъ бѣлаго человѣка создать чернаго, чѣмъ создать человѣка изъ ила или заставить его, какъ Венеру, выйти изъ морской пѣны.

Однако въ последнее время мысль о существованіи людей помимо племени Адамова и до Адама возникла вновь, но уже по новымъ побужденіямъ и на новыхъ основаніяхъ. Потребность въ ней была признана нѣкоторыми учеными католиками, когда нѣкоторые антропологи и особенно аббатъ Буржуа и аббатъ Делона, въ концѣ 60-хъ годовъ начали утверждать, что они открыли слѣды третичнаго человѣка въ Европѣ. Этотъ отдаленнѣйшій отъ насъ разумный обитатель земли никакимъ образомъ не могъ произойти отъ Адама, если даже и признать, что въ Библии совсѣмъ нѣтъ хронологіи, потому что п. тогда въ Библии останется географія (показывающая, что во время созданія человѣка земля, гдѣ жилъ первозданный человѣкъ, имѣла уже почти такой же видъ и климатъ, какъ и нынѣ) и еще рядъ нѣкоторыхъ указаній, не позволяющихъ возводить древность человѣка въ Европѣ и Азіи за предѣлы четвертичнаго періода. Одинъ, кажется, только Pesnel попытался согласить утвержденія

Буржуа не только съ Библиею, но даже съ хронологіею еврейскаго текста и Вульгаты, но его способъ примиренія имѣеть своимъ источникомъ, кажется, незнакомство съ тѣмъ, что онъ защищаетъ ⁷⁾).

Открытія Буржуа и Делона породили двѣ теоріи: 1) между эволюціонистами теорію предшественника или предшественниковъ человѣка, 2) между нѣкоторыми католиками теорію преадамитовъ. Первымъ, развившимъ теорію преадамитовъ явился, кажется, аб. Фабръ д'Анвье, затѣмъ въ 1873 году Р. П. Фарложеръ, развившій ее по мнѣнію многихъ весьма научно и основательно ⁸⁾. Сущность новой теоріи заключается въ слѣдующемъ. До Адама существовало племя, или вѣрнѣе даже много племенъ человѣческихъ. Они жили, развивались и исчезли раньше сотворенія Адама, такимъ образомъ къ намъ потомкамъ послѣдняго они не имѣють никакого отношенія. Произшли они по мнѣнію защитниковъ теоріи путемъ эволюціоннымъ, это обязываетъ поставить ихъ, хотя и существъ разумныхъ, на одну доску съ животными. Можетъ быть эти преадамиты, по новой теоріи, обладая словомъ (?) и разсудкомъ, не обладали тѣмъ, что въ сущности отличаетъ человѣка отъ животныхъ — религіозностію, нравственностію, истиннымъ разумомъ, высшими стремленіями, можетъ быть, по мнѣнію нашихъ преадамитовъ, они были подобны практическимъ и эгоистическимъ атеистамъ нашихъ дней. Въ такомъ случаѣ одинаковая участь ихъ со скотами не представляетъ ничего удивительнаго. Съ другой стороны, допуская эту теорію, новые сторонники преадамизма повидимому сохраняють всѣ догматы христіанской церкви. Предшественники Адама, по Фарложеру и другимъ, не имѣли отношенія къ потомкамъ Адама. Христіанскіе догматы о твореніи, паденіи и искупленіи человѣка при такой теоріи остаются во всей своей непри-

7) См. la Science contemporaine et le dogme de la création. 1879 18 leçon особенно pp. 336—341.

8) Къ сожалѣнію мы не имѣли подъ руками примыхъ статей защитниковъ теоріи преадамизма и излагали теорію ихъ на основаніи отрывочныхъ замѣчаній о ихъ взглядахъ, замѣчаній, разбросанныхъ въ Rev. de Quest. Scient. и въ книгѣ Lenormant'a, „L'Histoire ancienne de l'orient“.

косновенности. Древніе сторонники преадамизма стояли въ противорѣчіи и съ христіанской догматикой и съ христіанской нравственностью. Они отрицали провозглашаемое церковью единство рода человѣческаго и утвержденную христіанствомъ и удержанную и не пріемлющими христіанства мыслителями идею о равноправности и братствѣ всѣхъ человѣческихъ племенъ. Защитники преадамизма прежнихъ временъ съ покойною совѣстью покупали и продавали негровъ, избивали краснокоржихъ и австралійцевъ и считали себя послѣдователями ученія о любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ. Новая теорія преадамизма явно не идетъ ни противъ догматики ни противъ нравственности. Поэтому если она не нашла себѣ послѣдователей, то по крайней мѣрѣ многіе изъ христіанъ западнаго міра относились къ ней какъ къ гипотезѣ, совершенно допустимой съ церковной точки зрѣнія и имѣющей быть провѣренной палеонтологическими изысканіями. Такъ взглянули на нее самъ аб. Буржуа, защищавшій ревностнѣе всѣхъ ученыхъ существованіе третичнаго челоука. Жанъ д'Отмонъ, Ленорманъ (р. 129), послѣдній вѣроятно увлекаемый Мортилье, склоненъ видѣть въ преадамитахъ не людей, а предшественниковъ людей, т.-е. потомковъ обезьяны — нѣчто среднее между людьми и обезьянами, употреблявшими орудія и пользовавшимися огнемъ. Не трудно однако видѣть, что эта теорія въ скрытомъ состояніи враждебна христіанству, какъ и преадамитизмъ Ла-Пейера. Она стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ духомъ христіанскаго ученія и съ буквою книги Бытія. Сторонники преадамизма полагаютъ, что преадамиты произошли путемъ эволюціи отъ высшихъ животныхъ типовъ — короче — отъ обезьяны, что участь преадамитовъ, какъ и участь скотовъ одна и таже. Но изыятіе мыслящихъ существъ Богомъ изъ его промыслительнаго вѣдѣнія и даже ихъ безслѣдное уничтоженіе являются не совмѣстными съ христіанскимъ понятіемъ о всеблагомъ и премудромъ Богѣ. Зачѣмъ было зажигать разумъ въ этихъ существахъ, чтобы они употребляли его только на служеніе евоному эгоизму т.е. сознавъ свою проходимость, тлѣнность и конечность, должны-бы были создать догматы свирѣпой и безпощадной борьбы за существованіе.

Зачѣмъ нужно было губить милліоны этихъ существъ и создавать одну пару, которая вскорѣ-же, вѣдь, оказалась не лучше этихъ милліоновъ. Ленорманъ готовъ видѣть въ преадамитахъ неудачные опыты Бога создать человѣка. Это уже болѣе, чѣмъ странно. Будучи не согласна съ духомъ христіанскаго ученія, эта теорія стоитъ въ противорѣчій съ буквою книги Бытія. Богодуховенный авторъ книги Бытія утверждаетъ, что все создано для человѣка, и что человѣкъ созданъ особеннымъ образомъ съ особенными преимуществами. Эти слова Писанія несомнѣстимы съ новою теоріею. Точно также стоитъ съ нею въ противорѣчій заявленіе Библии, что до Адама не было человѣка, который-бы могъ обдѣлывать землю, отрицающее существованіе разумныхъ организмовъ до Адама.

Преадамисты заявляютъ, что ихъ преадамизмъ не осужденъ церковью (западною), но что изъ того? Изобрѣтательность человѣческаго ума, вѣдь, не исчерпалась въ теченіе ХІХ столѣтій и можно придумать еще много новыхъ еретическихъ ученій, которыя не были осуждены церковію. Мысль о человѣкѣ полускотѣ, умѣвшемъ употреблять огонь и каменныя орудія и незнавшемъ Бога и не имѣвшемъ участія въ бессмертіи, прѣтивна христіанскому чувству. Если преадамисты скажутъ, что тѣ до Адамовы люди были тоже созданы непосредственно Богомъ, и ихъ пребываніе здѣсь на землѣ имѣло лишь воспитательное значеніе, для приготовленія ихъ къ жизни на небѣ, то такое утвержденіе кромѣ того, что стоитъ въ противорѣчій съ буквою Писанія, будетъ стоять въ противорѣчій и съ тѣми данными, изъ которыхъ она исходитъ. Если вѣрить открытіямъ Буржуа, Делонэ и др., то должно признать, что они свидѣтельствуютъ о существованіи на землѣ какого-то существа, стоявшаго крайне низко въ духовномъ отношеніи, жившаго почти жизнію скота, а такая жизнь, какъ и жизнь современныхъ грубыхъ дивярей, ниспадшихъ почти до скотства, не можетъ являться воспитательнымъ средствомъ для приготовленія къ небу. Теорія преадамизма новаго и теорія преадамизма стараго равно не состоятельны, онѣ принадлежатъ къ числу тѣхъ неудачныхъ компромиссовъ между вѣрою и научными изы-

сканіями, которыя Гартманъ, хотя и сурово, но можетъ быть не совсѣмъ незаслуженно назвалъ „еерситовскими“.

Обратимся теперь къ самому изслѣдованію повѣствованія о твореніи. Изъ трехъ повѣствованій о твореніи человѣка послѣднее (5, 1) не прибавляетъ ничего къ двумъ первымъ; оно введено богодухновеннымъ авторомъ для порядка при изложеніи родословія человѣка, которое онъ долженъ былъ возвестъ къ Богу, но онъ не расширяетъ здѣсь и не дополняетъ того, что имъ было сказано раньше. Поэтому для возможнаго уразумѣнія величайшаго событія исторіи человѣческой можно принять въ руководство только двѣ первыя главы Писанія. Въ 1-й главѣ повѣствуется объ одномъ событіи, предшествовавшемъ созданію человѣка, о таинственномъ Совѣтѣ Божіемъ относительно образа этого созданія. Этотъ Совѣтъ изслѣдователи понимали различно (по Филону, Таргуму Онгелоса и т. д. Богъ совѣщался съ ангелами, по Hitz'у и др. Богъ бесѣдовалъ здѣсь Самъ съ Собою, это образъ самоповелѣнія; множественное число, говорятъ, употреблено по аналогіи съ вождями и владыками, говорящими о себѣ во множественномъ числѣ (Dillm s. 33). Но единственно возможное правильное пониманіе его то, что Богъ здѣсь по мысли богодухновеннаго автора, говоритъ во Св. Троицѣ. Впрочемъ, какое-бы толкованіе ни придавать 26 ст., значеніе указанія на Божественный Совѣтъ останется неизмѣннымъ. Оно говоритъ намъ, что человѣкъ по суду Самого Творца долженъ стоять неизмѣримо выше всѣхъ тварей, ибо всѣ прочія твари создавались однимъ Божественнымъ повелѣніемъ. Въ Божественномъ Совѣтѣ опредѣляется создать человѣка по образу и подобию Божію. Бытописатель, отмѣчая, что человѣкъ выдѣляется изъ ряда всѣхъ существъ; симъ указываетъ, почему онъ выдѣляется. По мнѣнію многихъ толкователей образъ и подобіе употреблены въ данномъ случаѣ, какъ два различныя понятія, обращая вниманіе на то, что при самомъ разсказѣ о твореніи Моисей говоритъ, что Богъ сотворилъ человѣка по образу Божію, но не прибавляетъ и по подобію, полагаютъ, что образъ Божій есть нѣчто природнаго человѣку, а подобіе приобрѣтается имъ путемъ нравственнаго усовершен-

ствования. Но такое искусственное толкование опровергается тѣмъ, что въ 5; 1 ст. говорится, что Богъ сотворилъ человѣка по подобію Своему. По мнѣнію большинства новѣйшихъ толкователей „образъ и подобіе“ оба слова употреблены для обозначенія одной и той-же мысли, и именно для усиленія этой мысли. Сближая указаніе о созданіи человѣка по образу Божию съ повелѣніемъ Божиимъ человѣку обладать всею землею, нѣкоторые ⁹⁾ полагаютъ, что образъ Божій состоитъ въ царственности человѣка, въ царственнѣмъ отношеніи его къ природѣ. Но этотъ взглядъ должно признать ошибочнымъ. Защитники его упускаютъ изъ виду, что человѣкъ созданный по образу Божию, еще не обладалъ тварями, а право на обладаніе дано было ему послѣ, слѣдовательно, въ самомъ понятіи образа Божія въ приложеніи къ человѣку не заключается мысли о царственной власти ¹⁰⁾, но эта власть дается ему за Богоподобіе. Существуетъ много различныхъ пониманій того, въ чемъ заключается образъ Божій ¹¹⁾, но обращая вниманіе на то, что изъ словъ ап. Павла, открывается, что образъ Божій есть нѣчто принадлежавшее собственно первозданному человѣку (см. Колос. 3, 10; Еф. 4, 24; Еф. 1, 3), а въ падшемъ человѣкѣ онъ, слѣдовательно, если и не исчезъ совсѣмъ, то уже затемненъ: кажется наиболѣе правильнымъ въ данномъ случаѣ принять то мнѣніе, что образъ Божій и Богоподобіе состояло въ томъ, что первозданный человѣкъ, будучи свободною и самосознательною личностію, былъ въ то-же время святъ и блаженъ ¹²⁾. Не бесполезно отмѣтить, что къ такому представленію о первозданныхъ людяхъ, которое дается въ книгѣ Бытія, приближались въ своихъ сочиненіяхъ лучшіе мыслители языческой древности. Человѣкъ созданъ по образу Божию, говоритъ намъ Библія. Человѣкъ называется εἰχὼν θεοῦ (по Лукіану imago 28) лучшими философами. По Hermes'у (у Mitz. instit. 2, 10) человѣкъ сотворенъ ad

⁹⁾ Сильвестръ, Догмат. т. 3, стр. 182.

¹⁰⁾ Dillm. S. 35.

¹¹⁾ См. Записки вѣтр. Филарета стр. 33—34.

¹²⁾ См. Кейс'я. Genesis 5, 32

imaginem Dei и по Овидію ¹³⁾ онъ образовалъ in effigiem moderantium cuncta deorum, Цицеронъ ¹⁴⁾ обозначаетъ людей какъ similes deorum и воспоминаетъ (de lege 1, 9, какъ и Ювеналь 15, 142 стр.) о вертикальномъ положеніи тѣла человѣка и о его духѣ. Аратъ (phaenom. 5) называетъ людей Διὸς γένος, каковое названіе ап. Павелъ измѣняетъ въ θεοῦ γένος (Дѣян. 17, 23) и пифагорейцы учили о συγγένειαν ἀνθρώπων πρὸς θεοῦ (Diog. Laërt. 8, 119), но при этомъ разумѣли, какъ и другіе, напр. платоники, душу, какъ истекающую изъ Божества, между тѣмъ, какъ иные вмѣстѣ утверждали το εἶδος αὐτὸ θεῶ ἐσχέμας (Philostr. vit. Ar. 8, 7 и Phocil. carm. называетъ духъ εἶχων θεοῦ ¹⁵⁾).

Подробное описаніе творенія мы находимъ не въ 1-й а во 2-й главѣ. Мы видѣли выше, что бытописатель въ твореніи человѣка различалъ два момента. Теперь, руководясь наставленіемъ Златоуста, что не должно сего понимать чувственно и человѣкообразно, должно признать, что, отмѣчая эти два момента, бытописатель не имѣлъ намѣренія представить, что Богъ свачала образовалъ изъ земли фигуру человѣческаго тѣла, затѣмъ въ эту безжизненную массу вдунул дыханіе жизни, но имѣлъ въ виду указать двѣ стороны въ процессѣ сотворенія человѣка: 1) общую съ животными и 2) особнную. По дѣйствию Божественнаго всемогущества произошелъ человѣкъ изъ земной пыли, и въ тотъ-же самый моментъ, какъ прахъ въ силу творческаго всемогущества сталъ человѣческимъ образомъ, онъ былъ проникнутъ Божественнымъ дыханіемъ и сталъ душою живою, такъ, что нельзя сказать, что тѣло было создано раньше души ¹⁶⁾. Много было споровъ о томъ, изъ чего былъ созданъ человѣкъ. Нѣкоторые даже въ недавнее время—утверждали, что изъ красной глины, ссылаясь на значеніе слова Адамъ (Adam): первоначальное, значеніе котораго въ дѣйствительности достовѣрно неизвѣстно. То обстоятельство, что Adamañ значить земля, не является осно-

¹³⁾ Met. 1, 83.

¹⁴⁾ De natura deorum 1, 32.

¹⁵⁾ Цитаты взяты изъ Genesis von Dillm. S. 37.

¹⁶⁾ Keil S. 45.

ваніємъ для приведеннаго толкованія, напротивъ, другія значенія этого слова сами подсказываютъ, что оно производное отъ Adam, ибо оно еще значило: земледѣльская страна, культивированная, населенная людьми, а это наводитъ на мысль, что Adam значитъ человѣкъ, и послѣднее дѣйствительно подтверждается данными ассиріологіи. Въ самомъ еврейскомъ языкѣ это слово употребляется часто для обозначенія человѣка вообще, человѣка, какъ коллективную единицу или въ неопредѣленномъ смыслѣ. Оказалось, что въ такомъ значеніи весьма часто въ ассирійскомъ языкѣ употребляется *dadmi, dadme* (съ удвоеніемъ перваго корня и подъ формою *admi*)¹⁷⁾. Въ видахъ всего этого вѣроятнымъ, но не несомнѣннымъ должно признать, что Адамъ значитъ человѣкъ. Тѣло его, конечно, было создано изъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ человѣческой организмъ, (*adam* означаетъ между прочимъ земной матеріаль т.-е. совокупность всѣхъ элементовъ земли) но это созданіе есть чудо, тайна, не могущая быть доступною пониманію, она црїемлется только вѣроу.

Для апологетическихъ цѣлей важно здѣсь обратить вниманіе на то, что тѣло человѣка было создано изъ земли. Сопоставляя это съ тѣмъ, что и животныхъ произвела земля, мы видимъ, что Откровеніе утверждаетъ единство тѣлесной организациі человѣческой и животной. Многіе противники христіанскаго ученія потратили много трудовъ и времени на то, чтобы доказать, что человѣкъ по своей тѣлесной организациі есть животное, и думали, что, доказавъ это, они опровергли библейское воззрѣніе на человѣка, но на самомъ дѣлѣ они сказали только то, что извѣстно всѣмъ, и гораздо меньше, чѣмъ сказано въ Библии. Библия утверждаетъ тожество природы тѣла человѣка и животныхъ, но отмѣчая особенное попеченіе Божіе о человѣкѣ и съ его тѣлесной стороны, оно внушаетъ, что тѣло человѣка, хотя и произведено изъ того же матеріала, какъ тѣло животныхъ, должно быть выше, прекраснѣе, совершеннѣе, и мы

---

¹⁷⁾ Vigouroux, Die Bibel und die Neueren Entdeckungen übersetzt von Trisch, S. 204. 1885.

знаемъ, какъ прекрасенъ видъ человѣка и изображенію и описанію красоты его посвящено много великихъ произведеній искусства и много вдохновенныхъ строкъ поэтовъ. Златоустъ много разъ, даже постоянно, называетъ человѣка животнымъ, указывая тѣмъ, что тѣлесная природа человѣка таже какъ и животныхъ¹⁸⁾. У многихъ отцовъ мы встрѣчаемъ разсужденіе о превосходствѣ тѣлесной организаци человѣка предъ животными. Такъ, наприм., разсуждаетъ Григорій Нисскій:¹⁹⁾ „то самое, что изъ живыхъ существъ таковъ (стоящій прямо) одинъ только человѣкъ, у всѣхъ же прочихъ тѣла поникли долу, ясно доказываетъ различіе въ достоинствахъ преклонившихся предъ владычествомъ возвысившейся надъ ними власти. У всѣхъ прочихъ переднія конечности суть ноги, потому что согбенное имѣетъ нужду въ опорѣ, а въ устройствѣ человѣка конечности эти стали руками. Ибо въ потребность прямому стану достаточно было одного основанія, такъ какъ и двумя ногами безопасно онъ опирается во время стоянія“. Указывали назначеніе рукъ, на легкость и силу человѣческаго тѣла. Но обращая вниманія на это разсужденіе, мы видимъ, что святые отцы не различаютъ, однако, животныхъ и человѣка, они утверждали только, что изъ различныхъ тѣлесныхъ организаций организациа человѣка самая приспособленная. Въ 19 вѣкѣ, отрицая духовность природы человѣка, ученые начали разсуждать о приспособленности человѣческаго организма, какъ бы дѣлая какое открытіе, но читая глубоко благочестивыя строки христіанскихъ учителей, мы видимъ, что они давно размышляли объ этой приспособленности и благоговѣнно преклоняясь предъ величіемъ создавшаго ее Творца. Они толкуютъ намъ повѣствованіе о твореніи человѣческаго тѣла въ смыслѣ: „да будетъ“ (Златоустъ 204), но они обращаютъ наше вниманіе на образъ повѣствованія и объясняютъ, что особенныя указанія Моисея говорятъ здѣсь о большемъ превосходствѣ человѣческаго тѣла, и мы знаемъ, что оно прекраснѣе и приспособ-

¹⁸⁾ См. 118, 201, 205 стр. толь. на Быт.

¹⁹⁾ Труды Киев. Дух. Акад. 1881 г. Орнатскій, Сотвореніе человѣка 65—66. Янв.

леннѣ другихъ тѣлъ даже теперь, а какимъ оно было до паденія? Печать смертвенности, вяности, дебелости, безъ сомнѣнія, легла на него уже послѣ преступленія, совершеннаго первымъ человѣкомъ. Нѣкоторые св. отцы (Григорій Нисскій) въ своихъ разсужденіяхъ о тѣлѣ первозданнаго человѣка доходили почти до отрицанія у него тѣла. Уподобляя его ангеламъ, они думали, что тѣло было дано человѣку послѣ паденія, что о тѣлѣ говорится, когда повѣствуется о ризахъ кожаныхъ, которыя Богъ далъ падшему человѣку²⁰⁾. Мы говорили уже о неправильности такого аллегоризма. Тѣлесная природа первозданнаго человѣка была несомнѣнно такою же, какою она является теперь, если только изъ этой теперешней природы вычестъ ея болѣзненность и органически присущую ей наклонность по грѣху. Для сужденія о тѣлесной природѣ первозданнаго человѣка — Адама позволительно, кажется, устремить взоръ на Адама второго, — Христа. Отъ тѣхъ, которые слышали Его своими ушами, видѣли своими глазами и осязали своими руками, мы знаемъ, что природа Господа была такою же, какъ и наша. Скажутъ: Господь страдалъ и умеръ, а первый человѣкъ былъ созданъ безболѣзненнымъ и безсмертнымъ. Но почему думать такъ. Первый человѣкъ былъ созданъ не такимъ, что онъ не могъ умереть, а такимъ, что онъ могъ не умереть (онъ умеръ). Болѣзнь и смерть не должны были коснуться его, не потому что его организмъ не могъ подвергаться дѣйствию стихій, его организмъ, созданный изъ земли, не могъ быть независимымъ отъ ея вліянія, а потому, что ангелы хранили бы его во всѣхъ путяхъ его. Говорятъ, что тѣлесную природу первозданныхъ людей необходимо должно предполагать особенною, ибо въ явленіи Божественнаго смотрѣнія предполагалось, что никто на землѣ не долженъ былъ умирать и постоянно должны были являться новые члены. Слѣдовательно, организація первозданныхъ людей была такою, что ихъ на землѣ могло жить безконечное число, а организмъ современныхъ людей таковъ, что число

---

²⁰⁾ См. св. Григорія Нисскаго «Περὶ κατασκευῆς ἀνθρώπου» *Curs. Complet. Patrolog. seria graeca*. Т. 46, 517—519, col. 525. В.

ихъ на землѣ не можетъ перейти за предѣлы извѣстнаго maximum'a. Но, изъ того, что по божественному плану никто не долженъ былъ умирать, нельзя дѣлать вывода, что всѣ предназначались къ жизни на землѣ. Энохъ и Илія не умерли, однако ихъ нѣтъ на землѣ. Господь Іисусъ Христосъ, мы знаемъ, съ тѣломъ своимъ вознесся на небо. Почему не предположить, что и первозданные люди предназначались лишь къ временному существованію на землѣ, чтобы затѣмъ безъ болѣзни и безъ смерти переходить на небо. Падшему человеку Господь сказалъ: земля еси и въ землю пойдеши, эти слова говорятъ намъ, что тѣло человека всегда было такимъ же землянымъ, какимъ оно является и теперь, но только до паденія оно было особенно охраняемо и предназначалось къ постепенному одухотворенію (чтобы не возвращаться въ землю); а теперь этого нѣтъ болѣе.

Спрашивали, какой способъ размноженія долженъ былъ бы имѣть мѣсто на землѣ, если бы язва грѣха не коснулась человечества. Въ томъ способѣ размноженія, который существуетъ теперь, есть элементъ грѣховной похоти, этотъ элементъ, конечно, не долженъ былъ имѣть мѣста тамъ въ раю, гдѣ все дышало святостію и говорило о Богѣ. Многие отрицали брачную жизнь въ раю. Прежде грѣха, разсуждаетъ Григорій Нисскій, Писаніе не говоритъ ни о рожденіи, ни о болѣзни рожденія ни о желаніи чадородія. Но когда послѣ грѣха изгнаны люди изърая, и жена осуждена въ наказаніе на болѣзни рожденія, тогда Адамъ пристунилъ къ супругѣ своей и позналъ ее брачно, и тогда положено начало чадородію²¹⁾. Св. Златоустъ, толкуя слова: „Адамъ же позна Еву жену свою“, говорить: замѣчай, когда это случилось. Послѣ преслушанія, послѣ изгнанія изърая, вотъ, когда начинается супружеское сожитіе. До преслушанія (первые люди) жили, какъ ангелы и не было между ними супружескаго состоянія. И какъ это могло быть, когда они свободны были отъ тѣлесныхъ потребностей? Такимъ

²¹⁾ Творенія св. Григорія Нисскаго въ русскомъ переводѣ, объ устройствѣ человека. Глава 17, стр. 145.

образомъ въ началѣ жизнь была дѣйственная, когда же по безопасности (первыхъ людей) явилось преслушаніе, и вошелъ (въ міръ) грѣхъ, дѣйство отлетѣло отъ нихъ, такъ какъ они стали недостойными столь великаго блага, а вмѣсто того вступилъ въ силу законъ супружества“. — Въ этомъ толкованіи великаго святителя можно принять лишь одно, что до грѣхопаденія супружеская жизнь, акты зачатія дѣтей не соединялись съ возбужденіемъ той грѣховной похоти, которая имѣетъ мѣсто въ настоящее время, но нельзя принять того, что до грѣхопаденія не было супружества. Благословеніе Божіе о чадородіи было изречено до паденія. Раститесь и множитесь и наполняйте землю, было сказано еще въ раю. Въ прямой связи съ вопросомъ о тѣлесной природѣ первозданнаго человѣка стоитъ вопросъ о пищѣ, которою онъ долженъ былъ питаться. Григорій Нисскій подъ пищею перваго человѣка понимаетъ Слово Божіе (основываясь на Притч. 9, 4; Исх. 25, 6; Ам. 8, 11; Мат. 5, 6; Иоан. 7, 37²²⁾). На основаніи 1, 29 и 9, 3 ст. обыкновенно полагаютъ, что первобытному человечеству было заповѣдано употреблять исключительно растительную пищу; но нѣкоторые оспариваютъ это. Вотъ какъ рассуждаетъ объ этомъ Цокклеръ. Онъ лишаетъ прежде всего силы то толкованіе, которое обыкновенно усваивается указаннымъ текстамъ. 1, 29 ст., по его мнѣнію, имѣетъ своею цѣлю опредѣлить превосходство человѣка предъ животными въ отношеніи къ растительному міру; животнымъ назначается въ пищу зелень травная, человѣку то, что есть лучшаго и высшаго въ растеніяхъ. 9. 3 ст., по мнѣнію Цокклера, не можетъ имѣть усвояемаго ему значенія, такъ какъ тамъ вовсе, какъ видно изъ контекста, не содержится новыхъ обѣтованій, а только подтвержденіе старыхъ. Въ 9 гл. Богъ опять говоритъ людямъ „раститесь и множитесь“, но они и прежде растились и множились, слѣдовательно должно полагать, что и дозволеніе употреблять животную пищу давалось здѣсь не первоначально, а только повторялось.

²²⁾ Ibid. Въ 18 и 19 главахъ „объ устройствѣ человѣка“. См. также его „слово къ скорбящимъ объ умершихъ“, стр. 515.

Мало этого: По мнѣнію Цокклера можно найти много указаній въ Библии на употребленіе мяса первобытнымъ чело- вѣчествомъ, слѣдовательно, на отсутствіе заповѣди, запрещающей это употребленіе. Первые люди носили кожанныя одежды, занимались пастушествомъ, приносили жертвы, вообще убивали животныхъ. Но наприм., животная жертва безъ сопровождающаго ее жертвеннаго пира есть нѣчто неслыханное въ исторіи. Упомянутое о жертвѣ Авеля, состоявшей изъ первородныхъ и изъ тука ихъ, какъ равно указаніе (7,2) на существованіе уже до потопа животныхъ чистыхъ и нечистыхъ предполагаетъ убіеніе и съѣденіе животныхъ, какъ нѣчто постоянное. Затѣмъ въ 1,28 ст. Богомъ дается чело-вѣку право возобладать надъ рыбами морскими, смыслъ этихъ словъ совершенно непонятенъ, если подъ ними не разумѣть дозволенія рыбной ловли и употребленія рыбъ въ пищу, поелику только чрезъ употребленіе въ пищу животные обитатели воды могли быть полезны чело-вѣку. Точно тоже должны сказать о господствѣ чело-вѣка надъ птицами, да наконецъ и вообще надъ животными. А девятая глава, гдѣ обладаніе животными прямо связы-вается съ употребленіемъ ихъ въ пищу, подтверждаетъ это ²³⁾. Что сказать объ этомъ мнѣніи Цокклера? Нельзя согласиться съ нимъ. За 1,29 ст. дѣйствительно нѣтъ основаній признавать такого значенія, что имъ опредѣляются всѣ роды пищи, дозволенные чело-вѣку. Но едва ли можно отрицать то, что въ 9 гл. 3 ст. указывается для чело-вѣка новый родъ пищи, которой чело-вѣкъ не долженъ былъ употреблять раньше. Все, какъ зелень травную, даю вамъ — эти слова естественно наводятъ на мысль, что прежде пищею чело-вѣка служили только растенія. За всѣмъ тѣмъ трудно, правда, настаивать на томъ, что въ библии была выражена положительная заповѣдь объ употребленіи только растительной пищи, но можно показать, что всѣ побочныя указанія, которыя, по Цокклеру, наводятъ на мысль объ употребленіи мяса, не имѣютъ таковаго значенія. Жертвы, понятно, могли

²³⁾ Zöckler Die lehre vom Urstand. d. Menschen 1879 VIII Die langlebigkeit d. Patriarchen, особен. 278—279.

существовать безъ жертвеннаго пира; что изъ того, что такихъ примѣровъ не знаетъ исторія? Различіе между чистыми и нечистыми животными могли образоваться вслѣдствіе требованій, составленныхъ для жертвоприношеній, а не устава о пищѣ. Наконецъ, Цокклеръ недоумѣваетъ, въ чемъ же выражалось бы обладаніе человѣка надъ рыбами и птицами, если бы человѣкъ не ѣлъ ихъ. На самомъ дѣлѣ, владѣй, а не ѣшь. Но самому Цокклеру лучше, чѣмъ многимъ другимъ, извѣстно, что владѣть животными можно иначе: Въ первой главѣ, кромѣ рыбъ и птицъ прибавлено еще (по тексту LXX) „и надъ всею землею“, конечно не за тѣмъ вѣдь, чтобы дать право употреблять землю въ пищу. Человѣкъ созданъ былъ познавать природу и по мѣрѣ расширенія его познаній должно было увеличиваться его и обладаніе. Всего ѣсть нельзя, но все можно изучать и изъ всего можно находить какое-нибудь иное употребленіе помимо употребленія въ пищу. Нельзя, конечно, утверждать рѣшительно, что до потопа люди не ѣли мяса, относительно каинитовъ даже съ весьма большою вѣроятностію можно утверждать противное (ниже мы покажемъ, что нѣкоторые ископаемые человѣческіе останки, найденные въ Европѣ, по всей вѣроятности принадлежатъ допотопнымъ расамъ, но мясо было ихъ главною пищею), объ избранныхъ сивитахъ можно только гадать, но можно настаивать что до паденія человѣкъ не употреблялъ въ пищу животныхъ, онъ не имѣлъ кожанной одежды, не нуждался въ принесеніи кровавыхъ жертвъ (очистительныхъ), не занимался пастушествомъ, хотя бы не находилось для этого непосредственныхъ указаній въ текстѣ. мы должны утверждать это, исходя изъ понятія о чистотѣ первозданной природы человѣка. Трудно представить себѣ райскаго невиннаго человѣка, проливающего кровь. Даже невозможно допустить это. Природа человѣка приспособлена къ смѣшанной пищѣ, но онъ можетъ довольствоваться и одною растительною, примѣры вегетарьянизма не рѣдки и въ наше время, райская же эпоха, согласно воззрѣнію всѣхъ свв. Отцовъ, была временемъ чистаго вегетарьянизма.

Относительно физической природы первозданнаго человѣка

много ставилось и иных вопросов, был ли Адамъ созданъ маленькимъ или прямо большимъ, какъ онъ могъ въ первое время существовать самостоятельно? Можетъ быть въ него при самомъ сотвореніи были заложены инстинкты, обезпечивающіе ему, какъ обезпечиваютъ они теперь многимъ животнымъ существованіе. Многие изъ этихъ инстинктовъ человекъ впоследствии долженъ былъ утратить уже потому, что многие изъ нихъ стали ему ненужными. Можетъ быть было и иначе, и человекъ былъ воспитываемъ высшими силами, съ которыми тогда онъ долженъ былъ пребывать въ тѣснѣйшемъ общеніи. Знать этого мы не можемъ. Величественная картина открытія глазъ первымъ человекомъ сокрыта отъ насъ навсегда.

Обратимся къ разсмотрѣнію духовной природы первозданнаго человека. Именно въ этой сторонѣ, какъ учитъ насъ Писаніе заключается коренное различіе между человекомъ и всѣми остальными существами сего видимаго міра. Животныхъ произвела земля и въ землю они возвратятся, тѣло человека тоже произведено изъ земли и возвратится въ землю, но духъ, говоритъ Екклесіастъ, „возвратится къ Богу, Иже и даде его.“ Усматривай, говоритъ св. Златоустъ, различіе между созданиемъ этого чуднаго разумнаго животнаго и созданиемъ бесловесныхъ. Объ нихъ Богъ говоритъ: „да изведутъ воды роды душе живыхъ“ — и тотчасъ произошли изъ воды одушевленные животные. И со землѣ опять такимъ же образомъ: да произведетъ земля душу живу. Съ человекомъ было иначе, но прежде создается тѣло изъ перси, а потомъ дается ему жизненная сила, которая и составляетъ существо души. Вотъ почему и сказалъ Моисей о бесловесныхъ, что кровь его душа его есть (Лев. 17, II). А въ человекѣ есть безтѣлесная и бессмертная сущность, имѣющая великое преимущество предъ тѣломъ²⁴⁾. Такимъ образомъ только въ безтѣлесной и бессмертной сущности человеческого духа нужно искать отличіе его отъ остальной природы. Человекъ прекрасенъ, но прекрасна и роза и бабочка и догорающая вечерняя зоря,

²⁴⁾ Златоустъ, ор. с. А. 205.

но человѣкъ имѣеть безсмертную душу, его мысль стремится къ небу, и ни кого и ничего онъ не находитъ во кругъ себя, что бы готово было сочувствовать ему и со-
 путствовать по пути усовершенія, по пути восхожденія по лѣстницѣ, ведущей къ совершеннѣйшему міропозна-
 нію, ведущей къ Богу, Природа прекрасна, могущественна, величественна; она говоритъ о великомъ Художникѣ, соз-
 давшемъ ее, но природа не имѣеть въ себѣ духа, она, какъ выразился Шеллингъ, есть окаменѣвшее мышление. Человѣкъ по этому законно противопоставляетъ себя всей
 остальной природѣ. „Человѣкъ, говоритъ Паскаль, это мы-
 слящій тростникъ, міръ можетъ раздавить и уничтожить его, но тѣмъ не менѣе человѣкъ будетъ выше міра, ибо міръ не знаетъ, что онъ уничтожаетъ, а человѣкъ сознаетъ
 это.“ По ученію нѣкоторыхъ природа такъ далеко отъ Бо-
 га, что она стояла бы безъ связи съ Нимъ, хотя и создан-
 ная Имъ, еслибы не было человѣка. Человѣкъ это связую-
 щее звѣно между Богомъ и міромъ. Міръ не имѣлъ бы
 цѣли бытія, если бы не было человѣка, но міръ нуженъ
 для человѣка, а человѣкъ, созданный по образу Божию,
 имѣеть общеніе съ Богомъ и Богъ печется о мірѣ для бла-
 га человѣка. Мысль близкую къ сей можно указать у Іоанна
 Дамаскина, который ссылается при семъ на св. Григорій
 Богослова, Онъ рассуждаетъ такъ: „Богъ сотворилъ при-
 роду, умомъ созерцаемую (νοῦσι) т. е. ангеловъ и всѣ
 небесныя чины, которыхъ естество безъ сомнѣнія разумно
 и безплотно; т. е. безплотно въ сравненіи съ грубымъ ве-
 ществомъ. Ибо одно только Божество невещественно и
 безтѣлесно. Еще Богъ сотворилъ и чувственную природу,
 т. е. небо, землю и все, что между ними. И первую при-
 роду Онъ сотворилъ близкою къ себѣ,—ибо разумная и
 однимъ умомъ постигаемая природа близка къ Богу; а дру-
 гую, какъ подлежащую чувствамъ, сотворилъ по всѣмъ
 отношеніямъ весьма далекою отъ Себя. Но надлежало яви-
 ться существу смѣшанному изъ сихъ двухъ природъ, кото-
 рое бы показывало большую премудрость и щедроту Творца
 къ той и другой, и, какъ говоритъ Богоглаголивый Гри-
 горій, было какъ бы нѣкоторымъ союзомъ природы видимой

и невидимой.²⁵⁾ У многих древних толкователей первый человек представлялся необычайно надѣленным дарованіями, познаніями и украшеннымъ вънцомъ добродѣтелей; но нельзя принимать буквально этихъ разсужденій. Первый человекъ не могъ быть добродѣтельнымъ, ибо не совершилъ еще добрыхъ дѣлъ, онъ, не вкусившій отъ древа познанія добра и зла, не обладалъ еще и знаніями. Онъ былъ созданъ несомнѣнно совершеннымъ, но только совершеннымъ относительно и, такъ сказать, потенциально, а не реально. Онъ не имѣлъ отрицательныхъ качествъ, не имѣлъ виновности или грѣха; въ которомъ рождаются всѣ люди. „Я нашелъ говорить Екклезіастъ, что Богъ сотворилъ человека правого“ (7, 29) Безъ сомнѣнія, въ его душу были заложены добрыя стремленія. Человекъ былъ надѣленъ богатыми дарованіями (нарекъ имена животнымъ по свойствамъ ихъ), но онъ долженъ былъ развить эти дарованія, онъ долженъ былъ стать совершеннымъ. Абсолютно совершенъ только Богъ, относительно совершеннымъ можетъ быть каждый предметъ, вполне соответствующій идеѣ о немъ, человекъ, соответствующій идеѣ о человекѣ, будетъ человекомъ совершеннымъ. Но первый человекъ не былъ, однако, совершеннымъ и въ этомъ смыслѣ, онъ только могъ стать такимъ, имѣлъ для этого всѣ средства. Все равно, какъ совершенное сѣмя представляетъ собою въ возможности совершенное дерево, такъ и первый человекъ былъ только въ возможности совершеннымъ человекомъ, онъ долженъ былъ стать такимъ чрезъ укрѣпленіе въ добрѣ и усовершеніе въ богопознаніи. Что это дѣйствительно такъ, это открывается изъ тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ повѣствуетъ біблія послѣ сообщенія о созданіи человека, именно изъ дарованія Господомъ первымъ людямъ заповѣди и изъ нарушенія ими этой заповѣди: не было бы нужды въ первой и не могло бы произойти втораго, если бы они были совершенны. Стать добродѣтельнымъ есть дѣло усилій личной свободы человека, споспѣшествуемой и руководимой благодатію Божіею; добродѣтельность, слѣдовательно,

²⁵⁾ Дамаскианъ op. cit стр. 90.

не могла быть подана Адаму туне и не зависимо отъ него самого. Тоже самое должно сказать и объ умственныхъ качествахъ перваго чловѣка. Онъ надѣленъ былъ отъ природы прекрасными и не поврежденными способностями; но не обладалъ знаніями; послѣднія онъ долженъ былъ приобретать собственными усиліями, имѣя умъ быстрый, онъ скоро долженъ былъ приобретать знаніе предметовъ, скоро долженъ былъ находить, что составляло существенное отличие того или другаго предмета, и каковы были его главные свойства. Библия показываетъ намъ дѣйствительно, что чловѣкъ развивался и уразумѣвалъ окружающее его постепенно, причемъ св. книга представляетъ необычайную единственную исторію непосредственнаго воспитанія чловѣка Богомъ. Богъ приводитъ животныхъ къ чловѣку для того, чтобы онъ позналъ ихъ и ихъ свойства; приводитъ ихъ также затѣмъ, чтобы изъ наблюденія надъ брачною жизнію ихъ чловѣкъ самъ дошелъ до мысли о нуждѣ въ помощницѣ. Первый чловѣкъ самъ изобрѣлъ себѣ одежду изъ листьевъ, но мы видимъ, что онъ не пришелъ къ мысли объ одеждѣ кожаной. Послѣдняя была дана ему Богомъ.

Въ связи съ вопросомъ объ умственныхъ качествахъ первозданнаго чловѣка, стоитъ вопросъ о языкѣ. Какъ и когда заговорилъ первый чловѣкъ? Былъ ли онъ сотворенъ, умѣющимъ говорить, наученъ ли онъ былъ говорить Богомъ, или онъ самъ изобрѣлъ себѣ языкъ? Прежде многіе представляли, что чловѣкъ, поднявшійся изъ земнаго праха, немедленно заговорилъ и даже по еврейски, этого, конечно, теперь допустить нельзя, потому что еврейскій языкъ принадлежитъ къ числу языковъ флексивныхъ и потому находится уже въ послѣдней стадіи развитія. Но, однако, вопросъ о томъ, какъ заговорилъ первый чловѣкъ, не можетъ быть рѣшенъ съ непоколебимою увѣренностію. Позволительно, однако, склониться въ этомъ случаѣ къ мнѣнію св. Василія Великаго и Григорія Нисскаго. Св. Василій былъ обвиненъ Евноміемъ въ отрицаніи Божественнаго провидѣнія, такъ какъ онъ не допускалъ, что Богъ создалъ имена всѣхъ тварей, но приписывалъ изобрѣтеніе языка способностямъ чловѣка, даннымъ чловѣку Богомъ.

Григорій ²⁶⁾ Нисскій защищаль св. Василія. Хотя Богъ далъ способности человѣку, пишетъ онъ, однако изъ этого не слѣдуетъ чтобы онъ производилъ всѣ дѣйствія, нами совершаемыя. Онъ далъ намъ способность выстроить домъ или что другое, но во всякомъ случаѣ мы строители, а не Онъ. Точно также наша способность говорить есть твореніе Его, создавшаго такъ нашу природу, но изобрѣтеніе словъ для поименованія всѣхъ предметовъ есть произведеніе нашего ума. И размышленіе и указанія Библии подтверждаютъ такое воззрѣніе. При допущеніи что Богъ научилъ говорить человѣка, вносится въ понятіе о Богѣ антропоморфизмъ и является несогласное съ дѣйствительностью представленіе о божественности языка. Богъ научилъ человѣка говорить. Человѣкъ, значитъ, явился или какъ дитя или какъ глухо-нѣмой. Въ томъ и другомъ случаѣ представленіе о Богѣ, какъ непосредственно воспитывающемъ и обучающемъ человѣка, едва-ли можетъ быть совмѣстимо съ понятіемъ о Богѣ. Богъ, значитъ, составлялъ для человѣка словарь и грамматику, но мы знаемъ, какъ составляются словари и грамматики. Тѣ и другія—произведенія человѣческія, полны недостатковъ и постоянно усовершенствуются. Богъ сотворилъ человѣка, и мы удивляемся премудрости и цѣлособразности творенія. Удивительное строеніе рукъ и глазъ вызываетъ наше благоговѣніе, дарованныя намъ способности говорятъ о безконечномъ умѣ, даровавшемъ намъ ихъ, но мы не видимъ, чтобы намъ когда нибудь давалось то, что обыкновенно представляетъ результатъ нашихъ трудовъ и плодъ нашихъ усилій. Указанія Библии также скорѣе наводятъ на мысль, что человѣкъ изобрѣлъ языкъ самъ. Богъ приводитъ къ человѣку животныхъ видѣтъ, что наречетъ ихъ, и человѣкъ даетъ имъ имена. Но нельзя не признаться, что и другое пониманіе, именно допущеніе естественнаго происхожденія языка вызываетъ многія трудности. Мы никогда не видали людей, говорившихъ, не учаъ языку, не знаемъ опытовъ, чтобы человѣкъ создалъ языкъ, говорить

²⁶⁾ Св. Григорій Нисс. „противъ Евномія“ взято изъ лекцій по наукамъ о языкѣ М. Мюллера 1865 г. стр. 22.

всегда учатъ. Есть даже факты, показывающіе, что, если человѣкъ лишенъ возможности учиться говорить языку, то онъ и не будетъ говорить это можно показать на глухонѣмыхъ. Большинство изъ нихъ только глухія и имѣютъ органы рѣчи такъ же, какъ и у всего человѣчества. Ихъ можно путемъ нѣкоторыхъ опытовъ заставить произносить членораздѣльные звуки, однако, мы видимъ у глухонѣмыхъ не обнаруживается стремленія называть членораздѣльными звуками окружающіе ихъ предметы. Въ человѣческомъ языкѣ есть и другое свойство, которое дѣлаетъ непонятнымъ допущеніе произвольнаго созданія языка человекомъ. Человѣкъ рождается одинаково способнымъ усвоить языкъ какъ готтентотскій, такъ и итальянскій, значить, въ самой природѣ его не заложено способности усвоить тому или другому предмету или связывать съ каждымъ предметомъ опредѣленный звукъ. Способность рѣчи не тоже, что способность ходить. Если младенца не учить ходить, онъ конечно, начнетъ ходить и выучится ходить не хуже другихъ, потому что способность хожденія есть слѣдствіе его организаціи, но съ рѣчью происходитъ иное.

Итакъ, какъ же заговорилъ первый человѣкъ? Трудно отвѣтить на это. За всѣмъ тѣмъ, кажется, какъ къ наиболѣе вѣроятному мнѣнію, должно склониться къ тому, что языкъ есть изобрѣтеніе человѣческое. Вѣроятнѣйшее объясненіе его происхожденія, намъ кажется, дано М. Мюллеромъ. Вотъ это объясненіе. „Тѣ четыреста или пятьсотъ корней, которые представляютъ послѣднія основныя части въ различныхъ семействахъ языковъ не междометія и не звукоподражанія, они суть основныя фонетическіе типы, произведенные силой, присущей человѣческой природѣ. Они существуютъ, какъ сказалъ бы Платонъ, „по природѣ“, но говоря это вмѣстѣ съ Платономъ, мы должны прибавить, что выраженіе „по природѣ“ должно понимать въ смыслѣ „по Божественному Промыслу“. Есть законъ, который общъ почти для всей природы, что каждая вещь, которая существуетъ, издастъ изъ себя какой нибудь звукъ. Мы можемъ заключать о болѣе или менѣе совершенной структурѣ металловъ по ихъ вибраціямъ, по тому отвѣту, который полу-

чалотъ отъ нихъ, когда спрашиваютъ ихъ объ ихъ звуковой природѣ. Золото звучитъ иначе, чѣмъ олово, дерево — иначе, чѣмъ камень, и вообще рождаются различные звуки, смотря по различію способа колебаній предмета. Это было и съ человѣкомъ, совершеннѣйшимъ изъ организмовъ. Человѣкъ въ своемъ совершенномъ первобытномъ состояніи имѣлъ по одну только способность выражать свои чувства междометіями и ощущенія звукоображеніями, онъ владѣя еще способностью разумныя концепціи своего духа выражать чрезъ лучшіе болѣе тонкіе членораздѣльные звуки. Это былъ инстинктъ, инстинктъ столь же невольный, какъ и всякій другой. Насколько языкъ есть продуктъ инстинкта, онъ принадлежитъ природѣ. Человѣкъ теряетъ инстинкты, когда перестаетъ нуждаться въ нихъ. Его чувства становятся слабѣе, если они, какъ наприм., обоняніе, становятся ненужными. Такъ угасала та творческая способность, которая каждому представленію, когда оно въ первый разъ протекло въ мозгъ, давала звуковое обозначеніе, угасала, какъ скоро выполняла свою дѣль, число этихъ звуковыхъ типовъ сначала должно было быть почти безконечнымъ, и только чрезъ процессъ естественнаго отбора совершалось то, что дѣляя группы синонимическихъ корней пришли къ одному опредѣленному типу²⁷⁾.

Согласно принятымъ нами воззрѣніямъ духовное развитіе первозданнаго человѣка должно было совершиться постепенно. На эту постепенность наводитъ сама Библія. Въ раю человѣку поручается дѣятельность, долженствовавшая способствовать его развитію. Умъ человѣка воспитывался чрезъ ближайшее ознакомленіе съ природою. Для развитія зали человѣка и укрѣпленія ея въ добръ человѣку дается воповѣдь. Эта заповѣдь возбуждала много недоумѣній, вызывала много глумленій со стороны не вѣрующихъ. Что это за таинственное древо жизни и древо познанія добра и зла? Духъ христіанина можетъ уразумѣвать это, хотя, конечно, только отчасти. Древо жизни мы знаемъ, ибо вкушаемъ отъ его плодовъ въ таинствѣ Евхарастіи, мы мо-

²⁷⁾ M. Muller, Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, S. 336—337

жемъ допустить, что и тамъ въ раю Божественная благодать сообщила особую силу плодамъ дерева, чтобы они укрѣждали и возвышали приѣмлющихъ ихъ. Что касается до дерева познанія добра и зла, то нельзя думать, чтобы оно по самой своей природѣ было вредоносно для души человѣка, таковыхъ не создалъ Господь Богъ (все добро зѣло), но, вѣдь, и плодъ жизни, подаваемый въ таинствѣ Евхаристіи для приѣмлющихъ осужденно является ядомъ и смертію. Посему и можно допустить, что и плоды дерева познанія, будучи сами по себѣ благи, явились вредными, потому что человѣкъ не былъ еще развитъ и не окрѣпъ до той степени, чтобы принимать ихъ. Можетъ быть въ послѣдствіи человѣку, укрѣпившемуся въ добрѣ, Господь и дозволилъ бы вкусить отъ ихъ плодовъ, но преждевременное вкушеніе ихъ было гибельно. Человѣкъ долженъ былъ предварительно укрѣпить свою волю подчиненіемъ ея волѣ Божіей ²⁸).

Книга Бытія представляетъ намъ, что человѣкъ сначала былъ созданъ одинъ, и что одинъ онъ долженъ былъ жить довольно долго времени. На это наводятъ указанія Библии относительно той постепенности, съ которою совершалось развитіе человѣка. По истеченіи неопредѣленно долгаго времени Богъ создалъ человѣку жену. Эта исторія сотворенія жены, какъ обыкновенно и все въ священной исторіи, подвергалась кощунственнымъ насмѣшкамъ. Какъ это у спящаго Адама вынута было ребро и превращено въ жену? Какъ это? Мы не знаемъ, но что этотъ образъ созданія

---

²⁸) О деревѣ познанія добра и зла Св. Феофилъ говоритъ: прекрасно было само по себѣ древо познанія, прекрасенъ былъ и его плодъ, ибо не оно, какъ думаютъ нѣкоторые, было смертоносно, но преступленіе заповѣди. (Ad Autol. lib. 11, 25). Григорій Богословъ говоритъ: древо познанія, было вначалѣ не злонамѣренно и запрещено не по зависти. Напротивъ же оно было хорошо для употребляющихъ благовременно, потому что это дерево по нашему умозрѣнію было созерцаемъ, къ которому безопасно могутъ приступить только чрезъ опытъ усовершенствованія, но не хорошо для простыхъ и еще не умѣренныхъ въ своихъ желаніяхъ, подобно тому, какъ и совершенная пища не полезна для слабыхъ и требующихъ молока. (Orat. 38 л. 12). Таково же и мнѣніе Св. Дамаскина, который приводитъ мнѣніе Св. Григорія. (Смот. точн. излож. православно. вѣры 1844 стр. 87—88).

имѣлъ глубочайшій смыслъ и величайшее значеніе для чело-
вѣчества, это показать можно. „Не изъ земной пыли,
говорить Кейль, создается жена, но изъ ребра Адама, пое-
лику назначается къ нераздѣльному единству жизни и об-
щенію съ мужемъ и въ образѣ и способѣ ея созданія должно
быть положено реальное основаніе для нравственнаго зна-
ченія брака. Какъ нравственная идея, идея единства рода
человѣческаго требовала, чтобы челоѣкъ не былъ созданъ,
какъ родъ или множество, такъ нравственное положеніе
обоихъ лицъ, основывающихъ единство рода, требовало,
чтобы сначала мужъ, а потомъ изъ его кости была обра-
зована назначенная ему въ подругу жена. Черезъ это какъ
первенство и главенство мужа, такъ зависимость жены отъ
мужа и ея подчиненіе ему творчески основывается, какъ
Божественное приказаніе. Въ этомъ Божественномъ уста-
новленіи коренится тайна той нѣжной любви, съ которою
мужъ любитъ жену, какъ себя самого, и при которой бракъ
становится отображеніемъ любви и жизненнаго единенія
Господа съ Его Церковію (Еф. 6, 32). Если то обстоя-
тельство (саея сторона и какъ часть челоѣческаго тѣла,
ребро), что жена изъ ребра, а не изъ какой нибудь другой
части тѣла была образована, должно имѣть значеніе, то
это можетъ значить только, что жена, какъ подруга, должна
стоять на сторонѣ, рядомъ съ мужемъ, а не содержать въ
себѣ указанія на сердечность супружеской любви“²⁹⁾. Пер-
вая жена, безъ сомнѣнія, была создана съ такими же каче-
ствами, какъ и первый мужъ, не имѣющая недостатковъ
физическихъ и духовныхъ, богато одаренная и владѣя за-
ложенными въ душу ея исключительными добрыми стремле-

Златоустъ, Августинъ и Феодоритъ полагали, что древо познанія само
по себѣ не давало никакого познанія, но что оно названо такъ Господомъ
по предвѣднію, что чрезъ него, согрѣшивъ, челоѣкъ познаетъ зло. Но
такое мнѣніе нельзя принять. Богъ садитъ древо, называетъ челоѣку его
древомъ познанія и запрещаетъ вкушать отъ этого древа, предвидя, что
это то, вкушеніе и оправдаетъ данное древу названіе. Толкованіе сихъ Св.
Отцовъ можно принять лишь въ томъ случаѣ, если это древо получило свое
наименованіе послѣ паденія.

²⁹⁾ Keil Genes. S. 54.

нцями, она явилась, достойною, подругою, перваго челоуѣка. Если бы челоуѣчество произошло отъ этой первозданной четы, то оно не представляло бы собою того, чѣмъ является теперь. Европа не раздиралась бы политическими раздорами, жители Полинези и Африки не выпади бы до той духовной низости, въ которой мы ихъ видимъ теперь. Вражда, ненависть, борьба за существованіе не царилы бы въ челоуѣческомъ родѣ, но они царятъ. Причина этого лежитъ въ томъ страшномъ событіи, которое произошло между сотвореніемъ жены и рожденіемъ перваго ребенка—въ паденіи первыхъ людей.

ГЛАВА 2-я.

О паденіи первыхъ людей. Библейское повѣствованіе о паденіи. Различныя взгляды на это повѣствованіе. Какъ могло совершиться паденіе Адама и Евы? Слѣдствія паденія для физической и духовной природы челоуѣка и послѣдующей его судьбы. Падшіе и изгнанные изъ рая Адамъ и Ева, какъ истинные прародители современнаго челоуѣчества. Философское значеніе Библейскаго ученія о сотвореніи и паденіи челоуѣка.

Библейское повѣствованіе о паденіи первыхъ людей, какъ и вообще повѣствованіе о первозданныхъ людяхъ, является для насъ весьма трудно уразумѣваемымъ. Все тогда было инымъ, чѣмъ теперь: рай, въ которомъ жили первые люди, не можетъ быть ясно представленъ нами, сами первые люди съ ихъ безгрѣшною природою, особенная близость Бога къ своимъ юнымъ созданіямъ, все это является для насъ болѣе предметомъ благочестивой вѣры, чѣмъ яснаго пониманія. Преобладаніе сверхъестественнаго надъ естественнымъ и добраго надъ злымъ характеризовало исторію міра до паденія челоуѣка, послѣ паденія отношеніе вещей стало обратнымъ и стало подобнымъ тому, которое мы наблюдаемъ нынѣ, это отношеніе вещей къ намъ ближе и потому понятнѣе, но постараясь теперь отдать себѣ отчетъ въ томъ событіи, которое сообщило это новое—хотя и понятное, но грустное—теченіе вещамъ.

Бытописатель просто рассказывает эту историю. „Змѣи были китриѣе въѣхъ звѣрей полевыхъ, которыхъ создалъ Господь Богъ: И сказалъ змѣи женѣ: подлинно ли сказала Господь: не ѣшьте ни отъ какого дерева въ раю? И сказала жена змѣи: плоды съ деревьевъ мы можемъ есть, только плодовъ дерева, которое среди рая, сказалъ Богъ не ѣшьте ихъ и не прикасайтесь къ нимъ, чтобы вамъ не умереть. И сказалъ змѣи женѣ: нѣтъ не умрете; но знаетъ Богъ, что въ день, въ который вы вкусите ихъ, откроются глаза ваши, и вы будете, какъ боги, знающіе добро и зло. И увидѣла жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глазъ и вожделѣнно, потому что даетъ знаніе; и взяла плодовъ его, и ѣла; и дала также мужу своему, и онъ ѣлъ. И открылись глаза у нихъ обоихъ, и узнали они, что наги, и сшили смоковныя листья и сдѣлали себѣ опоясанія“ (Быт. III, 1—7).

Это короткое повѣствованіе вызывало много недоумѣній и вопросовъ: какъ понимать исторію, о которой говорится въ повѣствованіи? какъ допустить возникновеніе грѣховныхъ желаній въ невинныхъ душахъ первыхъ людей? чѣмъ объяснить высокую догматическую важность, усвоюемую факту паденія?

Начнемъ съ разсмотрѣнія этого повѣствованія, какъ исторіи. Должно отмѣтить три различныхъ его пониманія. Аллегористы видятъ въ змѣѣ, о которой говоритъ бытописатель, простой символъ злаго желанія или манящей похоти въ человѣкѣ, возникающей, развивающейся, затемняющей разсудокъ и наконецъ всецѣло овладѣвающей человѣкомъ. Рационалисты понимаютъ это повѣствованіе совершенно буквально: они утверждаютъ, что бытописатель видѣлъ въ змѣѣ только змѣя и ничего больше. Наконецъ, по общеправославному пониманію должно разумѣть, что въ змѣѣ и чрезъ змѣя дѣйствовалъ диаволь.

Что касается до перваго (аллегорическаго) пониманія, то о неправильности его въ общемъ мы уже говорили. Неправильность его въ данномъ случаѣ открывается и изъ дальнѣйшаго содержанія третьей главы: слова четырнадцатаго и пятнадцатаго стиховъ, содержащихъ въ себѣ опре-

дѣленіе наказанія змѣю, ясно показываетъ, что во всякомъ случаѣ подъ змѣемъ разумѣется здѣсь дѣято внѣшнее по отношенію къ Евѣ. Должно отмѣтить еще, что аллегорическое мнѣніе ничего не объясняетъ. По отношенію къ факту паденія прежде всего нуждается въ объясненіи то, какъ въ нравственно совершенномъ человѣкѣ явилось желаніе зла? Бытописатель представляетъ намъ, что подъ вліяніемъ змѣя, но если змѣй только призракъ, то, значить, злое желаніе явилось въ человѣкѣ само собою и какъ? совершенно непонятно.

Раціоналисты (мы излагаемъ мнѣніе Дильмана) пытаются утвердить свое мнѣніе слѣдующими соображеніями. Какъ первый, такъ и четырнадцатый стихъ главы показываютъ, что подъ змѣемъ должно разумѣть змѣя—полевое животное. Замѣчаніе перваго стиха, что змѣй былъ хитрѣе всѣхъ полевыхъ животныхъ устраняетъ мысль о томъ, что чрезъ него дѣйствовалъ кто-либо внѣшній-дьяволъ, какъ обыкновенно понимаютъ и какъ предполагаютъ уже давно: если бы чрезъ змѣя дѣйствовалъ дьяволъ, то тогда нечего было бы говорить о хитрости змѣя. То обстоятельство, что змѣй говоритъ, тоже не должно указывать на дѣйствіе чрезъ него чего-нибудь внѣшняго, ибо въ раю, гдѣ все необыкновенно и чудесно, подобное явленіе не должно представляться удивительнымъ. Не трудно видѣть, что раціоналистическая аргументація въ данномъ случаѣ является весьма слабою. Прежде всего возникаетъ вопросъ: какъ змѣй могъ возымѣть злое желаніе соблазнить человѣка? Объяснить это, кажется, труднѣе, чѣмъ объяснить злое желаніе въ человѣкѣ. Человѣкъ, вѣдь, долженъ былъ отдать себѣ отчетъ въ полученной заповѣди, обдумать ее и естественно могъ остановиться на размысленіи о томъ, что будетъ, если она будетъ нарушена, отсюда желаніе опыта и т. д. Но что змѣю? Что ему отъ вкушенія Евою отъ дерева и главное—откуда у него желаніе повредить Евѣ, если онъ былъ созданъ, какъ и все въ раю, добрымъ, между тѣмъ какъ его лукавая рѣчь явно клонить къ тому, чтобы погубить неопытную жену? Теорія раціоналистовъ только умножаетъ трудности проблемы происхожденія зла, оставляя рѣшеніе ея во всей неприкосновенности.

То обстоятельство, что змѣй говоритъ, рационалисты считаютъ не имѣющимъ никакого значенія для рѣшенія вопроса о природѣ этого змѣя, но они полагаютъ такъ совершенно напрасно. Они сами сознаются, что мнѣніе Іосифа Флавія и другихъ о томъ, что будто бы животныя въ раю говорили; ошибочно, что указаніе 2, 20 ст. Быт. о нареченіи Адамомъ именъ животнымъ говоритъ о безсловесности послѣднихъ. Какъ же заговорилъ змѣй? Пусть въ раю было много чудеснаго, но всегда всѣ, допускающіе чудеса, рассматриваютъ ихъ, какъ дѣйствія высшихъ силъ, а не какъ совершенно безпричинныя явленія. Не видно, чтобы Адамъ или Ева творили чудеса, тѣмъ менѣе по представленію бытописателя ихъ могли творить животныя. Рѣчь же змѣя, какъ и рѣчь валаамовой ослицы, есть такое же чудо, какъ и воскресеніе умершаго. Чудо, по мысли всѣхъ, всегда производится могущественною (выше человѣческою) сознательною силою. Какая же сила въ данномъ случаѣ сообщила даръ слова змѣю? Не свѣтлая, а темная.

Рационалисты замѣчаютъ, что указаніе на хитрость змѣя заставляетъ думать, что змѣй дѣйствовалъ сознательно, и что это указаніе не имѣло бы значенія, если бы змѣй былъ только чужимъ орудіемъ. Это соображеніе невѣрно. Змѣй избирается темною, злою силою, потому что онъ хитрѣйшій изъ полевыхъ звѣрей, т. е. потому что онъ наиболѣе удобное орудіе для намѣченной цѣли. Конечно могутъ спросить: почему въ данномъ случаѣ хитрѣйшее животное могло быть наиболѣе удобно для злой цѣли. Отвѣтить на это трудно, но, кажется, что и это можетъ быть нѣсколько разъяснено. Должно принять во вниманіе то обстоятельство, что вообще психическія способности въ вещественномъ мірѣ обнаруживаются и раскрываются лишь въ соотвѣтствующей имъ организаціи. Духъ Ньютона и Канта, когда мозгъ этихъ великихъ людей подвергся разматченію, не могъ ни воспринимать, ни производить глубокихъ и великихъ идей. Можетъ быть и дьяволъ, котораго разумѣютъ какъ дѣйствовавшего, черезъ змѣя, нашель, что наиболѣе удобнымъ образомъ онъ можетъ дѣйствовать чрезъ змѣя — животное, которое и по своей сложной нервной системѣ и по своей

вглубь, глубокой и въ сущности: часто красивой ортанизации, могла явиться наиболее привлекательнымъ и предложить и прѣль въ привлекательномъ видѣ. Сама форма, однако, намъ представляется несомнѣннымъ на основаніи явленнаго, что бытописатель, говоря о змѣѣ, разумѣлъ дѣйствовавшимъ чрезъ него дивола. Это пониманіе, вытекающее изъ анализа священнаго текста и было всегда и всеобщимъ. Еще арабы, чѣмъ бытописатель написалъ третью главу, народы обитавшія къ еврейскому соединяли уже съ змѣей мысль объ орудіи темнаго, злаго начала. Въ религии Зороастра мы видимъ, что Ариманъ — темное начало — послѣ попытки обратить небо, явился на землѣ въ образѣ великаго змѣя. Въ этомъ видѣ его поражаетъ Митра-богъ чистаго неба. Подъ эту форму Ариманъ будетъ нѣкогда побѣжденъ, заключенный на три тысячи лѣтъ и въ концѣ міра будетъ сожженъ въ расплавленныхъ месалахъ. Въ этой Зороастровой повѣсти Ариманъ подъ образомъ змѣя есть эмблема злаго начала, олицетвореніе злаго духа. Въ ведахъ тоже находится мнѣ о борьбѣ Индры, бога свѣтлаго неба и лазури, противъ Аги или Вритра, змѣя, представляющаго собою олицетвореніе разрушительныхъ стикій природы. Въ египетскихъ вѣрованіяхъ мы находимъ змѣя Анапа, пытающагося бороться съ солнцемъ и убиваемаго Горусомъ: Въ послѣднемъ случаѣ, какъ и въ двухъ первыхъ, разумѣется вовсе не простое пресмыкающееся, а демоническая темная сила. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ глубокой древности у различныхъ народовъ смотрѣли на змѣя, какъ на орудіе злаго начала, какъ на образъ, въ которомъ является это враждебное жизни начало, и наконецъ, какъ на его эмблему. Никогда и никакой народъ не трактовалъ животное, вызывающее страхъ или благоговѣніе, просто какъ животное, а всегда предполагалъ, что въ немъ или чрезъ него дѣйствуетъ нѣчто высшее: не быка почитали египтяне въ Аписѣ, а воплощеннаго Обириса, и т. д.

Змѣя, являющійся съ злымъ намѣреніемъ и совершенно рѣши тамъ, гдѣ было все доброе зло, и гдѣ животныя были безсловесными, не могъ быть помысли бытописателя только змѣей, въ немъ же чрезъ него богодухно-

венный авторъ несомнѣнно предполагаетъ дѣйствующимъ высшую темную силу—дьявола. Это обстоятельство показываетъ, что зло собственно явилось въ мірѣ еще до паденія челоуѣка, что отъ зла, явившагося въ мірѣ горнемъ или ангельскомъ, упала тѣнь и на этотъ міръ вещественный. Въ какой мѣрѣ Богъ попустилъ дьяволу вредить созданной твари, мы не знаемъ, но видимъ, изъ мнѣній и оцѣнокъ бытописателя, что онъ (дьяволъ) успѣлъ не только вторгнуться и производить нестроения въ неодушевленной природѣ, но и въ природѣ органической и даже въ наиболее высоко организованныхъ созданіяхъ этой природы. И вотъ, дьяволъ, войдя въ змія, приблизился къ челоуѣку, чтобы погубить челоуѣка:

Православные изслѣдователи согласно видятъ виновника паденія челоуѣка въ дьяволѣ, дѣйствовавшемъ чрезъ змія, но не всѣ думаютъ, что процессъ искушенія и фактъ паденія совершились такъ, какъ описано въ Библии. Митрополитъ Фидаретъ въ своей Библейской исторіи говоритъ:— „мнѣніе, что искушеніе Адама въ раю было четырехдесятидневное, такъ какъ четырехдесятидневнымъ искушеніемъ за сіе заплативъ Искушитель, достойно вниманія“¹⁾. Но это мнѣніе можетъ быть принято лишь при допущеніи, что въ Библии разсказывается о паденіи подъ образами или до крайней мѣрѣ сокращенно. Должно замѣтить еще, что это мнѣніе не способствуетъ уразумѣнію библейскаго повѣствованія.

Разъ опредѣлены лица, дѣйствовавшія во время искушенія, важными становятся уже не подробности искушенія, а его философская и психологическая стороны. Именно съ этихъ сторонъ разсматривалась исторія искушенія весьма многими и вызывала самыя разнорѣчивыя сужденія. Вопросы о причинѣ зла, о томъ, какъ изъ добраго вышло злое и какъ злое постепенно овладѣвало добрымъ, выступаютъ при изслѣдованіи исторіи паденія и требуютъ разъясненія.

Нѣкоторые полагаютъ, что фактъ существованія зла въ мірѣ ли то вещественномъ, въ челоуѣнскомъ или ангель-

1) Начертаніе Церкви и библейской исторіи стр. 16 изд. в. 1839 г.

скомъ, необходимо ведетъ къ признанію, что виновникъ зла есть Богъ. Всякое явленіе имѣетъ свою причину, и причина всего лежитъ въ Богѣ. Богъ создавалъ все добрымъ и благимъ, но вотъ въ извѣстный моментъ въ исторіи міра впервые появляется зло. Откуда оно? То, что было создано, не могло произвести его, ибо изъ добраго не выходитъ злое, слѣдовательно, его нужно было создать, создать же можетъ лишь Богъ. Такъ разсуждали и разсуждаютъ нѣкоторые.

Источникъ этого неразумнодерзкаго разсужденія кроется въ игнорированіи факта свободной воли созданныхъ тварей. Уразумѣніе и признаніе этого факта значительно уменьшаетъ непонятность появленія зла въ мірѣ. Богъ не создалъ зла, но онъ создалъ существа способныя производить зло. Существа эти могли и пользоваться и не пользоваться ихъ способностію, но они воспользовались ею, и зло явилось. И неглубокій анализъ можетъ показать, что создать существа, могущія творить и доброе и злое, значить явить себя болѣе благимъ, чѣмъ создать творящихъ только добре. Обратимся къ выясненію этого.

Ветхій Заветъ, какъ и новый, признаетъ человѣка свободнымъ, т. е. признаетъ его способнымъ производить выборъ между различными рѣшеніями и признаетъ его отвѣтственнымъ за сдѣланный выборъ. Это признаніе есть признаніе въ человѣкѣ творческой способности, есть признаніе того, что для нѣкоторыхъ своихъ дѣйствій человѣкъ является верховною послѣднею причиною. Въ душѣ человѣка постоянно толпаются тѣ или иныя мысли, чувствованія и желанія. Последнія не представляютъ собою чего-либо самостоятельнаго, они суть нечто выходящее изъ того, что имѣется сейчасъ въ наличности у разума и чувства. За мыслями, чувствованіями и желаніями стоитъ способность рѣшеній, способность санкціонировать то или другое изъ имѣющихся желаній, желанія же могутъ простираться и на мысли и на чувствованія. Я могу желать удалить изъ своей головы тѣ или иныя мысли, подавить въ себѣ тѣ или иныя чувствованія. Способность выбирать для выполненія изъ различныхъ толпящихся въ душѣ желаній одна какія-либо и по-

давать другія и есть присущая человѣку свобода воли, она имѣетъ причину въ человѣческомъ я и ни въ чемъ болѣе. Она для насъ также непонятна, какъ и твореніе изъ ничего, но она мыслится нами присущею намъ по многимъ основаніямъ, и между прочимъ по тому что только при допущеніи ея міръ является для насъ разумнымъ. Способность эта, не поддающаяся нашему объясненію, поддается однако описанію. Можно выяснитъ въ чемъ она и какова ея сила. Въ моей душѣ толпятся сейчасъ желанія a, b, c, d, e, f и въ моемъ разумѣ находятся мысли g, h, не имѣющія никакого отношенія къ этимъ желаніямъ. Свобода моей воли заключается въ томъ, что я могу въ своей душѣ постановить рѣшеніе осуществить или мысли g или h, съ которыми у меня вовсе не было связано желаніе ихъ исполненія. или какое бы то ни было изъ желаній a, b, c, d, e, f; независимо отъ того, что одни изъ этихъ желаній пріятнѣе и другія разумнѣе, я могу выбрать слабѣйшее и неразумнѣйшее и искать какихъ нибудь основаній для моего рѣшенія значить отрицать свободу воли. Если скажутъ, что выбранное мною для исполненія желанія неизбежно должно бы быть выбрано мною, потому что оно сильнѣйшее или потому, что оно разумнѣйшее, то такимъ разсужденіемъ будутъ отрицать мою свободу воли. Опредѣливъ такимъ образомъ, что такое свобода воли, должно отиѣтитъ далѣе, что эта способность выбора между рѣшеніями не безгранична, что она ограничена многими условіями, и что она въ дѣйствительности сводится къ такой незначительной величинѣ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ ее можно игнорировать и напередъ предсказывать имѣющія совершиться человѣческія дѣйствія или объяснять уже совершенныя. Во 1) желанія, тѣснящіяся въ душѣ человѣка, раздѣляются на исполнимыя и неисполнимыя. Неисполнимыя желанія по неволѣ приходится откидывать, хотя должно оговориться, что человѣкъ, сознавъ даже неисполнимость желанія, можетъ постановить своею волею рѣшеніе стремиться удовлетворить его, можетъ быть кто-либо когда-либо и поступалъ такимъ образомъ, но въ общемъ люди не поступаютъ такъ. Во 2) самый кругъ желаній человѣка, какъ продуктъ или

функция его мыслей и чувствований, очень ограниченъ, отсюда и способность выбора между рѣшеніями становится весьма ограниченной. Въ 3) какъ фактъ должно признать слѣдующее: способность выбора между желаніями у различныхъ лицъ различна и даже у одного и того же лица можетъ становиться и сильнѣе и слабѣе. Въ общемъ должно замѣтить, что человекъ обыкновенно подчиняется сильнѣйшему изъ желаній, хотя всегда сохраняетъ сознание, что онъ могъ бы избрать и иное, причѣмъ степень таковой возможности представляется ему неодинаковой: онъ подмѣчаетъ, что извѣстная наклонность все больше и больше пріобрѣтаетъ надъ нимъ силы, и что способность противостать ей у него ослабѣваетъ все болѣе и болѣе, вотъ по чему сила воли у людей оказывается неодинаковой и ее можно усиливать и ослаблять воспитаніемъ. Но за всѣмъ тѣмъ свобода воли не можетъ быть отнята у человека безусловно, способность выбирать для исполненія какое угодно изъ находящихся въ душѣ желаній у человека остается всегда, только останавливать свой выборъ не на сильнѣйшемъ желаніи становится для него все труднѣе и труднѣе. Такъ, положимъ, человекъ нравится вино, сначала однако для него не трудно отказываться отъ вина, затѣмъ, когда онъ въ теченіе долгаго времени будетъ удовлетворять своей склонности, воздержаніе становится для него затруднительнымъ и стоитъ большой борьбы; если онъ будетъ продолжать удовлетворять свою склонность и далѣе, то настанетъ время, когда для него отказываться отъ вина будетъ невозможно: алкоголь будетъ необходимъ для его организма. Такъ человекъ изъ существа свободнаго можетъ становиться все болѣе и болѣе рабомъ, но никогда человекъ не можетъ стать „палкою“, „труномъ“, никогда не можетъ онъ лишиться свободы окончательно. Всегда раздраемый самыми пламенными страстями, человекъ чувствуетъ, что можетъ сопротивляться имъ, хотя бы это причиняло ему и сильную боль и стоило многихъ страданій.

Такъ понимаемъ мы свободу воли. Не трудно показать, что именно таковую ее полагаетъ и религія, ибо только при такомъ пониманіи ея ответственность человека за свои

дѣянiя является имѣющимъ смыслъ. Если способность желанiй у человека несвободна, и если человекъ по необходимости подчиняется сильнѣйшему изъ желанiй, то въ такомъ случаѣ съ него должна быть снята всякая ответственность за свои дѣянiя. Если когда прѣхковое желанiе и желанiе не дѣлать грѣха столкнутся и борятся между собою въ душѣ человека, человекъ не можетъ безъ внѣшней причины и воздѣйствiя подавить одно изъ нихъ и подчиниться другому, то онъ не свободенъ.

Такое ученiе о свободѣ воли принимаетъ обыкновенный здравый человѣческiй смыслъ, такой взглядъ на свободу воли предполагаетъ религiя. Имѣя въ виду эту способность человека, обратимся теперь къ изслѣдованiю повѣствованiя о паденiи первыхъ людей.

Появленiе зла во вселенной, созданной доброю и созданной всеблагимъ Творцемъ, является для насъ понятнымъ, разъ мы принимаемъ, что между созданными существами были свободныя. Въ мiрѣ намѣченъ былъ нормальный, добрый порядокъ вещей, но каждое разумнонравственное существо сознавало, что этотъ порядокъ можетъ быть и инымъ, что въ него можно внести нестроенiе, и затѣмъ актомъ своей воли одно изъ высшихъ созданныхъ существъ постановляетъ рѣшенiе произвести это нестроенiе: не исполнить должнаго и сдѣлать то, что не должно быть. Пытаться объяснить, почему это существо рѣшило поступить такъ, значить отказываться въ присущей ему свободѣ воли. Объяснить свободныя дѣйствiя невозможно, хотя знаемъ тѣмъ они дѣйствительны. Намъ не открыто свыше исторiи паденiя ангеловъ, но намъ открыто, что оно было, и мы знаемъ, что съ него начинается зло во вселенной. Изъ начала третьей главы кн. Бытiя мы видимъ, что падшiе духи уже произвели нѣчто злое и на землѣ и возобладали надъ нѣкоторыми тварями еще до паденiя человека; затѣмъ они приступили и къ человеку съ намѣренiемъ склонить его нарушить данную ему заповѣдь.

Мысль, что данную заповѣдь Божию можно нарушить, несомнѣнно была у Адама и Евы и въ самой этой мысли нѣтъ ничего грѣховнаго, ибо она представляетъ собою просто

знание заповѣди и ибо съ этою мыслию у первыхъ людей совсѣмъ не соединялось желаніе произвести ея нарушение. Змѣй возбуждаетъ въ Евѣ это желаніе. Короткій діалогъ между женою и змѣемъ, переданный бытописателемъ, безъ сомнѣнія есть одинъ изъ поучительнѣйшихъ во всемірной исторіи. Онъ самъ носитъ на себѣ печать богодухновенности, подобно повѣствованію объ искушеніи Господа. Своею ложью змѣй вноситъ прежде всего путаницу въ мысли Евы и затѣмъ при помощи этой-же лжи представляетъ ей грѣхъ въ привлекательномъ видѣ, жена не только не стремится разоблачить эту лживую привлекательность, напротивъ, она даетъ разростись желанію овладѣть привлекательнымъ плодомъ. Такъ какъ природа Евы была чужда грѣху, то значить она актомъ своей воли вызываетъ въ себѣ грѣховное желаніе и при попущеніи своей воли даетъ разростись возникшей тройственной похоти — „чувственности, любопытства и самолюбія“. Затѣмъ она рѣшается вкусить отъ запрещеннаго плода и соблазняетъ мужа.

Такъ совершилось паденіе нашихъ прародителей. Такъ какъ оно совершилось подъ вліяніемъ злаго духа, то это снимаетъ часть отвѣтственности съ павшихъ, но однако не освобождаетъ отъ нея, ибо паденіе за всѣмъ тѣмъ совершилось свободнымъ изволеніемъ, а не по необходимости. Печальныя послѣдствія этого паденія неисчислимы. Они, прежде всего, выразились въ томъ, что, какъ физической, такъ и духовной природѣ человѣка сдѣлались присущими, какъ нѣчто неотъемлемое, грѣховныя похоти. Человѣческой природѣ сдѣлалась присущею чувственность, самые естественныя инстинкты извратились. Въ самой природѣ человѣка оказывается дисгармонія. Такъ, напр., половой инстинктъ вмѣстѣ съ половой зрѣlostью является у людей; когда ихъ физическое развитіе далеко не закончилось, и когда поэтому удовлетвореніе этого инстинкта можетъ для нихъ быть лишь вреднымъ. Въ духѣ человѣческомъ мы видимъ борьбу противоположныхъ началъ: человѣка теперь привлекаетъ къ себѣ не одно добро и даже добро гораздо менѣе, чѣмъ зло: между самыми высшими стремленіями человѣка встрѣчается коллизія. Такъ у человѣка есть потребность знанія, но она

во многихъ случаяхъ можетъ быть удовлетворена лишь злыми средствами. Вся почти животная фізіологія опирается на мучительные эксперименты съ животными. Какъ на самомъ дѣлѣ поступить человѣку: удовлетворить ли требованію нравственнаго чувства и перестать мучить животныхъ или заглушить голосъ нравственнаго чувства и продолжать дѣло изслѣдованія? Въ первомъ случаѣ ему придется отказаться отъ удовлетворенія присущей ему по природѣ жажды знанія, во второмъ — противоборствовать присущему ему по природѣ нравственному чувству. Внесеніе грѣховныхъ желаній и похотей въ природу человѣка, возникновеніе дисгармоніи въ тѣлесныхъ и духовныхъ его потребностяхъ, расслабленіе его духовной и физической природы, пониженіе его умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ силъ, вотъ, тѣ слѣдствія, которыми сопровождается для человѣка его паденіе, слѣдствія, бывшія и продолжающія быть источникомъ неисчислимыхъ мученій для человѣчества.

Какъ именно сказались эти слѣдствія на самихъ виновникахъ паденія, Библия представляетъ намъ въ дальнѣйшихъ стихахъ третьей главы. Прежде всего ихъ охватило смятенное чувство стыда, выразившееся въ томъ, что они сшили себѣ лиственныя препаясанія. Это показываетъ, что каждый изъ нихъ не считалъ себя чистымъ въ глазахъ другаго и уже не былъ вполне открытъ для другаго: взаимныя искренность и довѣріе у нихъ ослабли. Чувство стыда побудило ихъ скрыться отъ лица Божія. Этотъ образъ поведенія ихъ по отношенію другъ къ другу и къ Богу показываетъ, что ими овладѣло смущеніе, смятеніе, но не видно, чтобы ими овладѣло ожесточеніе. Бесѣда ихъ съ Богомъ показываетъ, что они не желаютъ пребывать во грѣхѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что ими овладѣла глубокая грѣховность: они прибѣгаютъ къ лицемѣрію, къ уверткамъ, стараются представить свою виновность меньшею, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Лицемѣріе есть порокъ, но тотъ, кто лицемѣритъ, ясно показываетъ, что онъ знаетъ, что такое добродѣтель и чѣмъ добродѣтель выше порока. Лицемѣръ имѣетъ своею задачею представить себя лучшимъ, чѣмъ каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Адамъ старается показать, что онъ не такъ

виновенъ, какъ кажется, тоже самое старается показать и Ева. Бытописатель, повѣствуя о стыдѣ, охватившемъ ихъ, показываетъ, что и въ действительности они желали быть лучшими, чѣмъ были. Это послѣднее желаніе обусловило собою возможность возстановленія падшаго человѣчества.

Господь, устанавливая заповѣдь, запрещающую вкушать отъ плода древа познанія—добра и зла, возвѣстилъ людямъ, что если они вкусятъ отъ него, то въ тотъ же день умрутъ смертію. Подъ смертію, какъ мы видимъ изъ повѣствованія, здѣсь должно разумѣть не смерть физическую, ибо по вкушеніи запрещеннаго плода люди не умерли, а смерть духовную, ибо немедленно послѣ вкушенія они умерли для святой и блаженной жизни: отчужденіе отъ Бога, ослабленіе взаимнаго довѣрія, жгучее чувство стыда и угрызенія совѣсти дѣлали дальнѣйшее существованіе ихъ далеко не радостнымъ и несчастливымъ. Съ этого же момента должно было начаться и владычество физической смерти надъ ними, ибо ядъ, внесенный въ ихъ организмъ, подчинилъ ихъ природу тлѣнію, они стали землею, ихъ жизнь на землѣ стала тѣмъ же, чѣмъ жизнь и всѣхъ остальныхъ земныхъ тварей—медленнымъ умираніемъ. Непосредственно же послѣ паденія они подвергаются и отъ Бога наказанію за совершенное преступленіе.

Прежде всего изрекается наказаніе змѣю. По мнѣнію рационалистовъ, подъ змѣемъ должно разумѣть только змѣя, подобно, какъ и въ первыхъ стихахъ, а проклятіе змѣя, произнесенное Богомъ, сводится ими къ нулю. Змѣй и прежде имѣлъ такую же физическую организацію, какъ и потомъ, и прежде онъ ползалъ по землѣ, и пыль должна была попадать ему въ ротъ (а именно это случайное глотаніе пыли, а вовсе не питаніе ею, разумѣется въ проклятій), пораженіе змѣемъ людей въ пятау, а людьми змѣя въ голову не указываетъ будто тоже на исходъ борьбы, а показываетъ только на ея образъ. Змѣй будетъ жалить въ пятау, потому что человѣческая пята для него болѣе всего доступна, но это пораженіе въ пятау для человѣка должно быть такъ же смертельно, какъ и въ голову: отъ ядовитаго

укушенія онъ долженъ будетъ умереть. Такъ змѣй будетъ губить людей, жала ихъ въ пяту, а люди—змѣй, поражая ихъ въ голову. Чѣмъ кончится и когда кончится эта борьба, въ Библии не говорится.

Неправильность взгляда, что подъ змѣемъ здѣсь разумѣется лишь змѣй, открывается уже изъ установленнаго нами положенія, что въ первыхъ стихахъ чрезъ змѣя мыслится дѣйствующимъ злое начало. Бытописатель, подразумевая тамъ діавола, не могъ забыть о немъ здѣсь, и слѣдовательно, слова Бога онъ разумѣлъ относящимися не только къ змѣю, но и къ діаволу. Это открывается и изъ чтенія священнаго текста. Опредѣляя отношенія между женою и змѣемъ и между ихъ сѣменемъ, Господь говоритъ: „оно (сѣмя жены) будетъ поражать тебя въ голову, а ты (змѣй) будешь жалить его въ пяту“: Въ этихъ словахъ опредѣляется отношеніе сѣмени жены не къ сѣмени змѣя, а къ самому змѣю, такимъ образомъ съ мыслию о змѣѣ здѣсь не связывается мысль о смертности: онъ будетъ жить, между тѣмъ какъ поколѣнія жены—одно за другимъ—будутъ сходить въ могилу. У него есть сѣмя, но это сѣмя, какъ видно изъ 14—15 стт., не смѣвитъ его, а будетъ дѣйствовать съ нимъ вмѣстѣ. Знаменательно, что самый ударъ въ голову змѣя какъ бы представляется не смертельнымъ, ибо сказано: оно *будетъ поражать* тебя въ голову“. борьба съ змѣемъ слѣдовательно и послѣ того, какъ сѣмя жены поразитъ его въ голову, будетъ продолжаться. Все это показываетъ, что подъ змѣемъ здѣсь разумѣется змѣй древній—діаволь.

Проклятіе змѣя, изреченное Господомъ, содержитъ въ себѣ явное и глубоко отрадное для человечества пророчество. Неумирающій змѣй-діаволь будетъ поражать человечество въ пяту. Эти пораженія горестны, но не такъ уже они опасны, какъ представляются раціонализму: укушеніе въ пяту не безусловно смертельно. Путемъ ампутаціи, прижиганія, прививки и даже внутреннихъ лѣкарствъ дѣйствіе яда въ оконечностяхъ можетъ быть парализовано, и укушенный можетъ быть спасенъ. Изъ статистическихъ отчетовъ объ укушенныхъ бѣшенными животными каждый мо-

жетъ убѣдиться, что укушенія въ ноги и руки въ большинствѣ случаевъ излечиваются, напротивъ, укушенія въ лицо, въ грудь почти безусловно смертельны. Древніе объ этихъ свойствахъ укушенія знали такъ же хорошо, какъ и мы. Отсюда изреченное Господомъ пророчество объ укушеніяхъ змѣя внушало мысль человѣчеству, что этотъ змѣй не такъ уже страшенъ, и что если противъ него принять мѣры, то онъ, пожалуй, станетъ безвреднымъ. Съ другой стороны удары въ голову змѣя несомнѣнно должны погубить его въ концѣ концовъ. Борьба, такимъ образомъ, должна кончиться торжествомъ сѣмени жены и гибелью злаго начала. Это отрадное пророчество, какъ мы теперь знаемъ, прикровенно говорило о Мессіи.

При выясненіи того, какое наказаніе опредѣлили Господь собственно змѣю, какъ орудію злаго начала, должно обратить вниманіе на то, что неизвѣстно собственно, о какомъ змѣѣ здѣсь идетъ рѣчь. Несомнѣнно въ библейскомъ текстѣ раскрывается та мысль, что змѣй будетъ проклятъ, будетъ презираемъ человѣчествомъ, будетъ служить для человѣчества предметомъ отвращенія и ужаса, но нѣтъ основаній выводить по отношенію къ проклинаемому змѣю, что до паденія онъ имѣлъ ноги и передвигался при помощи ихъ. Для такового мнѣнія пытаются находить основанія во второй половинѣ четырнадцатаго стиха: „на чревѣ твоёмъ ты будешь ходить, и прахъ будешь ѣсть во всѣ дни жизни твоей“. Змѣю, соблазнившему Еву, эти слова могли указывать на перемѣну судьбы: въ раю сладости онъ могъ избѣжать питанія прахомъ и ползанія по землѣ, но по изгнаніи изъ рая—а онъ конечно не избѣжалъ этого—онъ долженъ былъ влачить такое же жалкое существованіе, какое влачатъ и всѣ родственныя ему твари. Но вообще въ священныхъ книгахъ нигдѣ нѣтъ указаній, чтобы когда-нибудь въ прошедшемъ внезапно произошло коренное измѣненіе въ физической организаціи тѣхъ или иныхъ животныхъ.

Послѣ змѣя Господь опредѣляетъ наказаніе женѣ: за свою чувственность она будетъ платиться страданіями, она будетъ въ болѣзняхъ рождать дѣтей, за свое желаніе сравняться съ Богомъ, она должна будетъ платиться униженіемъ: мужъ

будеть властвовать надъ нею. Изъ этого опредѣленія Господа мы видимъ, что подчиненность женщины, какъ и муки дѣторожденія, не есть собственно нѣчто нормальное, а одно изъ печальныхъ слѣдствій паденія. Это опредѣленіе Господа, какъ и опредѣленіе относительно змѣя, содержало въ себѣ пророчество. Мы видимъ изъ исторіи, какъ исполнялось это пророчество въ домесіанскомъ мірѣ: положеніе женщины было тогда крайне печальнымъ, она была служанкой, рабыней и никогда равноправной семьянинкой, въ христіанскомъ мірѣ ея положеніе улучшилось, хотя въ общемъ оно далеко не таково, какимъ должно быть.

Послѣ этого Господь изрекаетъ наказаніе Адаму. Вкусивъ плодъ отъ древа познанія добра и зла, древа произросшаго отъ земли, Адамъ хотѣлъ получить отъ земныхъ плодовъ болѣе, чѣмъ ему было дано, и вотъ, онъ наказывается теперь тѣмъ, что у него отнимается и то, что ему было дано: земля будетъ давать ему отъ своихъ плодовъ меньше, чѣмъ ему нужно, она проклинается за него, большихъ усилій будетъ стоить человѣку извлекать плоды изъ земли, въ потѣ лица онъ будетъ обрабатывать ее. Адамъ, желавшій сдѣлаться Богомъ, желавшій властвовать надъ всѣмъ, лишается власти и надъ тѣмъ, что ему было подчинено прежде: твари земли не повинуются ему болѣе. Должно отмѣтить однако, что наказаніе Адама все таки меньше, чѣмъ наказаніе Евы: Адамъ только лишается власти, Ева же подпадаетъ подчиненію.

Бытописатель повѣствуетъ, что Господь Богъ сдѣлалъ Адаму и Евѣ кожаныя одѣянія. Это краткое указаніе многихъ изслѣдователей наводило на мысль, что въ раю, послѣ паденія первыхъ людей была принесена жертва: были закланы и сожжены животныя, кожа которыхъ и послужила матеріаломъ для одежды Адаму и Евѣ. Трудно что-либо основывать на краткомъ двадцатъ первомъ стихѣ, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что послѣ паденія были установлены кровавыя жертвы и вообще матеріальныя жертвы Богу, ибо мы видимъ, что дѣти первыхъ людей уже совершаютъ жертвы, какъ нѣчто обычное. Установленная жертва должна была имѣть съ одной стороны поучительное, съ другой —

прообразовательное значеніе: она напоминала о паденіи и заключала въ себѣ надежду на возстановленіе.

Полагають, что тогда же установленъ законъ о субботѣ, какъ днѣ покоя, который должно посвящать Богу. Мнѣніе это имѣетъ за собою основанія. Установленіе семидневнаго недѣльнаго круга стоитъ въ связи съ фазами луны, празднованіе седьмаго дня мы находимъ у многихъ народовъ въ глубокой древности, и опытъ показалъ, что періодическій отдыхъ чрезъ шесть дней на седьмой есть самый рациональный. Шестидневное твореніе и освященіе седьмаго дня непосредственно послѣ творенія давало, такъ сказать, божественную санкцію этому выдѣленію субботы, благословеніе и освященіе седьмаго дня, конечно, было совершено для человѣка.

Паденіе человѣка положило конецъ близости первыхъ людей къ Богу и ихъ блаженной жизни въ раю. Имъ, самовольно приблизившимся къ древу познанія добра и зла, возбраняется доступъ и къ древу жизни, вкушеніе отъ плодовъ котораго имъ не было запрещено прежде, и затѣмъ они изгоняются изъ рая и оказываются въ тѣхъ условіяхъ и въ томъ положеніи, въ которыхъ потомъ тысячелѣтія пребывало человѣчество.

Павшіе и изгнанные изъ рая Адамъ и Ева являются родоначальниками всего человѣчества, которое существовало и существуетъ на землѣ. Адамъ созданный по образу и подобию Божію, рождаетъ дѣтей уже по своему образу и подобию. Бросимъ теперь взглядъ на то, какими являются они согласно повѣствованію Бытописателя. Они, мы видимъ, обладаютъ полнымъ даромъ слова, они называютъ вещи, животныхъ и лица по ихъ свойствамъ (Адамъ уже послѣ паденія называетъ Еву матерью всѣхъ живущихъ), они имѣютъ истинное богомознаніе (не въ томъ смыслѣ, что они много знаютъ о Богѣ, но въ томъ, что ихъ познанія о Богѣ не ложны) и религію, которая выражается у нихъ уже въ известномъ культѣ — совершеніи жертвъ, празднованіи субботы и затѣмъ, конечно, въ исполненіи нѣкоторыхъ заповѣдей по отношенію къ міру физическому (невкушеніе мяса) и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ

эти первые люди оказываются имѣющими и признающими обязанности по отношенію къ Богу, себѣ подобнымъ и міру физическому. Съ другой стороны, мы видимъ, что Господь Богъ не оставляетъ ихъ своимъ попеченіемъ (сшитіе кожанныхъ ризъ) и своими благами. Эти люди знаютъ употребленіе огня и орудій (не металлическихъ, ибо таковыя были изобрѣтены впоследствии), о чемъ мы заключаемъ изъ того, что они приносятъ жертвы, можетъ быть по отношенію къ землѣ дѣланіе Адама выражалось не только въ собираніи плодовъ, но и въ сѣяніи сѣмянъ. Въ духѣ первыхъ людей уже обозначилась роковая двойственность: они чувствуютъ влеченіе не къ добру только, но и къ злу, ихъ прельщаетъ не одна добродѣтель, но и порокъ. Ихъ организмъ крѣпокъ, но язва болѣзни и тлѣнія уже коснулась его и имъ не избѣжать смерти. Отъ такихъ людей, по ученію Библии, произошло человѣчество.

При свѣтѣ библейскаго повѣствованія пониманіе происхожденія отъ Адама и Евы существовавшихъ и существующихъ человѣческихъ племенъ съ ихъ различною физическою организаціею, съ различными дарованіями, вѣрованіями и культурою намъ не представляется затруднительнымъ. Измѣнчивость, наслѣдственность, борьба за существованіе, различныя климатическія, географическія и историческія условія могли потомковъ Адама измѣнять и понижать и ставить выше сравнительно съ ихъ родовачальникомъ. Въ одной изъ ближайшихъ главъ мы прослѣдимъ кратко древнѣйшія судьбы потомства Адамова, а впоследствии посмотримъ и на то, какъ вообще могли возникнуть такія варіаціи въ родѣ человѣческомъ, какія мы находимъ нынѣ, теперь же закончимъ настоящую главу разсмотрѣніемъ значенія библейскаго повѣствованія о происхожденіи и паденіи первыхъ людей.

Происхожденіе вещи безъ сомнѣнія должно объяснять намъ хотя въ нѣкоторой мѣрѣ свойства вещи. Объясненіе духовныхъ свойствъ человѣка мы имѣемъ право искать въ повѣствованіи и вообще въ ученіи о его происхожденіи. И намъ кажется, что библейское ученіе о происхожденіи человѣка объясняетъ вполне человѣка и не только объясняетъ, но и

умиротворяетъ, успокоиваетъ того, кто ищетъ объясненія. Напротивъ, ни одна философская или quasi-научная доктрина не дала ничего поучительнаго и тѣмъ менѣе отраднаго по этому вопросу.

Жизнь представляетъ много мучительныхъ загадокъ для человѣка. Въ теченіе жизни каждому приходится испытать много физическихъ страданій, много нравственныхъ скорбей о потерѣ ближнихъ, пожалуй, и много угрызений совѣсти. Въ окружающей жизни онъ видитъ преобладаніе зла надъ добромъ и частое торжество перваго надъ послѣднимъ. Явленія человѣческой жизни представляются человѣку, какъ комбинація двухъ началъ—свѣтлаго и темнаго, добраго и злаго, причемъ преобладаніе далеко не всегда бываетъ на сторонѣ перваго и въ окружающей дѣйствительности не представляется никакихъ основаній для утвержденія, что отношеніе вещей измѣнится въ будущемъ. Въ ряду различныхъ объясненій такого положенія вещей въ современномъ образованномъ мѣрѣ объясненія матеріалистической философіи и христіанской религіи—объясненія діаметрально противоположныя—имѣютъ у себя преобладающее число послѣдователей.

У матеріалистическихъ философовъ есть одинъ тезисъ, который они считаютъ необходимымъ постулатомъ для пониманія дѣйствительности и которымъ опредѣляется предлагаемое ими объясненіе существующаго. Это тезисъ—что существуетъ лишь то, что необходимо должно существовать, что нынѣшнія явленія суть необходимое слѣдствіе явленій вчерашнихъ, вчерашнія, въ свою очередь, необходимое слѣдствіе имъ предшествовавшихъ и такъ отъ дней вѣка. Съ этой точки зрѣнія и зло, которое мы наблюдаемъ нынѣ, есть необходимое слѣдствіе зла вчерашняго и т. д. Все равно, какъ то положеніе, которое имѣютъ планеты и ихъ спутники въ солнечной системѣ, есть необходимое слѣдствіе дѣйствія закона тяготѣнія и тѣхъ условій, въ которыхъ планеты находились въ предшествовавшее время, такъ точно и всѣ явленія въ мѣрѣ нравственномъ суть необходимое слѣдствіе дѣйствія міровыхъ законовъ и тѣхъ условій, въ которыхъ мѣръ былъ въ предшествовавшее время. Эта точка

зрѣнія *implicite* содержитъ въ себѣ отрицаніе существованія зла. Если все равно необходимо, то все равно законо, а въ такомъ случаѣ нѣтъ ни добра, ни зла, а есть одна дѣйствительность. Въ умѣ человѣческомъ съ мыслию о добрѣ всегда соединялось представленіе о томъ, что должно быть съ мыслию о злѣ, — представленіе о томъ, что не должно быть. Но если все, что есть, то и должно быть, и чего нѣтъ, то и не должно быть, то по этой теоріи, въ которой возможное, дѣйствительное и необходимое совпадаютъ, ученіе о добрѣ и злѣ должно быть отвергнуто, какъ и ученіе старыхъ логикъ: *ab posse ad esse non valet consequentia*, *ab esse ad necesse non valet consequentia*. Связывая все связью необходимости, эта точка зрѣнія разсматриваетъ существующее, какъ единое вѣчное и безконечное цѣлое. Вся совокупность явленій существующаго разсматривается какъ жизнь этого цѣлаго. Само собою понятно, что эта жизнь не направляется ни къ какой цѣли, ибо если бы у ней была какая-либо цѣль, то стремясь къ ней отъ вѣчности, мировое цѣлое давно бы достигло ея. Эта жизнь міра представляетъ простую игру явленій, возникновеніе однихъ предметовъ и разрушеніе другихъ; для нея ни радость ни печаль, она все остается равною самой себѣ. Отсюда понятно, что что бы въ ней ни происходило, это что не можетъ быть для нея ни полезнымъ, ни вреднымъ.

Такъ короткое предложеніе: все совершается по необходимости заключаетъ въ себѣ отрицаніе зла, пользы и цѣли. Если все существующее равно необходимо, то все равно законо, хорошо и разумно. Это положеніе въ сущности дико, безнравственно и неразумно; и однако большая часть ученыхъ Европы и Америки (ибо между учеными число вѣрующихъ гораздо меньше числа невѣрующихъ) принимаетъ, какъ несомнѣнную истину тѣ основанія, изъ которыхъ этотъ печальный выводъ истекаетъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе.

Вотъ до чего дошло человѣчество, шедшее только при помощи собственныхъ силъ въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи зла въ человѣческомъ мірѣ: оно не объяснило факта, оно отвергло его. Философы не сказали намъ, что зло явилось потому то и потому то, а сказали, что зла нѣтъ. Но

постоянно утверждая или подразумевая это, философы на самомъ дѣлѣ никогда не признавали этого: они мучились болѣзнями и скорбями, мучили другихъ, какъ и все прочіе люди, они страдали и сострадали имъ многіе изъ нихъ всю жизнь боролись съ тѣмъ, что мы называемъ зломъ и что, борясь съ нимъ, они считали тѣмъ же самымъ. Справедливо же, чѣмъ что-либо другое. Фейербахъ могъ бы назвать это двойною бухгалтеріею ума: люди рѣшительно отрицали въ теоріи то, съ чѣмъ постоянно боролись на практикѣ. Должно прибавить, что въ настоящее время положеніе вещей не измѣнилось, напротивъ, число людей, думающихъ и дѣйствующихъ такимъ образомъ, увеличивается съ каждымъ днемъ.

Такъ, человѣческая мысль, не исходящая изъ вѣры въ высшее Откровеніе, не пришла ни къ чему иному, какъ къ тому, что въ концѣ концовъ санкціонировала зло (неразуміе и безнравственность). Вдумываясь въ предложенное намъ Библейское ученіе о происхожденіи зла, мы видимъ, что оно во 1) объясняетъ фактъ и во 2) представляетъ основанія, чтобы не отчаиваться отъ него. Библия говоритъ намъ во 1) что зло есть и во 2) что оно не необходимо и можетъ быть уничтожаемо.

Грѣховныя движенія нашего сердца, физическую боль, угрызенія совѣсти, нравственные скорби, вражду и подозрительность, съ которыми относится другъ къ другу лица, сословія, общества, народы, государства, несчастія отъ бурь, наводненій, неурожаевъ, несчастія, причина которыхъ лежатъ въ злоупотребленіяхъ или случаѣ, все это Библия называетъ зломъ, но она объясняетъ намъ затѣмъ, что все это зло, однако, не есть нѣчто необходимое — оно есть случайная болѣзнь. Человѣкъ нѣкогда свободно дозволилъ злему началу посѣять сѣмена зла въ его сердцѣ и изъ этихъ сѣмянъ выросло могучее дерево грѣха, страданія и смерти. Но будучи случайнымъ по своему происхожденію, зло можетъ быть уменьшаемо и уничтожаемо въ мірѣ. Человѣкъ можетъ бороться со зломъ, ему обѣщается поддержка свыше, и въ заповѣдяхъ указывается, какъ должно вести эту борьбу. И мы видимъ, что во 1) въ душѣ чело-

вѣки сохраняется сознание добра, и во 2) что иногда являются люди, отдающиеся ему всецѣло на служеніе. Едва ли сторонники теоріи, что все совершающееся необходимо, могутъ удовлетворительно объяснить послѣднее явленіе. Они исходятъ изъ предположенія, что добрыя движенія сердца и согласіе на нихъ воли у тѣхъ или иныхъ служителей добра являются необходимымъ слѣдствіемъ ихъ организаци и внѣшнихъ условій. Но во 1) можно показать, что многіе изъ такихъ людей были потомками вовсе не добродѣтельныхъ личностей, и слѣдовательно, не могли получить въ наслѣдство вполне укоренившихся добродѣтельныхъ наклонностей, мало этого, многія изъ нихъ сами еще въ теченіе многихъ лѣтъ погрязали въ развратѣ и преступленіяхъ. Во 2) внѣшнія условія воздѣйствовавшія на нихъ столь могущественно, эти же самыя внѣшнія условія не оказывали никакого дѣйствія на людей, которые по видимому были гораздо лучше ихъ или — по крайней мѣрѣ — не хуже. Въ 3) служеніе добру этими лицами совершалось не безъ борьбы, и часто борьба становилась очень тяжелой. И однако они, увлекаемые похотями, раздираемые страстями, увлекаемые міромъ, торжествовали въ преуспѣяніи въ добрѣ, которое привлекало ихъ лишь тѣмъ, что они сознавали, что добро есть то, что должно творить. Это явленіе, кажется, можетъ быть объяснено лишь при предположеніи существованія свободной воли человѣческой и абсолютной и всеблаготворительной Божественной.

Библейское ученіе о паденіи людей чрезъ свободное изволеніе и о промышленіи о падшихъ людяхъ всеблагото Бога подтверждается дѣйствительностью и въ то же время объясняетъ дѣйствительность, лишаетъ ее характера неразумности и, раскрывая челоуѣку его виновность предъ Богомъ, возвѣщаетъ ему, что онъ не долженъ отчаяваться, что зло не вобладаетъ надъ міромъ и не будетъ торжествовать вѣчно, и что царствіе Божіе близъ насъ есть. И въ это ученіе — единственно разумное и отрадное ученіе о происхожденіи зла — пытаются бросать камнями и грязью люди, которые по видимому другимъ должны бы были указывать путь къ истинѣ, а не сами блуждать во тьмѣ. Очевидно,

что эти люди, думающіе, что они освободились отъ давленія всякихъ предрасудковъ и суевѣрій, на самомъ дѣлѣ вовсе не свободны отъ вліянія того, кто нѣкогда своею вкрадчивою рѣчью погубилъ неопытную жену.

Г Л А В А 3-я.

Мѣсто обитанія первозданнаго человѣка. Множество гипотезъ о мѣстоположеніи рая. Три группы гипотезъ, разобранія и опровергнутыя Деличемъ. Мѣстѣ Равлинсона. Новая гипотеза Мориса Энгеля. Гипотезы Ленормана и Делича. Неправильность взгляда Ленормана. Недостаточность гипотезы Делича. Предположеніе Делатра.

Гдѣ впервые Господь помѣстилъ человѣка, гдѣ была колыбель человѣчества, откуда потомки первозданнаго человѣка расходились въ различныя времена и въ различныя стороны и населяли разныя земли? Изслѣдованіе этого вопроса возможно, потому что Библія даетъ много указаній для его рѣшенія. Помимо удовлетворенія чисто научной любознательности, его рѣшеніе нужно и для другой цѣли: апологетической. Въ настоящее время антропология во всякомъ случаѣ располагаетъ нѣкоторыми данными для рѣшенія вопроса о томъ, откуда приходили племена, живущія теперь въ тѣхъ или другихъ земляхъ. Если окажется что данныя антропологии ведутъ къ тому же мѣсту, которое указано Богодухновеннымъ авторомъ, какъ колыбель человѣчества, то, безъ сомнѣнія, этотъ результатъ долженъ остановить на себѣ вниманіе людей размышляющихъ, и тѣ люди, совѣсть которыхъ колеблется между вѣрою и невѣріемъ, найдутъ себѣ новое основаніе для разсѣянія своихъ сомнѣній.

Обратимся же къ изслѣдованію Библейскаго повѣствованія о мѣстѣ обитанія первозданнаго человѣка. Бытописатель подробно описываетъ это мѣсто. Насадилъ Господь Богъ, говоритъ онъ, садъ въ Едемѣ на востокѣ и помѣстилъ тамъ человѣка, котораго образовалъ. И произрастилъ Господь Богъ изъ земли всякое древо пріятное на видъ и хорошее

для пищи и древо жизни посреди сада, и древо познанія добра и зла. И рѣка выходитъ изъ Едема для орошенія сада, а потомъ раздѣляется и становится четырьмя потоками: и имя одного Фисонъ онъ обтекаетъ всю землю Хавила, ту, гдѣ золото; и золото той земли хорошее; тамъ бдолахъ и камень ониксъ. Имя второй рѣки: Гихонъ: она обтекаетъ всю землю Кушъ. Имя третьей рѣки Хиддекель: она протекаетъ предъ Ассирією. Четвертая рѣка Евфратъ. И взявъ Господь Богъ человѣка, и поселилъ его въ саду Едемскомъ, чтобы воздѣлывать его и хранить его“ (Быт. 2, 8—15).

Были дѣлаемы и описанія и указанія рая безъ руководства библейскимъ текстомъ, на томъ основаніи, что послѣднему не приписывали буквальнаго смысла. Описаніе и указаніе этого рода опредѣляли мѣсто рая и въ Америкѣ и въ Европѣ (Пруссіи, Россіи). При чтеніи этихъ описаній постоянно приходятъ на память слова митрополита Филарета: „нѣтъ мѣста, гдѣ бы любопытство не искало и легковѣріе не находило рая“¹⁾. Но мы не будемъ разсматривать этихъ ученій о раѣ, ибо образъ описанія бытописателя совершенно устраняетъ мысль объ аллегоріи и ясно показываетъ, что богодухновенный авторъ описывалъ область совершенно опредѣленную въ географіи его эпохи, хотя съ другой стороны самое это описаніе заставляетъ предполагать, что садъ, о которомъ въ немъ говорится, уже не существовалъ въ то время, когда составлялось описаніе. Указаніе автора, что садъ былъ насажденъ на востокѣ, надо понимать по отношенію къ мѣсту жительства бытописателя, значитъ на востокѣ отъ Палестины. Выраженіе 3, 8, что „Богъ ходилъ въ саду во время прохлады дня“, показываетъ, что въ Едемѣ былъ теплый климатъ. Изъ Едема въ садъ протекала, по бытописателю, рѣка, которая потомъ дѣлилась на четыре самостоятельныя рѣки, одна изъ нихъ Евфратъ извѣстна, относительно другой Хиддекела можно съ несомнѣнностію показать, что подъ нею должно разумѣть Тигръ (Hiddekel Хиддекель). Это открывается изъ того, что въ

1) См. Филаретъ, Записки на кн. Быт. 1815, стр. 7.

*) Записки на кн. Быт. 1815, стр. 7.

ассирийскихъ, надписяхъ однажды встрѣчается форма—индиклатъ, не оставляющая сомнѣній относительно того, что она принадлежитъ рѣкѣ, которая гораздо чаще называется сокращеннымъ Диклатъ. Последнее же названіе отъ древнихъ вавилонянъ и ассирианъ перешло въ позднѣйшее халдейское нарѣчіе, измѣнившись въ Диглатъ, перешло въ сирійскій языкъ, измѣнившись въ Даклатъ, и въ арабскій, измѣнившись въ Дидаклатъ. Съ другой стороны таже рѣка по древне-персидски называлась Тигра (въ Вундегешѣ-Даградѣ); значить, уже отъ такого названія произошло Греческое Τίγρις или Τίγρις. Что бы установить тожество Τίγρις и Диглатъ-диглатъ нужно только прибавить, что буквы р и л замѣняются иногда одна другою, какъ въ арійскихъ, такъ и въ семитическихъ языкахъ.

Два другіе потока, Фишонъ и Гихонъ, не могутъ быть опредѣлены непосредственно. Относительно того, какія рѣки должно разумѣть подъ ними, существуетъ множество самыхъ разнообразныхъ мнѣній. Фридрихъ Деличъ, издавъ въ 1881 году свою книгу „Wo lag das Paradies“?—въ ней гипотезы, существовавшія о мѣстопребываніи рая, подвелъ подъ три группы и опровергъ вполне основательно. Мы, руководясь его книгою, изложимъ сокращенно эти гипотезы и ихъ разборъ.

Въ первую группу Деличъ помѣщаетъ тѣ гипотезы, которыя отождествляютъ страну Хавила съ Индией и слѣдовательно, Фишонъ дѣлаютъ индѣйскою рѣкою Индомъ или Гангомъ. Многіе изъ примыкающихъ къ этому мнѣнію принимаютъ въ тоже время страну Кушъ за Эфіопію и вслѣдствіе этого видятъ въ Гихонѣ верхній Ниль или одинъ изъ его притоковъ. Но во 1) отождествленію Хавила съ Индией слишкомъ смѣло. Страна, о которой бытописатель говоритъ въ столь точныхъ выраженіяхъ, должна быть менѣе удалена, чѣмъ Индія; во 2) этѣ мнѣніе приписываетъ бытописателю представленіе, что Евфратъ, Тигръ, Гангъ или Индъ и Ниль имѣли общій источникъ, но такое невѣрное представленіе, независимо даже отъ признанія книги богодухновенною у него совершенно немыслимо. Ко второй группѣ Деличъ относитъ тѣ гипотезы, которыя указываютъ поло-

женіе рѣкъ въ Арменіи: Гихонъ, сообразно этимъ мнѣніямъ, есть Араксъ до Арабски. Gai-chun-er-kas — имя, представляющее поразительное сходство съ Гихонъ. Фишонъ есть Фазъ или Суція, текущій отъ Аракса. Нѣкоторые сторонники этого мнѣнія отождествляютъ Хавилансъ Колхидой. Но это мнѣніе опровергается тѣмъ, что армянскія рѣки отдѣляются отъ Тигра и Евфрата торною цѣлью, что совершенно устраняло для нихъ возможность быть одною рѣкою съ послѣдними. Къ третьей группѣ причисляются мнѣнія, авторы которыхъ помѣщаютъ рай въ южной Вавилоніи на Шат-эль-Арабѣ, образованномъ чрезъ сліяніе Тигра и Евфрата. Слѣдуя этой гипотезѣ Фишонъ и Гихонъ представляютъ Кагшъ и Керша; рѣки страны Элама, впадающія въ Шат-эль-Арабъ. Положеніе Элама, такимъ образомъ, совпадаетъ съ тою славною областію, которая прославлена средневѣковыми писателями, какъ одинъ изъ четырехъ раевъ Ислама. Но это воззрѣніе также не состоятельно, какъ и предыдущія; уже потому, что назадь тому 6—7 тысячъ лѣтъ тамъ, гдѣ впоследствии была южная Вавилонія, Тигръ и Евфратъ текли самостоятельно: сліянія ихъ въ общемъ руслѣ еще не было.

Кромѣ приведенныхъ трехъ группъ мнѣній существуютъ въ настоящее время многія иныя. Мы изложимъ изъ нихъ четыре: Равлинсона, Морица Энгеля, Ленормана и Делича.

Вотъ мнѣніе Равлинсона: Сходясь съ авторами сейчасъ приведенныхъ гипотезъ въ томъ, что подъ двумя райскими рѣками нужно разумѣть Тигръ и Евфратъ, Равлинсонъ полагаетъ, что Гихонъ есть Inba рѣка, текшая предъ Eridu. Городъ Eridu имѣлъ такое самое положеніе, какъ и Эдемскій садъ. Южнохалдейскіе гимны въ аккадскомъ и ассирійскомъ языкахъ, которые были найдены въ библиотекѣ Ассурбанипала въ Ниневіи, говорятъ о священной рощѣ, которая была насаждена въ Eridu. Въ Eridu выросла черная пшеница; на чистомъ мѣстѣ образовалась она. Ея плоды образовались, какъ блестящій кристаллъ предъ лицомъ океана. Наасъ есть ея питаніе, въ Eridu богатое излишество ея полноты, ея мѣсто есть (центральное) мѣсто земли. Ея корень есть ложе богини Vabi, священная (роща) ея жилище.

тѣни которой густы, какъ тѣни лѣса, никто не вступалъ туда (въ жилище великой богини), которая родина Ану²⁾ Eridu есть теперешнее Abuschagel. Равлинсонъ думаетъ, что можно точно опредѣлить положеніе рощи, именно въ томъ мѣстѣ, которое теперь называется Dhîb. Что касается четвертой райской рѣки Фисона, то, по мнѣнію англійскаго ассириолога, это есть водный потокъ, который обозначается подъ множественнымъ числомъ Ugnu, поелику различали верхній и нижній Ugnu. Равлинсонъ дѣлаетъ изъ него западный притокъ Евфрата, какъ изъ Гихона восточный рукавъ Тигра³⁾. Не трудно видѣть, что мнѣніе Равлинсона также недопустимо, какъ и три рода гипотезъ разобранныхъ Деличемъ. Равлинсонъ исходитъ изъ того положенія, что Моисей допустилъ ошибки въ топографіи рая, но такое предположеніе уже само по себѣ устраняетъ возможность объясненія священнаго текста. Это не объясненіе, а отрицаніе Библии. Въ раѣ Равлинсонъ считаетъ двѣ рѣки и два ихъ притока, это стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ библейскою топографіею.

Въ 1885 г. явилась гипотеза Морица Энгеля³⁾. Вотъ ея сущность. Въ восьми часахъ пути отъ восточнаго склона Харранскаго горнаго узла начинается волнообразная равнина, которая по направленію къ сѣверовостоку (по оазису, простирающемуся часовъ на 10 пути) медленно понижается и здѣсь находитъ свой глубочайшій пунктъ. Отсюда поднимается опять къ сѣверу и востоку до возвышенности отстоящей на 30—40 часовъ ходьбы, каковая возвышенность начинается у Пальмиры и почти въ прямомъ направленіи отъ сѣвера къ югу простирается болѣе, чѣмъ на два градуса до Wadi Sirphan'a, который прорѣзывается ею, кажется, поперекъ. Эта волнообразная поверхность называется хребтомъ пустыни (Dahg et Berrie) и поднимается надъ моремъ болѣе, чѣмъ на 200 метровъ. Заключенное съ обѣихъ сторонъ горными цѣпями плоскогорье, базисъ въ которомъ лежитъ на 88 метровъ ниже, чѣмъ Дамаскъ, имѣющій 690

²⁾ Vigouroux, die Bibel und die neuen Entdeckung. 1885 S. 185—187.

³⁾ Moritz Engel, Die Lösung des Paradiesfrage 1885.

метровъ высоты надъ уровнемъ моря, имѣетъ форму большаго гладкаго горба, который свою настоящую форму могъ получить въ позднѣйшее время третичнаго періода, когда въ пліоценовую эпоху поднялось вулканическое плато, которое на западѣ примыкаетъ къ оазису и склоняется къ нему. Эта плоскость, имѣющая золотистожелтый гумусъ, называется Нагга, каждая сторона ея простирается на 21 съ небольшимъ дней пути, лежитъ она между 32—34° сѣверной широты и между 37—39° восточной долготы отъ Гринвича. Золотистожелтой окраской своего гумуса она рѣзко отличается отъ Ardhamга — темнокрасной почвы вулканическаго Харрана, который граничитъ съ запада, какъ и отъ Ardal Gebbone съ бѣлою сырообразною почвою невулканическаго Намадга, который граничитъ съ востока и юга.

Почва Нагга каменистая и никогда не культивировалась. Эта Нагга и есть тотъ Эдемъ, въ которомъ находится рай. Это оазисъ, имѣющій 3½ часа ходьбы въ длину и 2½ ч. ходьбы въ ширину, такъ, что онъ равняется долинѣ Эльбы между Дрезденомъ и Пирною. Это волнистая низменность съ глинистою поверхностію. Изъ Нагга въ этотъ оазисъ текутъ 4 рѣки, соединяющіяся здѣсь въ одинъ общій истокъ. Орошеніе оазиса и отношеніе его стока къ четыремъ источникамъ тоже самое, какъ и въ библейскомъ раю. Оазисъ называется Ruhbe и отличается плодородіемъ. Названія четырехъ источниковъ: 1) A-Têsnra ходитъ по всей землѣ es zahá 2) Gumar-Makafi (проходитъ около всей страны er Ríásch и er Ruwéachi dat) 3) Gazz (течетъ къ востоку отъ Харрана) 4) Wodi et Gám. Въ доказательство того, что оазисъ Ruhbe должно считать мѣстомърая, Энгель указываетъ на много побочныхъ обстоятельствъ. Такъ къ востоку Ruhbe онъ находитъ землю Нодъ (земля изгнанія — пустыня Нагга) породъ Энохъ (Напок) по его мнѣнію есть Nanakíje, лежащій въ 6 часахъ ходьбы къ сѣверу отъ Медины. Тотъ образъ жизни, который Библия приписываетъ каинитамъ, весьма подходитъ подъ условія Нагга: Херувимы, которые по бытописателю охраняли входъ въ рай, по Энгелю, суть дѣйствующіе вулканы. Въ этомъ оазисѣ, по мнѣнію Энгеля, жили предки евреевъ, сыны Божіи, сталкивавшіеся съ ко-

чевниками пустыни. — сынами человеческими (каинитами); отсюда въ послѣдствіи они спустились въ Харранъ. Послѣдующая исторія Еврейскаго народа затемнила первоначальныя преданія объ этой ихъ прародинѣ—этомъ лонѣ Авраама, и вотъ, послѣ плѣна вавилонскаго они приурочили свои преданія о прародинѣ къ новой мѣстности—къ Месопотаміи, и такъ возникло библейское сказаніе.

Для насъ при сужденіи объ этой гипотезѣ собственно достаточно замѣтить, что, являясь необоснованною фактически и стоя въ противорѣчій съ библейскимъ текстомъ, богодуховенность котораго она отрицаетъ, она съ нашей точки зрѣнія должна быть отвергнута. Но легко показать не только ея необоснованность, но и ея ложность. Если авторъ 2-й главы кн. Бытія, по Ангелю, вслѣдствіе затемненія преданій приурочилъ рай къ Месопотаміи, то спрашивается, почему же авторъ не изобразилъ вѣрно и Месопотамской топографіи, почему географія мѣстности сохранилась въ его памяти съ такою поразительною отчетливостію; а названія мѣстности исчезли изъ памяти? Запоминать мѣстность дѣло нелегкое, рисовать карты наизусть очень трудно, запомнить же названія, встречающіяся на картѣ весьма легко, почему же съ бытописателемъ происходитъ противное? Ангель и посвящаетъ очень много разсужденій сближенію меча съ огнемъ, отстаивая своею мыслью, что херувимы—вулканы. Пусть будетъ такъ, но вѣдь херувимы не пускали въ рай, а между вулканами обитатели спокойно проходили изъ оазиса въ пустыню и обратно. Можетъ быть Ангель думаетъ, что эти вулканы поднялись послѣ удаленія изъ Ашуре предковъ Евреевъ, но онъ самъ утверждаетъ, что эти вулканы третичнаго происхожденія, предки же Евреевъ жили послѣ ледниковой эпохи. Затѣмъ самое сближеніе топографіи Наггаса съ Эдемомъ на самомъ дѣлѣ искусственно. Бытописатель говоритъ о рѣкѣ, протекющей по Эдему, а Ангель рисуетъ озеро. Наконецъ несостоятельность гипотезы Ангеля ясно обнаруживается изъ разсмотрѣнія тѣхъ странностей, которыя допускаетъ онъ при размѣщеніи библейскихъ фактовъ и событій: каинитовъ онъ заставляетъ жить послѣ Сима, съ Сима начи-

наеть обрѣзаніе. Вообще вся книжка Энгеля, кажется, представляет собою бесплодную трату остроумія на искусственные сближенія и догадки.

Гипотезы Энгеля, Равлинсона и другія приведенныя выше едва ли имѣютъ и—главное—едва ли будутъ имѣть у себя многихъ послѣдователей. На очереди дня въ настоящее время стоятъ собственно только двѣ гипотезы—Ленормяна и Делича. Онѣ пользуются широкою извѣстностію и каждая изъ нихъ имѣетъ многочисленныхъ послѣдователей. Перейдемъ къ ихъ изложенію и разбору. Описание эдемскаго рая въ книгѣ Бытія, говоритъ Ленорманъ, навѣрно есть одинъ изъ тѣхъ первоначальныхъ документовъ, существовавшихъ раньше переселенія Евреевъ въ Сирію, которое семейство Авраама принесло съ собою, покидая берега Евфрата, и который редакторъ пятокнижія вставилъ въ текстъ такимъ, какимъ сохранило его преданіе. Онъ говоритъ о странахъ, о которыхъ далѣе не ставится вопроса въ Библии, и все здѣсь, какъ и въ другихъ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ началѣ книги Бытія, носитъ отпечатокъ символической окраски, свойственной первобытнымъ вѣкамъ. Въ эдемской странѣ есть садъ, который является жилищемъ для первой пары людей, преданіе представляетъ его по образцу парадисовъ азіатскихъ монархій; имѣвшихъ въ центрѣ пирамидальный кипарисъ. Но нельзя видѣть въ этой аналогіи аргумента въ пользу мнѣнія, разсматривающаго повѣствованіе объ эдемскомъ садѣ, какъ заимствованное іудеями изъ Персіи во время плѣна. Есть несомнѣнное доказательство высокой древности библейскаго повѣствованія и того, что у Евреевъ преданіе о раѣ существовало раньше плѣна. У Евреевъ ясно обнаруживается стремленіе подражать четыремъ эдемскимъ вѣкамъ, каковое стремленіе руководило Соломономъ въ его трудахъ и Иезекилемъ при распредѣленіи водъ Іерусалима, представляемаго средоточіемъ земли (Іез. 5; 5) въ смыслѣ центра шара и источника водъ. 4 ручья (потока), которые орошали городъ и подножіе его окрестностей и изъ которыхъ одинъ назывался Гихонъ, какъ и одна изъ райскихъ рѣкъ, были разсматриваемы какъ вытекающіе изъ источника воды живой, отно-

сительно котораго предполагалось, что онъ находился подъ храмомъ“⁴⁾.

Признавъ такимъ образомъ, высокую древность библейскаго повѣствованія, Ленорманъ, тѣмъ не менѣе, не признаетъ его соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Онъ обращаетъ вниманіе на параллельность сказаній Бундегеша и Библии, параллелизмъ тѣмъ болѣе замѣчательный; что сказанія Библии и Бундегеша несомнѣнно независимы одно отъ другаго. Въ сказаніи Бундегеша перечисляются 4 рѣки, выходящія изъ Aiguana Vaedja: Agang-gout первоначально Rougha (Яксартъ) рѣка, называемая также Prât, Veh-goût или прежде Argand (Таримъ), наконецъ Mehrva или Mehrgva-goût (верхній Индъ). Описаніе Бундегеша относится къ памирскому плато-массиву къ сѣверу отъ Гиммалаевъ, у котораго получаютъ начало Аму-дарья, Сырдарья, Таримъ и Индъ. Остроумными соображеніями Ленорманъ пытается доказать, что и въ преданіяхъ всѣхъ другихъ народовъ эта мѣстность представляется какъ колыбель человечества, хотя воспоминанія о ней исказились въ памяти народовъ.

Обращаясь затѣмъ къ библейскому повѣствованію, Ленорманъ указываетъ, что, если не обращать вниманія на названія Тигра и Евфрата, то окажется, что и библейское повѣствованіе вполне отвѣчаетъ топографіи Памира. Несомнѣнно, говоритъ онъ, что двѣ райскія рѣки суть тѣ, которыя получаютъ начало въ массивѣ Белуртага и Памира, одна къ сѣверу и другая къ югу. Гихонъ есть Оксъ, называемый еще и теперь Djihoim береговыми жителями, большая часть новѣйшихъ комментаторовъ единогласно сходятся на этотъ счетъ. Имя Гихона представляетъ ту же особенность, какъ почти всѣ имена географіи первоначальныхъ преданій. Не измѣняя существенно своей формы, оно получаетъ одно значеніе у семитовъ и другое у арійцевъ. У первыхъ оно означаетъ бурную рѣку, — у вторыхъ — извилистую, излучистую рѣку. Страна Кушъ, которая расположена по этой рѣкѣ, кажется и была первоначальною колыбелью кушитовъ, колыбелью, лежавшею въ сторонѣ юпъ

4) Lenormant, L' Histoire ancienne. Т. 4.

прародины семитовъ и арийцевъ. Въ Фишонѣ, въ которомъ преданіе всегда видѣло индійскую рѣку, трудно не узнать верхняго Инда и въ странѣ Хавила, вдоль которой онъ течетъ, — Дагаду, страну около Кашмира, знаменитаго въ греческихъ и индійскихъ сказаніяхъ своимъ богатствомъ, и гдѣ находятъ рядъ географическихъ именъ, приближающихся къ Хавила. Что касается до названія Тигра и Евфрата, то Ленорманъ полагаетъ, что здѣсь писатель библейскаго повѣствованія перенесъ на памирскія рѣки названія рѣкъ той страны, въ которой онъ жилъ — Месопотаміи, къ которой приурочилъ и самое преданіе о раѣ. Но что это было ошибочно со стороны автора, это, по воззрѣнію Ленормана, открывается изъ многихъ соображеній. Достаточно, говорить Ленорманъ, прочесть внимательно библейскій текстъ, чтобы убѣдиться, что подъ описываемыми рѣками Вавилоніи разумѣются другія рѣки, которыя не могутъ принадлежать этой странѣ, и которыя относятся къ тому же самому пункту, о которомъ говорятъ преданія Ирана и Индіи.

Прежде всего основное данное географической концепціи Эдема — одинъ водный источникъ, входящій въ садъ для того, чтобы его орошать, и который раздѣляется потомъ на четыре рѣки въ различныхъ направленіяхъ, не находитъ себѣ ничего соответствующаго въ Вавилоніи. Въ Вавилоніи мы встрѣчаемъ совершенно обратное: двѣ рѣки, раздѣленные на 4 вѣтви, которыя входятъ раздѣленными въ San-Donnejasch для того, чтобы соединиться тамъ и выйдти, образуя общій истокъ воды. Затѣмъ, указаніе, что сторона, орошаемая Фишономъ, богата минералами, металлами и драгоценными камнями, ведетъ опять скорѣе къ Хавила верхняго Инда, чѣмъ къ странамъ Аравіи.

Послѣднее основаніе, побуждающее полагать мѣсто эдемскаго рая на памирскомъ плато, заключается, по Ленорману, въ томъ, что въ сосѣдствѣ отъ этого плато на востокъ находится земля Нодъ-изгнанія, нужды, куда удалился Каинъ послѣ совершенія убійства и гдѣ построилъ первый городъ Енохъ (Hapoch). Земля Нодъ это пустыня Гоби. Интересно, что въ ней находится городъ Khotan, древность котораго, согласно преданіямъ, превосходитъ древность

всѣхъ городовъ Азіи. Оказывается, что въ немъ велась древнѣйшая въ мірѣ торговля металлами; уже многіе изслѣдователи склонялись къ тому, что этотъ Khotanъ есть Енохъ Каина. Если же это такъ, — то что вѣрить Ленорманъ, то, очевидно, памирское плато есть мѣсто Эдема.

Подробное изложеніе своей гипотезы Ленорманъ предложилъ въ 1881 г. Въ томъ же году выступилъ съ подробнымъ развитіемъ своего взгляда (высказаннаго кратко за нѣсколько лѣтъ ранѣе) и Деличъ⁵⁾. Установивши съ несомнѣнностію, что двѣ райскія рѣки суть Тигръ и Евфратъ, Деличъ на основаніи данныхъ клинообразныхъ надписей попытался найти и двѣ другія рѣки. Фишонъ по ассирійски писану, писанна, назабу, нашабу — русло или ложе, по которому течетъ вода, водопроводъ, каналъ (синонимично съ рату-gatu русло или ложе и палгу) Деличъ обращаетъ вниманіе на созвучіе палгу съ паллакопасъ — большой каналъ, протекавшій, согласно Арріану, по правую сторону отъ Евфрата. Деличъ полагаетъ, что паллакопасъ былъ канализированъ для отвода водъ Евфрата (въ предупрежденіе бѣдственныхъ послѣдствій весенняго разлива) и что въ глубочайшей древности онъ могъ быть однимъ изъ рукавовъ Евфрата (Риттеръ показалъ много случаевъ обращенія высохшихъ рукавовъ въ каналы, въ частности онъ прямо держится такого мнѣнія относительно паллакопасъ). Въ библейскомъ повѣствованіи говорится, что Фишонъ обтекаетъ всю землю Хавила. Деличъ указаніе на это имя находитъ въ Ард-эи халаръ (песчаная земля), каковымъ именемъ называется теперь западная окраина сирійско-арабской пустыни противъ Египта. По его мнѣнію названіе „Хавила“ принадлежало прежде всей пустынѣ, и что обтекавшій ее, писану-паллакопасъ и есть Фишонъ Библии. Указаніе на обиліе въ этой странѣ золота Деличъ видитъ въ томъ, что въ памятникахъ клинообразныхъ говорится, что „даръ моря“ (Мерадахъ-Виладанъ) — южной месо-

5) Delitzsch, Wo lag das Paradies? Eine biblisch-assiriologische Studie mit zahlreichen assiriologischen Beiträgen zur biblischen Länder und Volkerkunde und einer Karte Babyloniens. 1881.

потами — поднесъ ассирійскому царю Феглафелассару, между прочимъ, множество золота. Бдлахъ, если его отождествить съ bdellium, которое Плиній называетъ чернымъ деревомъ, весьма маслянистымъ съ листьями похожими на дубовыя и плодами напоминающими ореховыя, тоже водится здѣсь въ обилии, какъ и въ окрестныхъ мѣстахъ. Шогамъ — сашму, по Деличу, драгоценный камень, которымъ вавилонскій царь украшалъ себя.

Имя соотвѣтствующее Гихону, Деличъ знаменъ въ клинообразныхъ надписяхъ: Гу-хаан-дэ, а въ переводѣ на ассирійскій языкъ Арахтумъ. Для этого гчтенія найденъ вариантъ Гу-ха-ан-на безъ дэ, не составлявшаго значить, существенной части слова. Арахтумъ или Арахту, какъ видно изъ клинообразныхъ памятниковъ, протекала по лѣвую сторону Евфрата. Впослѣдствіи эта рѣка раздѣлилась на двѣ вѣтви, изъ нихъ одна направлялась на лѣво къ Тигру, а другая, отступивъ сначала отъ Евфрата, затѣмъ снова приближалась къ нему и выпадала немного выше рѣки шатт-эль-хай, соединяющей Тигръ съ Евфратомъ. Замѣчательно, что рукавъ этотъ назывался Шаттэннимъ. Шатъ значитъ „большая рѣка“, слѣдовательно, первоначально этотъ рукавъ не былъ каналомъ. Гихонъ, какъ повѣствуетъ Библія, протекалъ всю землю Кушъ. Племя Кушъ обыкновенно искали въ Африкѣ, но сыновья Куша по Быт. X, 2 суть родоначальники племенъ не африканскихъ, а азіатскихъ. Изъ X главы видно, что Кушъ рождаетъ Сева и Хавила, и Савта и Раама, и Савтеха, народы, изъ которыхъ ни одинъ не былъ отысканъ въ Африкѣ, и относительно которыхъ несомнѣнно, что многіе изъ нихъ обитали въ Аравіи по направленію съ Сѣвера на Югъ вдоль персидскаго залива. Кушъ былъ также отецъ Нимврода, основавшаго государство въ странѣ, которую орошалъ Шат-эн-вилъ. На Востоку отъ Тигра и на Сѣверъ отъ персидскаго залива находятъ на клинообразныхъ надписяхъ, названіе kassi, по греческой географіи χισσιον, κοσσαιον, κοσσοδιον. На основаніи тригонометрическихъ измѣреній пражскій ученый А. Гусдорфъ пришелъ къ заключенію, что въ доисторическое время Тигръ и Евфратъ должны были соединяться къ сѣверу отъ Багдада

именно на 62° восточной долготы и 34° сѣверной широты, слѣдовательно, приблизительно около города Описъ. И въ настоящее время Тигръ и Евфратъ находятся здѣсь въ наименьшемъ разстояніи одинъ отъ другаго. По причинѣ накопленія ила въ Евфратѣ мѣсто, гдѣ онъ течетъ, возвысилось съ теченіемъ времени на четыре метра болѣе, чѣмъ мѣстность, гдѣ течетъ Тигръ. Всѣ протоки, которые соединяютъ Евфратъ съ Тигромъ около Аккады, Синора и Ктезифона текутъ къ востоку и вливаются изъ Евфрата въ Тигръ, каковыя и питаютъ такъ, что можно сказать, что Тигръ здѣсь не орошаетъ страны, а самъ питается водами всеорошающаго Евфрата. На это замѣчательное обстоятельство обратили вниманіе многіе. Не смотря на то, что здѣсь протекаютъ двѣ рѣки, въ сущности имѣющее значеніе оказывается только одна, какъ объ этомъ и говорится въ Библии. Рай въ Библии называется ганъ Еденъ (Быт. 2, 15, 3, 23, 24. Иол. 2, 3; Иезек. 36, 35). Та мѣстность, въ которой отдѣлялись отъ Евфрата паллакопась, Гихонъ, и гдѣ Тигръ питался его водами, называется въ клинообразныхъ надписяхъ кардуніась. Уже древніе писатели выражали удивленіе предъ богатствомъ орошенія этой страны, множествомъ ея каналовъ, мостовъ, виноградниковъ, плодовыхъ полей и финиковыхъ лѣсовъ. Вавилонскій талмудъ говоритъ о вавилонскихъ пальмахъ, что „онѣ имѣютъ свое происхожденіе отъ перваго человѣка“ (64 слу). Вавилонское названіе кардуніась сумерско-аккадскаго происхожденія (каръ-садъ, поле, дуніась-названіе какого то бога дуна. Въ клинообразныхъ надписяхъ эта мѣстность иногда называется гиндунъ садъ бога дуна. Такимъ образомъ ганъ-эденъ кардуніась-гиндунъ. Это подтверждается еще и тѣмъ, что въ одномъ сумероассирійскомъ словарѣ вавилонско-семитское слово церу (поле, равнина) поставлено въ соотвѣтствіи съ несемитскимъ единъ, употреблявшимся и въ семитскомъ языкѣ въ формѣ едину (степь, пастбище).

Относительно многихъ изъ своихъ соображеній Деличъ не настаиваетъ на ихъ несомнѣнной истинѣ, а считаетъ ихъ только вѣроятными, но въ общемъ онъ довольно твердо убѣжденъ, что нашелъ мѣсто къ которому евреи приурочи-

вали свой земной рай. Опредѣливъ положеніе его въ Вавилоніи (62° в. д. 34° с. ш.), онъ приходитъ къ заключенію, что и сказаніе о немъ принесено евреями изъ Вавилона и составилось послѣ плѣва. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что въ историческихъ книгахъ евреевъ и вообще въ ихъ писаніяхъ, говорящихъ о событіяхъ до плѣва Вавилонскаго и восходящихъ къ болѣе раннему времени, нѣтъ упоминанія объ эдемскомъ садѣ.

Несомнѣнно, что гипотезы Делича и Ленормана стоятъ неизмѣримо выше другихъ гипотезъ о томъ же предметѣ. Онѣ явились плодомъ широкаго и глубокаго изученія предмета и подкрѣпляются у авторовъ многими соображеніями. Тѣмъ не менѣе нельзя подписаться ни подъ тою ни подъ другою гипотезою.

Исходнымъ началомъ разсужденія Ленормана является предположеніе ошибки со стороны бытописателя. Уже этого одного съ нашей точки зрѣнія достаточно, чтобы его отвергнуть. Между прочимъ, какъ одно изъ основаній вѣрности своей топографіи, Ленорманъ приводитъ то, что топографія Делича невѣрна, но это, вѣдь, вовсе не основаніе для того, что бы вѣрить топографіи Ленормана. Ссылка на городъ Khotan является у Ленормана довольно странною. Khotan—не Намосч. Khotan, далѣе, какъ обыкновенно смотрять, долженъ былъ возникнуть послѣ потопа, наконецъ, Каинъ вовсе неизвѣстенъ, какъ металлургъ, между тѣмъ, какъ Khotan представляется центромъ металлургической торговли.

Какъ бы то ни было, древнія преданія, представляющія это, несомнѣнно не могутъ восходить не только ко времени Каина, но и Тубалкуина. У Ленормана стремленіе доказать, что колыбель человечества находится на памирскомъ плато, проходить чрезъ всю книгу.

Исслѣдуя преданія различныхъ народовъ о мѣстахъ ихъ первобытнаго поселенія—каковыми, нужно замѣтить, за исключеніемъ 2—3 случаевъ, никогда не является памирское плато,—Ленорманъ говоритъ, что во всѣхъ этихъ преданіяхъ народы мѣсто своей первоначальной родины указываютъ по направленію къ памирскому плато такъ, что

если продолжить линии въ указываемыхъ ими направле-
 нияхъ, то всѣ эти линии пересекутся на Памирскомъ плато.
 Въ этомъ заключеніи Денормана есть одна крупная ошибка,
 лишающая значенія всаго разсужденіе. Денорманъ пригла-
 шаетъ продолжить линію изъ того пункта, который занима-
 етъ извѣстный народъ, но направленію къ той мѣстности,
 на которую этотъ народъ указываетъ, какъ на свою пра-
 родину, и говоритъ, что при дальнѣйшемъ продолженіи
 такой линіи, она пересечетъ памирское плато. Но дѣло
 въ томъ, что народы мѣсто своей прародины часто указы-
 ваютъ весьма неопредѣленно (напримѣръ, говорятъ, что
 она лежитъ къ востоку отъ уральскихъ горъ), указываютъ
 такія широкія области, что чрезъ нихъ можно провести
 прямыя въ какомъ угодно направленіи. Не мудрено поэтому,
 если на чертежѣ Денормана эти линіи — какъ ему было
 угодно, — пересѣклись на памирскомъ плато.

Гипотезу Делича безъ всякой критики, какъ въполнѣ
 удобопріемлемую, изложилъ у насъ на Руси Якимовъ⁶⁾,
 оставивъ только взглядъ автора на происхожденіе (послѣ-
 ственное) сказанія о раѣ и на его значеніе (сати). Но
 много возраженій можно сдѣлать противъ этой гипотезы,
 столь исключительно она почвѣ научной. Что сказаніе о раѣ
 возникло до плѣна, это, какъ выше показано, доказалъ
 Денорманъ ссылкой на труды Соломона и замѣчанія Езеки-
 кія. Далѣе Деличъ говоритъ, что автору 2-й главы раемъ
 представлялся вавилонская долина, что въ сказаніи о
 херувимѣ, который охранялъ рай, также указывается на
 Вавилонію (гдѣ почитались херувимы), но Деличъ забы-
 ваетъ, что человекъ по мысли автора былъ изгнанъ изъ
 рая и не могъ тамъ жить; въ той же широкой долигѣ,
 которую намѣчаетъ онъ, люди жили. Правда, какъ выше
 было сказано, богодохновенный авторъ, видно, разумѣлъ
 опредѣленную, извѣстную въ его время мѣстность, описы-
 вая эдемъ. Но относительно самого рая — а не страны, въ
 которой рай находится — нужно думать, онъ полагалъ иначе:
 рай могъ давно исчезнуть съ лица земли. Еще болѣе

⁶⁾ Якимовъ, Гдѣ находился земной рай? Христ. Чит. 1882 ч. 2, стр. 552—574.

странно допустить, чтобы Евреи къ мѣсту ихъ изгнанія могли приурочить сказаніе о раѣ. Зачѣмъ, настаивая на вавилонскомъ происхожденіи саги о раѣ, Деличъ однако самъ сознается, что въ клинообразныхъ письменахъ не нашли никакого указанія на существованіе у вавилонянъ саги о раѣ.

Топографія Делича, какъ ни старается быть приближать къ натяжкамъ, не соответствуетъ библейскому описанію. Рѣки, раздѣляющей на четыре истока, у него нѣтъ, у него являются двѣ самостоятельныя рѣки: Евфратъ и Тигръ. Перечисленіе бытописателемъ рѣкъ въ томъ порядкѣ, какъ оно представлено въ Быт. 2, 10—14, по Деличу, является совершенно непонятнымъ. Зачѣмъ бытописательъ отъ Фисона переходитъ къ Гихону, пропуская Евфратъ, и отъ Евфрата къ Тигру, пропуская Гихонъ? Тѣмъ неменѣе соображенія и указанія Делича должно признать весьма важными. Дѣло въ томъ, что на основаніи его указаній, кажется, должно искать рай въ другомъ мѣстѣ и, кажется, можно найти его. Оставивъ страны Хавила и Кушъ, тамъ, гдѣ для нихъ назначаетъ мѣста Деличъ, можно представить, что Фисонъ и Гихонъ были вѣтвями той дельты, въ которую прежде изливали воды Евфратъ и Тигръ (соединившіеся между собою немного выше), и которая теперь занесена аллювиальными отложеніями этихъ рѣкъ, между тѣмъ какъ сами рѣки, вслѣдствіе измѣненія ихъ руслъ, соединились между собою гораздо сѣвернѣе (Шать-эль-арабъ). Рай, такимъ образомъ, былъ расположенъ на рѣкѣ, которая къ сѣверу дѣлилась на двѣ рѣки и точно также на югъ на двѣ вѣтви—Фисонъ былъ правою вѣтвью и орошалъ всю страну Хавила, Гихонъ—лѣвою вѣтвью и орошалъ всю страну Кушъ. Принимая во вниманіе, что встрѣчающееся на клинообразныхъ надписяхъ названіе рѣки Gûchân (не несомнѣнно Шать-эль-нила, а только несомнѣнно рѣки на лѣво отъ Евфрата) а по имени и по положенію соответствуетъ Гихону, а мѣстность Kas-si, Koos-sati—Кушъ находилась на лѣво отъ Тигра, мы находимъ сильное подтвержденіе высказанному предположенію. Для насъ теперь становится вполне понятнымъ и порядкомъ перечисленія рѣкъ Моусеемъ: отъ югозапада онъ идетъ

къ юговостоку, затѣмъ къ сѣверовостоку и наконецъ, къ сѣверозападу, совершая такимъ образомъ кругъ, а недѣлая непонятныхъ скачковъ. Изложенное мнѣніе принадлежит Делатру S. I.⁷⁾ Конечно нельзя ручаться за то, что это мнѣніе представляетъ собою неопровержимую истину, но нельзя не признать того, что оно имѣетъ за собой высокую степень вѣроятности. Слѣдуя этой гипотезѣ, мы должны принять, что Адамъ и Ева по изгнаніи изъ рая жили на восточномъ берегу Шатъ-эль-араба. Это былъ первый центръ, изъ котораго начало распространяться человѣчество.

Но если даже допустить, что въ топографіи Делатра есть ошибка, и тогда представляется несомнѣннымъ, что она вѣрна въ общемъ, какъ и гипотеза Делича, представляется несомнѣннымъ, что рай былъ въ Месопотаміи, что первые люди жили къ сѣверу отъ персидскаго залива и не особенно далеко отъ этого послѣдняго.

Для насъ и не требуется большой точности. Для нашей цѣли было бы даже достаточно, если бы о мѣстожителъствѣ перваго человѣка было установлено, что онъ жилъ гдѣ то въ территоріи средней Азіи, на памирскомъ плато, въ Бактріанѣ, Арменіи, Палестинѣ, Месопотаміи, ибо имѣетъ важное анологетическое значеніе уже одно то обстоятельство, если только его можно доказать или обосновать, — что всѣ народы выходили изъ средней Азіи. Впослѣдствіи мы покажемъ, что такое мнѣніе въ наукѣ (совершенно независимо отъ библейскаго вліянія) существуетъ (у Катрфажа), и приведемъ тѣ основанія, которыя даются въ его пользу.

Г Л А В А 4-я.

Библейское повѣствованіе о судьбахъ человѣчества отъ паденія первыхъ людей по вавилонское столпотвореніе. Взгляды Левормана и Цокклера на судьбы человѣчества послѣ паденія. Два періода въ допотопной жизни человѣчества. Потопъ. Вавилонское столпотвореніе и расселеніе племенъ. Первобытное человѣчество по представлевію Библии.

Изгнанные изъ рая Адамъ и Ева поселились къ востоку отъ Тигра и Евфрата и безъ сомнѣнія недалеко отъ Тигра.

⁷⁾ Смотри его библиографическую статью о книгѣ *Wo lag Paradies?* В *Revue des Quest. scient.* 1882. Octobre.

Мѣсто ихъ поселенія и было колыбелью рода человѣческаго. Здѣсь родился первый ребенокъ, отсюда потомки Адама начали расходиться въ разныя стороны. Выяснивъ себѣ библейское повѣствованіе о мѣстѣ обитанія первыхъ людей, обратимся теперь къ изслѣдованію библейскаго повѣствованія о жизни этихъ первыхъ людей и ихъ ближайшихъ потомковъ. Повѣствованіе объ этомъ содержится въ первыхъ одиннадцати главахъ книги бытія. Различные изслѣдователи, руководясь этимъ повѣствованіемъ, о жизни первочеловѣчества составили себѣ совершенно различныя представленія. Мы изложимъ два взгляда на это повѣствованіе: взглядъ Ленормана и взглядъ Цокклера и постараемся разсмотрѣть, какой изъ нихъ болѣе правиленъ.

По мнѣнію Ленормана паденіе немедленно низвергло человѣка съ высоты первоначальной святости въ глубину нищеты духовной и физическаго безобразія. Физическій типъ человѣка, изгнаннаго изъ рая, Ленорманъ ищетъ въ типѣ неандертальскомъ (наиболѣе приближающемся къ обезьянъему), цвѣтъ кожи ему онъ приписываетъ желтый, ссылаясь на изысканія Катрфажа о первобытномъ человѣкѣ. Что касается до духовной стороны человѣческаго существа, то первобытный человѣкъ находился въ крайней дикости, ставящей его гораздо ниже современныхъ низшихъ племенъ. Проблематическій человѣкъ вѣка эолетическаго—человѣкъ полуобезьяна,—вотъ что рисуется Ленорману при представленіи первобытныхъ временъ. Онъ утверждаетъ, что именно это самое утверждаетъ и Библию. „Когда Библия, говоритъ онъ, описываетъ въ выраженіяхъ столь точныхъ жизнь первыхъ людей, какъ жизнь совершенно дикихъ, откуда встрѣчается такой отпоръ со стороны многихъ католиковъ при допущеніи такого взгляда“¹⁾. Ленорманъ представляетъ нѣсколько родовъ основаній въ защиту своего мнѣнія. Его своеобразное пониманіе Библии, о которомъ мы говорили выше, даетъ ему возможность толковать библейское повѣствованіе, какъ угодно. Онъ останавливается на отдѣльныхъ эпизодахъ изъ Библейской исторіи—на братоубійствѣ, Каина,

¹⁾ Lenormant. L' Hist. ancien. T. 1 p. 214.

на полигамии и кровожадности. Ламеха и говоритъ, что это свидѣтельствуесть о крайней дикости потомковъ давниихъ людей. Съ другой стороны, доказательства дикости первобытнаго человечества представляесть, по его мнѣнію, современная наука, константировавшая, что человекъ живетъ уже сотни тысячелѣтій, и что въ теченіе многихъ десятковъ тысячелѣтій онъ жилъ въ крайней дикости.

Взглядъ Цокклера иной. Вотъ его разсужденіе о слѣдствіяхъ паденія. „Паденіе не обнаружилось сразу и внезапно, райское богоподобіе не было отнято, у человекъ сразу во всей чѣлости. Если бы случилось послѣднее, то человечество никогда опять не могло бы подняться отъ своего паденія, страшная тяжесть грѣха навсегда бы отняла у людей возможность возвращенія къ общенію съ Богомъ и къ богоподобію. Изгнаніе въ глубины вѣчнаго божеотчужденія должно бы было стать ихъ жребіемъ, съ ними произошло бы тоже, что и съ отпавшими отъ нихъ первоначальнаго господства злыми ангелами.“²⁾ Ито паденіе, отразилось на человекѣ не сразу во всей своей силѣ, Цокклеръ доказываетъ двумя рядами данныхъ. Въ 1) относительно тѣлесной организаціи. Продолжительность жизни первыхъ поколѣній и даже доколѣній позднѣйшихъ въ избранномъ потомствѣ до дней Иакова, постепенное уменьшеніе этой продолжительности ясно говоритъ о постепенномъ ослабѣваніи физическихъ силъ въ человечествѣ. „Божественная угроза, связанная со вкушеніемъ запрещенаго райскаго плода: въ который день вкусили отъ него, смертію умреть“ (2, 17) вступаетъ въ силу послѣ того, какъ заповѣдь была нарушена, и райская невинность потеряна, какъ у родоначальниковъ, такъ и у всѣхъ потомковъ, но она вступаетъ въ силу по крайней мѣрѣ въ родѣ продолжавшемъ пребывать въ общеніи съ Богомъ, только постепенно.“ Колесо жизни (Иак. 3, 6) вращается для ближайшихъ поколѣній послѣ райскаго времени еще медленно, колесо и кругъ жизни достигли настоящей ужасной, пламенной быстроты только въ теченіи тысячелѣтій. Между Адамомъ и Ноемъ въ теченіе

2) Zockler, Die Lehre vom Urstande d. Mensch. 1879. S. 74.

по крайней мѣрѣ 1½ тысячи лѣтъ (по еврейскому тексту) остается средняя продолжительность благочестивыхъ, ходящихъ предъ Богомъ еще между 1000—700 годами... Отъ Ноя до Авраама въ теченіе только 1/3 тысячилѣтняго времени (по еврейскому тексту) колеблется продолжительность ноахидскихъ потомковъ еще между 600—175 годами, имено въ постепенномъ и довольно правильномъ порядкѣ (600, 438, 464, 239, 280, 148, 205, 175)... Отъ Иакова до Иисуса Навина продолжительность жизни отъ полутора ста лѣтъ дошла до настоящей мѣры. Слова Иакова Фаравону ясно показываютъ, что эта постепенность мыслилась какъ неизмѣнный законъ священной исторіи“ (Быт. 47, 9)

Параллельно съ этимъ физическимъ разслабленіемъ пло разслабленіе нравственное, имено совершалось постепенное ниспаденіе чловѣка въ трубую порочную жизнь и въ идолослуженіе. Для предпотопнаго періода Ветхій Завѣтъ отмѣчаетъ этотъ процессъ болѣе съ нравственной, чѣмъ съ религіозной точки зрѣнія, однако дикая сѣкійная жизнь потомковъ Каина (пусть вспомнятъ о Ламехѣ — основателѣ полигамистическихъ обычаевъ и кровавой мести) болѣе или менѣе указываетъ на характеръ естественнаго богослуженія. И окончательно въ бракахъ сыновъ Божіихъ съ дочерьми чловѣческими выступаетъ языческое стремленіе съ его грязными плодами на свѣтъ. Определеннѣе и яснѣе распространеніе идолопоклонства открывается изъ повѣствованія о вавилонской башнѣ и о выдѣленіи Авраама изъ круга находившихъ въ Харанѣ. Дальѣйшая исторія представляетъ намъ не только распространеніе язычества во всехъ племенахъ, но и въ племени избранномъ мы видимъ постоянную борьбу политеизма съ монотеизмомъ (Ис. 24; Ам. 5, 25; Дѣян. 7, 35—48). Въ новомъ завѣтѣ этотъ процессъ нравственной и религіозной деградации отмѣчается въ Дѣян. 7, въ Евр. 11, 6 и сѣтъ до но особенно въ первой главѣ (19—22 ст.) посланія къ Римлянамъ. Но ниспаданіе все ниже и ниже, нравственно, ослабѣвая физически (въ смыслѣ долготѣія), чловѣкъ съ первыхъ временъ началъ возвышаться умственно. Библия ясно рисуетъ намъ исторію прогресса у первобытныхъ людей. Каинъ

первый убійца есть вмѣстѣ съ тѣмъ и первый основатель города. Особенно дѣлу культуры, согласно Библии, послужили сыновья Ламеха: одинъ положилъ начало металлургіи, другой занялся музыкой, третій улучшилъ условія жизни скотоводовъ, съ именемъ сестры перваго (второй и третій отъ другой матери) равнины связываютъ преданіе о первой пѣвицѣ и говорятъ, что она первая начала ткать шерсть (имя ея значитъ пріятная, красивая). Въ семействѣ Сіоа также можно найти слѣды культурнаго преуспѣянія. Ихъ находятъ прежде всего въ именахъ патриарховъ, такъ имя Каинанъ значитъ торговля, барышъ (5, 9), имя Маусаль— мужъ стрѣльбы. Какъ результатъ культурнотехническаго развитія сѣмитовъ является построеніе ковчега Ноемъ, свидѣтельствующее о высококомъ развитіи техники. Послѣ потопа прогрессъ, видимъ, неослабно продолжаетъ свое движеніе. Ной насадилъ виноградникъ и сталъ добывать вино, въ семействѣ Сима цивилизація совершала особенно успѣшное движеніе. Наконецъ, постройка вавилонской башни въ долинѣ Сеннааръ свидѣтельствуетъ уже о замѣчательныхъ успѣхахъ въ строительномъ дѣлѣ³⁾.

Не трудно, видѣть, что взглядъ Цокклера имѣетъ за собой гораздо болѣе оснований, чѣмъ взглядъ Ленормана. Соображенія перваго покоятся на Библии, соображенія втораго стоятъ въ противорѣчьи съ ея непосредственнымъ смысломъ. Библия совершенно отрицаетъ скотоподобное состояніе первобытнаго человѣчества. Земледѣлецъ Каинъ и пастухъ Авель не дикари, они уже имѣютъ домашнихъ животныхъ и обрабатываютъ землю, что вовсе не вяжется съ понятіемъ крайней дикости, они приносятъ жертву Богу и— что важнѣе всего—имѣютъ живое общеніе съ Богомъ. Свообразно глядя на Библию, Ленорманъ видитъ въ Каинѣ чловѣка на много поколѣній отстоящаго отъ Адама и, отмѣчая, что съ именемъ перваго земледѣльца связывается предствленіе о первомъ убійствѣ, выводитъ, что первобытное чловѣчество питало отвращеніе къ земледѣлію, а земледѣліе

³⁾ См. объ этомъ подробно у Цокклера *op. cit.* С. 11; особенно S. 8. 73—79, 81.

одно изъ первыхъ условий культуры, но Ленорманъ, очевидно, забываетъ, что Адаму — первому человѣку Самимъ Богомъ въ рай предписывается занятіе земледѣліемъ (дѣлать и хранить рай), забываетъ Ленорманъ и о культурныхъ успѣхахъ каинитовъ, съ другой стороны, разсуждая о нравственной низости павшаго человѣчества, онъ упускаетъ изъ виду Еноха, восхищеннаго на небо, Ноя, благочестіе котораго отмѣтили еще отецъ его Ламехъ, и др. Вообще при православномъ пониманіи Библии теорія Ленормана недопустима.

Но и взглядъ Цокклера нельзя признать безошибочнымъ. Цокклеръ представляетъ, будто бы жизнь человѣчества отъ Адама до потопа текла въ одномъ направленіи и характеризировалась съ одной стороны нравственнымъ регрессомъ, съ другой — культурно-техническимъ прогрессомъ но на самомъ дѣлѣ Библия исторію первочеловѣчества представляетъ въ гораздо болѣе сложномъ видѣ. Библия даетъ основанія раздѣлить жизнь человѣчества до потопа на два періода: первый отъ Адама до смѣшенія сыновъ Божіихъ съ дочерьми человѣческими и второй — отъ этого смѣшенія до потопа. Въ первомъ періодѣ жизнь человѣчества шла совершенно различными путями въ племени Сиевовомъ и въ племени Каиновомъ, во второмъ періодѣ эти племена смѣшались, и жизнь всего человѣчества представляла дѣйствительно столь мрачную картину, какую изображаетъ Цокклеръ. Пользуясь способомъ разсужденія Цокклера, въ Библии можно находить указанія на постепенное религіозно-нравственное усовершенствованіе до потопаго человѣчества. Такъ во дни Еноса, читаемъ мы въ божественномъ откровеніи, начали призывать имя Господне, это указываетъ, полагаютъ, что со времени Еноса начали совершать общественное богослуженіе, общественныя молитвы, а это уже есть шагъ впередъ въ дѣлѣ религіознаго преуспѣянія. Еще далѣе въ Библии повѣствуется, что Енохъ за то, что ходилъ предъ Богомъ, былъ взятъ живымъ на небо, очевидно, Енохъ явилъ собой такой образецъ благочестія, какихъ не было ранѣе. Имѣя въ виду эти и подобныя указанія Библии, намъ кажется, движеніе исторіи первочеловѣчества должно представлять такимъ образомъ. При сыновьяхъ Адама — Сиеѣ

и: Канитъ, челоѣчество, раздѣлилось на двѣ вѣтви: сиеитовъ и канитовъ, сыновъ Божіихъ и сыновъ челоѣческихъ. Первая вѣтвь представляетъ собой «допотопную» истинную церковь, вторая — общество сыновъ плоти, сыновъ вѣка сего. Библия не даетъ намъ указаній, чтобы во второй вѣтви происходило физическое «разслабленіе» на вѣтви, разслабленіе нравственное; Библия отмѣчаетъ во второй вѣтви сколько моментовъ культурнаго развитія и въ первой, дасть замѣтить развитіе богослужебной культуры (призываніе Писнода, раздѣленіе животныхъ на чистыя и нечистыя, конечно! по ихъ отношенію къ жертвамъ). Омѣшеніе сиеитовъ съ канитками сопровождалось двумя послѣдствіями для сиеитовъ: во 1) должно педагогично, что они въ этого времени начали усвоить плоды канитской культуры, (и во 2) Библия прямо говорить, что съ этого времени начинается «развращеніе сиеитовъ». Ислѣдователи «раціоналистическаго» направления говорятъ, что въ повѣствованіи шестой главы книги Бытія вовсе не разумѣется смѣшенія сиеитовъ съ канитками; что подъ сынами Божіими здѣсь разумѣются высшія существа, а подъ дочерьми челоѣческими — вообще дочери челоѣческія? Писатель начала шестой главы, по ихъ мнѣнію, ничего не зналъ о канитахъ, что воспроизвелъ сказаніе, аналогичное которому можно найти у многихъ народовъ. Дильманъ приводитъ слѣдующія соображенія въ основаніе этого возрѣнія. Въ древнѣйшихъ (эологистическихъ) мѣстахъ Свя. Писанія подъ сынами Божіими никогда не разумѣются люди, но всегда ангелы (Иов. 1, 6; 2, 1; Ис. 29, 1; Ис. 89, 7; Дан. 3, 25). Древнѣйшій экзегезисъ также подъ сынами Божіими понимаетъ ангеловъ (Кс. Енохъ кн. Юбил.; Фиссонъ; Суд. 6; 2 Петр. 2, 4; Иосифъ Древности 1, 3, 1; завѣтъ 12 матриарх.; древнѣйшіе отцы церкви). Отъ соединенія сыновъ Божіихъ съ донорьми челоѣческими рождаются исполины. Это библейское повѣствованіе служитъ отавукомъ сказаній о гитанахъ и др. имѣвшихъ тоже только «машоловину» челоѣческое происхожденіе. Раціоналисты полагають, что въ разсказѣ Быт. 6; 1—4 нашло себѣ основаніе позднѣйшее ученіе о паденіи ангеловъ. Но всѣхъ соображенія нельзя признавать основательными. На самомъ дѣлѣ

въ Божественномъ откровеніи сынами Божиими часто называются люди (Мѡ. 22, 30; Пол. 82, 6; Пс. 49, 3; Исх. 4, 22; Ос. 11, 1; Второзак. 14, 1; Ос. 2, 10; Ис. 1, 2) и притомъ люди равно называются какъ сынами Элогимъ, а такъ и Иеговы. Рожденію и исполненію по Библейскому повѣствованію оказывается было и раньше смѣшенія сыновъ Божіихъ съ дочерьми человѣческими, бывало, и послѣ (6, 4; 10, 8; Числ. 13, 33), исполинъ рождался отъ обыкновенныхъ людей, имѣли вполне человѣческое происхожденіе. Что въ шестой главѣ подъ сынами Божиими разумѣются люди, а не ангелы, это открывается изъ того, что Богъ за нечестіе и развращеніе изрекаетъ наказаніе не ангеламъ, а людямъ (6, 3; сравни 3, 14), но если бы виновны были ангелы, главная тяжесть наказанія должна была бы пасть на нихъ. Наконецъ, конюшать рѣчи нисколько не благоприятствуетъ мысли о блужденіи ангеловъ съ дочерьми человѣческими и во всѣхъ каноническихъ книгахъ Ветхала Завета нельзя найти никакого подтвержденія этой мысли. Все это служитъ достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы подъ сынами Божиими разумѣть не ангеловъ, а сионитовъ. Смѣшеніемъ сионитовъ съ кананитками начинается второй періодъ въ жизни до потопаго человечества. Библия даетъ понять, что онъ начался гораздо болѣе, чѣмъ за 120 лѣтъ до потопа, ибо къ этому времени развращеніе въ племени сионитовъ стало уже всеобщимъ. Въ этотъ періодъ выступаютъ исполины. Изъ библейскаго повѣствованія можно вывести, что они внесли новыя начала въ соціальныя отношенія. Изъ Библии вообще видно, что въ самыя древнѣйшія времена взаимныя отношенія лицъ (исключенія происходили лишь по волю Божественной) опредѣлялись старшинствомъ; старшій въ семьѣ былъ главою семьи, это естественный порядокъ; но исполины, будучи сильными, издревде славными людьми, доложили нечто тому порядку, по которому самый сильный въ родѣ становился главою рода; для права они нашли основаніе въ силѣ.

Второй періодъ въ жизни человечества, начинающійся съ первичнаго проникновенія прародительной заразы въ допотопную церковь, оканчивается, когда эта зараза охватила всю

церковь за исключеніемъ лишь восьми ея членовъ—Ноя съ семействомъ. Зло побѣдило міръ, и Господь Богъ сверхъестественнымъ образомъ прекратилъ дальнѣйшее распространеніе зла посредствомъ потопа. Въ настоящее время нѣкоторые полагаютъ, что потопъ не былъ всемірнымъ, а былъ лишь явленіемъ мѣстнымъ; этотъ взглядъ должно признать совершенно ошибочнымъ. Въ Новомъ завѣтѣ потопъ представляется, какъ грань между первымъ и вторымъ міромъ. Господь Иисусъ Христосъ представляетъ его по отношенію къ первому міру тѣмъ, чѣмъ для втораго явится второе пришествіе. Ап. Петръ раздѣляетъ потопомъ два міра: первый и второй. Обращаясь къ описанію потопа, мы видимъ, что бытописатель представлялъ его несомнѣнно всемірнымъ. Въ VIII, 21 ст. Быт. говорится, что „сказалъ Господь въ сердцѣ своемъ: не буду больше проклинать земли за человѣка, потому что помысленіе сердца человѣческаго—зло отъ юности его; и не буду больше поражать всего живущаго, какъ я сдѣлалъ“. При признаніи потопа всемірнымъ значеніе Божественнаго опредѣленія является вполнѣ понятнымъ, но какъ понять слова текста, если признать потопъ мѣстнымъ? Господь говоритъ, что Онъ не будетъ болѣе поражать всего живущаго, но вѣдь всего живущаго Онъ и не поражалъ, далѣе Господь говоритъ, что онъ не будетъ больше проклинать земли за человѣка, но въ XIX гл. Бытія мы читаемъ объ ужасной участи Содома и Гоморы. Если Библейскій потопъ былъ событіемъ мѣстнымъ, то тогда гибель Содома по своему характеру ничѣмъ рѣшительно не отличается отъ гибели соплеменниковъ Ноя, и Божественное опредѣленіе теряетъ характеръ правды, чего допустить нельзя. Въ IX, 11 ст. Быт. мы читаемъ, что Господь говоритъ, что „не будетъ уже потопа на опустошеніе земли“. Но развѣ мало было ужасныхъ наводненій въ теченіе извѣстнаго намъ историческаго времени, и если потопъ былъ лишь однимъ изъ такихъ наводненій, то опять становится невозможнымъ понять слова текста. Событія въ Содомѣ, Египтѣ и даже въ землѣ обѣтованной показываютъ, что въ отдѣльныхъ мѣстахъ земля не разъ проклиналась за человѣка, слѣдовательно въ VIII, 21 ст. рѣчь идетъ о всей землѣ,

которая подверглась проклятію лишь во дни Ноя. Нѣкоторые говорятъ, что, являясь всемірнымъ для людей, потопъ не былъ всемірнымъ для животныхъ (т. е. говорятъ; что потопъ произошелъ лишь въ мѣстахъ населенныхъ людьми), но выраженія „всякую плоть“ и „все живущее“, объ уничтоженіи которыхъ часто говорится при повѣствованіи о потопѣ; нельзя понимать въ смыслѣ только части животныхъ (какъ понимаютъ сторонники неуниверсальности потопа), ибо о всѣхъ животныхъ утверждается тоже, что и о всѣхъ людяхъ, и разъ подъ всѣми людьми разумѣются дѣйствительно всѣ люди, то необходимо и подъ всѣми животными должно разумѣть всѣхъ животныхъ (живущихъ на землѣ), иначе мы потеряемъ всякій критерій для пониманія того, въ какомъ смыслѣ бытописатель употребляетъ слово „весь“ въ томъ или другомъ случаѣ. Указаніе, что будетъ уничтожено все живущее подъ небесами (VI, 17), тоже ведетъ къ заключенію, что, дѣйствительно, на землѣ будетъ уничтожено все живущее, ибо небеса распростираются надъ всею землею. Самое построеніе ковчега и нагруженіе его—дѣло представляющее столько трудностей—было бы не понятно безъ предположенія всемірнаго потопа. Обыкновенно мы видимъ въ Библии, что когда кто либо обрекается за нечестіе на погибель, то благочестивые призываются отступить и удалиться отъ него, удалиться отъ того мѣста, гдѣ должна произойти катастрофа. Такъ, когда Содомъ и Гоморра были осуждены на уничтоженіе, Лотъ былъ выведенъ Самимъ Богомъ изъ Содома (Быт. XIX). Такъ, когда Корей, Дафанъ и Авиронъ и возмущившіеся съ ними были осуждены на погибель, остальные израильтяне были призваны отдѣлиться и отступить отъ мятежниковъ, и когда они отступили, разверзлась земля и поглотила преступниковъ (Числ. XVI). Но во время, предшествовавшее потопу, праведнику некуда было бѣжать отъ нечестивыхъ, потому что вся земля развратилась и исполнилась нечестія. Нужно было проклясть и затѣмъ очистить всю землю и особымъ образомъ спасти праведника. Это и произошло: праведное сѣмя—восемь человѣкъ были спасены въ ковчегѣ Ноя, всѣ прочіе погибли въ волнахъ потопа.

Библия говорить намъ, что ковчегъ, когда воды потопа начали собираться, остановился на горахъ араратскихъ, ст. е. на горахъ страны араратской, и значить, по осушеніи земли оттуда вышли первые поселенцы обновленнаго міра. Араратъ есть имя Арменіи. Кромѣ указаннаго мѣста въ Библии три раза употребляется слово Араратъ и всегда въ смыслѣ названія страны. Такъ въ 4 царствъ XIX, 37; у Исаи XXVII, 38; у Переміи LI, 27. Въ первомъ мѣстѣ говорится, что Адраметехъ и Саразаръ, убивши отца, бѣжали въ землю Араратъ, во второмъ мѣстѣ встрѣчаемъ то же выраженіе „въ землю Араратъ“, наконецъ, въ третьемъ говорится о царствѣ Араратскомъ (шамлекотъ). Текстъ LXX въ этихъ случаяхъ слово „Араратъ“ переводить „Арменія“. Большая часть писателей древнихъ, равно какъ указанія клинообразныхъ надписей, заставляютъ думать, что действительно Араратъ есть то же, что Арменія. Признавая это, мы принимаемъ, что колыбелью послѣпотопнаго человѣчества была уже не месопотамская низменность, а армянское плоскогоріе.

Когда міръ вышелъ обновленнымъ изъ волнъ потопа, истинная церковь заключала въ себя все человѣчество. Это случилось въ второй и послѣдній разъ. Въ первый разъ это было при Адамѣ и продолжалось до убійства Авеля Каиномъ, теперь это произошло при Ное и должно думать, продолжалось по долго, ибо Библия говоритъ намъ, что уже въ семьѣ Ноя находился чловѣкъ, по своимъ нравственнымъ качествамъ явно обнаруживавшій склонность ходить путями Каина, а не Сива. Этотъ чловѣкъ сынъ Ноя—Хамъ, посягнувшійся наготѣ своего случайно опьянившагося отца. Мы видимъ, что потомки сына его Ханаана, который, можно полагать, былъ нѣсколько причастенъ къ дѣлу осмѣнія престарѣлаго Ноя (9, 25—26), явятся имѣющими самый низменный и позорный идолопоклонническій культъ, являются служителями низшихъ и притомъ еще извращенныхъ страстей человѣческихъ. Это заставляетъ думать, что Хамъ принесъ съ собой въ ковчегъ посянныя въ думѣ сѣмена Каинскаго развращенія.

Какъ жило, размножалось и развивалось чловѣчество

непосредственно послѣ потопа, Виблія намъ почти не по-
вѣствуетъ. Изъ послѣ потопнаго догосударственного періода
Божественное Откровеніе сообщаетъ лишь объ одномъ со-
бытіи—вавилонскомъ столпотвореніи. Въ настоящее время
относительно вавилонскаго столпотворенія существуетъ два
мнѣнія: одни полагаютъ, что въ немъ принимали участіе
всѣ народы и вообще всѣ люди; по мнѣнію другихъ оно
было событіемъ мѣстнаго характера. Большинство запад-
ныхъ изслѣдователей склоняется къ послѣднему мнѣнію.
Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ подтвержденіе этого
мнѣнія имѣются нѣкоторыя основанія. Во 1) основаніе
отрицательное. Въ повѣствованіи вовсе не говорится, чтобы
въ этомъ предпріятіи принимали участіе всѣ люди, а только
говорится, что это событіе совершилось въ то время, когда
на всей землѣ всѣ люди говорили однимъ языкомъ. Во 2)
основаніе положительное. Строившіе башню называются
сынами человеческими, но въ то время несомнѣнно были
также и сыны Божіи, слѣдовательно, послѣдніе не при-
нимали участія въ постройкѣ. Но всѣ ли сыны человеческіе
принимали участіе въ этомъ дѣлѣ? На это нельзя отвѣтить
съ увѣренностію, но по нашему мнѣнію тотъ или другой
отвѣтъ не долженъ измѣнять взгляда на теченіе жизни перво-
бытнаго человѣчества. Нѣкоторые видятъ въ вавилонскомъ
столпотвореніи событіе, бывшее непосредственною причиною
образованія различныхъ расъ и различныхъ языковъ; при
такомъ взглядѣ на событіе, понятно, признаніе за нимъ
характера универсальнаго или мѣстнаго существенно измѣ-
няетъ въ нашихъ глазахъ всю первоисторію человѣчества,
но намъ кажется, на дѣло должно смотрѣть иначе.

Полагая, что человѣческія расы произошли чудеснымъ
образомъ, нѣкоторые наприм., Песнель *) думаютъ, что Богъ,
смѣшавъ языки, смѣшалъ и лица устроителей вавилонской
башни. Также довольно распространено мнѣніе, что отъ
Хама произошли негры. Мнѣніе это, должно быть, имѣетъ
свой источникъ въ имени Хама (Хамъ—темный, черный) и
затѣмъ въ проклятій, произнесенномъ на него Ноемъ и

*) Pesnel La science contemp. et le dogme de la créat. 1877.

имѣвшимъ будто бы своимъ слѣдствіемъ измѣненіе его вида. Несправедливость этого мнѣнія весьма не трудно обнаружить при помощи Библии, изъ которой открывается, что всѣ потомки Хама имѣли бѣлый цвѣтъ кожи. Мнѣніе Песнеля тоже рѣшительно ни на чемъ не основано. Въ повѣствованіи о вавилонскомъ столпотвореніи нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что слѣдствіемъ его было раздѣленіе людей по антропологическому типу, и вообще въ Библии нигдѣ нѣтъ указаній на чудесное происхожденіе расъ.

Еще съ большою увѣренностію, основываясь на повѣствованіи о смѣшаніи языковъ при вавилонскомъ столпотвореніи, утверждаютъ, что языки произошли чудеснымъ образомъ. Сближая съ повѣствованіемъ о вавилонскомъ столпотвореніи указаніе десятой главы, что во дни Фалега раздѣлилась земля, и находя дату его рожденія, пытаются опредѣлить и время этого событія. Оно произошло, считая по тексту LXX, между 429 и 768 годами послѣ потопа. Многіе полагаютъ, что до этого времени общимъ и единственнымъ языкомъ былъ еврейскій, на которомъ и говорилъ Адамъ съ Богомъ, этотъ языкъ и сохранился въ семействѣ Евера, между тѣмъ какъ другимъ племенамъ были даны другіе языки. Такое объясненіе есть слѣдствіе непосредственнаго впечатлѣнія, получаемого отъ чтенія Библейскаго текста, въ свое время оно было естественно и законно, но едва ли оно можетъ быть принимаемо теперь. Уже въ древности лучшіе умы высказывали мнѣніе, что еврейскій языкъ не былъ первоначальнымъ и образовался не сразу (св. Григорій Нисскій въ письмѣ къ Евномію), теперь это мнѣніе общепринято, ибо доказано, что еврейскій языкъ находится въ послѣдней стадіи развитія, предполагающей длинный процессъ предшествовавшихъ измѣненій. Едва ли также справедливо толковать повѣствованіе XI гл. въ томъ смыслѣ, что оно говорить о раздачѣ людямъ въ даръ различныхъ языковъ. Смыслъ повѣствованія тотъ, что люди, сознавая, что ихъ сила заключается въ единствѣ, стремились сохранить это единство, что бы сохранить эту силу, при чемъ, какъ можно заключать изъ повѣствованія, послѣднюю сохранить они желали не для благихъ цѣлей. И вотъ, Господь сверхъ-

естественнымъ образомъ уничтожить это единство между ними. Библия говоритъ: чрезъ смѣшеніе языковъ. Но какъ понимать это смѣшеніе? Мы находимъ это указаніе далеко не такъ определеннымъ и яснымъ, какъ оно кажется многимъ толкователямъ. Если бы дѣло шло о раздачѣ людямъ въ даръ различныхъ языковъ, то богодухновенный авторъ говорилъ бы не о смѣшеніи (языковъ), а о раздѣленіи языковъ. Въ Библии же говорится что Богъ опредѣлилъ смѣшать языки такъ, „чтобы одинъ не понималъ рѣчи другаго.“ Библейскій текстъ кратокъ и отрывоченъ. Есть преданіе, пытающееся его разъяснить, записанное Иосифомъ Флавіемъ въ его исторіи. Согласно этому преданію, люди черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ потопа, живя въ тѣснотѣ около колыбели человечества, рѣшили расселиться, что было вполне согласно съ волею Божественной, ибо Самъ Богъ приказывалъ имъ послать колоніи въ другія мѣста, что бы, расселившись и распространившись шире, они могли обрабатывать больше земли, собирать больше плодовъ и избѣгать несогласій между собою. Но люди не послушались божественнаго приказанія: они заподозрили, что Богъ хочетъ ихъ разсѣять для того, чтобы легче ихъ уничтожить. И вотъ, они рѣшили построить громадную башню которая была такъ высока, что могла бы служить имъ убѣжищемъ въ случаѣ новаго потопа. Они предалися труду, и башня достигла ужезначительной высоты, когда Богъ внесъ раздѣленіе въ ихъ среду, сдѣлавъ то, что вмѣсто одного языка они стали говорить различными. Отсюда—разсѣяніе и имя „Вавилона“ ³⁾. Сущность этого повѣствованія, созданнаго народною фантазією для истолкованія Библейскаго текста, заключается въ томъ, что Богъ приказалъ людямъ разьединиться, люди не послушались Божественнаго приказанія, Богъ наказалъ ихъ, и наказаніе принудило ихъ сдѣлать то, чего они не хотѣли сдѣлать свободно. Это объясненіе, кажется, можно принять, исключивъ только изъ него „раздѣленіе языковъ“ и замѣнивъ его буквальнымъ выраженіемъ Библии: „Смѣшаемъ такъ языкъ ихъ, чтобы одинъ не понималъ рѣчи другаго“. Можно это понять такъ,

---

³⁾ См. объ этомъ сказаніи у Pesnel'я op. cit. p. 456.

что строителей города и башни за несомненно сознательное противление волѣ Божіей поразила и некоторая болѣзнь, обнаружившаяся въ расстройствѣ ихъ рѣчи такъ (по тексту Библии выходитъ такъ), что никто не понималъ никого. Подобныя болѣзни, обусловенныя мѣстнымъ расстройствомъ мозга, дѣйствительно бывають (См. напр. о нѣсколькихъ случаяхъ такиѣ болѣзни у Banniot въ статьѣ *la memoire et ses maladies. Rev. Quest. Scientif. 1885. № 1*). Видя, какое обѣдствіе постигло ихъ за ихъ непослушаніе, люди рѣшились исполнить волю Божію, болѣзнь ихъ въротно прошла, и они разсѣялись по землѣ. Выраженіе, что Господь „разсѣялъ“ ихъ не противорѣчитъ такому пониманію, ибо оно указываетъ не на дѣйствіе Божіе, а на слѣдствіе дѣйствія, произведеннаго Богомъ—смѣшенія языковъ⁶⁾. До времени разсѣянія люди говорили однимъ языкомъ, съ этого момента должно было начаться подѣ дѣйствіемъ разнообразныхъ условій раздѣленіе языковъ. По мысли же прежнихъ толкователей, стоявшихъ собственно въ противорѣчіи съ буквою Библейскаго текста, смѣшеніе языковъ состояло въ томъ, что Богъ раздѣлялъ языки по группамъ: одной группѣ людей далъ одинъ, другой группѣ — другой языкъ. Вполнѣ понимая, почему возникло и держалось такое объясненіе въ прошедшемъ, думаемъ, что должно признать его ошибочнымъ и что удобнѣ всего его замѣнить вышеизложеннымъ, во всякомъ случаѣ стоящимъ въ полномъ согласіи съ буквою священнаго текста.

При устанавливаемомъ нами пониманіи смѣшенія языковъ при Вавилонскомъ столпотвореніи оказывается, что Библия оставляетъ совершенно открытымъ вопросъ о происхожденіи расъ и языковъ. Имѣло-ли Вавилонское столпотвореніе своимъ слѣдствіемъ раселеніе всѣхъ потомковъ Ноя, жившихъ при Фалегѣ, или только вѣтви Ноахидовъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что не Вавилонское столпотвореніе было причиною образованія расъ и языковъ, но что эти расы и

⁶⁾ Объясняя такъ повѣствованіе XI главы, мы вовсе не отрицаемъ и не ослабляемъ того великаго чуда, о которомъ оно говоритъ. Мы только высказываемъ догадку, что характеръ этого чуда былъ иной, а не тотъ, который предполагали прежде.

языки явились, какъ слѣдствіе разъединенія и расселенія людей по разнымъ странамъ земли. Намъ важно отмѣтить это, ибо въ послѣдствіи намъ придется считаться съ имѣющими данными по вопросу о происхожденіи языковъ и племенъ.

Послѣ повѣствованія о Вавилонскомъ столпотвореніи въ Библии начинается разсказъ о событіяхъ историческаго періода, мы не послѣдуемъ далѣе за Библейскимъ повѣствованіемъ, но закончимъ теперь наше разсужденіе о Библейскомъ повѣствованіи о первоисторіи человѣчества тѣмъ, что отмѣтимъ нѣсколько положеній относительно этой первоисторіи, положеній, которыя можно установить на основаніи Библейскаго текста.

1) Первые люди на землѣ жили въ месопотамской низменности или очень близко къ ней, и отсюда должны были происходить до потопныя миграціи въ разныя стороны земли.

2) Допотопные люди въ культурномъ отношеніи стояли выше нѣкоторыхъ низшихъ современныхъ племенъ. Допотопные люди знали употребленіе огня (напр. при жертвахъ), употребляли листовныя и кожаныя одѣянія, пользовались не металлическими орудіями (значить, каменными, костяными, деревянными), въ послѣдствіи узнали и употребленіе металловъ. Библия называетъ Тубалкуина ковачемъ орудій изъ мѣди и желѣза. Краткость Библейскаго текста не даетъ возможности выяснить: былъ-ли Тубалкуинъ первымъ металлургомъ или только лицомъ, особенно послужившимъ дѣлу металлургической техники. Но какъ при первомъ, такъ особенно при второмъ толкованіи важно отмѣтить, что употребленіе орудій изъ мѣди въ Библии представляется какъ бы предшествоющимъ употребленію орудій изъ желѣза.

4) Допотопные люди были долгожизненнѣе, чѣмъ люди послѣдующаго времени.

5) Между допотопными людьми были исполины.

6) Сначала у людей существовала моногамія, а затѣмъ явилась полигамія.

7) Сначала человѣчество имѣло истинное Богопознаніе, но затѣмъ, должно полагать, въ большей части человѣчества

истинныя понятія о Богѣ затемнились (ибо большая часть человѣчества ушла отъ лица Господня).

8) На основаніи Библейскаго текста зародышъ того, что впослѣдствіи стало называться государствомъ, нужно искать въ семьѣ, а не въ стадѣ.

9) Нѣкогда все человѣчество—за исключеніемъ восьми душъ—погибло въ волнахъ всемірнаго потопа.

10) Спасшіяся восемь душъ вышли изъ ковчега на обсохшую землю въ Арменіи, и значитъ, изъ Арменіи происходили первыя миграціи послѣпотопнаго человѣчества въ разныя стороны.

11) Изъ того, что люди были знакомы съ употребленіемъ металловъ до потопа, должно заключать, что первыя послѣпотопныя поколѣнія всѣ знали употребленіе металловъ.

12) Построеніе ковчега и Вавилонской башни показываетъ, что послѣпотопныя люди обладали значительными познаніями въ строительномъ дѣлѣ и могли воздвигать колоссальныя постройки.

13) Первыя послѣпотопныя поколѣнія обладали истиннымъ Богопознаніемъ, но затѣмъ въ большей части человѣчества религіозныя понятія быстро начинаютъ затемняться (что видно изъ скорого развитія идолопоклонства даже у нахоридовъ—у Ғары, отца Авраама).

Вотъ—положенія, которыя, мы видимъ, устанавливаются Библейскимъ повѣствованіемъ о первочеловѣчествѣ. Впослѣдствіи при обсужденіи научныхъ данныхъ о первоисторіи человѣчества мы встрѣтимся опять съ этими положеніями и увидимъ, что въ самое послѣднее время наука нашла нѣчто, заставляющее предполагать то, что утверждаетъ Библия, теперь же обратимся къ изслѣдованію послѣдняго вопроса о Библейскомъ повѣствованіи о первочеловѣчествѣ—вопроса о продолжительности періода, который обнимаетъ собою время отъ Адама до Авраама.

Г Л А В А 5-я.

Древность чело́вѣка по ученію Библии. Отсутствіе церковнаго ученія о степени древности чело́вѣка. Значеніе цифръ Библии. Поврежденность хронологическихъ датъ въ библейскихъ текстахъ. Различныя хронологическія системы; построенныя на основаніи Библии. Теорія пропусковъ въ генеалогическихъ листахъ книги Бытія. Гипотезы о библейской хронологіи, предложенныя Ріу де Нёвилемъ и Жаномъ д'Этьеномъ. Наиболье вѣроятный взглядъ на библейскую хронологію. Право свободы мнѣнія относительно хронологіи Библии и откуда можно ждать рѣшенія вопроса о пей.

Когда Богъ сотворилъ чело́вѣка?

Вопросъ этотъ самъ по себѣ можетъ быть рѣшаемъ двояко: во 1) дается рѣшеніе, когда просто опредѣляется послѣдовательность явленій и говорится, что чело́вѣкъ явился послѣ того-то и раньше того-то; во 2) вопросъ рѣшается, когда говорятъ, что чело́вѣкъ явился за столько то лѣтъ до нашего времени или до Р. Х. Первое рѣшеніе называется относительнымъ, второе — прямымъ. Библия несомнѣнно опредѣляетъ относительно моментъ появленія чело́вѣка на землѣ; она возвѣщаетъ, что чело́вѣкъ явился послѣ того, какъ земля была вполне устроена, когда созданы были растенія, и явились животныя. Земля, убранныя дѣвственнымъ и величественнымъ нарядомъ, возникшая изъ небытія по творческому „да будетъ“, ждала появленія того, кто долженъ былъ быть ея вѣнцомъ и владыкою. Нельзя, конечно, полагать, что послѣ того, какъ явился чело́вѣкъ, на землѣ уже не возникало ничего новаго. Несомнѣнно, что въ послѣднія тысячелѣтія подъ дѣйствіемъ природы образовались новыя породы животныхъ и растеній, и самъ чело́вѣкъ измѣнялъ природу. Такихъ растеній, какъковы наши культивированныя и таковыхъ животныхъ, какъ наши домашнія, не существовало до чело́вѣка, но все это, вѣдь, только измѣненіе существующаго, а не появленіе новыхъ тварей. Современные натуралисты, какъ и богословы, признають, что при образованіи земли и развитіи

на ней органической жизни человекъ явился послѣднимъ. Палеонтологія въ данномъ случаѣ нуждающимся въ доказательствахъ божественности христіанской религіи представляетъ блестящее подтвержденіе этой божественности.

Даетъ ли Библія цифровой отвѣтъ на вопросъ о времени появленія человека? Прямого и точнаго несомнѣнно не даетъ. Нигдѣ Библія не говоритъ, что человекъ былъ созданъ за столько-то лѣтъ до Р. Х. или до другаго какого либо опредѣленнаго событія, о которомъ мы знаемъ, насколько оно отстоитъ отъ насъ. Въ различныхъ мѣстахъ различныхъ священныхъ книгъ встрѣчаются хронологическія даты, соединяя и комбинируя которыя, пытаются построить библейскую хронологію. Но тѣ лица, которыя дѣлали эти хронологическія построения, понятно, могли впасть въ ошибки. Кто знаетъ, можетъ быть, самый принципъ построения ихъ былъ ложенъ? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда слова Библии касались догматовъ вѣры, сама св. Церковь своими соборными опредѣленіями устранила возможность разнорѣчивыхъ толкованій, но въ вопросѣ, насъ занимающемъ, этого нѣтъ. Вопросъ о древности человека самъ по себѣ вовсе не есть вопросъ религіозный. Стройная система православной Догматики, учащей о паденіи человека, о наслѣдственности грѣха, объ искупленіи человека, о спасительныхъ таинствахъ, объ іерархіи, ихъ преподающей, нисколько не измѣнится, если будетъ допущено, что Адамъ жилъ нѣсколько десятковъ тысячелѣтій тому назадъ, и что отъ потопа до Авраама прошло пять или десять тысячъ лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, вопросъ о библейской хронологіи имѣетъ весьма важное богословское и религіозное значеніе. Для богослова необходимо рѣшить основные вопросы исторіи человечества, которая первое время была вмѣстѣ и исторіей церкви, и изъ которой, строго говоря, нельзя выдѣлить послѣднюю и теперь. Промышленіе Божіе обнимаетъ всѣхъ людей, и Промыслъ ведетъ всѣхъ таинственными путями къ великой цѣли. Уразумѣніе — конечно, отчасти — путей Промысла должно составлять предметъ самыхъ горячихъ желаній. Мы принимаемъ, что послѣ паденія Богъ подготовлялъ и воспитывалъ человечество съ тѣмъ, чтобы сдѣлать его способнымъ

къ принятію и усвоенію плодовъ искупленія, но какъ совершилось это воспитаніе, сколь долго люди жили до Христа. это — вопросы, практическая и научнобогословская важность которыхъ неоспорима. Допустимъ, что люди живутъ 200 тысячъ лѣтъ. вмѣстѣ съ этимъ допущеніемъ мы, конечно, должны принять и то что его вызвало, т. е. ученіе о глубокой и продолжительной дикости четвертичнаго человѣка Европы и Америки. Мы должны принять, что въ теченіе почти 200 тысячъ лѣтъ миллионы человѣчества блуждали въ полуживотномъ состояніи, жили, не имѣя высшихъ интересовъ духа, не оправдывая ничѣмъ своего призванія жить для разумнѣя и прославленія Бога, жили бессмысленно. Допустить это съ христіанской точки зрѣнія конечно, немислимо. Мы принимаемъ, что народы и племена могутъ отметаться или на время или на всегда отъ лица Божія, но въ той исторіи человѣчества, которую начертываютъ намъ антропологи, мнѣніе которыхъ мы сейчасъ допустили, мы видимъ скорѣе не изгнаніе человѣчества отъ лица Божія за грѣхи, а забвеніе Божіе о человѣчествѣ, чего мы принять не можемъ. Вотъ, почему изслѣдованіе первобытной исторіи человѣчества, хронологія, культуры, происхожденія и расселенія племенъ, представляетъ глубокий богословскій интересъ. Но въ этихъ вопросахъ есть еще другая сторона практически религіозная. Когда ученые провозглашаютъ положенія, стоящія въ противорѣчьи съ общепринятымъ пониманіемъ извѣстныхъ стиховъ Библии, пониманіемъ, правильность котораго представляется неоспоримою, всегда находится много такихъ, которыхъ это соблазняетъ, которые ради только этого отрицаются отъ христіанской вѣры. Когда ученые, сопровождавшіе Бонпарта въ египетской экспедиціи, объявили, что нашли египетскія надписи, имѣющія двадцатитысячелѣтнюю древность, то нашлись люди съ торжествомъ противопоставившіе это открытіе защитникамъ христіанскаго ученія, какъ доказывающее ложность послѣдняго. Тоже самое было, когда нашли халдейскія, индійскія и китайскія историческія таблицы, претендовавшія на древность нѣсколькихъ сотъ тысячъ или даже милліона лѣтъ. Говорили: Библию называютъ Божественнымъ Откровеніемъ, въ откровеніи не мо-

жетъ быть лжи, но въ Библии она есть (Библия говоритъ: человѣкъ существуетъ 6 или 7 тысячъ лѣтъ, а на самомъ дѣлѣ онъ существуетъ гораздо болѣе), значить Библия не Божественное Откровеніе. Хотя индійскіе милліоны лѣтъ и исчезли, какъ и другія привидѣнія фантастической Индіи, аргументація эта употребляется постоянно и теперь.

Въ теоріи, которую мы имѣемъ разбирать, вопросъ о древности имѣетъ особенно важное значеніе. Ученіе о глубокой древности человѣка является у эволюціонистовъ во 1) основаніемъ для отрицанія христіанской антропологіи, во 2) какъ основаніе ихъ собственной теоріи, ибо, какъ будетъ показано ниже, необходимое предположеніе эволюціонистовъ есть то, что человѣкъ существуетъ много сотенъ тысячелѣтій. Намъ должно будетъ сравнить, что соотвѣтствуетъ дѣйствительности: ученіе ли Библии, или ученіе эволюціонистовъ? Но прежде должно выяснитъ то и другое. Многіе христіанскіе апологеты очень горячо отстаивали, что человѣкъ до Р. Х. существовалъ 5—4000 лѣтъ, рассматривая всякое ученіе расходящееся съ ихъ утвержденіемъ, какъ антицерковное, но не пытались сами напередъ разсмотрѣть, утверждается ли на самомъ дѣлѣ на Библии защищаемая ими цифра или нѣтъ, они не задавались вопросомъ о выясненіи понятія Божественнаго Откровенія въ отношеніи къ цифровымъ датамъ, они основывались на толкованіи Библии, а не на буквѣ Библии. На толкованіи, правда, раздѣлявшемся почти всѣми, но во всякомъ случаѣ не имѣющемъ непогрѣшимаго авторитета. Необходимо выяснитъ это понятіе и изслѣдовать эти толкованія, чтобы установить себѣ взглядъ на интересующую насъ сторону библейской исторіи.

Св. Православною Церковью утверждается, что Библия богодухновенна во всѣхъ своихъ частяхъ, въ занимающемъ насъ вопросѣ это значитъ, что числовыя данныя Библии написаны подъ воздѣйствіемъ Св. Духа. Но совершенно законно отмѣчено нѣкоторыми, что этимъ еще не опредѣляется значеніе числовыхъ данныхъ, находимыхъ нами въ спискахъ Библии, для хронологіи: во 1) цифры могли быть измѣнены переписчиками, во 2) цифры Библии имѣли сво-

имъ предметомъ не хронологію, а другія высшія цѣли такъ, что и по воздѣйствію Св. Духа цифры ставились не такія, какія были бы нужны для хронологической точности. Объяснимъ сначала смыслъ втораго положенія, чтобы затѣмъ перейти къ первому. Цифры Библии ради символическаго и священнаго значенія нѣкоторыхъ изъ нихъ ставились богодухновенными писателями не точно, а приблизительно (3, 7, 10, 12, 30, 40, 70) напримѣръ 40: Гофонійтъ, Аодъ, Варакъ, Гедеонъ проходили служеніе 40 лѣтъ, угнетеніе Израиля филистимлянами происходило 40 лѣтъ, судодейство Илія и царствованіе Саула 40 лѣтъ. Это постоянное повтореніе цифры 40 совершенно законно заставляетъ подозрѣвать ея точность. И это подозрѣніе получаетъ еще косвенное подтвержденіе въ томъ, что можно доказать, что ради священнаго числа богодухновенный авторъ жертвовалъ историческою точностью. Такъ, наприм., Моисей считаетъ 70 потомковъ Іакова, переселившихся съ нимъ въ Египеть, но въ числѣ лицъ, имъ перечисленныхъ, находятся такія, которыя несомнѣнно родились не въ землѣ ханаанской, а уже въ Египтѣ. Таковы, напр., указываемые писателемъ, сыновья Фареса въ 12 стихѣ (47 глава). Изъ сопоставленія 37, 2; 41, 46; 45, 11 видно, что переселеніе потомства Іакова въ Египеть произошло черезъ 21 годъ послѣ продажи Іосифа. Между тѣмъ изъ 38 главы видно, что въ теченіе этого времени едва ли даже могъ у Іуды родиться Фаресъ, не говоря уже о томъ, что рѣшительно невозможно, чтобы у него были внуки. Точно также у Веніамина Моисей перечисляетъ 10 сыновей (47, 21), переселившихся съ нимъ въ Египеть между тѣмъ, какъ онъ родился уже послѣ продажи Іосифа въ Египеть, значить, при переселеніи въ Египеть имѣлъ менѣе 21 года. И дѣйствительно въ самомъ повѣствованіи Веніаминъ постоянно называется отрокомъ (43, 8; 44, 2, 30 и т. д.). По толкованію Кейля число 70 въ данномъ случаѣ выражало идею цѣлости народа Божія, заключеннаго какъ въ зернѣ въ 70 предкахъ ¹⁾. Цифры, указываемыя книгою

1) Keil, Genesis S. 280.

Бытія при перечисленіи патриарховъ, конечно, имѣли въ виду показать, что за благочестіе дается въ награду долготѣіе, цифры эти несомнѣнно ставились авторомъ безъ преслѣдованія хронологической точности. Это видно, напримѣ, изъ того, что въ 5, 32 Быт. бытописатель говоритъ, что, когда Ною было 500 лѣтъ, у него родились три сына: Симъ, Хамъ и Іафетъ. Едва ли это можно, понимать въ томъ смыслѣ, что именно въ этомъ году у него родились всѣ три сына, а скорѣе нужно допустить, что къ 500 годамъ его жизни, у него было три сына: Симъ, Хамъ и Іафетъ. Но во всякомъ случаѣ, какое бы толкованіе мы не допускали, принимая во вниманіе, что Ною предъ потопомъ было 600 лѣтъ, мы должны на основаніи 5, 32 стиха признать, что Симу было въ это время не менѣе 100 лѣтъ. Потопъ продолжался почти годъ, черезъ два года послѣ потопа Симъ родилъ Арфаксада, бытописатель ставитъ годы Сима и обозначаетъ ихъ цифрою 100 (11, 10), очевидно, въ данномъ случаѣ неточно. Далѣе, цифры иногда приводились авторомъ для показанія силы гнѣва Божія, причемъ, обозначая число жертвъ гнѣва, авторъ, конечно, имѣлъ въ виду только показать, что это число велико, такъ, описывая наказаніе израильтянъ за блуженіе въ Ситтимѣ, онъ говоритъ, что наказанныхъ жертвъ было 23 тысячи ²⁾, но ап. Павелъ говоритъ, что число ихъ было 24 тысячи ³⁾, значить, въ данномъ случаѣ богодухновенными авторами цифры ставились не точно. Библия богодухновенна вся, но она не излагаетъ исторіи челоуѣчества и еврейскаго народа, а только исторію (ветхозавѣтной) теократіи, (ветхозавѣтную) догматику и ученіе о нравственности, хронологическія и вообще числовыя данныя ставились ею не для цѣлей историческихъ, а для цѣлей религіозныхъ. Литургическія основанія побуждали, наприм., авторовъ указывать точно мѣсяць и день, мало заботясь о годѣ. Апологетическія и вообще религіозно практическія цѣли побуждали ихъ указывать цифры исполненія пророчествъ и предварительно

²⁾ Числ. XXV, 9.

³⁾ 1 Коринѣ. X, 8.

предсказанныя пророками. За всёъ тѣмъ въ Библии, конечно, идутъ хронологическія указанія, но разъ мы установили себѣ такой взглядъ на ихъ значеніе, мы должны относиться къ нимъ съ крайнею осторожностію. Св. Духъ не вдохновлялъ авторовъ, чтобы основать или уяснить хронологію точную, чтобы представить полную систему датъ методически установленныхъ, очень часто, напротивъ, авторы по внушенію Св. Духа совсѣмъ отступали отъ хронологической перспективы. Въ виду всего этого при извлеченіи изъ Библии того, что Провидѣніе не имѣло своей цѣлю дать, т. е. научной хронологіи, ошибиться въ высшей степени легко, получить же результаты совершенно точные даже невозможно.

Но находженіе истинныхъ результатовъ оказывается еще болѣе труднымъ, когда открывается, что цифры, поставленныя богодухновенными авторами въ священномъ текстѣ не дошли до насъ въ неповрежденномъ видѣ, но подверглись искаженію. При перепискѣ цифры, понятно, могли пострадать легче всего. Ошибка въ словѣ можетъ быть обнаружена чрезъ сличеніе слова съ контекстомъ, ошибка въ цифрѣ не можетъ быть замѣчена. Переписчики же не были лицами богодухновенными. Поврежденность цифръ Библии открывается прежде всего изъ сличенія различныхъ мѣстъ Библии, дающихъ цифровыя показанія объ одномъ и томъ-же. Такъ во 2 Цар. 8, 4 ст. говорится, что Давидъ захватилъ у Адраазара „тысячу семьсотъ всадниковъ и двадцать тысячъ пѣшихъ и подрѣзалъ Давидъ поджилки у всѣхъ колесничныхъ коней, и оставилъ изъ нихъ на сто колесницъ“, а въ I Паралип. 18, 4 ст. о томъ же говорится, что взялъ Давидъ у Адраазара „тысячу колесницъ, и семь тысячъ всадниковъ, и двадцать тысячъ пѣшихъ, и перерѣзалъ Давидъ поджилки всёму конямъ колесничнымъ, и оставилъ изъ нихъ на сто колесницъ“. Такъ во 2 Цар. 10, 18 говорится; „побѣжали сирійцы отъ Израильтянъ, и побилъ Давидъ изъ числа сирійцевъ семьсотъ колесничныхъ воиновъ и сорокъ тысячъ всадниковъ; и Соваха военачальника ихъ, поразилъ, и онъ тутъ же умеръ“, а въ I Паралипом. 19, 18 о томъ же говорится „побѣжали сиріане отъ Израиль-

тянь, и истребилъ Давидъ у сирійцевъ семь тысячъ колесницъ, и Соваха, военачальника, умертвилъ“.

Поврежденность цифръ Библии открывается, далѣе, изъ сличенія различныхъ библейскихъ текстовъ. Вотъ цифровыя данныя, на которыхъ построится древнѣйшая хронологія человѣчества, данныя періода отъ Адама до Авраама по текстамъ семидесяти, еврейскому и самаританскому:

Т Е К С Т Ъ:		Семидесяти.			Еврейскій.			Самарит.			
Имена патриарховъ.		Въ какомъ	Сколько	Сколько	Въ какомъ	Сколько	Сколько	Въ какомъ	Сколько	Сколько	
		возр. родит. слѣд. вѣтр.	жизнъ послѣ этого рода.	жизнъ всего.	возр. родит. слѣд. вѣтр.	жизнъ послѣ этого рода.	жизнъ всего.	возр. родит. слѣд. вѣтр.	жизнъ послѣ этого рода.	жизнъ всего.	
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Дологошнѣ.	Адамъ	230	700	930	130	800	980	130	800	930
		Снѣъ	205	707	912	105	807	912	105	807	912
		Эносъ	190	715	905	90	815	905	90	815	905
		Каиная	170	740	910	70	840	910	70	840	910
		Маледелль	165	730	895	65	830	895	65	830	895
		Иарель	162	800	962	162	800	962	62	785	847
		Энохъ	165	200	365	65	300	365	65	300	365
		Маѳусаль ¹⁾	167	802	969	187	782	969	67	653	720
		Ламехъ	188	565	753	182	595	777	53	600	653
		Ной	500			500			500		
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Послѣпотопнѣ.	Сколько по рожденіи сыновей Ной жилъ до потопа, послѣ потопа и всего.	100	350	950	100	350	950	100	350	950
		Сколько прошло отъ сотвор. міра и чело-вѣка до потопа.	2242			1656			1307		
		Симъ	100	500	600	100	500	600	100	500	600
		Арфаксаль ²⁾	135	400	535	35	403	438	135	303	438
		Каиная ³⁾	130	330	460						
		Шела	130	330	460	30	403	433	130	303	433
		Еверъ ⁴⁾	134	270	404	34	430	464	134	207	404
		Фалекъ	130	209	339	30	209	239	130	109	239
		Рагавъ	132	207	339	32	207	239	132	107	239
		Серухъ	130	200	330	30	200	230	130	100	230
Нахоръ ⁵⁾	179	125	304	29	119	148	79	69	148		
(Тара	70	(135)	(205)	70	(135)	205	70	(75)	(145)		
Сколько прошло лѣтъ отъ потопа до рожденія Фараю сына Авраама	1172			292			942 ⁶⁾				
Сколько прошло лѣтъ отъ Адама до Авраама	3414			1968			2249				

¹⁾ Въ настоящихъ изданіяхъ текста 70 годы Маѳусала обозначаютъ по

Были предложены различныя объясненія цифровыхъ вариантовъ. Принимая еврейскія цифры за подлинныя полагади, что цифры 70-ти были измѣнены переводчиками подъ влияніемъ исторіи Египта, которая наводила ихъ на мысль о болѣе глубокой древности, чѣмъ древность, признаваемая Библіею. Желая примирить библейскія даты съ египетскими, переводчики будто бы и увеличили на 100 лѣтъ годы, въ которые патріархи рождали дѣтей (какъ видно изъ таблицы, года 70-ти за немногими исключеніями, дѣйствительно, отличаются отъ еврейскаго на 100 лѣтъ), черезъ что увеличилась общая сумма лѣтъ существованія человечества. Измѣненія самаританскаго текста сравнительно съ еврейскимъ пытались объяснить стремленіемъ возможно строже представить постепенное уменьшеніе долгожизненности патріарховъ. Появленіе въ греческомъ текстѣ имени Каинана объяснено слѣдующимъ образомъ. Авторъ книги Бытія задался цѣлю представить, что до и послѣ потопа было по 10 патріарховъ, причемъ онъ послѣднимъ послѣ потопнымъ патріархомъ считалъ Авраама, греческіе переводчики нашли это неудобнымъ, рядъ послѣпотопныхъ патріарховъ они предпочли закончить стцомъ Авраама—Фарою, но для

еврейскому тексту. Причина этому та, что по вычисленію оказалось, что, если принять цифры 70 вѣрными, то должно признать, что Маусаль жилъ 14 лѣтъ послѣ потопа. Цифра эта была предметомъ многихъ споровъ въ древности (спорили Евсевій кесар., писалъ объ этомъ Иеронимъ Бл., исправили цифру Димитрій, Юлій Африканъ, и послѣ Оригена вездѣ введена исправленная).

2) Годы Арфаксада въ различныхъ изданіяхъ текста 70-ти указываются различно: по некоторымъ онъ жилъ по рожденіи сына 430 лѣтъ, по нѣкоторымъ 330.

3) Въ текстахъ еврейскомъ и самаританскомъ Каинана нѣтъ и сыномъ Арфаксада прямо поставляется Шела.

4) По другому разночтенію 70-ти Еверъ жилъ по рожденіи Фалега 370 лѣтъ и, слѣдовательно, всего—504 года.

5) По другому разночтенію 70-ти Нахоръ родилъ Фару 79 лѣтъ, жилъ по его рожденію 129 лѣтъ, и, слѣдовательно, всего—208 лѣтъ.

6) Во всѣхъ текстахъ итогъ долженъ быть на два года менѣе выставленнаго. Цифра два прибавляется, потому что послѣ потопа до рожденія Арфаксада прошло два года.

соблюдения симметрии относительно цифры 70 они вставили въ число послѣпотопныхъ патриарховъ новое лицо—Каина; имя котораго они взяли у одного изъ допотопныхъ патриарховъ (и какъ тамъ онъ былъ четвертымъ, такъ четвертымъ поставили и здѣсь, если послѣ потопа начинать счетъ патриарховъ съ Ноя). Что это лицо, действительно представляетъ собою вставку, за это, говорятъ, ручаются и самое имя его, взятое съ другаго, и годы его жизни, взятыя тоже у другаго (рядомъ стоящаго Шелы). Нельзя согласиться съ этими ображеніями! Прежде всего лежащее въ основѣ ихъ предположеніе о неповрежденности цифръ еврейскихъ является совершенно неправдоподобнымъ въ виду слѣдующихъ фактовъ. По еврейскому тексту оказывается, что Симъ жилъ послѣ рожденія Иакова, Еверъ умеръ послѣ смерти Авраама, что въ теченіе какихъ нибудь 300 лѣтъ образовались народы, устроились государства. Между тѣмъ какъ впечатлѣніе, получаемое отъ чтенія слѣдующихъ главъ, таково, что, когда жилъ Авраамъ, его предки уже не были въ живыхъ. Далѣе совершенно немыслимымъ представляется, чтобы авторъ книги Бытія—если даже отрицать его богодухновенность—могъ допустить возможность вмѣщенія въ 300 лѣтъ такого количества событій исторіи человечества, какое прошло отъ потопа до Авраама. Объясненіе тѣхъ началъ, изъ которыхъ исходили редакторы текстовъ 70 ти и самаританскаго при измѣненіи цифръ еврейскихъ представляется тоже неправдоподобнымъ: во 1) это объясненіе не охватываетъ всѣхъ цифръ, ибо многія—пожалуй, половина цифръ—подъ него не подходятъ; во 2) имъ предполагается такое отношеніе къ тексту Библии, которое, кажется, совершенно невозможно со стороны лицъ, считающихъ его священнымъ; въ 3) что касается до текста 70-ти, то весьма страннымъ представляется, какъ могли переводчики прикидывать какія то ничтожныя столѣтія неизвѣстно для чего, когда имъ или нужно было передать текстъ неповрежденнымъ или, если уже примирять его съ египетской хронологіей, то увеличить еврейскую хронологію на десятки тысячелѣтій. Гипотеза, объясняющая появленіе Каина въ текстѣ 70-ти, представляется тоже неудовлетвори-

тельною. Какой это легкомысленный переписчикъ или корректоръ могъ позволить себѣ вставить въ священный текстъ совершенно вымышленное лицо, почему это онъ выбралъ Каинаана, а не кого либо другаго, почему, выбравъ четвертаго, онъ поставилъ его послѣ потопа третьимъ и т. д.?

Существуютъ, кажется, достаточныя основанія въ вопросе о цифрѣ отдавать преимущество 70-ти, употребляемому нашей церковью. У него всегда были защитники и между католиками и протестантами (изъ католиковъ Sullius Capelli, Isaak Vossius въ настоящее время превосходство хронологіи 70-ти признаетъ Vigououx ⁵⁾). Даже между протестантами, позволяющими себѣ самое либеральное отношеніе къ Библии, можно указать лицъ, отдающихъ предпочтеніе хронологіи 70-ти, таковъ, напр., Dillman. Исторія, съ которой прежде связывалось происхожденіе текста 70-ти, оказалась послѣ критическаго изслѣдованія ея совершенно вымышленною (что съ достаточною подробностью и ясностью показано, напр., въ статьѣ о Н. А. Елеонскаго ⁶⁾), но съ другой стороны, несомнѣннымъ должно признать, руководясь таковыми же изслѣдованіями, что древнѣйшая часть текста 70-ти книга Бытія — восходитъ къ 3-му вѣку до нашей эры, является такимъ образомъ самымъ древнимъ изъ извѣстныхъ намъ текстовъ Библии и хотя, правда, текстомъ переводнымъ, тѣмъ не менѣе по своей древности, очевидно, могущимъ помочь иногда возстановленію правды и въ искаженномъ оригинальномъ текстѣ. Нельзя допустить, чтобы древнѣйшіе переводчики Библии, бывшіе несомнѣнно евреями, дозволили себѣ исказить священный текстъ, но очень легко допустить, что переписчики безсознательно могли исказить его, и это особенно легко могло случиться съ еврейскимъ текстомъ во время около Р. Х. — печальное и бурное время, когда не устоялъ и самъ Израиль, и тѣмъ легче, конечно, могли неустоять нѣкоторыя буквы въ его священныхъ книгахъ. Цифры 70-ти несомнѣнно изъ всѣхъ цифръ различныхъ библейскихъ текстовъ самыя

⁵⁾ R. Q. S. T. 20 p. 367—368.

⁶⁾ О переводѣ LXX въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія“.

правдоподобныя, а это также заставляет предполагать, что онъ вмѣстѣ и истинныя. Но истинны ли онъ на самомъ дѣлѣ, за это ручаться вполнѣ нельзя. Ничто такъ легко не можетъ пострадать при переводѣ или при перепискѣ, какъ цифра. Нѣкоторые оспариваютъ возможность искаженія священнаго текста 70-ти, говоря, что онъ охраняется церковью, что малѣйшее искаженіе немедленно должно было всегда замѣчаться предстоятелями церкви и по обличеніи исправляться. Развивая свою мысль, разсуждающіе такимъ образомъ готовы настаивать даже на томъ, что въ далекомъ прошедшемъ Самъ Св. Духъ возбранялъ ошибки при перепискѣ текста. Такое мнѣніе, исходящее изъ добраго намѣренія, можетъ привести къ дурнымъ послѣдствіямъ. Во 1) оно предполагаетъ собою нѣкоторую богодуховенность самихъ переписчиковъ, что предполагать едва ли доавоительно; во 2) оно стоитъ въ противорѣчьи съ фактами. Исторія священныхъ книгъ показываетъ намъ, что не только цифры, не имѣющія догматическаго значенія, искажались, но что изъ св. книгъ часто исчезали цѣлые тексты, имѣющіе высокое догматическое значеніе (напр., изъ 1 Посл. Іоан. 5,8; изъ Еванг. Марка 16,9 и слѣд. ст.), что учителя и отцы церкви подвергали многимъ обсужденіямъ вопросы объ исправленіи текста. Это должно внушать намъ осторожность при отрицаніи погрѣшностей въ томъ или другомъ спискѣ Библии, въ томъ или другомъ мѣстѣ списка (цѣлыхъ списковъ безъ погрѣшностей въ числовыхъ датахъ, какъ это мы видѣли изъ снесенія параллельныхъ мѣстъ Царствъ и Паралипоменонъ, не существуетъ).

Существованіе погрѣшностей въ цифровыхъ датахъ Библии имѣетъ своимъ слѣдствіемъ существованіе множества хронологическихъ системъ, построенныхъ на основаніи Библии. Число этихъ хронологій значительно выше числа библейскихъ вариантовъ. Причина этому лежитъ въ томъ, что въ Библии ни въ одномъ текстѣ нѣтъ систематическихъ хронологическихъ указаній, цифры часто прерываются, и вопросъ о томъ, какъ должно складывать ихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можемъ получать только гадательное рѣшеніе. Поэтому ихъ складываютъ различно, отсюда и возникаютъ для одного

и того же текста, различныя хронологіи. „Alfonse de Vignoles въ предисловіи къ его „Chronologie de l'histoire Sainte“ заявляетъ, что онъ собралъ болѣе 200 различныхъ хронологическихъ разсудленій, изъ которыхъ самое краткое считаетъ только 3483 года отъ творенія до Р. X., а самое большое считаетъ 6984 года. Здѣсь является разница на 35 вѣковъ. De Vignoles“ не перечислилъ этихъ системъ „Riccioli и P. Tournemine сдѣлали это. Первый въ своей „Chronologia reformata“, помѣстилъ таблицу, которая содержитъ ихъ 70, второй въ своихъ „Dissertationes chronologicae“ сдѣлалъ выборъ изъ наиболѣе извѣстныхъ и даетъ ихъ 92. „Art de verifier les dates“ перечисляетъ ихъ 800. Новые іудеи помѣщаютъ твореніе въ 3761 г. передъ нашей эрой, Scaliger—въ 3950, Petan—въ 3983 г., Usher (Usserius)—въ 4004, Clinton въ 4138, новое изданіе (1820) „Art de verif. l. dat.—въ 4963, Slales—5411, Sacson — въ 5426, Александрійская церковь въ 5504 ⁷⁾ Константинопольская— въ 5510, Vossius—въ 6004 ⁸⁾. Остановливаясь подробнѣе на текстѣ 70-ти, мы находимъ, что лица, вычислявшія по этому тексту, особенно разногласили между собою (источникомъ каковыхъ разногласій было, между прочимъ, большое количество вариантовъ текста 70-ти). Такъ Евсевій съ потопа до Өары считаетъ 945, Теофилъ антиохійскій— 936, Синкель — 1070, Юлій Африканъ — 940, Іосифъ — 993, Климентъ Александрійскій до призванія Авраама считаетъ 1250 л. и т. д.

Все это приводитъ насъ къ тому, что построить хронологію на основаніи Библии трудно, найти точную хронологію даже невозможно. Но можно ли построить даже приблизительную хронологію на основаніи Библии, положимъ, погрѣшность которой не превосходила бы трехъ тысячъ лѣтъ? Въ настоящее время на западѣ находится много богослововъ, которые отрицаютъ существованіе въ Библии какой бы то ни было хронологіи и, можетъ быть, подъ влияніемъ этихъ богослововъ нѣкоторые антропологи, какъ, наприм.,

7) Наша церковь—въ 5508 году.

8) Vigouroux, la chronologie des temps primitifs R. Q. S. T. 20.¶

Надеясь истинность христіанскихъ религіозныхъ убѣжденій которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, считаютъ древность челоѵка, превосходящую 100 тысячъ лѣтъ и т. д. Дѣло вотъ въ чемъ: цифры 6—8 тысячъ, которыми опредѣляютъ число лѣтъ отъ созданія челоѵка до настоящаго времени, не даны прямо въ различныхъ спискахъ Библии. Въ различныхъ мѣстахъ Библии мы встрѣчаемъ хронологическія даты, относительно которыхъ было показано: 1) что и въ первоначальной редакціи онѣ часто бывали не точными, 2) что многія изъ нихъ измѣнены. Комбинируя извѣстнымъ образомъ эти сомнительныя хронологическія даты, и получаютъ цифру 6000—7000, смотря по тому, какимъ спискомъ пользуются. Но позволительно спросить, вѣренъ ли еще принципъ, по которому производились эти комбинаціи? Въ послѣднее время это заподозрено. Обыкновенно считали такъ: къ числу лѣтъ, имѣя которое, одинъ родилъ другаго, прибавляли число лѣтъ, которое имѣлъ этотъ другой, когда родилъ третьяго и т. д. Такой способъ счисленія возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если въ Библии приведены всѣ поколѣнія людей въ непрерывномъ порядкѣ, но приведены ли они такимъ образомъ? Это оспаривается многими. Повидимому приведены: Библия точно говоритъ, въ какіе годы кто кого родилъ, сколько лѣтъ каждый жилъ по рожденіи имъ названнаго сына и т. д. Однако при попыткѣ воспользоваться этими хронологическими выводами, если мы не допустимъ нѣкотораго произвола, то получатся странные результаты. По еврейскому тексту, какъ было сказано, получится, что Симъ жилъ во время Іакова, чего, конечно, никакимъ образомъ не желалъ сказать богодухновенный авторъ (Іаковъ говорилъ Фараону, что дни его малы въ сравненіи съ днями жившихъ прежде его предковъ, къ числу этихъ предковъ должно, вѣдь, относить и Сима и — по тексту 70-ти—всѣхъ послѣпотопныхъ патриарховъ⁹⁾). Получится, что Арфаксадъ родилъ сына Салу 35 лѣтъ, а на самомъ дѣлѣ Сала не былъ сыномъ Арфаксада. Если мы обратимся къ тексту 70-ти, въ его первоначальной

⁹⁾ Быт. XLVII, 9.

редакции, то получимъ, что Маеусадъ жилъ 14 лѣтъ послѣ потопа, чего, конечно, тоже не желадъ сказать богодухновенный авторъ. Далѣе, обращая вниманіе на годы, въ которые патриарки рождали дѣтей, нельзя не удивиться ихъ нѣкоторой странности. Они то очень велики, то очень малы, при чемъ непоследовательность ихъ особенно бросается въ глаза въ самаританскомъ текстѣ, которымъ утверждается, что до потопа люди рождали, имѣя менѣе лѣтъ отъ роду, чѣмъ сколько лѣтъ рождали ихъ послѣпотопные потомки. Любопытно, что цифры эти всегда стоятъ въ нѣкоторомъ несогласіи съ рассказомъ. Въ 17, 17 стр. Авраамъ выражаетъ удивленіе и недоумѣніе относительно возможности столѣтнему имѣть дѣтей, при чемъ въ текстѣ слышится замѣтное подчеркиваніе словъ: „столѣтняго“ и „девяностолѣтней“. Но какимъ образомъ возможность такого явленія представляется Аврааму сомнительною, когда дѣдъ его Нахоръ (согласно первоначальному тексту 70-ти) родилъ сына Өару (отца Авраама), имѣя 179 лѣтъ отъ роду, когда при Авраамѣ былъ живъ еще Серугъ, родившій сына (Нахора) 130 лѣтъ. Едвали недоумѣніе отца вѣрующихъ направилось на цифру 100 или 90, если бы онъ имѣлъ предъ глазами такіе примѣры. Всѣ эти недоумѣнія даютъ основаніе предположить, что цифры книги Бытія, показывающія годы рожденія патриарховъ, не принадлежатъ богодухновенному автору ея, что они представляютъ собою вставку позднѣйшихъ переписчиковъ, вставку, видно, прямо преслѣдующую цѣли хронологическія, т. е. цѣли собственно чуждыя Божественному Откровенію, что въ первоначальномъ текстѣ книги Бытія стояло только, что такой то патриархъ родилъ такого-то и что всѣхъ дней его было столько-то. Но если дѣйствительно первоначальная редакция книги Бытія была таковою, то тогда должно признать, что ключа къ библейской хронологіи не существуетъ. Библейское выраженіе „родилъ“ не имѣетъ исключительно такого узкаго смысла, въ которомъ оно обыкновенно употребляется у насъ. Выраженіе „родилъ“ и слово „сынъ“ въ Библии употребляется по отношенію къ внуку, правнуку и вообще, насколько угодно, поколѣній отдаленному, лишь бы прямому

потомку, известнаго лица. Такъ въ ветхомъ завѣтѣ въ 1-й книгѣ Паралипоменонъ въ 26 гл. представлены генеалогическія таблицы придворныхъ чиновниковъ Давида. Въ 24 ст. указывается Шевуиль, сынъ Герсона, сына Моисеева, бывший главнымъ смотрителемъ за сокровищами. Герсонъ былъ дѣйствительно сыномъ Моисея, но жившій во время Давида Шевуиль, отдѣленный нѣсколькими столѣтіями отъ Герсона, конечно, не могъ быть сыномъ послѣдняго. Другой подобный примѣръ можно указать въ родословіи, приведенномъ въ книгѣ Ездры. Согласно 1 Ездр. 7, § Азарія былъ сыномъ Исраіеова, но изъ сличенія этого стиха съ 1 Паралипом. 5, 33—35 оказывается, что между этими двумя лицами было по крайней мѣрѣ 6 посредствующихъ поколѣній (Мерайоеъ, Амарія, Ахитувъ, Садокъ, Ахимаасъ, Азарія, Іохананъ, Азарія). Третій примѣръ можно указать въ книгѣ Іисуса Навина, гдѣ въ 22, 20 ст. Аханъ называется сыномъ Зары, а изъ сличенія этого мѣста съ 7, 1—2 ст. и 16—17 ст. той же книги видно, что Аханъ только принадлежалъ къ племени Зары, но отдѣлялся отъ послѣдняго нѣсколькими поколѣніями. Въ новомъ завѣтѣ св. Матѳей говоритъ: „Іорамъ родилъ Озію“, но изъ Царствъ и Паралипоменонъ мы узнаемъ, что Іорамъ родилъ Охозію, Охозія родилъ Іоаса, Іоасъ—Амасію, Амасія—Озію. Всѣ эти примѣры показываютъ намъ возможность того, что перечисляемые въ книгѣ Бытія до и послѣ потопныя патріархи не представляютъ собою непрерывнаго ряда поколѣній, но что, можетъ быть, между перечисленными лицами опущено болѣе или менѣе значительное число посредствующихъ членовъ. Одно такое опущеніе (Каинана) въ еврейской и самаританской Библии мы знаемъ, но нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ предполагать и другія опущенія. Между генеалогіями книги Бытія и евангелія св. Матѳея замѣчается сходство въ томъ, что тамъ и здѣсь открывается симметрія въ числахъ поколѣній. Въ Бытіи до и послѣ потопа насчитываются по 10 патріарховъ, въ Евангеліи Матѳея насчитывается три ряда предковъ Господа по 14 членовъ въ каждомъ ряду. Мы знаемъ, что ев. Матѳей допустилъ опущеніе нѣкоторыхъ именъ, мы знаемъ, что въ

дѣйствительности въ рядѣ поколѣній трудно явиться симметріи, отсюда мы имѣемъ нѣкоторое право предположить, что симметрія въ книгѣ Бытія была получена тѣмъ же путемъ, какъ и симметрія въ Евангеліи св. Маттея, т. е. чрезъ опущеніе лишнихъ именъ. Слѣдующія основанія побуждаютъ думать, что число этихъ лишнихъ именъ было не незначительно. Въ 6 главѣ кн. Бытія говорится, что Богъ за 120 лѣтъ до потопа уже опредѣлилъ потопъ, и представляется, какъ будто въ это время предъ Богомъ ходилъ только Ной, между тѣмъ по библейской хронологіи въ то время еще были живы Маѹсалъ и Ламехъ, относительно которыхъ Библия тоже даетъ основанія полагать, что они не принадлежали къ нечестивымъ. Но о нихъ совершенно не упоминается въ повѣствованіи о событіяхъ, предшествовавшихъ потопу, хотя — согласно библейской хронологіи — они по всей вѣроятности были еще живы, когда Ной строилъ ковчегъ. Трудно допустить, чтобы при жизни сихъ патриарховъ, такъ близко стоявшихъ къ Адаму, оставалось только одно благочестивое лицо — Ной. Шестая глава производитъ то впечатлѣніе, какъ будто времена Маѹсала и Ламеха давно прошли. Въ послѣпотопной исторіи мы выше уже отмѣтили странность удивленія Авраама при вѣсти, что у него — столѣтняго родится сынъ, каковое удивленіе побуждаетъ думать, что времена, когда столѣтніе рождали, далеко отстояли отъ Авраама. Въ высшей степени странно также — съ точки зрѣнія еврейскаго текста — представляется бесѣда Іакова съ Фараономъ. За немного лѣтъ предъ этою бесѣдою умеръ Симъ, можетъ быть немного раньше умеръ — если только умеръ — и Хамъ; неужели Фараонъ не имѣлъ никакой связи съ своими предками, не зналъ о лѣтахъ ихъ жизни, когда все это такъ недалеко отстояло отъ него. Фараонъ, съ которымъ бесѣдовалъ Іаковъ, принадлежалъ по крайней мѣрѣ къ 15-й династіи между тѣмъ какъ Іаковъ принадлежалъ къ 12-му поколѣнію послѣ потопа. Все это побуждаетъ нѣкоторыхъ смотрѣть на генеалогическія таблицы кн. Бытія такъ, что въ нихъ перечисляются въ преемственномъ порядкѣ только наиболѣе знаменитые изъ предковъ чедовѣчества. Тѣ 20 именъ, которыя до Авраама

называются въ Библии, суть только имена величайшихъ представителей человѣчества, но не имена всѣхъ предковъ Авраама. Между ними несомнѣнно указываются отцы и дѣти (какъ, наприм., Адамъ и Сиѡвъ, Ной и Симъ), но связь между большинствомъ изъ нихъ гораздо болѣе отдаленная. Мы не имѣемъ права отрицать возможности того, что между двумя рядомъ стоящими лицами богодухновенный авторъ могъ опускать по 10 посредствующихъ членовъ, можетъ быть даже, что онъ опускалъ ихъ и больше. Очевидно, что въ такомъ случаѣ мы не имѣемъ возможности ни приблизительно, ни тѣмъ болѣе точно опредѣлить время существованіе человѣчества. При такомъ взглядѣ, кажется, значеніе первыхъ 11-ти главъ кн. Бытія еще болѣе расширяется. Съ каждымъ именемъ патриарха у насъ начинается связываться мысль о эпохѣ въ исторіи человѣчества, о движеніи человѣчества впередъ по пути познанія и общественной жизни. Ниже мы укажемъ, что и у различныхъ народовъ въ началѣ ихъ исторіи поставляется по 10 парей или даже боговъ, каковое повтореніе цифры 10 указываетъ на ея реальную основу. Теорія, предполагающая, что 10 есть сокращеніе очень многого, не противорѣчитъ этому, ея предполагается, что въ ряду многихъ десять были особенно знамениты, память объ этихъ десяти или даже только о томъ, что ихъ было 10, и сохранилась у различныхъ народовъ.

Таковъ новый взглядъ на библейскую хронологію. Онъ защищается и раздѣляется многими. Мы изложили его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является не стоящимъ въ противорѣчій съ Библиею и съ ученіемъ Православной церкви и подтвердили его нѣкоторыми аргументами, дающими ему, по нашему мнѣнію, большую вѣроятность¹⁰⁾. Въ нашей отечественной литературѣ, если мы не ошибаемся, не затрогивался этотъ новый и широкій взглядъ на 11 первыхъ главъ кн.

---

10) Странники этого взгляда, къ нашему удивленію, сами не позаботились обосновать его. Они ссылаются—сверхъ примѣровъ употребленія не въ собственномъ смыслѣ словъ „родить“ и „сынъ“—на симметричность числа 10 до и послѣдующихъ патриарховъ и на опущеніе Каина.

Бытія. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ апологетическихъ статьяхъ, которыя были у насъ написаны по вопросу о древности міра и человѣка, очень настойчиво утверждалось, что всякое мнѣніе, признающее болѣе, чѣмъ 10-ти тысячелѣтнюю древность человѣка, стоитъ въ противорѣчій съ Библиею, стоитъ, значитъ въ противорѣчій съ ученіемъ нашей св. церкви, утверждающей непререкаемый авторитетъ Библии, следовательно, представляетъ собою ересь. Было бы весьма интересно спросить у этихъ апологетовъ—сколько лѣтъ нужно допускать до Р. Х., чтобы оставаться православнымъ, и съ допущенія какой именно цифры начинается ересь. Извѣстно, что наши раскольники настаиваютъ на томъ, что отъ созданія міра до Р. Х. прошло 5500 лѣтъ и считаютъ насъ еретиками, такъ какъ въ нашихъ календаряхъ для этого періода назначается 5508 лѣтъ. Раскольники подтверждаютъ свое мнѣніе нѣкоторыми аргументами, авторы упомянутыхъ статей ограничиваются авторитетнымъ заявленіемъ своего мнѣнія, рѣшительно ничѣмъ не подкрѣпляя его, даже не подвергая изслѣдованію библейскія цифры и приемы счисленія по нимъ, какъ будто это давно и окончательно рѣшено. Такое догматическое приглашеніе вѣрить въ цифру, неимѣющую въ сущности никакого религіознаго значенія, можетъ быть только вреднымъ. Правда, въ новомъ мнѣніи является соблазнительнымъ то, что имъ предполагается испорченность библейскаго текста въ цифровомъ отношеніи, но, вѣдь, эта испорченность въ данномъ случаѣ доказывается и контекстомъ и сличеніемъ различныхъ списковъ Библии. Въ исторіи нашей церкви можно указать много примѣровъ, когда авторитетнѣйшими представителями ея въ Библии признавалась испорченность и исправлялась. Отмѣчаютъ то замѣчательное обстоятельство, что Библия претерпѣла больше измѣненій, чѣмъ произведенія свѣтской учености. Причину этого нужно искать, въ томъ величайшемъ интересѣ, который она всегда представляла вѣрующему. Климентъ Александрійскій жалуется на то, что разноголасіе рукописей (новаго завѣта) сдѣлалось (въ его время) дѣйствительно великимъ, какъ вслѣдствіе небрежности переписчиковъ, такъ и вслѣдствіе своеволя тѣхъ, которые зани-

маются корректурою еписковъ, а также тѣхъ, которые по своему собственному сужденію дѣлають поправки, прибавляютъ и вычеркивають¹¹⁾. Неясность библейскаго текста побуждала нѣкоторыхъ вставлять разьясненія, а его краткость—дополненія. Въ занимающемъ насъ случаѣ, можетъ быть, произошло послѣднее.

Хронологія не имѣеть отношенія къ религіи. Для тѣхъ, которые изъ за нея готовы обвинить въ ереси, весьма поучительно будетъ рассмотреть то, что какъ въ ветхозавѣтной, такъ и въ новозавѣтной церкви всегда употреблялось неточное лѣтосчисленіе и при томъ иногда такое употреблялось сознательно. Намъ неизвѣстно древнѣйшее лѣтосчисленіе человѣчества. Библейское указаніе на то, что Енохъ жилъ 365 лѣтъ, очень можетъ быть, стоитъ въ связи съ открытіемъ того, что солнечный годъ заключаетъ въ себѣ полныхъ 365 сутокъ, но однако, мы видимъ, что въ гораздо позднѣйшее время еврей недостаточно воспользовались этимъ открытіемъ. Ихъ годъ состоялъ изъ 354 дней. Такъ какъ разница изъ 11 дней съ солнечнымъ годомъ помѣшала бы постоянному возврату праздниковъ въ одинаковыя времена года, то израильтяне уже съ ранняго времени чувствовали необходимость прибѣгать къ вставкамъ; вслѣдствіе сего и были учреждены необыкновенныя годы изъ 13 мѣсяцевъ, образованныхъ изъ 29 или 30 дней. Тринадцатый мѣсяць Веадаръ или второй Адаръ прибавлялся къ нѣкоторымъ годамъ такъ, чтобы Пасха, начинавшаяся въ 15 день Нисана, приходилась въ то время, когда поспѣвалъ ячмень; потому-что въ Пасху кромѣ пасхальнаго агнца требовали еще приношенія сноповъ ячменя, какъ начатковъ жатвы. Правила вставки измѣнялись сообразно съ временемъ и мѣстностями, въ которыя судьба приводила изгнанныхъ евреевъ¹²⁾. Въ этомъ лѣтосчисленіи евреевъ для насъ любопытно прежде всего то, что религіозныя, именно литургическія основанія побуждали евреевъ быть неточными. Обращаемся къ хри-

11) Христ. Чтен. 1877 г. Май—Іюнь, стр. 866—867.

12) Астрономія Араго. Т. IV о еврейскомъ календарѣ стр. 574—575.
Переводъ Хотинскаго.

сталаемому лѣтосчисленію. Прежде всего здѣсь оказывается неизвѣстнымъ точно начало этого лѣтосчисления. Обычно полагаютъ, что годъ рожденія Спасителя падаетъ на 754 или 753 годъ отъ основанія Рима, но вѣрность этого лѣтосчисления залодозрѣна уже давно и хотя относительно года рожденія Спасителя, года имѣвшаго безконечно большее значеніе, чѣмъ годъ, въ который Маеусаль родилъ Ламеха, сужденія остаются разнорѣчивыми, всѣ ученые, кажется, сходятся въ томъ, что онъ падаетъ на раннѣйшее время римской эры, и что теперь на самомъ дѣлѣ отъ Р. X. прошло нѣсколько болѣе лѣтъ, чѣмъ мы обыкновенно считаемъ. Въ христіанской церкви было принято юліанское лѣтосчисленіе. Руководясь имъ, отцы Никейскаго собора (325 г.) составили правила о пасхѣ. Лѣтосчисленіе это, остающееся доселѣ въ нашей православной церкви, завѣдомо невѣрно. Однако когда въ концѣ XVI вѣка папа Григорій XIII предложилъ восточной церкви принять его календарь, отличающійся гораздо болѣею правильностію и принятый теперь во всей западной Европѣ, предстоители восточной церкви, не оспаривая болѣе правильности этого календаря, отказались принять его по нѣкоторымъ практическимъ и въ частности по литургическимъ основаніямъ. Исторія церкви, съ другой стороны, показываетъ намъ, что никогда церковь не волновали споры изъ за хронологіи, они не могли волновать ее, потому что хронологія, какъ и ученіе объ электричествѣ, какъ и биномъ Ньютона, не имѣетъ отношенія къ религіи.

Все это приводитъ насъ къ заключенію, что въ вопросѣ о хронологіи должна быть позволяема полная свобода мыслей. Нѣкоторые западные ученые, воспользовавшись правомъ этой свободы, отвергнули библейскую традиціонную хронологію, но по присущей человѣку склонности давать отвѣтъ на всякій вопросъ, пытались построить на основаніи текста Библии совершенно новыя хронологіи. Мы приведемъ двѣ такія попытки Ріу де Невилля и Жана д'Этьена. Вотъ ихъ равноужденіе по этому предмету.

Достойно замѣчанія, что различія, обозначаемыя между тремя редакціями текста (семидесяти, еврейскаго и самари-

тан.) преимущественно открываются въ продолжительности лѣтъ, прошедшей между рождениемъ каждаго патріарха и рождениемъ этимъ патріархомъ другаго, обозначаемого, какъ его преемника и не обнаруживаются—за исключеніемъ двухъ или трехъ извѣстныхъ случаевъ—при указаніи продолжительности жизни каждаго изъ нихъ. Впрочемъ, что эти послѣднія цифры не были ощутительно измѣнены, но что измѣненіе главнымъ образомъ коснулось лѣтъ, въ которыя каждый изъ патріарховъ рождалъ сына, продолжавшаго его линію. Если соединить совокупность всѣхъ лѣтъ десяти патріарховъ (допотопныхъ) въ каждой изъ трехъ редакцій, то получаютъ 8225 по еврейскому тексту, 8201 по греческому, 7737 по самаританскому (въ среднемъ около 8000 лѣтъ). Но мнѣнію Ріу де Невилля какой-то копіистъ прибавилъ съ боку строки глоссу, которая, введенная позднѣе другихъ копіистомъ въ тѣло текста, совершенно измѣнила смыслъ деталей генеалогіи отъ Адама до Ноя: цифры, которыя тамъ представляли продолжительность жизни патріарховъ, были приложены къ ихъ возрасту въ моментъ рожденія ихъ сыновей, и цифры, представлявшія продолжительность существованія ихъ потомковъ до слѣдующаго патріарха, были приложены для опредѣленія продолжительности ихъ собственной жизни, такимъ образомъ ихъ знаменитые потомки въ неопредѣленной степени были представлены ихъ прямыми потомками. Напримѣръ, въ 5, 6 ст. Быт. написано: „и жилъ Сиѡъ 105 лѣтъ (205 лѣтъ по тексту 70-ти, являющемуся болѣе точнымъ), и родилъ Еноса; И жилъ Сиѡъ, по рожденіи имъ Еноса 807 лѣтъ (707 лѣтъ по тексту 70-ти) и родилъ сыновей и дочерей. И было всѣхъ дней Сиѡовыхъ 912 лѣтъ; и онъ умеръ“ (Быт. 5, 6—8). Согласно гипотезѣ Невилля первоначальный текстъ былъ такой: и жилъ Сиѡъ 205 лѣтъ и родилъ сыновъ и дочерей и всѣхъ дней Сиѡа было 912 лѣтъ, и онъ былъ мертвъ (mortuus erat). Еврейское спряженіе, имѣя одно время для perfect и plusquamperfect. должно было перевести выраженіе, „онъ былъ умершимъ“—„онъ умеръ“. Выразеніе „дней“ придалось не къ патріарху, а къ эпохѣ, которая слѣдовала отъ его смерти, и которую наполнили его потомки, не наз-

ванные по имени; Глосса состояла въ присоединеніи сначала сбоку строки, а потомъ въ самомъ текстѣ слѣдующихъ двухъ членовъ фразы послѣ словъ 205 лѣтъ: и онъ родиль Еноса и жилъ по рожденіи имъ Еноса 807 лѣтъ. Комментарю, полагаетъ Невиль, казалось нужнымъ обозначить имя патріарха, котораго онъ принималъ за сына предшественника, видя въ первой цифрѣ возрастъ его отца въ моментъ рожденія его, а во второй — всѣ лѣта отца, и онъ простымъ вычисленіемъ получилъ посредствующую цифру. Въ этой системѣ слова, и всѣ дни (эпохи) Сива обнимали 912 лѣтъ (въ теченіе которыхъ) онъ былъ мертвъ“.

Жанъ д'Этьенъ развиваетъ эти соображенія Невилля слѣдующимъ образомъ, согласно теоріи Невилля жизнь Адама продолжалась только 230 лѣтъ, и эпоха Адама между его смертію и рожденіемъ Сива обнимала 930 лѣтъ такъ, что между сотвореніемъ Адама и рожденіемъ Сива протекло, значить, 1160 лѣтъ. Точно такъ же должно вычислять время и при дальнѣйшихъ патріархахъ. Этимъ путемъ получаютъ въ цѣломъ 9843 года (что можно, кстати, уменьшить на 450 лѣтъ, допустивъ ошибку переписчика, замѣнившего 50 пятьюстами при обозначеніи возраста Ноя въ моментъ рожденія имъ дѣтей). Возрастъ допотопнаго чело-вѣчества будетъ такимъ образомъ равенъ 9393 годамъ.

Совершенно тоже предположеніе можетъ быть приложено при опредѣленіи послѣдовательности послѣпотопныхъ патріарховъ, начиная съ Сима, эпоха котораго послѣ потопа 600 лѣтъ, до Фары или Тераха, который жилъ 145 лѣтъ. Здѣсь при вычисленіи руководятся хронологіей самаританской, въ которой этотъ отдѣлъ цифръ, полагаютъ, измѣненъ наименѣе и на хронологію 70-ти, гдѣ цифры, кажется, вообще измѣнены меньше всего, и получаютъ чрезъ приложеніе той же гипотезы въ цѣломъ 4306 лѣтъ между потопомъ и призваніемъ Авраама.

Теперь обнаруживается весьма любопытное сближеніе, если къ 9000 годамъ и нѣсколькимъ столѣтіямъ, которые отдѣляли твореніе чело-вѣка отъ потопа, мы прибавимъ 4306 лѣтъ, протекшихъ потомъ до смерти отца Авраама, потомъ 19 вѣковъ прошедшихъ отъ призванія этого патріарха до

рождения Спасителя, то мы получимъ въ совокупности 16000 лѣтъ (приблизительно) до настоящей эры, или около 18 тысячъ лѣтъ, если прибавить 18 вѣковъ, прошедшихъ съ ея начала.

Но допустимъ, вращаясь все въ области гипотезъ, мнѣніе, по которому ледниковая эпоха нашего полушарія была послѣдствіемъ великой космической вимы, произведенной революціей большой оси земной орбиты вокругъ солнца, когда афелій соотвѣтствовалъ нашему лѣтнему солнцестоянію. Время афелія у насъ болѣе другаго времени соотвѣтствующаго перигелію на немного дней. Но это незначительное „болѣе“, продолжающееся много лѣтъ или даже вѣковъ, достаточно для того, чтобы произвести великія ледниковыя явленія въ полушаріи, зимы котораго были длиннѣе. Назадъ тому около 634-хъ лѣтъ¹³⁾ афелій точно соотвѣтствовалъ лѣтнему солнцестоянію нашего полушарія, которое теперь, слѣдовательно переживаетъ полное лѣто (космическое или апсидальное), напротивъ, южное полушаріе переживаетъ свою космическую зиму, обнаруживающуюся въ неизмѣримомъ скопленіи ледниковъ у южнаго полюса, на огненной землѣ, въ Патагоніи, которые спускаются до моря, и это происходитъ на широтѣ, соотвѣтствующей широтѣ Женевы. Но за 10450 лѣтъ до 1248 года нашей эры тамъ была эпоха лѣтняго солнцестоянія космическаго года, а наше полушаріе находилось въ афеліи зимою, ледниковыя фазы находились тогда у насъ въ полномъ развитіи. Если допустить, что человѣкъ явился прежде этой фазы, что трудно теперь подвергать сомненію (?), то можно помѣстить его появленіе въ эпоху апсидальнаго года, соотвѣтствующую нашему осеннему равноденствію, что было 5225 годами раньше. Если мы прибавимъ эту послѣднюю цифру къ числу годовъ, протекшихъ съ космическаго солнцестоянія лѣта въ 1248 году, (т. е. къ 10450 годамъ) и наконецъ 634 г., протекшіе съ этой послѣдней эпохи, то мы получимъ около 163 вѣковъ (16300 лѣтъ) цифру, которая весьма чувствительно приближается къ цифрѣ, которую мы (сейчасъ и

13) Расчеты Жана д'Эльена должно относить къ 1892 году.

получили путем вычислений чисто хронологических. Эта последняя еще болѣе высока, она включает болѣе 17 тысяч лѣтъ. Но съ одной стороны, существенныя измѣненія, которымъ подвергались хронологическія даты въ редакціяхъ пятокнижія, достигшихъ до насъ, позволяютъ только приблизительныя вычисленія, съ другой, если теперь доказано (?), что человѣкъ распространился на землѣ прежде распространенія ледниковыхъ явленій, то наука не доставила, однако, никакого указанія на продолжительность этихъ феноменовъ, ни на продолжительность времени, протекшаго между появленіемъ человѣка и ихъ наибольшимъ распространеніемъ, можно также удобно помѣщать твореніе Адама за 6 или 7 тысячъ лѣтъ прежде эпохи солнцестоянія зимы космическаго періода.

Кстати, должно замѣтить еще, что если вмѣсто того, чтобы прибавлять къ эпохамъ обозначеннымъ подъ именемъ каждаго патріарха возрастъ, прожитый этимъ патріархомъ, разсматривать этотъ возрастъ, какъ заключающійся въ эпохѣ того же имени, то получаютъ древность міра въ моментъ потопа, сложивъ эти эпохи, каковая сумма, какъ видѣли, включаетъ въ себѣ около 8000 лѣтъ (8200, по тексту 70-ти). Та же система, приложенная къ послѣпотопнымъ патріархамъ даетъ для періода между потокомъ и смертію Фары 3200 лѣтъ. Прибавивъ къ этимъ двумъ числамъ 1920 (1921) лѣтъ, заключающихся между призваніемъ Авраама и рожденіемъ Иисуса Христа, и 1900 лѣтъ нашей эры, мы получимъ въ цѣломъ 15200 лѣтъ или 152 вѣка, которая, оказывается менѣе значительною, но однако только на 11 вѣковъ, чѣмъ цифра, получаемая изъ астрономическихъ соображеній. Согласно съ этимъ новымъ предположеніемъ должно помѣщать твореніе Адама по эту сторону равенства года космическаго въ эпоху, которая, продолжая наше сравненіе солнечнаго года съ космическимъ, окажется соответствующею половинѣ нашего октября, принимая каждый мѣсяць космическаго года за 1741 годъ съ половиною. Твореніе Адама согласно этому воззрѣнію произошло въ 13327 г. предъ Р. Х. Но если разсматривать возрастъ допотопныхъ патріарховъ, какъ заключающійся въ эпохахъ

ихъ имени, а возрастъ послѣпотопныхъ прикладываетъ отдѣльно къ ихъ эпохамъ, по Невиллю, то получаютъ точно цифру въ 16309 лѣтъ, найденную выше, какъ опредѣляющую древность человѣчества въ 1882 г. Адамъ, оказывается тогда, былъ созданъ въ 14427 г. до Р. Х. ¹⁴⁾.

Такія хронологическія соображенія должны быть признаны ошибочными. Не оспаривая того, что человѣкъ, можетъ быть живетъ и болѣе 20000 лѣтъ или менѣе 10000, должно признать произвольность и фантастичность приведенныхъ цифръ. Можно допускать пропуски въ генеалогіяхъ патріарховъ, но не между каждыми двумя патріархами. Такъ Сиѣъ несомнѣнно былъ сынъ Адама, что отмѣчается нѣсколько разъ въ Библии. Вопросъ о лѣтахъ жизни Сима, согласно изложеннымъ теоріямъ, долженъ быть рѣшенъ такъ, что Симъ умеръ во время потопа, что, разумѣется, недопустимо. Невиль и развившій его гипотезу Жанъ д'Этьенъ хотѣли сдѣлать двѣ уступки антихристіанскому направленію современной антропологіи: 1) отвергнуть долгожизненность патріарховъ и 2) увеличить древность человѣчества. Мы доказали, что второе еще позволительно допускать, но отрицать первое можно лишь жертвуя прямымъ смысломъ Библии. Что за странный способъ выраженія оказывается у Моисея по теоріи Невилля: Сиѣъ былъ мертвъ въ продолженіи 912 лѣтъ, никто, конечно, никогда не выражался такимъ образомъ. Приведеннымъ теоріемъ нельзя отказать въ оригинальности, но нельзя не видѣть, что степень правдоподобія ихъ весьма незначительна.

Въ настоящее время должно прежде всего ставить вопросъ не о строго математическомъ опредѣленіи момента сотворенія человѣка—и слѣдовательно, времени прожитаго человѣчествомъ,—а о томъ, какое изъ двухъ предположеній должно быть полагаемо въ основу разсужденій о древности человѣческаго рода: 1) что человѣчество существуетъ 6—8 тысячъ лѣтъ (если допустить существованіе въ Библии хронологіи, то, принимая во вниманіе цифровые варианты, и

¹⁴⁾ Jean d'Estienne, *l'humanité primitive* pp. 374—377. R. Q. S. 1882 octobr.

искаженія, нужно признать, что возраст человечества долженъ заключаться между этими двумя цифрами) или 2) что возрастъ человечества нужно обозначить черезъ X? Ниже мы попытаемся показать, что наука не имѣетъ въ своемъ распоряженіи данныхъ, позволяющихъ съ несомнѣнностію утверждать, что человечество существуетъ болѣе 7—8 тысячъ лѣтъ, и что, напротивъ, существуютъ даже нѣкоторыя основанія, побуждающія признать недавнее появленіе человѣка, каковыя основанія представляетъ напр., собою фактъ сохраненія преданій у народовъ о событіяхъ допотопныхъ, потопѣ и даже о вавилонскомъ столпотвореніи. Астрономическая гипотеза ледниковой эпохи—если окажется правильною,—будучи сопоставлена съ несомнѣнными данными палеонтологической антропологии, то же приближаетъ насъ къ библейской хронологіи (хотя должно замѣтить, что ею пока рѣшается, да и то только приблизительно, вопросъ о человѣкѣ Европы, между тѣмъ какъ Азія представляетъ великое неизвѣстное проблемы). По нашему мнѣнію наиболѣе безопаснымъ будетъ такое пользованіе библейской хронологіей: въ хронологическихъ вопросахъ руководиться текстомъ 70-ти, но только гораздо лучше не придавать въ немъ значенія годамъ, въ какіе патріархи рождали своихъ дѣтей потому что эти годы только вызываютъ недоумѣнія. Прямыхъ и несомнѣнныхъ основаній утверждать, что въ книгѣ Бытія при перечисленіи патріарховъ существуютъ пропуски, пока не представлено, напротивъ, издавна отмѣчая незначительное число поколѣній отъ Адама до Авраама и долгожизненность патріарховъ, дѣлавшую возможнымъ живое общеніе многихъ поколѣній, богословы въ этомъ фактѣ видѣли естественную причину неповрежденности преданія о первыхъ временахъ міра. При такомъ предположеніи слова Авраама могутъ не возбуждать недоумѣнія, ибо годы, въ которые Серугъ родилъ Нахора и Нахоръ — Фару могли быть значительно меньше поставленныхъ въ текстѣ, какъ, напротивъ, годы, въ которые рождали Арфаксадъ и Каинаанъ могли быть значительно больше поставленныхъ. То, что между Ноемъ и Иаковымъ лежитъ только 11 поколѣній (Ной первый, Иаковъ — четырнадцатый, по тексту 70-ти),

тоже не может возбуждать недоумѣній, ибо долгожизненность патриарховъ, какъ это видно изъ словъ самого Иакова, была гораздо большею, чѣмъ долгожизненность другихъ людей и въ тѣ — приблизительно — $1\frac{1}{2}$ тысячи лѣтъ, которыя прошли отъ потопа до его времени, въ другихъ мѣстахъ и другихъ племенахъ могло смѣниться много не долѣе цоколѣній, но даже, пожалуй, и формъ быта. При нашемъ взглядѣ на хронологію должно признать, что возрастъ человѣчества заключается между 6—10 тысячами лѣтъ. Принятіе этой цифры представляется наиболѣе благоразумнымъ и для людей науки. Когда антропологъ назначаетъ для существованія человѣка періодъ въ 400 тысячъ лѣтъ, онъ тѣмъ самымъ отнимаетъ у себя почву для изслѣдованія и разсужденія. 400 тысячъ лѣтъ! Эта цифра настолько велика, что не совсѣмъ понятна для человѣка, хотя бы на бумагѣ онъ обнаруживалъ умѣнье производить ариметическія дѣйствія надъ квадрильонами. 400 тысячъ лѣтъ — такое обширное поле, обозрѣть которое не въ состояніи взоръ человѣка. Напротивъ, когда вмѣсто нея становится цифра въ немного тысячъ, изслѣдованіе дѣла становится гораздо возможнымъ, факты антропологіи становятся яснѣе, все становится понятнѣе, и для христіанскаго мыслителя исторія человѣчества становится гораздо менѣ загадочною. Чѣмъ на меньшее число лѣтъ (конечно, не далѣе извѣстнаго *minimum'a*) мы раздѣлимъ имѣющійся у насъ археологическій и палеонтологическій матеріалъ для сужденія о прошедшемъ человѣчества, тѣмъ для каждого отдѣльнаго момента жизни человѣчества мы получимъ этого матеріала больше, и тѣмъ представленіе этого момента будетъ у насъ полнѣе. Во имя уже одного этого, намъ кажется иногда въ наукѣ, при составленіи гипотезъ слѣдовало бы предпочитать маленькія цифры большимъ. Вѣдь, милліоны, которыми такъ свободно располагають геологи и палеонтологи, не представляютъ объясненія явленій, а только уклоненія отъ объясненія. Рамки времени, назначеннаго для совокупности извѣстныхъ явленій, нужно расширять только по мѣрѣ того, какъ выясняется, что эти явленія не могутъ уложиться въ рамки, назначавшіяся имъ прежде, но дѣлать эти рамки

заранѣе слишкомъ большими скорѣе вредно, чѣмъ полезно. Это и обнаруживается въ вопросѣ о древности человѣка. Нѣтъ достаточныхъ основаній увеличивать обозначающую ее традиционную цифру, но съ другой стороны, никто не долженъ претендовать видѣть въ ней что то непогрѣшимое. Она наиболѣе вѣроятна для настоящаго времени, но можетъ въ послѣдующее новыя открытія заставить ее расширить. Во всякомъ случаѣ мы думаемъ, что рѣшеніе вопроса о ней скорѣй могутъ доставить геологія и астрономія, чѣмъ Библія, имѣющая иныя, высшія цѣли, чѣмъ счисленіе лѣтъ прожитыхъ человѣчествомъ, не она, думаемъ мы, въ настоящее время должна служить нормою для геологіи и антропологіи, но, напротивъ, эти отрасли человѣческаго вѣдѣнія своими данными должны намъ воспомоществовать къ уразумѣнію Божественнаго Откровенія.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ГИПОТЕЗА.

ГЛАВА I.

Эволюционная теорія происхожденія чловѣка.

Сущность теоріи эволюціи. Ея приложеніе къ чловѣку на томъ основаніи, что различіе между чловѣкомъ и животными количественное, а не качественное. Сравненіе организаціи антропоморфныхъ обезьянъ и организаціи чловѣка. Духовная природа животныхъ и чловѣка. Дикари. Ихъ физическая организація. Особенности ихъ мышленія. Ихъ религіозныя и нравственныя представленія.

Еще недавно существа и явленія органическаго міра представлялись по большей части, какъ строго различающіеся обособленные и замкнутые въ себѣ типы, затѣмъ всѣ существа и явленія представлялись какъ типы неподвижныя, явившіеся во всеоружіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера, и имѣющіе исчезнуть такими, какими они появились. Но въ послѣднія 30 лѣтъ то и другое воззрѣніе подверглось радикальному измѣненію. Между самыми разнородными существами и явленіями было признано генетическое родство, далѣе, то, что прежде большинствомъ считалось неподвижнымъ, объявлено движущимся. Прежде считали неподвижнымъ то, что двигалось весьма медленно, внимательное наблюденіе послѣднихъ лѣтъ открыло это движеніе, не смотря на его медленность, и опредѣлило въ общемъ тотъ путь, по которому это движеніе должно совершаться. Путь, проходямый всѣмъ существующимъ, направляется отъ единаго ко многому, отъ простаго къ сложному, отъ несовершеннаго къ

совершенному. Теорія, провозгласившая общее происхождение органических существ и претендующая на то, что она опредѣлила и опредѣлить происхождение и степени родства между существами и нашла путь, по которому они движутся, называется эволюціонной.

Эволюціонная теорія утверждаетъ, что все разнообразіе органическихъ существъ возникло путемъ естественнаго отбора изъ одной или 4—5 первоначальныхъ органическихъ особей, которыя или непосредственно были созданы Творцомъ или возникли путемъ естественнаго преобразованія неорганической матеріи въ органическую и затѣмъ въ организмы. Такъ какъ представители современной науки неохотно допускаютъ сверхъестественное вмѣшательство въ процессъ развитія вселенной, то поэтому большинство ихъ держится втораго предположенія. Основанія для этого предположенія они находятъ въ открытіяхъ органической химіи. Со второй четверти текущаго столѣтія (именно съ открытія Велеромъ мочевины путемъ выпариванія ціано-амміачной соли). Открытія эти показали, что изъ неорганическихъ соединеній могутъ образовываться органическія (муравьиная кислота, тройныя смолистыя соединенія, сахаринъ и т. д.), отсюда остается одинъ шагъ до образованія бѣлка и затѣмъ протоплазмы растительной и животной. Полагаютъ, что процессъ преобразованія неорганической матеріи въ природѣ въ организмы происходилъ весьма медленно подъ влияніемъ геологическихъ измѣненій на поверхности земли, пониженія температуры и т. д.

Первыя протоплазмы явились, обыкновенно полагаютъ, въ срединѣ лаврентіевской эпохи¹⁾. Дальнѣйшее развитіе организмовъ пошло двумя путями, ибо образовалось два царства—растительное и животное; чрезъ осложненіе организмовъ и дифференцировку органовъ образовались изъ нихъ въ теченіе билліоновъ вѣковъ существующія растения и животныя. Мы перечислимъ по возможности кратко тѣ законы, которые, по утверженію эволюціонистовъ, управляли развитіемъ организмовъ. 1) Законъ размноженія орга-

---

¹⁾ Bathybius, Eozon canadense.

низмовъ въ геометрической прогрессіи; 2) законъ измѣнчивости, по которому а) рожденные часто отличаются и отъ родившихъ и между собою въ нѣкоторыхъ признакахъ и особенностяхъ. Фактъ этихъ измѣненій извѣстенъ всякому. Можно указать нѣкоторыя обстоятельства, которыя вліяютъ на нихъ, наприм., условія, въ которыхъ находилась мать, когда носила младенца, вліяютъ на послѣдняго; б) въ теченіе жизни приобретаютъ новые признаки, которыхъ не имѣли родившіе ихъ и ихъ братья, и теряютъ тѣ, которые принадлежали ихъ предкамъ. Извѣстно, что употребленіе органовъ развиваетъ (наприм., человекъ можетъ развить въ себѣ способность двигать ушами), неупотребленіе органовъ дѣлаетъ ихъ атрофированными (напр., домашнія птицы утрачиваютъ способность летать). Должно замѣтить при этомъ, что одни измѣненія всегда сопровождаются другими сопутствующими, причины чего еще неизвѣстны, такъ, наприм., голубой цвѣтъ глазъ у кошекъ несетъ всегда съ собою другой признакъ глухоту, удлинненіе конечностей у голубей, влечетъ за собою укорачиваніе клюва, отсутствіе шерсти у собакъ соединяется съ слабымъ развитіемъ зубовъ и т. д. 3) Законъ наследственности, по которому измѣненія, приобретаемыя родителями, наследуются многими изъ дѣтей. 4) Дѣйствіе условій природы, которыя, влія въ теченіе многихъ поколѣній, могутъ образовывать новые органы у организмовъ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ того, какъ объясняютъ происхожденіе нѣкоторыхъ органовъ. Первые организмы явились въ глубинѣ моря, куда не проникаетъ свѣтъ, они были слѣпы, многимъ изъ ихъ потомковъ, оказавшимся въ иныхъ условіяхъ существованія, пришлось въ послѣдствіи подвергнуться дѣйствію свѣта; сначала они воспринимали свѣтъ всею поверхностію тѣла, но такъ какъ на ихъ тѣлѣ должны были быть мѣста наиболѣе воспримчивыя къ дѣйствію свѣта (мѣста болѣе темнаго цвѣта), то въ этихъ мѣстахъ свѣтъ на ихъ кожѣ произвелъ измѣненія, эти измѣненія еще болѣе усидили ихъ свѣтовую впечатлительность, и такъ появился первый зародышъ глаза. Подобнымъ образомъ должна была произойти нервная система. Когда организмъ не имѣлъ первной системы, то раздраже-

ніе, получаемое имъ въ той или другой точкѣ его кожи передавалась къ тому центру, который, заправляя движеніями, былъ ихъ началомъ, всею посредствующею массою тѣла, но какъ электричество двигается въ воздухѣ не по прямому направленію, а по линіи наименьшаго сопротивленія (зигзаги молніи), такъ и раздраженіе передавалось въ организмъ чрезъ тѣ частицы, которыя были болѣе пригодны для этого. Такъ въ организмѣ образовались особые пути для передачи раздраженій, органическая матерія въ этихъ путяхъ преобразовывалась и перерождалась въ тотъ видъ, который теперь представляютъ нервы. 5) Борьба за существованіе. Размноженіе въ геометрической прогрессіи производитъ, что для всѣхъ организмовъ не хватаетъ пищи, отсюда происходитъ, что многіе погибаютъ отъ ея недостатка, другіе погибаютъ въ борьбѣ изъ за нея, сохраняются только сильнѣйшіе. Внезапно происходящія измѣненія въ мѣстности обитанія тѣхъ или другихъ организмовъ, часто дѣлаютъ для большинства изъ нихъ невозможною жизнь и сохраняютъ только тѣ, которые раньше по какому нибудь случаю приобрѣли измѣненія, оказавшіяся полезными при новыхъ условіяхъ. Такъ при усиливающихся холодахъ сохраняются тѣ особи, которыя имѣютъ особенно густой мѣхъ, и изъ потомковъ сохраняются опять тѣ, которые обладаютъ этою особенностію. Животныя съ менѣе густымъ мѣхомъ погибаютъ. Другой подобный примѣръ. Положимъ въ извѣстной мѣстности чрезвычайно умножилось количество животныхъ, питающихся листьями съ деревьевъ, тогда они скоро выгрызутъ всѣ листья, находящіеся на нижнихъ вѣтвяхъ деревъ, но тѣ изъ нихъ, которыя раньше приобрѣли длинную шею, будутъ поставлены въ лучшія условія, они будутъ питаться листвою съ болѣе высокихъ вѣтвей. Эти животныя сохраняются и изъ ихъ потомковъ опять будутъ сохраняться наиболѣе длинношеіе. Въ борьбѣ за существованіе, такимъ образомъ, сохраняются и переживаютъ наиболѣе приспособленные; это и называется естественнымъ подборомъ или отборомъ (the Selection). 6) Кромѣ естественнаго подбора въ природѣ существуетъ еще половой. У животныхъ существуютъ развившіеся вслѣд-

ствіе тѣхъ или иныхъ причинъ вкусы, по которымъ самцамъ нравятся самки, обладающія извѣстными признаками, наоборотъ, самкамъ тоже нравятся самцы съ тѣми или иными особенностями. Эти особенности, понятно, должны сохраняться и развиваться. Подборъ этотъ особенно наглядно представляется у птицъ, у которыхъ самцы отличаются красивымъ опереніемъ, пѣвчими голосами и т. д.

Таковы условія, управляющія эволюціею органической жизни. Перечисливъ ихъ, сдѣлаемъ къ нимъ необходимыя краткія примѣчанія. 1) Процессъ развитія организмовъ происходитъ весьма медленно. Въ физической исторіи земнаго шара астрономы и геологи предлагаютъ еще, хотя довольно гипотетическія, но все таки цифры, къ исторіи органическаго міра никто еще не пытался приложить ариеметики, пока эволюціонисты ограничиваются замѣчаніями, что здѣсь требуются билліоны лѣтъ. 2) Процессъ развитія не охватываетъ всѣхъ организмовъ, нѣкоторые изъ нихъ живутъ въ такихъ условіяхъ, которыя не даютъ толковъ для этого развитія; отсюда произошло то, что въ то время, какъ на землѣ появлялись высшіе организмы, сохранялись и представители низшихъ типовъ. 3) Въ природѣ происходитъ не одинъ прогрессъ, но и регрессъ. Причина его лежитъ и въ скрытой наслѣдственности или атавизмѣ, по которому рождаются особи съ признаками, которыхъ не имѣли ихъ отцы, а которыми обладали ихъ отдаленные предки, и въ условіяхъ существованія, которыя дѣлаютъ иногда безполезнымъ для извѣстныхъ организмовъ имѣющіеся у нихъ органы; органы перестаютъ употребляться, атрофируются, исчезаютъ, остаются нѣкоторые ихъ рудиментарныя слѣды; таковы, наприм., безкрылый киви (*apterix mantelli*), происшедшій отъ крылатыхъ предковъ, таковы нѣкоторыя змѣи (*peropodes*), существующіе зачатки ногъ у которыхъ показываютъ, что ихъ предки владѣли конечностями.

Мы перечислили кратко тѣ законы, которые по мнѣнію эволюціонистовъ управляютъ развитіемъ органическаго міра. Конечно, можно различнымъ образомъ относиться къ этому эволюціонному катехизису, можно принимать его съ раз-

личными ограниченіями, можно, напри-
 м., принимать такъ, что Самъ Творецъ создалъ непосредственно первые орга-
 низмы, особо создалъ первоначальные организмы раститель-
 ные, положимъ, схиземидеты, особо создалъ первоначаль-
 ные животные организмы, положимъ gymnomopora, protoge-
 pes и т. д., что въ послѣдствіи Самъ Творецъ непосред-
 ственно создалъ человѣка. Въ такомъ видѣ эволюціонная
 гипотеза принимается многими католическими натуралиста-
 ми, въ нѣкоторомъ смыслѣ даже самимъ Уоллесомъ. Мож-
 но допускать вмѣшательство Творца только въ образова-
 ніе первоначальной жизни и устранять непосредственное
 отношеніе его къ человѣку, какъ это повидимому сдѣлалъ
 Дарвинъ — творецъ эволюціонной теоріи. Впрочемъ Дарвинъ
 не вѣрилъ на самомъ дѣлѣ въ возможность сверхъестествен-
 наго происхожденія жизни. Это открылось изъ опублико-
 ванной его переписки, въ которой онъ является сторонни-
 комъ архебіозиса — ученія, признающаго, что органическая
 жизнь возникла естественнымъ образомъ въ отдаленныя ге-
 ологическія эпохи путемъ медленнаго преобразованія неор-
 ганической матеріи въ органическую, и что затѣмъ въ эпо-
 хи послѣдующія произвольнаго зарожденія уже не было,
 а организмы происходили одни отъ другихъ. Хорошо по-
 нимая, что это ученіе не имѣетъ за собою никакой фак-
 тической опоры, и что споръ о немъ будетъ лишь беспо-
 лезною тратою времени, Дарвинъ и высказалъ, что можно
 допустить, что первыя 4 или 5 основныхъ формъ были соз-
 даны непосредственно Творцомъ, при чемъ у него ясно
 подразумѣвается: но можно этого и не допускать. Большин-
 ство послѣдователей Дарвина совсѣмъ устраняютъ Творца,
 рассуждая объ образованіи вселенной и развитіи органи-
 змовъ.

Человѣкъ, согласно воззрѣнію большинства эволюціонис-
 товъ, подчиненъ закону эволюціи, какъ и всѣ прочіе ор-
 ганизмы. Путемъ эволюціи онъ произошелъ отъ животныхъ
 предковъ и этимъ же путемъ онъ будетъ подниматься все
 выше и выше въ будущемъ. Это положеніе было высказа-
 но многими натуралистами непосредственно послѣ появле-
 нія въ свѣтъ книги Дарвина „о происхожденіи видовъ“,

книги, въ которой не затрогивался вопросъ о человѣкѣ; а разсуждалось только о растеніяхъ и животныхъ. Въ 60-го-дахъ („О происхожденіи видовъ.“ вышло въ 1859 г.) Снелъ, Фогтъ, Геккель, Гексли и другіе посвятили много разсужденій вопросу о происхожденіи человѣка; каковыя разсужденія побудили, наконецъ, отозваться съ своимъ мнѣніемъ по этому вопросу и самаго Дарвина. Въ 1870 году вышла его книга „О происхожденіи человѣка“. Послѣ этого было написано еще много сочиненій по тому же предмету; и постоянно тщательно до самыхъ послѣднихъ дней были собираемы эволюціонистами данныя въ пользу эволюціонной теоріи происхожденія человѣка. Мы постараемся по возможности изложить всѣ эти данныя.

Прежде всего эволюціонистами утверждается, что по своей физической организаціи человѣкъ весьма близко подходит къ нѣкоторымъ животнымъ, такъ близко что измѣненіе организаціи послѣднихъ въ организмѣ человѣка легко могло произойти подъ дѣйствіемъ естественныхъ причинъ, затѣмъ ими утверждается, что съ психической стороны между человѣкомъ и животными существуетъ различіе только количественное, а не качественное; что онъ не обладаетъ особыми духовными способностями, которыхъ не имѣютъ животныя, что тѣ же самыя способности, которыя существуютъ у животныхъ, у него развиты до высшей степени.

Изложимъ, прежде всего, результаты ихъ сравнительнаго изслѣдованія человѣка и приближающихся къ нему по своему развитію животныхъ съ физической стороны.

Человѣкъ, разсматриваемый съ зоологической точки зрѣнія, принадлежитъ къ типу позвоночныхъ (какъ двустороннее симметричное животное съ внутреннимъ скелетомъ, образующимъ въ спинной полости каналъ для помѣщенія мозга), къ классу млекопитающихъ (какъ имѣющей простое дыханіе, двойное кровообращеніе и питающей дѣтой молокомъ), къ группѣ одноутробныхъ дископлацентарныхъ, именно къ высшимъ ея представителямъ—отряду приматовъ или обезьянъ. Въ этомъ отрядѣ наиболѣе приближаются къ человѣку узконосыя антропоморфныя обезьяны стараго свѣта: чимпанзе, горилла, орангъ и гиббонъ. Приближеніе это выражается

въ сходствѣ общаго вида (облика - *habitus'a*), въ общемъ сходствѣ формъ, человѣкоподобности лица, переднихъ конечностяхъ, представляющихъ настоящія руки, въ скелетѣ, системѣ мышцъ, устройствѣ и расположеніи внутренностей, особенно въ строеніи мозга и органовъ чувствъ. Такъ устройство глазъ у обезьянъ почти тождественно съ устройствомъ ихъ у человѣка: глаза у нихъ обращены впередъ и на сѣтчатой оболочкѣ всегда находится центральная ямка (*fovea centralis, macula lutea*). Органъ слуха также весьма сходенъ съ человѣческимъ, какъ по формѣ ушной раковины, такъ и по устройству костнаго лабиринта. Обоняніе развито почти такъ же, какъ и у человѣка. Языкъ и по своей формѣ и по находящимся на немъ сосочкамъ почти тождественъ. Органъ осязанія также устроенъ весьма сходно съ человѣческимъ, что можно заключать изъ весьма сходнаго строенія пачиніевыхъ тѣлецъ и осязательныхъ сосочковъ. Наконецъ, мозгъ обезьянъ, по своему устройству рѣзко различающійся отъ мозга другихъ животныхъ, весьма приближается къ человѣческому. Далѣе, сходство между человѣкомъ и этими обезьянами заключается въ томъ, что они лишены хвоста, имѣютъ 32 зуба (по 4 рѣзца, по 2 клыка, по 4 ложнокоренныхъ и по 6 коренныхъ зуба въ каждой челюсти), по два грудныхъ сосца и—за исключеніемъ гиббоновъ—совершенно лишены сѣдалищныхъ мозолей. Морфологическое и анатомическое различіе между человѣкомъ и этими обезьянами должно отмѣтить въ слѣдующемъ: 1) въ устройствѣ позвоночника, 2) въ устройствѣ заднихъ конечностей, 3) въ общемъ строеніи головы, 4) количествѣ и строеніи мозга, 5) въ строеніи гортани, 6) въ обнаженности нѣкоторыхъ частей тѣла и 7) въ формѣ зубной системы.

1) Позвоночникъ четвероногихъ, выпуклый на шеѣ по направленію впередъ, отъ шеи до таза представляетъ однообразную кривизну въ формѣ свода, обращеннаго выпуклостію—иногда, правда, мало замѣтною—къверху. При бѣгѣ животное поднимаетъ попеременно то передній, то задній отдѣлъ туловища, и всякій разъ при этомъ усиленіемъ спинныхъ мышцъ стремится разогнуть свою спинно-пояснич-

ную кривизну. Но движение позвоночника, вообще, у животных может быть совершенно в весьма ограниченных размерах, именно: позвоночник движется только между предпоследним и третьим отъ конца спиннымъ позвонкомъ, причемъ послѣ разгибанія его животнымъ онъ обыкновенно сейчасъ же приходитъ въ свое первоначальное положеніе.

Позвоночникъ четвероногихъ представляетъ, такимъ образомъ, два рычага, изъ которыхъ точка опоры одного находится около таза, другого — около шеи, свободные же концы ихъ встрѣчаются въ нѣкоторой точкѣ около послѣдняго опиннаго позвонка, встрѣчаются поднятыми нѣсколько кверху. Нужно замѣтить, что точки опоры позвоночника у животныхъ находятся ближе къ той части тѣла, которая соответствуетъ переду у человѣка, это дѣлаетъ для четвероногихъ нормальнымъ хожденіе на четырехъ конечностяхъ и весьма затруднительнымъ и ненормальнымъ хожденіе только на двухъ.

Позвоночникъ человѣка представляетъ на разстояніи отъ головы до крестца не двѣ кривизны — шейную и спинно-поясничную, какъ у четвероногихъ, а три — шейную, спинную, обращенную выпуклостію къ заду и поясничную, выпуклостію которой обращена опять впередъ. Такая замѣтная изогнутость имѣетъ слѣдствіемъ, что центръ тяжести туловища при этомъ отодвигается къ заду, а это, одно уже значительно облегчаетъ вертикальное положеніе туловища. Если же привасть во вниманіе, что общее строеніе человеческого тѣла таково, что линія его тяжести при стояніи проходитъ значительно позади линіи, соединяющей тазобедренные суставы и служащей осью при вращеніи туловища взадъ и впередъ, то понятно, что ему скорѣе угрожаетъ опасность опрокинуться назадъ (чему препятствуютъ нѣкоторыя мышцы и особенно тазобедренныя связки), чѣмъ впередъ, а потому стояніе на заднихъ конечностяхъ есть для человѣка самое нормальное, ходить на четверенькахъ для взрослога весьма затруднительно. Обращаясь къ рассмотрѣнію позвоночника антропоморфныхъ обезьянъ, мы видимъ, что онъ отличается отъ человѣческаго, хотя все таки болѣе приближается къ нему, чѣмъ къ позвоночнику четвероногихъ. Того направленія остистыхъ отростковъ и той ихъ системы,

которая обуславливает строение позвоночника у четвероногихъ, здѣсь не находится, наоборотъ, у нихъ выступаютъ хотя весьма слабыя слѣды третьей поясничной кривизны, впрочемъ, болѣе или менѣе ясно выражающіеся только у нѣкоторыхъ видовъ гиббона и у гориллы. Тѣмъ не менѣе, у другихъ обезьянъ существуютъ другія приспособленія (мышца), способствующія имъ выпрямлять позвоночный столбъ и держаться вертикально. Вообще по отношенію къ обезьянамъ нельзя употреблять термина *quadripeda*, нельзя ихъ назвать и *egesti*; поэтому, удобнѣе всего, находить, называть ихъ *semiegesti* (этотъ терминъ предложенъ Гексли). Въ строеніи позвоночника человѣка и антропоморфныхъ обезьянъ встрѣчаются еще нѣкоторыя различія, именно, въ числѣ спиннопоясничныхъ, особенно крестцовыхъ и отчасти хвостовыхъ позвонкахъ, въ строеніи шейныхъ позвонковъ, въ строеніи крестца и т. д. Но нѣтъ нужды останавливаться на этихъ особенностяхъ, такъ какъ онѣ имѣютъ гораздо меньшее значеніе, и вліяніе на ихъ измѣненіе эволюціонныхъ факторовъ служитъ только предметомъ гаданій.

2) И въ издающихся въ настоящее время курсахъ зоологій можно видѣть, что человѣкъ обыкновенно отчисляется въ особый отрядъ *himana*, а узконосыя обезьяны въ отрядъ *quadrimana*. Этимъ, конечно, утверждается, что существуетъ рѣзкое различіе въ устройствѣ заднихъ конечностей человѣка и этихъ обезьянъ, но нельзя принять всецѣло такое воззрѣніе. Усвоеніе заднимъ конечностямъ обезьянъ имени рукъ основывается (по Кювье) на наиболѣе очевидной физиологической функціи рукъ, именно на способности ея противопоставить большой палецъ прочимъ для схватыванія мелкихъ предметовъ. Признакъ этотъ въ естественномъ состояніи совершенно отсутствуетъ у ногъ человѣка. Но нельзя видѣть въ немъ особенности, противопоставляющей ногу рукъ, потому что у ноги тоже искусственно можно развить эту способность, можно даже достигнуть того, что большой палецъ ноги будетъ отходить отъ остальныхъ пальцевъ подобно тому, какъ это мы видимъ на рукѣ. Это можно указать у паузаговъ и у нѣкоторыхъ другихъ низшихъ чело-

вѣческихъ племенъ и у обитателей, живущихъ на деревьяхъ въ Африкѣ. При опредѣленіи различія руки и ноги нужно имѣть въ виду прежде всего слѣдующіе признаки: свободу и подвижность плечеваго сочлененія, благодаря которому рука можетъ двигаться почти одинаково свободно по всѣмъ направленіямъ, обусловливается присутствіемъ у руки мышцы, называемой *regopaeus longus*. Свобода движеній ноги, какъ человѣческой, такъ и обезьяней гораздо ограниченнѣе вслѣдствіе отсутствія указанной мышцы. Далѣе, рука отличается отъ ноги особенностію локтеваго сочлененія, устроеннаго такъ, что лучевая кость можетъ совершать вокругъ локтевой движеніе съ амплитудой около 180° , отчего рука можетъ обращаться ладонью и вверхъ и внизъ, въ ногѣ такое вращательное движеніе возможно въ весьма ограниченной степени. Кисть руки можетъ образовывать разнообразныя углы съ осью предплечія, ступня не можетъ быть разгибаема далѣе извѣстныхъ предѣловъ; для руки, напротивъ, даже легче обратить свою тыльную сторону къ землѣ (горилла ходитъ, опираясь на тыльныя стороны переднихъ конечностей), для ноги это невозможно. Наконецъ, расположеніе пяточныхъ костей, присутствіе короткой сгибающей и разгибающей мышцы пальцевъ также отличаютъ руку отъ ноги. Перечисленные различія между рукою и ногою представляютъ также различія между передними и задними конечностями антропоморфныхъ обезьянъ, хотя и не вполне. Ступня антропоморфныхъ обезьянъ отличается большею подвижностію, болѣе приспособлена къ лазанью, чѣмъ къ вертикальному хожденію, пальцы — въ особенности большой — по своей относительной длинѣ, способу сочлененія и подвижности, весьма отличны отъ ножныхъ пальцевъ чловѣка и скорѣе напоминаютъ пальцы человѣческой руки, большой палецъ, имѣя способность противопоставляться прочимъ, образуетъ чрезъ это вмѣстѣ съ ними весьма сильный органъ хватанія. Все это, съ другой стороны, дѣлаетъ заднія конечности обезьянъ гораздо слабѣйшими, чѣмъ эти конечности у чловѣка, отчего обезьянамъ при ихъ передвиженіи и требуется опора кромѣ заднихъ ногъ иногда палки или даже рукъ, которыя у нихъ достигаютъ такой необычайной длины, что

при вертикальномъ стояніи обезьянъ достигаютъ до земли. Такой способъ хожденія обезьянъ даетъ основаніе называть ихъ несовершенными двуногими. X

3) Различіе, которое представляетъ у человѣка и у обезьянъ строеніе головы, относится 1) къ общему виду черепа, 2) къ большому или меньшему развитію лицеваго угла, 3) къ высотѣ и широтѣ лба, 4) къ выпуклости подбородка. У человѣка черепъ (находящійся почти въ равновѣсіи на позвоночномъ столбѣ, съ которымъ онъ сочленяется посредствомъ своей нижней поверхности) представляетъ, какъ сверху, такъ и сбоковъ округленныя очертанія, переходящія назадъ въ округленность затылка и образующія на переди выпуклость лба. Подъ лбомъ помѣщаются глазныя орбиты и съ явственно выступающими костями носа и подбородкомъ лице, по своей величинѣ и относительнымъ размѣрамъ значительно уступающее собственно черепу — вмѣстилищу мозга; при этомъ умѣренно развитыя челюсти почти совсѣмъ не выдаются или только весьма немного выступаютъ за вертикальную линію профиля. Наоборотъ, черепъ обезьянъ является значительно менѣе округленнымъ, онъ болѣе вытянутъ, болѣе узокъ, гораздо угловатѣе человѣческаго черепа, въ немъ сильно развиты костяные гребни и сильно выступаютъ впередъ челюсти, вообще въ немъ рѣзко выдается преобладаніе лицевой части надъ собственно черепною. Что касается до лицеваго угла, то онъ значительно меньше у обезьянъ. Какъ извѣстно, лицевой уголъ образуется черезъ пересѣченіе двухъ прямыхъ, которыя направляются одна отъ наиболее выдающейся части лба къ верхней челюсти (собственно къ той точкѣ, которая находится надъ серединою верхнихъ рѣзцовъ), другая отъ отверстія уха направляется къ нижней конечности носа. Такъ образованный лицевой уголъ у человѣка простирается отъ 70° до 85° , варіанція такимъ образомъ равна 15° ; можно сказать, что для расы кавказской, или бѣлой (ортогнатической) средняя мѣра равна 80° , для расы эоіоцкой (прогнатической) равна 70° . Антропоморфныя обезьяны, оказывается, по своему лицевому углу весьма удаляются отъ человѣка, удаляются даже болѣе, чѣмъ низшіе типы обезьянъ. Наиболѣе къ человѣческому приближается

лицевой уголъ саймири (широконосая обезьяна), у этой обезьяны онъ достигаетъ 65° , у гиббона около 60° , но гораздо меньше онъ у чимпанзе, гориллы и оранг-утанга, у двухъ первыхъ онъ доходить до 40° , у послѣдняго понижается до 35° . Что касается до лба человѣка и обезьянъ, то исходя изъ морфологическаго и анатомическаго его опредѣленія можно даже поставить вопросъ: есть ли у обезьяны лобъ? Лбомъ въ морфологическомъ смыслѣ называется часть лица, ограниченная снизу бровями, а сверху границей прикрѣпленія волосъ; въ анатомическомъ смыслѣ этотъ отдѣлъ соотвѣтствуетъ нижней части чешуи лобной кости, покрывающей переднїя лопасти мозга, лежащія на верхней стѣнкѣ глазныхъ орбитъ. У обезьянъ мозгъ почти не покрываетъ орбитъ или покрываетъ только самую заднюю часть ихъ; у гориллы надъ орбитами совсѣмъ нѣтъ выпуклости, напротивъ линія профиля переходить здѣсь въ вогнутость, которая только на темени начинаетъ подниматься косвенно кверху такъ, что о гориллѣ, пожалуй, положительно можно сказать, что у ней нѣтъ лба. Довольно ясно признаки лба выступаютъ у гиббоновъ, и наконецъ наиболѣе выраженнымъ онъ является у оранга. Обратимся къ нижней части лица. Подбородочный выступъ не существуетъ совсѣмъ у антропоморфныхъ обезьянъ (онъ есть только у саманго). Нижняя челюсть у антропоморфныхъ обезьянъ рѣзко отличается отъ человѣческой большею массивностію, болѣе грубою и округленною формою, большею длиною сравнительно съ шириною.

4) Строеніе мозга человѣка и обезьянъ представляетъ много весьма сходнаго и рѣзко различается отъ строенія другихъ животныхъ. Между строеніемъ человѣческаго мозга и обезьяньяго можно отмѣтить только двѣ особенности: а) въ человѣческомъ мозгу находится больше и болѣе глубокихъ извилинъ (хотя всѣ главныя извилины человѣческаго мозга можно найти ясно выраженными также у оранга), б) развитіе человѣческаго мозга идетъ не тѣмъ путемъ, какъ обезьяньяго: у человѣка сначала развивается передняя сторона, у обезьянъ — задняя. Но главное различіе мозга человѣка и обезьянъ заключается не въ этомъ, главное

различіе ихъ это различіе массы, въсадъ У здороваго чело-
вѣка въсь нормальнаго мозга равенъ среднимъ числомъ
1300 граммамъ, возвышался у отдѣльныхъ особей до 1800
граммовъ (мозгъ Кювье) и спускался у другихъ до 1000 и
даже 900 (наприм., у нѣкоторыхъ австралійцевъ). У антро-
поморфныхъ обезьянъ въсь мозга никогда не бываетъ бо-
лье 500 граммовъ съ небольшимъ, чаще же всего она
равенъ 350 или 400 граммамъ, такъ что мозгъ чело-
вѣка по крайней мѣрѣ вдвое больше мозга антропоморфныхъ
обезьянъ. Различіе это станетъ еще болѣе рѣзкимъ, если
мы обратимъ вниманіе только на полушарія большаго мозга
(сѣдалище умственныхъ способностей по преимуществу),
такъ какъ у всѣхъ антропоморфныхъ обезьянъ мозжечекъ
развить относительно болѣе, нежели у чело-вѣка, и въсь
его относится къ всѣу полушарій, какъ 1: 6, у чело-вѣка
же, какъ 1: 8^{1/2}.

5) При разсмотрѣніи строенія гортани обращаютъ на себя
вниманіе гортанные мѣшки, существующіе у антропоморф-
ныхъ обезьянъ (за исключеніемъ почти всѣхъ гиббоновъ) и не-
существующіе у чело-вѣка. Это—дѣйствительно перепонча-
тые, наполненные воздухомъ мѣшки, которые сообщаются
съ полостью гортани и проникаютъ далеко въ грудь, въ
нихъ не открыто никакихъ мѣшечныхъ пучковъ и эласти-
ческихъ фибръ, которые позволяли бы имъ сокращаться.
Но не это составляетъ главное отличіе чело-вѣческой гор-
тани отъ гортани обезьянъ. Отличіе это кроется въ тѣхъ
мелкихъ, нѣжныхъ и детальныхъ приспособленіяхъ, которыя
сообщаютъ чело-вѣческому голосу такую силу, разнообразіе,
мягкость и пріятность звуковъ, особенно голосу женскому,
подобнаго чему ничего нѣтъ ни у антропоморфныхъ и ни
у какихъ другихъ обезьянъ.

6) Волосы у антропоморфныхъ обезьянъ обыкновенно от-
сутствуютъ на лицѣ, ступняхъ, ладоняхъ, тыльной сторонѣ
пальцевъ, ушахъ, но они всегда присутствуютъ въ боль-
шомъ количествѣ на спинѣ и плечахъ. Обращаясь къ че-
ловѣку, мы встрѣчаемъ совершенно обратное явленіе: у
чело-вѣка на спинѣ никогда не бываетъ волосъ, волосатыя

лица, напротивъ, представляютъ собою довольно частое явленіе:

7) Въ строеніи зубовъ человѣка и антропоморфныхъ обезьянъ должно отмѣтить слѣдующее различіе. Зубной сегментъ у человѣка имѣетъ параболическую форму у антропоморфныхъ обезьянъ онъ имѣетъ скорѣе видъ параллелипипеда. Далѣе, у человѣка зубы бываютъ обыкновенно равной длины, и между ними обыкновенно нѣтъ промежутковъ, у обезьянъ клыки гораздо длиннѣе другихъ зубовъ и отдѣляются отъ другихъ зубовъ промежутками—діастемами, которые дѣлаютъ то, что ихъ клыки при сближеніи перекрещиваются; наконецъ, что касается до развитія и роста зубовъ у человѣка зубы мудрости являются послѣ образованія клыковъ, у антропоморфныхъ обезьянъ наоборотъ.

Кромѣ перечисленныхъ различій между человѣкомъ и обезьянами существуетъ у нихъ еще различіе въ строеніи легкихъ (хотя и не у всѣхъ обезьянъ), въ строеніи и количествѣ мышцъ, въ устройствѣ конечностей (въ числѣ и величинѣ ихъ костей) и т. д., но всѣ эти различія и менѣе важны и менѣе опредѣленны ¹⁾.

Говоря о различіи между человѣкомъ и обезьянами въ анатомическомъ отношеніи, мы не останавливались почти на томъ, при сравненіи съ какими обезьянами и въ какихъ отношеніяхъ это различіе выступаетъ особенно рѣзко и съ какими менѣе. Теперь, подводя итогъ сказанному, должно обратить вниманіе на то, что трудно сказать, какая изъ указанныхъ обезьянъ по своему типу болѣе приближается къ человѣку и какая менѣе. Орангъ-утангъ, наприм., больше по видимому приближается къ человѣку, но лицевой уголъ у него значительно меньше, чѣмъ у прочихъ обезьянъ; гиббонъ изъ причисленныхъ обезьянъ далѣе всѣхъ отстоитъ отъ человѣка, но по строенію лба наиболѣе приближается

---

¹⁾ Свѣдѣнія объ анатомическомъ и физиологическомъ различіи человѣка отъ обезьянъ заимствованы изъ Гексли (Положеніе человѣка въ природѣ 1864 перев. Бекетова) Wirchow'a (Menschenund Affenschädel. 1870). Hamard'a (La place de l'homme dans la création R. Q. S. 1878 Juillet). Анучина (Антропоморфныя обезьяны и высшіе типы челоѣчества. Природа 1874, 1, 3, 4).

къ нему, горилла по своему *habitus*'у близко стоитъ къ человѣку, но по количеству мозга и его развитію она стоитъ ниже нѣкоторыхъ широконосыхъ обезьянъ. Такимъ образомъ, оказывается, что въ одномъ отношеніи къ человѣку приближаются однѣ обезьяны, въ другомъ — другія. Это сдѣлало несомнѣннымъ теперь для самыхъ рьяныхъ защитниковъ обезьяняго происхожденія человѣка то, что человѣкъ не произошелъ ни отъ одного изъ существующихъ типовъ обезьянъ, и привело ихъ къ мнѣнію, что прародители человѣка исчезли съ лица земли, и что, восходя далѣе и далѣе въ глубину прошедшаго, можно найти прародителей, которые были общими, какъ для человѣка, такъ и для антропоморфныхъ обезьянъ.

Припомнивъ тѣ эволюціонные факторы, которые, по утверженію эволюціонистовъ, управляютъ развитіемъ органическаго міра, должно признать, что на первый взглядъ представляется весьма возможнымъ съ точки зрѣнія этой теоріи превращеніе обезьяны въ человѣка, и затѣмъ независимо отъ этой теоріи должно сказать, что само по себѣ различіе между человѣкомъ и антропоморфными обезьянами представляется настолько ничтожнымъ, что съ зоологической точки зрѣнія человѣчество можетъ быть разсматриваемо, какъ одно обширное семейство изъ многихъ семействъ обезьянъ.

Психологическое различіе, утверждаютъ эволюціонисты, также ничтожно, какъ и анатомическое. На первый взглядъ это утверженіе можетъ показаться страннымъ. Карлъ Фогтъ и горилла повидимому довольно рѣзко различаются между собою, но здѣсь для сравненія берутъ не просвѣщеннаго европейца, а кафровъ, готтентотовъ, папуасовъ, вообще низшіе типы чловѣчества и сравниваютъ ихъ съ высшими животными типами. При этомъ, обыкновенно, самое сравненіе поставляется обще и широко: человѣка сравниваютъ не только съ обезьянами, но и съ слономъ и съ собакой и съ птицами, дажо съ насѣкомыми. Цѣль таковыхъ сравненій—доказать, что человѣкъ отличается отъ животныхъ только количественно, а не качественно, что всѣ способности человѣка существуютъ и у животныхъ, только въ

низшей и меньшей степени, такъ сказать, въ эмбріональномъ состояніи. Перейдемъ къ разсмотрѣнію ученія эволюціонистовъ объ этомъ предметѣ.

Психическія способности человѣка могутъ быть раздѣлены на три рода: способности чувствъ, интеллектуальныя способности и способности активности. Способности чувствъ могутъ быть подраздѣлены на два вида: 1) способности ощущеній пріятнаго и непріятнаго, получаемыхъ отъ матеріальныхъ предметовъ и 2) способность чувствованій, вызываемыхъ феноменами духовнаго порядка, наприм., идеями, сужденіями и т. д. Интеллектуальныя способности, сообразно съ тѣмъ, что у насъ могутъ быть идеи о внѣшнихъ предметахъ, о насъ самихъ и, наконецъ, объ истинахъ вѣчныхъ и необходимыхъ, могутъ быть подраздѣлены на три вида: 1) перцепція—способность приобрѣтать познанія о внѣшнихъ предметахъ посредствомъ чувствъ, 2) сознаніе, которымъ душа познаетъ саму себя, но познаетъ только постольку, поскольку она есть подлежащее для феноменовъ интеллектуальныхъ одолженныхъ одному изъ другихъ источниковъ нашихъ идей—перцепція или разсудку (такое частное состояніе сознанія, когда оно обращаетъ вниманіе на то, что сознаетъ, называется рефлексіей); 3 разумъ—способность, которой мы одолжены знаніемъ истинъ необходимыхъ, всеобщихъ аксіомъ, первыхъ принциповъ, наприм., блага, истиннаго и справедливаго, Эти три способности доставляютъ намъ элементы нашихъ познаній, но кромѣ этихъ способностей еще существуютъ такія, которыя имѣютъ свою цѣлю сохранять и оперировать надъ матеріаломъ, доставляемымъ тѣми способностями; именно способности репрезентативныя: память, асоціація идей, пассивное воображеніе (страдательно воспроизводящее отсутствующіе предметы) сохраняютъ его, способности модификативныя: отвлеченіе, способность классификаціи, активное воображеніе и размышленіе обрабатываютъ матеріаль, который сохраняетъ тѣ способности. Пользуясь ими, дѣлаютъ умозаключенія, составляютъ сужденія, создаютъ произведенія науки. Третій рядъ способностей представляютъ собою способности активности. Въ человѣкѣ происходятъ движенія автомати-

ческія (біеніе сердца), полуавтоматическія (дыханіе); тѣ и другія, собственно, не имѣютъ отношенія къ способностямъ активности, къ послѣдней принадлежатъ: способность спонтанейности, т. е. такой принципъ, который находится въ дѣятелѣ, но цѣль котораго не сознается дѣятелемъ. Сюда относятся дѣйствія рефлексивныя. Наприм., неожиданно являющійся яркій свѣтъ заставляеть человѣка, хотя бы ребенка, инстинктивно зажмуривать глаза. Это дѣйствіе совершается свободно и цѣлесообразно, но цѣлесообразность этого дѣйствія не сознается лицомъ дѣйствующимъ. Наконецъ, у человѣка есть способность волевая, принципъ которой тоже въ дѣятелѣ, но которая предполагаетъ еще знаніе предмета, къ которому стремится воля. Актъ спонтанейный есть актъ инстинктивный, актъ волевой — актъ сознательный дѣятельный ³⁾).

Посмотримъ теперь, что соотвѣтствующаго этимъ способностямъ находятъ эволюціонисты у животныхъ. Они утверждаютъ: все. Животныя для полученія ощущеній имѣютъ тѣ же пять чувствъ, какъ и человѣкъ, они имѣютъ чувства удовольствія и страданія, радости и скорби, желанія и отвращенія, любви и ненависти, удивленія и негодованія, надежды и страха. Внѣшняя перцепція при помощи внѣшнихъ чувствъ принадлежитъ такъ же животному какъ и человѣку. Мы видимъ: животныя всегда избѣгаютъ тѣхъ предметовъ, которыя имъ причиняютъ страданія и, наоборотъ, отыскиваютъ тѣ, которые доставляютъ имъ пріятныя ощущенія. Этотъ фактъ который въ большинствѣ случаевъ нельзя приписать инстинкту, такъ какъ весьма часто онъ является слѣдствіемъ опыта, достаточно доказываетъ, что у животныхъ существуютъ не только ощущенія, но есть и знаніе внѣшнихъ предметовъ, животныя знаютъ внѣшній міръ, имѣютъ о немъ идеи. Они сознаютъ и свое собственное существованіе, это признавалъ еще Бюффонъ, они имѣютъ рефлексію. Часто можно видѣть, какъ животное ко-

---

³⁾ Эту нестрогую, но довольно практичную классификацію способностей мы заимствуемъ изъ цитированной статьи Hamard'a *La place de l'homme dans la création* pp. 190—200.

леблется, пребываетъ въ нерѣшительности прежде, чѣмъ приступить къ дѣйствию. Животныя имѣютъ память: они знаютъ своего господина и свое жилище, они обнаруживаютъ радость, видя тѣхъ, кого они любили, таковыхъ они узнаютъ даже годы спустя послѣ того, какъ видѣли ихъ. Ассоціація идей присуща имъ, это должно признать уже потому, что многія ихъ дѣйствія обнаруживаютъ предшествовавшее размышленіе. Пассивное воображеніе тоже присуще имъ: лошадь ржетъ, когда приближается къ своему дому, хотя этого дома еще не видно, несомнѣнно, воображенію ея рисуется отсутствующая конюшня. Присутствіе способностей отвлеченія и обобщенія выражается въ томъ, что животныя различаютъ предметы и существа по родамъ, что во всякомъ случаѣ служить признакомъ зародыша классификаціи. Активное воображеніе, т. е. комбинированіе вызываемыхъ изъ памяти въ сознаніе представленій по своему произволу, тоже обнаруживается у нихъ: животныя видятъ сны, иногда, видно, имъ снится пріятное, иногда непріятное, часто собаки рычатъ во снѣ. Способность сужденій и размышленій легко обнаружить у нихъ. Попугай беретъ орѣхъ и бросаетъ его опять, не пытаясь его разгрызть. Онъ нашель, что орѣхъ легокъ. Ясно, что онъ сравнивалъ вѣсъ тяжелыхъ орѣховъ съ легкими и открылъ, что у послѣднихъ не бываетъ зерна. Очевидно, при послѣдующемъ отбрасываніи пустыхъ орѣховъ онъ могъ руководиться только тѣмъ, что философы называютъ гордымъ именемъ силлогизма: всѣ легкіе орѣхи пусты, этотъ орѣхъ легокъ, слѣдовательно онъ пустъ ⁴⁾. Способности активныя, какъ и способности интеллектуальныя, также представляютъ общій удѣлъ человѣка и животныхъ. Не касаясь автоматическихъ и полуавтоматическихъ дѣйствій, должно признать, что у животныхъ существуютъ способности спонтансныя, обнаруживающіяся въ ихъ инстинктивныхъ стремленіяхъ къ тѣмъ или другимъ предметамъ, у нихъ, наконецъ, есть и воля, обнаруживающаяся въ ихъ способности выбора (хотя бы въ нищѣ) и въ другихъ дѣйствіяхъ. „Всякій“, говоритъ М. Мюллеръ, „кто

---

⁴⁾ Примѣръ изъ М. Muller'a, Vorlesungen über die Sprache S. 301—302.

только ѣздилъ на упрямыхъ лошадяхъ, можетъ быть призванъ въ свидѣтели того, что лошадь имѣетъ волю“⁵⁾). Но имѣютъ ли животныя разумъ, который, какъ источникъ идеи истины, добра и т. д. обуславливаетъ, по обычному представленію, и религію и нравственность? На этотъ вопросъ эволюціонисты прежде всего отвѣчаютъ такъ, что разумъ не есть особая способность человѣка, это тотъ же разумокъ, и слѣдовательно, имѣя разумокъ, животныя имѣютъ и разумъ. Далѣе, тѣ идеи или положенія, источникъ которыхъ многіе хотѣли бы видѣть въ разумѣ, существуютъ, по утверженію эволюціонистовъ, и у животныхъ, и происхожденіе ихъ можно объяснить не таинственною врожденностію, а напротивъ, результатомъ личнаго и наслѣдственнаго опыта, инстинктами и т. д. Животныя имѣютъ и нравственное и религіозное чувство. Дѣло въ томъ, что ненужно источникъ нравственнаго чувства искать въ присущихъ намъ нравственныхъ идеяхъ; нравственное чувство заключается только въ преобладаніи болѣе постоянныхъ инстинктовъ надъ менѣе упорными, нравственное чувство,—это есть совокупность инстинктовъ социальныхъ—постоянныхъ, эгоизмъ—совокупность инстинктовъ переходящихъ, личныхъ. Если какое нибудь существо, пренебрегая постоянными инстинктами, удовлетворяетъ инстинктъ переходящій, то оно впослѣдствіи почувствуетъ недовольство собой и болѣе или менѣе твердо рѣшится не дѣйствовать такъ на будущее время. Ласточки въ извѣстное время бываютъ какъ будто цѣлый день поглощены желаніемъ переселиться, ихъ привычки мѣняются, онѣ становятся шумливы, беспокойны и собираются стаями. Въ то время, какъ мать кормитъ или воспитываетъ своихъ дѣтенышей, материнскій инстинктъ вѣроятно сильнѣе инстинкта къ переселенію; но болѣе настойчивый инстинктъ одерживаетъ верхъ, и наконецъ, въ минуту, когда она невидитъ своихъ птенцовъ, она улетаетъ и покидаетъ ихъ. По окончаніи продолжительнаго путешествія, когда инстинктъ переселенія перестаетъ дѣйствовать, какую агонію раскаянія почувство-

---

⁵⁾ Ibid. S. 302.

вала бы каждая птица, если бы она, будучи одарена сильною умственною дѣятельностію, не могла воспрепятствовать постоянному возвращенію въ ея умѣ образа ея юныхъ птенцовъ, погибающихъ на мрачномъ сѣверѣ отъ холода и голода ⁶⁾). Можно наблюдать въ животныхъ чувство стыда, чувство чести. Какимъ довольствомъ дышитъ видъ гончей собаки, какъ блестятъ ея глаза, когда она приноситъ охотнику убитую куропатку, съ какимъ стыдомъ, поджавъ хвостъ, она уплетаетъ отъ его зова въ противномъ случаѣ; не говоритъ ли это ясно, что чувство гордости и стыда животному извѣстно также, какъ и человѣку ⁷⁾). Что касается до религіознаго чувства, то отношеніе домашнихъ животныхъ къ своему хозяину, уже носятъ слѣды и имѣютъ нѣкоторый видъ религіознаго почитанія. У животныхъ можно даже замѣтить признаніе существующихъ невидимыхъ живыхъ агентовъ. Дарвинъ рассказываетъ такой случай: „моя собака взрослая и весьма чувствительная, лежала на равнинѣ въ жаркій лѣтній день; на весьма небольшомъ разстояніи легкой вѣтерокъ по временамъ колыхалъ открытый зонтикъ, на который бы собака вовсе не обратила вниманія, если бы кто нибудь стоялъ подлѣ него. Но теперь при каждомъ легкомъ движеніи зонтика собака яростно рычала и лаяла“ ⁸⁾). Очевидно, собака признавала присутствіе невидимаго агента недалеко отъ себя.

Наконецъ должно признать, что животныя имѣютъ языкъ. Животныя выражаютъ звуками чувства удовольствія и неудовольствія, радости и горя, дѣлаютъ сообщенія одно другому посредствомъ звуковъ и другихъ знаковъ. Если китъ бываетъ раненъ, то тотчасъ множеству водныхъ созданій сообщается о присутствіи врага, распростершагося на поверхности моря. Если жукъ-могильщикъ находитъ мертваго крота, то онъ тотчасъ спѣшитъ передать своимъ товарищамъ радостную вѣсть и возвращается вскорѣ назадъ съ своими товарищами.“ ⁹⁾ Несомѣнно, что собаки могутъ

⁶⁾ Дарвинъ, происхожденіе человѣка т. 1, стр. 97—98. Пер. Сѣченова.

⁷⁾ Примѣръ изъ цитир. сочиненія М. Müller'a S. 302.

⁸⁾ Дарвинъ, Происхожденіе человѣка т. 1, стр. 70.

⁹⁾ Изъ цитир. сочин. М. Müller'a—S. 304.

много понимать изъ того, что имъ кричать, а другія существа, какъ наприм., попугаи могутъ издавать всевозможные членораздѣльные звуки. Были даже попытки учить животныхъ читать. Такъ Леббокъ, надписывая на таблицѣ крупными буквами слова: хлѣбъ, шляпа и т. д. и потомъ заставляя собаку ассоціировать эти слова съ обозначенными имъ предметами, достигъ того, что когда онъ показывалъ собакѣ, положимъ, таблицу съ надписью: шляпа, собака отиривалась къ тому мѣсту, гдѣ находилась шляпа, и возвращалась съ нею къ своему хозяину. ¹⁰⁾

Подводя итогъ всему сказанному, должно, по мнѣнію эволюціонистовъ, признать, что психическое различіе между человѣкомъ и животнымъ имѣетъ характеръ только количественный, а не качественный, не заключаетъ слѣдовательно, въ себѣ ничего существеннаго, какъ и анатомо-физиологическое различіе. И какъ при сравненіи человѣка съ животными въ анатомическомъ отношеніи можно отыскивать животныя типы все болѣе и болѣе приближающіеся къ человѣку по своей организаціи, такъ и при сравненіи въ психическомъ отношеніи можно отыскивать животныхъ, все болѣе и болѣе приближающихся къ человѣку. Эти животныя опять обезьяны. Вотъ что сообщается, между прочимъ объ ихъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, и ихъ соціальныхъ инстинктахъ. Павіаны-соціальныя обезьяны, они имѣютъ у себя предводителя, голосъ котораго управляетъ, такъ сказать, движеніями отряда, онъ предупреждаетъ объ опасности, становится во главѣ обороны, онъ играетъ даже роль судьи. Въ Jardin des plantes въ Парижѣ была устроена общая ротонда для обезьянъ, куда ихъ выпускали погулять, одинъ старый павіанъ рѣдко приходилъ туда, но когда между другими обезьянами завязывалась драка, онъ спѣшилъ туда разнимать, если драка происходила изъ за лакамаго куска, то этотъ кусокъ всегда доставался судѣ, и между дравшимися восстанавливался миръ за отсутствіемъ предмета драки ¹¹⁾. Вотъ случаи (приведен-

¹⁰⁾ Русское богатство 1884 г. Попытки Леббока разговаривать съ животными.

¹¹⁾ Усовъ, Павіаны, стр. 74 (Природа 1874 г. кб. 1).

ные Дарвиномъ изъ Брэма), которые говорятъ о смысленности обезьянъ. „Орель схватилъ молодую обезьяну, которая, уцѣпившись за вѣтку не была имъ тотчасъ унесена. Она громко звала криками на помощь, вслѣдствіе чего другіе члены труппы съ ревомъ бросились на выручку. окружили орла и вытащили у него столько перьевъ, что онъ, не думая о борьбѣ, поспѣшилъ убраться. Другой примѣръ. „Въ Абиссиніи, гдѣ бабуны одного вида (gelada) спускаются труппами съ горы, чтобы грабить поля, они иногда встрѣчаютъ группы другаго вида (hamadryas), и тогда происходитъ битва. Гелады скатываютъ внизъ большіе камни, отъ которыхъ гамадриассы стараются уклониться, и затѣмъ оба вида съ громкимъ ревомъ яростно бросаются другъ на друга. Брэмъ, сопровождая герцога кобургъ-готскаго, участвовалъ въ атакѣ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ на труппу бабуновъ въ проходѣ Мейса въ Абиссиніи. Бабуны въ отвѣтъ на выстрѣлы,—скатывали съ горы такъ много камней, иные изъ которыхъ были съ человѣческую голову, что падающимъ пришлось поспѣшно отретироваться, и на нѣкоторое время проходъ былъ запертъ для каравана. Достоинно замѣчанія, что бабуны дѣйствовали такимъ образомъ по соглашенію.“ А вотъ случаи, характеризующіе нѣжность обезьяняго сердца. „Одна самка бабуна, рассказываетъ Дарвинъ, имѣла такое нѣжное сердце, что не только принимала молодыхъ обезьянъ другихъ видовъ, но кралѣ маленькихъ собакъ и кошекъ, которыхъ она постоянно водила за собой. Ея доброта, впрочемъ, не доходила до того, чтобы раздѣлить свою пищу съ усыновленными дѣтьми, чему удивлялся Брэмъ, такъ какъ его обезьяны всегда добросовѣстно дѣлили все съ своими дѣтьми. Одна усыновленная кошка оцарапала названную мягкосердечную обезьяну, которая, конечно, обладала тонкимъ умомъ, потому что она очень удивилась царапинѣ, немедленно осмотрѣла лапы кошки и тотчасъ обгрызла ей когти.“ Вотъ любопытный примѣръ глубокой материнской любви обезьянъ. Въ 1840 г. въ парижскомъ зоологическомъ саду самка павіана родила весьма некрасиваго дѣтеныша, котораго тѣмъ не менѣе, нѣжно любила и о которомъ заботилась весьма сильно. 8

или 9 дней спустя послѣ родовъ отворили дверь сосѣдней клѣтки и впустили ея самца. Роженица сидѣла посреди клѣтки и держала на рукахъ своего маленькаго такъ, какъ держать дѣтей кормилицы. Самецъ подошелъ, разцѣловаль мать въ обѣ щеки, потомъ малютку, котораго подала ему мать, и наконецъ, усѣлся весьма близко противъ матери такъ, что его колѣна помѣстились между ея колѣнами. Тогда мать и отецъ чрезвычайно быстро стали шевелить губами, по временамъ поглядывая другъ на друга и лаская малютку, можно было подумать, что они ведутъ оживленный разговоръ насчетъ наслѣдника. Снова отворили дверь сосѣдней клѣтки и впустили остальныхъ павіановъ. Каждый изъ нихъ по очереди цѣловаль мать, которая, впрочемъ, не позволяла ниодному поцѣловать дѣтеныша и погладить его по спинѣ, что дала отцу. Павіаны разсѣлись вокругъ роженицы и взапуски шевелили губами. Всѣмъ хотѣлось поласкать маленькаго, но какъ только какой нибудь павіанъ протягиваль руку для этого, мать тотчасъ сильнымъ ударомъ по лапѣ наказывала его за настойчивость. Павіанамъ, сидѣвшимъ сзади матери, къ ихъ величайшему удовольствію иногда удавалось, протягивая потихоньку руку изъ за локтя матери, дотронуться до малютки незамѣтно для нея, когда она занималась своимъ разговоромъ. Но ударъ по лапѣ показываль имъ, что и здѣсь хитрость ихъ была открыта, тогда же они быстро отнимали руку.“¹²⁾

Самая организація обезьянъ даетъ имъ сильныя средства возвысится въ психическомъ отношеніи надъ другими животными: ихъ руки, хватательная способность ихъ заднихъ конечностей, все это даетъ имъ большія преимущества надъ другими животными, кромѣ того обезьяны отличаются наклонностію къ подражанію и способностію къ ученію. Въ немного времени обезьяну можно научить тому, чему собакъ можно выучить въ теченіе весьма долгаго срока и съ большимъ трудомъ. Нетрудно обезьяну научить пользоваться вилокъ, ножемъ, пить изъ стакана, одѣваться, обращаться съ вер-

¹²⁾ Усовъ, павіаны стр. 76—77 (Природа 1874, 1.)

теломъ, научить ее таскать воду, можно сдѣлать изъ обезьяны слугу: чимпанзы служатъ на корабляхъ ¹³⁾).

Если теперь отъ этихъ высшихъ представителей животнаго міра обратиться къ низшимъ представителямъ челоуѣчества, то различіе окажется весьма ничтожнымъ. Уже по своей физической организаціи дикарь приближается къ обезьянѣ, его лобъ низокъ, количество мозга его значительно меньше, чѣмъ у цивилизованныхъ расъ. Если вообще челоуѣкъ есть животное, ходящее, а обезьяна—лазающее; то съ правомъ, кажется, дикаря иногда можно назвать полулазающимъ. Есть дикари, которые живутъ на деревьяхъ, большіе пальцы на ихъ ногахъ, какъ и на ногахъ обезьянъ, далеко отодвинулись отъ остальныхъ, руки у дикарей длиннѣе, чѣмъ у культурныхъ людей, и въ этомъ, слѣдовательно, они опять приближаются къ обезьянамъ, ихъ волосы шерстистые. Строеніе женскаго таза у дикарей тоже приближается къ обезьянъ, именно: верхній проходъ таза имѣетъ у нихъ продольно овальный видъ, а не поперечно овальный, какъ у расъ высшихъ. Можно указать и еще много анатомическихъ и въ частности остеологическихъ особенностей (положеніе foramen magnum, существованіе птериона), приближающихъ дикарей по ихъ организаціи къ животнымъ гораздо болѣе, чѣмъ приближаются къ животнымъ европейцы. Въ психическомъ отношеніи эти дикари настолько неразвиты, что не могутъ считать далѣе четырехъ, все, что лежитъ далѣе за предѣлами четверицы, для нихъ является неопредѣленнымъ, неизмѣримымъ множествомъ. Практически они, конечно, различаютъ 6 отъ 9-ти и 7 отъ 15-ти, но теорія чиселъ ихъ не заходитъ такъ далеко. Ихъ образъ жизни мало отличается отъ образа жизни животныхъ. „Жизнь жителей Андамана, Австралійцевъ, жителей Тасманіи, Огненной земли и нѣкоторыхъ индійскихъ племенъ сѣверной Америки, говоритъ Уоллэсъ, требуетъ упражненія

---

¹³⁾ Много различныхъ рассказовъ о смышленности высшихъ обезьянъ изложено у Брѣма (Иллюстрированная жизнь животныхъ т. 1 стр. 1—38), откуда много черпалъ и Дарвинъ; но должно замѣтить ко многимъ изъ этихъ рассказовъ (и въ частности къ приведеннымъ нами по изложенію Дарвина) самъ Брѣмъ относился критически.

только немногихъ умственныхъ способностей въ той же степени, которыми пользуются животныя. Ихъ способъ лова дичи или рыбы столь же остроуменъ и не требуетъ болшей предусмотрительности, какъ и тотъ, которымъ пользуется ящеръ. Они раняютъ въ воду свою слюну и ловятъ рыбу, хватающую эту слюну. Подобно волнамъ и шакаламъ, эти племена охотятся толпами, или, подобно лисицамъ, они зарываютъ про запасъ избытокъ своей пищи. Сторожевые, выставляемые антилопами и обезьянами, сложныя постройки полевыхъ мышей и бобровъ, ночлеги орангъ утанга и другихъ антропоидныхъ обезьянъ, устраивающихъ жилища на деревьяхъ,—все это можно прямо сравнить со степенью заботливости и предусмотрительности, проявляющейся у дикаря въ подобныхъ обстоятельствахъ. Правда, дикарь имѣетъ свободныя усовершенствованныя руки, онѣ не служатъ ему для перемѣщенія и позволяютъ приготовить и пользоваться оружіемъ и различными снарядами, которые приходятся не по силамъ животному. Но приготовивъ орудіе, дикарь навѣрное не выкажетъ въ употребленіи его болше ума, чѣмъ многія изъ животныхъ. Что такое вся жизнь его, какъ не удовлетвореніе естественныхъ побужденій болше простымъ и легкимъ путемъ. Какія мысли, идеи или дѣйствія возвышаютъ его надъ слономъ или обезьяной?"¹⁴⁾ Дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ дикарь стоитъ даже ниже окружающихъ его животныхъ. Природа, являясь матерью по отношенію къ послѣднимъ, по отношенію къ нему является мачихою. Голая кожа, отсутствіе шерсти на тѣлѣ заставляеть его страдать отъ холода, заднія конечности у него не могутъ хватать предметовъ и цѣпляться такъ ловко, какъ у обезьянъ, между тѣмъ это было бы весьма полезно для него, наприм., при лазаньи ему приходится искусственно развивать эту способность, но безъ большаго успѣха. Остаются ли у этого дикаря какія-нибудь

---

¹⁴⁾ Уоллсъ, естественный подборъ стр. 371—372. Перев Вагнера. Сравн. у Брэма въ общемъ обзорѣ животнаго царства (Иллюстрированная жизнь животныхъ т. 1 стр. 1—11), приведенное имъ описаніе новоголландскихъ племенъ, сдѣланное барономъ Гюгелемъ.

эстетическія потребности или высшія стремленія? Ничто не обнаруживаетъ этого. Подавленный природою въ неравной съ нею борьбѣ за существованіе, онъ ищетъ повидимому только того, какъ бы удовлетворить свой голодъ и какъ бы избѣжать холода и другихъ опасностей и враговъ. Что касается до ихъ нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, то у многихъ племенъ путешественниками отрицается существованіе того и другаго. Г. Спенсеръ въ статье „Etics of Kants“ ¹⁵⁾ сдѣлалъ много выписокъ изъ сочиненій различныхъ писателей въ доказательство этого положенія. Приведемъ эти выписки.

Леббокъ пишетъ: „я полагаю, что низшія расы можно считать лишенными всякихъ идей о правѣ... что есть также расы, необладающія нравственнымъ чувствомъ, это противорѣчило формально тѣмъ предвзятымъ идеямъ, которыя я внесъ въ началѣ моихъ изслѣдованій въ жизнь дикарей, и я отсталъ отъ этой мысли лишь постепенно и не безъ борьбы“ ¹⁶⁾. Вотъ факты, подтверждающіе справедливость этого взгляда.

„Говоря о своемъ умершемъ сынѣ, Туи Тхохоу, глава фиджійцевъ, хвалилъ его, опредѣляя его умъ смѣлымъ, а его жестокость совершенной, такъ какъ она позволяла ему убивать собственныхъ женъ, когда онѣ его раздражали, и съѣдать ихъ“ ¹⁷⁾.

„Проливать кровь для него (фиджійца) не только не преступленіе, но слава... Быть какимъ либо образомъ признаннымъ убійцей есть предметъ безграничной гордости для островитянъ Фиджи“ ¹⁸⁾.

Томсонъ говоритъ о молодыхъ зулусахъ: „печально, что даже въ довольно нѣжномъ возрастѣ, они могутъ подѣ влияніемъ минуты и по закону убить своихъ матерей, если тѣ пытаются ихъ наказывать“ ¹⁹⁾.

---

¹⁵⁾ Статья, помѣщенная одновременно въ іюльскихъ книгахъ 1888 года. The fortnightly Review и Revue philosophique.

¹⁶⁾ Происхожденіе цивилизаци, стр. 269.

¹⁷⁾ I. E. Erskine, Восточный океанъ, стр. 248.

¹⁸⁾ Rev Williams, Фиджи и Фиджійцы I, стр. 212.

¹⁹⁾ S. Thomson, путешествія и пріявленія въ южной Африкѣ 11, 418.

Убийство, развратъ, воровство и всѣ другіе сорты преступленій не считаются здѣсь (на золотомъ берегу) грѣхомъ ²⁰).

Имъ (восточнымъ африканцамъ) неизвѣстна карающая совѣсть. Единственно, чего они боятся, это преслѣдованія тѣни убитаго, раздраженнаго ихъ преступленіемъ ²¹).

Мнѣ никогда не удавалось заставить ихъ (восточныхъ африканцевъ) понять существованіе добрагоначала ²²).

Дамары убиваютъ бесполезныхъ ѣдоковъ и людей, ослабѣвшихъ отъ возраста, бывають случаи удушенія больныхъ родителей сыновьями ²³).

Дамары, кажется, не имѣють никакого яснаго понятія о добромъ и зломъ (*ibid.* 72).

Всѣ эти примѣры, по мнѣнію приведшаго ихъ Спенсера, доказываютъ что идеи блага, добра, вообще принципы нравственности вовсе не представляютъ собою чего-то, что враждено людямъ и чего нѣтъ у животныхъ. Тщательное изученіе души животныхъ показываетъ, какъ было сказано, что и нѣкоторымъ животнымъ присущи нравственныя требованія, съ другой стороны, сейчасъ приведенные примѣры показываютъ, что иногда этихъ понятій не оказывается и у людей. Отсюда по мнѣнію эволюціонистовъ, само собою понятно, что съ точки зрѣнія этической невозможно противоположеніе человѣка животнымъ. Изложенныя выше ихъ соображенія, по мнѣнію ихъ, показываютъ, что такое противоположеніе невозможно и ни съ какой другой точки зрѣнія. Европейецъ и какой-нибудь лемуръ различаются рѣзко, различаются повидимому кореннымъ образомъ, но можно найти множество людей и затѣмъ множество животныхъ, которыя составятъ такія промежуточныя звенья, что различіе между каждымъ предшествующимъ и послѣдующимъ членомъ будетъ весьма трудно установить, и вопросъ о томъ, гдѣ кончается семейство homo, и гдѣ начинаются семейства другихъ приматовъ окажется весьма затруднительнымъ для рѣшенія.

²¹) Босманъ, описаніе береговъ Гвинеи стр. 130.

²²) R. T. Barton, озерныя области центральной Африки 11, 536.

²³) Baker, The Nile Tributaries of Abyssinia 1, 240—241.

²⁴) Гальтонъ, Narrative of an Explorer Tropical South Africa 112.

ГЛАВА 2.

Доказательства происхожденія челоуѣка отъ животныхъ типовъ: 1) побочныя, представляемая данными эмбриологій, фактомъ существованія рудиментарныхъ органовъ, явленіями атавизма, микроцефализма и экспрессіи; 2) прямыя, представляемая данными палеонтологій и археологій. Теорія предшественника или предшественниксвъ челоуѣка.

Сравненіе высшихъ типовъ животныхъ съ низшими челоуѣческими племенами приводитъ эволюціонистовъ къ заключенію, что различіе между челоуѣкомъ и животными ничтожно, что непроходимой бездны между міромъ животныхъ и челоуѣка не существуетъ, и что, слѣдовательно, принимая во вниманіе фактъ измѣнчивости видовъ, должно признать, что переходъ отъ животного къ челоуѣку путемъ естественнымъ очень возможенъ. Но возможность не есть еще дѣйствительность. Совершился ли на самомъ дѣлѣ такой переходъ? Эволюціонисты отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно и приводятъ множество доказательствъ въ пользу своего утвердительнаго отвѣта. Эти доказательства можно раздѣлить на двѣ группы: одни изъ нихъ можно назвать побочными, другія—прямыми. Къ побочнымъ относятся данныя, представляемая эмбриологіею, фактъ существованія у челоуѣка рудиментарныхъ органовъ, явленія атавизма, микроцефализма и экспрессіи. Къ прямымъ относятся данныя, представляемая палеонтологіею и антропологіею.

Начнемъ съ изложенія представляемыхъ эвоціонистами побочныхъ данныхъ.

Обращаемся прежде всего къ даннымъ эмбриологій. Известно, что челоуѣкъ развивается изъ яйцеклѣточки ($\frac{1}{10}$ линіи въ діаметрѣ), имѣющей такое же строеніе и слѣдующей въ своемъ развитіи тому же пути, которому слѣдуетъ зародышевыя клѣточки и другихъ млекопитающихъ и особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ опадающую пла-

центу. По оплодотвореніи человѣческаго яйца подвергается всѣмъ тѣмъ измѣненіямъ, которымъ подвергаются яйца позвоночныхъ. При сравненіи трехъ или четырехнедѣльнаго человѣческаго зародыша съ ранними стадіями развитія кролика, собаки, кошки, лошади и т. д. нельзя отыскать между ними никакого различія ни во внѣшней формѣ, ни во внутреннемъ строеніи. Только черезъ 6—7 недѣль человѣчскій зародышъ начинаетъ выказывать особенности человѣческаго типа и лишь на четвертомъ мѣсяцѣ можетъ быть явственно отличенъ отъ зародыша высшихъ обезьянъ. При разсматриваніи строенія человѣческаго зародыша, равно какъ и зародышей другихъ высшихъ млекопитающихъ на низшихъ ступеняхъ развитія, въ немъ можно найти многіе черты сходства съ строеніемъ вполне развитыхъ формъ низшихъ животныхъ. Такъ въ одной изъ начальныхъ стадій развитія у человѣческаго зародыша, хотя и видны слѣды разчлененій, соответствующихъ человѣческимъ позвонкамъ, тѣмъ не менѣе совсѣмъ нѣтъ головы: мозговая трубка не обособилась еще въ мозговые пузыри (будущій головной мозгъ), черепа еще нѣтъ, сердце, челюсти и конечности еще не обособились. Человѣчскій зародышъ въ этомъ видѣ представляетъ собою типъ, соответствующій типу самаго низшаго позвоночнаго—ланцентника (*amphioxus lanceolatus*). Далѣе этотъ зародышъ является соответствующимъ типу низшихъ безчелюстныхъ рыбъ—*Muraonidei* (къ этому отряду принадлежатъ миноги), еще далѣе соответствуетъ болѣе высшимъ рыбамъ, затѣмъ амфибіямъ, затѣмъ птицевѣрвамъ (*monotremata*) и т. д. Спрашивается теперь, чѣмъ объяснить это сходство зародыша человѣческаго (равно какъ зародышей и всѣхъ высшихъ млекопитающихъ) въ различныхъ стадіяхъ его развитія съ взрослыми формами низшихъ животныхъ? Эволюціонисты утверждаютъ, что разгадка этого явленія заключается въ происхожденіи однихъ видовъ отъ другихъ. Именно они утверждаютъ, что эмбриональная исторія развитія особи (онтогенія) есть повтореніе палеонтологической исторіи развитія той группы (*phylum*), къ которой принадлежитъ особь (филогенія). Онтогенический процессъ по этому утвержденію есть отраженіе процесса филогени-

ческаго ¹⁾). Исторія развитія человѣческаго зародыша, такимъ образомъ, не только показываетъ, что человѣкъ произошелъ отъ животныхъ типовъ, но открываетъ даже, отъ какихъ именно типовъ онъ произошелъ.

Другой разрядъ побочныхъ фактовъ, дающихъ подтвержденіе эволюціонной теоріи происхожденія человѣка, представляютъ зачаточные, или рудиментарные органы. Этимъ именемъ, какъ извѣстно, называются такія большею частію подверженныя варіаціямъ и относительно незначительныя образованія, которыя, не играя повидимому никакой роли въ экономіи организма, будучи совершенно бесполезными для него, тѣмъ не менѣе, неизмѣнно передаются отъ одного поколѣнія къ другому, какъ наслѣдство, доставшееся отъ отдаленныхъ прародичей, у которыхъ органы эти были гораздо болѣе развиты и выполняли опредѣленныя, болѣе или менѣе важныя для организма функціи. Къ числу такихъ органовъ у человѣка относятся: 1) мышцы на лбу, ушные мышцы, выступъ на ушной раковинѣ, указанный Дарвину скульпторомъ Уольнэромъ, да и все наружное ухо, не принимающее по видимому никакого участія въ процессѣ воспріятія звуковъ; 2) полулунная складка, находящаяся въ углу глаза около носа и представляющая собою остатокъ существовавшей когда-то у прародителей мигательной перепонки, существующей теперь у птицъ; 3) чувство обонянія, бесполезное теперь для человѣка. Обоняніе весьма важно для животныхъ, предувѣдомля однихъ объ опасности, другимъ указывая добычу. Но обоняніе мало или вовсе не нужно дикарямъ, у которыхъ оно обыкновенно бываетъ сильнѣе развито, чѣмъ у цивилизованныхъ расъ. Оно не предостерегаетъ ихъ отъ опасности, не помогаетъ отыскивать пищу, оно не мѣшаетъ эскимосу спать въ самой зловонной атмосферѣ и многимъ дикарямъ ѣсть полугнилое мясо. Тѣ, которые вѣрятъ въ принципъ постепеннаго раз-

---

¹⁾ Особенно на этомъ настаиваетъ Геккель, изложившій всю родословную человѣка (въ Антропогеніи) главнымъ образомъ на основаніи данныхъ эмбриологии. См. объ этомъ его статью Die Urkunden der Stammesgeschichte (Kosmos. 1877 April—Juni). объ эмбриональномъ развитіи человѣка см. Келликера „Основы исторіи развитія человѣка и высшихъ животныхъ“. 1882.

витія, неохотно допуская мысль, что это чувство въ его теперешнемъ состояніи было приобрѣтено первоначально такимъ человѣкомъ, какимъ онъ живетъ въ настоящее время. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ унаслѣдовалъ эту способность въ ослабленномъ, а слѣдовательно зачаточномъ состояніи отъ какого нибудь отдаленнаго предка, которому обоняніе оказывало большія услуги, и который постоянно употреблялъ его въ дѣло ²⁾. 4) Волосыной покровъ тѣла развитый значительно только на головѣ (у мужскаго пола въ зрѣломъ возрастѣ еще на верхней губѣ, подбородкѣ и щекахъ), на бровяхъ, подъ мышками и около половыхъ органовъ. 5) Зачаточные сосцы и маленькій зачатокъ матки у мужчинъ. 6) Червеобразный отростокъ слѣпой кишки, не приносящій повидимому никакой пользы организму и могущій даже причинить ему вредъ (вишневая косточка попадавшая въ червеобразный отростокъ, бывала причиною воспаления и смерти). 7) хвостецъ состоящій изъ 4—5 зачаточныхъ позвонковъ, скрытыхъ подъ кожей покровами и, слѣдовательно, только напоминающихъ о хвостѣ, а не образующихъ его. 8) Наконецъ, недавно былъ указанъ новый рудиментарный органъ у человѣка. Въ Kosmos'ѣ ³⁾ Кармельтъ высказалъ (одновременно съ Varigni, помѣстившимъ въ *Revue scientifique* 1886 № 25 decembre 23 статью *Le troisieme oeil des reptiles* ⁴⁾), что мозговое тѣло у человѣка и высшихъ позвоночныхъ, которое называется шишковидной желѣзой (*glandula pinealis*) и помѣщается подъ четыреххолміемъ мозга совершенно скрытое мозговыми полушаріями, есть ни больше ни меньше, какъ выродившійся третій глазъ (несимметричный). Желѣза эта имѣетъ видъ еловой шишки, обращенной верхушкою назадъ и лежитъ на передней парѣ бугорковъ (четырехолмія). У позвоночныхъ не млекопитающихъ (наприм., у колючекрылыхъ рыбъ) этотъ органъ очень удлинненъ и представляетъ

²⁾ Дарвинъ, происхожд. человѣка т. 1 стр. 20.

³⁾ Kosmos 1886.3—Heft Ueber die Entwicklung eines dritten Augen bei Wirbelthieren.

⁴⁾ Русское богатство 1887. Январь. Остатки третьяго глаза въ мозгу человека.

нѣчто въ родѣ трубки, оканчивающейся расширеніемъ въ видѣ мѣшка или пузыря. У лягушекъ эта желѣза развита настолько, что обнаруживаетъ уже выступъ на лбу, такъ что Лейдигъ, изучая ее и будучи пораженъ богатствомъ находящихся въ ней нервныхъ волоконъ, пришелъ къ заключенію, что этотъ органъ принадлежитъ какому-то неизвѣстному шестому чувству. Граафъ и Спенсеръ у хамелеона и другихъ пресмыкающихся нашли органъ вмѣстѣ лобной желѣзы, который по ихъ заявленію неоспоримо представляется глазомъ. Мѣшокъ, который находится у колючеперыхъ рыбъ, здѣсь имѣетъ совершенно форму глаза: нѣсколько оболочекъ, подобныхъ глазнымъ и присутствіе въ немъ хрусталика убѣждаютъ въ этомъ, глазъ соединенъ съ мозгомъ нервомъ, совершенно подобнымъ нерву, соединяющему съ мозгомъ этотъ мѣшокъ. Граафъ такой же органъ нашелъ у *anguis fragilis* (мѣдяница), не имѣющей только зрительнаго нерва. Результатъ этихъ изслѣдованій, по мнѣнію эволюціонистовъ, есть тотъ, что ими доказывается, что у отдаленнѣйшихъ животныхъ прародичей человѣка, былъ третій глазъ, который затѣмъ исчезъ у послѣдующихъ поколѣній, но слѣдъ существованія котораго доселѣ сохранился въ мозгу у человѣка.

Третій рядъ побочныхъ фактовъ, дающій собою опору для эволюціонной теоріи происхожденія человѣка представляютъ явленія атавизма. Бываютъ случаи, что рождаются и затѣмъ живутъ нѣкоторые, у которыхъ отсутствуютъ органы, нормально присутствующіе у людей, но не имѣющіеся у многихъ животныхъ, рождаются съ органами, находящимися въ измѣненномъ противъ нормального состоянія, рождаются съ органами, которыхъ обыкновенно не имѣютъ люди. И всѣ эти исчезновенія, измѣненія и новыя появленія такого рода, что приближаютъ человѣка къ животнымъ. Сюда относятся въ системѣ пищеварительныхъ органовъ: отсутствіе язычка, несуществующаго, за исключеніемъ высшихъ обезьянъ, у всѣхъ звѣрей, отсутствіе желчнаго пузыря, несуществующаго нормально у многихъ звѣрей, наприм., у лошади. Сюда относятся въ области кровообращенія: сообщеніе между собой предсердій сердца, свойственное

воднымъ млекопитающимъ, сообщеніе желудочковъ сердца, свойственное амфибіямъ. Далѣе, сюда же принадлежать обособленіе межчелюстной кости, появленіе хвоста. Последнее было констатировано у нѣкоторыхъ индивидуумовъ острова Борнео, у насъ на Руси въ Костромской губерніи, наконецъ, недавно (осенью 1887 года) въ Москвѣ докторъ Пятницкій демонстрировалъ въ обществѣ военныхъ врачей болѣе, чѣмъ вершковый хвостъ, отрѣзанный имъ у одного пациента. Хвостъ состоялъ изъ мягкихъ частей и былъ покрытъ волосами ⁵⁾. Еще къ явленіямъ атавизма относятъ избытокъ волосатости. У бирманскаго семейства волоса покрывали все тѣло, и эта аномалія передавалась въ ряду трехъ поколѣній ⁶⁾. Крестьянинъ Адрианъ Евтихievъ и сынъ его Θεодоръ, испанская танцовщица Юлія пастрана представляютъ подобное же явленіе.

Какъ на послѣдній примѣръ послѣдняго рода должно указать на дѣвочку Крао, покрытую волосами съ головы до пятокъ. Она была найдена въ области Лаосъ въ Борнео и въ 1882 г. ориенталистомъ Карломъ Бокомъ привезена (шести лѣтъ отъ роду) въ Англiю. Согласно описаніямъ она имѣла много сходства съ гориллою. Строеніемъ лица она будтобы поразительно напоминаетъ это животное: тотъ же плоскій носъ, тѣ же раздутыя, круто нисходящіяся къ скуламъ ноздри, толстыя отвисшія щеки, за которыя Крао любила прятать лакомства, какъ обезьяны и наконецъ, бакенбарды, какъ у всѣхъ антропоидовъ. Возившій ее антрепренеръ показывалъ ее, какъ недостающее промежуточное звено между человѣкомъ и обезьяной (*The missing Link, a living proof of Darwin's theory of the Descendent of man*) и между прочимъ распространялъ слухъ, что у ней былъ маленькій хвостикъ.

Къ числу явленій атавизма, какъ особый видъ, присоединяютъ микроцефалію, которая особенно подробно была изучена К. Фогтомъ. Микроцефалія заключается въ томъ, что у нѣкоторыхъ субъектовъ количество мозга и

---

⁵⁾ Объ этомъ сообщали многія газеты, см. наприм., Недѣлю № 44 1887 года.

⁶⁾ Бирманское волосатое семейство (*Природа* 1875 г. кн. 3).

величина черепа поразительно малы. Степень этой малости подчинена весьма разнообразным колебаниямъ. Мозгъ и черепъ могутъ доходить до $\frac{1}{3}$ даже до $\frac{1}{4}$ обычнаго образования. Вѣсъ черепа у микроцефала по Delasiauve, во время дѣтства имѣеть едва 400—500 граммовъ, существуютъ примѣры, гдѣ вѣсъ мозга доходитъ только до 360, даже до 240 граммовъ, между тѣмъ какъ вѣсъ мозга у кавказской расы въ среднемъ колеблется между 1200—1400 граммами. Духовная жизнь микроцефаловъ весьма ограничена. По большей части они относятся безучастно ко всему окружающему, лишены дара членораздѣльной рѣчи, неспособны къ умственному развитію и даже пониманію самыхъ простыхъ вещей, безпамятливый, часто даже не могутъ выражать чувство голода, иногда не могутъ даже ходить, вообще они являются жалкими, болѣзненными созданиями, въ которыхъ человѣческое достоинство утратилось, всѣ они болѣе или менѣе идиоты. Древніе скульпторы изъ Палакни въ средней Америкѣ дѣлали много статуй микроцефаловъ, въ Америкѣ малоголовость, говорятъ, пользовалось религиознымъ почитаніемъ. К. Фогтъ утверждаетъ относительно микроцефаловъ или, какъ онъ называетъ ихъ, людей обезьянъ, что они представляютъ явленіе настоящаго атавизма. такъ какъ при нормальномъ строеніи туловища, лица и конечностей, они имѣютъ черепной сводъ и мозгъ, устроенный по типу обезьянъ.

Всѣ факты атавизма, по утверженію эволюціонистовъ, могутъ быть объяснены только при признаніи эволюціонной теоріи. Объясненіе ихъ дано Дарвиномъ. „Я принимаю, пишетъ Дарвинъ ⁷⁾, что клѣточки прежде чѣмъ обратятся въ совершенно пассивный или окончательный матеріалъ, отдѣляютъ отъ себя мелкія зернышки или атомы, которые свободно обращаются по всему тѣлу, и когда снабжены надлежащимъ питаніемъ, размножаются посредствомъ самодѣленія, а впослѣдствіи развиваются въ клѣточки подобныя тѣмъ, отъ которыхъ онѣ произошли. Эти зернышки для отличенія могутъ быть названы клѣточными почечками (cell

7) The variation of animals and plants.

gemmules), или такъ какъ теорія клѣточекъ еще не установлена, — просто почечками. Предполагается, что онѣ передаются отъ рождающихъ организмовъ рождаемымъ, что, вообще, онѣ развиваются въ томъ поколѣннн, которое непосредственно слѣдуетъ, но часто онѣ передаются въ сонномъ состояннн черезъ нѣсколько поколѣннн и только тогда развиваются. Предполагается, что ихъ различіе зависитъ отъ ихъ соединенія съ другими уже нѣсколько развитыми клѣточками или почечками, такими, которыя предшествуютъ имъ при привильномъ ходѣ возрастанія. Предполагается, что почечки отдѣляются каждою клѣточкою или вообще единицею не только въ зрѣломъ состояннн, но и вообще на всѣхъ ступеняхъ развитія. Наконецъ, я предполагаю, что почечки въ своемъ сонномъ состояннн имѣютъ другъ къ другу взаимное сродство, приводящее въ скопленіе или въ почки, или въ половые элементы (сѣмя и яичко). Такъ, что строго говоря, не эти воспроизводительные элементы и не почки порождаютъ новые организмы, а сами клѣточки, находящіяся во всемъ тѣлѣ. Вотъ, предположенія, составляющія предварительную гипотезу, которую я назвалъ пангенезисомъ“. Вотъ рядъ объясненій, даваемыхъ Дарвиномъ на основаннн этой гипотез. ы, „Если какое нибудь простѣйшее первичное животное (protosoa) состоитъ, какъ видно подѣ микроскопомъ, изъ небольшой массы однороднаго студенистаго вещества, то маленький атомъ, отдѣлившійся гдѣ нибудь отъ нея и питаемый при благоприятныхъ условіяхъ, конечно, воспроизведетъ все животное; но если верхняя и нижняя поверхности различаются по строеннн отъ центральной части, тогда всѣ три части должны отдѣлять зернышки или почечки, которыя, соединясь въ силу взаимнаго сродства, и могутъ составить почки или половые элементы. Точно такъ, если, наприм., отрѣзана нога у саламандры, то на ранѣ образуется легкій струпу, и предполагается, что подѣ этимъ струпомъ неповрежденныя клѣточки и вообще частицы кости, мускуловъ, нервовъ и проч. соединяются съ обращающимися по тѣлу почечками тѣхъ клѣтокъ, которыя по порядку слѣдуютъ за ними въ цѣльной ногѣ; а эти почечки, когда нѣсколько разовьются, со-

единяются съ слѣдующими и т. д., пока не образуется бугорокъ ткани, почка ноги, а потомъ и вполне развитая нога“. „Дитя, строго говоря, не развивается во взрослого челоуѣка, но заключаетъ въ себѣ зачатки, которые постепенно и послѣдовательно развиваются и образуютъ собою взрослого челоуѣка. Въ дитяти, точно такъ какъ во взросломъ, каждая частица рождаетъ ту же самую частицу, являющуюся въ слѣдующемъ поколѣннн. Наслѣдственность должна быть разсматриваема часто какъ одна изъ формъ роста, подобная самодѣленію низкоорганизованнаго одноклѣточного растенія. Атавизмъ происходитъ вслѣдствіе передачи сонныхъ почечекъ отъ предковъ къ потомкамъ, въ которыхъ эти почечки могутъ иногда развиваться при нѣкоторыхъ благоприятныхъ условіяхъ (извѣстныхъ или неизвѣстныхъ). Каждое животное или растеніе можно сравнить съ грядкою земли, заключающею въ себѣ множество сѣмянъ, — изъ которыхъ большая часть быстро прорастаетъ, нѣкоторыя остаются въ сонномъ состояннн, а нѣкоторыя погибаютъ. Если иногда говорятъ, что тотъ или другой челоуѣкъ содержитъ въ себѣ тѣлѣ сѣмена наследственной болѣзни, то такое выраженіе очень справедливо понимать въ буквальномъ смыслѣ ⁸⁾). Вотъ объясненіе явленій атавизма, объясняющее вмѣстѣ съ тѣмъ и происхожденіе всѣхъ видовъ путемъ эволюціи. Согласно этому объясненію факты атавизма у людей несомнѣнно показываютъ, что челоуѣкъ, какъ и всѣ организмы, произошелъ эволюціоннымъ путемъ отъ низшихъ животныхъ типовъ.

Наконецъ, рядъ побочныхъ доводовъ въ пользу теорнн происхожденія челоуѣка отъ животныхъ типовъ представляетъ Дарвинъ въ способѣ выраженія ощущеній у животныхъ и челоуѣка. Въ своемъ сочиненнн „The expression of the emotions in man and animals“, (представляющемъ собственно опытъ объясненія тѣхъ тонкихъ измѣненій, претерпѣваемыхъ чертами лица отъ сокращенія и ослабленія нѣкоторыхъ мускуловъ и тѣхъ положеній тѣла и частей его, которыя, сами по себѣ не имѣя никакой опредѣленной цѣли,

---

⁸⁾ Страховъ, о развитнн организмовъ, стр. 51—53. (Природа 1874, 1).

являются символомъ внутренняго состоянія души). Дарвинъ фактъ выраженія ощущеній тѣми или иными измѣненіями въ вѣншемъ видѣ выводитъ преимущественно изъ наследственной привычки, передавшейся человѣку отъ животныхъ предковъ. У предковъ, полагаетъ онъ, сочетаніе извѣстнаго ощущенія съ тѣмъ или инымъ его выраженіемъ было полезно, потому эти предки свободно и сознательно ассоціировали таковыя ощущенія съ таковыми выраженіями, у потомковъ выраженіе ощущеній стало безполезнымъ, однако, оно въ силу этой наследственной привычки продолжаетъ производиться. Фактъ существованія такихъ бесполезныхъ выраженій у человѣка несомнѣнъ. Обращаясь къ разсмотрѣнію различныхъ животныхъ типовъ, мы видимъ, что у нихъ тоже существуютъ подобныя выраженія, но уже не безъ пользы. Принимая во вниманіе значеніе наследственности и подбора, должно, по Дарвину, заключить, что человѣкъ произошелъ отъ подобныхъ животныхъ. Отсюда Дарвинъ заключаетъ, что „изученіе теоріи экспрессіи подтверждаетъ въ извѣстномъ ограниченномъ размѣрѣ заключеніе, что человѣкъ произошелъ отъ нѣкоей низшей животной формы.... хотя, добавляетъ онъ, сколько я могу судить, въ такомъ подтвержденіи едва-ли предстояла надобность“. Дарвинъ различнымъ образомъ объясняетъ выраженіе ощущеній, мы остановимся только на тѣхъ явленіяхъ выраженія ощущеній, объясненіе которыхъ ставится имъ въ связь съ рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи человѣка.

„Нѣкоторыя сложныя дѣйствія, говоритъ Дарвинъ, служать къ прямой или не къ прямой пользѣ при извѣстныхъ состояніяхъ души, для облегченія или удовлетворенія нѣкоторыхъ чувствованій, желаній. и пр., и когда возбуждается тоже самое состояніе души, въ какой бы ни было слабой степеніи, то рождается стремленіе, въ силу привычки и ассоціаціи произвести тѣже самыя движенія, хотя бы они уже не приносили ни малѣйшей пользы“. Наиболее нагляднымъ примѣромъ этого, по мнѣнію Дарвина, является привычка людей, когда они бросаются на мягкую постель, протягивать руки впередъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы предохранить себя отъ ушиба при паденіи. Здѣсь очевидно, что

протягиваніе рукъ впередъ, протягиваніе совершенно бесполезное является слѣдствіемъ ранѣе приобрѣтеной привычки цѣлесообразно протягивать ихъ впередъ при паденіи на что-нибудь жесткое и твердое. Подобнымъ образомъ люди закрываютъ глаза сначала, чтобы не видѣть неприятнаго предмета, а затѣмъ вслѣдствіе привычки у нихъ закрываются глаза при одномъ представленіи этого предмета. Дарвинъ подробно останавливается на фактѣ поднятія волосъ дыбомъ при сильномъ ужасѣ и гнѣвѣ. По его мнѣнію это явленіе есть наследственно приобрѣтенная привычка, которая сама произошла путемъ накопленія часто повторявшихся сначала вполне добровольныхъ актовъ сознаваемыхъ, какъ полезные у разныхъ животныхъ, а потомъ, хотя и потерявшихъ это полезное значеніе, но сохранявшихся памятью, ставшею уже безсознательною, которую можно назвать памятью органическою, т. е. памятью передаваемою наследственно, привычкою. У обезьянъ, хищныхъ, отрыгающихъ жвачку, свиней, даже муравьѣдовъ и летучихъ мышей подъ вліяніемъ гнѣва и страха, какъ констатировано самимъ Дарвиномъ путемъ наблюденія и опыта, поднимаются волосы отъ страха, у птицъ взъерошиваются перья, у ящерицъ поднимаются чешуйки. У обезьянъ и кошекъ волосы поднимаются даже на хвостѣ. Происхожденіе этого явленія Дарвинъ объясняетъ такимъ образомъ. Первоначальное тревожное состояніе нервной системы вслѣдствіе страха или гнѣва слегка дѣйствовало на *arrectores pili* ⁹⁾ и, значитъ, слегка поднимало волосы. Вслѣдствіе повтореній возбужденій отъ гнѣва и ужаса нервное возбужденіе тоже повторялось, и вслѣдствіе стремленія нервной системы проходить по привычнымъ каналамъ повторялось поднятіе волосъ, перьевъ и т. д. Какъ скоро способность подниманія волосъ была такимъ образомъ увеличена или усилена у животныхъ, они часто должны были видѣть волосы и перья дыбомъ приподнятіе у соперничающихъ съ ними взбѣшенныхъ самцовъ и объемъ

---

⁹⁾ Гладкіе мускулы, сокращеніе и расширеніе которыхъ не подлежатъ человѣческой волѣ и отъ сокращенія и расширенія которыхъ поднимаются и опускаются волосы.

ихъ тѣла такимъ образомъ увеличеннымъ. Отсюда представляется возможнымъ, что они могли и сами пожелать показаться большихъ размѣровъ и страшнѣе своимъ врагамъ, добровольно принимая угрожающее положеніе и испуская рѣзкіе крики, и эти выраженія черезъ привычку стали послѣ нѣкотораго времени инстинктивными. Такимъ образомъ отъ поднятія волосъ и перьевъ являлась та польза, что подняшіе ихъ казались другимъ страшнѣе и тѣмъ, конечно, спасались отъ враговъ. По этому поднятіе у нихъ волосъ и перьевъ начало фиксироваться подборомъ. Самцы, которымъ удавалось придать себѣ видъ наиболѣе внушающій ужасъ ихъ соперникамъ и другимъ врагамъ, хотя бы и не въ всепревозмогающей степеніи оставляли среднимъ числомъ болѣе многочисленное потомство для унаслѣдованія ихъ характерныхъ свойствъ, каковы бы они ни были и какъ бы они ни были приобрѣтены, чѣмъ другіе самцы.

Наслѣдственностью привычки Дарвинъ объясняетъ выраженіе боли и страданія чрезъ крики и судорожныя движенія, эту же причину она объясняетъ чиханіе и кашляніе, посредствомъ котораго удаляются постороннія частицы изъ носа и дыхательнаго горла. Миганіе вѣкъ при шумѣ и стукѣ и при маханіи предмета передъ глазами есть, по Дарвину, тоже слѣдствіе фиксированной привычки. Сокращеніе радужины не можетъ быть произведено произвольно, по этому и не можетъ быть укрѣплено привычкой. Но должно допустить, что въ отдаленнѣйшія времена, когда яркій свѣтъ впервые подѣйствовалъ на радужину организмовъ, приобрѣтшихъ ее, раздраженіе отъ этого свѣта возбудило различныя нервы организма, слѣдствіемъ этого явилось и чиханіе и еще что нибудь, но между прочимъ радіація нервной силы случайно направилась въ нѣкоторыхъ организмахъ и на радужину и сократило ее; при повтореніи явленія вслѣдствіе привычки повторялось и сокращеніе радужины. Организмы, у которыхъ происходило это сокращеніе, конечно, были наиболѣе приспособленными къ борьбѣ за существованіе, ихъ сородичи погибали, слѣпли а они отбирались и сохранялись, и наконецъ, все потомство ихъ т. е. всѣ нынѣ живущіе организмы, имѣющіе радужи-

ну, и въ числѣ ихъ человѣкъ, окончательно восприняли способность сокращать радужину отъ дѣйствія свѣта. Трепетаніе сердца при гнѣвѣ или при страхѣ, которое можно наблюдать и у человѣка и у животныхъ, возбуждается, по Дарвину, чрезъ посредство привычки. Гнѣвъ или страхъ у нашихъ предковъ вызывался или сопровождался борьбою, бѣгомъ и другими подобными причинами, прямымъ слѣдствіемъ которыхъ, естественно является учащенное бѣненіе сердца. Гнѣвъ приводилъ къ сильнымъ движеніямъ, сильныя движенія заставляли биться сердце, и теперь, хотя бы гнѣвъ не приводилъ къ такимъ движеніямъ, сердце все-таки бьется при немъ.

Какъ наслѣдство, переданное намъ отъ отдаленныхъ предковъ, должно разсматривать, по Дарвину, привычку дѣтей при крикѣ замуривать глаза. При крикѣ и рыданіи происходитъ сильное выдѣленіе воздуха, которое сопровождается наполненіемъ кровью и вслѣдствіе этого растягиваніемъ сосудовъ, что для глаза можетъ сопровождаться вредными послѣдствіями. По этому, полагаетъ Дарвинъ, плачущіе сначала сознательно, а потомъ вслѣдствіе привычки безсознательно сокращали мускулы вокругъ глазъ для ихъ защиты. Дарвинъ наблюдалъ одну обезьяну, въ лондонскомъ саду, сжимавшую глаза при крикѣ, но у другихъ обезьянъ онъ не нашелъ этого свойства. У взрослыхъ людей крикъ замѣняется выраженіями горести и печали (опускаются углы рта и т. д.). Дарвинъ объясняетъ это такъ, что наши обезьяноподобные предки и дѣти не заботились и не заботятся скрывать свои чувства и сдерживать ихъ выраженія во внѣ, но наши предки, человѣческіе, какъ и мы, позаботились о томъ, чтобы сдерживаться отъ слишкомъ яснаго обнаруженія своихъ душевныхъ состояній, онѣ сумѣли подавить нѣкоторыя выраженія, но не всѣ, такимъ образомъ намъ и остались въ наслѣдство нѣкоторыя экспрессіи. Смѣхъ, какъ и слезы, оказывается по Дарвину, унаслѣдованъ нами отъ обезьянъ. Послѣднія при удовольствіи издають звукъ, совершенно аналогичный съ нашимъ смѣхомъ, часто сопровождаемый дрожательнымъ движеніемъ ихъ челюстей или зубъ при оттягиваніи рта

назадъ и вверхъ, сморщиваніемъ щекъ и даже просвѣтленіемъ глазъ. У обезьянъ экспрессіи подобныя смѣху можно вызвать щекоткою, ничѣмъ нельзя вызвать у дѣтей болѣе сильнаго смѣха, какъ тоже щекоткою. Смѣхъ рождается, по Дарвину, когда душа бываетъ въ довольномъ состояніи, въ обезьянахъ онъ вызывается легкимъ прикосновеніемъ руки къ извѣстнымъ частямъ тѣла, въ человѣкѣ онъ тоже вызывается неважными мыслями. Здѣсь открывается полная аналогія.

Объятія и поцѣлуи Дарвинъ объясняетъ такимъ образомъ, Вообще чувствуется сильное желаніе прикоснуться къ любимому предмету. Этимъ любовь выражается яснѣе, чѣмъ какимъ либо другимъ средствомъ. Поэтому мы жаждемъ заключить въ наши объятія тѣхъ, кого нѣжно любимъ. Мы вѣроятно обязаны желаніемъ унаслѣдованной привычкѣ въ ассоціаціи съ кормленіемъ нашихъ дѣтей, хоженіемъ за ними и съ взаимными ласками любовниковъ. Вліяніе на человека музыки Дарвинъ объясняетъ такъ. „Музыка имѣетъ удивительную силу напоминать неяснымъ и неопредѣленнымъ образомъ тѣ волненія, которыя чувствовались въ давно прошедшія времена нашими прародителями, когда, какъ это весьма вѣроятно, они любовно ухаживали другъ за другомъ“ (что въ древнія времена нашими получеловѣческими предками музыка пускалась въ ходъ, это, по Дарвину, доказывается развитіемъ нашихъ голосовыхъ органовъ и подтверждается аналогіями: существуютъ между обезьянами самцы съ весьма развитыми голосовыми органами, относительно которыхъ можно предположить, что они употреблялись для пѣнія). Въ настоящее время музыка, пѣніе, ораторскія рѣчи производятъ такое сильное впечатлѣніе на слушателей, могутъ настраивать послѣднихъ такъ или иначе именно вслѣдствіе этой наслѣдственной привычки. Насупленный, сердитый видъ, какъ извѣстно, выражается вытягиваніемъ губъ впередъ въ трубку (что губы надулъ?) Дарвинъ возводитъ происхожденіе этой экспрессіи къ нашимъ прародичамъ. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что дѣти надуваютъ губы болѣе, чѣмъ взрослые, дикіе болѣе, чѣмъ европейцы, весьма сильно надуваютъ губы антропо-

морфныя обезьяны. Дети, молодыя женщины — съ точки зрѣнія теоріи эволюціи — должны сильнѣе удерживать и обнаруживать свойства и признаки, переданныя имъ отъ отдаленныхъ прародичей. Это и подтверждается въ данномъ случаѣ. Гнѣвъ обнаруживается у людей оскаливаніемъ зубъ. Сущность объясненія Дарвиномъ происхожденія этой экспрессіи состоитъ въ томъ, что наши прародичи въ гнѣвѣ начинали кусать того, кто ихъ разгнѣвалъ. Теперь люди — по крайней мѣрѣ, большинство людей — не кусаются, но унаслѣдованная привычка сохранилась. Этою же унаслѣдованной привычкой должно объяснять, по Дарвину, свирѣпую улыбку, обнаруживающую тоже оскаливаніе зубъ. Есть у людей свойство: если имъ сказать, что они съѣли что-нибудь что имъ кажется отвратительнымъ и, если они повѣрятъ этому то у нихъ сейчасъ же произойдетъ рвота. Между тѣмъ какъ если на самомъ дѣлѣ они съѣдятъ что нибудь возбуждающее рвоту, то дѣйствіе рвотнаго обнаружится не сразу, Дарвинъ объясняетъ это такимъ образомъ. Въ настоящее время у людей нѣтъ способности произвольно удалять изъ желудка назадъ принятыя вещества (какъ у жвачныхъ), но у нашихъ прародичей эта способность была, она утратилась вслѣдствіе того что люди заранѣе научились разбираться въ пищѣ, чѣмъ примуть ее, и родители въ этомъ отношеніи оберегаютъ дѣтей. Но вотъ когда въ случаѣ подобномъ приведенному душа возмущается мыслію о принятой пищѣ или еще чѣмъ-нибудь, то сила возмущенія вслѣдствіе прежде хорошо установившейся способности вызываетъ къ дѣйствию потерянную способность. Приведемъ еще объясненіе Дарвиномъ выраженіе изумленія чрезъ поднятіе бровей. Когда мы изумлены чѣмъ нибудь неожиданнымъ, мы стремимся рассмотреть это неожиданное, мы быстро и возможно шире открываемъ глаза, но открыть глаза быстро однимъ поднятіемъ вѣкъ нельзя, для этого нужно поднять и брови. Вслѣдствіе повторенія явленій изумленія, укореняется привычка поднимать брови, привычка эта ассоціируется съ изумленіемъ, и явленіе поднятія бровей повторяется всякій разъ, когда почувствуется

изумленіе отъ какой бы то ни было причины, даже отъ внезапнаго звука или отъ внезапной мысли.

Дарвинъ объясняетъ много и другихъ экспрессій человѣческихъ изъ того же самого принципа, но мы ограничимся сказаннымъ, ибо другія объясненія его не прибавляютъ ничего къ тому значенію, какое могутъ имѣть приведенныя объясненія для обоснованія его теоріи происхожденія человѣка. Замѣтимъ только о другихъ принципахъ, изъ которыхъ онъ объясняетъ сравнительно незначительное число экспрессій. Это — принципъ дѣйствій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ строенію нервной системы, изначала уже независимыхъ отъ воли, а до извѣстной степени и отъ привычки. Этотъ принципъ, очевидно, не стоитъ въ связи съ вопросомъ о происхожденіи человѣка. Наконецъ, третій принципъ есть принципъ антитезиса или противоположенія. Этотъ принципъ состоитъ въ слѣдующемъ. Если мы чувство вражды, презрѣнія выражаемъ одними экспрессіями, то противоположныя чувства мы будемъ выражать противоположными экспрессіями. Это Дарвинъ отмѣчаетъ и у животныхъ, напр., когда кошка довольна, она поднимаетъ свой хвостъ, какъ палку, когда недовольна, опускаетъ его. Эти экспрессіи производились сначала сознательно, затѣмъ ассоціировались съ чувствами, которыя стали выражать, и сдѣлались бессознательными и наследственными. Очевидно, эти послѣднія экспрессіи, какъ и тѣ, о которыхъ мы говорили выше, могутъ подтверждать теорію Дарвина. Вообще, изъ изученія всѣхъ этихъ экспрессій слѣдуетъ, по Дарвину, два вывода. Во 1-хъ, экспрессіи доказываютъ, что человѣкъ произошелъ отъ животныхъ типовъ, открывая, что многое у человѣка нецѣлесообразное, однако, нѣкогда было цѣлесообразнымъ; во 2-хъ, онѣ нѣкоторымъ образомъ показываютъ, отъ какихъ именно предковъ произошелъ человѣкъ, и въ этомъ отношеніи на ряду съ рудиментарными органами, данными эмбриологіи и фактами атавизма являются полезными указателями для отысканія генеалогическихъ предковъ человѣка.

Побочныя данныя, какъ сознають сами эволюціонисты,

не могут имѣть неотразимой силы убѣдительности. Въ способѣ доказательства посредствомъ ихъ эволюціонной теоріи происхожденія человѣка нетрудно подмѣтить нѣкоторый логическій кругъ: они сами имѣютъ смыслъ и значеніе только при допущеніи эволюціонной теоріи, и ими же хотятъ доказать ея истинность. Самые важные аргументы въ пользу эволюціонной теоріи происхожденія человѣка суть тѣ, которые показываютъ, что, дѣйствительно, въ прошедшемъ произошло великое событіе измѣненіе животныхъ типовъ въ человѣка. Прежде всего являются доводы палеонтологическіе, они показываютъ, что нѣкогда существовали переходныя звенья между человѣкомъ и обезьяной, что нѣкогда жили на землѣ существа, которыхъ трудно назвать какъ людьми, такъ и животными.

Въ послѣднія 50 лѣтъ палеонтологическія изслѣдованія показали, что обезьяны прежде были распространены гораздо шире, и что существовало много обезьянъ челоѣкообразныхъ. Такъ въ 1836 и 1839 г.г. было найдено нѣсколько остатковъ четверорукихъ во Франціи и Англии, въ Индіи и Бразиліи. Индійскія ископаемыя, принадлежащія нѣсколькимъ исчезнувшимъ видамъ обезьянъ, были первоначально открыты близъ Сутледжа подъ 30° с. ш. въ третичныхъ пластахъ, возрастъ которыхъ до сихъ поръ не опредѣленъ. Бразильское ископаемое полученное изъ бассейна Рио-дас-Вельхасъ подъ 18° ю. ш. относится къ формѣ теперь свойственной Америкѣ, оно сходно съ родомъ *collitrix*, и принадлежитъ къ виду исчезнувшему. Черепъ и другія кости, найденныя въ южной Франціи, принадлежали гиббону (*hilotates*), или одной изъ безхвостыхъ обезьянъ, которыя по совершенству организаціи идутъ вслѣдъ за orangъ utanгами. Черепъ этотъ былъ открытъ близъ саусонъ въ 40 миляхъ къ западу отъ Тулузы, 43° 40' с. ш. въ прѣсноводномъ пластѣ, принадлежащемъ по всей вѣроятности къ миоценовому или среднему третичному періоду. Наконецъ, четырехрукое впервые найденное въ Англии попало въ пластѣ болѣе древнемъ, чѣмъ всѣ остальные, и въ мѣстности болѣе удаленной отъ экватора. Оно принадлежитъ къ роду *macacus*, представляетъ собою видъ исчезнувшій и было най-

дено въ Суффолькѣхъ подѣ 52° с. ш. въ лондонской глинѣ, относительно которой такія ископаемыя, какъ крокодилы, черепахи, раковины вродѣ *nautilus* и многіе плоды уже привели геологовъ къ заключенію, что климатъ этой эпохи былъ теплый и почти тропическій. Въ 1846 году Оуэнъ объявилъ, что найдена челюсть другаго британскаго вида ископаемой обезьяны *macacus pliocenus* въ новѣйшихъ пліоценовыхъ пластахъ на берегахъ Телузы близъ Грейса, въ Эссексѣ вмѣстѣ съ остатками слона, гиппопотама и другихъ четвероногихъ и въ сопровожденіи прѣсноводныхъ и наземныхъ раковинъ, изъ которыхъ большая часть и нынѣ обитаетъ на британскихъ островахъ ¹⁰⁾). Весьма приближающаяся къ человѣку изъ ископаемыхъ обезьянъ является *dryopithecus* и особенно *dryopithecus Vambolii* Geuv, подходящая къ гориллѣ. Но вообще по отношенію къ обезьянамъ палеонтологическія данныя, по сознанію самихъ эволюціонистовъ, очень незначительны. Несравненно богаче данныя палеонтологической антропологіи. Они показываютъ по утверженію эволюціонистовъ, что доисторическіе люди приближались болѣе къ обезьянѣ, чѣмъ люди историческаго періода. Самъ Дарвинъ мало озаботился приведеніемъ палеонтологическихъ доказательствъ своей теоріи. Вотъ, что привелъ онъ. „По замѣчанію Геккеля въ каждомъ большомъ собраніи человѣческихъ череповъ можно найти нѣсколько экземпляровъ съ клыками, выдающимися значительно изъ ряда другихъ зубовъ, точно также, только въ меньшей степени, какъ у человѣкообразныхъ обезьянъ. Въ этихъ случаяхъ въ одной челюсти остаются пустыя пространства для воспріятія клыковъ противоположной челюсти. Этотъ промежутокъ поразительно великъ въ черепѣ кафровъ, нарисованномъ у Вагнера. Принимая во вниманіе, какъ мало древнихъ череповъ было изслѣдовано въ сравненіи съ новѣйшими, дѣлается интереснымъ, что въ трехъ по крайней мѣрѣ случаяхъ клыки сильно выдаются впередъ, а въ ноллетской челюсти они, говорятъ, громадны“ ¹¹⁾). „Профес-

¹⁰⁾ Ляйбъль, основы геологіи т. 1, переводъ Мило 1866 ст. 163—164.

¹¹⁾ Дарвинъ, происхожденіе человѣка т. 1, стр. 139.

сорь Брока нашелъ, что черепа изъ могилъ Парижа 19 столѣтія были больше, чѣмъ черепа изъ склеповъ 12-го столѣтія въ отношеніи 1484: 1426. Причардъ убѣждаетъ, что у настоящихъ жителей Англїи мозговой ящикъ гораздо болѣе, чѣмъ у древнихъ обитателей ея¹²⁾. Этого немногаго, сказаннаго Дарвиномъ, безъ сомнѣнія слишкомъ мало для того, чтобы дѣлать широкіе выводы. Но другіе эволюционисты тщательно изслѣдовали и описали всѣ тѣ человѣческія кости, которыя служатъ подтвержденіемъ для дарвиновой теорїи. Ихъ подробно перечисляетъ Мортилье въ своемъ сочиненіи „*Sur l'antiquité de l'homme*“ (1883). Прежде всего эволюционистами указывается черепъ канштадскій, открытый и описанный въ 1700 году и, судя по описанію, приближающійся къ черепу приматовъ гораздо болѣе, чѣмъ черепа теперешнихъ людей. Такъ какъ этотъ черепъ извѣстенъ только по описанію и при томъ описанію отдаленной эпохи, то на него обыкновенно не ссылаются. Затѣмъ слѣдуетъ черепъ неандертальскій, особенно знаменитый черепъ открытый Fuhlrottомъ въ 1856 г. близъ Дюссельдорфа въ Неандерталь (былъ найденъ цѣлый скелетъ). Въ 1857 г. этотъ черепъ былъ представленъ на конгрессъ въ Боннѣ. Шафгаузенъ замѣтилъ, что черепъ, состоявшій изъ лобной кости, обоихъ затылочныхъ, части височной и верхней трети затылочной кости былъ необыкновенной величины и толщины, съ низкимъ узкимъ лбомъ и очень сильно развитыми надглазничными выступами. Онъ присовокупилъ, что абсолютная и относительная длина бедра (*femur*), плечевой кости (*humerus*), луча (*radius*), и локтевой кости (*cubitus*), весьма много совпадали съ размѣрами тѣхъ же костей нынѣшняго европейца, такого же роста, и замѣтилъ что толщина костей дѣйствительно была необычайно велика, и что выступы и углубленія, служащія для прикрытія мышцъ были необыкновенно развиты. Нѣкоторыя ребра тоже имѣли весьма странную, закругленную форму и крутой изгибъ, указывающій на большую силу грудныхъ мышцъ. Сильная покатость лба, по замѣчанію Шафгаузена, не произошла

¹²⁾ Ibid. стр. 162.

вслѣдствіе искусственнаго сдавливанія, (какъ у плоскоголовыхъ Колумбіи), ибо черепъ совершенно симметриченъ, и нѣтъ слѣда сдавливанія на затылочной кости. Ляйэлъ, изучавшій этотъ черепъ по слѣпку, говоритъ, что онъ былъ пораженъ малымъ объемомъ заднихъ полушарій мозга и выразилъ даже сомнѣніе, чтобы онъ могъ быть такъ малъ у человѣка. Но сомнѣваться въ виду факта было нельзя. Вместимость этого черепа по измѣреніямъ оказалась равною 75 куб. дюймамъ (вместимость череповъ европейцевъ доходить до 114 куб. дюйм.): Гексли сказалъ объ этомъ черепѣ: „не можетъ быть никакого сомнѣнія что этотъ черепъ наиболѣе изъ всѣхъ извѣстныхъ подходитъ къ черепу животныхъ. Съ какой бы стороны мы его не разсматривали, мы всюду встрѣчаемъ обезьяноподобныя черты, почему долженъ онъ быть причисленъ къ обезьяноподобнымъ человѣческимъ черепамъ.“ По Busk'у этотъ черепъ приближается къ черепу гориллы и чимпанзе. Топинаръ находитъ этотъ черепъ вполне животнымъ, обезьяноподобнымъ, сходнымъ съ черепами гориллы и гиббона. Фохтъ высказалъ мнѣніе, что можетъ быть это черепъ идиота, но Ляйэлъ замѣтилъ, что на тѣхъ, которые это высказываютъ, лежитъ обязанность доказать справедливость своего взгляда. Доказательства представлено не было. Теперь эволюціонистами вообще признается, что этотъ черепъ принадлежитъ нормальному (Вирховъ видитъ въ немъ патологическую неправильность), но низшему человѣческому типу.¹³⁾ Наиболѣе сходный съ неандертальскимъ черепомъ—черепъ, найденный Врих'омъ въ Богеміи, который Мортилье отмѣчаетъ, какъ слѣдующій за неандертальскимъ.

Въ 1833 г. Шмерлингомъ въ пещерѣ Энгисъ близъ Лютиха былъ найденъ черепъ, заключенный въ одномъ слоѣ съ остатками слона, носорога, медвѣдя, гіены и другихъ исчезнувшихъ (въ Европѣ) млекопитающихъ. Черепъ былъ разбитъ и возстановлялся изъ обломковъ Шмерлингомъ и

¹³⁾ Объ этомъ черепѣ писалось очень много см. Ляйэля „Древность человека“ 1864 главу пятую Platz'a *Der Mensch, sein Ursprung seine Rassen und sein Alter* 1887 S. 30—32 Lenormant'a, *L'Hist. anc.* p. 138—139.

другими (наибольшая длина черепа 7,7, — ширина 5,25, вообще онъ долихоцефальный)¹⁴⁾. По мнѣнію Шмерлинга черепъ негроподобенъ, Фогтъ считаетъ его весьма близкимъ къ неандертальскому, именно принадлежащимъ женщинѣ неандертальскаго племени и обезьяноподобнымъ.

Въ поллетской пещерѣ близъ Furfoz'a (въ Бельгіи) Эдуардомъ Дупеномъ въ 1864 г. на лѣвомъ берегу Рейна въ лесѣ была найдена челюсть, прославившаяся тѣмъ, что въ ней—этомъ осколкѣ древняго черепа—не достаетъ одной кости, именно, того средняго, кругообразнаго выступа на нижнемъ концѣ лица (apophyses geni), который отдѣляется кривошейнымъ углубленіемъ отъ низа губы. Выступъ кости имѣеть у европейцевъ 3—5 m.m. у антропоморфныхъ обезьянъ его нѣтъ совсѣмъ и онъ замѣняется углубленіемъ въ 10 m.m. Въ поллетской челюсти измѣренія констатировали углубленіе въ 3 m.m. Вслѣдствіе этого Топинаръ разсматривалъ эту челюсть, какъ принадлежащую къ типу, посредствующему между человѣкомъ и обезьяной.

Мортилье приводитъ еще открытіе человѣческихъ останковъ въ туфѣ близъ S. Daupise, онъ указываетъ на двѣ лобныя кости, какъ принадлежащія къ неандертальскому или энгіесскому типу.

Далѣе къ числу подобныхъ же останковъ относится человѣческая челюсть, найденная Буше до Пертомъ въ Moulin Quignon въ предмѣстьи Аббевиля. Челюсть эта имѣеть слѣдующія особенности: уголь, образуемый нижнимъ краемъ горизонтальной вѣтви съ краемъ восходящей въ ней, весьма тупъ, верхняя часть весьма широка и низка, наконецъ, въ ней обнаруживается сильный загибъ внутрь нижняго края, подобно какъ у сумчатыхъ животныхъ.

¹⁴⁾ Если принять продольный поперечникъ за 1 и выразить ее чрезъ 100, то ширины черепа могутъ быть выражены въ процентахъ этой единицы и при совершенно круглой головѣ должны быть=100.

Ширина черепа у ортоцефаловъ ($\frac{2}{3}$ человѣчества) отъ 74 до 78.

” ” ” долихоцефаловъ ” менѣе 74.

” ” ” брахицефаловъ ” болѣе 78.

Ширина энгіесскаго черепа, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ обозначающихъ его длину и ширину, будетъ 63.

У доисторических скелетовъ — далеко, впрочемъ не у всѣхъ — встрѣчается еще особенность въ строеніи большой берцовой кости, называемая платикнемію. Особенность эта состоитъ въ томъ, что берцовая кость оказывается у нихъ весьма сплюсненною съ обѣихъ оторонъ (у насъ она трехгранная или призматическая). Брока призналъ эту особенность за характерный признакъ гориллы.

Брока указалъ еще одну особенность въ строеніи скелета везерскихъ троглодитовъ. Верхняя часть локтевой кости у нихъ очень толста и изогнута, а ея полулунная вырѣзка (*cavitas Sigmoidea*) очень мала; эти признаки опять напоминаютъ локтевую кость гориллы ¹⁵).

Вотъ, кажется, всѣ типы костей и обломковъ костей, которыя были найдены и признаны принадлежавшими существамъ, стоявшимъ ниже всѣхъ человѣческихъ племенъ, существующихъ въ настоящее время.

Обратимся къ даннымъ для сужденія о происхожденіи человѣка, представляемымъ доисторическою археологією. Дарвинъ, доказывая происхожденіе человѣка отъ животныхъ типовъ, совершенно оставилъ въ сторонѣ эти данныя, но другіе сторонники воззрѣній Дарвина дополнили этотъ пробѣлъ. Отчасти работы въ этомъ направленіи существовали уже до выхода книги Дарвина (изслѣдованія Леббока и Тайлора), затѣмъ послѣ выхода его книги много сдѣлали для этого Брока, Картальякъ, особенно Мортилье и многіе другіе. Результатами ихъ изслѣдованія явились слѣдующія положенія: 1) что первобытная культура человѣка была весьма груба, и уровень его развитія весьма низокъ. Человѣкъ не имѣлъ религіи, былъ неразвитъ нравственно, стоялъ весьма низко умственно, 2) что развитіе человѣка шло весьма медленно. Изложимъ ихъ воззрѣнія и доводы по этому предмету.

Въ концѣ этой главы мы скажемъ о признаваемой Мортилье эолитической или есейской эпохѣ предшественника

---

¹⁵) Объ этихъ костяхъ см. у Ляйеля въ „Древности человѣка“. *Quatre-fages'a* въ *L'espece hum.* (Livre VIII); *Platz'a* „*Der. Mensch*“; *Lenormant'a* *L'Hist. anc.* „Брока“ Везерскіе троглодиты.

человѣка и объ археологическихъ останкахъ, завѣщанныхъ потомству послѣднимъ, теперь мы обратимся прямо къ человѣку. Самая первая и самая древняя эпоха, въ которой явился человѣкъ, есть эпоха шеллійская (археологическіе останки отъ нея находятся въ нижнихъ слояхъ неизмѣненныхъ долинъ). Эпоха этого времени характеризуется грубымъ каменнымъ орудіемъ, которому обыкновенно усвояютъ имя топора. Это кремьнь, являющийся въ различныхъ экземплярахъ имѣющимъ различную длину (онъ бываетъ собственно трехъ видовъ: 1) длиннаго копьевидаго, 2) короткаго копьевиднаго, 3) миндалевиднаго), но всегда довольно большимъ и толстымъ. Его длина всегда больше его ширины. По срединѣ онъ довольно толстъ, а по краямъ значительно утоньшается. Одинъ конецъ его заостренъ, а другой округленъ, но всего характеристичнѣе для этого кремня то, что онъ ограниченъ съ обеихъ сторонъ, обѣ его стороны болѣе или менѣе выпуклы и болѣе или менѣе симметричны. Мортилье усвояетъ этому орудію названіе „удара кулака“ (coup de poing), потому что, по его мнѣнію, это орудіе слѣдовало держать въ рукѣ, чтобы наносить ударъ, рѣзать или пронзять. Это было въ одно время и оружіе и утварь для всего. Эта эпоха длилась по мнѣнію Мортилье 78 тысячъ лѣтъ. Онъ полагаетъ, что въ эту эпоху жили люди неандертальскаго, канштадскаго типа и типа черепа, найденнаго Вух'омъ въ Богеміи. Относительно этихъ череповъ нужно замѣтить, что и по сознанію самого Мортилье они по окружающимъ ихъ условіямъ не даютъ основаній относить ихъ къ той или другой эпохѣ (около нихъ не найдено орудій, и они были найдены на небольшой глубинѣ подъ землею), но Мортилье причисляетъ ихъ къ этой эпохѣ, основываясь на ихъ анатомическомъ типѣ, приближающемся къ обезьянъему. Но что мы должны заключать о человѣкѣ, единственнымъ орудіемъ котораго былъ обломокъ кремня, выше ли онъ обезьяны? Гориллы при ходьбѣ пользуются палками, обезьяны иногда употребляютъ орудія. Шеллійскій человѣкъ немного поднимался надъ ними. Относя нолетскую челюсть къ этому періоду, Мортилье говоритъ, что шеллійскій человѣкъ былъ лишень способности членораздѣльной рѣчи

(такъ какъ въ ней, какъ было сказано, нѣтъ *apophyses geni*), къ которому прикрѣпляются мускулы языка). Зналъ ли онъ употребленіе огня? въ этомъ можно усумниться. Имѣлъ ли онъ что либо похожее на религію? Мортилье рѣшительно отрицаетъ это. Религія прежде всего выражается въ заботахъ объ умершемъ, но оказывается, что люди, не только шеллійской, но и послѣдующихъ эпохъ, не хоронили своихъ мертвецовъ. Каковъ былъ этотъ человѣкъ нравственно? Вслѣдствіе того, что неандертальскій черепъ носить слѣды раны Мортилье заключаетъ, что шеллійскій человѣкъ былъ буенъ, гнѣвливъ, драчливъ.

Вторая эпоха каменнаго вѣка характеризуется наиболѣе выразительно орудіемъ, носящимъ имя „острія мустье“ (имъ это заимствовано отъ пещеры Мустье въ Дордоньи, гдѣ оно весьма часто попадаетъ и гдѣ оно вперво было открыто Ларте и Кристи). Остріе это насаживалось на длинное копье. Наружное очертаніе его почти такое же, какъ и у предыдущаго орудія, оно только болѣе заострено. Наиболѣе отличительномъ признакомъ его является то, что оно огранено только съ одной стороны, другая же сторона повидимому стесывалась однимъ ударомъ. Вслѣдствіе этого оно не двояко выпуклое, какъ предыдущее орудіе, а плоско выпуклое, слѣдовательно, значительно меньше и легче предыдущаго. Въ эту же эпоху находятъ весьма распространеннымъ другое орудіе, представляющее собою скребокъ, который, какъ думаютъ, могъ служить къ тому, чтобы обдирать кору съ деревьевъ или очищать кожу. Къ этимъ двумъ инструментамъ нужно присоединить многочисленные осколки кремней, не отыскиваемые въ вѣкъ предыдущій. Наконецъ, какъ на послѣднюю черту свойственную мустьерскому типу, Мортилье указываетъ на полное отсутствіе костянныхъ инструментовъ. Мустьерская эпоха совпадаетъ по Мортилье съ ледниковой эпохой въ Европѣ и продолжалась 100 тысячъ лѣтъ. Судя по орудіямъ, мы должны заключить, что человѣкъ этой эпохи недалеко ушелъ отъ своего шеллійскаго предка, и мы должны изумиться медленности прогресса у этихъ древнѣйшихъ обитателей Европы. 78 тысячъ лѣтъ человѣкъ держалъ въ рукѣ кремень и не догадывался, какъ

сдѣлать для себя болѣе легкимъ и удобнымъ это орудіе, когда было достаточно одного удара, чтобы сбить увеличивающую только вѣсь выпуклость съ одной стороны, и когда онъ, наконецъ догадался сдѣлать это, то онъ счелъ себя затѣмъ вправѣ 100 тысячъ лѣтъ не придумывать никакихъ усовершенствованій. Очевидно, этотъ человѣкъ по самой своей природѣ не походилъ на человѣка современнаго, вѣчно недовольнаго, вѣчно стремящагося все вокругъ себя измѣнить и усовершенствовать. Всякое племя на протяженіи немногихъ тысячелѣтій непремѣнно что нибудь создастъ, измѣнитъ. Измѣнится само, но человѣкъ мустѣе наперекоръ, можно сказать, самой теоріи эволюціи обнаруживалъ непостижимую косность. Вокругъ него природа совершенно измѣнилась. Началась, достигла maximum'a напряженія, ослабѣла и исчезла холодная пора ледниковой эпохи. Животныя измѣнялись и исчезали, вмѣсто древняго слона и гиппопотама явились мамонтъ и сѣверный олень, они спустились въ долины южной Европы и затѣмъ, начали уходить опять. А человѣкъ все не измѣнялся. Такъ представляетъ дѣло одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ эволюціонистовъ Габріэль Мортилье.

Третья эпоха каменнаго вѣка носитъ имя солиотрѣйской. Свое названіе она получила отъ мѣстности Солютрэ (маленькой живописной мѣстности Saone et Loire въ Maconnai), гдѣ въ большомъ обиліи находится наиболѣе характеристичное орудіе этого времени, представляющее собою кремневое остроконечіе, ловко срѣзанное съ двухъ лицевыхъ сторонъ въ формѣ иваго или лавроваго листа. Затѣмъ въ эту же эпоху является новый инструментъ — скобель (*grattoir*), замѣнившій прежній скребокъ (*racloir*). Являются ножи, пилы, кремневые буравы. Очертанія и стороны этихъ инструментовъ—правильныя, симметричныя грани—остры и отдѣланы тщательнѣе, тоньше. Но костяныя орудія отсутствуютъ попрежнему. Солютрѣйская эпоха продолжалась, по Мортилье, сравнительно недолго, всего только 11 тысячъ лѣтъ.

Четвертая эпоха каменнаго вѣка носитъ имя магдаленской. Свое начало она получила отъ Магдалень, мѣстечка въ Дор-

доньи, гдѣ найдены орудія и предметы, характеризующіе эту эпоху. Камень въ эту эпоху оставляется для кости, рога, особенно для слоновой кости. Изъ кости и рога дѣлаютъ большое количество инструментовъ, наприм., остроконечія для стрѣлъ и дротиковъ, остроги, гарпуны, гладила, кортики, иглы, подвѣски и начальничьи жезлы. Послѣдніе особенно любопытны. По мнѣнію ученыхъ это просто типъ нынѣшнихъ скипетровъ. Они довольно многочисленны и всѣ сдѣланы по одному типу. Вся ихъ поверхность богато украшена разными рисунками, изображающими различныхъ животныхъ или охотничьи сцены. Ихъ толщина меньше ихъ ширины, и стараніе употребленное на уменьшеніе ихъ толщины, доказываетъ, что при дѣланіи имѣли въ виду легкость предмета а непрочность его. Въ магдаленскую эпоху воооце встрѣчается много костей съ гравировкой и насѣчкой. Человѣкъ, видно, значительно поднялся къ этому времени. Судить о жизни его въ это время имѣется много основаній, ибо въ это время жила кроманьонская (везерская) раса, многочисленность останковъ отъ которой дали возможность составить о ней довольно полное понятіе. Эта эпоха продолжалась, по Мортилье, 33 тысячи лѣтъ. Ею заканчивается палеолитическій вѣкъ, вѣкъ, когда орудія выдѣлывали оббивкой, ударомъ, давлениемъ, тесаніемъ, но когда ихъ еще не шлифовали. Во весь палеолитическій вѣкъ, продолжавшійся, по Мортилье, 222 тысячи лѣтъ, по его утверженію человѣкъ не имѣлъ религіи. Религія, какъ иноземное растеніе, была принесена въ Европу изъ Азіи—страны, которая является родиною всѣхъ великихъ религій—еврейской, христіанской, магометанской и буддійской,—вмѣстѣ съ религіею изъ Азіи вышла новая раса съ домашними животными, съ хлѣбными растеніями и новыми орудіями (шлифованными и полированными).

Начинающуяся отсюда новую эпоху Мортилье называетъ робенгаузской (отъ мѣстечка Робенгауза въ Швейцаріи, гдѣ были найдены свайныя постройки, относящіяся къ этой эпохѣ). Человѣка этой эпохи окружаютъ неизвѣстные прежде животныя: собака, лошадь, быкъ, овца, коза, свинья.

Онъ воздѣлываетъ почву, собираетъ пшеницу, рожь, ячмень, изготовляетъ хлѣбъ, ткань, сѣти, глиняную посуду, имѣетъ украшенія. Артистическихъ проявленій въ эту эпоху не обнаруживается. Но робенгаузскій человѣкъ воздвигалъ громадныя мегалитическія монументы изъ необдѣланныхъ камней и съ благоговѣніемъ хоронилъ своихъ мертвецовъ. Многочисленные приборы для анатомированія показываютъ, что они съ успѣхомъ практиковали нѣкоторыя хирургическія операціи и именно сверленіе черепа (трепанацию). Робенгаузская раса вышла, по Мортилье, изъ западной Азіи, это, наши предки арійцы. Промежутокъ, отдѣляющій ихъ отъ насъ, по Мортилье, приблизительно равенъ 16 тысячамъ лѣтъ.

Такъ на основаніи археологическихъ остатковъ возстановляютъ исторію человѣчества, исторію его развитія, и эта исторія, по утверженію эволюционистовъ, является вполне подтверждающею ихъ теорію. Сначала грубѣйшія каменные орудія, затѣмъ орудія болѣе совершенныя, далѣе уже повѣствуютъ намъ, появилась мѣдь, бронза и наконецъ желѣзо. Начался желѣзный вѣкъ, въ которомъ живемъ и мы. Ученые нынѣшняго времени съ удовольствіемъ отмѣчаютъ, что такую послѣдовательность въ развитіи человѣчества матеріалистъ Лукрецій въ своемъ „de rerum natura“ намѣтилъ еще въ третьемъ вѣкѣ до Р. Хр.

Arma antiqua manus, ungues dentesque fuerunt

Et lapides et itam silvarum fragmina rami

Posterius ferri vis aerisque reperta

Sed prior aeris erat quam ferri cognituscumus ¹⁶⁾.

Что дѣйствительно каменный вѣкъ отстоитъ отъ насъ такъ далеко, какъ это предполагается эволюціонною теоріею, это доказываетъ Картальянъ въ сочиненіи „L'âge de pierre dans les souvenirs et superstitions populaires“ (1878). Картальякъ говоритъ, что самая память о каменномъ вѣкѣ рѣши-

¹⁶⁾ Леббокъ, каменный и бронзовый вѣкъ, стр. 44 (Природа 1874, 3) объ археологическихъ эпохахъ см. библиографическую статью Арслена о книгѣ Mortillet „Sur l'antiquité de l'homme“ R. Q. S. T. 13. Брока „Везерскіе троглодиты“ (Природа 1873, 2).

тельно исказилась и затемнилась въ преданіяхъ народовъ. На находимыя каменные орудія народъ обыкновенно смотритъ, какъ на камни, падающіе съ неба: у насъ называютъ ихъ громовыми стрѣлками, во Франціи называютъ ихъ *pierres de foudre*, въ Англіи — *thunderbolt*, въ Германіи — *Donnerkeil*. Эти названія, по мнѣнію Карталяка, ясно указываютъ, что у народа не осталось почти воспоминаній о каменномъ вѣкѣ, что теперь, и не теперь только, но и тысячу лѣтъ назадъ свропейцы, находя каменные орудія и забывъ ихъ исторію, видятъ въ нихъ предметы небснаго происхожденія. Но въ преданіяхъ народовъ есть другая сторона. Нѣкоторые боги народовъ являются съ камнями въ рукахъ, какъ съ орудіями, долженствующими поражать. Такъ у первыхъ обитателей Рима камень былъ символомъ Юпитера, въ Россіи перунъ былъ поставляемъ съ камнемъ въ рукѣ (символь молніи). Камни употреблялись въ религиозныхъ церемоніяхъ (*religiosa Silex*) въ Римѣ, у Евреевъ, въ Америкѣ и у афіоповъ. Это второе обстоятельство показываетъ, что каменный вѣкъ былъ реальность, и что, хотя онъ отдѣленъ отъ насъ тысячелѣтіями, память о немъ еще не исчезла совсѣмъ.

При разсужденіи о происхожденіи человѣка мысль изслѣдователей естественно прежде всего сосредоточивалась на представленіи непосредственнаго предка человѣка. Дарвинъ и Геккель дали намъ описаніе этого прародича (описанія эти будутъ приведены въ слѣдующей главѣ), но портреты, нарисованные ими, составлены на основаніи аналогіи и косвенныхъ указаній эмбриологіи, рудиментарныхъ органовъ и явленій атавизма, а не на основаніи прямыхъ данныхъ. Послѣ изданія Дарвиномъ и Геккелемъ ихъ трактатовъ о происхожденіи человѣка антропологи занялись ревностнымъ исканіемъ останковъ проблематическаго существа. Палеонтологическія исканія не привели ни къ чему, но археологическія, по утверженію эволюціонистовъ, пролили свѣтъ на интересный вопросъ. Вотъ результаты ихъ исканій. Буржуа, Rames и Ribeiro въ третичныхъ отложеніяхъ нашли камни, за которыми признали искусственное происхожденіе. Камни эти небольшой величины, разнообразной формы, если

они действительно оббиты, то оббиты весьма грубо, нѣкоторые изъ нихъ носятъ на себѣ слѣды огня¹⁷⁾. Открывшіе ихъ приписали происхожденіе ихъ рукъ человѣка. Но Мортилье изслѣдовалъ ихъ, и, признавъ тоже ихъ искусственное происхожденіе, рѣшилъ однако, что эти камни были обдѣланы не человѣкомъ, ибо человѣкъ, надо полагать, явился позднѣе, а именно таинственнымъ предшественникомъ человѣка—антропопиеикомъ. Изъ различія формъ кремней, найденныхъ Буржуа, Rames'омъ и Rabeiro, заключивъ, что и существа, сдѣлавшія ихъ были различны, Мортилье установилъ три вида антропопиеика: *anthropopieicus Bourgeoisii*, *anthr. Ramesii* и *anthr. Ribeiroii*. Это таинственное животное научилось добывать огонь, оно пользовалось кремнями, раскаливавшимися отъ жара и отъ удара; это почти все, что мы о немъ знаемъ. Проникнутый важностію этого добытаго знанія Мортилье присовокупляетъ: „такимъ образомъ путемъ одного только разсужденія, основаннаго на точныхъ наблюденіяхъ, намъ удалось открыть самымъ достойнымъ образомъ существо переходное отъ теперешнихъ антропоидовъ къ человѣку. Это напоминаетъ Леверье, открывшаго безъ инструментовъ планету, единственно при помощи вычисленія. Это напоминаетъ лингвистовъ, которые ничѣмъ инымъ, какъ данными лингвистики открыли арійцевъ“¹⁸⁾.

Лингвисты—конечно не тѣ, которые открыли арійцевъ—можетъ быть, возбужденные словами Мортилье, пожелали и въ вопросѣ объ антропопиеикѣ не отставать отъ антропологовъ и высказали нѣсколько своихъ соображеній о предшественникѣ человѣка, котораго они называютъ *homo primigenius*. Основываясь на томъ фактѣ, что существуетъ нѣсколько неприводимыхъ ни къ какому коренному общему источнику языковъ, они заключаютъ о полигенистическомъ происхожденіи человѣка и о зарожденіи рѣчи еще у предшественника человѣка. „Когда два языка могутъ научно

17) Изображенія этихъ камней см. у Bourgeois, „Sur la question de l'homme tertiaire p. 573 (Rev. d. Ques. Scient T. II) и у Lenormant'a, l'Histoire ancienne de l'orient p. 122.

18) См. библиографическую статью Arcelin'a „La préhistorique Antiquité de l'homme“ par Mortillet. Rev. d. Quest Scient 1883, T. 13, p. 245—246.

считаться двумя совершенно различными созданіями? Спрашиваетъ Шове и отвѣчаетъ: во 1-хъ, когда ихъ простыя слова, т. е. такія, которыя уже нельзя свести къ болѣе первичной формѣ, не представляютъ между собою рѣшительно ничего общаго какъ въ своемъ звуковомъ матеріалѣ, такъ и въ слоговомъ складѣ. Во 2-хъ, когда законы, управляющіе первыми сочетаніями этихъ простыхъ словъ, совершенно различны въ двухъ сравниваемыхъ системахъ ¹⁹⁾. Эти начала, предложенныя Шаве для опредѣленія родства языковъ были приложены имъ къ сравненію семитическихъ и арійскихъ языковъ и привели его къ заключенію, что эти языки—созанія независимыя одно отъ другаго. „Если, говоритъ Овелахъ, различныя извѣстныя лингвистическія системы не могутъ быть сведены къ одной, то, слѣдовательно, онѣ родились независимо одна отъ другой въ различныхъ странахъ. Стало быть, первыя существа, начавшія пріобрѣтать способность членораздѣльной рѣчи, пріобрѣли ее въ различныхъ мѣстахъ одновременно, и такимъ образомъ, отъ нихъ вышло нѣсколько человѣческихъ расъ, съ самаго начала отличныхъ другъ отъ друга“. „Французскіе антропологи, говоритъ генераль Федербъ, вообще согласны, что человѣкъ отличается отъ животныхъ только членораздѣльною рѣчью, и потому предшественники человѣка, еще не обладавшіе этимъ признакомъ, не могутъ быть названы людьми. Понятно, что тутъ дѣло въ словахъ, въ условныхъ выраженіяхъ. Важный вопросъ въ томъ, возникла ли рѣчь у этого существа, какъ бы его ни называть—человѣкомъ или нѣтъ, въ одномъ мѣстѣ разомъ или въ различныхъ мѣстахъ и въ различныя времена. Невозможность свести человѣческіе языки къ общему источнику доказываетъ, что справедливо второе. Если бы человѣкъ пріобрѣлъ эту способность вслѣдствіе прогресса въ его организаціи за одинъ разъ, рѣчь осталась бы замѣтно одинаковою въ его потомствѣ или по крайней мѣрѣ во всѣхъ языкахъ оказывались бы слѣды общаго происхожденія. Но чрезъ-

¹⁹⁾ Овелахъ, лингвистика (перевод.) 1881, стр. 338. Оттуда же взяты приведенные слова самого Овелаха и Федерба (*Essai sur la langue paule* 1875).

вычайное различіе языковъ и ихъ пріемовъ доказываетъ, что они были созданы независимо другъ отъ друга и вѣроятно въ весьма различныя эпохи. Такъ какъ притомъ главныя семейства, невыводимыя другъ изъ друга, вообще соотвѣтствуютъ великимъ расамъ человѣчества, то мы признаемъ, что рѣчь возникла независимо у разныхъ разновидностей того, что Фр. Мюллеръ называетъ homo primigenius, а французскіе антропологи предшественникомъ человѣка“.

Эпоху, въ которую жили предшественники человѣка, Мортилье называетъ эолитической (заря каменнаго вѣка) или еенейской (отъ мѣстности Thenais, Leir et Cher, — гдѣ Буржуа нашель свои кремни).

Г Л А В А 3-я.

Какимъ образомъ отъ животнаго могъ произойти человѣкъ? Генеалогія человѣка по Дарвину. Замѣчанія о чтеніяхъ Фогта по вопросу о происхожденіи человѣка. Ученіе Геккеля о происхожденіи человѣка и генеалогія человѣка, установленная Геккелемъ. Ученія о происхожденіи человѣка Снеля, Ляйэля и Уоллеса. Своеобразная теорія Нодена. Лекція Топинара. Предполагаемое эволюцистами громадное количество времени, какъ необходимое условіе для происхожденія отъ животныхъ типовъ и для развитія и усовершенствованія человѣка.

Итакъ, человѣкъ произошелъ отъ какого-то низшаго животнаго, но отъ какого? Ни палеонтологія, ни наличная дѣйствительность не дають отвѣта на этотъ вопросъ; но вопросъ этотъ имѣеть столь глубокое значеніе и полонъ такого захватывающаго интереса, что необходимо было ждать, что явятся попытки его рѣшенія. Еще когда теорія эволюціи только что зарождалась, Ламаркъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, признавая, что ближайшимъ животнымъ къ человѣку является чимпанзе, говоритъ, что если бы мы не знали, что человѣкъ произошелъ инымъ путемъ, мы должны были бы признать, что эта антропоморфная обезьяна была прародичемъ

человѣка. Дарвинъ, издавъ въ свѣтъ „Происхожденіе видовъ“, произведшее страшную сенсацію въ ученомъ мірѣ, не думалъ сначала касаться великой проблемы о происхожденіи чело-вѣка, но когда К. Фогтъ ¹⁾ и другіе, исходя изъ его же принциповъ, начали развивать теорію животнаго происхожденія чело-вѣка, онъ не устоялъ противъ искушенія пред-ставить свое рѣшеніе этого вопроса и издалъ сочиненіе „о происхожденіи чело-вѣка“ ²⁾, пользующеяся изъ всѣхъ его сочиненій наибольшею извѣстностью.

Дарвинъ устанавливаетъ въ своемъ сочиненіи, какъ не-сомнѣнное, что чело-вѣкъ произошелъ отъ обезьяноподобнаго предка. Вотъ, главнѣйшія изъ тѣхъ условій и обстоятельствъ, которыя, по его мнѣнію, должны были поднять гипотети-ческую обезьяну до чело-вѣка. Измѣненіе въ устройствѣ по-звоночника, соединенное съ дифференцированіемъ переднихъ и заднихъ конечностей, было, по Дарвину, результатомъ борьбы за существованіе. Отдаленнаго прародича чело-вѣка обстоятельства часто вынуждали подниматься, опираясь только на заднія конечности, такъ какъ переднія конечности могли быть ему нужны для того, чтобы защищаться отъ нападающихъ враговъ, чтобы схватывать и держать какіе-либо предметы. Ему нужно было подниматься, чтобы ви-дѣть отдаленные предметы и т. д. Такого рода упражненія, производимыя въ теченіе долгаго времени, должны были сообщить змѣеобразный изгибъ позвоночнику, сдѣлать руки исключительно приспособленными къ тому, чтобы представ-лять опору для поддержки тѣла. Отъ этого произошли измѣненія въ устройствѣ рукъ и ногъ, и на ногахъ у боль-шаго пальца исчезла способность противопоставляться осталь-нымъ. Но поднимаясь на заднихъ конечностяхъ, наши пра-родичи однако сначала не чувствовали себя стоящими устой-чиво при помощи только ногъ, поэтому они бывали при-нуждены прибѣгать къ помощи палки или же прислонялись спиною къ дереву. Послѣднее обстоятельство произвело другое важное измѣненіе въ морфологіи этихъ существъ:

¹⁾ Происхожденіе чело-вѣка стр. 53, томъ 1.

²⁾ Vorlesungen über den Menschen, 1865.

отъ постояннаго тренія спинъ о деревья волосы на ихъ спинъ должны были рѣдѣть, рѣдѣть и наконецъ, совсѣмъ исчезнуть. Другія измѣненія въ анатоміи и habitus'ѣ нашего предка должны были быть произведены половымъ подборомъ. Извѣстно, что теперь, наприм., гиббоны во время спариванія пользуются голосомъ. Нужно думать, что наши предки въ отдаленныя времена тоже привлекали особой другаго пола пѣніемъ и при этомъ со стороны самокъ оказывалось предпочтеніе тѣмъ самцамъ, которые обладали лучшими голосами, отсюда и сохранялась и развивалась въ человѣкѣ способность голоса, развитіе которой соединялось съ послѣдовательнымъ анатомическимъ измѣненіемъ устройства гортани. Наконецъ, послѣднее важное измѣненіе въ анатоміи нашего предка—измѣненіе въ головной структурѣ и въ количествѣ и строеніи мозга происходило подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе усиливавшейся духовной дѣятельности человѣка.

Но какимъ путемъ шло духовное развитіе человѣка? Естественный подборъ, конечно, долженъ былъ сохранять наиболѣе смышленныхъ особей, а жизнь постоянно должна была ставить имъ новыя задачи, побуждавшія ихъ мозгъ къ умственной дѣятельности. Понятія собственности, права, умѣнье готовить орудія и обрабатывать матеріалы, способность говорить, все это въ нашихъ прародичахъ произвели обстоятельства и подборъ. Уже у обезьянъ можно указать нѣкоторыя понятія о собственности. Такъ одна обезьяна, сидѣвшая въ клѣткѣ зоологическаго сада, когда ей давали орѣховъ, разбивала ихъ камнемъ и послѣ, покончивъ операцію съ орѣхами, убирала камень подъ соломѣ отъ всякаго чужаго взора ³⁾. Очевидно, у ней уже установился взглядъ на этотъ камень, какъ на ея собственность. Подобнымъ образомъ понятіе о собственности или правѣ на владѣніе употребляемыми камнями и палками, могло явиться и у прародича человѣка. Далѣе, на искусственную обработку этихъ равно и животными и человѣкомъ употребляемыхъ орудій прародичъ человѣка могъ быть на-

³⁾ The descent of man and selection in relation to sex. 1870,

толкнуть случайно. Положимъ, для какихъ нибудь своихъ нехитрыхъ цѣлей онъ употреблялъ камни, положимъ, разбивая что-нибудь камнемъ, онъ разбилъ и самый камень на два или на нѣсколько осколковъ, изъ которыхъ одинъ былъ острѣе остальныхъ, тогда, естественно, для дальнѣйшихъ упражненій онъ выбиралъ острый осколокъ и, мало этого, наталкивался этимъ случаемъ на то, чтобы въ будущемъ самому, преднамѣренно разбивая камни, добывать такіе осколки. Такъ и долженъ былъ получить свое начало золитическій вѣкъ.

Употребленіе огня у нашихъ прародичей должно было получить начало позже и можетъ быть даже значительно позже, чѣмъ употребленіе каменныхъ орудій. Способъ добыванія огня у дикихъ племенъ различенъ и заставляетъ предполагать различные пути происхожденія употребленія огня. У нѣкоторыхъ племенъ поддерживается огонь постоянно (потому что добывать его они не умѣютъ). Говорятъ, что первоначальнымъ источникомъ его явился ударъ молніи. Большинство преданій ⁴⁾ показываютъ, что первымъ источникомъ для извлеченія огня были различные приемы тренія дерева, но въ новѣйшее время начинаютъ склоняться къ иному мнѣнію. Принимая во вниманіе, что на нѣкоторыхъ камняхъ Буржуа, оббивка которыхъ приписывается третичному разумному существу, находятся слѣды огня, Мортилье и другіе полагаютъ, что искры, появившіяся при разбиваніи кремня, навели предшественника человѣка на способъ добыванія огня чрезъ высѣканіе.

Параллельно съ развитіемъ индустріальнымъ шло собственно духовное развитіе человѣка.

Человѣкъ обладаетъ способностью рѣчи, какъ заговорилъ нашъ прародитель? Очень просто. Положимъ, стадо человѣческихъ прародитетей, проживая гдѣ-нибудь въ центральной Африкѣ или Азіи, подвергалось нападеніямъ хищныхъ звѣрей. Для предупрежденія нападенія послѣднихъ въ стадѣ нашихъ антропидовъ, какъ въ стадахъ павіановъ, были

---

⁴⁾ Преданія эти приведены у Тайлора см. Доисторическій бытъ человечества и начала цивилизаціи стр. 307 и слѣдующ.

сторожевые, и вотъ, одинъ изъ наиболѣе смысленныхъ сторожевыхъ вздумалъ предостерегать прочихъ отъ опасности, подражая своимъ голосомъ голосу того хищнаго звѣря, который угрожалъ нападеніемъ мирной первообщинѣ. Это и было первымъ, самымъ труднымъ, и самымъ важнымъ переходнымъ шагомъ отъ языка чисто животнаго (междометнаго) къ языку человѣческому. Параллельно съ умственнымъ развитіемъ у нашихъ прародичей шло развитіе социальное и нравственное. Человѣческіе прародичи были животными общественными. Общественныхъ животныхъ, какъ извѣстно, очень много, нужда соединяетъ много особей вмѣстѣ и дѣлаетъ даже то, что у нихъ происходитъ раздѣленіе труда, взаимопомощь же всегда происходитъ у нихъ въ широкихъ размѣрахъ. Но при стадной жизни развиваются общественные инстинкты, которые побуждаютъ животное чувствовать удовольствіе въ обществѣ себѣ подобныхъ и даже сочувствовать имъ до извѣстной степени. Последнее своимъ источникомъ могло имѣть то, что страданіе выражается извѣстными внѣшними знаками (экспрессіями), которые, наблюдаемые на другихъ, напоминаютъ о собственныхъ страданіяхъ. Эти напоминанія мучительны и, желая избавиться отъ нихъ, облегчаютъ страданія другихъ. Впослѣдствіи участіе сдѣлалось инстинктомъ и стало переноситься на любимыхъ лицъ. Такъ у человѣческаго прародича развились изъ стадныхъ социальныя и нравственныя инстинкты. Случалось, конечно, что переходящія инстинкты (чувство голода, мгновенное раздраженіе) препобѣждали эти социальныя инстинкты, но за то въ послѣдствіи, когда переходящія инстинкты исчезали, являлись угрызения совѣсти и раскаяніе. Чувство эстетическое, какъ и нравственное, развивалось въ человѣкѣ различными путями. Красота условна: китаецъ понимаетъ ее не такъ, какъ понимаетъ ее европеецъ, готтентонтъ плѣняется стеатопигією, которая возбуждаетъ чувство отвращенія въ сынахъ культуры. Эволюционисты указываютъ нѣсколько принциповъ развитія чувства прекраснаго. Говорятъ, что здѣсь все дѣло въ приспособленіи, въ ощущеніяхъ пріятнаго и непріятнаго. Намъ нравится голубое небо, потому что мы приспособились къ нему,

оно производитъ успокоивающее дѣйствіе на нашъ глазъ, напротивъ, красный (противоположный) цвѣтъ производитъ раздраженіе, по подобнымъ же причинамъ намъ нравятся извѣстные цвѣты и запахи и, наоборотъ, не нравятся другіе. Самъ Дарвинъ выдвигаетъ половой подборъ, какъ главный рычагъ, заправлявшій возникновеніемъ и первоначальнымъ развитіемъ понятій о человѣческой красотѣ и развитіемъ музыки, пѣнія. Что касается до религіи, то если подъ нею понимать то сложное чувство, которое состоитъ „изъ любви, полной покорности пресловутому и таинственному повелителю, изъ глубокаго сознанія зависимости, страха, уваженія, благодарности, надежды на будущее и можетъ быть изъ другихъ элементовъ“⁵⁾, то конечно, появленіе его требовало уже высокой степени развитія, но если подъ религіею понимать вѣрованія въ существованіе, въ невидимыя вліянія и вмѣшательства духовъ, то такая религія могла существовать издавна у прародичей человѣка. Приведенный выше случай съ собакою показываетъ, что подобное религіозное чувство можно подозрѣвать уже у животныхъ, да, и вообще, утверждаютъ, что отношеніе домашнихъ животныхъ къ своимъ хозяевамъ имѣетъ характеръ религіозный.

Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что обезьяна могла превратиться въ человѣка, но какая это обезьяна, отъ кого произошла она сама, отъ кого произошли ея предки? Чувство сыновней любви побудило сэра Дарвина оглянуться назадъ, навести историческую справку о своихъ предкахъ и затѣмъ, на основаніи собранныхъ данныхъ нарисовать ихъ портреты въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ. Послѣдуемъ за нимъ. Узконосыя обезьяны, къ которымъ принадлежитъ человѣкъ, живутъ въ старомъ свѣтѣ, вымершіе виды ихъ находятся преимущественно на африканскомъ материкѣ, вѣроятно, и наши родоначальники жили гдѣ-нибудь здѣсь, здѣсь собственно явился и человѣкъ. Но и узконосыя и широконосые (американскія) обезьяны, должно полагать, произошли отъ лемурныхъ полуобезьянъ (лазающихъ животныхъ стараго свѣта; зубы, какъ у насѣкомоядныхъ;

---

5) Происхожденіе человѣка т. 1 стр. 71.

сосцы на груди и брюхѣ). Эти лемурныя въ свою очередь произошли отъ сумчатыхъ, которыя, какъ извѣстно, являются въ сравнительно ранній геологическій періодъ и отличались широкою распространенностію (теперь водятся только въ новой Голландіи. Рождаются очень слабыми и донашиваются въ мѣшкѣ на груди, поддерживаемомъ особыми косточками, у самцовъ этого мѣшка нѣтъ, сосцы прикрыты мѣшкокомъ). Сумчатыя произошли отъ однопроходныхъ или птицевзвѣрей (челюсти клювообразной формы, имѣютъ клоаку, сохранились только эхидна и утконосъ въ новой Голландіи), которыя представляютъ собою переходъ къ пресмыкающимся. Въ ископаемомъ состояніи найдено много животныхъ формъ, которыя по неустойчивости и разнохарактерности своихъ признаковъ представляютъ большое затрудненіе для классификаціи, трудно даже опредѣлить классъ, къ которому они принадлежали; очевидно, это переходныя формы между классами, таковы: *dinosauria*, *archeopteryx*ы—птицы пресмыкающіяся, далѣе, слѣдуютъ ихтиозавры—пресмыкающіяся земноводныя и уже приближающіяся къ рыбамъ, пменно къ ганоиднымъ, такъ непрерывною родственною цѣнью высшія позвоночныя приближаются къ ихъ низшему представителю—ланцетику (безъ грудныхъ и спинныхъ плавниковъ, съ постоянною спинною струною и простымъ спиннымъ мозгомъ, головнаго мозга и черепа нѣтъ). Ланцетикъ же непосредственно приближается къ низшему отдѣлу мягкотѣлыхъ—асцидіямъ (ротовое отверстіе и порошица б. ч. близки одно къ другому. Подвержены превращенію, имѣютъ нервный стволъ, мѣшковидную жабру), ⁶⁾ а отъ послѣднихъ недалеко до протамеба. Черезъ эти или по крайней мѣрѣ черезъ аналогичныя съ этими формы восходила амеба, поднимаясь до человѣка. На основаніи данныхъ эмбриологіи рудиментарныхъ органовъ, явленій атавизма Дарвинъ набрасываетъ портреты нѣкоторыхъ ближайшихъ представителей человѣка. „Древніе родоначальники человѣка, говоритъ Дарвинъ, были безъ всякаго сомнѣнія покрыты нѣкогда во-

⁶⁾ Въ курсахъ зоологіи обыкновенно асцидіи причисляются не къ мягкотѣлымъ, а къ типу червей, къ классу оболочниковъ.

лосами, и оба пола имѣли бороды; ихъ уши были заострены и подвижны, а тѣло снабжено хвостомъ съ принадлежащими къ нему мышцами. Ихъ конечности и туловище были приводимы въ движеніе многими мышцами которыя появляются лишь случайно у теперешняго человѣка, но составляютъ нормальное явленіе у четверорукихъ. Главная артерія и нервъ плеча проходили чрезъ подмышечковое отверстіе. Въ этотъ или еще болѣе ранній періодъ кишки образовывали еще болѣшій слѣпой мѣшокъ, соесис, чѣмъ существующій теперь у человѣка. Нога, судя по формѣ большаго пальца у зародыша (отодвинутаго довольно далеко отъ остальныхъ) была въ это время хватательнымъ орудіемъ; наши предки были безъ всякаго сомнѣнія древесными животными и населяли какую-нибудь теплую лѣсистую страну. Самцы имѣли большіе клыки, которые служили имъ грознымъ орудіемъ. Въ еще болѣе ранній періодъ времени матка была двойная; испражненія выводились посредствомъ клоаки и глаза были защищены третьемъ вѣкомъ, или мигательной перепонкой⁷⁾). Нужно полагать, что въ это время дѣтеныши у нашихъ предковъ рождались въ недоразвитомъ видѣ, и такъ какъ ихъ рождалось много, то ихъ донашивали и самцы въ существовавшихъ у нихъ тогда такихъ же мѣшкахъ, какъ и у самокъ (рудиментарные останки такихъ мѣшковъ существуютъ у многихъ мелкопитающихъ), и самцы, какъ и самки, кормили ихъ молокомъ (о чемъ свидѣтельствуютъ ихъ рудиментарныя молочныя желѣза и явленія атавизма⁸⁾). Еще раньше предки человѣка были водными животными, потому что морфологія ясно показываетъ, что наши легкія состоятъ изъ видоизмѣненнаго плавательнаго пузыря, служившаго нѣкогда гидростатическимъ снарядомъ, щели на шеѣ человѣческаго зародыша указываютъ на прежнее положеніе жаберъ. Около этого же времени настоящія почки были замѣнены вольфовыми тѣлами. Сердце имѣло видъ простаго бьющагося сосуда, и *chorda dorsalis* занимала мѣсто позвоночнаго столба. Эти древніе

7) Происхожденіе человѣка т. 1 стр. 233.

8) Ibid. стр. 234—238.

предки человѣка, которые являются намъ въ темной дали прошлыхъ вѣковъ, должны были быть организованы такъ же низко, какъ *amphioxus lanceolatus* или еще ниже“⁹⁾

Мы изложили сейчасъ ученіе Дарвина о происхожденіи и генеалогіи человѣка, только кое-гдѣ дополнивъ его теорію соображеніями его послѣдователей. Но существуетъ еще нѣсколько сочиненій въ духѣ дарвинизма, посвященныхъ вопросу о происхожденіи человѣка. Исходнымъ началомъ для этихъ сочиненій послужила книга Дарвина „о происхожденіи видовъ“, а сами они явились матеріаломъ и стимуломъ для написанія Дарвиномъ его книги, „о происхожденіи человѣка“. Таковы сочиненія Фогта, Снеля, Геккеля, Ляйэля и Уоллеса. О послѣднихъ и особенно объ Уоллесѣ должно замѣтить, что они стоятъ гораздо въ меньшей зависимости отъ Дарвина, чѣмъ названные выше, хотя воззрѣнія, напр., Ляйэля ближе другихъ стоятъ къ взглядамъ Дарвина.

Чтенія Фогта о происхожденіи человѣка не представляютъ собою ничего особо замѣчательнаго. Чрезвычайно неприятное впечатлѣніе производитъ ихъ тонъ, запальчивый и вызывающій по отношенію къ вѣрующимъ. Развивая ту мысль, что человѣкъ есть животное,—мысль, которую никто никогда не оспаривалъ, Фогтъ говоритъ, что онъ не боится пойти въ адъ вмѣстѣ съ Линнеемъ и другими за высказываемое положеніе. Фогтъ сравниваетъ человѣка съ обезьяной, приходитъ къ заключенію относительно родства человѣка съ послѣднею и наконецъ, развиваетъ полигенистическую теорію въ новой формѣ, что различныя человѣческія племена произошли отъ различныхъ обезьянъ (въ этомъ воззрѣніи Фогта отличается отъ моногенистическаго взгляда Дарвина, признающаго, что всѣ существовавшія и существующія человѣческія племена произошли отъ общихъ родичей). Ученіе Фогта о происхожденіи человѣка изложено имъ въ „Vorlesungen über den Menschen (1865).

Геккель посвятилъ много сочиненій вопросу о происхожденіи человѣка (онъ удѣляетъ ему много мѣста въ *Natürliche Schöpfungsgeschichte*, въ *Generelle Morphologie* и специально

9) Ibid. стр. 233—234.

и исключительно занимается имъ въ Anthropogenie). Его ученіе отличается отъ ученія Дарвина слѣдующими особенностями. Во 1) Дарвинъ, хотя говорить съ увѣренностію, что человѣкъ произошелъ отъ низшихъ типовъ животныхъ, однако, не утверждаетъ рѣшительно, что человѣкъ произошелъ именно тѣмъ путемъ, какъ училъ онъ—Дарвинъ: въ своемъ ученіи Дарвинъ видитъ гипотезу, а не строго доказанную истину. Геккель развиваетъ свое ученіе догматически, онъ рѣшительно провозглашаетъ, что человѣкъ произошелъ такъ, какъ представляетъ это онъ—Эрнестъ Геккель, и всякій, неприемлющій его ученія да будетъ анаоема. Во 2) Дарвинъ попытался представить только схему естественно историческаго процесса происхожденія человѣка, Геккель сообщилъ объ этомъ процессѣ самыя изумительныя подробности. Въ 3) Геккель внесъ нѣкоторую поправку въ ученіе Дарвина о послѣдовательности развитія. По ученію Дарвина человѣкъ развивался и физически и духовно въ одно время, даже духовное развитіе какъ бы обуславливало и содѣйствовало физическому развитію; по ученію Геккеля человѣкъ явился вполне человѣкомъ прежде, чѣмъ вздумалъ употреблять въ дѣло свой мозгъ и вообще, свои тонкіе и разнообразныя органы. Исторію происхожденія человѣка Геккель излагаетъ слѣдующимъ образомъ. Давно, давно, въ средину лаврентіевской эпохи явилась монера (организмъ безъ органовъ), представлявшая собою только безформенный кусочекъ протоплазмы; отъ этой монеры произошла амеба, отличавшаяся отъ монеры тѣмъ, что въ своей протоплазмѣ имѣла ядро (nucleus). Одноклѣточная амеба произвела на свѣтъ зинамебійевъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ клѣтокъ, отъ этихъ зинамебійевъ произошли имѣвшія еще болѣе клѣточекъ планеады (мерцающія существа, снабженныя ртомъ). Эти плавеады представляли собою послѣднее звено нашихъ предковъ въ типѣ простѣйшихъ, прямой ихъ потомокъ—гастрея (съ яйцеобразнымъ или шарообразнымъ тѣломъ)—открылъ типъ кишечнополостныхъ. Гастрея состояла изъ одного кишечнаго канала съ двумя отверстіями: однимъ—для приѣма пищи и другимъ—для ея удаленія. Отъ гастреи произошелъ археммитесъ—первочервь съ первыми слѣдами

нервной системы, органами чувствъ, выдѣленія и продолженія рода, за нимъ послѣдовали сколециди—мягкіе черви съ кровью и внутренними полостями. Далѣе, явились хордоніи—животныя, снабженныя хордою (спинною мозговой струной), это были тѣ черви, отъ которыхъ непосредственно произошли безчерепныя позвоночныя. Между *tunicata* (оболочниками) нынѣшняго времени асциди суть ближайшіе родственники этихъ замѣчательныхъ червей, замостившихъ глубокую пропасть, раздѣлявшую прежде безпозвоночныхъ и позвоночныхъ между собою. Хордоніями исчерпывается рядъ безпозвоночныхъ предковъ человѣка. Съ девятой ступени (безпозвоночныхъ восемь ступеней) начинается рядъ предковъ позвоночныхъ, Первымъ являются здѣсь акраніи—безчерепныя, о свойствахъ которыхъ нѣкоторое, хотя весьма отдаленное понятіе можетъ дать намъ нынѣ живущій ланцетикъ. На десятой ступени стоятъ монорхины—непарноносыя (замѣненныя въ настоящее время отрядомъ круглоротыхъ). Одинадцатую ступень образуютъ зелахиі—перворыбы, имѣвшія весьма большое сходство съ теперешними косоротыми. На двѣнадцатой ступени стоятъ динневы, у которыхъ плавательный пузырь сталъ преобразовываться въ легкое. Затѣмъ, явились зоцобранхіи, имѣвшія легкія и жабры; далѣе, слѣдуютъ зоцуры, которыя въ юности имѣли жабры, но въ послѣдствіи ихъ теряли (какъ лягушки). На пятнадцатой ступени стоятъ протамніи—первоаммиаты, стоявшіе по ихъ тѣлесному устройству между саламандрами и ящерицами; на шестнадцатой промаммалии—первомлекопитающія, отъ которыхъ произошли теперешніе птицевѣри, на семнадцатой ступени марсупалии—сумчатыя, отъ нихъ произошли полуобезьяны, отъ которыхъ уже родились настоящія хвостатыя обезьяны. За ними на двадцатой ступени явились антропоиды—человѣкоподобныя обезьяны, за которыми послѣдовали *pithecanthropi*—обезьяно подобные люди, весьма сходные съ теперешними папуасами, но еще не владѣвшіе даромъ слова. Это обезьяноподобные люди, по Геккелю, отчасти могутъ быть находимы и теперь. Такъ Геккель указываетъ на весьма дикія племена южной Азіи и восточной Африки, жующія подобно обезьянамъ

стадами, проводящія почти всю жизнь на деревьяхъ, питающіяся плодами, не знающія огня, употребляющія, какъ оружіе, палки и камни подобно тому, какъ это дѣлають высшія обезьяны. Между бушменами, папуасами, готтентотами находятъ еще экземпляры, которые едвали могутъ представить больше правъ на человѣческое достоинство, чѣмъ горилла или чимпанзе. По причинѣ того необыкновеннаго сходства, которое существуетъ между указанными человѣческими племенами и человѣкоподобными обезьянами требуется весьма незначительная сила воображенія, чтобы представить между ними промежуточную форму и въ ней примѣрный образъ первочеловѣка. Голова его была продолговатая, зубы острые, волосы шерстистые, цвѣтъ кожи темный. Волосатость всего тѣла гораздо сильнѣе, чѣмъ у всѣхъ нынѣ живущихъ человѣческихъ племенъ, руки длиннѣе и крѣпче, напротивъ, ноги короче и слабѣе съ совершенно неразвитыми икрами, держался онъ полувертикально, колѣна обыкновенно были сильно согнуты. Отъ этого получеловѣка произошелъ настоящій человѣкъ съ членораздѣльною рѣчью, смѣнившюю звукоподражательный языкъ его предка. Таковъ путь отъ монеры до человѣка. Главнымъ рычагомъ, который двигалъ эту монерою въ ея развитіи, заставилъ ее покинуть глубины моря (первые четырнадцать предковъ человѣка жили въ морѣ) и вести безпокойную человѣческую жизнь была борьба за существованіе, главною лѣтописью, по которой Геккель прочелъ исторію ея превращеній, была эмбриологія. Исходя изъ того, что онтогенический процессъ служитъ отраженіемъ процесса филогеническаго, онъ въ разнообразныхъ формахъ человѣческаго зародыша въ различные моменты его развитія призналъ портреты существовавшихъ нѣкогда и имѣвшихъ такія формы прародичей зародыша, которыя смѣнялись на землѣ въ той же хронологической преемственности, въ какой эти формы слѣдуютъ одна за другою въ зародышѣ.

Въ ряду различныхъ ученій о происхожденіи человѣка своеобразное мѣсто занимаетъ книжка Снеля, „Die Schöpfung des Menschen“. Его теорія отличается большою оригинальностію и наименьшею извѣстностію. Въ первый разъ

сочиненіе Снеля вышло въ 1863 г. Въ 1887 г. вышло послѣднее изданіе его сочиненія подъ заглавіемъ „Vorlesungen über die Abstammung des Menschen“. Aus dem handschriftlichen Nachlasse von Karl Snell ord. Professor der Mathematik und Physik an der Universität Jena Herausgegeben von Prof. Dr. Rudolf Seydel. Мы не видали этого посмертнаго изданія, но, судя по библиографическимъ отзывамъ о немъ, авторъ не измѣнилъ своей теоріи, а только подтвердилъ ее нѣкоторыми новыми данными. Авторъ былъ и остался дарвинистомъ, но только на сочиненіи его кромѣ вліянія доктрины британскаго натуралиста, опочилъ духъ пѣмецкаго пантеизма. Онъ не видитъ въ человѣкѣ только игру случая, продуктъ, созданный эволюціонными факторами, онъ видитъ въ немъ результатъ таинственнаго развитія, какого-то зародыша, уже въ самомъ началѣ своего существованія, заключавшаго въ себѣ нѣчто разумное и божественное.

Всѣ животныя и человѣкъ имѣютъ, по Снелю, одного общаго прародителя въ нѣкоторой первобытной формѣ, но тѣмъ не менѣе различіе, существующее между животными и человѣкомъ есть не количественное, а качественное. Надъ всѣмъ живущимъ на землѣ человѣка поднимаетъ его разумъ — „дѣятельность всеобщаго въ его мысли и возможность безусловнаго въ его нравственной волѣ“ (S. 141—142). Разумъ не является только дальнѣйшимъ развитіемъ инстинкта животныхъ: инстинктъ слишкомъ ограниченъ и узокъ, и потому изъ него не могъ возникнуть разумъ. Должно предположить отъ вѣчности существующую разумную первооснову, изъ которой могъ развиться самосознательный и дѣятельный разумъ. Разумная человѣческая природа могла развиться только отъ такого прародителя, который уже самъ носилъ въ себѣ непрерывное разумное начало. Отъ этого прародителя произошло два ряда существъ, изъ которыхъ одни стали рабами тѣхъ внѣшнихъ факторовъ, которые заправляютъ развитіемъ всякаго чувственно проявляющагося бытія, другія въ постепенно развивавшейся конкретной формѣ сдѣлались носителями и органами безконечнаго. Первый рядъ обнимаетъ собою міръ животныхъ, ко второму при-

надлежитъ человѣкъ. Здѣсь мы видимъ примѣръ примѣненія маіоратнаго права. Въ природѣ имѣетъ значеніе право духовнаго первородства. Отъ перваго маіоратнаго владѣльца идетъ рядъ первенцовъ, которые вступаютъ въ обладаніе его имуществомъ и его правами и всѣ стоятъ на одной и той же ступени въ жизни. Но младшіе сыновья перваго маіоратнаго владѣльца, какъ равнымъ образомъ и слѣдующія поколѣнія, производятъ другое потомство, не похожее на поколѣніе перворожденнаго ни по богатству, ни по положенію въ жизни. Изъ этого потомства многіе члены часто ниспадають на низшія ступени животной лѣстницы. Люди представляютъ рядъ первенцовъ; имъ первый прародитель отдалъ въ наслѣдство маіоратъ разума. Царство животныхъ составляютъ тѣ члены потомства, которые произошли отъ одного общаго съ ними корня, но которые, будучи лишены представленнаго первенцу маіората разума, опустили и упали до настоящаго своего животнаго состоянія.

Многіе навѣрное склоняются къ мнѣнію, что тѣ созданія, которыя носили въ себѣ зерно столь великаго будущаго, съ самаго перваго времени самымъ своимъ внѣшнимъ видомъ, какъ непроходимую бездну, отдѣлялись отъ всѣхъ остальныхъ существъ, которымъ суждено влачить столь бѣдную и жалкую жизнь, какъ конечный результатъ ихъ развитія. Но на основаніи всѣхъ тѣхъ аналогій, которыя представляетъ намъ природа, этого не должно считать необходимымъ. Эмбриональные зародыши млекопитающихъ такъ сходны, что—за исключеніемъ незначительнаго различія по величинѣ—самый лучший микроскопъ и самый тонкій анализъ не въ состояніи открыть различіе между зародышами волка, лошади и человѣка. Конечно, кто могъ бы своимъ взоромъ проникнуть за предѣлы чувственнаго міра въ глубочайшія основы сущаго, тотъ пророчески могъ бы прозрѣть будущее этихъ еще неразвернувшихся организацій. Кто видѣлъ грековъ въ то время ихъ жизни, когда они еще можетъ быть приносили человѣческія жертвы, тотъ едва-ли могъ различить ихъ отъ служителей Ваала и Молоха. Но кто могъ бы по историческому зародышу прочесть его духовное будущее, т. е. кто имѣлъ бы даръ про-

рочества, тотъ навѣрное пашель бы ихъ совершенно различными и усмотрѣль бы въ однихъ только грубыхъ рабовъ Молоха, а въ другихъ вѣчто такое, чтобы стать сынами Божиими, Фидіями, Софоклами и Платонами, Точно также и предки человѣка навѣрное отличались отъ предковъ животныхъ внутреннимъ тонкимъ выраженіемъ на своей фізіономіи, и какъ изъ глазъ дитяти часто смотритъ на насъ съ удивительнымъ и трогательнымъ глубокомысліемъ его зарождающаяся душа, такъ и сокровенная молчаливая тайна человѣческой души могла выдать себя во взглядѣ и выраженіи первичнаго организма чѣмъ-нибудь понятнымъ, выразительнымъ, глубокимъ. И если бы духъ, проникающій глубину сущности, могъ сквозь глаза этихъ твореній заглянуть въ тайники ихъ душъ и провидѣть печальное искаженіе и аномалии, которымъ впоследствии подверглась человѣческая природа, кто знаетъ, не изрекъ ли бы онъ:

Wie gross war diese Welt gestaltet,

So lang' die Knospe sic noch barg;

Wie wenig ach hat sie entfaltet,

Dies wenige wie klein wie karg (см. S. 130—134).

Такъ какъ и люди и животныя произошли отъ одного прародителя, въ которомъ объединялись свойства, присущія человѣку и животнымъ, то изъ этого вытекаетъ, что существо, отъ котораго произошли и люди и животныя, не могло быть вполне похоже ни на человѣка въ его настоящемъ вполне сформированномъ видѣ, ни на животныхъ. Оно должно было удержать основныя черты того и другаго уклада—занимать средину между ними. Нынѣшняя форма человѣка не есть „даръ природы или божества“, а наслѣдство, доставшеся ему послѣ вѣковаго развитія безъ разумно-свободнаго содѣйствія съ его стороны. Этимъ развитіемъ въ значительной мѣрѣ заправляло психическое начало, живущее въ человѣкѣ, хотя и не свободно. Миръ сновидѣній и ночная жизнь души играли въ этомъ развитіи весьма важную роль (объ этомъ у Снеля говорится въ посмертномъ изданіи, въ главѣ: *Seelentriebe bauen den Leib und bewirken die Höherbildung der Gattungen*). Съ нашей стороны была бы совершенно напрасной попытка воспроизвести образъ

первобытнаго предка, въ которомъ исчезало различіе между животнымъ и человѣкомъ точно такъ же, какъ и ближайшихъ къ нему по времени первенцовъ; мы должны навсегда отказаться отъ мысли воспроизвести ихъ образъ. „Земля въ своихъ глубинахъ скрываетъ ихъ останки, и если мы найдемъ ихъ, то не узнаемъ“.

Признавъ такимъ образомъ, что нельзя возстановить образъ первобытнаго предка, Снелъ тѣмъ не менѣе старается набросать нѣсколько чертъ. по которымъ можно судить о его наружности. Въ первый великій періодъ творенія организмовъ—въ періодъ палеозойскій, когда еще не было населенныхъ странъ, и вся жизнь заключалась въ текущихъ элементахъ, уже находятся основныя черты позвоночныхъ животныхъ, къ которымъ по своей организаціи принадлежатъ и человѣкъ. Обыкновенно всѣхъ позвоночныхъ палеозойскаго періода называютъ рыбами, основываясь только на томъ, что они жили въ водѣ. Съ современными чешуйчатыми рыбами, они не имѣли ничего общаго. Впрочемъ въ ихъ загадочныхъ, странныхъ формахъ мы не должны искать фигуры перваго маіоратнаго владѣльца. Эти формы представляли собою нѣчто сравнительно установившееся, въ нихъ очень замѣтно выступали черты животнаго уклада такъ, что по нимъ можно было гадать о будущихъ младшихъ членахъ фамиліи. Замѣчательно, что въ глубочайшихъ древнѣйшихъ слояхъ перваго періода мы не находимъ никакихъ остатковъ позвоночныхъ животныхъ. Весьма вѣроятно, что тѣ организмы, которымъ предназначено было совершать свое дальнѣйшее развитіе на сушѣ, во время своей жизни въ водѣ не развились до установившихся и твердыхъ формъ, а жили въ ней какъ слабыя головастики, и только по мѣрѣ выхода на воздухъ и на сушу формировались ихъ части и члены, какъ въ наше время это дѣлается съ лягушками. (Это сравненіе Снелля навѣяно на него, очевидно, прежде существовавшими теоріями о происхожденіи человѣка отъ гигатской допотопной лягушки. А эта теорія была подсказана создавшимъ ее отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что лягушка есть единственное изъ животныхъ, имѣющее, какъ и человѣкъ, икры). Такимъ образомъ, эти

первыя позвоночныя животныя могли исчезнуть и вымереть безъ малѣйшаго вреда для дальнѣйшихъ генеалогическихъ родовъ позвоночныхъ животныхъ. Понятно, что творенія съ задатками высшаго развитія должны были трудиться дальше надъ своей внутренней обработкой, пока не выработали себѣ прочныхъ формъ“ (S. 106, 108—110). Таково своеобразное ученіе Снелля.

Отъ нѣмцевъ перейдемъ въ Англію. Ляйэль, какъ и Дарвинъ, склонился здѣсь къ ученію о происхожденіи человѣка отъ обезьяны. Въ своихъ „Основахъ геологіи“ онъ говоритъ объ этомъ неясно, онъ склоняется къ мнѣнію, что человѣческій родъ произошелъ отъ одной пары, мнѣніе, которое понятно, непріемлется эволюціонною доктриною. Но въ сочиненіи „Геологическія доказательства древности человѣка“ онъ рѣшительно становится на сторону эволюціонной теоріи происхожденія человѣка и высказываетъ одну мысль, которой нѣтъ у Дарвина, и ради которой и слѣдуетъ отмѣтить его взглядъ. Дарвинъ происхожденіе человѣка приписываетъ вліянію безконечно малыхъ измѣненій, Ляйэль высказываетъ мысль о возможности скачковъ въ развитіи органическаго міра. „Мы несогласны съ мнѣніемъ, говоритъ онъ, что теорія измѣнчивости и естественнаго подбора необходимо заставляеть насъ принять существованіе совершенно незамѣтнаго перехода отъ инстинкта высшихъ животныхъ къ совершенствующемуся уму человѣка. Рожденіе необыкновеннаго генія отъ родителей, не показывающихъ особыхъ умственныхъ способностей, стоящаго выше своего вѣка или племени, представляетъ явленіе, которое не слѣдуетъ упускать изъ виду при разсмотрѣніи того, не представляютъ ли иногда послѣдовательныя ступени развитія случайныхъ скачковъ и перерывовъ въ непрерывной въ другихъ отношеніяхъ цѣпи психическихъ измѣненій“¹⁰⁾.

Третьимъ англійскимъ ученымъ, предложившимъ свой взглядъ на происхожденіе человѣка, является Уоллэсъ. Уоллэсъ признаеть, что человѣкъ произошелъ отъ животныхъ родоначальниковъ, но только путемъ не одного естествен-

---

¹⁰⁾ Ляйэль, Древность человѣка, стр. 484.

наго, а и искусственнаго подбора. Естественный подборъ сохраняетъ въ борьбѣ за существованіе только приспособленнѣйшихъ, естественный подборъ образуетъ и фиксируетъ только тѣ признаки у животныхъ, которыя имъ полезны. Но при подборѣ искусственномъ подбирающее разумное лицо можетъ фиксировать тѣ или иные признаки ради какой-нибудь отдаленной цѣли. Изучая челоуѣка съ его физической и психической стороны, Уоллэсъ приходитъ къ заключенію, чоо въ физической и психической организаціи дикарей находится много такого, что имъ совершенно ненужно, и что заложено въ нихъ ради отдаленныхъ цѣлей, дикарь, наприм., владѣетъ мозгомъ философа, а на самомъ дѣлѣ ему нуженъ мозгъ немного больше того, который имѣетъ обезьяна. Должно полагать, по Уоллэсу, что большой мозгъ образованъ въ дикарѣ ради его будущаго цивилизованнаго состоянія, когда онъ съ пользою будетъ употреблять его. Мягкая, голая, чувствительная кожа, лишенная волосъ, замѣчательно совершенное строеніе рукъ и ногъ, чрезвычайно сложное строеніе гортани, всѣ эти свойства совершенно ненужныя, а иногда и вредныя для дикарей, понятно, не могли произойти путемъ естественнаго подбора. Относительно сферы духовной Уоллэсъ говоритъ; „многія изъ умственныхъ способностей дикаря не имѣютъ никакого приложенія ни къ отношенію его къ своимъ собратьямъ, ни къ улучшенію матеріальной стороны его существованія. Понятія о вѣчности и безконечности и всѣ чисто отвлеченныя представленія о формѣ, числѣ и гармоніи, играющія такую важную роль въ жизни цивилизованныхъ племенъ, находятся совершенно внѣ круга идей дикаря и не имѣютъ никакого вліянія ни на индивидуальность, ни на его племенное существованіе. Такія свойства, слѣдовательно, не могли развиться путемъ сохраненія полезныхъ формъ мысли, а между тѣмъ мы находимъ случайные слѣды ихъ и при низкой степени цивилизаціи и еще въ такое время, когда они не могли имѣть никакого пракческаго вліянія на благосостояніе отдѣльныхъ особей или семействъ и племенъ. Точно также мы не можемъ объяснить естественныхъ под-

боромъ развитіе нравственнаго чувства или сознанія“ ¹¹⁾. Всѣ эти признаки, однако, необходимы чловѣку для его развитія и они были заложены и развиты въ немъ, по мнѣнію Уоллеса, ради отдаленнѣйшихъ цѣлей цивилизаціи. „Я вывожу изъ этого ряда явленій, говоритъ онъ, оканчивая свое разсужденіе о происхожденіи чловѣка (стр. 328—391), то заключеніе, что нѣкоторое высшее интеллигентное существо давало опредѣленное направленіе развитію чловѣка, направляло его къ специальной цѣли совершенно такъ, какъ чловѣкъ руководитъ развитіемъ многихъ животныхъ и растительныхъ формъ. Законы развитія, сами по себѣ, можетъ быть никогда не произвели бы зерна столь хорошо приуроченнаго къ нуждамъ чловѣка, какъ пшеница или мансъ, не произвели бы такихъ плодовъ, какъ безсѣменные бананы и плоды хлѣбнаго дерева, или такихъ животныхъ, какъ гернейскія дойныя коровы или лондонскія ломовыя лошади. Но всѣ приведенныя формы такъ похожи на тѣ, которыя произведены природой безъ вмѣшательства чловѣка, что мы легко можемъ себѣ представить, что лицо, основательно знакомое съ законами геологическаго развитія органическихъ формъ, не захочетъ повѣрить, чтобы въ произведеніи ихъ участвовала какая то особая новая сила и презрительно отвергнетъ теорію (какъ можетъ быть и моя теорія отвергнута будетъ многими, согласными со мной въ другихъ пунктахъ) — отвергнетъ теорію, что въ этихъ немногихъ случаяхъ нѣкоторая разумная сила для собственныхъ цѣлей направляла и контролировала дѣйствіе законовъ измѣчивости, размноженія и переживанія приспособленнѣйшихъ. Однако, мы знаемъ, что такая сила въ разсматриваемомъ примѣрѣ участвовала, поэтому мы по крайней мѣрѣ должны допустить возможность того, что, если мы не высшія интеллигентныя существа всей вселенной, то нѣкоторое высшее, чѣмъ мы, интеллигентное существо направляло процессъ развитія чловѣческаго рода, направляло при томъ такими тонкими средствами, о которыхъ мы даже не можемъ составить себѣ понятія по тѣмъ,

¹¹⁾ Уоллэсъ, Естественный подборъ, стр. 389.

которыми сами располагаемъ. Въ то же время я долженъ сознаться, что эта теорія неудобна тѣмъ, что требуетъ вмѣшательства какой то разумной индивидуальности въ образованіе того, что мы можемъ разсматривать какъ конечную цѣль всего органическаго міра, т. е. въ образованіе интеллектуальнаго и нравственнаго безконечно совершенствующагося человѣка. Теорія эта заставляетъ допустить, что великіе законы, управляющіе матеріальнымъ міромъ, недостаточны для произведенія человѣка или, по крайней мѣрѣ, мы должны допустить и при томъ на вѣру контроль высшей интеллигенціи, какъ необходимую составную часть этихъ законовъ, настолько же необходимую, насколько необходимо дѣйствіе окружающей среды для развитія органическаго міра¹²⁾.

Противъ теоріи Уоллеса, какъ онъ и предвидѣлъ, возстали очень многіе чистые дарвинисты, можно даже пожалуй сказать, что онъ остается единственнымъ послѣдователемъ своей теоріи. Въ Англии противъ него поднялся Дарвинъ, Стеенструппъ, Клапарэдъ, у насъ въ Россіи противъ него писалъ Вагнеръ. А нѣкоторые русскіе ученые (профес. Петров. Акад. Линдеманъ) поступили съ его теорією очень своеобразно, они перевели на русскій языкъ его книгу о естественномъ подборѣ, выкинувъ изъ ней трактатъ о происхожденіи человѣка и замѣнивъ его заявленіемъ, что и человѣкъ произошелъ по указаннымъ принципамъ естественнаго подбора. На ученіе Уоллеса о происхожденіи человѣка не было сдѣлано никакого намека. Безъ сомнѣнія это самый простой и въ то же время самый цѣлесообразный способъ предохраненія общества отъ вліянія на него идей, которыя переводчику кажутся несостоятельными и вредными.

Изъ Англии перейдемъ во Францію. Здѣсь не безынтересно отмѣтить своеобразное ученіе Нодена о происхожденіи человѣка, поставляемое имъ въ связь съ теорією происхожденія видовъ и—по его мнѣнію—согласное съ ученіемъ Библіи.

---

¹²⁾ Ibid стр. 39:—392.

Исходное начало, изъ котораго развился весь органическій міръ, Ноденъ видитъ въ протоплазмѣ или первоначальной бластемѣ, ни происхожденія ни начала дѣйствованія которой онъ не находитъ возможнымъ объяснить. Подъ вліяніемъ органо-пластической или эволюціонирующей силы изъ бластемы образовались протоорганизмы — весьма простые по своей структурѣ, безполые и обладающіе свойствомъ производить отпрысками мезо-организмы — нѣчто болѣе сложное, чѣмъ они сами. Эти мезоорганизмы въ свою очередь производили существа нѣсколько болѣе сложныя чѣмъ сами. Новопроизводимые организмы отличались не только отъ производившихъ, но и между собою. Такъ отъ поколѣнія къ поколѣнію формы умножались, и природа быстрыми шагами шла къ состоянію зрѣлости. Но существа, о которыхъ идетъ рѣчь, еще не были видами, это были только переходныя ступени, видъ личинокъ, единственная роль которыхъ состояла въ томъ, чтобы быть посредствующими между первоначальной бластемой и опредѣленными формами. Разсѣяныя по различнымъ странамъ земнаго шара, они всюду несли сѣмена будущихъ формъ, которыя должна была произвести изъ нихъ эволюціонирующая сила. Изъ творческой, какою была она вначалѣ, эта сила, истокаясь вслѣдствіе своей собственной дѣятельности, стала консервативной. Тогда формы интегрировались, однако онѣ сохраняютъ остатокъ пластичности, они варьируютъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, и отсюда происходитъ множество формъ, изъ которыхъ нѣкогда тоже могутъ образоваться виды.

Прото и мезо организмы заключали въ себѣ самихъ — каждый сообразно съ своимъ мѣстомъ въ родѣ — рудименты царствъ, типовъ, классовъ, порядковъ, семействъ, родовъ. Мѣста, гдѣ они фиксировались, стали потомъ центрами творенія. Они однако не произвели сразу всѣ формы, которыя заключали въ возможности. Существуютъ значительные интерваллы между послѣдовательными произведеніями живыхъ существъ; чѣмъ объясняется, почему группы одною и того же порядка не были современными.

Органическіе типы — даже и мало различающіеся между собой — не могли произойти одни отъ другихъ. Вообразимъ,

говорить Ноденъ, мезоорганизмъ, который бы былъ порядкомъ млекопитающихъ. Со времени его появленія на землѣ всѣ порядки млекопитающихъ — включая порядокъ чело-вѣка—заклучались бы въ немъ, но очевидно, что мезоор-ганизмъ, отъ котораго впослѣдствіи долженъ былъ произойти порядокъ А, потенциально долженъ былъ отличаться отъ мезоорганизма, отъ котораго имѣлъ произойти порядокъ В, ибо въ каждомъ изъ этихъ мезоорганизмовъ эволюціониру-ющія силы, имѣя произвести въ будущемъ различные по-рядки, были распределены различнымъ образомъ. Явленіе это подобно образованію органовъ въ зародышѣ во время роста. Тамъ мы видимъ, что изъ общаго и единообразнаго начала выходятъ совершенно подобныя части, которыя въ дальнѣйшемъ развитіи различаются между собою.

Изъ этого видно, что Ноденъ призываетъ въ опору сво-ему воззрѣнію эмбриогеническія явленія, въ которыхъ дар-винисты, въ свою очередь, видятъ опору своей теоріи. Но кромѣ того ученый ботаникъ придаетъ много значенія тѣмъ метаморфозамъ, которыя совершаются отъ яйца. Онъ видитъ истинные прото-организмы въ про-эмбрионахъ мушекъ, въ личинкахъ насѣкомыхъ и множествѣ иныхъ низшихъ жи-вотныхъ. Онъ обращаетъ особенное вниманіе на явленіе чередующихся поколѣній (*general alternant*), какъ представ-ляющихъ образъ того, что происходило нѣкогда, или — лучше—какъ воспроизводящихъ отчасти „древній и всеоб-щій процессъ творенія“.

По мнѣнію Нодэна чело-вѣкъ подчиненъ общему закону, и повѣствованіе Моисея есть вмѣстѣ и совершенно истин-ное и глубокое назидательное. Въ своей первой фазѣ чело-вѣчество заключалось въ глубинѣ нѣкотораго временнаго (переходнаго) организма, уже рѣзко отличавшагося отъ дру-гихъ и не могшаго слиться съ ними. Изъ первичной бла-стѣмы, названной въ Библи земнымъ прахомъ (*limon*) является Адамъ. Онъ при своемъ появленіи, собственно говоря, не былъ ни мужчиной, ни женщиной: оба пола не были диф-ференцированы. Изъ этого личинкообразнаго чело-вѣчества эволюціонирующая сила произведетъ видъ. Но для того, чтобы совершилась это великое событіе, нужно, чтобы

Адамъ прошелъ чрезъ состояніе неподвижное и безсознательное, совершенно апалогичное состоянію куколокъ у насѣкомыхъ подверженныхъ метаморфозамъ. Это состояніе было тѣмъ сномъ, о которомъ говоритъ Библія, и въ теченіе котораго совершился процессъ дифференцірованія аналогичный подобному процессу у медузъ и асцидій. Человѣчество, такъ образовавшееся, сохранило въ себѣ достаточно эволюціонную силу, чтобы произвести различныя расы ¹³⁾.

Итогъ различнымъ ученіямъ о происхожденіи человѣка подвелъ Топинаръ въ своей публичной лекціи, прочитанной имъ въ Парижѣ въ 1888 году осенью и отпечатанной въ *Siècl'ѣ*. Считаая наиболѣе вѣроятнымъ то мнѣніе, что человѣкъ произошелъ отъ существа, подобнаго нынѣ существующимъ антропоморфнымъ обезьянамъ, Топинаръ однако сознается, что существуютъ большія трудности для принятія этого мнѣнія. По количеству мозга обезьяна и человѣкъ различаются весьма рѣзко, далѣе, закругленность черепа обезьяны, сходная съ черепомъ молодыхъ млекопитающихъ тоже сильно удаляетъ его отъ человѣка. Мало этого. Въ измѣненіяхъ черепа у обезьяны встрѣчаются такія любопытныя особенности, которыя скорѣе подсказываютъ мысль, что обезьяна произошла отъ человѣка, чѣмъ человѣкъ отъ обезьяны. Принято вообще то положеніе, что въ раннемъ возрастѣ животныя по своей внѣшности напоминаютъ своихъ отдаленныхъ предковъ, а затѣмъ, при переходѣ въ болѣе зрѣлый возрастъ эти атавистическія черты сглаживаются. Но вотъ что замѣчательно: у молодыхъ обезьянъ существуетъ лобъ, а у старыхъ онъ исчезаетъ совсѣмъ. Это наводитъ на мысль, что обезьяны произошли отъ существъ, имѣющихъ лобъ (людей), а не существа, имѣющія лобъ—отъ обезьянъ. Наконецъ, обезьяны животныя лазающія. Считаается однако несомнѣннымъ, что онѣ произошли отъ ходящихъ (*prosimia* или иныхъ). Человѣкъ— существо ходящее. Трудно допустить, чтобы онъ могъ произойти отъ существъ лазающихъ и утратить способность лазанія, способность весьма полезную для него, но легко допустить, что обезь-

---

¹³⁾ О теоріи Нодева см. у *Quatrefages'a l'espèce humaine* 1878 pp. 89 - 91.

яна, происходя отъ ходящихъ, приобрѣла себѣ новую полезную особенность—способность лазанія.

Высказавъ затрудненія для признанія нашего родства съ обезьяною и утвердивъ, однако, затѣмъ, что его должно считать самымъ вѣроятнымъ, Топинарь указалъ на открытіе новаго ископаемаго въ Америкѣ, открытіе, по мнѣнію нѣкоторыхъ проливающее новый свѣтъ на происхождение человѣка. Нашли кости животнаго, которое назвали фенакодомъ. Животное это ходило на четырехъ лапахъ, обладало переднимъ органомъ, прекрасно приспособленный для хватанія и заднимъ исключительно приспособленнымъ къ ходьбѣ. Предплечье его было подвижно и могло встрѣтиться, какъ наше, на своей оси; пальцы рукъ раздѣлены съ отдаленнымъ отъ нихъ большимъ пальцемъ. Тазъ и всѣ кости напоминаютъ довольно слабо, но всетаки напоминаютъ человѣка; спина также, пятка выдающаяся, пальцы ногъ близко прижаты другъ къ другу. Животное держалось въ перпендикулярномъ направленіи на своихъ заднихъ лапахъ. Образъ, какъ оказывается, очень близкій къ человѣку. Но Топинарь замѣчаетъ, что, вѣдь, и ноги слоновъ похожи на ноги человѣка (ихъ часто и принимали за таковыя), и что ничего не сообщаютъ о головѣ этого тайнственнаго фенакода, между тѣмъ какъ голова есть самое главное. Найти родоначальниковъ человѣка весьма трудно, ибо весьма трудно разобраться въ массѣ найденныхъ ископаемыхъ останковъ. Представимъ себѣ, говорить Топинарь, что кому-нибудь показали бы десять тысячъ череповъ и сказали: „узнай черепъ твоего отца и твоихъ родныхъ“. Тѣмъ не менѣе Топинарь не отчаивается, свою лекцію онъ заканчиваетъ такъ: „Что родоначальники человѣка существовали, что человѣкъ есть только высшая степень развитія животнаго, въ этомъ въ наше время никто не сомнѣвается. Что цѣлая пропасть раздѣляетъ теперь человѣка и прочіе виды млекопитающихъ, это также не подлежитъ сомнѣнію, но несомнѣнно также и то, если, впрочемъ, не вѣрить въ Юпитера и Иегову, что эта пропасть есть только дѣло времени, что она вырыта постепеннымъ исчезновеніемъ переходныхъ формъ, стоявшихъ между млекопитающими и человѣкомъ, генеало-

гическое дерево уничтожено и воображеніемъ его возстановить невозможно. Въ такомъ случаѣ лучше воздержаться. Это не значитъ однако, что вопросъ и вовсе неразрѣшимъ, какъ спѣшатъ заявить нѣкоторые робкіе умы. Нисколько. Можетъ быть продолжая генеалогическія раскопки, мы найдемъ когда нибудь пергаменты, отсутствіе которыхъ не позволяетъ намъ установить прошлое нашей расы. Очень можетъ быть, что найдутъ среди осколковъ прошлаго такое существо, которое уже могло считаться человѣкомъ нѣкоторыми своими сторонами въ гораздо большей степени, чѣмъ фенакодъ, а другими приближалось къ обезьянѣ, или къ чему угодно“.

Лекція Топинара пока представляетъ собою послѣднее слово эволюціонистовъ о происхожденіи человѣка.

У всѣхъ авторовъ, мнѣнія которыхъ о происхожденіи человѣка мы привели, и вообще у всѣхъ лицъ, держащихся эволюціонной теоріи происхожденія человѣка необходимо ¹⁴⁾ предполагается, что нужно было огромное число тысячелѣтій, чтобы животное стало человѣкомъ, что нужны были сотни тысячелѣтій или даже болѣе для того, чтобы дикое человѣчество дошло до тѣхъ ступеней культуры, пользоваться благами которой имѣемъ счастье мы. Всякій приемлющій теорію эволюціи, долженъ а priori допустить эти сотни тысячелѣтій. По теоріи эволюціи случайно явился человѣкъ и случайно возвысился до своего настоящаго положенія. Теперь человѣкъ сознательно стремится къ усовершенствованію, но въ прошедшемъ природа вела его къ совершенству и съ своей стороны. Понятно, какъ медленно должно было совершаться такое движеніе. Полезные навыки приобрѣтались медленно и еще медленнѣе укоренялись. Измѣненіе и развитіе организаціи должно бы было совершиться еще тѣмъ медленнѣе. Основанія для сужденія объ этой медленности дастъ намъ наблюденіе надъ природою въ теченіе 4—5 тысячъ лѣтъ или даже болѣе. Мы ви-

---

¹⁴⁾ У Уоллеса необходимо это не предполагается, но онъ, тѣмъ не менѣе допускаетъ глубочайшую древность человѣка, признавая возможнымъ, что человѣчество живетъ, начиная съ эоценовой эпохи.

димъ, что въ историческій 4—5 тысячелѣтній періодъ совсѣмъ не произошло измѣненій въ организмахъ. Когда мы говоримъ: совсѣмъ не произошло, насъ могутъ обвинить въ неточности, указавъ на роды прирученныхъ животныхъ и на виды воздѣланныхъ растений; но дѣло въ томъ, что всѣ измѣненія и новообразованія, произведенныя въ этой области, такого характера, что стоитъ только на немного лѣтъ поставить измѣненныя существа въ прежнія условія. и они возвратятъ свой прежній видъ, который имѣли въ дикомъ состояніи; измѣненія, значить, еще не укоренились въ нихъ. Затѣмъ, эти измѣненія производились путемъ искусственнаго подбора, а измѣненія въ человѣкѣ въ первый періодъ его существованія совершались путемъ подбора естественнаго. Подборъ же естественный необходимо долженъ дѣйствовать неизмѣримо медленнѣе. Принимая во вниманіе все это, многіе эволюціонисты отказываются опредѣлить время прожитое человѣчествомъ, ограничиваясь только указаніями, что это время по всей вѣроятности нужно измѣрять милліономъ или даже много болѣе, чѣмъ однимъ милліономъ лѣтъ.

Сравнительно умѣренную древность человѣку приписываетъ Мортилье. Въ своемъ сочиненіи *Le préhistorique Antiquité*, о каковомъ сочиненіи и о хронологическихъ цифрахъ котораго мы говорили выше, Мортилье даетъ опытъ довольно подробной хронологіи. Хронологіи онъ отводитъ мѣсто въ концѣ своей книги. Онъ послѣдовательно разсматриваетъ различные самой природой предлагаемыя хронометры, на основаніи которыхъ пытались производить хронологическія расчисленія, прилагавшіяся ко временамъ доисторическимъ, расчисленія, основанныя на данныхъ астрономіи, наносовъ швейцарскихъ озеръ, на данныхъ, представляемыхъ дельтами, наносами рѣкъ, бассейномъ de Reuhouet, тиньберскимъ конусомъ, ніагарскимъ водопадомъ, колебаніями почвы, прорываніемъ долинъ, формаціею золотоносныхъ наносовъ, измѣненіями въ фаунѣ и наконецъ, ледниками. Какъ наиболѣе надежныя Мортилье выводитъ данныя для хронологическихъ вычисленій изъ движенія ледниковъ, изъ пространства, пройденнаго великими альпій-

скими ледниками четвертичнаго періода въ ихъ движеніи во всѣ стороны. Относительно движенія настоящихъ ледниковъ Мортилье полагаетъ, что оно равно почти 62 метрамъ въ годъ. Пройденное ими пространство заключается между 110—280 километрами, такъ, что движущаяся масса валуна должна была употребить не менѣе 4468 лѣтъ, чтобы пройти отъ вершины до предѣльнаго пункта горныхъ осадковъ. Мортилье полагаетъ, не говоря почему, что общій наклонъ ледниковъ собственно ледниковой эпохи долженъ бы былъ быть по крайней мѣрѣ въ 5 разъ менѣе, чѣмъ наклонъ четвертичныхъ ледниковъ, что предполагаетъ движеніе ледниковъ въ 5 разъ менѣе быстрое, вслѣдствіе чего 4468, сейчасъ указанныхъ лѣтъ, должны обратиться въ 22340. Затѣмъ, такъ какъ прежніе ледники заходили гораздо далѣе по равнинѣ, чѣмъ ледники теперешніе, то, по мнѣнію Мортилье, послѣднее число нужно еще удвоить такъ, что выходитъ уже 44.680 лѣтъ. Наконецъ періоды стоянія и движенія въ обратную сторону должны занять точно такое же время такъ, что общая сумма лѣтъ ледниковой эпохи доходитъ почти до 90 тысячъ лѣтъ или круглымъ счетомъ до 100.000 лѣтъ. Изъ данныхъ, полученныхъ такимъ образомъ Мортилье извлекаетъ полную систему хронологіи. Раздѣляя продолжительность доисторическаго періода на 100 единицъ, онъ устанавливаетъ слѣдующее отношеніе между его различными эпохами:

Шеллійская или доледниковая .	35
Мустьерская или ледниковая. .	45
Солютрейская .	5
Магдаленская	15
Итого	100

Такъ какъ, присовокупляетъ Мортилье, ледниковая или мустьерская эпоха длилась 100.000 лѣтъ, то приведенное разчисленіе можетъ быть выражено въ годахъ:

Шеллійская	78.000
Мустьерская	100.000
Соллутрійская	11.000

Магдаленская 33.000

Итого . . . 222.000 лѣтъ.

Къ этимъ 222.000 годамъ онъ прибавляетъ 6000 лѣтъ, приходящія на времена историческія, и болѣе 10.000 лѣтъ, приходящихся на періодъ перехода отъ временъ доисторическихъ къ временамъ историческимъ. Всего на всего древность человѣка заключается, по Мортилье, между 230.000—240.000 лѣтъ ¹⁵⁾.

Существованіе предшественника человѣка Мортилье относитъ къ болѣе раннему времени, но однако его хронологія прежде всего касается какого то гипотетическаго существа, которому трудно усвоить имя человѣка. Онъ начинаетъ вести хронологію со времени появленія шелліскаго человѣка, который не имѣлъ дара слова, не имѣлъ даже мускуловъ для управленія языкомъ во время рѣчи. Сколько нужно было прожить этому человѣку, чтобы приобрести способность рѣчи и затѣмъ заговорить. Впослѣдствіи при разборѣ ученія эволюционистовъ о древности человѣка, мы подробно рассмотримъ всѣ имѣющіеся у нихъ и представленные ими до настоящаго времени аргументы въ пользу этой древности, но теперь напередъ замѣтимъ, что если окажется возможнымъ показать, что древность человѣка не можетъ превосходить 20.000, и что человѣкъ всегда былъ человѣкомъ, т. е. имѣлъ религію, цѣнили прекрасное, фабриковалъ орудія, то этихъ двухъ указаній, даже оставляя въ сторонѣ разборъ другихъ положеній эволюціонной теоріи происхожденія человѣка, этихъ двухъ указаній достаточно, чтобы опровергнуть всю теорію.

Намъ слѣдовало бы изложеніе ученія эволюционистовъ окончить изложеніемъ ихъ мнѣнія о родинѣ первоначальнаго человѣчества, но этого сдѣлать нельзя, потому что у нихъ нѣтъ твердо установившихся мнѣній объ этомъ предметѣ. Принимая во вниманіе голую кожу человѣка, которая дѣлаетъ его беззащитнымъ отъ холода, полагають, что колыбель человѣчества должно искать подъ тропиками;

¹⁵⁾ Rev. d. Questions Scientifiques 1883 p. 253—254. T. 13.

исходя изъ того, что ближайшіе родственники человѣка— узконосыя обезьяны, живутъ въ старомъ свѣтѣ, думаютъ искать первые человѣческіе слѣды въ Африкѣ или на Индійскомъ материкѣ, остатки котораго, покрывшагося волнами индійскаго океана, представляютъ собою теперешній Мадагаскаръ и нѣкоторые другіе острова индійскаго океана (Лемурия Геккеля). Въ этомъ мнѣніи можно видѣть нѣкоторую уступку древнѣйшимъ и всеобщимъ преданіямъ человечества, выводящимъ родъ человѣческой изъ Азии, изъ той ея части, которая во всякомъ случаѣ близко лежитъ къ Индійскому океану. Но въ настоящее время уже не держатся этого взгляда. Теорія предшественниковъ человѣка, указывающая нашихъ прародичей блуждающими и въ Бельгии и въ Португаліи и въ Франціи, отняла возможность у эволюціонистовъ отвѣтить теперь на вопросъ, гдѣ же прародичъ этотъ превратился въ человѣка? Начиная господствовать у эволюціонистовъ теорія полифилитическаго происхожденія человѣка заставляетъ ставить вопросъ о нѣсколькихъ центрахъ, гдѣ явился первоначально человѣческой родъ, а отсутствіе данныхъ, проливающихъ свѣтъ на рѣшеніе этого вопроса лишаетъ возможности эволюціонистовъ указывать эти центры для человечества.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

РАЗБОРЪ ДАННЫХЪ ДЛЯ СУЖДЕНІЯ О ПРОИСХОЖДЕНІИ И ПЕРВОБЫТНОМЪ СОСТОЯНІИ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.

ГЛАВА I.

Сравненіе библійскаго и эволюціоннаго ученія о происхожденіи человѣка съ точки зрѣнія потребностей человѣческаго духа. Хрстіанское и эволюціонное ученіе о личности человѣка. Взгляды Библии и эволюціонистовъ на положеніе человѣка въ природѣ и на его будущее. Надежды Тиндала. Мечты Кинне. Безотрадность эволюціонной доктрины.

Мы изложили ученіе Библии и эволюціонную теорію происхожденія человѣка. Мы не ставили цѣли приводить основанія въ пользу богодухновенности библейскаго ученія, но мы привели все главное, что служитъ къ подтвержденію ученія эволюціи. Теперь забывъ пока о всякихъ основаніяхъ, взглянемъ прежде всего на то и другое ученіе со стороны того, насколько каждое изъ нихъ удовлетворяетъ умъ и сердце человѣка. Вопросъ, рѣшаемый ими, открывая человѣку его прошедшее, рѣшаетъ все, охватываетъ всего человѣка, опредѣляетъ положеніе человѣка въ настоящемъ, указываетъ путь человѣку въ будущемъ.

По ученію Библии человѣкъ имѣетъ высокое, весьма высокое происхожденіе: онъ — сынъ Божій, но сынъ отвергнутый за свои преступленія отъ лица Божія. Однако, надежда возвратиться къ своему высокому положенію не отнята совсѣмъ у человѣка, и эта надежда поддерживаетъ и должна поддерживать человѣка въ трудныя минуты жизни. По

ученію Библіи челоуѣкъ имѣеть безсмертнѣй духъ, и этотъ духъ долженъ возвратиться къ Богу, Который и далъ его. Этотъ духъ есть нѣчто единое, недѣлимое и безсмертное. Содержаніе его, однако, не смотря на указанные признаки, не остается неизмѣннымъ. Во 1) онъ имѣеть различныя степени интенсивности. Какъ одинъ и тотъ же свѣтъ можетъ имѣеть различныя степени яркости и то становится слабымъ и едва замѣтнымъ, то ярко свѣтитъ, такъ и сознаніе духа челоуѣческаго, то становится яснымъ, то слабымъ и тусклымъ. Во 2) духъ можетъ имѣеть различныя качества: онъ можетъ обладать или неимѣть тѣми или иными знаніями, можетъ любить добро или зло, можетъ желать для себя или одного или другого. Сообразно съ тѣмъ соотвѣтствуетъ ли то, что окружаетъ челоуѣка, его стремленіямъ или не соотвѣтствуетъ, его духъ бываетъ или счастливъ или страдаетъ. Духъ челоуѣкъ есть духъ личный, всѣ состоянія своего духа челоуѣкъ приурочиваетъ къ своему „я“. По своей природѣ духъ челоуѣка имѣеть тяготѣніе къ Высочайшему Благу или Божеству и вмѣстѣ съ тѣмъ связанъ какими то таинственными нитями нравственнаго тяготѣнія со всѣмъ челоуѣчествомъ. Если настроенность духа (воспитываемыя въ немъ чувства и желанія) соотвѣтствуетъ его природнымъ стремленіямъ, то это будетъ истиннымъ счастьемъ для челоуѣка; если происходитъ обратное, то это есть условіе и причина страданія.

Духъ челоуѣка можно мыслить, какъ нераздѣльную и неслиянную совокупность силъ, которыя координируются и преобразуются подъ тремя различными вліяніями. Во 1) онѣ развиваются по самой своей природѣ. Въ безгрѣшномъ состояніи челоуѣка это развитіе, очевидно, постоянно и непрерывно приближало бы челоуѣка къ Богу и состояло бы прежде всего въ богоуподобленіи, какъ со стороны расширенія познаній, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Но вслѣдствіе грѣховной порчи, передающейся челоуѣку по наслѣдству самая природа духа уязвлена и поражена, и развитіе его, какъ развитіе деревца, пораженнаго болѣзнію, не можетъ быть нормальнымъ и не можетъ соотвѣтствовать той мѣрѣ, для которой челоуѣкъ призванъ къ бытію. Во 2) си-

лы духа развиваются подъ вліаніемъ внѣшнихъ условій и воздѣйствій. На духъ человѣка вліяетъ все окружающее его и соприкасающееся съ нимъ, и это вліаніе можетъ быть добрымъ или злымъ. Въ ряду внѣшнихъ условій, содѣйствующихъ благотворному развитію духа человѣческаго, нужно прежде всего мыслить божественную благодать, подаваемую человѣку для его блага въ таинствахъ, при молитвѣ и т. д. Въ 3) развитіемъ духа заправляетъ „я“ — личное и свободное начало духа. „Я“ человѣка можетъ отчасти регулировать какъ внѣшнія воздѣйствія, такъ и процессы внутренняго развитія духовной жизни.

Представленіе духа, какъ совокупности силъ, не могущихъ быть раздѣленными и не могущихъ во всей своей совокупности слиться съ иными подобными или неподобными силами, объясняетъ намъ неуничтожимость и бессмертность духа. Съ другой стороны, оно же объясняетъ намъ явленія потемнѣнія сознанія, приближеніе его къ нулю, объясняетъ патологию духа, указывая причины всего этого въ неправильномъ сочетаніи силъ духа, вызванномъ какими либо внѣшними или внутренними условіями. Когда подобныя условія исчезнутъ, самосознаніе навсегда станетъ присутствующимъ духу, это будетъ вѣчная личная жизнь — жизнь будущая. Призывая смотрѣть на настоящую жизнь, какъ на приготовленіе къ этой жизни будущей, христіанская религія учитъ человѣка, какъ идти по пути жизни, какъ приготовляться, чтобы эта будущая жизнь была блаженною. Христіанская религія повелѣваетъ человѣку воспитывать въ своемъ сердцѣ чувства любви къ Богу и ближнему, обѣщающая ему въ будущемъ блаженное единеніе въ любви съ ближними и ближайшее и постоянное общеніе съ Богомъ — съ Самою Истиною, Добромъ и Красотою. Человѣку обѣщается созерцаніе славы Божіей, открытіе многихъ тайнъ, утаенныхъ навсегда въ этомъ мірѣ, обѣщается блаженство... Но „не уявися, что будемъ“.

Обратимся отъ христіанскаго ученія къ эволюціонному и выслушаемъ отъ эволюціонистовъ, что такое человѣкъ и духъ человѣка.

Человѣкъ, говорили прежде, есть индивидуумъ, его сознание, его личность недѣлимы, интенсивность его сознания можетъ быть понижена, но его сознание не можетъ двоиться, оно есть цѣлое. „Вѣрно-ли это“? спрашиваютъ эволюціонисты и рѣшаютъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. Прежде каждый организмъ склонны были разсматривать какъ индивидуумъ, полагая, что есть въ немъ какое то объединяющее начало; въ настоящее время такой взглядъ опровергается. Если взять прѣсноводную гидру и разрѣзать ее на нѣсколько частей, то каждая часть ея будетъ жить и превратится въ цѣлую гидру. Наоборотъ если отрѣзать отъ нѣсколькихъ гидръ по куску и съ нѣкоторыми предосторожностями соединить между собою, то можно достигнуть того, что является новое животное, составленное изъ отрѣзковъ и кусковъ. Если первый опытъ представляетъ собою анализъ, то второй есть синтезъ. Тотъ и другой опытъ побуждаютъ измѣнить прежде существовавшее мнѣніе объ организмѣ, ибо показываетъ, что въ организмѣ нельзя мыслить, какъ непременно присущее, какое то начало, объединяющее его и заправляющее имъ. Примѣръ подобный гидрѣ представляютъ земляные черви. Если червя разрѣзать на двѣ части, то являются два червя. Отрѣзанный хвостъ отроститъ себѣ голову, голова-хвостъ. По мѣрѣ восхождения по зоологической лѣстницѣ такіе факты встрѣчаются все рѣже и рѣже, но они не исчезаютъ совсѣмъ. Конечно, если раздѣлить на двѣ части позвоночное животное, оно погибнетъ, но опытъ показываетъ, что части совершенно отнятыя отъ такихъ животныхъ могутъ продолжать жить въ теченіе неопредѣленнаго времени независимо отъ того организма, которому принадлежали, если только эти части будутъ находиться въ благоприятныхъ условіяхъ. Извѣстно, что хвостъ ящерицы, отнятый отъ тѣла животнаго, продолжаетъ вздрагивать въ теченіе нѣкотораго времени, сердце лягушки или ящерицы вынутое и поставленное подъ колоколь для изолированія отъ постороннихъ вліяній, бьется въ теченіи 24 и даже болѣе часовъ. Вульпіянь отрѣзавъ хвостъ у только что образовавшейся лягушки и этотъ изолированный хвостъ продолжалъ расти, питаясь яичными

зернами, находившимися въ подкожныхъ клѣточкахъ; чрезъ 12 дней, когда возрастаніе остановилось за недостаткомъ яичныхъ зеренъ, онъ былъ также развитъ, какъ и у другихъ головастикавъ. Въ хирургіи въ настоящее время практикуются опыты, исходящіе изъ этихъ фактовъ, такъ изъ одного организма (животнаго) вводятъ кровь въ другой (человѣческой), прививаютъ кожу, и кожа, снятая съ одного мѣста тѣла или даже съ другого тѣла приростаетъ на новомъ мѣстѣ. Бэръ произвелъ такой опытъ. Онъ отрѣзалъ лапу крысы и привилъ ее къ боку другой, членъ продолжалъ жить и развиваться, какъ еслибы онъ оставался неизмѣнно на своемъ мѣстѣ.

Это одинъ рядъ фактовъ, показывающихъ, что часть организма можетъ являться независимою отъ организма, но можно привести другой рядъ фактовъ, гдѣ организмъ является только частію, не могущею жить независимо отъ другихъ организмовъ. Таковы, наприм., въ классѣ зоофитовъ, сифонифоры (колонія медузъ и полиповъ. Каждый изъ отдѣльныхъ организмовъ превратился здѣсь въ двигательный или осязательный или половой аппаратъ-органъ цѣлаго. Подобное явленіе представляетъ колонія сальпъ. Можно, далѣе, привести еще такіе факты, гдѣ раздѣленіе организма на части, превращающіяся въ цѣлое, строго ограничено. Таково, наприм., есть одно головоногое, дѣленіе котораго такъ, чтобы отдѣленные части жили самостоятельно, невозможно за исключеніемъ одного щупальца-*Neotocotylus*, который, будучи отдѣленъ, продолжаетъ жить совершенно независимою и самостоятелтною жизнью.

Всѣ эти факты подали поводъ составить теорію полизоизма. Вотъ, сущность этой теоріи. Вирховъ постановилъ вопросъ: „человѣкъ или клѣточка есть индивидуумъ? и отвѣтилъ: „клѣточка“. Клѣточка, дѣйствительно, есть недѣлимое, есть живая единица, человѣкъ есть сумма единицъ, изъ которыхъ каждая собственно представляетъ собою цѣлое. Простѣйшіе многоклѣточные организмы, образуясь изъ соединенія клѣточекъ, плохо централизуютъ ихъ, отъ этого отдѣльныя части организма легко становятся независимыми другъ отъ друга. Въ такихъ организмахъ нѣтъ раздѣленія

труда между частями (органами), каждая часть сама отправляет всё отправленія, свойственныя организму, а потому каждая и способна сама по себѣ жить самостоятельную жизнью. По мѣрѣ поднятія по ступенямъ зоологической лѣстницы, мы встрѣчаемъ организмы, составы которыхъ все болѣе и болѣе сложны, и части которыхъ оказываются болѣе и болѣе централизованными. Являются органы-части приспособленныя спеціально къ одной функціи и неспособныя къ независимому существованію, число этихъ органовъ увеличивается, они координируются, и ихъ строгое соподчиненіе и зависимость отъ центральной части заставляетъ полагать, что организмъ есть недѣлимое цѣлое, хотя на самомъ дѣлѣ справедливо совершенно обратное. Ощущеніе, а слѣдовательно, и сознаніе присуще каждой клѣточкѣ, сознаніе организма есть, говоря языкомъ механики, равнодѣйствующая сознаній клѣточекъ.

Разсматривая лѣстницу органическихъ существъ, мы находимъ, что въ каждомъ изъ нихъ части находятся не въ безусловномъ, а въ относительномъ подчиненіи. Развитие организмовъ, ихъ совершенствованіе состоитъ въ томъ, чтобы возможно больше дифференцировать и возможно сильнѣе подчинить себѣ свои части (оба процесса обыкновенно совпадаютъ). Отсюда возникаетъ въ природѣ борьба за индивидуальность. Очевидно, въ этой борьбѣ торжествуютъ наиболѣе совершенныя, а наиболѣе совершенныя суть тѣ, которые наиболѣе сложны, централизованы и дифференцированы. Клѣточки и пластиды, по Геккелю, имѣютъ тѣмъ большую возможность стать самостоятельными, чѣмъ больше число входящихъ въ ихъ составъ молекулъ плазмы, чѣмъ сложнѣе атомистическій составъ этихъ молекулъ, чѣмъ молекулы зависимѣ другъ отъ друга и отъ цѣлой пластиды, и чѣмъ, наконецъ, сама пластида централизованнѣе и независимѣе отъ высшей индивидуальности. Возможность для органа стать самостоятельнымъ является тѣмъ большею, чѣмъ больше число составляющихъ его пластидъ, чѣмъ эти составныя части зависимѣ другъ отъ друга и отъ цѣлаго органа, и чѣмъ болѣе онъ централизованъ и не зависимъ отъ высшей индивидуальности. Организмъ въ этой лѣстни-

цѣ не является высшею ступенью, онъ можетъ еще быть въ большей или меньшей степени подчиненъ колоніи или обществу. Организмы, говоритъ Геккель, тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ разнороднѣе ихъ органологическое и гистологическое строеніе, чѣмъ разнообразнѣе функции ихъ составныхъ частей, чѣмъ эти части зависимѣ другъ отъ друга и отъ всего цѣлаго, и чѣмъ самъ организмъ централизованѣе и не зависимѣ отъ высшей индивидуальности колоніи. Колоніи или общества тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ разнороднѣе составляющіе ихъ организмы, органы и ткани, чѣмъ зависимѣ пластиды, органы и антимеры, метамеры и личности между собой и отъ всей колоніи и чѣмъ централизованнѣе самая колонія. ¹⁾

Человѣкъ, являясь организмомъ, можетъ утратить свою самостоятельность и стать вслѣдствіе раздѣленія труда органомъ общества. Чѣмъ разностороннѣе, цѣлостнѣе будетъ человѣкъ (наприм., крестьянинъ, умѣющій удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ), тѣмъ онъ совершеннѣе для себя, но общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ одностороннѣе его члены (сапожникъ, занимающійся исключительно однимъ дѣломъ, будетъ усовершенствовать его постоянно, точно также и въ каждой иной отрасли труда). Г. Спенсеръ воспользовался этой теоріей для своей социологіи, видя процессъ въ подчиненіи личности обществу. Отношенія личности къ обществу мы можемъ наблюдать и на основаніи этихъ наблюденій должны признать, что здѣсь существуютъ отношенія, отмѣчаемыя Спенсеромъ, но въ организмѣ, органахъ и т. д. есть ли то, что желалъ видѣть въ нихъ Геккель, иначе, справедлива ли гипотеза полиизоизма, чѣмъ подтверждается она. Основанія для признанія ея истинной по отношенію къ человѣку (истинность ея по отношенію къ низшимъ организмамъ считается доказанной фактами), находятъ въ явленіяхъ патологическихъ, подлежащихъ изслѣдованію психіатріи. Человѣкъ, какъ организмъ высокой степени совершенства, крѣпко подчинилъ себѣ отдѣльныя части свои и строго централизовалъ ихъ, но это такъ

1) См. Fenerelle Morphologie der Organismen. G. I. S. 372.

только въ чловѣкѣ нормальномъ. Въ болѣзняхъ нормальность нарушается, централизація исчезаетъ. Это происходитъ при болѣзняхъ духа, при явленіяхъ гипнотизма и при нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ, въ которыхъ прежде склонны были видѣть нѣчто чудесное. У страдающихъ психическими болѣзнями и у гипнотизированныхъ можно наблюдать раздвоеніе сознанія: ихъ „я“—это недѣлимое прежнихъ метафизиковъ—раздѣляется на части, и каждая изъ этихъ частей выступаетъ съ своей особой фізіономіей, какъ цѣлое. При явленіяхъ гипнотизма мы видимъ, что чловѣкъ загипнотизированный свободно дѣйствуетъ тѣми органами для управленія которыми нѣтъ произвольнойдѣйствующихъ мускуловъ и, наоборотъ, перестаетъ владѣть тѣми, которыми владѣлъ прежде. Въ средніе вѣка происходило съ нѣкоторыми—особенно съ нервными женщинами—такое явленіе: у нихъ на тѣлѣ выступала кровь, на тѣхъ мѣстахъ, которыя у Иисуса Христа при распятіи были проколоты гвоздями и копіемъ. Какъ объяснить это? Это и пытаются объяснить тѣмъ теперь, что у этихъ лицъ организмъ сталъ, такъ сказать, развинченнымъ, расшатаннымъ вслѣдствіе ненормальности соотношенія органовъ тѣ, которые прежде стояли независимо отъ воли, теперь какимъ то образомъ вступили съ ней въ соотношеніе, и вотъ, воля безсознательно начала направлять кровь подъ вліяніемъ религіознаго возбужденія на указанные выше мѣста тѣла. Здѣсь мы видимъ и раздвоеніе духа и децентрализацію въ организмѣ ²⁾.

Теорія полизоизма восполняетъ теорію эволюціи органическаго міра, она представляетъ намъ, какъ увеличивалось жизнесознаніе у организмовъ по мѣрѣ поднятія ихъ по біологической лѣстницѣ путемъ суммированія отдѣльныхъ сознаній. Таже борьба за существованіе, тотъ же подборъ, которые дѣлали его болѣе сложнымъ физически, дѣлали его

²⁾ Изложеніе новой теоріи индивидуальности смотри у Maisonneuve'a *L'individualité animale* (R. Q. S. Г. XI.) У насъ на Руси изложеніе это сдѣлано Михайловскимъ въ статьяхъ „Борьба за индивидуальность“ (Отеч. Зап. 1875 г.) и „Паталогическая магія“ (Сѣверн. Вѣст. 1887 г.), Брантомъ въ статьѣ „Животн. индивидуумъ“ Вѣст. Европы. 1877.

болѣе сложнымъ психически. Но какъ ни крѣпко сливала природа организмы, дѣлая ихъ цѣлостными, проницательный взглядъ Геккеля и другихъ усмотрѣлъ швы ея шитья и возстановилъ исторію этого долгого процесса, такъ точно, что какъ не сливались въ сложномъ сознаніи его простѣйшіе элементы, послѣдніе не ускользнули отъ изслѣдованій ученыхъ: ихъ открыли, стали изучать, и вотъ, возникла теорія, дальнѣйшая разработка которой принадлежитъ будущему. Но эта дальнѣйшая разработка не будетъ имѣть философскаго значенія. На вопросъ что такое духъ и „я“ человѣка? вполнѣ отвѣтила сущность теоріи. Нельзя не видѣть, что этотъ отвѣтъ эволюціонной теоріи глубоко пессимистиченъ, хотя въ то же время должно признать, что онъ съ необходимостію слѣдуетъ изъ самыхъ основаній теоріи. „Я“ человѣка, согласно этому отвѣту, въ сущности есть ничто, оно складывается изъ множества чрезвычайно зыбучихъ и неустойчивыхъ элементовъ, оно постоянно мѣняется, оно есть продуктъ формы (сочетанія элементовъ) и исчезаетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ этой формы. Эволюціонисты, пріемлющіе эту теорію, должны бы были быть людьми глубоко смиренными, во всякомъ случаѣ они не имѣютъ права такъ заносчиво противопоставлять свое „я“ или хотя бы даже и „мы“ другимъ лицамъ и обществамъ.

Тѣмъ не менѣе и эволюціонная теорія, какъ и христіанская религія, видитъ въ человѣкѣ высшее созданіе на землѣ, но по ученію христіанскому высшее мѣсто принадлежитъ человѣку по праву, данному ему свыше, по ученію же эволюціонистовъ человѣкъ является выскочкой—*parvenu*. По ученію христіанскому человѣкъ долженъ стремиться къ болѣе высшему, чѣмъ настоящее положеніе, долженъ мудрствовать горняя, а не земная. Эволюціонная теорія тоже внушаетъ нѣкоторыя надежды человѣку, но только эти надежды, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются далеко не радужными. Эволюціонисты не сулятъ загробнаго блаженства, не обѣщаютъ личнаго счастья, мало этого, они сомнѣваются даже въ счастья нашихъ потомковъ: если одинъ экономистъ (Марксъ) выразилъ нежеланіе стирать на кухнѣ будущаго человѣчества, т. е. готовить счастье своихъ дѣтей, то

тѣмъ болѣе, конечно, не желательнымъ для многихъ явится работать для чего то неизвѣстнаго, соперничать, какъ выражается Гальтонъ, въ сотвореніи (благополучія) какого то X.

Тиндаль, признавая, что въ современную эпоху для человѣческаго пониманія не доступно превращеніе матеріи въ мысль и чувство, выражаетъ надежду, что „можетъ быть наступитъ время, когда откроется та закрытая для насъ, недоступная наукѣ область, когда изслѣдованія, если и не человѣческія, то какихъ либо другихъ земныхъ существъ, приподнимутъ скрывающую ее завѣсу“ ³⁾, т. е. высказываетъ надежду, что эволюція не остановится на человѣкѣ, но что явятся новыя существа, стоящія неизмѣримо выше человѣка, богатая мудростію, можно полагать, и счастьемъ. Относительно того, будутъ ли эти существа нашими потомками или произойдутъ (отъ какихъ-нибудь еще организмовъ); Тиндаль не говоритъ ничего. Но вотъ что говорить Кинэ.

„Самые компетентные ученые говорятъ намъ, что твореніе не кончилось, что оно не остановится на человѣкѣ, что оно произведетъ новыя цвѣты и новыхъ животныхъ, міръ высшій, чѣмъ міръ человѣчества.... Страшное пророчество! оно превосходитъ всѣ пророчества Исаи и Іезекииля. Въ послѣднихъ говорилось о несчастныхъ монархіяхъ: Египтѣ, Мидіи, Вавилонѣ, осужденныхъ на гибель, теперь дѣло идетъ не о монархіи, а о всемъ родѣ человѣческомъ. Его изчезновеніе предсказано. Его дни сочтены. Настанетъ часъ, когда его не станетъ, и однако земля будетъ еще обитаемою. Этотъ послѣдній пунктъ тяготитъ насъ всего болѣе.

Человѣкъ, дѣйствительно, зналъ, что онъ не безсмертенъ, но доселѣ онъ былъ убѣжденъ, что, если онъ долженъ погибнуть, то все то, что имѣло жизнь, должно погибнуть вмѣстѣ съ нимъ. Онъ воображалъ, что онъ такъ сильно овладѣлъ землею, что она можетъ принадлежать только ему. Мысль имѣть пресмычковъ никогда не закрадывалась въ его душу. Если онъ когда нибудь изчезнетъ изъ міра,

³⁾ Тиндаль, Научный матеріализмъ, стр. 75. (Природа 1875, 3).

то пустота міра никогда не наполнится. Онъ вѣрилъ, что онъ наполняетъ собою небо,

Всегда человѣкъ представлялъ, что онъ былъ необходимъ для вселенной такъ, что, если онъ исчезнетъ, вселенная исчезнетъ съ нимъ. Онъ даже воображалъ, что въ началѣ вещей одно его паденіе повлекло за собою паденіе всей природы, все затемнилось вмѣстѣ съ нимъ. Что же будетъ съ уничтоженіемъ всего его рода? Безъ сомнѣнія, уничтоженіе всего дышащаго. Его послѣдній день долженъ быть днемъ ужаса для вселенной.

Безъ него нѣтъ жизни, нѣтъ прогресса, земля бы была пустою и ненаполненною, она стала бы сиротою, вѣчно оплакивавшею исчезновеніе человѣка, земной шаръ сталъ бы кладбищемъ, всюду молчаніе, холодъ суровыхъ пустынь. Для того, чтобы достаточно оплакать гибель человѣка, нуженъ плачь земли и неба.

Вотъ какъ этотъ полубогъ утѣшалъ себя въ смерти смертью всего того, что имѣетъ въ настоящее время жизнь въ мірѣ. Какой цвѣтокъ осмѣливается еще благоухать и подниматься, какая птица пѣтъ, когда міръ будетъ въ такомъ вдовствѣ? Звѣзды должны упасть съ небеснаго свода.

Напротивъ, теперь намъ нужно привыкать къ новой мысли, что человѣкъ пройдетъ, какъ прошли аммониты и первичные тростники, а что другія жизни болѣе полныя, безъ сомнѣнія, лучшія, чѣмъ его, станутъ на его мѣсто. Отъ всего того шума, который производился человѣческимъ родомъ, что останется тогда? То, что осталось отъ стрекотанья насѣкомыхъ въ каменноугольномъ лѣсу.

Какъ неужели возможно, что бы бытіе высшее, чѣмъ человѣкъ, явилось когда нибудь, чтобы господствовать, какъ человѣкъ господствуетъ теперь надъ животными. Что же это высшее существо оттиснетъ человѣчскій родъ въ лѣса, на острова, какъ мы въ настоящее время отѣснили бизонъ и козъ? Такимъ ли образомъ суждено ему погибнуть?

Гордость человѣка есть также и его могущество. Извѣстно теперь, что онъ властитель природы, и это помогаетъ ему

оставаться на высотѣ его положенія. Но если неожиданно эту абсолютную власть стануть у него оспаривать, если бы на углу какой нибудь скалы онъ встрѣтилъ своего владыку, я опасаясь, что бы онъ тотчасъ же не потерялъ прибрѣтенныхъ способностей, ибо нѣтъ царей, которые переживали бы ихъ низверженіе. Ставь владыкою земли, какъ {представить себѣ домашнее животное своимъ преемникомъ. Такое разочарованіе уничтожило бы его. Стыдъ, позоръ стали бы его удѣламъ, его душа впала бы въ тоску. Когда нельзя принять второй роли ни сохранить первой, нужно удалиться со сцены.

Допустимъ появленіе на землѣ этого преемника человѣка, этого торжествующаго наслѣдника такимъ, какимъ его представляютъ геологи, будетъ ли возможно, чтобы онъ не удивлялся, какъ и мы, нашимъ искусствамъ, нашимъ поэтамъ, Венерѣ Милосской, Гомеру, Рафаэлю? по крайней мѣрѣ онъ уважалъ бы нашу Геометрію? Да, можетъ быть, подобно тому, какъ мы удивляемся и уважаемъ шестиугольные ячейки пчель или гнѣздо птицы. Какой прелестный полиповый рифъ! воскликнулъ бы онъ, созерцая партенонъ. Какое прекрасное пѣніе птицы! Это была бы Илиада.

Въ предчувствіи безсмертія нѣтъ ли чего-нибудь, чтобы отвѣчало указаніямъ науки. Въмѣсто смерти и гроба, мы призываемъ міръ лучшій, жизни болѣе совершенныя, формы болѣе прекрасныя, существа болѣе законченныя. Эту вѣру не исторгнуть изъ сердца человѣка. Я не желалъ бы ограничивать этой вѣры только предвосхищающимъ созерцаніемъ развитія жизни сквозь будущіе геологическіе вѣка. Несомнѣнно, что въ этомъ инстинктѣ міра лучшаго находится законъ, который теперь открытъ, опубликованъ, объявленъ наукою о природѣ⁴⁾.

Подъ этимъ патетическимъ пророчествомъ подпишутся безъ сомнѣнія, лишь очень немногіе люди науки. Во 1) большинство, признавая, что въ человѣческомъ родѣ развитіе будетъ происходить теперь даже быстрѣе, потому что самъ человѣкъ сознательно будетъ содѣйствовать ему, пола-

---

⁴⁾ Quinet, la création. T. 2 p. 412—419. 1870.

гають, что послѣдующія, *вышечеловѣческія* существа, которыя будутъ населять землю, имѣють произойти отъ челоѣка же. Во 2) принимая во вниманіе имѣющіе произойти, согласно предположеніямъ физиковъ и астрономовъ, охлажденіе солнца, полагають, что въ недалекомъ будущемъ на землѣ начнется регрессъ, имѣющей закончиться смертію всего существующаго. Это второе имѣють въ виду всѣ допускающіе даже и то, что эволюція на землѣ пройдетъ еще нѣсколько стадій. Это второе для насъ особенно важное. Принимая его во вниманіе, жизнь земли можно уподобить жизни всякаго организма. Какъ организмъ переживаетъ двѣ стадіи: возрастанія и упадка, такъ точно будетъ и съ землею. Смерть, неизбѣжная смерть въ будущемъ. Ночь Байрона наступитъ, и нѣтъ возможности не только предотвратить, но даже и отсрочить ее.

Нѣкоторые эволюціонисты надѣются, что жизнь, затеплившаяся нѣсколько лѣтъ тому назадъ на землѣ, не исчезнетъ и не погибнетъ, что тѣ существа, въ которыхъ эта жизнь достигнетъ наибольшей интенсивности, и сознаніе которыхъ будетъ стоять особенно высоко, когда на землѣ жизнь будетъ становиться невозможною, переселятся на иной изъ небесныхъ міровъ. Конечно, можно мечтать о чемъ угодно, но не говоря уже о фантастичности и произвольности такихъ мечтаній, противъ нихъ можно противопоставить слѣдующія возраженія. Изслѣдованія небесныхъ міровъ съ несомнѣнностію раскрыли, что ни на одномъ изъ тѣхъ міровъ, которые намъ извѣстны, жизнь невозможна и, слѣдовательно, ея нѣтъ на нихъ. Спрашивается, куда же переселятся обитатели земли? Очевидно, на какіе то проблематическіе, никому неизвѣстные, ни кѣмъ пока не виданные міры. Далѣе, какъ возможно такое переселеніе? Сама ли земля, двигаясь вмѣстѣ съ солнцемъ въ пространствѣ, принесетъ своихъ обитателей къ какой-либо планетѣ въ созвѣздіи Лиры или Геркулеса (по направленію къ этимъ созвѣздіямъ движется солнечная система), или сами обитатели земли, придумавъ совершеннѣйшіе способы переселенія, переселятся на иной міръ? Первое невозможно, ибо столкновеніе со всякимъ твердымъ небеснымъ тѣломъ должно неминуемо сопровож-

даться гибелью для всего существующаго на землѣ. Второе невозможно не говоря о множествѣ другихъ причинъ, по той же причинѣ, какъ и первое (какъ только какое-нибудь тѣло попадетъ въ область центральнаго притяженія какого-либо небеснаго міра, оно понесется по направленію къ нему, увеличивая въ десятки, въ сотни разъ свою скорость вслѣдствіе постояннаго дѣйствія, постоянно увеличивающейся силы тяжести и поэтому съ страшною силою, ударится о поверхность новаго міра). Да, затѣмъ, куда бы не переносилась жизнь, она не можетъ быть вѣчною. Жизнь есть горѣніе. Вселенная горитъ. „Свѣтитъ, говоритъ Петефи, можно только угасая“, жить тоже можно, только угасая. Вся вселенная должна когда либо стать мертвой пустыней. Жизнь вселенной, говоря языкомъ науки, есть переходъ потенціальной энергіи въ кинетическую. Когда исчезнетъ вся потенціальная энергія, исчезнетъ и жизнь. Процессъ міровой жизни можно представить такимъ образомъ. Въ безконечномъ пространствѣ въ различныхъ направленіяхъ, съ различными скоростями двигаются различной величины атомы. Въ этомъ, по мнѣнію эволюціонистовъ, объясняющихъ все изъ движенія матеріи, и заключается все бытіе. Не трудно видѣть, что произойдетъ въ будущемъ со всѣми этими движеніями. Для этого нужно только припомнить положеніе механики, что сталкивающіяся тѣла ⁵⁾ послѣ столкновенія — хотя бы раньше имѣли и различныя скорости и двигались въ различныхъ направленіяхъ — будутъ имѣть равныя скорости и двигаться въ ономъ направленіи. Разнообразіе исчезнетъ, все будетъ однимъ, слѣдовательно, все будетъ ничѣмъ. А что дѣйствительно по естественнымъ законамъ таковымъ должно быть будущее вселенной, это признали величайшіе авторитеты — Секки, Гельмгольцъ. Необходимое условіе жизни есть теплота (родъ движенія). Но теплота стремится къ равномѣрному распредѣленію во всей вселенной, и какъ бы ни былъ отъ насъ отдаленъ этотъ моментъ

---

⁵⁾ Это положеніе относится къ тѣламъ, не имѣющимъ упругости, но атомы, какъ обладающіе абсолютною твердостью, совершенно лишены упругости.

погруженія вселенной въ нирвану, онъ необходимо долженъ наступить, если только въ слѣдствіе причинъ сверхъестественныхъ земля и яже на ней дѣла не сгорятъ ранѣе опредѣленнаго для ихъ уничтоженія срока по естественнымъ законамъ, и явятся новое небо и новая земля.

По законамъ естественнымъ все должно погибнуть. Если бы человѣку сказали, что только онъ небезсмертенъ, тогда, пожалуй, для него еще было бы возможно утѣшеніе. Онъ могъ бы утѣшаться мыслию, что будутъ жить его потомки, что то, что онъ любитъ, чему служить — наука, искусства могутъ процвѣтать послѣ него. Но наука показываетъ человѣку, что все, что создаетъ природа или самъ человѣкъ, все это должно погибнуть неминуемо и безслѣдно. Это ставить въ страшную дисгармонію съ природою все то, что есть добраго и высшаго въ человѣкѣ — его стремленіе къ истинѣ, его нравственное чувство. Теорія эволюціи не объясняетъ этой дисгармоніи и тѣмъ болѣе не находитъ для нея ничего примиряющаго. Предки человѣка были звѣри. Нельзя полагать, чтобы они были особенно счастливы. Настоящая жизнь тоже не очень привлекательна для человѣка. Болѣзненный крикъ вырывается изъ его груди при рожденіи и съ мучительнымъ хрипѣніемъ онъ сходить въ могилу. Между первымъ и послѣднимъ стеваніемъ лежитъ много горя, скорбей и страданій. Глядя на окружающее, человѣкъ тоже наталкивается вездѣ на картины болѣзни, страданія и разрушенія, его ближніе страдаютъ также въ одиночку, потому что взаимное довѣріе давно исчезло съ земли. Люди безпричинно ненавидятъ другъ друга и ведутъ ожесточенную борьбу между собою, борьбу если не всегда прямо за жизнь, то постоянно за лучшую жизнь, борьбу изъ за славы, изъ за лучшаго куска на пиру жизни. Въ будущемъ человѣкъ ожидаетъ безслѣдное уничтоженіе. Зачѣмъ же вся эта масса страданій, горя, бѣдствій призывалась къ бытію? Только съ одной точки зрѣнія возможно удовлетворительное и понятное объясненіе причины существованія этого міра, именно, если мы признаемъ, что за этой видимой природой скрывается природа невидимая, что эта наша ко-

нечная жизнь есть только приготовленіе къ жизни безконечной. Эта точка зрѣнія есть христіанская.

Дарвинъ, Ляйэлъ и Леббокъ выражаютъ недоумѣніе, почему эволюціонная теорія происхожденія человѣка считается антирелигіозною ⁶⁾). Леббокъ, устремляя свой взоръ въ отдаленное будущее, когда человѣкъ всѣхъ животныхъ сдѣлаетъ домашними и всѣ растенія культивированными, когда человѣкъ будетъ блаженнымъ владыкою земли, заканчиваетъ свою рѣчь такъ; „великій принципъ естественнаго подбора, который представляетъ такую же важность для біологіи, какъ законъ тяготѣнія для астрономіи, не только проливаетъ неожиданный свѣтъ на прошедшее, но освѣщаетъ надеждою и будущее; и я не могу понять, почему теорія проповѣдующая намъ смиреніе предъ прошлымъ, вѣру въ настоящее и надежду на будущее, можетъ считаться нѣкоторыми противною основамъ христіанства или интересамъ истинной религіи“ ⁷⁾).

Какъ ни странно звучать эти слова, мы тѣмъ не менѣе, вѣримъ въ ихъ искренность. Леббокъ, можетъ быть, принадлежитъ къ числу тѣхъ здоровыхъ людей, которые довольны собою и окружающими, довольны поэтому и теоріей, не призывающей ихъ вносить измѣненія въ жизнь, напротивъ одобряющей ихъ занятію (практическія) и освящающей свободу изслѣдованія. Но странно какимъ образомъ Леббокъ или кто другой могутъ допускать совмѣстимость началъ христіанства съ эволюціонною теоріею. Эволюціонная теорія, правда, проповѣдуетъ смиреніе, но и отвращеніе къ этому прошлому. Что касается до вѣры въ настоящее, то трудно понять, какая мысль соединяется у Леббока съ этими словами, они поставлены имъ, вѣроятно для большей окруженности періода. Остается надежда на будущее. Эту надежду въ нѣкоторыхъ предѣлахъ дѣйствительно могутъ питать эволюціонисты. Но во 1) эта надежда, собственно говоря, можетъ простираться только на одно то, что у че-

---

6) См. Дарвина „О происхож. челов.“ Т. 2 стр. 441—442, Ляйэля „Геслогич. доказат. древ. челов.“ стр. 483.

7) Леббокъ, Доисторическія времена, стр. 427.

ловѣка увеличится могущество, что онъ болѣе подчинить себѣ природу, чѣмъ подчинялъ ее прежде. Во 2) какъ сказано, эта надежда должна омрачаться горькимъ сознаниемъ, что могущество человѣка не будетъ особенно продолжительнымъ. Впереди смерть, смерть для всего человѣчества, для всей вселенной. О какихъ же прочныхъ надеждахъ и упованіяхъ возможно разсуждать въ виду этого страшнаго факта. Все уничтожится, все погрузится въ бездну нирваны, въ бездну безразличія. Видя все стремящимся къ уничтоженію, эволюціонистъ не можетъ найти ни одного твердаго пункта, на который онъ могъ бы опереться, съ котораго онъ могъ бы созерцать измѣненія бытія. Все движется, нѣтъ ничего постояннаго. Самъ человѣкъ есть только сумма зыбучихъ измѣняющихся элементовъ, и все есть нѣчто неустойчивое, подвижное—и красота, и добро и истина (существуетъ ли такая вещь, какъ объективная истина? спрашиваетъ Геккель ¹⁾). Въ этомъ своемъ последнемъ выводѣ новѣйшее ученіе 19-го вѣка идетъ еще далѣе, чѣмъ ученіе о маи древней Индіи: все призрачно. Это новѣйшее ученіе, проповѣдующее нищиму и слѣпому и всему слабому уничтоженіе и гибель и утверждающее, что нѣтъ ничего достаточно сильнаго, чтобы не быть уничтоженнымъ, это ученіе должно вселять въ умъ робость, страхъ и отчаяніе.

Позволительно думать поэтому, что на сторону этого мрачнаго ученія становятся только тѣ, которые не достаточно обняли и уразумѣли его и не достаточно вникли во всѣ его подробности, и еще тѣ, которые незнакомы совсѣмъ или знакомы неудовлетворительно съ инымъ ученіемъ, основатель котораго призывалъ къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, Который открылъ имя Отца своего людямъ (Любовь) и Который сказалъ своимъ послѣдователямъ, что послѣ того, какъ они будутъ имѣть скорбь въ этомъ мірѣ, они получаютъ въ удѣлъ новое царство, новую землю, нарекутся сынами Божиими, будутъ жить жизнію безконечною и блаженною.

---

¹⁾ Прочны ли выводы естествознанія о происхожденіи жизни и человѣка? стр. 26. Христіан. Чт. 1880 г. Январь.

Но можетъ быть на сторонѣ эволюціоннаго ученія стоитъ правда. Въ такомъ случаѣ его, очевидно, нужно принять, не останавливаясь предъ тѣми выводами, которые оно влечетъ за собою. Но на самомъ ли дѣлѣ оно такъ основательно, такъ непоколебимо, какъ это представляется многимъ? Мы попытаемся теперь представить по возможности достаточныя основанія для отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ.

ГЛАВА 2-я.

Критическія замѣчанія на эволюціонную теорію вообще. Ея необоснованность. Могли ли тѣ факторы, которымъ Дарвинъ приписываетъ образованіе животныхъ видовъ, произвести приписываемыя имъ дѣйствія? Подтверждаютъ ли дарвинизмъ дѣйствительность и геологія? Новыя эволюціонныя системы, вызванныя сознаниемъ неудовлетворительности системы Дарвина. Теоріи наслѣдственности, Брукса Геринга, Геккеля и Вейсмана. Критическія замѣчанія на нихъ. Теоріи происхожденія видовъ Келликера и Негели. Дополненія Роменса къ теоріи Дарвина. Критическія замѣчанія на новыя ученія.

Теорія эволюціи была прежде всего приложена къ объясненію происхожденія животныхъ видовъ и затѣмъ распространена на человѣка. По мнѣнію многихъ эволюціонистовъ, мнѣнію, которое должно признать совершенно правильнымъ, то обстоятельство, что теорія эволюціи окажется справедливою по отношенію къ животнымъ типамъ, не доказываетъ еще, что она необходимо должна быть распространена и на человѣка. Животныя могли произойти отъ первѣхъ организмовъ путемъ естественнымъ чрезъ перерожденіе, а человѣкъ могъ быть непосредственно созданъ Богомъ съ своей физической стороны по подобію животному, а съ духовной стороны по образу и подобію Божію. Но если теорія эволюціи окажется несправедливою въ приложеніи къ животному міру, то тогда нечего и разсуждать эволюціонистамъ о происхожденіи чело-

вѣка. Мы стараемся показать, что эта теорія далеко не обоснована, что противъ нея ставятся многими серьезныя возраженія, которыя доселѣ не устранены эволюціонистами. Изъ чего само собою должно вытекать, что провозглашеніе происхожденія человѣка отъ животныхъ типовъ путемъ эволюціи научнымъ догматомъ не можетъ быть признано правдою. Животное происхожденіе человѣка является только выводомъ (не слѣдующимъ съ необходимостью) изъ необоснованнаго предположенія.

Антидарвинисты прежде всего направляютъ свои возраженія на принципы развитія организмовъ, провозглашенные Дарвиномъ; они утверждаютъ, что эволюціонные факторы Дарвина не могли произвести того, что имъ приписывается и что въ наблюдаемой дѣйствительности мы невидимъ эволюціоннаго прогресса. Изложимъ кратко ихъ соображенія объ этомъ.

Для того, чтобы теорія Дарвина была правильною, нужно, какъ разсуждаетъ Данилевскій, чтобы измѣнчивость (первый эволюціонный факторъ) въ организмахъ имѣла слѣдующіе признаки: постепенность, неопредѣленность, безграничность и мозаичность. Если нѣтъ постепенности, а существуютъ скачки, то тогда собственно теорія Дарвина не при чемъ, ибо причина такихъ скачковъ неизвѣстна, и рычагъ, который управляетъ развитіемъ организмовъ, такимъ образомъ окажется тайной. А между тѣмъ можно указать, какъ въ ботаникѣ, такъ въ зоологіи и даже антропологіи примѣры такихъ скачковъ. Вотъ примѣры, приведенные Данилевскимъ изъ ботаники. „Можетъ ли кто въ здоровомъ умѣ надѣяться получить яблоко перваго достоинства или сочную тающую грушу отъ дикой груши?“ спрашиваетъ Дарвинъ ¹⁾. „Мои опыты, отвѣчаетъ знаменитый садоводъ Декенъ, прямо показываютъ, что мы можемъ получать хорошія разновидности, высѣвая сѣмена дикихъ грушъ, и очень дурныя — высѣвая сѣмена нашихъ улучшенныхъ породъ“. Другими подобными примѣрами являются внезапное появленіе однолистной земляники въ Версалѣ въ 1863 г., кипа-

---

1) Прируч. животныя и воздѣл. раст. 11 стр. 28.

рисъ, дающій изъ сѣмянъ пирамидальную разновидность и біота, дающая разновидность плакучую. Подобные примѣры можно указать въ зоологіи. Въ Америкѣ въ Парагваѣ— водится племя безрогаго скота, происшедшее отъ безрогаго быка, родившагося отъ рогатыхъ родителей ²⁾). Самые голуби, такъ излюбленные Дарвиномъ: гонцы, дутыши, турманы произошли вовсе не вслѣдствіе постепенной измѣнчивости, а вслѣдствіе неожиданнаго рожденія отъ обыкновенной самки голубей съ рѣзкими особенностями, какъ это допускаетъ и самъ Дарвинъ. У людей мы видимъ тоже подобныя явленія. Такъ шестипалыя дѣти рождаются отъ родителей, имѣющихъ по 5 пальцевъ, и часто передаютъ свою шестипалость слѣдующимъ поколѣніямъ. Точно также альбиносы рождаются отъ людей съ обыкновенными глазами. Всѣ эти примѣры показываютъ, что измѣненія въ организмахъ происходятъ скачками, а не съ строгою постепенностію. Относительно того, безгранична ли измѣнчивость, или нѣтъ, нельзя съ твердой увѣренностію сказать ничего рѣшительнаго. Судя по наблюденіямъ и историческому опыту, она оказывается ограниченою. Но можетъ ли она въ теченіе вѣковъ быть безграничною, это неизвѣстно. Что касается до мозаичности измѣнчивости (подъ этимъ Данилевскій разумѣетъ, что для удовлетворенія теоріи Дарвина требуется, чтобы измѣнчивость не представляла опредѣленной связи въ одновременныхъ измѣненіяхъ различныхъ органовъ), то мозаичности удовлетворяетъ только измѣнчивость, не имѣющая значенія (напр., образованіе курдюковъ у овецъ не соединяется ни съ какими иными измѣненіями въ ихъ организаціи).

Относительно другаго эволюціоннаго фактора — наслѣдственности ставятъ такой вопросъ: фиксируетъ ли она у животныхъ чрезъ повтореніе такъ или иначе возникшей особенности въ послѣдовательномъ рядѣ поколѣній или нѣтъ? Если не фиксируетъ, то тогда, очевидно, наслѣдственность для образованія видовъ не имѣетъ никакого значенія. Если фиксируетъ, то опять, по Данилевскому, получается нѣчто

2) Platz, der Mensch S. 175.

разрушительное для теории Дарвина. Наслѣдственность — начало консервативное и она дѣлаетъ видъ болѣе прочнымъ въ борьбѣ за существованіе, чѣмъ не окрѣпшія разновидности. Наслѣдственностію обуславливается постоянство видовъ. Уклоненія въ разновидностяхъ должны исчезать въ борьбѣ съ крѣпко установившимися давнишними признаками. Такимъ образомъ, говорятъ, если существуетъ наслѣдственность, то не существуетъ эволюціи.

По гипотезѣ эволюціонистовъ у многихъ организмовъ не только должны измѣняться и совершенствоваться существующіе органы, но должны возникать и совершенно новые. Здѣсь представляется слѣдующая трудность: при первомъ зачаточномъ своемъ образованіи эти органы не могутъ выполнять тѣхъ функций, которыя имъ будетъ суждено исполнять въ будущемъ, они будутъ не только бесполезны въ организмѣ, но непремѣнно вредны. Возьмемъ, положимъ, глазъ. Его зачаточная форма будетъ ничто иное, какъ болѣзненное образованіе на кожѣ вслѣдствіе чрезмѣрнаго ея раздраженія отъ дѣйствія свѣта. Возьмемъ, далѣе легкое, образующееся изъ плавательнаго пузыря; въ срединѣ процесса превращенія оно будетъ дѣлать затруднительнымъ для своего обладателя существованіе какъ въ водѣ, такъ и на сушѣ. Спрашивается, какимъ образомъ особи, претерпѣвающія въ своемъ организмѣ подобныя измѣненія, могутъ сохраниться въ борьбѣ за существованіе, вѣдь, онѣ не наиболѣе, а наименѣе приспособленныя? Очевидно, онѣ должны не сохраниться, а погибнуть.

О борьбѣ за существованіе — этомъ рычагѣ прогресса, по Дарвину, Данилевскій замѣчаетъ, что Дарвинъ невѣрно представляетъ себѣ эту борьбу. Во многихъ мѣстахъ у животныхъ не существуетъ борьбы ни между собою изъ-за пищи, ни съ климатомъ (напр., въ благодатныхъ степяхъ Америки у травоядныхъ животныхъ), и однако одни животныя вымираютъ, а другія остаются. Причемъ мы видимъ, что вымирали виды, повидимому, совершенно обезпеченные въ борьбѣ за существованіе: мамонтъ, носорогъ съ костяною перегородкой, въ настоящее время вымираютъ могучіе зубры въ бѣловѣжской пущѣ.

Естественный подборъ, по утверженію антидарвинистовъ, долженъ устраняться и уничтожаться скрещиваніемъ. Полезныя измѣненія, которыя долженъ бы былъ сохранять естественный подборъ, возникаютъ у немногихъ организмовъ, каковыя скрещиваются обыкновенно съ неизмѣнчившимися, ихъ потомки отчасти унаслѣдовавшіе ихъ особенности; опять будутъ скрещиваться съ обыкновенными особями. Не трудно видѣть, что въ такомъ случаѣ, если и будутъ у тѣхъ или другихъ животныхъ и растений возникать какія-либо особенности, онѣ всегда будутъ растворяться и исчезать въ послѣдующихъ поколѣніяхъ³⁾. Въ природѣ являются типы, рѣзко возвышающіеся надъ среднимъ уровнемъ: между людьми—геніи, въ царствахъ растительномъ и животномъ—особи съ исключительными признаками, являются также, наоборотъ, идиоты и сумасшедшіе, между людьми, уродливыя животныя и растенія, но все это не сохраняется, въ концѣ концовъ, все, что стоитъ выше и ниже средняго уровня, исчезаетъ. Природа, такимъ образомъ, является великой уравнивательницей. Естественный подборъ, говоритъ Данилевскій, есть устраненіе скрещиванія, и разъ существуетъ скрещиваніе, то не существуетъ подбора. Даже и по устраненіи скрещиванія представляется весьма мало вѣроятія, чтобы подборъ дѣйствительно могъ образовывать новые виды организмовъ. Такъ какъ измѣненія, возникающія въ организмахъ, фиксируются чрезвычайно медленно и такъ какъ они должны фиксироваться въ одномъ направленіи, то понятно, что малѣйшее уклоненіе въ теченіе тысячелѣтій легко можетъ уничтожить всю работу подбора.

Дарвинъ придаетъ еще важное значеніе принципу полового подбора и утверждаетъ, что, не обращаясь къ этому принципу, невозможно объяснить происхожденія многихъ

---

³⁾ Сохраненіе особенностей можетъ произойти только подъ однимъ условіемъ—сохраненія особенныхъ условий существованія для потомковъ животныхъ, приобрѣтшихъ эти особенности. Жизнь въ другомъ климатѣ и на другой почвѣ устанавливаетъ и сохраняетъ особенности. Но эти особенности дѣйствительно, устанавливаются скоро, неваріируютъ далеко и не расходятся, онѣ создаютъ только разновидности.

животныхъ видовъ и человѣка. Но здѣсь противъ Дарвина возстаютъ уже сами эволюціонисты. По мнѣнію Уоллеса полового подбора не существуетъ. Въ доказательство существованія полового подбора Дарвинъ приводитъ только одно обстоятельство, именно то, что самцы во время полового возбужденія выставляютъ на показъ самыя красивыя части своего организма, но Уоллесъ объясняетъ это не стремленіемъ показать свою красоту, а нервнымъ возбужденіемъ, такъ какъ и не украшенные самцы въ этотъ періодъ машутъ крыльями, расширяютъ ихъ, поднимаютъ свои гребенки или хохолки и т. д. Если же нѣтъ полового подбора, то нельзя объяснить происхожденія хвоста у павлина, роговъ у оленя. Но если этотъ подборъ и существуетъ, то и тогда вопросъ о происхожденіи хобота слона, курдюка овцы, горба бизона остается совершенно открытымъ ⁴⁾).

Вся дѣйствительность, по утверженію антидарвинистовъ, представляетъ сплошное возраженіе противъ дарвинизма. Во 1-хъ, она показываетъ, что въ теченіе историческихъ 6 ти или 7 тысячъ лѣтъ виды не переходили одинъ въ другой. Во 2-хъ, подборъ не произвелъ даже ни одной разновидности, ибо онъ только сохранялъ чрезъ устраненіе (искусственное — человѣкомъ и естественное — путемъ миграцій организмовъ) скрещиванія разновидности, происшедшія въ природѣ внезапно, т. е. путемъ скачковъ.

Обращаясь къ прошедшему, антидарвинисты утверждаютъ, что геологія и палеонтологія также представляютъ роковыя возраженія противъ дарвинизма.

Эволюціонный процессъ, по Дарвину, долженъ происходить съ крайней медленностью, онъ долженъ заключать въ себѣ покрайней мѣрѣ биліоны и триліоны вѣковъ, но, по утверженію физиковъ и астрономовъ, предлагающихъ свои вычисленія геологамъ, періодъ существованія органическаго міра на землѣ обнимаетъ собою никакъ не болѣе 40—20 милліоновъ лѣтъ. Такъ, „В. Томсонъ, допуская со многими

---

⁴⁾ См. статью Уоллеса о половомъ подборѣ въ приложеніяхъ къ книгѣ „Естественный подборъ“.

натуралистами, что на землѣ сначала была весьма высокая температура, и что ее поверхность—вначалѣ жидкая—отвердѣла только вслѣдствіе охлажденія, вычислили, сколько нужно лѣтъ для охлажденія ее съ 2000° по С до условій, которыя существуютъ въ настоящее время. Онѣ устанавливаетъ на основаніи вычисленій, базисъ которыхъ выведенъ имъ съ великимъ тщаніемъ, какъ предѣлъ maximum'a 40 милліоновъ лѣтъ, а какъ предѣлъ minimum'a 20 милліоновъ лѣтъ. Первая цифра весьма приближается къ той, которую раньше получилъ Бишофъ на основаніи прямыхъ опытовъ надъ охлажденіемъ скаль. Громадная разница крайнихъ предѣловъ, поставленныхъ Томсономъ, зависитъ отъ неточнаго знанія нѣкоторыхъ важныхъ факторовъ, каковы: физическое строеніе матеріи въ центрѣ земли, продолжительность скаль въ глубину, теплота междупланетнаго пространства. Однако, организмы могли жить только въ эпоху, когда температура верхнихъ слоевъ земли упала до 60° или до 50°, такимъ образомъ, самыя древнія сѣмена жизни, которыя появились, отстоятъ отъ насъ на 40 или на 30 милліоновъ лѣтъ, если даже мы примемъ, какъ основаніе самую высокую цифру Томсона⁵⁾.

Недавно Адольфъ д'Ассіе⁶⁾ сократилъ еще цифру Томсона. Д'Ассіе признаетъ, что земля должна прожить 3 періода: 1) фазисъ огненный или туманозвѣздный, 2) фазисъ органической или жизненный, обусловленный солнечнымъ лучеиспусканіемъ и 3) фазисъ тьмы, холода и смерти. Для пашей цѣли важны только его соображенія о второмъ фазисѣ. Онѣ полагаетъ, что земля уже прожила изъ втораго фазиса 15 милліоновъ лѣтъ, и что ей остается прожить еще 10 милліоновъ лѣтъ. Два рода данныхъ, по его утвержденію, доказываютъ справедливость этого вычисленія. Во 1) указанія термодинамики говорятъ, что солнечная фотосфера уже существуетъ 15 милліоновъ лѣтъ, и что она имѣетъ еще существовать милліоновъ 10 лѣтъ. Во 2) таже самая цифра въ 15 милліоновъ лѣтъ получается чрезъ ука-

⁵⁾ Poussin, Paléontologie et Darwinisme. R. Q. S. T. 1.

⁶⁾ Въ Revue scientifique 1888, 28 Juillet.

занія геологiї. Толщина всѣхъ пластовъ равна 38 километрамъ, толщина четвертичной системы равна 200 метрамъ, а давность, полагають, равна 70,000 годамъ (?), значить, слой пластовъ въ одинъ километръ толщины при предположеніи равномерности отложенія образуется въ 350,000 лѣтъ, вся масса наносовъ, слѣдовательно, образовалась не менѣе какъ въ 13.300,000 лѣтъ. Допуская перерывы и замедленія въ наносной дѣятельности, Ассье прикидываетъ еще два милліона и получаетъ, что органической фазисъ земли продолжается уже 15.300,000 лѣтъ. Для насъ достаточно этого изъ статьи Ассье. Должно замѣтить во 1), что 15.300,000 лѣтъ совершенно недостаточно для осуществленія эволюціоннаго процесса образованія растительныхъ и животныхъ видовъ. Кажется, одинъ хоботь слона, если происхожденіе его объяснять строго по Дарвину, не могъ образоваться въ это время. Во 2) какъ ни гипотетична цифра Ассье, она, должно замѣтить, преувеличена. Мощностъ геологическихъ отложеній 38,000 метровъ установлена съ расчетомъ и предположеніемъ о перерывахъ и относится не къ отдѣльной мѣстности (вездѣ она гораздо слабѣе), а ко всей землѣ. Далѣе, предположеніе о равномерности отложеній для Ассье, стороника гипотезы Лапласа — не можетъ быть допущено, ибо, согласно гипотезѣ Лапласа, солнечная дѣятельностъ, а слѣдовательно, и энергія и перевороты на землѣ были прежде гораздо выше. Если первое лишаетъ права Ассье увеличивать цифру 13.300,000, то второе обязываетъ ее уменьшить. Но для теоріи эволюціи совершенно недопустимо, чтобы органическая жизнь на землѣ продолжалась только 13—14 милліоновъ лѣтъ.

Однако и эта цифра нѣкоторымъ ученымъ представляется черезъ чуръ преувеличенною, такъ Перафоръ утверждаетъ, что вся исторія земли обнимаетъ собою не болѣе 5 милліоновъ лѣтъ. Вотъ, его соображенія объ этомъ.

„Почва подвергается постоянно дѣйствию естественныхъ агентовъ. Самыя крѣпкія скалы подвержены дѣйствию атмосферы, онѣ распадаются и обращаются въ пыль. Потоки, ручьи, рѣки влекутъ всѣ эти остатки въ ихъ теченіи, особенно во время половодья. Такимъ образомъ, минеральныя

частицы попадают въ концѣ въ море и мало по малу наполняютъ его глубину веществомъ континентовъ. Приблизительная величина этого постояннаго разрушенія бычислялась много разъ различными геологами для различныхъ странъ. Гейки вычислилъ объемъ камней, грязи и почвенныхъ солей уносимыхъ нѣкоторыми рѣками на всемъ протяженіи ихъ бассейна и сносимыхъ въ океанъ. Согласно его вычисленіямъ, Дунай покрывался въ теченіе года пленкою толщиною 47 тысячныхъ миллиметра на всемъ пространствѣ его бассейна, Донъ— въ 22 сотыхъ миллиметра и Миссисипи— 6 сотыхъ. Эта послѣдняя цифра—одна изъ самыхъ незначительныхъ. Если принять ее, какъ среднюю, и представить пропорціональное снесеніе частицъ во всей сѣверной Америкѣ, то получится, что весь этотъ материкъ, средняя высота котораго равна 225 метрамъ (по Гумбольту) былъ бы всецѣло разрушенъ приблизительно въ 4.500,000 лѣтъ. Европа, поверхность которой менѣе поднимается надъ уровнемъ океана, чѣмъ поверхность Америки, исчезла бы менѣе, чѣмъ въ 4 милліона лѣтъ. Самъ Пфафъ вычислилъ, что объемъ грязи, приносимой въ индійскій океанъ однимъ Гангомъ въ 2 милліона лѣтъ, равняется массѣ всѣхъ Альпъ, равняется приблизительно $\frac{1}{2}$ англійской Индіи, но далеко не одинъ Гангъ уноситъ частицы Индіи въ волны океана. Имѣя въ виду эти вычисленія, обратимъ вниманіе на то, что существуютъ страны, которыя съ первобытныхъ геологическихъ эпохъ находились надъ водой, слѣдовательно, съ первобытныхъ эпохъ подвергались разрушенію, въ этихъ странахъ мы находимъ громадныя рѣки и однако эти страны стоятъ еще на значительной высотѣ надъ океаномъ. Къ этой категории принадлежатъ гранитныя плато въ Оверни, во Франціи и обширные округи Канады, гдѣ течетъ рѣка св. Лаврентія, и которые ограничиваются великими озерами. Въ этой послѣдней странѣ можно констатировать, въ окружности стараго кристаллическаго плато, серію палеозоическихъ почвъ, размѣстившихся полосами болѣе или менѣе концентрическими съ многочисленными слѣдами отложеній рѣкъ, боковыхъ дюнь самой высокой древности, и которыя обрисовываютъ еще приблизительно контуръ земель, поднимав-

шихся во время существованія первых crustaces trilobites. Весьма мало вѣроятія въ томъ, чтобы кристаллическое плато Канады было покрыто когда нибудь морями, и чтобы оно могло принимать новыя отложенія съ эпохи самой отдаленной (за исключеніемъ только короткаго промежутка недавней диллювіальной эпохи, когда на Канадскомъ плато должна была образоваться тонкая пленка новыхъ наносовъ)⁷⁾. Безъ сомнѣнія, это плато было прежде гораздо выше, въ значительной части оно уже разрушено, но каковаже должна была быть его первоначальная высота, какъ могло остаться что нибудь, если оно подвергалось дѣйствию атмосферы и водъ въ теченіе миллиардовъ вѣковъ? Необходимо въ данномъ случаѣ отвергнуть существованіе миллиардовъ. Это должны сдѣлать даже сторонники современной геологіи, вообще держащіеся того воззрѣнія, что въ прошедшемъ силы природы дѣйствовали съ тою же напряженностію, какъ и теперь. Но вѣдь, съ несомнѣнностію можно показать, что силы природы въ прошедшемъ дѣйствовали съ большею энергіею, рѣки ледниковой эпохи несомнѣнно несли въ моря несравненно больше твердыхъ частицъ, чѣмъ сколько ихъ несутъ рѣки современные. Если мы дадимъ плато Канады высоту Гиммалаевъ, что будетъ чрезмѣрнымъ преувеличеніемъ, то и тогда время его существованія по самому широкому счету геологи не могутъ опредѣлить болѣе, чѣмъ въ нѣсколько милліоновъ лѣтъ. Но оно, по мнѣнію всѣхъ, современно началу жизни на землѣ. А по мнѣнію большинства оно еще старѣе, чѣмъ органической міръ, ибо органическая природа найденнаго въ немъ eooson canadense заподозрѣна. Но вмѣстить въ эти немногіе милліоны лѣтъ эволюціонный процессъ Дарвина совершенно невозможно, что охотно признаютъ сами дарвинисты. Какъ же въ такомъ случаѣ сохранить теорію? X

Палеонтологія представляетъ также серьезныя возраженія противъ дарвинизма. Первымъ изъ нихъ является фактъ неизмѣняемости многихъ родовъ растений и животныхъ въ теченіе многихъ геологическихъ періодовъ. Укажемъ нѣко-

---

7) Poussin, la Paléontologie et Darwinism R. Q. S. T. 1.

торые. *Discina* (относится къ типу мягкотѣлыхъ, къ классу головоногихъ. Голова рѣзко обоблена; имѣеть 2 большихъ очень совершенныхъ глаза; ротъ окруженъ руками; нога имѣеть видъ воронки. Раздѣльнополы) существуетъ въ моряхъ силурійской эпохи до нашихъ дней, а между тѣмъ *discina* относится далеко не къ типу простѣйшихъ. *Tuua accidentalis* и *abies canadensis* являются теперь такими же, каковыми онѣ были въ миоценовую эпоху. Почему онѣ не измѣнились? Не говорить ли это о томъ, что есть какое-то начало въ организмѣ, сопротивляющееся измѣненіямъ? Это особенно ясно открывается изъ того, что мы видимъ—хотя бы въ *discina* — варіаціи видовъ; это, по теоріи Дарвина, должно бы было вести все далѣе и далѣе отъ первоначальнаго типа, однако, нѣтъ, новые виды столь же ясно говорятъ о принадлежности къ тому же роду, какъ и древніе.

Другимъ еще болѣе серьезнымъ возраженіемъ противъ дарвинизма является въ полеонтологіи фактъ отсутствія переходныхъ типовъ. На первый взглядъ кажется, что это возраженіе теряетъ свою силу вслѣдствіе ссылки Дарвина на бѣдность палеонтологическихъ коллекцій, но при внимательномъ разсмотрѣніи эта ссылка оказывается не имѣющею значенія. Дѣло вотъ въ чемъ. Согласно теоріи Дарвина, между каждыми двумя видами должно существовать множество переходныхъ ступеней. Пусть такъ. Но вотъ что удивительно. Палеонтологамъ удавалось находить очень много экземпляровъ одного и того же вида и много экземпляровъ видовъ родственныхъ и между тѣмъ не удавалось находить посредствующихъ звеньевъ въ одномъ экземплярѣ. На основаніи теоріи вѣроятности это ненахождение можно объяснить только дѣйствительнымъ отсутствіемъ таковыхъ звеньевъ. Пфафъ пытался выразить числами вѣроятность, которая существуетъ для встрѣчи посредствующихъ формъ между двумя родственными видами, доставившими много образчиковъ, напр., между 2-мя видами силурійскихъ трилобитовъ. Эти переходныя формы, по гипотезѣ эволюціонистовъ, должны быть весьма многочисленны. Пфафъ предположилъ ихъ только 10 между 2-мя чистыми формами. Онъ представляетъ потомъ кучу, составленную изъ милліона зеренъ:

однихъ — цвѣта голубаго, представляющихъ чистую форму, другихъ — цвѣта краснаго, представляющихъ 10 посредствующихъ формъ, которыя должны привести къ виду. Красныхъ зеренъ, слѣдовательно, будетъ въ 10 разъ больше, чѣмъ голубыхъ. Пфаффъ ставитъ затѣмъ такой вопросъ: какая существуетъ вѣроятность, выбравъ сто зеренъ изъ таза, выбрать только голубыя? Или лучше — извлекая изъ пластовъ 100 экземпляровъ одного ископаемаго вида, какая существуетъ вѣроятность не найти ни одной посредствующей формы? Вычисленіе вѣроятностей отвѣчаетъ дробью $0,1^{100}$ или 1, раздѣленной на 1 со ста нулями. Это вычисленіе не особенно благоприятствуетъ теоріи Дарвина⁸⁾. Правда, можно найти много трактатовъ, содержащихъ палеонтологическія доказательства теоріи Дарвина; выходятъ даже цѣлыя книги, посвященные этому предмету; такъ въ 1888 г. вышла такая книга въ Америкѣ. Указывается въ такихъ трактатахъ на то, что палеонтологія постепенно отыскиваетъ переходныя формы и что таковыя, наприм., были найдены для лошади. Но эти разсужденія грѣшатъ въ основаніи. Собственно говоря, найдены доказательства скачковъ въ природѣ. Возьмемъ хотя бы лошадь. Иногда рождаются жеребята, имѣющіе кромѣ копыта другой палець сзади, въ прошедшемъ удалось отыскать животное близкое къ лошади (гиппаріонъ), но имѣвшее такое же строеніе ноги, какое теперь встрѣчается по исключенію у двупалыхъ жеребятъ. Допустимъ, что послѣднія представляютъ собою атавизмъ, но на что указываетъ этотъ атавизмъ? На то, что отъ гиппаріона путемъ какого то загадочнаго скачка произошла лошадь подобно тому, какъ теперь непосредственно отъ лошади можетъ родиться гиппаріонъ. Естественный подборъ здѣсь не причемъ. Подобные скачки въ природѣ опровергаютъ дарвинизмъ, а не защищаютъ его.

Третьимъ возраженіемъ противъ дарвинизма съ точки зрѣнія палеонтологіи является то, что въ геологическихъ пластахъ новыя формы обыкновенно являются сразу и при томъ въ большомъ количествѣ. Можетъ быть, это дѣйствитель-

---

8) Ibid.

но, — слѣдствіе пробѣловъ въ нашей палеонтологической лѣтописи, но пока, вѣдь, эти пробѣлы не восполнены, дарвинизмъ не можетъ утверждать, что палеонтологія на его сторонѣ. Наконецъ, возраженіемъ противъ дарвинизма является отсутствіе строгой послѣдовательности въ ископаемыхъ, находимыхъ въ пластахъ (наприм., найденное млекопитающее въ юрскихъ отложеніяхъ стоитъ по своей организаціи выше млекопитающихъ эоценовой эпохи).

Съ другой стороны сами эволюціонисты (нѣкоторые изъ нихъ) сознаются, что палеонтологическая послѣдовательность—хотя бы она нигдѣ не являлась нарушенной—не служитъ еще достаточнымъ доказательствомъ истинности эволюціонной доктрины, ибо эта послѣдовательность можетъ быть объяснена независимо отъ теоріи эволюціи. Геологи полагаютъ, что сѣверное полушаріе, въ которомъ по преимуществу производились палеонтологическія изысканія, было нѣкогда покрыто водой. Жизнь въ ту пору была сосредоточена гдѣ нибудь на исчезнувшемъ небольшомъ материкѣ, положимъ въ Индійскомъ океанѣ. По мѣрѣ того, какъ въ сѣверномъ полушаріи наиболѣе возвышенные пункты начинали подниматься изъ воды, туда должна была переноситься жизнь. Но какъ? Конечно, прежде всего на этихъ возвышенныхъ пунктахъ должны были сѣсть морскія раковины, затѣмъ сѣмена растений и зародыши простѣйшихъ и кишечнополостныхъ животныхъ (тѣ и другіе, мы знаемъ, вѣтры могутъ переносить даже изъ полушарія въ полушаріе), значить, прежде всего тамъ должна была развиваться растительная и простѣйшая животная жизнь, рыбы тамъ должны были быть, но рыбы всегда и находятся во всѣхъ пластахъ. Затѣмъ, туда должны были прійти земноводныя; прежде растительная жизнь обуславливалась только благодѣяніями вѣтра и по этому должна была ограничиться по преимуществу безсѣменнодольными растеніями, споры которыхъ отличаются удобоносимостью, теперь амфибіи могли принести съ собою сѣмена болѣе высшихъ растеній⁹⁾. За земноводными долж-

---

⁹⁾ Фактъ произвольнаго разнесенія сѣмянъ животными и людьми констатированъ во многихъ случаяхъ. Послѣ франко-прусской войны въ 1870 го-

ны были придти пресмыкающіяся, вродѣ, наприм., крокодиловъ, которые тоже не стѣсняются особо водными странствованіями, затѣмъ должны были прилетѣть птицы. И уже послѣ всего, когда эта мѣстность вслѣдствіе поднятія значительно увеличится и приблизится къ другимъ прежде населеннымъ мѣстностямъ, туда явятся млекопитающія, и наконецъ, придетъ человѣкъ, когда ему станетъ тѣсно на прежнемъ мѣстѣ жительства. При этихъ переселеніяхъ послѣдовательность иногда, конечно, можетъ нарушаться, но она, дѣйствительно, иногда и оказывается нарушенной (возможность подобнаго объясненія палеонтологической послѣдовательности указана Г. Спенсеромъ въ его „Неологической геологіи“ съ присоединеніемъ чистосердечнаго признанія шаткости, неустойчивости и сомнительности классификаціи самыхъ геологическихъ пластовъ). Кромѣ этого приведеннаго объясненія фактовъ палеонтологіи приводятъ еще много другихъ объясненій, наприм., объясняютъ эти факты гипотезою послѣдовательнаго (черезъ долгіе періоды) творенія, предположеніемъ, что сама природа по мѣрѣ, какъ на ней измѣнялись жизненныя условія, изъ себя создавала новые болѣе сложные типы, подобно тому, какъ вначалѣ она создала простѣйшіе. Область возможнаго, конечно, обширна, но для насъ интересно въ данномъ случаѣ то, что при разсматриваніи различныхъ объясненій теорія эволюціи является не представляющею особаго превосходства надъ другими.

Изложенныя критическія замѣчанія на теорію Дарвина привели многихъ ученыхъ къ признанію ея неудовлетворительности и побудили нѣкоторыхъ предложить новыя теоріи. Особенно въ этомъ отношеніи посчастливилось теоріи наследственности. Сознвая важность наследственности, биологи и остановили на этомъ фактѣ свое особое вниманіе. Пангенезисъ Дарвина, которымъ онъ пытался объяснить и наследственность и явленія атавизма, фактъ существованія рудиментарныхъ органовъ и т. д. подвергли критикѣ и отвергли. Гипотеза Дарвина прежде всего оказалась стоя-

---

ду во Франціи явились новые виды растений, несомнѣнно принесенныхъ изъ Германіи на одеждѣ и обуви нѣмецкими солдатами.

щю въ противорѣчїи съ фактами. Эмбриологія учитъ насъ, что развитіе организма, возникающаго всегда изъ одной клѣточки, начинается дѣленіемъ этой клѣточки. Это дѣленіе клѣточки на двѣ совершенно равноправныя — фактъ не только необъяснимый пангенеизисомъ, но стоящій въ прямомъ противорѣчїи съ нимъ. Далѣе, развитіе организма представляетъ дифференцированіе клѣточекъ, размноженіе ихъ и уразноображеніе; но теорія Дарвина стоитъ въ противорѣчїи съ этимъ фактомъ, ибо ею предполагается, что зубъ образуется изъ спеціальныхъ клѣточекъ зуба и волосъ изъ спеціальныхъ клѣточекъ волоса. Предположеніе это невѣрно. Наконецъ, гипотеза Дарвина ведетъ къ несообразнымъ выводамъ. „Я вычислилъ, говоритъ Негели, сколько клѣтокъ, по Дарвину, должно войти въ составъ липоваго дерева и получилъ число приблизительно равное 2000 билліонамъ. Такъ какъ въ растительномъ царствѣ ростъ происходитъ чрезъ дѣленіе клѣтокъ; то число клѣтокъ, погибшихъ на болѣе раннихъ стадїяхъ развитія, равняется по крайней мѣрѣ числу тѣхъ, которыя существуютъ въ данный моментъ. Такимъ образомъ, еслибы, слѣдуя Дарвину, каждая клѣтка высылала изъ себя по атому, то число такихъ атомовъ было бы равно 4000 билліонамъ, по крайней мѣрѣ. Если же принять, что каждый такой атомъ есть ничто иное, какъ молекула бѣлковаго тѣла съ 72 частицами углерода, то и тогда бы величина цвѣтковой крупинки должна бы была быть громаднa. Но если быть строго послѣдовательнымъ, то нужно допустить, что отъ каждой клѣтки дерева должно быть послано по нѣскольку атомовъ, такъ какъ клѣтка сама есть элементъ сложный, состоящій изъ оболочки, ядра и т. под. частей способныхъ измѣняться. Кромѣ того зачатки свойствъ предковъ липоваго дерева также должны бы въ видѣ молекулъ войти въ составъ цвѣтени. Такимъ образомъ, зародыши атомы Дарвина должны имѣть уже свойства чисто метафизическія¹⁰⁾.

Дарвиновскую гипотезу пангенезиса не такъ давно измѣнили

---

¹⁰⁾ Красновъ, Новая механико-физиологическая теорія происхожденія видовъ стр. 95—96. (Русское богатство 1884 г. Октябрь).

Бруксъ (въ 1883 г.) Бруксъ допускаетъ, какъ и Дарвинъ, что всѣ клѣтки многокѣлочнаго организма могутъ отдѣлять крупинки, которыя переходятъ въ разныя части организма, между прочимъ, въ яйцо, но особенное сродство эти крупинки имѣютъ къ сѣменчаткамъ, въ которыхъ онѣ собираются и чрезъ которыя по преимуществу передаются слѣдующимъ поколѣніямъ. Различіе отъ дарвиновской гипотезы (кромѣ признанія первенствующей роли за сѣменчатками) заключается въ томъ что, по Бруксу, крупинки не отдѣляются постоянно отъ всѣхъ клѣтокъ, а лишь отъ нѣкоторыхъ и лишь тогда, когда эти клѣтки попадаютъ въ новыя условія, нарушающія обычную функцію органа. Стоитъ какой нибудь части претерпѣть измѣненіе въ смыслѣ приспособленія къ новымъ измѣнившимся условіямъ жизни, и всѣ клѣточки этой части тѣла станутъ отдавать крупинки, которыя при оплодотвореніи яйца сѣменемъ передаются потомству. При этомъ въ оплодотворяемомъ яйцѣ каждая изъ крупинокъ, передаваемыхъ сѣменчаткою, сливается съ той частичкой яйцевой протоплазмы, изъ которой въ новомъ организмѣ должна развиваться клѣтка, соотвѣтствующая той, какая въ родительскомъ организмѣ отдѣлила данную крупинку. Слѣдовательно, эта вновь происшедшая клѣтка является убудкомъ, помѣсью двухъ крупинокъ—материнской и отцевской, и такъ какъ убудки вообще расположены къ варіированію, то и данныя клѣтки и составленные изъ нихъ органы будутъ варіировать. Изъ этихъ варіацій естественный подборъ укрѣпитъ нѣкоторыя наиболѣе полезныя измѣненія крупинокъ, и тогда прекратится отдѣленіе крупинокъ, потому что органы попадутъ въ наиболѣе благоприятныя приспособленные условія, а организація будетъ передаваться чрезъ яйцо, и самъ избранный естественнымъ подборомъ организмъ имѣетъ благоприятныя свойства своей организаціи отъ яйца, изъ котораго онъ произошелъ¹¹⁾.

Гипотеза Брукса, какъ видимъ, не объясняетъ консервативной наслѣдственности, а одну только прогрессивную.

---

¹¹⁾ Хололковскій, этюды по разнымъ вопросамъ общей зоологіи (Русск. богатство 1887 г. № 7).

Но разъ не объяснена первая, то какъ же объяснять вторую? Гипотеза Брукса, далѣе, совершенно фантастична и произвольна, какъ и гипотеза Дарвина.

Эрнестъ Геккель создалъ теорію перигенезиса пластидуль. Пластидулы—это мельчайшія частицы, изъ которыхъ строятся пластиды, т. е. клѣтки и вообще элементарныя части организма. Теорія пластидуль слѣдующая. Весь міръ по мнѣнію Геккеля, управляется законами механики, слѣдовательно, этими законами управляются и явленія органической жизни. Они будутъ лишь тогда ясны, когда будутъ узнаны виды колебаній пластидуль, т. е. молекулъ тѣла, входящаго въ составъ протоплазмы клѣтокъ. Биогеническіе процессы подобны періодическимъ колебаніямъ волнообразно колеблющихся тѣлъ. Рядъ предковъ расположенныхъ въ филогенетическомъ порядкѣ походитъ на волнообразную линію, гдѣ индивидуальная жизнь отдѣльной особи соотвѣтствуетъ отдѣльной волнѣ, а все генеалогическое дерево сходно съ развѣтвляющеюся системою волнообразныхъ линій. Онтогенія точно также подобна системѣ волнъ, въ которой пластиды, т. е. клѣтки отвѣчаютъ отдѣльнымъ волнамъ. Зная, что клѣтка есть продуктъ извѣстнымъ образомъ колеблющихся молекулъ тѣла ее составляющаго, мы можемъ заключить по аналогіи, что и ихъ движеніе должно быть системою вѣтвящихся волнъ. Послѣдняя *causa efficiens* всѣхъ биогеническихъ явленій есть характеръ колебаній пластидуль. Отъ этихъ колебаній зависятъ всѣ явленія наслѣдственности, атавизма и т. д. Негели сурово относится къ гипотезѣ Геккеля. Волны Геккеля, говоритъ онъ, суть волны поэтовъ, но не физиковъ. Особи биогеническихъ предковъ различны и по времени ихъ существованія и по матеріи ихъ составляющей. Волны физика, пробѣгающія въ какой либо средѣ, постоянно образуются однимъ и тѣмъ же веществомъ, онѣ отвѣчаютъ различнымъ колебаніямъ одной и тойже не сходящей съ мѣста частички. Физика знаетъ волны пересѣкающіяся, интерферирующія, но ей невѣдомо ни одного случая развѣтвленной волны. Кромѣ того Геккель дѣлаетъ и другую ошибку. Пластидула не есть атомъ, способный колебаться; это есть сложное тѣло, подобное кристаллической единицѣ.

Такимъ тѣламъ едва ли можно приписать колебанія подобныя колебаніямъ волнъ эфира. Самая клѣтка не есть вещество однородное. Фраза Геккеля, что каждая частичка монеры чувствуетъ такъ, какъ и сама монера, слишкомъ смѣла. Частички плазмы и монера изъ нихъ составленная такъ же рѣзко отличаются другъ отъ друга по дѣйствию, какъ частица желѣза отъ механизма съ колесами и шипами составленного изъ желѣза ¹²⁾.

Герингъ считаетъ наслѣдственность памятью матеріи. Согласно его воззрѣнію всякой формѣ, въ которой проявляется матерія, свойственна память, присущая матеріи, какъ одна изъ ея функций. Въ силу этой памяти всякій зародышъ всегда развивается въ опредѣленномъ направленіи и порядкѣ, повторяя все то, что онъ, такъ сказать, запомнилъ отъ предшествующихъ поколѣній. Сродство наслѣдственности съ памятью, по Герингу, тѣмъ убѣдительнѣе, что, какъ доказано многими фактами, наслѣдственность такъ же усиливается многократными повтореніями, какъ память развивается упражненіемъ. Извѣстно, наприм., что чѣмъ дальше развивается посредствомъ искусственнаго подбора какая-нибудь порода животныхъ или растений, тѣмъ легче и легче она получается въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Какъ жизненная волна Геккеля, такъ и память матеріи Геринга, безъ сомнѣнія, были бы болѣе уместны, какъ поэтическія метафоры, чѣмъ научные термины. Выраженія эти представляютъ собою замѣну понятій словами. Авторы ихъ, какъ замѣчаетъ Холодковскій, послѣдовали совѣту Мефистофеля, который переодѣвшись въ платье Фауста, на замѣчаніе Вагнера:

Doch ein Begriff muss bei dem Worte sein“

отвѣчаетъ:

Schon gut! Nur muss man sich nicht allzu ängstlich quälen
Denn eben wo Begriffe fehlen

Da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein ¹⁸⁾.

¹²⁾ Красновъ, новая механ. фізіологич. теор. вид. (Р. Б. Октябрь 1884 стр. 96—97.

¹³⁾ Холодковскій, этюды по разнымъ вопросамъ общей зоологіи Русск. Богатство 1887 г. Августъ.

Въ 1883 г. Вейсманъ высказалъ новый взглядъ на наслѣдственность и въ 1885 г. представилъ полное развитіе своей теоріи и сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія къ ней въ 1887 и 1888 гг. Наслѣдственность въ организамахъ простыхъ, размножающихся партеногенетически, объясняется Вейсманомъ, какъ и нѣкоторыми другими натуралистами, весьма просто. Такъ какъ въ простѣйшихъ организамахъ тѣло не раздѣлено на органы, а равняется одной клѣткѣ, то вещество этой клѣтки прямо и продолжается въ потомствѣ. Если въ теченіе жизни материнская клѣтка приобрѣла какія нибудь измѣненія, то эти измѣненія передадутся и потомству. Здѣсь собственно продолжаемость недѣлимаго (*Continuität des Individuums*) объясняетъ явленія наслѣдственности. У многоклѣточныхъ организмовъ существуетъ, по Вейсману, продолжаемость зародышевой плазмы (*Continuität des Keimplasmes*). Именно, клѣтки, составляющія тѣло сложнаго организма, могутъ быть раздѣлены на 2 категории: клѣтки зародышевыя (*Keimzellen*), служація для продолженія рода, т. е. половые продукты (яйца и живчики) и клѣтки соматическія (*somatische Zellen*), составляющія собственно тѣло индивида, т. е. всѣ остальные. Строеніе соматическихъ клѣтокъ опредѣляется зародышевой плазмой, сама же зародышевая плазма не измѣняется, она растетъ и переходитъ отъ предковъ къ потомкамъ въ неизмѣненномъ видѣ. Такимъ образомъ, оказывается, что, по Вейсману, возможна только консервативная наслѣдственность, а не прогрессивная. Существованіе послѣдней Вейсманъ дѣйствительно, отрицаетъ, онъ указываетъ на то, что дѣти музыканта не наслѣдуютъ умѣнья играть на музыкальныхъ инструментахъ, дѣти не наслѣдуютъ умѣнья читать и т. д. Что касается до постоянно наблюдаемаго сходства между дѣтьми и родителями, то это сходство, по утверженію Вейсмана, заключается не въ передачѣ дѣтямъ благоприобрѣтенныхъ свойствъ родителей, а въ передачѣ прирочденныхъ свойствъ, наприм., цвѣта волосъ, глазъ, роста, внѣшняго вида, духовныхъ способностей. Когда Вейсманъ провозгласилъ свою теорію, то думали, что онъ совершенно отрекся отъ дарвинизма и эволюціи, основывающихся прежде

всего на прогрессивной наследственности; но Вейсманъ въ послѣдующихъ статьяхъ заявилъ, что онъ признаетъ эволюціонную теорію происхожденія видовъ и представилъ объясненіе того, какъ примиряется его гипотеза наследственности съ эволюціонной теоріей. Во 1) онъ допустилъ, что зародышевая плазма можетъ измѣняться, но только измѣняться весьма незначительно подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, во 2) онъ указалъ источникъ измѣненій плазмы въ половомъ размноженіи. Въ послѣднемъ смѣшиваются 2 плазмы—2 наследственные тенденции. Отсюда окончательное строеніе плазмы непременно должно быть измѣненнымъ сравнительно съ первоначальными, отсюда измѣняемость видовъ. Ключъ къ объясненію происхожденія видовъ Вейсманъ такимъ образомъ видитъ въ комбинаціяхъ при двусторонней наследственной передачѣ. Вейсману возражалъ Вирховъ, указывавшій на наследственность болѣзней, какъ на опровергающую теорію Вейсмана. Но Вейсманъ попытался объяснить эту наследственность инфекціоннымъ характеромъ этихъ болѣзней; онъ говорилъ, что причина ихъ лежитъ въ особыхъ бактеріяхъ, что эти бактеріи передаются отъ родителей къ дѣтямъ совсѣмъ не въ свойствахъ зародыша, а прямо переходятъ съ одного организма въ другой.

Объ этой теоріи Вейсмана должно сказать тоже, что и о другихъ теоріяхъ. Во 1) она произвольна. Вейсманъ не могъ, конечно наблюдать зародышевой собственно зародышевой плазмы, ея неизмѣняемости, ея молекулярнаго строенія, онъ даже не можетъ доказать какими-нибудь побочными данными, что таковая существуетъ. Во 2) несомнѣнно, что часто передаются наследственно болѣзни, не имѣющія инфекціоннаго характера, какова, наприм., эпилепсія. Что источникъ этой болѣзни лежитъ не въ бактеріяхъ, это доказывается опытами Броуна Секара и Вестфала надъ морскими свинками. Послѣдній ударами молота по головѣ свинокъ вызвалъ въ нихъ искусственно эпилепсію. Очевидно, что бактеріи здѣсь не причесть. Этотъ опытъ гибеленъ для теоріи Вейсмана ¹⁴⁾.

---

¹⁴⁾ Изложеніе и разборъ теоріи Вейсмана сдѣланы по статьямъ (пере-

Разсмотрѣніе различныхъ теорій наследственности показываетъ намъ, что важнѣйшій фактъ, уразумѣніе котораго должно пролить новый свѣтъ на вопросъ о происхожденіи видовъ, совершенно невыясненъ. Тѣмъ не менѣе, вопросъ о происхожденіи видовъ продолжаетъ рѣшаться. Мы изложимъ двѣ новыя теоріи происхожденія видовъ: теорію Келликера и теорію Негели.

Первымъ съ своею теоріею замѣнъ теоріи Дарвина, выступилъ знаменитый эмбриологъ и гистологъ Келликеръ въ 1872 г. Онъ началъ съ критики теоріи Дарвина. „Теорія Дарвина, какъ замѣчаетъ Клаусъ, есть ничто иное, какъ примѣненіе къ разъясненію органическаго развитія великаго закона суммированія множества мельчайшихъ вліяній, дѣйствующихъ въ теченіи громадныхъ промежутковъ времени, въ одинъ общій колоссальный результатъ“. Значеніе этихъ мельчайшихъ вліяній и строгую постепенность въ развитіи органическаго міра Келликеръ отрицаетъ. Келликеръ признаетъ, что существуетъ общій законъ развитія органическаго міра, законъ, подобный тому, по которому развиваются отдѣльные организмы. При чемъ, по Келликеру, развитіе органическаго міра можетъ совершаться и дѣйствительно совершается скачками, а не въ строгой постепенности. Измѣненія въ организмахъ, говоритъ Келликеръ, состоятъ во 1) въ измѣненіи существующихъ органовъ, во 2) въ возникновеніи новыхъ морфологическихъ единицъ. Измѣненіе существующихъ органовъ—Келликеръ допускаетъ—можетъ происходить подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, но возникновеніе новыхъ органовъ имѣетъ свою причину въ законѣ общаго развитія, а не въ случаѣ. Странно допустить вліяніе подбора на возникновеніе новыхъ органовъ, когда эти органы вначалѣ будутъ только лишнимъ или даже вреднымъ бременемъ для организма. Появленіе спинной струны у первыхъ млекопитающихъ, первыхъ позвонковъ, первыхъ кровеносныхъ сосудовъ, все это непонятно съ точки зрѣнія

воднымъ) Вейсманъ въ „Русск. Богатствѣ“ о наследственности (въ 1887 г. и въ 1888 г.).

естественнаго подбора. Затѣмъ, если обратить вниманіе на то, что почти всѣ болѣе или менѣе крупныя, измѣненія зародыша и прежде всего всѣ настоящія новообразованія органовъ случаются въ самыя раннія поры зародышевой жизни, такъ у куринога зародыша всѣ главные органы закладываются въ первые 4 — 5 дней его существованія, у члвѣка къ концу перваго мѣсяца его утробной жизни; если обратить вниманіе на это обстоятельство, то очевидно нельзя представить себѣ развитіе организмовъ такимъ образомъ, что они сначала проходили всѣ стадіи безпозвоночныхъ животныхъ, а потомъ начали принимать признаки позвоночныхъ. Развитіе нужно представлять инымъ образомъ. По Келликеру, возможны и дѣйствительно бываютъ такіе случаи, что отъ родителей, стоящихъ на низшей ступени, положимъ, кишечнополостныхъ или червей, прямо возникнутъ насѣкомыя. Для обоснованія и разъясненія своей теоріи онъ обращается къ явленіямъ метазенезиса (перемѣнъ генераций), гетерогоніи и педогенезиса. Простѣйшую форму метазенезиса представляютъ нѣкоторые кольчатые черви (Syllis). Они раздѣльнополы и имѣютъ вполне развитые, хотя и весьма просто устроенные, половые органы. Изъ оплодотвореннаго яйца возникаетъ личинка, а изъ нея молодой червь, проходя типическія стадіи развитія. Но почти взрослый сложившійся червь, не имѣющій только вполне развитаго полового аппарата, можетъ дѣлиться поперекъ на нѣсколько частей, изъ которыхъ каждая образуетъ новаго маленькаго червя. Эти маленькіе черви представляютъ, слѣдовательно, собою поколѣніе, происшедшее путемъ бесполога размноженія, путемъ дѣленія материнскаго организма. Они растутъ, достигаютъ половой зрѣлости и размножаются посредствомъ оплодотворенныхъ яицъ, производя слѣдующее поколѣніе путемъ полового размноженія, какъ произошелъ и первый червь. Болѣе сложное явленіе метазенезиса наблюдаютъ у нѣкоторыхъ медузъ. Эти морскія животныя имѣютъ обыкновенно видъ студенистаго полупрозрачнаго колокола и размножаются посредствомъ оплодотворенныхъ яицъ. Изъ яйца развивается овальная личинка, плавающая нѣкоторое время въ морѣ и, наконецъ, укрѣпляющаяся однимъ своимъ концомъ на ка-

комъ-либо подводномъ предметѣ. На свободномъ концѣ ея тѣла появляется ротовое отверстие, а вокругъ него вырастаютъ щупальцы. Въ этомъ видѣ превращенная личинка медузы называется сцифистомою и напоминаетъ собою сидячій полипъ вродѣ прѣсноводной гидры, водящейся въ нашихъ прудахъ. Сцифистома растетъ въ высоту и начинаетъ подраздѣляться поперечными перехватами на части, а ея щупальцы претерпѣваютъ обратное развитіе, т. е. уничтожаются. Въ этой стадіи развитія животное называется стробилою. По краямъ сегментовъ стробилы образуются затѣмъ новые отростки (щупальцы) и мало по малу сегменты отдѣляются въ видѣ плоскихъ дисковъ съ отростками, которые плаваютъ отдѣльно и превращаются постепенно въ взрослыхъ колоколообразныхъ медузъ. Здѣсь, такимъ образомъ, половыя и бесполовыя поколѣнія оказываются совсѣмъ непохожи одно на другое, здѣсь являются превращенія. Теперь обратимъ вниманіе на то, что сцифистома въ извѣстной стадіи развитія весьма напоминаетъ гидру. Исходя изъ этого, Келликеръ предполагаетъ, что возможно, что нѣкогда гидроподобные организмы, размножаясь, произвели дотолѣ несуществовавшія формы медузъ.

Явленія метатенеза указываютъ по Келликеру на возможность происхожденія совершенно новыхъ существъ внезапно, т. е. безъ всякихъ постепенныхъ переходовъ. Возможность этой внезапности открывается также изъ фактовъ гетерогоніи. Подъ именемъ гетерогоніи разумѣютъ тѣ случаи, когда одно и тоже животное при размноженіи своемъ является въ двухъ или болѣе различныхъ формахъ зрѣлыхъ въ половомъ отношеніи. Такъ, наприм., существуетъ маленькая круглая глиста, аскарида лягушачья (*ascaris nigrovenosa*), которая живетъ въ двухъ различныхъ формахъ — въ легкихъ лягушки и во влажной землѣ. Въ легкихъ лягушки живетъ гермофродитическая форма, яйца которой развиваются изъ раздѣльнополыхъ глестъ, имѣющихъ признаки рода *Rhobditis*. Эти молодые робдитисы изъ легкихъ лягушки переходятъ въ ея пищепріемное горло и пройдя чрезъ пищеварительный каналъ, съ испражненіями попадаютъ на землю, послѣ чего живутъ въ землѣ свободно, пока

снова не попадутъ въ ротъ и легкія лягушки, гдѣ они производятъ первоначальное гермафродитическое поколѣніе. Такъ, оказывается, что изъ одного и того же начала возникаютъ *ascaris nigrovenosa* и *rhabditis nigrovenosa*.

Что касается до педогенеза, то Келликеръ цитируетъ открытіе пр. Вагнера о размноженіи личинокъ мухъ, какъ подтверждающее его теорію разнороднаго происхожденія. Вагнеръ нашелъ, что личинки нѣкоторыхъ мухъ (*sesidomyidae*) могутъ производить внутри своего тѣла новое поколѣніе подобныхъ же личинокъ. Эти послѣднія поѣдаютъ внутренности матери и выходятъ наружу, послѣ окукливаются или же вторично производятъ внутри себя поколѣніе личинокъ, которыя уже подвергаются окукливанію. Изъ куколокъ развиваются мухи. Можно допустить, говоритъ Келликеръ, что личинки насѣкомыхъ существовали нѣкогда, какъ самостоятельныя формы и внезапно стали производить не подобныхъ себѣ личинокъ, а новыя существа, т. е. современныхъ мухъ ¹⁵⁾.

Въ подтвержденіе теоріи Келликера о возможности внезапныхъ переходовъ организмовъ одного вида въ организмы другого вида можно указать еще на наблюденія и опыты Уоллеса и Вейсмана надъ бабочками. Существуютъ, наприм., двѣ формы европейскихъ бабочекъ *vanessa levana* и *vanessa prorsa*, рѣзко различающіяся между собою цвѣтрасписаніемъ. Первая — буро-желтаго цвѣта съ черными пятнами и полосками, вторая — черная съ широкой бѣлой перевязью на обоихъ крыльяхъ. Эти двѣ формы долгое время считались за два различныхъ вида, но впоследствии оказалось, что различіе окраски обусловливается вліяніемъ временъ года: *vanessa levana* есть перезимовавшая въ куколкѣ *vanessa prorsa*. Теперь существуютъ самостоятельно и *prorsa* и *levana*. Вейсманъ развилъ теорію, что *prorsa* произошла отъ *levana* во время ледниковой эпохи ¹⁶⁾. Съ

¹⁵⁾ Холодковскій, теорія Дарвина, ея критики и ея дальнѣйшее развитіе. Келликеръ (Русское Богатство 1888 г. Январь).

¹⁶⁾ Вейсманъ, этюды къ десцендентной теоріи происхожденія видовъ (прибавленіе къ книгѣ Уоллеса „Естественный подборъ“).

точки зрѣнія Келликера, находящей въ данномъ случаѣ опору въ фактахъ настоящаго, такой переходъ могъ произойти внезапно.

Теорія Келликера отрицаетъ знаменитое древнее положеніе: *natura non facit saltum*, положеніе, надо замѣтить, представляющее собою такой же бѣооновскій *idolon* для современныхъ натуралистовъ, какимъ для прежнихъ являлся *hoggor vasui* въ природѣ. Теорія эта, далѣе, устанавливаетъ новый взглядъ на отношеніе организмовъ между собою. По Дарвину и другимъ, различные организмы тѣмъ ближе генетически, чѣмъ они ближе физически, по Келликеру этого не оказывается. Непосредственнымъ дѣтищемъ червеобразнаго существа можетъ быть *musca domestica* — организмъ совсѣмъ другаго типа, стоящій рядомъ съ *musca caesar*, *comotogia* и могущій не имѣть съ ними никакого родства. Келликеръ идетъ даже далѣе, онъ утверждаетъ, что организмы одного вида могли происходить отъ совершенно различныхъ предковъ, почему и называетъ свою гипотезу полифилитическою въ противоположность дарвиновской, которая, какъ онъ законно говоритъ, непременно должна быть монофилитической. Съ точки зрѣнія Келликера, значитъ, человекъ могъ родиться — даже и въ библейскомъ смыслѣ потенциально совершеннымъ — отъ какого нибудь вовсе непохожаго на него млекопитающаго, но могъ, конечно, родиться и отъ обезьяны.

Въ 1884 году появилась новая теорія происхожденія видовъ, — Негели (*Mechanisch physiologische Theorie der Abstammungslehre. Munchen und Leipzig 1884*) приближающаяся въ нѣкоторыхъ пунктахъ довольно близко къ теоріи Келликера. Какъ и Келликеръ, Негели въ борьбѣ за существованіе и естественномъ подборѣ не видитъ достаточныхъ факторовъ для образованія новыхъ видовъ. Они, по его воззрѣнію, только устраняютъ съ жизненной арены менѣе приспособленные организмы и такимъ образомъ производятъ пробѣлы (*Lücken*) между видами, но не создаютъ новыхъ видовъ. Появленіе таковыхъ отчасти должно быть приписано вліянію внѣшнихъ условій, но главнымъ образомъ оно должно быть приписано принципу совершенство-

ванія (Vervolkomnings princip). Этотъ принципъ механическаго свойства и есть ничто иное, какъ законъ инерціи въ области органическаго развитія. Разъ эволюціонное движеніе началось, оно не можетъ остановиться, а должно продолжаться въ опредѣленномъ направленіи. Негели замѣчаетъ, что если бы дарвиновскіе факторы заправляли развитіемъ организмовъ, то измѣненія послѣднихъ происходили бы во всевозможныхъ направленіяхъ, и въ дѣйствительности не было бы того генеалогическаго дерева организмовъ, которое представляетъ намъ окружающій міръ. Изложимъ теорію Негели. По воззрѣнію Негели, составившемуся на основаніи изученія строенія крахмальныхъ зеренъ и клѣточныхъ оболочекъ растений, всѣ организованныя тѣла состоятъ изъ мельчайшихъ частицъ, большею частію правильной кристаллической формы, такъ называемыхъ мицеллъ (объемъ одного миццела, по Негели равенъ $0,000000021$ кубическихъ микромиллиметровъ, принимая микромиллиметръ равнымъ $0,001$). Понятно, что такіе мицеллы не видны ни въ какіе микроскопы, тѣмъ не менѣе мицеллы не представляютъ собою нѣчто простое, нѣтъ, каждая изъ нихъ представляетъ опредѣленную группу или систему молекулъ. Въ сухомъ состояніи тѣла мицеллы могутъ плотно прилегать другъ къ другу; но въ присутствіи воды они раздвигаются на извѣстное разстояніе, такъ какъ ихъ взаимное притяженіе не столь сильно, какъ ихъ притяженіе къ водѣ. Такимъ образомъ каждый мицеллъ одѣвается тонкой водяной оболочкой. Всякая клѣточка состоитъ изъ такихъ мицеллъ, составляющихъ ея протоплазму, ядро и оболочку. Яйца, изъ которыхъ развиваются организмы, понятно, какъ и самые организмы, состоятъ тоже изъ мицеллъ. Не все яйцо представляетъ собою начало, изъ котораго развивается организмъ, большая часть яйца, какъ извѣстно, состоитъ изъ питательнаго матеріала для остальной части — зародыша въ собственномъ смыслѣ, который Негели называетъ идиоплазмой. Всѣ признаки, отличающіе взрослые организмы другъ отъ друга, содержатся уже съ самаго начала развитія въ строеніи идиоплазмы, каждый организмъ обязанъ своимъ возникновеніемъ особой модификаціи этого вещества.

Такимъ образомъ, идиоплазма какъ бы заключаетъ въ себѣ множество зачатковъ будущихъ свойствъ организма. Чрезвычайная сложность строенія, которая должна быть приписана идиоплазмѣ высшихъ животныхъ и растений, является результатомъ всего племеннаго развитія. У низко организованныхъ предковъ ихъ она была весьма проста. Ее можно сравнить, говоритъ Негели, съ недисциплинированнымъ средневѣковымъ войскомъ, такъ какъ сложная идиоплазма уподобляется хорошо обученной арміи съ подраздѣленіями и съ подчиненіемъ частей. По воззрѣнію Негели, идиоплазма представляетъ собою какъ бы сѣть, распространенную по всему организму и связующую всѣ его части между собою. Эта сѣть проходитъ чрезъ всѣ клѣтки, нити ея особенно сосредоточены въ ядрахъ клѣтокъ. Негели думаетъ, что сѣтеобразное расположеніе протоплазмы и ядернаго вещества въ клѣткахъ растений находится въ соотвѣтствіи съ развѣтвленіемъ идиоплазмы по тѣлу. Шнуры этой идиоплазматической сѣти и состоятъ изъ параллельныхъ рядовъ мицеллъ. Мицеллы сосѣднихъ рядовъ динамически связаны другъ съ другомъ такъ, что возбужденіе, испытываемое какимъ либо однимъ рядомъ передается и на сосѣдніе ряды (подобно электрической цѣпи). При всякихъ измѣненіяхъ идиоплазмы, влекущихъ за собою появленіе новыхъ наследственныхъ свойствъ, всѣ шнуры ея сѣти, всѣ ряды ея мицеллъ претерпѣваютъ измѣненія. Эти измѣненія могутъ происходить или матеріальнымъ или динамическимъ путемъ. Въ первомъ случаѣ при измѣненіи идиоплазмы въ какой-либо части тѣла отъ этого мѣста распространяется перестройка посредствомъ двиганія новыхъ мицеллъ во всѣ части организма чрезъ тончайшіе отростки протоплазмы, соединяющіе отдѣльныя клѣточки между собой. Если же имѣетъ мѣсто второй способъ, то значить, что при каждомъ измѣненіи въ напряженіи мицеллъ въ одномъ мѣстѣ измѣняется тотчасъ относительное напряженіе ихъ и во всемъ организмѣ. Какой именно способъ измѣненія мицеллъ имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности, Негели не рѣшаетъ. Причины измѣненія въ мицеллахъ двояки: одни дѣйствуютъ постоянно, это тѣ, которыя вызываютъ ростъ мицеллъ. Между суще-

ствующими мицеллами вдвигаются новыя, образуются новыя ряды и т. д. Хотя при этомъ собственно происходитъ ростъ только организма, однако и здѣсь уже въ мицеллахъ происходятъ, правда, очень незначительныя, но все таки такія измѣненія, которыя измѣняютъ организацію потомковъ этого организма. Такъ какъ внѣдреніе новыхъ мицеллъ между уже существующими обусловливается природою и расположеніемъ послѣднихъ, то изъ этой геометрической конфигураціи можетъ возникнуть только новая нетождественная съ нею конфигурація. „По принципамъ механики, говоритъ Негели, если разъ состояніе а превратилось въ b, то состояніе b не можетъ уже опять превратиться въ a, но лишь въ слѣдующее с и т. д.“. Другія причины — случайныя, производящія внезапное измѣненіе структуры мицеллъ. Послѣднимъ причинамъ Негели не придаетъ важнаго значенія.

Установивъ причины и законы измѣненія организмовъ, Негели происхожденіе видовъ представляетъ себѣ такимъ образомъ. Сначала образовался, да и теперь образуется изъ неорганической матеріи бѣлокъ, молекулы котораго взаимнымъ притяженіемъ образовали мицеллы. Между мицеллами начали вдвигаться новыя мицеллы. Наконецъ, ихъ соединилось столь много, что они не могли сдерживаться взаимнымъ притяженіемъ и они распались на нѣсколько группъ, образовавъ первичные организмы съ безпорядочной молекулярной структурой (пробіи — *probiot*). Затѣмъ, явились болѣе сложные организмы, мицеллы которыхъ находились уже въ болѣе упорядоченномъ состояніи и соотношеніи и т. д. При этомъ нужно замѣтить, что, хотя идиоплазма измѣняется въ организмахъ постоянно, эти измѣненія могутъ долго не обнаруживаться во внѣшнихъ измѣненіяхъ организма, и затѣмъ чрезъ много поколѣній могутъ выразиться сразу рѣшительнымъ образомъ. Такимъ образомъ, Негели, какъ и Келликеръ, признаетъ скачки. Человѣкъ, по теоріи Негели, могъ произойти независимо отъ обезьяны и отъ какихъ бы то ни было животныхъ особымъ путемъ, путемъ совершенно самостоятельнымъ отъ особаго бѣлка и пробіа. Родственниковъ человѣка не существуетъ въ современномъ животномъ царствѣ, какъ и вообще всѣ животныя виды, можетъ

быть, не родственны между собой, и каждый имѣетъ свой особый корень ¹⁷⁾.

Въ то время, какъ на европейскомъ материкѣ ученые, исходя изъ сознанія неудовлетворительности теории Дарвина, выступили съ собственными теоріями, соотечественникъ Дарвина Роменсъ представилъ теорію фیزیологическаго подбора для объясненія происхожденія видовъ, теорію, которая восполняла ученіе Дарвина и лишала силы многія изъ направленныхъ противъ него возраженій. Противъ теории Дарвина прежде всего были приведены три слѣдующія возраженія: 1) бесплодность при скрещиваніи видовъ, 2) раствореніе измѣненій организмовъ чрезъ скрещиваніе и 3) бесполезность незначительныхъ особенностей, приобрѣтенныхъ какими нибудь организмами и вслѣдствіе этого потеря, а—конечно—не развитіе этихъ особенностей, эти три факта, утверждали, устраняютъ возможность образованія новыхъ видовъ чрезъ естественный подборъ и борьбу за существованіе. Роменсъ пытаясь спасти теорію Дарвина, измѣняетъ его ученіе такимъ образомъ. По его мнѣнію въ ряду измѣненій, которыя возникаютъ въ организмахъ, для образованія новыхъ видовъ имѣютъ существенное значеніе измѣненія въ половой системѣ (воспроизводительныя). Измѣненія эти дѣйствительно бываютъ и состоятъ въ томъ, что индивидуумъ оказывается бесплоднымъ при скрещиваніи съ одними и плодовитымъ при скрещиваніи съ другими индивидуумами. Этимъ фактомъ устраняется нужда въ миграціи, которую Морисъ Вагнеръ призналъ необходимою для того, чтобы естественный подборъ производилъ тѣ слѣдствія, которыя ему приписывалъ Дарвинъ. Этимъ фактомъ нѣкоторые организмы обособляются отъ другихъ организмовъ имъ подобныхъ и живущихъ въ той же мѣстности. Эти нѣкоторые организмы, приобрѣтая какія-либо особенности, очевидно, не будутъ терять ихъ чрезъ скрещиваніе. Особенности будутъ унаслѣдываться, и такъ, наконецъ, образуется новый видъ.

---

17) Красновъ, Новая механико-фیزیологическая теорія происхожд. вид. Холодковскій, теорія Дарвина, ея критики и ея дальнѣйшее развитіе. Негелл. (Русс. Богатст. 1884 г. № 10, 1888 г. 1—4 №№).

Примѣры измѣненія въ воспроизводительной силѣ лучше всего показать на цвѣтахъ. Представимъ себѣ, что какой-нибудь цвѣтокъ пріобрѣлъ или получилъ такую особенность, что его цвѣточная пыль созрѣваетъ двумя недѣлями позже, чѣмъ пыль другихъ цвѣтовъ того же вида, представимъ, что такихъ цвѣтовъ явилось нѣсколько, очевидно, скрещиваніе будетъ возможно только между ними, а не между всѣми цвѣтами этого вида. Отсюда, если эти запоздалые цвѣты пріобрѣтутъ какую-нибудь особенность, то эта особенность передается ихъ потомкамъ. Съ точки зрѣнія Роменса физиологическій подборъ долженъ былъ однимъ изъ главныхъ факторовъ, содѣйствовавшихъ происхожденію чело-вѣка отъ обезьяноподобнаго предка ¹⁸⁾.

Разсмотримъ теперь критически эти новыя десцендентныя ученія. Во всѣхъ этихъ трехъ ученіяхъ есть одна общая особенность: теоріи эти не имѣютъ подъ собою фактовъ, можно даже сказать больше, теоріи эти, вообще, не имѣютъ за собою основаній. Первые двѣ изъ нихъ весьма близки между собою по своему метафизическому характеру. Современные ученые очень презрительно относятся къ метафизикѣ и однако, очень охотно прибѣгаютъ къ ея помощи при составленіи гипотезъ. Негели хочетъ объяснить весь органическій міръ изъ комбинаціи мицеллъ — этихъ своего рода органическихъ атомовъ. Причина всего, по воззрѣнію Негели, лежитъ только въ перемѣщеніи мицеллъ. Келликеръ не далъ теоріи идиоплазмы, но очевидно, что мицеллы Негелли разъясняютъ и его теорію, иначе его теорія является не только не обоснованной, но и не выясненной. Но во 1) существуютъ ли эти мицеллы? Во 2) ~~если~~ они существуютъ, то какимъ образомъ они пріобрѣтаютъ свойства растительныхъ организмовъ? Негели говоритъ объ ихъ динамическомъ состояніи, поясняетъ аналогіями съ тѣмъ, что намъ неизвѣстно, такъ какъ объясненія электрическихъ явленій, на которыя ссылается Негели, вѣдь, не имѣется, какъ вообще

---

¹⁸⁾ Роменсъ, къ вопросу о происхожденіи видовъ (физиологическій подборъ). Сообщение, читанное въ Линнеевскомъ королевскомъ обществѣ—пер. Мокіевскаго (Р. Б. 1887 №№ 1—2).

не имѣется, что можетъ засвидѣтельствовать каждый физикъ—удовлетворительной теоріи электричества. Въ 3) какимъ образомъ комбинаціи мицеллъ получили способность ощущенія? Негели не отвѣчаетъ удовлетворительно ни на одинъ изъ предложенныхъ вопросовъ, какъ не могъ отвѣтить на тѣже вопросы и Демокритъ, предлагавшій вмѣсто мицеллъ Негели атомы огненной природы. А между тѣмъ уже многими учеными представлены въ явленіяхъ царства растительнаго многія серьезные возраженія противъ теоріи мицеллъ. Первымъ началъ выражать Шимперъ¹⁹⁾. Негели построилъ теорію мицеллъ на основаніи наблюденій надъ крахмальными зернами, будто бы увеличивающимися въ объемъ чрезъ интуссусцепцію, т. е. значитъ растущими сразу во всѣхъ своихъ частяхъ, но Шимперъ показалъ, что ростъ крахмальныхъ зеренъ совершается не чрезъ интуссусцепцію, а чрезъ наложеніе (все равно, какъ увеличивается объемъ дерева), это совершенно разбиваетъ мицеллярную теорію. Но теорія Негели страдаетъ еще и другими недостатками. Во 1) она не объясняетъ происхожденія полезныхъ измѣненій въ организмѣ; во 2)—и это самое главное—она стоитъ въ противорѣчьи съ фактами регрессовъ въ природѣ. По Негели, организмы должны постоянно усовершенствоваться, усложняться, но есть много организмовъ, не измѣнившихся въ теченіе многихъ геологическихъ вѣковъ, головоногіе молоноски изъ рода *nautilus* существуютъ съ силурійской эпохи до нашихъ дней. Далѣе, существуютъ организмы, организація которыхъ упростилась въ настоящее время сравнительно съ тѣмъ, какого она была въ прошедшемъ, таковы киви, потерявшія крылья, таковы змѣи, потерявшія ноги. Эмбриологія асцидій даетъ основанія полагать, что онѣ прежде стояли выше, чѣмъ теперь. Асцидіи организованы довольно низко и сидятъ неподвижно, приросши къ камнямъ, устилающимъ дно моря вблизи береговъ. Вся жизнь ихъ состоитъ въ глотаніи и процеживаніи морской воды съ разными мелкими организмами и въ размноженіи. Но насколько однообразна, невзрачна организація и жизнь

¹⁹⁾ Русское Богат. 1888 № 4 ст. 59—60.

взрослыхъ асцидій, настолько же интересна ихъ исторія развитія. Первые стадіи развитія яйца до такой степени похожи на соотвѣтственныя фазы развитія позвоночнаго животнаго — ланцетика, что ихъ невозможно различить. Изъ яйца, далѣе, выдупляется свободно плавающая личинка съ подвижнымъ хвостомъ, съ внутреннимъ скелетомъ (съ спинною струною — *chorda dorsalis*), съ довольно развитою нервною системою и съ однимъ глазомъ. Но вскорѣ эта довольно высоко организованная личинка прикрѣпляется къ какому-нибудь камню и начинаетъ терять одну черту совершенства за другою. Хвостъ исчезаетъ, внутренній скелетъ пропадаетъ, нервная система упрощается, глазъ теряется, мало по малу животное обростаетъ оболочкой и превращается въ взрослую асцидію, организація которой гораздо ниже организаціи личинки ²⁰⁾. Согласно установившимся воззрѣніямъ эволюціонистовъ эта исторія развитія асцидій указываетъ на то, что она произошла отъ болѣе совершенныхъ предковъ, чѣмъ они сами. Теорія Негели не можетъ допустить такихъ фактовъ, но современное естествознаніе считаетъ ихъ несомнѣнными. Очевидно, должно поэтому признать несомнѣнной и несостоятельность теоріи Негели.

Келликеръ кромѣ ничего, недоказывающихъ аналогій не представилъ никакихъ основаній въ пользу своей теоріи. Этими основаніями для его теоріи въ значительной мѣрѣ могли служить соображенія Негели, но разъ эти соображенія оказываются не имѣющими значенія, то и теорія Келликера является не имѣющею никакой опоры.

Теорія Роменса, претендующая дополнить ученіе Дарвина, въ сущности не дѣлаетъ это ученіе болѣе правдоподобнымъ. Естественный подборъ обусловливается, по Роменсу, фізіологическимъ подборомъ. Тѣ индивидуумы, отъ которыхъ имѣетъ произойти новый видъ, прежде всего теряютъ плодовитость при скрещиваніи съ индивидуумами стараго вида. Но что означаетъ собою эта потеря плодовитости? Безъ

---

²⁰⁾ Холодковскій, теорія Дарвина и ея крит. Исторія развитія асцидій Русск. Богат. 1888 № 4.

сомнѣнія, нѣкоторое болѣзненное измѣненіе въ организмѣ. Организмъ вполне нормальный при скрещиваніи съ каждымъ вполне нормальнымъ организмомъ долженъ дать плодъ. Затѣмъ, это болѣзненное измѣненіе можетъ, вѣдь, не сопровождаться другими измѣненіями, какъ, напротивъ, очень часто бываетъ и тому свидѣтельство безчисленныя разновидности, что совершенно различныя измѣненія, возникающія въ организмахъ одного и того же вида, нисколько не препятствуютъ плодовитости этихъ разновидностей при скрещиваніи. Теорія Роменса предполагаетъ обособленіе нѣкоторыхъ индивидуумовъ, затѣмъ, возникновеніе въ ихъ средѣ измѣненій, распространяющихся на всю среду. Но здѣсь прежде всего возникаетъ вотъ какое затрудненіе. Обособленіе индивидуумовъ въ одномъ поколѣніи должно ли продолжаться на слѣдующія поколѣнія, начало консервативной наслѣдственности не возьметъ ли верхъ, и потомство обособленныхъ организмовъ не сдѣлается ли снова способнымъ къ скрещиванію и плодовитымъ со всѣми организмами своего вида? Наконецъ, допустимъ окончательное обособленіе организмовъ, но вѣдь, нѣтъ никакихъ причинъ къ тому, чтобы измѣненія въ организациі одинаково происходили во всѣхъ ихъ потомкахъ. Если нѣсколько особей, получившихъ какую-либо особенность, стали плодовитыми только между собою, то, положимъ, есть вѣроятность, что онѣ сохраняютъ эту особенность (замѣтимъ при этомъ, что здѣсь потеря плодовитости и возникновеніе особенности являются внезапными такъ, что здѣсь собственно нѣтъ согласія съ дарвинизмомъ, а съ ученіями Келликера и Негели), но какимъ же образомъ эти особи и ихъ потомки стануть выдѣляться въ особый видъ, вѣдь, у однихъ изъ нихъ можетъ явиться какая-либо новая особенность, а у другихъ нѣтъ, и скрещиваніе будетъ дѣйствовать на нихъ нивелирующимъ образомъ. Допустимъ, что подъ вліяніемъ какихъ-либо условій въ 2 изъ 20 обособленныхъ физиологическимъ подборомъ особяхъ явились какія-либо особенности, положимъ, голубой цвѣтъ глазъ у кошекъ; при скрещиваніи этихъ 2-хъ съ остальными 20 не долженъ ли этотъ признакъ раствориться и исчезнуть. Такимъ образомъ, скрещиваніе, правда, ограниченное не

устраняется здѣсь совсѣмъ и приводитъ къ тѣмъ же роковымъ послѣдствіямъ для образованія новаго вида, какъ и собственно въ дарвиновской теоріи. Особенно, если принять во вниманіе размноженіе организмовъ въ геометрической прогрессіи: отъ 20 происходитъ 200, отъ 200—2000, причѣмъ большинство не имѣетъ новыхъ признаковъ; очевидно, особенности меньшинства должны исчезнуть предъ давленіемъ большинства.

Фактъ появленія всѣхъ новыхъ ученій со времени Дарвина ясно и неумолчно говоритъ, что ученіе Дарвина не признается удовлетворительнымъ. Когда Ньютонъ развилъ свою теорію тяготѣнія, ее оспаривали, но ее не могли замѣнить никакимъ инымъ ученіемъ. Съ теоріей Дарвина происходитъ иначе. Отчасти ее отрицаютъ, отчасти исправляютъ и дополняютъ ²¹⁾). Нельзя пока считать установленнымъ ни одного положенія эволюціонной теоріи. Возьмемъ основаніе, что классификація, располагающая организмы по степени сходства, располагаетъ ихъ и по степени родства. Келликеръ отрицаетъ это основаніе, съ точки зрѣнія Негели тоже возможно такое отрицаніе. Возьмемъ другое положеніе, что высшіе организмы произошли отъ низшихъ. Установлено ли оно? Нѣтъ, пока имѣются несомнѣнные факты только относительно того, что нѣкоторые менѣе развитые организмы произошли отъ болѣе развитыхъ. Если мы сопоставимъ различныя теоріи происхожденія видовъ, то получимъ замѣчательный результатъ: ихъ нельзя обобщить, въ нихъ нельзя найти общихъ основныхъ пунктовъ. Строго говоря, ихъ, вѣдь, нельзя назвать гипотезами эволюціонными, потому что теорія Дарвина, собственно Дарвина, какъ вѣрно замѣтилъ

---

21) Примѣчаніе. Въ настоящее время очень многими учеными овладѣваетъ искушеніе предложить свою теорію происхожденія видовъ, и стали появляться теоріи, даже вызывающіе сомнѣніе въ здравомысліи ихъ авторовъ. Такъ въ 1883 г. въ Парижѣ нѣкто Реноо издалъ книгу: „L'origine des animaux, histoire du développement primitif, nouvelle théorie de l'évolution refutant par l'anatomie celle de M. Darvin. Въ этой книгѣ онъ самымъ серьезнымъ образомъ утверждаетъ, что животныя и человѣкъ произошли отъ старыхъ пней. Книга снабжена рисунками, поясняющими теорію.

Данилевскій, вовсе не эволюціонная. Эволюція значить развитіе, прогрессъ. Понятіе эволюціи предполагаетъ собою законъ развитія, такой законъ признають Келликеръ и Негели, но Дарвинъ не признаеть его. У него случай, обусловленный конкуренціей и отборомъ производитъ измѣненія, сохраняетъ и усиливаетъ ихъ. Но измѣненіе не значить непосредственно совершенствованіе. Дарвинъ не указаль никакого начала, которое бы могло производить послѣднее, хотя Дарвиномъ и утверждается рѣшительно происхожденіе болѣе совершеннаго отъ менѣе совершеннаго. Вѣдь, на самомъ дѣлѣ съ точки зрѣнія Дарвина, какой организмъ наиболѣе совершенъ, и къ какому совершенству стремится природа? Очевидно, организмъ наиболѣе приспособленный есть и наиболѣе совершенный, и таковыя организмы сохраняются природой. Но организмы, являющіе совершенство приспособленія, прежде всего встрѣчаются на низшихъ ступеняхъ развитія среди простѣйшихъ безпозвоночныхъ и гораздо менѣе встрѣчаются между высокоразвитыми организмами. Высшія млекопитающія очень прихотливы и легко вымирають. Они вовсе не предоставляютъ собою существъ наиболѣе приспособленныхъ и сохраняемыхъ естественнымъ подборомъ въ борьбѣ за существованіе. Здѣсь теорія Дарвина повидимому запутывается въ противорѣчіяхъ.

Мы не думаемъ, чтобы изложенныя нами возраженія противъ эволюціонной доктрины были неопровержимыми, мы не претендуемъ утверждать это. Но изъ изложеннаго слѣдуетъ, что вопросъ о происхожденіи видовъ только поставленъ, а не рѣшенъ. Ни объ одномъ видѣ животныхъ неизвѣстно, какимъ образомъ онъ на самомъ дѣлѣ произошелъ. Эволюція это только гипотеза, насколько она истинна, и что въ ней истинно, это покажутъ послѣдствія.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію приложенія эволюціонной теоріи къ объясненію происхожденія человѣка.

Г Л А В А · 3-я.

Разборъ побочныхъ данныхъ, представляемыхъ эволюціонистами въ доказательство происхожденія челоуѣка отъ животныхъ типовъ. Неправильность утвержденія эволюціонистовъ, что онтогенетическій процессъ вполне отражаетъ въ себѣ филогенетическій и невозможность руководства онтогенетической для рѣшенія вопроса о происхожденіи челоуѣка. Невыясненность значенія рудиментарныхъ органовъ. Неправильность взгляда эволюціонистовъ на нѣкоторыя индивидуальныя особенности людей, какъ на атавистическія. Неправильность взгляда эволюціонистовъ на микроцефаловъ. Несостоятельность взгляда Дарвина на явленія экспрессии, какъ подтверждающія его теорію животнаго происхожденія челоуѣка.

Изложеніе представляемыхъ эволюціонистами доказательствъ происхожденія челоуѣка отъ животныхъ типовъ мы начали перечисленіемъ приводимыхъ ими побочныхъ данныхъ истинности изъ ученія. Теперь, обращаясь къ разбору эволюціонной теоріи происхожденія челоуѣка, мы начнемъ его также изслѣдованіемъ этихъ побочныхъ данныхъ.

Прежде всего займемся разсмотрѣніемъ данныхъ, представляемыхъ эмбриологіею. Сущность основаній, заимствуемыхъ эволюціонистами изъ эмбриологіи, состоитъ въ томъ, что, такъ какъ онтогенетическій процессъ отражаетъ въ себѣ процессъ филогенетическій, и такъ какъ зародышъ челоуѣка въ различныхъ стадіяхъ своего развитія бываетъ похожъ послѣдовательно на различные животныя типы, начиная отъ низшихъ и восходя къ высшимъ, то, значитъ, отъ этихъ животныхъ типовъ онъ и произошелъ. Но во 1) дѣйствительно ли онтогенетическій процессъ служитъ отраженіемъ процесса филогенетическаго, это еще не доказано. Существуютъ даже нѣкоторыя основанія отрицать это, именно слѣдующія: а) зародышъ всякаго животнаго въ своемъ разви-

тии бываетъ похожъ только на очень немногя формы низшія; между тѣмъ какъ по теоріи эволюціи онъ долженъ бы былъ проходить безчисленное количество низшихъ формъ. Далѣе, даже и съ немногими то формами его сходство бываетъ не безусловно, а ограничено только немногимъ числомъ признаковъ: походя въ одномъ какомъ-нибудь отношеніи, положимъ на рыбу, зародышъ въ тоже время имѣетъ признаки исключительно присущіе млекопитающему. По теоріи эволюціи этого быть бы не должно. б) Процессъ развитія различныхъ животныхъ далеко не одинаковъ. Такъ всѣ млекопитающія развиваются совершенно иначе, чѣмъ беспозвоночныя. „У млекопитающихъ прежде всего появляется сердце, вскорѣ, затѣмъ, артеріи и вены, спустя немного нервная система и наконецъ пищеварительный каналъ. У беспозвоночныхъ порядокъ совершенно измѣняется. Пищеварительный аппаратъ производится раньше органовъ кровообращенія. Иногда случается, что ихъ вовсе не бываетъ въ теченіе долгаго времени независимой жизни молодого животнаго внѣ яйца“ ¹⁾. По теоріи эволюціи слѣдовало бы признать, что млекопитающія произошли не отъ беспозвоночныхъ, но въ такомъ случаѣ отъ кого же? Вообще то замѣтимъ, что, чѣмъ дальше изучается эмбриологія, тѣмъ болѣе колеблется ученіе о прохожденіи высшимъ животнымъ въ своемъ развитіи формъ, отражающихъ низшія. Ученіе Меккеля (своими соображеніями по этому предмету представлявшаго прекрасныя основанія для Геккеля) утверждавшаго (въ 1812 г.), что каждый организмъ отражаетъ въ своемъ развитіи всѣ низшія формы, давно отвергнуто. Еще Бэръ показалъ, что не всѣ животныя развиваются однимъ и тѣмъ же путемъ, изслѣдованія послѣ Бэра еще болѣе подтвердили мысль послѣдняго ²⁾. 2) Но если даже допустить, что въ развитіи зародыша отражаются низшія формы, то и тогда вѣдь, собственно говоря, не много слѣ-

¹⁾ Катрфажъ, Метаморфозы человѣка и животныхъ, стр. 19.

²⁾ Анучинъ, Антропоморф. обезьяны и низшіе типы человѣчества стр. 124—125 Природа 1874 кн. 4.

дуетъ въ пользу теоріи эволюціи. Каждый высшій организмъ обыкновенно представляетъ собою непосредственно низшій + нѣкоторый X. Развитие каждаго организма, конечно, должно происходить въ такомъ порядкѣ, что сначала являются у него органы наиболѣе необходимыя для жизни, затѣмъ, менѣе необходимыя. Понятно, что питаніе должно предшествовать ощущенію и ощущеніе — мысли, существенное должно являться раньше несущественнаго и главное раньше деталей. Отсюда, естественно зародышъ высшаго организма въ извѣстныхъ стадіяхъ развитія долженъ отражать въ себѣ низшіе организмы, какъ отдаленные отъ него, такъ затѣмъ и ближайшіе къ нему. Но въ дѣйствительности онъ бываетъ только похожъ на нихъ, а не тождественъ съ нимъ: а) съ самаго начала, вѣдь, у него въ сѣмени заложенъ тотъ X, который отличаетъ его отъ организма низшаго; б) потому что онъ въ дѣйствительности представляетъ собою не просто непосредственно низшій его организмъ + X, а нѣкоторое измѣненіе этого организма + X. Эмбриологія, дѣйствительно, и подтверждаетъ это апріорное соображеніе о зародышѣ. Но въ такомъ случаѣ, очевидно, эмбриологія представляетъ собою весьма шаткую, даже, пожалуй, опасную (если принять во вниманіе сказанное подъ 1, а и б пунктами) опору для теоріи эволюціи; и во всякомъ случаѣ ея указанія въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи человѣка безъ подтвержденія ихъ другими данными не имѣютъ значенія. Обратимся къ этимъ другимъ даннымъ.

Эволюціонисты указываютъ на рудиментарныя органы, существующіе у человѣка и представляющіе будто бы собою бесполезное наслѣдіе, полученное отъ отдаленныхъ животныхъ предковъ. Но на самомъ дѣлѣ происхожденіе каждаго изъ рудиментарныхъ органовъ у человѣка можетъ быть объяснено совершенно иначе. Что касается до мышпцъ на лбу и ушныхъ, то онѣ, пожалуй, указываютъ, что люди прежде, вообще, двигали ушами и кожей на лбу, но, вѣдь, несомнѣнно въ неблагопріятномъ для Дарвина смыслѣ. Движеніе ушами, если могло быть полезно прежде животному предку человѣка или человѣку, то только вертикальное между тѣмъ, какъ оно (какъ показываютъ мышпцы) было

только горизонтальное, следовательно, бесполезное, движение кожи на лбу, понятно, не могло быть полезно ни для животного ни для человека. Позволительно поэтому предполагать, что главное назначение этих мышц состоит не в том, чтобы сообщать движение, а в чем-то ином, что они играют какую-то доселе не выясненную роль в экономии организма. Маленький выступ на ушах, указанный Дарвину Уольнером, не представляет собою зачаточного органа. Исследования показывают, что у некоторых людей таких выступов бывает два. Объясняя, как рудимент, один выступ, мы обязаны также объяснить и другой выступ, но в таком случае падает теория Дарвина об остроконечных ушах наших предков. Не представляет рудимента и ушная раковина. Правда, не доказано, но можно предполагать, что она оказывает значительную услугу органу слуха, собирая звуковые волны и передавая их колебания окончностям слуховых нервов. Это предполагать можно, так как никто еще не доказал противного. Полулунная складка около века, в которой Дарвин хочет видеть остаток мигательной перепонки, на самом деле может иметь совсем иное значение в экономии организма. Видеть в чувстве обоняния рудиментарный орган по меньшей мере несостоятельно, во 1) потому что оно доставляет эстетическое наслаждение чрез восприятие ароматических запахов, во 2) потому что оно играет роль профилактического органа: оно удерживает нас от того, чтобы оставаться в испорченной атмосфере, сообщая о ее зловонии, оно удерживает нас, наприм., от употребления в пищу гнилой рыбы, возвращая о совершающихся в ней процессах разложения. Трудно объяснить существование волос на различных частях тела, но эта трудность еще не дает оснований утверждать, что они — рудиментарный орган. Существование волос на голове, у мужчин — бороды и усы доставляет эстетическое наслаждение (в тропических странах волосы защищают от зноя), брови охраняют глаза от разъедающего действия пота. Но зачем бывают волосы на груди, руках,

ногахъ и т. д.? Атласистая голая кожа есть требованіе эстетическое, природа, однако, далеко не выполнѣ удовлетворяетъ этому требованію. Какія условія заставляють ее не удовлетворять ему, когда и гдѣ появляется у человѣка наиболѣе волосъ на тѣлѣ и при томъ волосъ шерстеподобныхъ? Даемъ на это общепризнанный отвѣтъ словами Дарвина; „при условіяхъ ненормальнаго питанія близъ хронически воспаленныхъ поверхностей“³⁾. Этотъ отвѣтъ Дарвина едва ли особо благопріятствуетъ его теоріи. У человѣка есть червеобразный отростокъ слѣпой кишки, повидимому не только бесполезный, но даже вредный, должно ли этотъ отростокъ считать рудиментарнымъ органомъ? Основаній для этого нѣтъ, ибо онъ можетъ имѣть какое нибудь доселѣ невыясненное фізіологическое значеніе; что же касается до указываемаго вреда отъ него, если попадутъ какія-нибудь твердыя тѣла, то вѣдь, съ равнымъ правомъ Дарвинъ и Геккель могли бы указать на вредъ отъ дыхательнаго горла, въ которое, если попадетъ твердый предметъ, то человѣкъ погибаетъ неизбѣжно. Причину существованія зачаточныхъ женскихъ половыхъ органовъ у мужчинъ и мужскихъ у женщинъ нужно видѣть, какъ это показала Келликеръ⁴⁾ въ двуполомъ размноженіи; вѣдь, извѣстно, что зародышъ въ извѣстный періодъ развитія бываетъ одинаковъ, какъ мужской, такъ и женскій, половые органы не обозначаются ясно и только впоследствии или мужскіе или женскіе органы выдѣляются и развиваются окончательно. Другіе органы (противоположнаго пола), остающіеся зачаточными, удѣлъ всѣхъ позвоночныхъ и однако, въ развитомъ видѣ (за исключеніемъ аномаліи) не существуютъ ни у одного позвоночнаго. Если бы эти зачаточные органы были рудиментарными, то они должны были бы имѣть не ту форму, какую имѣютъ теперь, а ту, въ которой они существовали въ отдаленныя времена у

---

³⁾ Происхожд. челов. т. 1 стр. 21.

⁴⁾ Келликеръ, Основы исторіи развитія человѣка 1882 (переводъ Заварыкина) послѣдняя глава.

отдаленныхъ двуполыхъ предковъ; однако этого нѣтъ, значитъ, они вовсе не завѣтъ предковъ потомству. Указываютъ на хвостецъ, существующій у человѣка и будто бы служащій напоминаніемъ о томъ, что человѣкъ былъ нѣкогда одаренъ хвостомъ, но можно, вѣдь, въ немъ и не видѣть этого напоминанія: можетъ быть онъ нуженъ человѣку для сообщенія большей устойчивости его вертикальному положенію (отодвигая къзадѣ центръ тяжести), можетъ быть нуженъ для какихъ-нибудь другихъ цѣлей. Что касается до недавняго открытія рудиментарнаго останка третьяго глаза у человѣка, то чтеніе этого сообщенія о третьемъ глазѣ невольно вызываетъ нѣкоторое изумленіе предъ той странною послѣдовательностію развитія органа, которую намѣчаютъ Кармельтъ и Varignі. У рыбъ глазъ не обнаруживается ясно, у земноводныхъ тоже не обнаруживается, у пресмыкающихся обнаруживается замѣтнѣй всего, у млекопитающихъ остается какая то шишка очень маленькая. Какимъ же образомъ шло развитіе этого органа? Вѣдь, если онъ исчезъ у млекопитающихъ, то самые слабые слѣды его должны быть у пресмыкающихся, болѣе замѣтные у земноводныхъ; еще болѣе замѣтные и, можетъ быть, даже прямо самый органъ у рыбъ. Но на самомъ дѣлѣ, мы видимъ, развитіе органа шло по какой-то волнообразной линіи, да вдобавокъ самого то органа, вѣдь, нигдѣ и ни у кого не нашли. Въ настоящее время относительно этого, какъ его называютъ пинеального глаза образовались различныя мнѣнія и возникли споры (Лейдига и Лейденфельда ⁵⁾), которые пока совершенно устраняютъ возможность ссылаться на этотъ спорный органъ въ доказательство истинности эволюціонной доктрины.

Подведемъ итогъ всему сказанному о такъ называемыхъ рудиментарныхъ органахъ: 1) значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, наприм., хвоста, лунообразной складки около глаза, нѣкоторыхъ мышцъ для насъ не совсѣмъ ясно, тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ основанія предполагать, что они имѣютъ зна-

---

⁵⁾ Dollo, L'oeil pinal. Rev. quest Scient 1888 Janvier p. 336.

ченіе въ животной экономіи, только ускользящее доселѣ отъ нашихъ наблюденій, это предположеніе во всякомъ случаѣ не менѣе вѣроятно, чѣмъ предположеніе Дарвина; 2) въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, пожалуй, можно предполагать рудиментарные органы; по Дарвину, можно такъ смотрѣть на органъ обонянія у дикарей, что, однако, будетъ свидѣтельствовать только о томъ, что эти дикари произошли отъ болѣе совершенныхъ предковъ; 3) нѣкоторые такъ называемые рудиментарные органы на самомъ дѣлѣ представляютъ собою патологическое явленіе.

Третій рядъ фактовъ, которые будто бы, по утверженію эволюціонистовъ, представляютъ собою подтвержденіе ихъ теоріи, суть явленія атавизма. Сущность этихъ явленій состоитъ въ томъ, что являются иногда у людей признаки и органы животныхъ. Но, кажется, даже признавая гипотезу Дарвина справедливою, нельзя видѣть въ приводимыхъ имъ и другими примѣрахъ дѣйствительно то, что они понимаютъ подъ атавизмомъ, нельзя видѣть въ нихъ возвращенія къ первобытному типу. Возвращеніе къ типу предковъ, дѣйствительно, бываетъ. Рождающіяся дѣти иногда бываютъ похожи не на родителей, а на болѣе отдаленныхъ предковъ: дѣда, прадѣда и т. д.; но можетъ ли атавизмъ заходить далѣе, это не доказано. Факты, отмѣчаемые Дарвиномъ и другими эволюціонистами, имѣютъ причину свою не въ предкахъ, а совсѣмъ въ другихъ обстоятельствахъ. Дѣло въ томъ, что въ зародышѣ подъ вліяніемъ еще далеко не выясненныхъ условій одинъ органъ можетъ развиваться далѣе нормальной величины, другой—не доразвиться. Такъ являются микроцефалы—люди съ весьма малыми головами, такъ являются хвостатые люди вслѣдствіе того, что хвостецъ ихъ продолжалъ развиваться дальше, чѣмъ слѣдуетъ. Отчего это такъ? Мы не пытаемся представить естественнонаучнаго объясненія этого факта, но постараемся только показать его возможность нѣкоторой аналогіей. Существуютъ въ организмѣ такъ называемые фагоциты—клѣточки, пожирающія другія около нихъ лежащія клѣточки и вырабатывающія изъ нихъ новые органы. Такъ, наприм., у взрослой лягушки исчезаетъ хвостъ чрезъ поглощеніе его фагоци-

тами ⁶⁾. У человѣческаго зародыша въ извѣстной стадіи развитія хвостецъ выступаетъ далеко наружу, въ дальнѣйшемъ излишекъ его исчезаетъ, можетъ быть его поглощаютъ клѣточки подобныя фагоцитамъ; представимъ себѣ, что вслѣдствіе какой нибудь болѣзни дѣйствіе этихъ клѣточекъ парализуется, тогда хвостецъ остается сильно развитымъ, и человѣкъ рождается съ хвостомъ,

Относительно хвостатыхъ людей нужно, впрочемъ, замѣтить еще, что доселѣ не доказано, чтобы они дѣйствительно были. Тамъ, гдѣ хвостатость была тщательно изслѣдована, оказывалось, что органы называемые хвостами, на самомъ дѣлѣ представляли собою болѣзненное образованіе иного порядка. Такъ въ концѣ 1874 г. Вирховъ получилъ отъ главнаго врача греческой арміи письменное сообщеніе о нѣкоторомъ человѣкѣ и съ фотографіею его показывающею, что онъ обильно покрытъ шерстью въ области крестцовой кости. Для главнаго врача этотъ человѣкъ являлся истинно, какъ *homo caudatus*. Вирховъ уже готовъ былъ опубликовать сообщеніе о новомъ случаѣ умноженія и свободнаго выступанія спинныхъ позвонковъ, но полученное въ это же утро новое сообщеніе удержало его отъ этого. Въ Берлинъ на секцію было представлено женское тѣло, имѣющее на оконечности спины значительно выступающее впередъ мѣсто, покрытое волосами. Точное изслѣдованіе показало, что здѣсь былъ случай такъ называемой *Spina bifida occulta*, не имѣющей ничего общаго съ атавизмомъ. Мнимый придатокъ былъ только болѣзненнымъ образованіемъ и развитіемъ родимаго пятна, сильно выдвинувшагося и обильно покрытаго волосами ⁷⁾.

Что касается до волосатости людей, то въ ней уже по самому ученію Дарвина позволительно видѣть ненормальность, но—главное—самый характеръ ея совершенно отрицаетъ атавизмъ. У бирманскаго семейства волосы были особенно обильны и длинны на лицѣ; какимъ же образомъ это

---

⁶⁾ Холодковскій, Гистіолизъ и внутриклѣточное пищевареніе. Рус. Бог. ноябрь 1887 г.

⁷⁾ *Kosmos* 1877 April—Juni. S. 109.

явленіе представляетъ возвращеніе къ обезьянъему типу, когда у обезьянъ волосы на лицѣ отсутствуютъ, да и вообще нѣтъ никакого животнаго, и никто не зналъ такового въ прошедшемъ, у котораго косы спускались бы со щекъ. Наконецъ, волосатость у бирманскаго семейства соединялась съ крайне слабымъ развитіемъ зубъ, а слабые зубы далеко не признакъ атавизма. Что касается до волосатой Крао, то хвоста у ней, приписываемаго ей ея антрепренеромъ, не было, сама она по своимъ способностямъ стояла выше многихъ дѣтей ея возраста: она была дѣвочкой съ хорошими способностями. Волосатость ея представляетъ случай *hypertrichosis universalis* и объясненіе ея должно искать не въ атавизмѣ, а въ условіяхъ зачатія и утробнаго развитія Крао. Приводятъ примѣръ людей, напоминавшихъ собою овцу, гуся, зайца и т. д. Рассказываютъ, наприм., объ одной идиоткѣ, которая имѣла отвращеніе отъ мяса, ѣла съ жадностію растительную пищу, не пила ничего, кромѣ воды. Выраженія ея чувствъ — радости или тревоги — ограничивались повтореніемъ звуковъ — бе, ма, ба. Сидѣла и спала она постоянно на полу, а когда упрямылась или хотѣла выразить неудовольствіе, то пробовала бодаться. Спина и плечи ея были покрыты мягкими, черноватыми волосами, а въ формѣ ея головы было будто бы нѣчто овечье. Другой подобный примѣръ приводитъ извѣстный психопатологъ Маудсли, именно дѣвочку-идiotку, которая по наружности и повадкамъ имѣла нѣкоторое сходство съ гусемъ, почему сидѣлки въ домѣ умалишенныхъ и прозвали ее „оципаннымъ гусемъ“. Голова у ней была маленькая, волосы жидкіе съ небольшою лысинкой на маковкѣ, глаза большіе, круглые. Нижняя челюсть представляла нѣкоторое сходство съ клювомъ, шея была необыкновенно длинна и гибка и могла, загибаясь назадъ, касаться спины между лопатками. Кожа ея представляла сходство съ гусяною, именно только что оципанной, а высунувшіеся нижніе углы лопатокъ похожи на зачатки крыльевъ. Въ радости дѣвушка эта гоготала, какъ гусь, при неудовольствіи шипѣла, а разсердившись била себя руками по бокамъ или топала ногами. Сама она не могла ѣсть, но жадно

глотала все, что клали ей въ ротъ. Она страшно любила купаться и, когда ее сажали въ ванну, громко хохотала отъ радости“⁸⁾). Рассказываютъ много другихъ подобныхъ случаевъ. Что означаютъ они? Принимая во вниманіе тотъ несомнѣнный и для Дарвина и для другихъ фактъ, что въ числѣ предковъ человѣка не было ни овцы ни гуся, должно признать, что причина рожденія людей съ признаками и свойствами животныхъ кроется не въ атавизмъ, который не можетъ здѣсь имѣть мѣста, а въ чемъ то иномъ. Думаемъ, что причины такихъ уродствъ у тѣхъ или у другихъ субъектовъ нужно искать не въ далекомъ прошломъ, а въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ имѣвшихъ мѣсто во время беременности ихъ матерей.

Въ ряду явленій атавизма особенно сильное вниманіе было обращено на микроцефалію или малоголовость. Фогтъ написалъ цѣлую книгу о малоголовыхъ (переведена на русскій языкъ). Нельзя оспаривать значенія и достоинствъ этой книги, содержащей въ себѣ массу фактовъ изслѣдованій и наблюденій весьма важныхъ для врача и антрополога, но должно рѣшительно утверждать, что она не представляетъ никакого довода въ пользу теоріи происхожденія человѣка отъ обезьяны. Стремленіе сдѣлать эту книгу однимъ сплошнымъ аргументомъ въ пользу извѣстной теоріи, только много повредило книгѣ. Ради своей цѣли Фогтъ жертвуетъ правдой, это побуждаетъ къ осторожности при обращеніи съ его книгой. Такъ сознательно или безсознательно, но о мозгѣ микроцефаловъ онъ говоритъ неправду. Мозгъ микроцефаловъ, правда, отличается отъ мозга человѣческаго, но не приближается къ обезьяньему. Отсутствие симметричности въ извилинахъ обоихъ полушарій, отсутствие наружной затылочной перпендикулярной борозды и такъ называемаго *oregulum*, все это далеко не напомиаетъ обезьянь. Точно также строеніе и изгибъ основанія черепа, отсутствіе черепныхъ гребней и строеніе костей лица выказываетъ (какъ и все прочее тѣло) совершенно человѣческіе признаки.

---

⁸⁾ Примѣры взяты у Анучина изъ „Антропоморфн. обезьян. и низш. тип. Челов.“ стр. 140 кн. 4. Природа 1874 г.

Фогтъ не изслѣдовалъ самъ мозга микроцефаловъ, онъ удовольствовался изученіемъ слѣшковъ и наблюденіями другихъ анатомовъ, но тѣ, которые занимались таковымъ изслѣдованіемъ, пришли къ указанному заключенію о несходствѣ микроцефаловъ съ обезьянами. Вотъ имена этихъ анатомовъ; Маршалъ, Лушко, Ленхосежъ, Эккеръ, Мержеевскій, Зандеръ, Шнелс, Бишофъ, Вирховъ и др. По мнѣнію всѣхъ этихъ анатомовъ явленіе микроцефаліи представляетъ собою не атавизмъ, а слѣдствіе остановки развитія мозга въ зародышѣ. Но не зависимо отъ этихъ фактовъ представляется въ высшей степени страннымъ, какъ Фогтъ или кто либо другой могъ видѣть въ микроцефалахъ портреты своихъ предковъ. 1) Микроцефалы идіоты, неспособные поддерживать собственное существованіе. Неужели можно допустить, чтобы въ ряду нашихъ предковъ были такіе. Если бы, дѣйствительно, были такіе, то насъ бы не было. 2) Всѣ микроцефалы не способны къ продолженію рода. Какъ же отъ такихъ предковъ могли бы явиться мы? Микроцефалы, это—уроды, подобные двухголовымъ и тому подобнымъ тератологическимъ субъектамъ. Если судить по этимъ исключеніямъ о нашемъ прошедшемъ, то должно было бы допустить, что въ ряду нашихъ предковъ были обладающіе и двумя головами и шестью или семью конечностями, и все это въ недалекомъ разстояніи отъ насъ между высшими позвоночными ⁹⁾).

Особый рядъ побочныхъ данныхъ, выдвинутый позже всего въ доказательство животнаго происхожденія человѣка, представляютъ собою явленія экспрессіи. Обратимся теперь къ разсмотрѣнію ихъ.

Данилевскій рѣшительно отрицаетъ возможность объясненія экспрессій наследственной привычкой. „Экспрессія, говоритъ онъ ¹⁰⁾, свойственны человѣку (и другимъ животнымъ) изначала и въ этомъ смыслѣ не только врождены, но и

⁹⁾ Platz, der Mensch, sein Ursprung... S. 49—56. Анучинъ, Антропоморф. обез. и низш. тип. чел. Природа 74 кн. 4.

¹⁰⁾ Данилевскій, экспрессія у чел. и животныхъ Р. Вѣстн. 1887, № 5, стр. 14—15.

прирождены ему, какъ и другія инстинктивныя или рефлексивныя движенія хожденія, ѣды, питья, (жеваніе, глотаніе), дыханія, сосанія (грудными дѣтьми). Это не мѣшаетъ нѣкоторымъ изъ нихъ быть лично усовершенными практикой и нѣкоторымъ обученіемъ какъ при хожденіи, но совершенно однако не такимъ же, какъ обученіе чтенію, письму, танцамъ, фехтованію или игрѣ на музыкальномъ инструментѣ, гдѣ все изучается сначала до конца, какъ нѣчто новое совершенно, только доставленіемъ случаевъ мускуламъ дѣйствовать сообразно ихъ природѣ и укрѣпленіемъ ихъ. Общая, независящая отъ обученія способность понимать значеніе разныхъ экспрессій, однимъ словомъ природенность ея, которую признаетъ и самъ Дарвинъ на основаніи наблюденій надъ собственными дѣтьми, также говоритъ въ пользу природенности и самыхъ экспрессивныхъ движеній, т. е. въ пользу того, что это суть двѣ стороны того же самого процесса. Предположить же, что и способность распознавать значеніе экспрессій также получилась чрезъ наследственную передачу нѣ котораго постепенно прибрѣтеннаго знанія, обратившагося въ привычку чрезъ частое повтореніе въ длинномъ ряду поколѣній, очевидно, невозможно. Въ самомъ дѣлѣ никакое другое знаніе (т. е. содержаніе знанія, а не способность къ нему) такъ не передается; иначе, вѣдь, мы должны бы были врожденно понимать свой отечественный языкъ, такъ какъ безчисленныя поколѣнія научились понимать значеніе его звуковъ. И тутъ должна бы чрезъ это прибрѣстись привычка и прибрѣтенное передаваться наследованіемъ“.

Уже это общее соображеніе Данилевскаго значительно колеблетъ взглядъ Дарвина на происхожденіе выраженія ощущеній, но недовольствуясь опроверженіемъ изъ принципа, рассмотримъ приведенные нами примѣры въ подтвержденіе его теоріи. Протягиваніе рукъ впередъ при паденіи есть результатъ наследственной привычки, говоритъ Дарвинъ, но кто же и когда столь часто падалъ, чтобы могла образоваться эта привычка? Протягиваніе рукъ впередъ при паденіи есть скорѣе дѣйствіе рефлексивное, но если оно и не рефлексивное, то удобнѣе причину его искать въ обсто-

ятельствахъ младенчества, человѣка, когда дѣйствительно, ему приходится часто падать, и онъ могъ приобрести себѣ этотъ профилактическій приемъ, но вѣдь, это будетъ просто привычка, а не наслѣдственная привычка. Можетъ быть кто-нибудь изъ эволюціонистовъ сошлется на тотъ переходный моментъ въ исторіи органическаго міра, когда на землѣ жилъ нашъ обезьяноподобный предокъ, пытавшійся ходить вертикально, но не достигшій еще въ этомъ большого успѣха. Онъ часто падалъ и развилъ въ себѣ полезную привычку. Но если предокъ человѣка былъ такъ плохо организованъ, что не могъ твердо держаться, то съ точки зрѣнія дарвиновской борьбы за существованіе нужно съ необходимостью утверждать, что такіе организмы вымерли бы, а не заняли господствующее мѣсто на землѣ. Далѣе закрытіе глазъ при преднесеніи предъ ними непріятнаго предмета въ пятый и шестой разъ, конечно, происходитъ отъ той же причины, что и въ первый. Когда кто-либо укалываетъ руку другому, тотъ, кому онъ ее укалываетъ, отдергиваетъ ее. Для объясненія этихъ явленій нѣтъ нужды прибѣгать ни къ какой привычкѣ. Наиболѣе страннымъ оказывается при разсмотрѣніи объясненія Дарвиномъ поднятія волосъ дыбомъ. Дарвинъ видитъ въ этомъ поднятіи пользу для организма. У Тургенева есть стихотвореніе въ прозѣ, гдѣ изображается воробей съ вставшими перьями отъ страха передъ собакой. Какую пользу могло принести это поднятіе перьевъ? Собака, вѣдь, все-таки осталась неизмѣримо больше и сильнѣе воробья. Маленькія птички, маленькія млекопитающія (въ родѣ какой-нибудь ластки) не много увеличиваютъ свой объемъ при поднятіи шерсти и на ихъ постоянныхъ враговъ: волка, лисицу, собаку даже кошку, это увеличеніе, конечно, совершенно не могло произвести устрашающаго впечатлѣнія. Но должно обратить вниманіе на то, что, по Дарвину, поднятіе шерсти было въ началѣ очень незначительнымъ, значитъ, рѣшительно не могло фиксироваться путемъ естественнаго отбора во всемъ классѣ млекопитающихъ и въ классѣ птицъ или даже почти во всемъ типѣ позвоночныхъ? Есть еще другая странная сторона въ объясненіи Дарвина. При страхѣ животное стре-

мится сжаться, сдѣлаться незамѣтнымъ, а, по Дарвину, оно увеличиваетъ свой объемъ; такимъ увеличеніемъ, понятно, во многихъ случаяхъ рѣшительно ничего нельзя подѣлать кромѣ вреда самому себѣ.

Крики при боли и страданіи, равно какъ чиханіе и кашляніе при введеніи постороннихъ веществъ гораздо лучше объясняются, какъ рефлексивныя или даже прямо какъ на-мѣренно цѣлесообразныя дѣйствія (отталкиваніе), чѣмъ какъ унаслѣдованная привычка. Сокращеніе радужины, конечно, гораздо лучше признать прямымъ слѣдствіемъ дѣйствія свѣта на нервы радужины, чѣмъ случайнымъ сокращеніемъ ея, случайнымъ повтореніемъ этого повторенія и случайнымъ фиксированіемъ. Остановимся подробнѣе на двухъ примѣрахъ Дарвина: 1) миганія 114 дневнаго ребенка вслѣдствіе шума, произведеннаго предъ его глазами, и 2) на выраженіи страха. Отмѣтивъ, что при проведеніи предъ глазами ребенка предмета безъ шума ребенокъ не мигалъ, а при проведеніи предмета съ шумомъ замигалъ, хотя, конечно, не могъ узнать, что этотъ шумъ возвѣщаетъ объ опасности, Дарвинъ заключаетъ, что въ теченіи многихъ поколѣній дѣйствовавшая опытъ научилъ опасаться такого шума и вслѣдствіе этого мигать, и что этотъ опытъ приобрѣтенный въ зрѣломъ возрастѣ, впоследствии передался по наслѣдству и самому раннему возрасту. Но несомнѣнно, что въ длинномъ ряду поколѣній было слишкомъ мало случаевъ убѣдиться изъ опыта въ опасности при звукѣ производимомъ около глазъ и сравнительной безопасности при беззвучномъ движеніи какого нибудь предмета у глазъ. Конечно, очень много разныхъ звуковъ и шумовъ слышали длинные ряды поколѣній въ теченіи ихъ жизни, и огромное большинство ихъ не сопровождалось никакою опасностію. Откуда же взялась такая привычка съ такимъ тонкимъ различеніемъ сравнительно большей опасности при движеніи чего-нибудь передъ глазами съ шумомъ, чѣмъ безъ шума?

Біеніе сердца, утомленіе, дрожаніе при страхѣ и гнѣвѣ Дарвинъ объясняетъ такъ, что они прежде вызывались борьбою, бѣгомъ, а затѣмъ, хотя ни борьбы, ни бѣга не бываетъ, они являются результатомъ ассоцірованной привычки.

Трудно понять какимъ образомъ Дарвинъ могъ составить подобное объясненіе. Если мы, не убѣгая при страхѣ, утомляемся вслѣдствіе наслѣдственной привычки, то отчего бы, кажется, намъ не отучиться возстановлять свои силы ѣдой, успокоіемъ и сномъ и тѣмъ не менѣе вслѣдствіе органической привычки, ассоціировавшей ихъ съ видомъ пищи или постели въ извѣстное время, прямо достигать благотворныхъ результатовъ, доставляемыхъ этими процессами. Съ точки зрѣнія Дарвина это, вѣдь, должно бы быть даже болѣе возможнымъ, чѣмъ изнеможеніе вслѣдствіе бѣгства при страхѣ, ибо эти процессы съ ихъ послѣдствіями повторялись несравненно чаще, чѣмъ первое. Но этого не бываетъ, не можетъ быть и того, о чемъ говоритъ Дарвинъ. Гораздо проще объясняютъ дѣло тѣ, которые предполагаютъ непосредственное воздѣйствіе душевнаго волненія на нервы и мускулы и въ этомъ видятъ причину всѣхъ явленій въ организмѣ, вызываемыхъ страхомъ.

Объясненіе зажмуриванья дѣтьми глазъ при крикѣ вліаніемъ наслѣдственной привычки представляется въ высшей степени страннымъ. Новорожденные дѣти, конечно, никогда не могли жмурить глазъ сознательно и произвольно, а если когда-либо могли, то отчего бы имъ и теперь не дѣлать этого сознательно? Если же нѣкогда дѣти жмурились случайно: одни жмурились, а другія нѣтъ, то почему образовалась всеобщая привычка жмуриться. Самъ Дарвинъ замѣчаетъ, что у обезьянъ онъ не открылъ (за исключеніемъ одной) этой привычки жмуриться, значить, онѣ могутъ обходиться безъ нея. Нужда въ ней, должно полагать по Дарвину, появилась уже у человѣкообразныхъ прародичей человѣка, большее количество дѣтей которыхъ, не имѣя этой привычки, слѣдовательно, должно было слѣпнуть и погибать. Непонятно, какъ, находясь въ такихъ несчастныхъ условіяхъ, человѣкъ могъ восторжествовать въ борьбѣ за существованіе. Но если непонятно это, то должно признать съ точки зрѣнія Дарвина непонятнымъ и вообще выраженіе скорби. Почему одни мускулы повиновались волѣ, желавшей подавить внѣшнія выраженія страданія, а другіе не повиновались? Воля, конечно, стремилась равно подавить

и ихъ всѣ, но ей не удалось отъ чего-то справиться со всѣми мускулами. Дѣло, значить, не въ привычкѣ, а въ строеніи мускуловъ. Смѣхъ Дарвинъ разсматриваетъ какъ наслѣдство отъ обезьянъ, но онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что комическое никогда не вызывало смѣха ни у какаго животного. Что же касается до смѣха отъ щекотки, то онъ обусловливается строеніемъ нервовъ и ничѣмъ болѣе. Щекочущіе смѣются и въ недовольномъ состояніи. Царь Иванъ IV отправлялъ на тотъ свѣтъ щекоткою, и несчастные умирали, смѣясь. Что касается до объятій, то причину ихъ дѣйствительно должно видѣть въ стремленіи приблизить любимое существо къ себѣ, но нѣтъ никакой нужды допускать здѣсь наслѣдственность привычки. Ссылка же на кормленіе дѣтей и на хожденіе за ними положительно неудачна, потому что хожденіе и кормленіе вызываютъ совсѣмъ иныя движенія тѣла и положенія, чѣмъ объятія. Музыка, по Дарвину, доставляетъ намъ наслажденіе, потому что память о ней ассоціировалась у насъ съ половыми наслажденіями нашихъ предковъ. Если бы это было такъ, то многое грязное и отвратительное тоже должно бы было нравиться намъ, потому что оно ассоціировалось у нашихъ предковъ съ очень сильными наслажденіями. Но это невѣрно. Объясненіе для пріятельности предмета вовсе нѣтъ нужды искать въ наслѣдственномъ воспитаніи. Водка нравится дикарямъ не потому, что ее употребляли ихъ получеловѣческіе предки. Пьянство доставляетъ имъ удовольствіе, какъ извѣстное нервное возбужденіе, музыка тоже дѣйствуетъ непосредственно на нервы, она, какъ извѣстно, дѣйствуетъ и на лошадей. Вліяніе наслѣдственности, здѣсь, понятно, отыскать трудно. Да, если бы дѣйствовало наслѣдственное воспоминаніе, то вліяніе музыки должно бы было быть крайне одностороннимъ, однако, она дѣйствуетъ чрезвычайно разнообразно. Съ точки зрѣнія Дарвина все это необъяснимо. Вытягиваніе губъ при раздраженіи Дарвинъ разсматриваетъ, какъ наслѣдство отъ предковъ. Но самъ онъ отмѣчаетъ, что у обезьянъ губы вытягиваются, когда они недовольны, нѣсколько разсержены, угрюмы или раздосадованы, удивлены, немного испуганы, когда онѣ довольны. Спрашивается, по-

чему же мы наследовали отъ нихъ привычку вытягивать губы при одномъ духовномъ состояніи и не вытягиваемъ губъ при другихъ условіяхъ, при которыхъ вытягивали онѣ? Дарвинъ, правда, замѣтилъ, что при выраженіи удовольствія мы не можемъ вытягивать губъ, потому что въ такомъ случаѣ мы улыбаемся или смѣемся, но во 1) не при всякомъ удовольствіи мы улыбаемся или смѣемся, 2) и обезьяны смѣются, однако, у нихъ это не препятствуетъ привычкѣ при удовольствіи вытягивать губы. Дарвинъ говоритъ даже, что у нѣкоторыхъ народовъ изумленіе ведетъ къ сильному вытягиванію губъ, значить, намъ собственно въ наследство была передана склонность вытягивать губы въ различныхъ случаяхъ и только впоследствии она сохранилась для одного. Но Дарвинъ забываетъ, что при изумленіи у всѣхъ народовъ ротъ широко раскрывается, а при этомъ выдвигать впередъ губы рѣшительно не возможно. Дѣло въ томъ, что съ силою вдунутый воздухъ при раскрытіи рта не можетъ быть долго въ легкихъ, его нужно выдохнуть, а для этого нужно слегка закрыть ротъ, при чемъ очень естественно и вытянуть губы. Вотъ это то послѣднее обстоятельство, полагаетъ Данилевскій, Дарвинъ по ошибкѣ принялъ за экспрессію изумленія.

Оскаливаніе зубовъ при гнѣвѣ заставляетъ Дарвина вспомнить о дракахъ нашихъ получеловѣческихъ предковъ. Но хватаніе за эфесъ шпаги при гнѣвѣ, значить, тоже должно привести къ мысли, что наши гориллоподобные родичи фехтовали на шпагахъ, когда были недовольны другъ другомъ? Въ гнѣвѣ человѣкъ готовъ пустить въ ходъ противъ врага всѣ средства, которыми располагаетъ. Иногда онъ пускаетъ въ ходъ и зубы. Оскаливаніе же зубовъ есть приготовительный актъ, который онъ совершаетъ по личной инициативѣ, а вовсе не по причинѣ наследственныхъ вліяній. Рвота, вызванная представленіемъ о введеніи въ желудокъ чего-нибудь отвратительнаго, объясняется по Дарвину нѣкогда существовавшею способностью извергать произвольно принятую пищу. Но во 1) непонятна утрата этой полезной способности, во 2) нѣтъ нужды для объясненія указанныхъ случаевъ рвоты прибѣгать къ ней. Животныя, кажется, не

особенно нуждаются въ этой способности, въ дикомъ состояніи они не обнаруживаютъ наклонности къ обжорству; далѣе у животныхъ есть инстинктъ, который обыкновенно ихъ вѣрно руководитъ при различеніи пищи. Но у дѣтей и у дикихъ эта способность могла бы оказать великую пользу. Тѣ и другіе нередко наѣдаются вредныхъ веществъ, и однако, этой способности у нихъ не оказывается. Почему же? Почему благодѣтельный подборъ Дарвина явился въ данномъ случаѣ такимъ неблагоклоннымъ къ человѣчеству? Далѣе, обыкновенно рвота возбуждается вслѣдствіе рефлективнаго дѣйствія на желудокъ, вызваннаго раздраженіемъ части центральнаго органа. При мысли объ отвратительныхъ пищахъ или запахѣ происходитъ такое же раздраженіе и затѣмъ рефлективное дѣйствіе. Наслѣдственная привычка здѣсь совсѣмъ ненужна. Что касается до объясненія поднятія бровей при изумленіи привычкою, то непонятно, зачѣмъ Дарвинъ полагаетъ, что у дѣтей причиной поднятія бровей будетъ привычка, когда у родителей это поднятіе происходило естественно вслѣдствіе стремленія раскрыть глаза возможно шире. Причина, вызвавшая извѣстную экспрессию у отцовъ, будетъ вызывать ее и у дѣтей ¹¹⁾).

Мы рассмотрѣли приведенные нами примѣры Дарвина наследственной привычки и пришли къ заключенію, что ни въ одномъ изъ нихъ дѣйствіе наследственной привычки не является доказаннымъ и что съ гораздо бѣльшею вѣроятностію должно явленія экспрессіи относить къ дѣйствію иныхъ причинъ. Теперь должно сдѣлать замѣчаніе относительно самого агента, предполагаемаго Дарвиномъ—наследственной привычки. Позволительно относительно такой привычки поставить вопросъ: существуетъ ли она? И, кажется, есть много оснований отрицать ея существованіе. На самомъ дѣлѣ, какъ уже было замѣчено, если бы наследственная привычка, наследственный опытъ и наследственные

---

¹¹⁾ При разборѣ ученія Дарвина объ экспрессіяхъ мы пользовались изслѣдованіемъ Леомте'а „le Darwinisme et les expressions des emotions chez l'homme et chez les animaux“ (R. Q. S. T. III, IV, V et VI) и статьями Давилевскаго „Экспрессія у чел. и живот.“ (Рус. вѣст. 1887 № 5—6).

знанія существовали, то почему къ намъ не переходили бы отъ нашихъ отцовъ знаніе отечественнаго языка, умѣнье считать и многое другое? Съ точки зрѣнія Дарвина это, вѣдь, необъяснимо. Наслѣдственность, конечно, существуетъ, но наследуются способности, силы, устройство организма, а не навыки и знанія. Ссылки на бобровъ или пчелъ, которыя воздѣйствуютъ на постройки, можетъ быть, не учившись, не имѣя значенія, потому что постройка тѣми организмами, которые занимаются архитектурой жилищъ и убѣжищъ по наиболѣе вѣроятному объясненію обусловливается стремленіемъ ихъ организма, побуждающимъ ихъ къ таковой дѣятельности. Паукъ, ткущій паутину (не всѣ породы пауковъ ткуть ее), безъ сомнѣнія, вызывается къ своей дѣятельности строеніемъ своѣй нервной системы. Затѣмъ, относительно животныхъ нужно замѣтить, что во многихъ случаяхъ ихъ инстинкты преувеличиваютъ, и что при внимательномъ изслѣдованіи оказывается, что гнѣзда, хижины и т. д. строятся ими послѣ предварительнаго обученія родителями, а не являются продуктами самостоятельнаго творчества.

Послѣ выхода книги Дарвина „о выраженіи ощущеній“, въ 70-хъ и 80-хъ годахъ явилось нѣсколько изслѣдованій, посвященныхъ объясненію явленій экспрессіи, таковы, на примѣръ, вышедшія въ 80-хъ годахъ: Angelo Mosso — *la paura*. 1885, *Montegazza, la physionomie et les Sentiments*. 1885, Warner, *Physical expression*. 1886, Фулье, языкъ душевныхъ волненій (въ русскомъ переводѣ) и другія. Большинство этихъ трактатовъ написано дарвинистами, но однако никто изъ нихъ не послѣдовалъ за Дарвинымъ въ вопросѣ объ объясненіяхъ. Большинство изъ нихъ стоитъ на почвѣ психофизиологической или чисто физиологической. Вотъ физиологическое объясненіе соотношенія эмоцій и внѣшнихъ ихъ выраженій, основывающееся на законѣ эквивалентности движеній. Количество нервной силы, соотвѣтствующее извѣстному состоянію сознанія, называемому чувствованіемъ, необходимо должно въ данный моментъ какимъ нибудь образомъ расходоваться и породить гдѣ нибудь эквивалентное проявленіе силы. Эта нервная сила можетъ устремиться по

тремъ путямъ: или просто превратиться въ мозговое движеніе, соотвѣтствующее умственному возбужденію, наприм., у ребенка, когда онъ заинтересованный и взволнованный слушаетъ разсказъ. Или же, следуя по нервамъ симпатическимъ, нервное возбужденіе тратится на работу внутреннихъ органовъ. Такъ веселыя думы содѣйствуютъ пищеваренію, страхъ можетъ путемъ сосудистыхъ нервовъ вліять на отдѣленіе желудочнаго сока или мѣшать пищеваренію. Сердце во время душевнаго волненія или быстрее бьется или иногда вовсе останавливается, и такое дѣйствіе производится пневмогастрическими (легочно-желудочными) сосудами. Наконецъ, направляясь по двигательнымъ нервамъ, нервное возбужденіе преобразуется въ мышечныя движенія, которыя становятся въ такомъ случаѣ самыми внѣшними и наиболѣе видимыми признаками возбужденія. Ожогъ пальца, наприм., вызываетъ сокращеніе всѣхъ лицевыхъ мышцъ. Сильная радость или беспокойство дѣлаютъ насъ суетливыми, говорливыми. Словомъ освободившаяся нервная сила слѣдуетъ или по нервамъ головнымъ или по ганглиознымъ (симпатическая нервная система, управляющая внутренними органами) или по двигательной или, наконецъ, по всѣмъ тремъ путямъ сразу въ различной пропорціи. Каждый изъ этихъ каналовъ питается, такъ сказать, на счетъ другихъ. Во время сильнаго припадка гнѣва мозговое возбужденіе увеличивается въ такой же мѣрѣ, въ какой уменьшаются мышечныя движенія. Если же мы израсходуемъ избытокъ нервной силы на внѣшнія движенія, на жестикуляцію и суетливость, на слезы и жалобы, то мозговое возбужденіе въ силу этого уменьшится¹²⁾. Согласно этой теоріи возрастъ, степень развитія (воли) человѣка, качество и сила причинъ, вызывающихъ эмоцію, обусловливаютъ собою распредѣленіе дѣйствія нервной силы. Эта теорія устраняетъ нужду прибѣгать къ наслѣдственной привычкѣ. Нельзя, конечно, эту теорію принять въ изложенномъ видѣ, ибо отъ нея слишкомъ вѣетъ духомъ материализма, нельзя особенно

¹²⁾ Мнѣніе это приведено Фулье. Языкъ душевныхъ волненій стр. 106—107. Рус. Боганд. 1888 г. январь.

• довѣрять даже, если и ограничить ее сообразно началамъ спиритуалистической психологіи, потому что нервная сила, эквивалентность движеній это — начала въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ столь же сомнительныя, какъ и наследственная привычка, но за всѣмъ тѣмъ нельзя не признать, что этотъ способъ объясненія экспрессіи гораздо разумнѣе и понятнѣе, чѣмъ объясненіе Дарвина. Однако, и этотъ способъ объясненія оказывается не только недостаточнымъ (предполагаемая начала суть X, ихъ дѣятельность происходитъ тоже неизвѣстнымъ для насъ образомъ), но даже и несогласнымъ съ фактами, что побудило другихъ (наприм. Фулье) искать еще иныхъ объясненій экспрессіи. Мы не будемъ излагать этихъ объясненій. Для нашей цѣли нужно только отмѣтить, что тѣ объясненія Дарвина, которыя стоятъ въ связи съ вопросомъ о происхожденіи человѣка, при разсмотрѣніи ихъ оказываются неудовлетворительными, что таковыми считаютъ ихъ и сами дарвинисты, и что другія объясненія—хотя то же оказываются недостаточными—во всякомъ случаѣ являются болѣе удовлетворительными, чѣмъ объясненія Дарвина.

Г Л А В А 4-я

Разборъ прямыхъ данныхъ, представляемыхъ эволюционистами въ доказательство происхожденія человѣка отъ животныхъ типовъ. Разсмотрѣніе палеонтологическихъ доказательствъ эволюционистовъ. Споры о неандертальскомъ черепѣ и открытіе новыхъ череповъ неандертальскаго типа въ 1886 г. Исслѣдованія англійскаго черепа, полетской челюсти и т. д., показывающія, что эти останки нисколько не говорятъ въ пользу эволюціонной теоріи. Возраженія противъ этой теоріи, представляемая всей совокупностью данныхъ палеонтологической антропологіи. Разсмотрѣніе данныхъ доисторической археологіи по вопросу о происхожденіи человѣка. Утверждаемый этими данными фактъ религіозности первобытнаго человѣчества. Неосновательность стремленія Мортілье распространить свою классификацію археологическихъ стадій на все человѣчество. Неправильность этой класси-

фикации даже въ приложеніи къ тѣмъ мѣстностямъ, на основаніи изученія которыхъ она составлена. Что на самомъ дѣлѣ говорятъ данныя доисторической археологіи о первобытномъ человѣкѣ?

Разсмотрѣніе побочныхъ данныхъ, представленныхъ эволюціонистами въ доказательство животнаго происхожденія человѣка, надѣмся, показало, что эти данныя вовсе не имѣютъ того значенія, какое имъ усвоится эволюціонистами. Обратимся теперь къ разсмотрѣнію самыхъ важныхъ ихъ доказательствъ—доказательствъ прямыхъ, представляемыхъ палеонтологическою антропологіею и доисторическою археологіею.

Ископаемыхъ обезьянъ, стоявшихъ по своей организаціи ближе къ человѣку, чѣмъ современные антропоиды, эволюціонисты не нашли. То обстоятельство, что прежде обезьяны были распространены гораздо шире, чѣмъ теперь, понятно, само по себѣ не можетъ имѣть никакого значенія для занимающаго насъ вопроса. Эволюціонисты мало и говорятъ объ ископаемыхъ обезьянахъ. Они ссылаются въ доказательство своей теоріи на ископаемые останки людей (обезьяноподобные по ихъ утвержденію).

Обращающемуся къ разсмотрѣнію и обсужденію значенія этихъ останковъ прежде всего внушаетъ подозрѣніе ихъ чрезвычайно ограниченное число. Если бы существовали въ Европѣ племена, стоявшія ниже нынѣ существующихъ и жившія въ одно время съ фауною, которая въ наиболѣе значительной части своей еще не вымерла доселѣ, то естественно возникаетъ вопросъ: почему же отъ изслѣдуемыхъ человѣческихъ племенъ сохранилось такъ мало останковъ, не слѣдуетъ ли лучше допустить, что этихъ племенъ никогда не существовало, что эти немногія кости суть патологическія и тератологическія исключенія? Основанія для того, чтобы подозрительно отнестись къ этимъ костямъ, усиливаются еще болѣе, когда изъ исторіи ихъ открытія оказывается, что глубокая древность ни одной изъ нихъ не доказана, что подлинность многихъ изъ нихъ оспаривается. Но разсмотримъ подробнѣе эти человѣческіе останки.

Прежде всего знаменитый неандертальскій черепъ. Въ

высшей степени любопытно, что Дарвинъ, который въ немъ долженъ бы былъ находить себѣ опору, видитъ въ немъ очень обыкновенный человѣческій черепъ ¹⁾). Вирховъ, изслѣдовавъ неандертальскій черепъ, склонился къ тому, чтобы видѣть въ немъ патологическое исключеніе. Черепъ по его мнѣнію, носитъ слѣды того, что обладатель его страдалъ ломомъ въ костяхъ (*malum Senile* или *arthritis chronica deformans*), потомъ на немъ будто бы явны слѣды механическаго сдавливанія, особенно на чешуѣ затылочной кости, — въ томъ мѣстѣ, которое въ обычныхъ случаяхъ именно отличается закругленностію и ровностію. Третій рядъ патологическихъ измѣненій въ неандертальскомъ черепѣ представляютъ, по Вирхову, измѣненія внутренней поверхности чрезъ отложеніе новыхъ костяныхъ образований, именно въ большей части протяженія на лобной кости ²⁾). Катрфажъ, подвергнувшій тщательному изслѣдованію неандертальскій черепъ, говоритъ слѣдующее: „эпитеты животнаго, обезьяняго часто прилагавшіеся къ черепу неандертальскому и къ тѣмъ, которые походили на-него, догадки пущенныя въ ходъ относительно индивидуумовъ, къ которымъ онъ принадлежалъ, могли бы заставить думать, что нѣкоторая интеллектуальная и нравственная низость необходимо связываются съ этою формою черепа. Легко доказать, что это положеніе принадлежитъ къ числу дурно обоснованныхъ. На антропологическомъ конгрессѣ въ Парижѣ К. Фогтъ указалъ на одного изъ своихъ друзей доктора Емейера, черепъ котораго совершенно тождественъ съ черепомъ неандертальскимъ, и который тѣмъ не менѣе — врачъ, принадлежащій къ числу самыхъ лучшихъ. Осматривая копенгагенскій музей, я былъ пораженъ совершенно подобными чертами, которыя представлялъ одинъ изъ череповъ коллекціи. Оказалось, что это былъ черепъ Кай Ликке, датскаго дворянина, который игралъ нѣкоторую политическую роль въ XVII вѣкѣ. Гордонъ опубликовалъ рисунокъ головы св. Mansny, тульскаго епископа IV вѣка, и эта голова воспроизводитъ самую вы-

1) Дарвинъ, О происхожденіи человѣка т. 1 стр.162.

2) Platz, der Mensch. S. 31—32.

дающіяся черты неандертальскаго черепа. Лобъ еще болѣе острѣ, черепной сводъ еще болѣе пониженъ. Наконецъ голова Брюса, шотландскаго героя, воспроизводитъ типъ констадскій. Въ присутствіи этихъ фактовъ должно признать, что тотъ индивидуумъ, остатки котораго нашли въ неандертальской пещерѣ, могъ имѣть всѣ интеллектуальныя и нравственныя качества, совмѣстныя съ его низшимъ социальнымъ положеніемъ³⁾.

Въ 1886 въ Августѣ мѣсяцѣ на антропологическомъ конгрессѣ въ Намурѣ два антрополога Marles de Puuydt и Lohest сдѣлали сообщеніе, которое, кажется намъ, вполне рѣшаетъ вопросъ о неандертальскомъ черепѣ и рѣшаетъ его безповоротно въ пользу взгляда Катрфажа. Названные антропологи въ гротѣ Viche aux roches близъ Spy нашли два скелета. Лица, которымъ они принадлежали, очевидно, были погребены, ибо кости, разбитыя тяжестью послѣдующихъ отложеній, занимали, однако, ихъ естественное положеніе. Около нихъ найдены были орудія типа мустерійскаго, кости, изображающія палки начальника, многія костяныя пластинки съ изображеніями тюленей, три осколка отъ горшковъ, еще выдолбленную кость, наполненную омпистомъ (железнымъ блескомъ); употребляемымъ для татуированія. Одинъ изъ этихъ скелетовъ принадлежалъ женщинѣ, другой—юношѣ (швы черепа не были стерты). Черепа ихъ воспроизводили типъ неандертальскій, кости большой толщины (9 mm), черепъ женщины чисто долихоцефальный (70), междубровная область развита недостаточно, головная мѣра другаго черепа не была опредѣлена, ее можно положить приблизительно равною 75—76, такимъ образомъ, какъ подолихоцефальную. Изученіе этихъ двухъ череповъ показываетъ въ нихъ развитіе надбровныхъ дугъ, лобныя впاضины очень замѣтны, глазныя впадины замѣчательно велики, лобъ низокъ и загнутъ назадъ, что особенно обнаруживается у женщины, затылочная область и преимущественно можечковая часть весьма развиты. Прогнатизмъ выступаетъ у нихъ довольно замѣтно, аrophyses geni обозначены явно.

³⁾ Quatrefages, L' espèce humaine 1877 p. 231.

Референты ничего не сообщали о платикнемии и ополупленной вырѣзкѣ локтевой кости. Измѣренія череповъ дали цифры доразительно сходныя съ цифрами, полученными отъ измѣренія неандертальскаго черепа.

	Неандертальскій черепъ.	Мужской черепъ.	Женскій черепъ.
Диаметръ передне-задній	200.	200.	198.
„ поперечный maximum	144.	140.	150.
„ лобный	122.	114.	117.
„ „ minimum	106.	104.	106.
мозговая кривая	90.	80.	92.
затылочная „	51.	60.	58.
теменная „	119.	118.	114.
толщина кости	10.	9.	9.
головная мѣра	72.	70.	75 или 76
челюсть (ширина)	59.		
вышина соединительной кости	35.		
высота зубовъ	30.		
уголъ соединенія	107.		

Эти цифры ясно указываютъ, что найденные скелеты принадлежать къ неандертальскому типу, что этотъ типъ не есть исключеніе, а есть нормальный, и что существовала раса неандертальскаго типа. Предположеніе о всемъ этомъ было гораздо раньше высказано Катрфажемъ. Открытіе въ гротѣ Biche-aux-roches представляетъ много данныхъ для сужденія о людяхъ неандертальскаго племени. Оказывается, что эти люди фабриковали каменные орудія, утилизировали кости животныхъ, наприим., клыки слоновъ, пользовались краскою для разрисовки ихъ тѣла и одежды, обжигали горшки и хоронили своихъ мертвецовъ ⁴⁾. Эти данныя побуждаютъ поставить людей неандертальскаго типа выше нѣкоторыхъ изъ существующихъ племенъ, а не видѣть въ нихъ посредствующія звенья между предшественникомъ челоѣвка и современными низшими типами челоѣчества.

Мнѣнія относительно энгисскаго черепа весьма различны.

⁴⁾ Nadailac, la grot de la Biche-aux-roches. Rev. Quest. Scient. 1886. p. 520.

Одни видятъ въ немъ черепъ расы эскимосской или австралийской, другіе (Ляйаль и Bisk) признаютъ, что онъ приближается къ современному европейскому типу. По мнѣнію Гексли, это — черепъ человѣческой средней мѣры, который также легко могъ заключать мозгъ философа, какъ и мозгъ необразованнаго дикаря. Мортилье въ сообщеніи, читанномъ имъ въ антропологическомъ обществѣ въ Парижѣ въ 1882 г., заявилъ, что этотъ черепъ нельзя считать ни ископаемымъ, ни принадлежащимъ къ первому отдѣлу четвертичной эпохи. Вотъ его основанія. Черепъ былъ найденъ въ гротѣ, носящемъ явные слѣды того, что онъ былъ погребальнымъ, но человѣкъ палеолитическаго вѣка не хоронилъ своихъ мертвецовъ (нѣкоторые антропологи продолжаютъ утверждать это и теперь, не смотря на очевидность фактовъ, ихъ опровергающихъ. Мы будемъ еще говорить объ этихъ фактахъ), два зуба — *Iamna*, которые, видно, человѣкъ носилъ какъ украшеніе и костяное шило, найденное съ костями указываютъ на индустрію вѣка полированного камня, а не обитатаго. Наконецъ, въ энгіесѣ слои были перемѣшаны, чего не подозрѣвалъ Шперлингъ при опредѣленіи отложеній, потому что тамъ находятся раковины *helix romalia*, останки курицы, носорога и мамонта, что представляетъ соединеніе совершенно невозможное⁵⁾. Признавая, на что будутъ представлены основанія, совершенно несостоятельными сужденія Мортилье о человѣкѣ палеолитическомъ, ставя знакъ вопроса надъ перемѣшанностію слоевъ, трудно оспаривать значеніе археологическихъ находокъ, указываемыхъ Мортилье, а значеніе ихъ сводится къ тому, чтобы энгіескій черепъ, какъ и неандертальскій, выкинуть изъ числа принадлежащихъ обезьяноподобнымъ людямъ. Послѣ этого у эволюціонистовъ не остается ни одного черена, подтверждающаго ихъ теорію.

Особенность нолетской челюсти, отсутствіе *arophysis geni*, подавшее поводъ Мортилье отрицать существованіе способности рѣчи у шеллійскаго человѣка, не представляется въ глазахъ другихъ имѣющею такое значеніе. Къ *arophysis*

5) Arcelin, L' age du crâne d' Engis R. Q. S. T. 12.

geni прикрѣпляются мускулы языка, Мортилье изъ отсутствія перваго выводитъ заключеніе о несуществованіи послѣднихъ. Но ему возражали, что во 1) послѣдніе у но летскаго человѣка могли быть прикрѣплены и иначе, во 2) изъ единичнаго случая нельзя дѣлать такого широкаго заключенія, которое позволяетъ себѣ дѣлать французскій антропологъ. Но летская челюсть могла быть патологическимъ исключеніемъ. Болѣе вѣроятнымъ, впрочемъ считали первое (особый способъ прикрѣпленія мускуловъ), а не второе. Dawkins, составившій подробное описаніе особенностей доисторическихъ череповъ, совсѣмъ не упомянулъ объ этой особенности но летской челюсти, потому, полагаютъ, что онъ не придавалъ ей никакого значенія, потомучто она есть и у нѣкоторыхъ современныхъ людей и при томъ вовсе не сопровождается тѣми пагубными послѣдствіями, которыя указываетъ Мортилье ⁶⁾. Тѣмъ не менѣе до 1887 года но летская челюсть всегда выставлялась дарвинистами, какъ одно изъ довольно сильныхъ доказательствъ истинности ихъ теоріи. Но болѣе оно уже не будетъ приводиться, какъ таковое доказательство. Топинаръ—самъ дарвинистъ—посѣтилъ Брюссель, гдѣ она находится, и изслѣдовалъ ее. Оказалось, что аrophysis geni у ней существуетъ, какъ обыкновенно и у всѣхъ другихъ людей. Онъ не былъ замѣченъ сначала только, потомучто челюсть была дурно вымыта ⁷⁾.

Челюсть изъ moulin quignon была предметомъ многихъ споровъ и внимательнаго изслѣдованія. Прежде всего ея подлинность оспаривалась и оспаривается многими и не безъ успѣха. Челюсть найдена близъ Аббевиля, мѣстности, съ которою связано печальное воспоминаніе о томъ, какъ ученыхъ обманывали невѣжды (продавая имъ за весьма дорогую цѣну дѣлавшіяся ими кремневые орудія, которыя выдавали за доисторическія). Лайэль склонялся къ мнѣнію, что Муленская челюсть—подлинная, указывая на то, что она покрыта известковыми инкрустаціями, для образованія кото-

⁶⁾ Platz, Der Mensch. S. 33—34.

⁷⁾ Arcelin, la mâchoire de la Naulôte. Rev. Quest. Scient. 1887 г. Т. 21.

рыхъ требуется значительное время. Но никто, вѣдь, не говоритъ, что эта челюсть новая, она, можетъ быть имѣть за собою два тысячелѣтія—этого вполне достаточно для образованія инкрустацій—и тѣмъ не менѣе она могла принадлежать человѣку палеолитическаго или даже металлическаго вѣка и была перенесена рабочими въ moulin quignon. Было сообщено, что какой-то рабочий изъ Мотора (близъ Аббевиля), сносившійся съ рабочими moulin quignon въ 1862 г. нашелъ два скелета въ старой засыпанной (кельтской?) гробницѣ. Буше де Пертъ впоследствии приобрѣлъ эти скелеты, у одного изъ нихъ, индивидуума лѣтъ 10—12, сохранились всѣ личныя кости, а нижняя челюсть его оказалась поразительно сходною съ челюстью муленскою. Обнаруживающееся между ними различіе могло имѣть причиною различіе возраста. Было высказано предположеніе, что (неоказавшаяся) челюсть у другого скелета была похищена рабочимъ, перенесена и погребена въ Moulin quignon и затѣмъ указана Буше де Перту (въ 63 г.) Предположеніе это весьма вѣроятно и доселѣ непоколеблено. Лайэль возражаетъ противъ этого предположенія на основаніи того, что челюсть мерьерскаго (гдѣ нашли гробницу) ребенка непокрыта черными отложениями, но послѣднія, намъ кажется, могли лечь на муленскую челюсть въ теченіе того года, который она пролежала на новомъ мѣстѣ въ темномъ песчанистомъ гравіи, содержащемъ въ себѣ много окиси желѣза и марганца. Поэтому вовсе нельзя считать поколебленнымъ мнѣніе, что эта челюсть не принадлежитъ примитивному человѣку, а принадлежитъ лицу, жившему приблизительно за 2 тысячи лѣтъ до нашего времени и слѣдовательно, отстоявшему отъ обезьяны, можно сказать, также далеко, какъ и мы ⁸⁾. Но если даже допустить, что эта челюсть подлинная, за нею рѣшительно нельзя признать никакого значенія для эволюціонной теоріи, какъ разъ оказалось, что подобныя челюсти (меньерская) встрѣчались въ неолитическую или даже металлическую эпоху. Затѣмъ по-

⁸⁾ Исторія муленской челюсти изложена у Лайэля (Геологическія доказательства древности человѣка) въ приложеніи.

добныя челюсти встрѣчаются, правда, какъ рѣдкое исключеніе, и у индивидуумовъ настоящаго времени. По заключенію Вирхова эта челюсть не имѣетъ въ себѣ ничего обезьяняго ⁹⁾).

Относительно сенденизскаго человѣка въ послѣднее время высказано мнѣніе, что онъ принадлежалъ ко времени, отстоящему отъ насъ очень недалеко (о древности сенденизскаго человѣка мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ); затѣмъ, черепъ сенденизскаго человѣка по общему отзыву всѣхъ антропологовъ представляетъ совершенно правильный или кавказскій типъ, который, какъ извѣстно, очень далеко отстоитъ отъ обезьяны.

Относительно платикнеміи приведемъ прежде всего свидѣтельство Вирхова. „Я могу доказать, говоритъ онъ, что эта особенная форма берцовой кости не существуетъ ни у какихъ обезьянъ. Она правда, представляетъ собою черту весьма поразительную, но вовсе не обезьянью. Я не могу также сказать того, чтобы она была признакомъ низшаго развитія.“ Вирховъ открылъ въ Закавказіи въ гробахъ изъ 3—4 столѣтія, какъ и въ гробницахъ Трои платикнемическія тибіи вмѣстѣ съ такими предметами, которые представляли ясное доказательство, что тѣ народы, отъ которыхъ сохранились эти тибіи, жили, занимаясь многими ремеслами, и вообще стояли высоко въ культурномъ отношеніи. Топинаръ изъ кладбищъ Saint Marsel и Saint Germain вырылъ 200 тибій, принадлежавшихъ къ 4—10 столѣтіямъ, изъ нихъ 5,25 процента были платикнемическими, 14 процентовъ приближались къ таковымъ. Отсюда возникаетъ вопросъ, продолжаетъ Вирховъ, не есть ли сплюснутая тибія слѣдствіе извѣстнаго образа жизни, именно не происходила ли она вслѣдствіе сильнаго давленія, которое примыкающіе мускулы производили на кости. Если народъ постоянно велъ такой образъ жизни, при которомъ совершается много движенія, то было бы весьма странно, если бы это не оставило никакихъ слѣдовъ на строеніи организма. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы считать платикнемію при-

---

⁹⁾ Platz, Der Mensch, S. 34—36.

знакомъ низменности, не должно ли ее считать признакомъ воздѣйствія весьма сильно развитой мускулатуры? Не были ли эти платикнемическіе люди искуснѣйшими скороходами, номадами, пастухами или иными людьми подобнаго рода? Въ настоящее время я держусь того мнѣнія, что платикнемія особенно развивалась у тѣхъ народовъ, у которыхъ дѣятельность прилежащихъ мускуловъ была весьма велика и совершалась односторонне“.

По Dawkins'у и Гартману платикнемію также нельзя считать ни за особенный признакъ расы, ни за стремленіе къ обезьяноподобному образованію ноги, но она повидимому стоитъ въ связи съ большею свободою движенія и съ особою способностью пальцевъ, которою должны были владѣть тѣ люди, ноги которыхъ небыли обуваемы въ башмаки или другую обувь, и которые принуждены были вести крайне дѣятельную жизнь въ грубой, непривѣтливой или гористой и лѣсистой странѣ, требовавшей отъ нихъ величайшаго искусства въ лазаніи. Этого же мнѣнія о платикнеміи держится и Топинаръ¹⁰⁾.

Какъ на послѣднее слово о платикнеміи мы укажемъ на сообщеніе въ антропологическомъ обществѣ въ Парижѣ, сдѣланное Мануврье. Мануврье констатировалъ, что орангъ не вполне платикнемиченъ, горилла, напротивъ, вполне платикнемична. На то сдавленіе тибіи, которое называется у ней, совершенно непохоже на то, которое замѣчается у человѣка. „Платикнемія у гориллы, говоритъ Мануврье, не гомологична ни анатомически, ни физиологически съ платикнеміею человѣка. У послѣдняго она все не является остаткомъ обезьяней платикнеміи, она вытекаетъ изъ дѣятельности существенно-человѣческой, дѣятельности, которая вызывалась суровыми нуждами жизни въ эпоху каменнаго вѣка.“ Сдавленіе тибіи столь замѣчательное у нѣкоторыхъ доисторическихъ расъ и въ особенности у расы кроманьонской одолжено было, по Мортилье, привычкѣ лазать по деревьямъ, прыгать, бѣгать и лазать по горамъ. Какова бы ни была функціональная причина

¹⁰⁾ Platz, Der Mensch. S. 38—40.

этого анатомическаго расположенія, говоритъ Арслентъ, заключающая сообщеніе о рефератѣ Мануврье, интересно констатировать, что она не представляетъ обезьяноподобной особенности, на чемъ настаивали¹⁾).

Все это позволяетъ не придавать никакого значенія платикнеміи доисторическихъ людей въ вопросѣ о происхожденіи человѣка. И удивительно, какимъ образомъ Брока можетъ признавать за нею таковое. Брока самъ же свидѣтельствуетъ намъ, что въ строеніи ноги платикнемецкимъ людямъ была свойственна особенность, удалявшая ихъ отъ обезьянъ болѣе, чѣмъ отстоимъ отъ обезьянъ мы. Форма бедраиной кости (femur) у везерскихъ троглодитовъ, говоритъ Брока, радикально отличается отъ формъ, встрѣчающихся у обезьянъ. У антропоморфныхъ обезьянъ тѣло бедраиной кости сплюснуто назадъ, т.-е. его ширина значительно больше его толщины. На задней его части не замѣчается того продольнаго гребня, который у человѣка носитъ названіе *linea aspera*. У людей, принадлежащихъ къ нынѣ живущимъ племенамъ—толщина тѣла этой кости немного больше его ширины. У бедраиныхъ костей, найденныхъ въ Кроманьонѣ, толщина тѣла значительно больше его ширины. *Linea aspera* развита необыкновенно сильно: это не просто гребень, а костяная колонка, значительно увеличивающая и крѣпость кости и поверхность, къ которой прикрѣпляются мускулы. Въ этомъ отношеніи кроманьонская раса болѣе отличалась отъ обезьяняго типа, чѣмъ теперешнія племена²⁾.

Особенности въ строеніи локтевой кости нужно, безъ сомнѣнія, объяснять тѣмъ же путемъ, какъ и особенности въ строеніи бѣрца. Если ноги доисторическихъ людей упражнялись и развивались больше, чѣмъ наши, то того же нельзя сказать о рукахъ. Дѣйствія, совершавшіяся ими, вовсе не требовали того чрезвычайно сложнаго и поразительно цѣлесообразнаго строенія, которое представляетъ намъ человѣческая рука. Очень понятно, что не упражненіе въ одномъ отношеніи и упражненіе въ другомъ должно

¹⁾ Arcelin, la platicnemia chez l' homme et chez le singne. 1888 Juillet. R. Q. S.

²⁾ Брока, Везерскіе троглодиты. Стр. 168—169. Природа 1873 г. кв. 2.

было отразиться на анатомическомъ устройствѣ рукъ. Что именно въ этомъ нужно искать причину какъ платикнеміи, такъ и особаго строенія локтевой кости, это ясно открывается изъ того обстоятельства, что признакъ этотъ не оказывается всеобщимъ у доисторическихъ народовъ, его нѣтъ сравнительно у самыхъ древнѣйшихъ племенъ, какъ, наприм., у пеандертальскаго. Если бы въ указанныхъ анатомическихъ особенностяхъ должно было видѣть слѣды происхожденія человѣка отъ обезьяны, то во 1) они должны бы были быть всеобщими у доисторическихъ народовъ, во 2) они наиболѣе должны бы были быть выражены въ древнѣйшихъ племенахъ. Ни того ни другаго мы не находимъ и потому обязаны отрицать за указанными особенностями благопріятное значеніе для теоріи животнаго происхожденія человѣка.

Эволюціонисты необходимо должны признать, что палеонтологія не дастъ опоры ихъ ученію. Мало этого. Если собрать данныя палеонтологической антропологіи, то изъ нихъ, окажется, вытекаютъ очень опасныя слѣдствія для теоріи эволюціи. Такъ, оказывается, что въ общемъ древнѣйшіе обитатели земли вовсе не были въ анатомическомъ отношеніи менѣе совершенны, чѣмъ большинство племенъ земнаго шара, ихъ внѣшность, должно полагать, была довольно привлекательной. Самые древніе скелеты, найденные доселѣ, суть скелеты ментонскихъ и везерскихъ троглодитовъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ тѣ и другіе принадлежатъ къ одному племени, обнаруживая полное сходство анатомической структуры¹³⁾. Но вотъ какіе отзывы даются о первомъ ментонскомъ скелетѣ, открытомъ 1872 г.: „когда разсматриваемъ черепъ этого троглодита, жившаго по крайней мѣрѣ за 20 или 25 тысячъ лѣтъ (?) до нашего времени, то поражаемся сходствомъ его съ самыми прекрасными чертами современныхъ расъ. Рядомъ съ этимъ древнимъ скелетомъ въ залѣ естественно историческаго музея Jardin des plantes въ Парижѣ помѣщенъ скелетъ современнаго человѣка. При сравненіи ихъ между собою поражаетъ полное

¹³⁾ См. Vacandard'a le nouvel homme préhistorique de Menton R. Q. S 1886 T. 20.

сходство ихъ лицъ и череповъ. Личной уголъ ментонскаго троглодита, какъ кажется, равенъ 80° т.-с. такой же, какъ у наиболѣе одаренныхъ расъ. Красота овала и выпуклость лба, наконецъ, большой объемъ задней части черепа приближаетъ этого двадцатитысячелѣтняго человѣка къ нашимъ современникамъ¹⁴⁾. Цифра, которою обозначается древность скелета, ясно показываетъ, что лицо, дѣлавшее о немъ отзывъ (не подписавшееся подъ статью), если и тенденціозно, то во всякомъ случаѣ въ направленіи, благопріятномъ для эволюціонистовъ, что дѣлаетъ для насъ особенно цѣннымъ этотъ отзывъ при обсужденіи теоріи эволюціи.

Далѣе, весьма любопытны тѣ цифры, которыми выражается емкость и величина череповъ древнихъ и новыхъ, цифры эти не въ союзѣ съ эволюціонистами. Вотъ, наприм., данныя измѣрсній Брока (эволюціониста). Объемъ черепа выраженъ въ кубическихъ децимстрахъ¹⁵⁾.

	Мужскій полъ.	Женскій полъ.
88 овернцевъ.	1598	1445
69 гальскихъ бретонца.	1599	1425
124 современныхъ парижанина.	1558	1337
18 изъ „пещеры мертваго человѣка“	1606	1507
20 гуанцевъ.	1557	1353
12 эскимосовъ	1539	1428
85 негровъ изъ западной Аѳрики	1430	1251
21 нубійца	1329	1298
1 (кроманьонскаго старика).	1590	—
1 (неандертальскій черепъ)	1220	—

Вмѣстимость ископаемыхъ череповъ, если мы исключимъ черепъ неандертальскій, оказывается, значительно превосходитъ вмѣстимость череповъ современныхъ. Но относительно неандертальскаго черепа должно сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія. Измѣренія Брока не сходятся съ измѣреніями Шафгаузена, по которому вмѣстимость неполнаго неандертальскаго черепа равна 1033,24 к. дюймамъ, полный же,

14) Человѣкъ-современникъ мамонта (Природа 1874 кн. 2).

15) Platz, Der Mensch S. 37.

по его мнѣнію, онъ долженъ содержать 12 дюймами больше, minimum его объема равняется такимъ образомъ 75 куб. англійскимъ дюймамъ, но въ настоящее время встрѣчаются свропейцы, объемъ мозга которыхъ равняется 55 к. д., а Шафгаузенъ говоритъ, что объемъ мозга нѣкоторыхъ индусовъ равенъ 46 к. д. ¹⁶⁾). Мозгъ неандертальскаго черепа долженъ быть значительно больше.

Емкость черепа еще пытаются опредѣлить чрезъ суммированіе ширины, длины и вышины черепа, вотъ, таблицы Dawkins'a, составленныя по этому методу.

Вмѣстимость древнескандинавскихъ череповъ.	479.5 mm.
„ череповъ изъ Перти шваренъ.	473.7 „
„ „ Цефны .	465 „
„ „ Генисты . .	498 „
„ „ Орруи. . .	470 „
„ „ Рундбаррова. .	477 „
„ „ Лонгбаррова. .	479 „
Вмѣстим. череповъ современ. Европейцевъ.	471.9 „
„ „ Бирманцевъ. .	471 „
„ „ Каффровъ и Зул.	468.6 „
„ „ Готтентотовъ. .	452.1 „
„ „ Австралійцевъ .	446.5 „
„ „ Андаманцевъ	431.8 ¹⁷⁾ „

Вмѣстимость ископаемыхъ череповъ по этой таблицѣ, оказывается, не только равняется вмѣстимости череповъ наиболѣе развитыхъ современныхъ расъ, но превосходитъ ее. Это серьезный ударъ для эволюціонной теоріи.

Отъ разсмотрѣнія данныхъ палеонтологіи обратимся теперь къ даннымъ доисторической археологіи. Что на самомъ дѣлѣ говоритъ непредвзятая, чуждая тенденціи археологія о первобытныхъ людяхъ? Прежде всего то, что они были религіозны. По мнѣнію Мортилье самымъ непосредственнымъ, самымъ общимъ выраженіемъ религіозности является уваженіе къ умершимъ выражающееся въ погребеніи мертвецовъ. Мы уже видѣ-

¹⁶⁾ Ляйбъль, Древность человека, стр. 77—78.

¹⁷⁾ Platz, Der. Mensch. S. 37—38.

ли, что это выраженіе религіозности существовало у людей неандертальскаго типа (скелеты найдены погребенными). Мы находимъ его у ментонцевъ. Они хоронили своихъ мертвецовъ на пластъ изъ пепла и изъ сожженныхъ костей. Таковъ былъ погребальный обычай, который, мы видимъ, проходитъ чрезъ вѣка и является у различнымъ племенъ. Около умершихъ ментонцы клали оружіе и украшения ¹⁸⁾. Въ Солютрэ было найдено мѣсто погребенія, археологическое изслѣдованіе котораго дало весьма интересные результаты. „Глава пещеры былъ похищенъ смертію, его товарищи по войнѣ и охотѣ, слѣдуя обычаю, существующему еще и теперь у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ, почтивши его погребальнымъ пѣніемъ и погребальнымъ обрядомъ, положили его въ его хижинѣ, обративъ голову къ заходящему солнцу, Подъ его руку положили его оружіе и предметы, которые были ему особенно дороги: два острія копья, сдѣланная оббивкой, большое число весьма маленькихъ и очень остро отдѣланныхъ копій, створка *Pecten Iacobeus*, раковина богомола, имѣющая отверстіе вблизи шарнира и назначенная можетъ быть служить вмѣстѣ и украшеніемъ и религіознымъ символомъ. Но самымъ интереснымъ предметомъ была грубо оббитая фигура въ молоссовомъ осколкѣ, которая безъ сомнѣнія является останкомъ одного изъ самыхъ древнихъ произведеній скульптуры. Эта статуэтка должна была изображать оленя, какъ указываетъ ея общая форма и шерсть на ней, наивно изображенная безконечнымъ числомъ маленькихъ точекъ. Къ несчастію головы у ней не достаесть.

Все въ этомъ мѣстѣ, кажется, говорить о вѣрованіи въ другую жизнь: положеніе тѣла, забота, чтобы положить ему подъ руку оружіе и любимые предметы. Эта раковина путника, этотъ олень, у котораго отбили голову, это погребеніе у домашняго очага суть доказательства намѣренныхъ дѣйствій, имѣвшихъ въ виду вѣру въ будущую жизнь. Покойнаго отправляли въ міръ духовъ такъ, чтобы онъ могъ

---

¹⁸⁾ Vacandard, le nouvel. homme préhistor. de Menton p. 119—120. 1886 R. Q. S. T. 20.

тамъ продолжать свою жизнь, исполненную приключеній, и удовлетворять свои привычки, пріобрѣтенныя здѣсь внизу ¹⁹⁾. Этотъ способъ погребенія весьма сходенъ съ тѣмъ, который существовалъ и существуетъ теперь у краснокожихъ. „Одна молодая дѣвушка, говоритъ Simoin въ своемъ изслѣдованіи о послѣднихъ краснокожихъ, была погребена согласно ея желанію по обычаю древнихъ индійцевъ. Около ея гробницы закололи двухъ пони и головы ихъ, отрѣзавъ, надѣли на колья, около нихъ поставили два маленькіе сосуда съ водой, чтобы, говорили сгуецы, лошади могли пить во время ихъ долгихъ странствованій въ счастливыхъ преріяхъ, гдѣ индеецъ охотится за бизонами, никогда не уставая“ ²⁰⁾. Чувство будущей жизни, говоритъ Жоржъ Нарро, въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи о египетскихъ вѣрованіяхъ, согласно послѣднимъ открытіямъ, приводило къ тому, чтобы хоронить съ умершими ихъ оружіе, ихъ одежды и драгоценности, вообще, всѣ предметы, въ которыхъ

¹⁹⁾ Ducrost, *l'homme quaternaire à Solutrè* T. II. R. S. Q.

²⁰⁾ Вотъ стихотвореніе, точно описывающее погребальныя обычаи индійцевъ:

Трупъ надъ вырытой могилой
 Плачемъ огласимъ.
 Все, что другу было мило,
 Мы положимъ съ нимъ.
 Въ головахъ облитый свѣжей
 Кровью томагакъ.
 Съ боку окорокъ медвѣжій
 Путь его далекъ.
 Съ нимъ и ножъ — надъ вражьемъ трупомъ
 Онъ не разъ еверкалъ,
 Какъ бывало кожу съ чубомъ
 Съ черепа сдиралъ.
 Алой краски въ руки вложимъ,
 Чтобъ, натершись ей,
 Онъ явился краснокожимъ
 И въ страну тѣней.

(Джайэль, Геологич. доказ. древн. чел. стр. 178—179. Переводъ сдѣланный Михайловымъ Шиллера *Nadowessische Todtenklage*). Нельзя не подивиться тому, какъ это стихотвореніе Шиллера, вѣрно описывающее обычаи индійцевъ, вѣрно описываетъ и погребальныя обычаи нашихъ древнѣйшихъ предшественниковъ на европейской почвѣ.

они имѣють нужду въ настоящей жизни; извѣстно, какія сокровища представляютъ намъ въ этомъ отношеніи Египетъ и его погребальная утварь. Они заполняютъ витрины нашихъ музеевъ. Но это не было только исключительною привычкою египтянъ, этотъ обычай существовалъ у всѣхъ народовъ древнихъ — цивилизованныхъ и варварскихъ. Забота иного рода вызвала другой обычай, мы хотимъ сказать о привычкѣ помѣщать въ гробъ статуэтки, извѣстныя подъ именемъ погребальныхъ фигуръ²²⁾.

Относительно религіозныхъ вѣрованій обитателей Европы послѣдней фазы (маделенской) палеолитической эпохи (по классификаціи Мортлье) вотъ, что говоритъ Броня. „Были ли у нихъ какія-нибудь религіозныя вѣрованія? Въ ихъ жилищахъ не было найдено ничего такого, что имѣло бы связь съ религіозными обрядами; но талисманы или амулеты они носили. Это были зубъ, рѣзецъ или клыкъ волка, сѣвернаго оленя, быка или лошади. Отверстіе, тщательно сдѣланное на одномъ концѣ зуба, служило для продѣванія шнурка. Народы, живущіе охотой, и теперь еще носятъ подобные талисманы, которые должны имъ приносить счастье на охотѣ. Просверленные зубы, бывшіе въ употребленіи у троглодитовъ, конечно, не были ихъ игрушками, можетъ быть это были амулеты, но всего вѣроятнѣе, что это были охотничьи талисманы. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, они въ связи съ суевѣріемъ. Достаточно ли этого для того, чтобы признать у нихъ существованіе религіи. Я не компетентенъ въ теологическихъ вопросахъ, но мнѣ кажется, что часто трудно бываетъ рѣшить, гдѣ кончается суевѣріе и гдѣ начинается религія. Въ ту же эпоху, но въ другихъ мѣстностяхъ соблюдались извѣстные погребальные обряды. Тѣла умершихъ клали въ особую пещеру; узкое отверстіе которой заваливалось каменною плитою. Предъ этой плитой была небольшая площадка, на которой печаленные родственники умершаго утѣшались пиршествомъ. Этотъ способъ утѣшенія передавался изъ рода въ родъ и досихъ поръ еще не исчезъ изъ нашихъ нравовъ. До сихъ

22) Ibid.

норъ извѣстно только одно мѣсто погребенія везерскихъ троглодитовъ. Оно находится въ Кро-маньонѣ и помѣщается не въ пещерѣ, а въ убѣжищѣ. Около мертвыхъ было положено нѣсколько кремней и украшеній изъ раковинъ, но нѣтъ и слѣда каменной ограда⁽²³⁾).

Непонятнымъ представляется, какъ въ виду этихъ фактовъ Мортилье и нѣкоторые другіе продолжаютъ упорствовать, утверждая, что человѣкъ палеолитической эпохи не имѣлъ религіи и не хоронилъ своихъ мертвецовъ. „Религія въ Европѣ, говоритъ Мортилье, есть внесеніе чуждое. Откуда явилась она? Она явилась съ востока — религіозность есть одна изъ отличительныхъ особенностей народовъ востока. Всѣ великія религіи родились на востокѣ: браманизмъ, буддизмъ, юдаизмъ, христіанство, магометанство“. Явилась она, по Мортилье, какъ уже было сказано, вмѣстѣ съ робенгаузской расой⁽²⁴⁾. Vacandard, составившій подробное описаніе открытія въ Ментонѣ въ 1885 году, выражаетъ надежду, что въ виду констатированныхъ здѣсь фактовъ Мортилье можетъ быть откажется отъ своей теоріи⁽²⁵⁾. Не знаемъ, отказался ли онъ отъ нея? Но если не отказался, то это можетъ только вызывать удивленіе къ его упорству, а не сомнѣніе въ констатированныхъ фактахъ. По всей вѣроятности нѣкоторыя европейскія племена — хотя бы кроманьонское — принадлежали къ Каинитамъ. Каиниты были предприимчивы, и у каинитовъ мы прежде всего встрѣчаемъ культуру, развитіе искусствъ, все это вполне согласуется съ тѣмъ, что мы знаемъ о кроманьонцахъ, но не подтверждается тѣмъ, что мы знаемъ о сиеитахъ. Библейскій писатель лишь глухо намекаетъ на успѣхи культуры у послѣднихъ, а если мы примемъ во вниманіе, что робенгаузцы (арійцы) — съ нашей точки зрѣнія, несомнѣнно потомки Сивана Ноя — являлись въ Европу не знающими искусствъ, тогда скульптура и живопись съ нихъ появленіемъ

²³⁾ Брова, Везерскія троглодиты стр. 158—159 (Природа 1873 г. кн. 2).

²⁴⁾ См. Библиографич. стат. Арсена о „Préhistorique par“ Mortillet R. Q. S. T. 13.

²⁵⁾ Vacandard, Le nouvel homme préhistorique T. 20 R. Q. S.

надолго исчезаютъ изъ Европы, то мысль о кайнитскомъ происхожденіи первобытныхъ обитателей Европы получаетъ значительную степень вѣроятія. Но о кайнитахъ мы знаемъ, что ихъ родоначальникъ ушелъ отъ лица Іеговы. По этому мы не должны бы были удивляться, если бы у его потомковъ не оказалось связи съ Творцомъ, однако, они, видно, нашли невозможнымъ обходиться совѣмъ безъ религіи, и у всѣхъ народовъ и племенъ мы находимъ обнаруженіе религіозности. Для эволюціониста этотъ фактъ всеобщей и древнѣйшей религіозности долженъ представляться въ высшей степени загадочнымъ и непонятнымъ, а вмѣстѣ и внушающимъ уваженіе. Вотъ, что говоритъ Кинэ, рабъ научныхъ гипотезъ, отказавшійся во имя науки, по его собственному заявленію, отъ тѣхъ вѣрованій, которыя были внушены ему въ дѣтствѣ, вотъ, что говоритъ онъ, описывая древнѣйшаго человѣка. „Вы думаете объ этомъ человѣкѣ, сотоварищѣ пещернаго медвѣдя, что забота о поддержаніи жизни должна владѣть имъ всецѣло. Ему предстоятъ каждый день великія трудности. Безъ сомнѣнія, въ его мозгу должны тѣсниться только мысли о насущныхъ нуждахъ минуты. Не должно ли все честолюбіе его заключаться въ томъ, чтобы быть въ состояніи назавтра удовлетворить голодъ и жажду? Нѣтъ, вотъ, что представляется моему удивленному взору. Этотъ человѣкъ, являющійся для меня какъ бы поворожденнымъ, едва выступившій на свѣтъ Божій, этотъ человѣкъ имѣетъ одну мысль, которая владѣетъ имъ: мысль о мертвыхъ. Кажется, что смерть своихъ товарищей онъ представляетъ какъ второе рожденіе. Вблизи нихъ онъ помѣщаетъ оружіе, топоры, каменные копья, чтобы они могли охотиться за мамонтомъ, гигантскимъ и сѣвернымъ оленемъ. Онъ кладетъ около нихъ куски лошадинаго и медвѣжьяго мяса, чтобы они могли удовлетворить первый голодъ. Далѣе, онъ заключаетъ камень въ входъ въ погребальную пещеру. Вмѣстѣ съ появленіемъ человѣка на землѣ посреди міра мамонтовъ и медвѣдей явилась въ первый разъ мысль о связи живыхъ съ умершими. Въ первый разъ одно поколѣніе стало помнить о другомъ, которое ему предшествовало. Явленіе совершенно новое въ мірѣ:

существа не слѣдуютъ болѣе одни за другими, какъ слѣпой потокъ. Въ этомъ существѣ, въ которомъ, я не знаю, долженъ ли я видѣть равнаго или раба всѣхъ другихъ, инстинктъ безсмертія высказывается среди мертвецовъ. Послѣ этого, какъ отличнымъ отъ другихъ представляется это существо мнѣ. Я наблюдаю его съ большимъ вниманіемъ и серьезностію. Какое будущее предстоить этому существу; едва умѣющему построить для себя хижину лучшую, чѣмъ у медвѣдя, и которое уже обзпкоюено мыслію дать лучшее убѣжище своимъ мертвецамъ? Мнѣ кажется, что я только что коснулся камня, на которомъ покоится знаніе вещей Божескихъ и человѣческихъ“²⁶⁾. Въ этомъ разсужденіи Кинэ высказывается съ его точки зрѣнія совершенно законное недоумѣніе. На самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ потомокъ гориллы, наслѣдовавшій отъ своихъ предковъ непоколебимый эгоизмъ, начинаетъ совершать теперь рядъ какихъ то въ высшей степени странныхъ поступковъ, которые невозможно объяснить не только съ точки зрѣнія пользы, но даже и съ точки зрѣнія симпатіи?

Еще одинъ рядъ любопытныхъ данныхъ представляетъ намъ доисторическая археологія по вопросу о религіи: именно, оказывается, что у первобытныхъ людей была какая-то страсть къ собиранію белемнитовъ. Извѣстно, что такое белемниты. Это мягкотѣлыя доловоногія чрезвычайно причудливой формы. Оказывается, что въ настоящее время въ Америкѣ подобные моллюски пользуются религіознымъ почитаніемъ. Это наводитъ на мысль, что и у европейца белемниты имѣли тоже значеніе. Иначе совершенно невозможно объяснить присутствіе ихъ раковинъ въ громадномъ количествѣ; напримѣръ, въ Солютрѣ. Такимъ образомъ, первобытный человѣкъ, мы видимъ, почитаетъ умершихъ и талисманы, вѣрить въ другую жизнь, но вѣрить и въ фе-тишой. Это странное раздвоеніе понятно для насъ; ибо подобные примѣры мы видимъ и нынѣ, и знаемъ, что составляетъ сущность религіи, и какія искаженія върваній возможны, мы не удивляемся этому; но для эволюціонистовъ,

²⁶⁾ Quinet, La création, T. II, p. 229. 1870.

которые во внѣшнихъ религіозныхъ проявленіяхъ древнѣйшихъ европейцевъ должны видѣть не искаженіе религіи, а обнаруженіе ея въ ея первичной формѣ, здѣсь приходится бороться со многими трудностями. Анимистами, фетишистами, атеистами или еще чѣмъ были первые обитатели Европы? И если они были чѣмъ-нибудь однимъ, то не должны бы были быть въ тоже время и другимъ. Какъ примирить и разъяснить все это? Лица, отказавшіяся принять откровенное ученіе о происхожденіи, искаженіи и развитіи религіи, обязаны бы были во всякомъ случаѣ не съ легкомысленною развязностію приступать къ объясненію ея возникновенія и должны бы были сознаться, что до настоящаго времени происхожденіе религіи и ея первичныя обнаруженія представляютъ для нихъ явленія загадочныя, а они вмѣсто этого придумываютъ объясненія одно за другимъ. Никто изъ физиковъ доселѣ не объяснилъ такого простаго и часто наблюдаемаго явленія, какъ градъ. Его происхожденіе считается пока загадкой. Произведено множество тысячъ наблюденій самыми компетентными лицами, и фактъ признанъ не разъясненнымъ. Религія во всякомъ случаѣ есть нѣчто болѣе сложное и глубокое, чѣмъ упомянутое физическое явленіе, и однако, пониманіе ея не находятъ для себя затруднительнымъ лица, даже почти незанимавшіяся изученіемъ религіи. Нельзя быть высокаго мнѣнія о такихъ лицахъ.

Такъ данныя доисторической археологіи, говоряція о религіозныхъ вѣрованіяхъ древнѣйшаго человѣчества служатъ не въ пользу теоріи эволюціи; посмотримъ теперь, что скажутъ намъ памятники индустріи древнѣйшихъ людей.

Мортилье, археологическую классификацію котораго мы уже изложили, излагая ученіе эволюціонистовъ, распространяетъ ее на все человѣчество, утверждая, что всѣ человѣческія племена проходили послѣдовательно всѣ намѣченныя имъ фазы индустріи. Но факты, на основаніи которыхъ составлена эта классификація, имѣли мѣсто почти исключительно во Франціи. Это похоже на то, какъ, если бы кто изучивъ исторію Египта, началъ утверждать, что въ Россіи были фараоны, почитался аписъ, строились пирамиды. Въ

сочиненіяхъ Леббока, Тайлора, Еванса, Галли и Мортильо мы встрѣчаемъ два качества, которыя въ значительной степени понижаютъ цѣну ихъ изслѣдованія: во 1) преждевременныя обобщенія; во 2) недостатокъ безпристрастія. Докажемъ прежде всего первое. Археологи эволюціонисты утверждаютъ, что всѣ народы въ своемъ индустриальномъ развитіи проходили слѣдующія фазы: палеолитическую, неолитическую, вѣка бронзы, мѣди, желѣза. Вотъ таблица, представляющая собою *resumé* открытій по археологій; посмотримъ, насколько она соотвѣтствуетъ ихъ утвержденіямъ.

Индустриальныя
стадіи.

Доисторическія.

Историческія.

Вѣкъ камня Франція? Португалія? Америкетретичнаго. рика?

Палеолитическій вѣкъ. Франція. Испанія. Италія. Германія. Англія. Бельгія. Швейцарія. Россія.

Неолитическій вѣкъ. Франція. Швейцарія. Испанія. Италія, Германія. Англія. Данія. Швеція. Норвегія. Россія. Греція? Сирія? Сѣв. Африка? Египеть? Азія? Индія? Японія?

Сѣверная и южная Америки. Огненная земля. Австралія. Новая Каледонія. Южная Африка.

Вѣкъ мѣди. Азія? Индія? Европа? Азія? Вѣкъ бронзы. Индія? Греція. Италія. Венгрія. Германія. Франція. Швейцарія. Норвегія. Россія.

Океаническіе острова и т. д. Сѣв. Америка. Сѣв. Америка. Египеть, Мексика, Перу.

Первый вѣкъ желѣза. Франція. Испанія. Англія. Швейцарія. Германія. Данія. Швеція и Норвегія.

Греція. Италія. Египеть. Западная Азія. Америка. Новая Каледонія. Океаническіе острова и т. д. ²⁷⁾.

²⁷⁾ Artelin, La classification préhistorique. R. Q. S. T. 6.

Изъ этой таблицы мы видимъ, что вѣкъ камня третичнаго считается спорнымъ, что существованіе въ Египтѣ, Индіи и Зап. Азій неолитическаго вѣка не доказано. Въ Индіи и Египтѣ — странахъ съ древнѣйшею цивилизаціею — ученые встрѣчаютъ въ древнѣйшую эпоху бронзу, а не камень, въ Западной Азійи не открыли даже существованія п бронзоваго вѣка, тамъ прямо встрѣчаютъ желѣзо. Изысканія въ области міеологіи и филологіи тоже, по видимому приводятъ къ заключенію, что у нѣкоторыхъ народовъ не было каменнаго вѣка, или по крайней мѣрѣ, что онъ былъ у нихъ очень непродолжителенъ. Это народы алтайскіе и туранскіе. Въ ихъ преданіяхъ употребленіе металловъ современно человѣчеству. У финновъ одинъ изъ первыхъ міеовъ является міею о происхожденіи желѣза. Они не имѣютъ даже такого міею о мѣди. Ихъ поэтическая легенда упоминаетъ въ ихъ „началахъ“ только о желѣзѣ и золотѣ. Ихъ Вулканъ-Ильмартиненъ создаетъ изъ золота собственную жену²⁸⁾. На языкѣ этихъ народовъ названія металловъ и орудій одни и тѣже. Между тѣмъ, какъ обыкновенно у народовъ, пережившихъ вѣкъ каменный, мы находимъ названія орудій сходными съ названіями камней. Все это показываетъ, что наука не имѣетъ фактическихъ доказательствъ существованія каменнаго вѣка у всѣхъ народовъ — существованія всеобщаго.

Тѣмъ менѣе имѣетъ наука данныхъ, показывающихъ, что человѣчество шло тѣмъ путемъ, въ какомъ порядкѣ поставлены у насъ индустріальныя стадіи. Нѣкоторые ученые, наприм., вовсе не признаютъ того, что эпоха неолитическая должна быть поставлена выше въ культурномъ отношеніи эпохи палеолитической и послѣ нея во времени. Существуютъ соображенія, говоритъ пр. Иностранецъ, которыя должны наводить на мысль, что универсальность дѣленія на палеолитическій и неолитическій вѣка подлежитъ сильному сомнѣнію. Въ этомъ вопросѣ играетъ весьма важную роль характеръ того камня, который встрѣчался доисторическому челорѣку въ почвѣ. Только изъ времени и по обси-

²⁸⁾ Lenormant, L' Histoire Ancien. 1881 T. 1. P. 191.

діана можно приготівлять оббивкою хорошія камєнныя орудія. Другія породы для этой цѣли не пригодны: ихъ необходимо полировать и шлифовать. Представимъ себѣ такое положєніе, что доисторическій человѣкъ, нуждаясь въ твердомъ матеріалѣ для изготовленія своихъ издѣлій, не нашолъ въ данной мѣстности кремня. Понятно, что онъ долженъ былъ обратиться къ другимъ горнымъ породамъ, долженъ былъ выбирать изъ нихъ такія, которыя можно было, при помощи другихъ тутъ же имѣющихся породъ, шлифовать и полировать. Эту мысль можно довольно наглядно подтвердить и самымъ распространеніемъ каменныхъ орудій. Въ особенности хорошо это видно въ сѣв.-западной части Европ. Россіи. Если провести чрезъ Онежское озеро отъ устья рѣки Водлы, линію, направляющуюся на югозападъ къ истокамъ рѣки Свири, а отсюда эту линію продолжить чрезъ Петербургскую губернію въ томъ же направленіи на Остзейскій край, то она можетъ служить извѣстною демаркаціонною линією для находокъ, съ одной стороны, издѣлій изъ полированнаго камня, съ другой—для издѣлій, изготовляемыхъ оббивкою изъ кремня. Западнѣе и сѣвернѣе этой линіи, во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ найдены каменные издѣлія доисторическаго человѣка, издѣлія эти изготовлены почти исключительно полировкой и шлифовкою. Здѣсь кремня нѣтъ и слѣда въ горныхъ породахъ, а потому неоткуда было доисторическому человѣку добывать матеріалъ для орудій. Стоитъ перейти къ югу и востоку отъ упомянутой линіи, и изслѣдователь находится въ области издѣлій изъ кремня, который встрѣчается въ такихъ большихъ массахъ, что не остается никакого сомнѣнія, что кремень здѣсь добывался изъ кореннаго мѣсторожденія. Въ Европ. Россіи можно даже различить по каменнымъ орудіямъ области развитія каменно-угольныхъ и мѣловыхъ отложеній. Почти всюду на площади развитія каменно-угольныхъ осадковъ издѣлія доисторическаго человѣка приготівлены изъ бураго кремня и роговика каменно-угольной системы, тогда какъ въ области развитія мѣловыхъ осадковъ кремневыя орудія изготовлены изъ чернаго кремня.

Изъ такого распредѣленія каменныхъ издѣлій невольно

рождается вопрос: неужели въ такомъ ближайшемъ со-
сѣдствѣ, какое представляетъ вышеуказанная линія, люди
представляли различныя фазы культуры? Неужели южнѣе
и восточнѣе этой линіи люди жили въ вѣкѣ палеолити-
ческомъ, тогда какъ западнѣе и сѣвернѣе — въ вѣкѣ неолитическомъ? Все это различіе обуславливается исклю-
чительно только характеромъ мѣстныхъ породъ, которыя и
дали матеріалъ для подѣлокъ. Въ пользу того же свидѣ-
тельствуя и находки сдѣланныя Гревингкомъ въ при-
балтійскомъ краѣ, гдѣ собраны имъ довольно многочислен-
ныя коллекціи каменныхъ орудій и оружія, между которыми
большинство приготовлено изъ сланца и кристаллическихъ
горныхъ породъ, въ избыткѣ находимыхъ доисторическимъ
человѣкомъ въ поддонной моренѣ. Здѣсь кремня нѣтъ ни
слѣдовъ, а потому понятно, что кремневая издѣлія могутъ
являться только чрезвычайной рѣдкостью²⁹⁾.

Можно указать примѣры того, что люди, употреблявшіе
оббитыя орудія, стояли въ культурномъ отношеніи выше
людей, употреблявшихъ шлифованный топоръ. Это отмѣ-
чаетъ Брока, говоря о гибели людей палеолитическаго
племени — везерскихъ троглодитовъ — и о смѣнившихъ это
племя людей съ полированнымъ топоромъ „Маделенское об-
щество (везерскихъ троглодитовъ), говоритъ Брока, исчезло,
не оставивъ послѣ себя никакого слѣда въ преданіяхъ чело-
вѣчества. Оно не угасло мало по малу, переживая періодъ
упадка, нѣтъ, оно исчезло быстро безъ переходовъ, можетъ
быть сразу, а вмѣстѣ съ нимъ угасъ и свѣтильникъ искусствъ.
Наступило мрачное время, что-то вродѣ среднихъ вѣковъ,
продолжительность котораго неизвѣстна. Цѣль времени пор-
валась, и когда мы снова имѣемъ въ своихъ рукахъ ея
связныя звенья, то на мѣсто этихъ охотниковъ на сѣвер-
наго оленя мы находимъ уже новое общество, новую про-
мышленность, новое племя. У него мы замѣчаемъ начатки
земледѣлія. Эти люди уже имѣютъ домашнихъ животныхъ,
они возводятъ памятники, у нихъ есть полированный крем-

²⁹⁾ Иностранцевъ, Геологія т. 2 1887 стр. 505—507.

³⁰⁾ Брока, Везерск. троглодиты стр. 172 (Природа 1873 кн. 2).

невый топоръ. Это уже заря новаго дня, но уже память объ искусствахъ погибла. Скульптура, рисованіе, даже орнаментация погибла и только уже въ самыя послѣднія времена полированного кремня, на члнтахъ нѣкоторыхъ памятниконъ кое-гдѣ замѣчаются орнаментарныя линіи, не имѣющія, впрочемъ, ничего общаго съ замѣчательными произведеніями искусства троглодитовъ³⁰⁾. Эти слова Брока ясно указываютъ, что видѣть въ началѣ эпохи полированного камня прогрессъ сравнительно съ эпохою предшествовавшею, несправедливо.

Обратимся отъ камня къ металлу. Металлическій періодъ подраздѣляютъ на три вѣка: вѣкъ мѣди, бронзы и желѣза. Подраздѣленіе это основывается на томъ, что оказывается, что въ глубокой древности преимущественно употреблялись бронзовыя орудія. Но бронза представляетъ собою сплавъ мѣди и олова, слѣдовательно раньше употребленія бронзы должно было существовать употребленіе мѣди. Фигье высказалъ и развилъ то положеніе, что человекъ, еще не ознакомившись съ мѣдью, умѣлъ добывать бронзу, сплавляя известнымъ образомъ руду, представляющую смѣсь мѣди и олова. Но взглядъ Фигье есть взглядъ исключительный и вызываетъ многія серьезные возраженія³¹⁾. Теперь общепринято мнѣніе, что человекъ сначала нашелъ мѣдь, затѣмъ, олово и затѣмъ уже началъ сплавлять то и другое и такимъ образомъ, производить бронзу. Несомнѣнно, значить, что бронза начала фабриковаться позднѣе мѣди. Но далеко не такъ несомнѣнно, что желѣзо было найдено послѣ бронзы или даже послѣ мѣди. Въ настоящее время показано, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ каменнаго вѣка переходили прямо къ желѣзному. Эксплуатация того и другаго металла обуславливается мѣстностью, и смотря по тому, въ какой мѣстности жили первые металлурги, они могли заниматься прежде всего обработкою мѣди или желѣза. „Негры центральной и южной Африки говоритъ Ленорманъ, никогда не знали бронзы и даже по большей части не обрабатывали мѣди. Напротивъ обработка желѣза стоитъ у нихъ на до-

31) Леббокъ, Доисторическія времена.

вольно высокой ступени, и эта обработка притомъ производится приемами, которые не были имъ сообщены извнѣ. Негры самостоятельно здѣсь дошли до открытія желѣза и перешли отъ исключительнаго употребленія камня къ обработкѣ этого металла путемъ совершенно отличнымъ отъ того, какимъ прогрессировали народы Азіи и Европы. И этотъ особенный путь должно объяснять исключительно природою наиболѣе распространенныхъ минераловъ въ Африкѣ, обрабатывать и обдѣлывать которые гораздо легче, чѣмъ минералы другихъ странъ. Эскимосы, которые не умѣютъ плавить металловъ и находятся еще въ вѣкѣ камня, фабрикують, однако, нѣкоторую утварь изъ желѣза, извлекая послѣднее изъ камней съ метеорнымъ желѣзомъ и обрабатывая его камнями, не подвергая плавкѣ, какъ краснокожіе сѣверной Америки дѣлали ихъ топоры и браслеты изъ мѣди, залегающей по берегамъ верхняго озера и гудзонова залива, посредствомъ простой ковки между двумя камнями, не употребляя огня, т. е. безъ истинной металлургіи.

Впрочемъ, метеорное желѣзо, которое не имѣетъ нужды ни въ какой очисткѣ и которое достаточно расплавить, чтобы изъ него можно было дѣлать всѣ орудія, должно быть всюду обрабатывалось первымъ и дало образецъ металла, который начали потомъ пытаться извлекать изъ минераловъ мейѣ чистыхъ. Языкъ многихъ народовъ тамыхъ замѣчательныхъ по древности ихъ цивилизаціи, сохранилъ слѣдъ именно такого начала металлургіи желѣза, извлекавшагося изъ камней, метеорное происхожденіе которыхъ было наблюдаемо. По египетски желѣзо называлось *ba en-re-ne* небесное вещество, блого, которое осталось въ коптскомъ *banire*-желѣзо. И положительныя тексты доказываютъ, что въ древнемъ Египтѣ небо представлялось, какъ желѣзный сводъ, отъ котораго иногда отламывались осколки и падали на землю. Греческое названіе желѣза—*σίδηρος*—названіе совершенно особенное и не имѣющее никакой аналогіи въ другихъ арійскихъ языкахъ для обозначенія этого металла, очевидно, тѣснѣйшимъ образомъ родственно, какъ призналъ это Порр, съ латинскимъ „*Sidus eris*“—звѣзда; итакъ оно

означаетъ металлъ, имѣющій звѣздное (небесное) происхожденіе“³²⁾.

Изъ изложеннаго нами слѣдуетъ, что установленныя фазы и эпохи для каменнаго и металлическаго вѣка не могутъ имѣть универсальнаго значенія. Оказалось, что относительно нѣкоторыхъ странъ недоказано, чтобы въ нихъ желѣзному вѣку предшествовалъ каменный, топерь, наоборотъ, нужно отмѣтить, что кое-гдѣ оказалось, что каменному вѣку предшествовалъ желѣзный. Это, между прочимъ, произошло у расы полинезийской. „Раса эта вышла, какъ доказали прекрасныя изысканія Катрфажа, изъ Малазіи и, насколько можно опредѣлить приблизительно дату ея первой миграціи, ея первое переселеніе было совершено въ эпоху вовсе не древнюю, когда—мы знаемъ по положительнымъ документамъ—употребленію и фабрикаціи металловъ были уже вообще распространены на малазійскихъ островахъ, при чемъ, однако, несовершенно прекратилось употребленіе утвари и изъ камня. Но острова, гдѣ предки полинезийцевъ установились сначала (въ сосѣдствѣ съ Таити) и гдѣ они размножились въ теченіе многихъ вѣковъ, прежде чѣмъ распространиться по островамъ Архипелага, не заключали въ себѣ никакой руды. Тайны металлурии (предполагая, что кто-либо изъ первоначальныхъ поселенцевъ владѣлъ ими) вслѣдствіе отсутствія металловъ были забыты чрезъ немного поколѣній. У нихъ сохранилось только искусство оббивки и тесанія камней, искусство, которое они практиковали постоянно. Такъ произошло то, что послѣдующія поколѣнія расы полинезийской остались въ вѣкѣ камня даже тогда, когда они переселились въ мѣста богатые металлами, какъ напр., въ Новую Зеландію“³³⁾. Согласно общепринятому возрѣнію металлическому вѣку малазійцевъ предшествовалъ вѣкъ каменный. Пусть такъ. Но интересно въ данномъ случаѣ отмѣтить фактъ регресса, который опять подтверждаетъ отрицаніе универсальности дѣленія на археологическія эпохи и установленіе извѣстной послѣдовательности фазъ.

³²⁾ Lenormant, l' Hist. anc. p. 172—173.

³³⁾ Lenormant, l' Histoire ancienne de l' or p. 176.

Всѣ, приведенныя нами данныя, показываютъ, что совершенно неосновательны претензіи Мортилье распространить свою археологическую классификацію на все человѣчество. Но можно показать еще, что археологическая классификація Мортилье не соотвѣтствуетъ даже и тѣмъ мѣстностямъ, на основаніи изученія которыхъ она составлена. Мортилье много занимался классификаціею, сначала первую эпоху человѣческой индустрии онъ назвалъ с.-ашельскою (инструментъ, характеризующій эту эпоху, есть сент-ашельскій топоръ). Но когда Аси доказалъ, что въ С.-Ашелѣ типичный инструментъ оказывается смѣшаннымъ со многими орудіями типа Мустье, то Мортилье, принужденный сдаться предъ очевидностію, выбралъ за первичный типъ человѣческой индустрии отложеніе шеллійское, гдѣ по его заявленію смѣшенія орудій не существовало. Но Аси послѣдовалъ за нимъ и на эту почву и установилъ, что вещи происходили въ Chelles такъ же, какъ и въ С.-Ашелѣ, что въ обоихъ мѣстностяхъ въ одномъ и томъ же уровнѣ нашли и шеллійскій и мустьерскій типы Мортилье. Далѣе, въ 1888 г. Аси въ антропологическомъ обществѣ въ Парижѣ развилъ то положеніе, что самыя сент-ашельскіе или шеллійскіе топоры или кастеты не говорятъ о крайней дикости, какъ это утверждать Мортилье; нѣтъ, они показываютъ, что человѣкъ того времени уже умѣлъ насаживать орудія на рукоятку. Между шеллійскими кастетами одни имѣютъ, съ одной стороны, форму широкую и круглую, которая позволяла держать ихъ въ рукѣ, но другія отовсюду являлись рѣзущими такъ, что ихъ непосредственное употребленіе необходимо должно бы было порѣзать употребляющаго. Отсюда Аси заключаетъ, что они насаживались на рукоятку. Въ основаніе своего мнѣнія онъ ссылается на топоръ, оббитый кремнями, сходный съ топоромъ Соамы, выставленный въ 1886 г. между произведеніями Австраліи на колониальной и индійской выставкѣ въ Лондонѣ. Этотъ топоръ былъ насаженъ на вѣтвь изъ ломкаго дѣса, согнутаго въ дужку вокругъ камня, обѣ конечности каковой вѣтви были приведены вмѣстѣ и крѣпко прикрѣплены одна къ другой. Заключая по аналогіи — методъ совершенно законный въ этнографіи, —

можно предположить, что люди Сентъ - Ашедя или Chelles пользовались найденными орудиями такимъ же образомъ³⁴⁾. Кромѣ этого орудія они пользовались всѣми орудиями типа Мустье. У нихъ находятъ острые пластинки, служившія, очевидно, ножами, сѣкиры, у нихъ, наконецъ, были замѣчательныя рогатины, приспособленныя для борьбы съ звѣремъ. Эти послѣднія орудія, приспособленныя, какъ видно, для нападенія, а не для защиты, должны внушить намъ уваженіе къ силѣ и ловкости первобытныхъ обитателей Европы, выходившихъ съ рогатиною на мамонта или на пещернаго льва. Новый ментонскій человѣкъ, который на своей индустрии и по своему типу является весьма сходнымъ съ человѣкомъ шеддйскимъ и Мустье, оказывался, пользовался огнемъ для приготовленія пищи и носилъ одежду. Отложения пещла и сожженные кости занимаютъ очень много мѣста въ пещерѣ, это ясно показываетъ, что человѣкъ умѣлъ обращаться съ огнемъ. Дикари добываютъ огонь двумя способами или треніемъ двухъ кусковъ дерева или ударяя по куску дерева. По всей вѣроятности древнимъ европейцамъ были извѣстны оба эти способа. Древнѣйшій человѣкъ не ходилъ обнаженнымъ. Правда, въ Мустье и Ментонѣ не нашли костяныхъ иглъ, но нашли скобель, единственное назначеніе котораго могло состоять въ томъ, чтобы обдѣлывать звѣриныя шкуры. Зачѣмъ? конечно, затѣмъ, чтобы въ болѣе благообразномъ видѣ можно было накладывать ихъ на плеча³⁵⁾.

Что касается до предполагаемой Мортилье, солютрійской эпохи, то она болѣе представляетъ плодъ его воображенія, чѣмъ когда-либо существовала въ дѣйствительности. Ad. Arcelin и Ducrost, сами изслѣдовавшіе Солютрэ, сообщаютъ,³⁶⁾ что они нашли тамъ множество костяныхъ инструментовъ, отсутствіе которыхъ, по мнѣнію Мортилье, отличаетъ солютрійскую эпоху отъ маделенской. Такимъ обра-

³⁴⁾ Arcelin, L'outil chelléen. Rev. Quest. Scient. 1888 Avril.

³⁵⁾ Vacanrad, le nouvel homme préhist. de Menton.

³⁶⁾ Ducrost, L'homme quaternaire à Solutré B. Q. S. T. II Arcelin, Les Sépultures de l'âge du Renne de Solutré B. Q. S. T. 3.

зомъ, мы имѣемъ въ сущности только два типа: типъ мустье и типъ маделена. Мортилье предполагаетъ между ними громадные промежутки, но гораздо проще, кажется, представить, что люди, пользовавшіеся орудіями того и другого типа, жили въ одно время и почти въ одномъ мѣстѣ, какъ и теперь часто живутъ рядомъ люди, носящіе шелкъ и грубая льняныя ткани. Мустье и Маделенъ расположены на правомъ берегу Везеры очень въ недалекомъ разстояніи одно отъ другаго, причемъ Мустье отъ теперешняго уровня рѣки отстоитъ на 27 метровъ, а Маделенъ расположено у самаго берега. Последнее обстоятельство есть единственное, на которое можно опереться, отрицая одновременность существованія мустьерцевъ и маделенцевъ. Говорятъ, что жители Мустье много вѣковъ тому назадъ разселились на берегу Везеры, когда уровень ея стоялъ 27-ю метрами выше, чѣмъ нынѣ, когда она часто разливалась и заливала свои воды даже во внутренность пещеры Мустье. Прошло етъѣхъ поръ много вѣковъ. Уровень Везеры отодвинулся отъ Мустье на 27 метровъ (какой громадный періодъ времени требовался для этого!), и явилось новое кроманьенское поселеніе. Но почему не предположить, что жители Мустье жили не на берегу Мустье и что случайное и грандіозное наводненіе, заставивши разлиться такъ далеко Везеру, не нанесло ила въ пещеру Мустье. Предположить это можно и, пожалуй, должно. У обитателей Мустье не найдено въ пещерахъ ни одной рыбной кости. Если бы они жили на самомъ берегу Везеры, то едва ли бы не занялись рыбной ловлей, но позволительно думать, что послѣднимъ вмѣсто нихъ занимались кроманьонцы. Наводненіе же, заставившее Везеру отложить такую массу наносовъ, погубило и кроманьонцевъ и мустьерцевъ, внезапное исчезновеніе которыхъ отмѣчаетъ и Брока.

Результатъ разсмотрѣнія индустріи первобытнаго человѣчества приводитъ насъ къ такому заключенію. Первобытное человѣчество стояло на низкой, весьма низкой степеніи культуры, но тѣмъ не менѣе, въ настоящее время есть племена, которыя въ индустріальномъ отношеніи стоятъ гораздо ниже нашихъ отдаленныхъ прародичей; поэтому не-

пытка эволюционистовъ искать для себя въ прошедшемъ большую опору; чѣмъ ему представляеть настоящее, должна быть признана неудачною, — въ частности, гипотетическія предположенія нѣкоторыхъ о первобытномъ человѣкѣ прямо ложными. Таково, на прим., предположеніе Мортиле объ отсутствіи религіозности у первобытныхъ обитателей Европы; таково предположеніе Геккеля о томъ, что первобытные люди не знали употребленія огня (въ этомъ Геккель стоитъ въ противорѣчьи и съ Мортиле, приписывающимъ умѣнье добывать огонь еще предшественнику человѣка).

Данныя доисторической археологіи представляють намъ основанія для того, чтобы составить себѣ понятіе объ эстетическомъ развитіи первобытнаго человѣчества. Эти данныя весьма не въ пользу теоріи эволюціи. Они показываютъ намъ, что первобытный человѣкъ любилъ и цѣнилъ красоту и въ этомъ отношеніи стоялъ много выше многихъ современныхъ дикарей. Прежде всего пониманіе прекраснаго обнаруживается у отдаленнѣйшихъ отъ насъ вѣками обитателей Европы въ выборѣ мѣста жительства. Вотъ, какъ описываетъ Ducrost, съ какимъ вкусомъ троглодиты солиотрэ выбрали себѣ жилище. „Когда вступаютъ въ долину Сены или когда проходятъ по порфировымъ высотамъ, которыя ограничиваютъ ее съ Запада, всюду взоръ встрѣчаетъ эту надменную вершину, которая поднимается къ небу; и которую мы зовемъ скалою Солютрэ. Чѣмъ болѣе приближаемся къ ней, тѣмъ болѣе она оказывается гармоничною и стройною. Ея стороны, которыя разрушались отъ дождя, холода и вѣтровъ представляють сообразно часамъ дня удивительные эффекты свѣта и тѣни, которыя оставляють въ самой неопытной душѣ глубочайшее впечатлѣніе. Въ тупомъ шуплу, образованномъ расщелинами, находится солиотрійское убѣжище, открытое съ юга и востока и защищенное отъ сѣверныхъ и западныхъ вѣтровъ. Эта защита была далеко не бесполезною въ ту эпоху, когда времена года были столь суровы, потому что, если и несправѣдливо, что человѣкъ солиотрэ жилъ, какъ предполагають нѣкоторые ученые, тогда, когда холодъ ледниковой эпохи достигъ своего maximum'a, когда ледники Альпъ достигли до Bourgіе и

покрывали нынѣшнюю мѣстность Лионскаго округа, вѣрно покрайней мѣрѣ то, что холодъ тогда былъ еще великъ, какъ показываетъ это присутствіе сѣвернаго оленя, мамонта, большой снѣжной ночной совы и т. д. Изъ того пункта, гдѣ человекъ солютрэ устроилъ свое жилище, его взоръ устремлялся на долину Соны, въ излучистыхъ водахъ которой находилось много острововъ, покрытыхъ прѣрїями и болотами, гдѣ росли въ обилии береза и ель, гдѣ селились утки и другія дикія птицы, гдѣ дикія лошади, какъ въ наши дни въ *Samargue* и на островахъ Роны, свободно гарцовали по зеленымъ пастбищамъ. А за этой зеленой и слегка волнистой равниной поднимались искристые Альпы. На югѣ близко къ жилищу поднималась ограда изъ лѣсовъ, обрамленная двумя концентрическими рядами горныхъ вершинъ — вблизи мѣловыхъ юрскихъ и въ отдаленіи гранитныхъ, ортоклазовыхъ и порфіровыхъ, являвшихся болѣе округленными. Наконецъ, вещь существенная для поселеній подобного ряда, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жилищъ протекало много обильныхъ, прозрачныхъ и холодныхъ ручьевъ. Когда солнце, склоняясь къ западу и сіяя на вершинѣ скалы, покрывавшей своей тѣнью поселеніе, окрашивало фіолетовою краскою туманъ долины Соны и розовой окраской стоявшіе съ противоположной стороны Альпы и ихъ самыя высокія вершины, зрѣлище должно было быть удивительнымъ ³⁷⁾“.

Это описаніе *Ducrost* даетъ основаніе заключать, что, дѣйствительно, пониманіе природы у обитателей Солютрэ стояло, пожалуй, выше, чѣмъ у многихъ современныхъ обитателей Европы, у которыхъ при взглядѣ на луга или на лѣсъ первая мысль является о томъ, поскольку ихъ можно продать или купить за десятину. Могутъ, конечно, сказать, что обитатели солютрэ случайно нашли здѣсь себѣ мѣсто жительства. Случайно? Можно бы было допустить такую случайность, если бы не было другихъ доказательствъ существованія эстетическаго вкуса у нашихъ предшественниковъ на европейской почвѣ. Но такія доказательства есть, и они многочисленны. Древнѣйшіе обитатели Европы были уже

37) *Ducrost*, l'homme quaternaire á solutré R. Q. S. T. II.

очень порядочными художниками. Мы не можемъ воспроизвести ихъ рисунокъ здѣсь ³⁸⁾, но вотъ отзывъ о нихъ Брока: „они (везерскіе троглодиты) тщательно изучали формы и позы животныхъ и иногда воспроизводили ихъ съ точностію и изяществомъ, которыя доказываютъ присутствіе въ нихъ истинно художественнаго чутія“. Позднѣ явились у нихъ и рельефныя изображенія. Музыка и пѣніе также не были чужды первобытнымъ людямъ, о первой, по крайней мѣрѣ, это можно сказать съ увѣренностію, Лартэ описываетъ двѣ флейты, найденныя у троглодитовъ, сдѣланныя изъ костей сѣвернаго оленя; очень можетъ быть, что подъ аккомпаниментъ этихъ флейтъ напѣвались какія-нибудь простенькія піески. Заботы о своей наружности не были чужды первобытнымъ людямъ, у нихъ находятъ ожерелья и браслеты, обломки краснаго камня, называсмаго гематитомъ, находимаго въ пещерахъ, указываютъ, что они красились, искусство не незнакомое и дочерямъ современной культуры. Произведенія скульптуры у нихъ тоже довольно многочисленны. Музыка, пѣніе, живопись, скульптура, какъ далеко все это отклоняетъ насъ отъ мысли объ обезьянѣ.

Люди палеолитической эпохи предовали памяти нѣкоторыя событія изъ своей жизни. Найдена исписанная кѣмъ-то изъ такихъ дикарей костянная пластинка. Что хотѣлъ оказать онъ и что сказалъ набросанными имъ черточками? Не нашелся еще новый Шампильонъ, который бы разобралъ ихъ. Но всѣ знаютъ, что пишутъ только люди, а не звѣри.

Нѣкоторыя археологическія находки даютъ основанія дѣлать нѣкоторыя заключенія о социальномъ строеѣ первобытныхъ обитателей Европы. Это палочки начальниковъ. Хрупкость ихъ работы показываетъ, что онѣ не были назначены служить орудіями, онѣ наводятъ на мысль о символѣ власти, о скипетрѣ позднѣйшихъ временъ. Эти палочки, мы знаемъ, находились и въ гротѣ Viché—aux Roches и въ маделенѣ, Можетъ быть управленіе въ то отдаленное время носило

---

³⁸⁾ См. рисунокъ, наприм., у Lepormanta p. 399.

патріархальный характеръ, можетъ быть... Но много можно дѣлать предположеній, только нельзя изъ всѣхъ этихъ данныхъ вывести ничего въ пользу теоріи эволюціи.

Когда мы излагали доводы эволюціонистовъ въ пользу эволюціонной теоріи происхожденія человѣка, мы говорили, что они утверждаютъ, на основаніи археологическихъ находокъ то положеніе, что развитіе человѣка шло весьма медленно. Отчасти это утверженіе ихъ оказывается несостоятельнымъ уже изъ тѣхъ замѣчаній, которыя мы сдѣлали о послѣдовательности и ходѣ культуры, судя по археологическимъ останкамъ, но вообще вопросъ о древности человѣка и разборъ аргументовъ въ пользу этой древности должны быть предметомъ особыхъ разсужденій.

Палеонтологія и археологія отчасти возстановили намъ образъ первобытнаго человѣка. Немногое изъ того, что открыто ими приведено нами на предыдущихъ страницахъ, но этого не многого, кажется, достаточно, чтобы составить себѣ сужденіе о древнѣйшихъ обитателяхъ Европы, если обратить вниманіе на то, что о другихъ племенахъ и расахъ извѣстно, собственно говоря, тоже, что и объ обитателяхъ Мустье и Кро-маньона. Совокупность этихъ данныхъ прежде всего утверждаютъ одну великую истину. Человѣкъ, насколько его знаетъ наука, всегда былъ человекомъ, всегда онъ отличался отъ животнаго тѣмъ же, чѣмъ отличается и теперь. Какъ мало ни зналъ, какъ мало ни былъ развитъ человѣкъ Ментоны, онъ однако, говорить. *Vasapad*, былъ уже „мыслящимъ тросникомъ Паскаля“. Весь міръ наступалъ на, человѣка и стремился уничтожить его: холодъ, хищные звѣри, вѣтры, бури, но этотъ міръ не сознавалъ, что онъ душитъ и губитъ человѣка, а человѣкъ этотъ сознавалъ и поэтому, подавляемый, смиряемый природою, онъ все таки стоялъ выше природы. Онъ понималъ ея красоту, величіе и силу, эксплуатировалъ ее и боролся съ нею, его мысль поднималась надъ нею. Альпы не суживали горизонтъ обитателя Солютрэ до того, чтобы онъ не видѣлъ и не зналъ ничего, кромѣ долины Соны. Мысль его поднималась высоко надъ окружающею дѣйствительностію, поднималась надъ всею природою и устремлялась куда-то далеко за пре-

дѣлы видимаго и конечнаго. Человѣкъ Ментоны и Солотра въ сущности стоялъ настолькоже выше остальной природы, насколько выше ея стоитъ и современный человѣкъ. Какъ тогда, такъ и теперь, между всѣмъ міромъ и человѣкомъ существовала непроходимая бездна, устраняющая всякую мысль о эволюціонной связи съ нимъ и этимъ міромъ и заставляющая полагать, что человѣкъ не есть только нѣчто, представляющее собою элементъ, функцію, продуктъ населенной имъ и съ нимъ нераздѣльно связанной планеты. Взоръ человѣка, прикованнаго къ землѣ и копавшагося въ грязи, всегда устремлялся къ нему, и безмолвныя глубины послѣдняго всегда наводили его на мысль о другомъ отечествѣ.

ГЛАВА 5-я.

Разборъ теоріи предшественника или предшественниковъ человѣка. Противорѣчія эволюціонистовъ въ ученіи о предшественникѣ человѣка. Несостоятельность теоріи многихъ предшественниковъ человѣка. Разборъ археологическихъ доказательствъ существованія третичнаго человѣка. Три взгляда на третичныя археологическія находки. Фенейскіе кремни Буржуа и ихъ исторія. Кремни Рибейра и Рамеса. Открытія Делонэ и другихъ. Исторія третичныхъ находокъ до послѣдняго времени.

Приступая къ изслѣдованію ученія дарвинистовъ о предшественникахъ человѣка, мы прежде всего встрѣчаемся вотъ съ какою странностію. Портреты этихъ предшественниковъ, нарисованные различными изслѣдователями, не только не сходятся между собою, но стоятъ въ противорѣчій и между собою и съ тѣмъ, что говорится объ ихъ потомкахъ. Геккель о своемъ питеантропикѣ говоритъ, что онъ не зналъ употребленія огня и не обладалъ способностію рѣчи. Мортилье, руководясь тѣмъ, что на третичныхъ камняхъ Буржуа и др. видны слѣды огня, утверждаетъ, что предшественникъ человѣка умѣлъ употреблять огонь. Лингвисты на основаніи

своихъ соображеній говорятъ, что человѣческій предшественникъ уже владѣлъ даромъ слова. Но здѣсь для насъ возникаетъ новая странность. Не только предшественнику человѣка, по мнѣнiю Мортилье, нельзя приписать дара слова, но и шеллѣйскій человѣкъ не обладалъ имъ, даже не имѣлъ органа для членораздѣльной рѣчи. Въ доказательство чего, Мортилье ссылается на паллетскую челюсть. Какъ разобратся въ этихъ разнорѣчивыхъ мнѣнiяхъ? Между тѣмъ разногласiя эволюціонистовъ не ограничиваются только спорами о внѣшнемъ видѣ и степени развитiя предшественника человѣка, они простираются дальше и касаются вопроса о самомъ числѣ предшественниковъ человѣка. Одни (прежде всего самъ Дарвинъ) утверждаютъ, что все человѣчество произошло отъ предшественника одного вида, т. е. утверждаютъ моногенистическое происхожденiе человѣка. Другiе говорятъ, что различныя человѣческiя расы произошли отъ предшественниковъ различныхъ видовъ, т. е. признають полигенистическое или полифилитическое происхожденiе человѣка. Мы начнемъ съ разбора этого втораго мнѣнiя.

Но сторону этого мнѣнiя рѣшительно сталь Мортилье, установивъ даже три вида своего антропоидика: антропоидикъ Буржуа, Рибейро и Рамеса. Но Мортилье не представилъ никакого основанiя въ доказательство того, что онъ утверждаетъ. Буржуа въ одномъ мѣстѣ, Рибейро въ другомъ, Рамесъ въ третьемъ нашли камни, которымъ приписали искусственное происхожденiе. По своему внѣшнему виду эти камни хотя и различаются во всѣхъ трехъ мѣстахъ, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что — если только они имѣють искусственное происхожденiе — одни и тѣже существа могли произвести и первые и вторые и третьи. Но Мортилье причислилъ этихъ существъ къ тремъ различнымъ видамъ единственно на томъ основанiи, что слѣды существованiя ихъ найдены тремя различными лицами. Нетрудно видѣть всю странность этого основанiя,

На сторону ученiя о полифилитическомъ происхожденiи человѣка становятся далѣе лингвисты. Они приходятъ къ заключенiю о существованiи своего homo primigenius и при томъ въ различныхъ видахъ на основанiи кореннаго раз-

личія группъ языковъ между собою. Но если бы они, начиная съ самого Шаве, примѣняли свои принципы о различіи языковъ такъ, какъ требуетъ логика, то они никогда бы не пришли къ высказаннымъ имъ заключеніямъ. Развѣ на самомъ дѣлѣ можно найти хотя бы два языка, неимѣющіе ничего общаго въ своемъ звуковомъ матеріалѣ и въ складѣ звуковъ? Такихъ языковъ нѣтъ: во всѣхъ языкахъ большинство звуковъ или тождественно или сходно. Нельзя также найти языковъ, принципы синтаксиса которыхъ были бы различны, гдѣ бы отсутствовали подлежащее и сказуемое или были не тѣмъ, чѣмъ являются у насъ. Такимъ образомъ языковъ абсолютно различныхъ нѣтъ. Есть еще одно свойство языковъ, показывающее, что обладатели ихъ имѣютъ общее происхожденіе. Дѣти не наследуютъ отъ родителей знанія никакого языка и одинаково легко могутъ быть обучены какому угодно изъ существующихъ языковъ. Поэтому нельзя удивляться, что у различныхъ племенъ они оказались различны. Представимъ себѣ, что въ самый ранній періодъ существованія человѣчества когда, по мнѣнію лингвистовъ, существовали только моносиллабическіе языки, люди разошлись по различнымъ странамъ. Въ различныхъ мѣстахъ должны были образоваться аплутинативные языки и затѣмъ флексивные. языки же оставшіеся моносиллабическими вслѣдствіе легкой измѣнчивости языковъ могли и должны были измѣниться до неузнаваемости (о томъ, какъ и отъ чего измѣняются языки, мы скажемъ ниже). Развитие языковъ пошло различными путями. Какъ же лингвисты—въ сущности еще мало изучившіе языки,—зная, сколь длинны и разнообразны эти пути, хотятъ такъ легко рѣшить вопросъ о присутствіи и отсутствіи родства между тѣми или иными языками.

Не представляя основаній, лингвисты въ защитѣ своей полигенистической теоріи впадаютъ въ весьма странныя противорѣчія. Настаивая на множественности первоначальныхъ племенъ человѣческихъ, они говорятъ, что одного различія языковъ достаточно для опредѣленія, принадлежатъ ли изслѣдуемыя племена къ одному корню или нѣтъ. Но тѣже лингвисты не многими страницами ниже утверждаютъ, что

языки могут не соответствовать расамъ, что у одинаковыхъ расъ могутъ быть различные языки и у различныхъ одинаковые. „Часть басковъ, настоящихъ испанскихъ басковъ, говоритъ Овелахъ, говоритъ еще по эскуарски (въ окрестностяхъ Дуранго, Толосы, св. Себастьяна), другая часть по испански (въ окрестностяхъ Виторіи, Помпелуны). Часть Бретонцевъ говоритъ по французски, другая еще сохраняетъ кельтское нарѣчіе. Многіе финны говорятъ по своему, но много другихъ— по русски и только по русски. Въ центральной Азіи многіе уралоалтайскіе народы приняли индоперсидскій языкъ. Продолжать этотъ перечень было бы скучно“ ¹⁾. Если автору стало скучно продолжать, ограничимся сказаннымъ. Финны и уралоалтайцы принадлежатъ къ монгольской расѣ, которая, по мнѣнію Фогта и др., произошла отъ иныхъ предковъ, чѣмъ раса кавказская. Нашъ лингвистъ не оспариваетъ этого, онъ прямо признаетъ, что финны и уралоалтайцы потеряли свой языкъ и усвоили чужой. Но констатируя это, какъ же можетъ онъ говорить, что языкъ есть норма, обязывающая утверждать или отрицать общность или различіе происхожденія племенъ? Нѣсколькими страницами выше онъ упрекалъ Геккеля за то, что тотъ индоевропейцевъ, семитовъ, басковъ и кавказцевъ соединилъ въ одну расу, какъ имѣющихъ общее происхожденіе и голосомъ не пререкаемаго авторитета призывалъ признать для нихъ четыре различныхъ корня ²⁾. Но почему же онъ можетъ отрицать, что предки индоевропейцевъ, можетъ быть, родственные семитамъ, утратили свой первоначальный языкъ и переняли чужой, или что это можетъ быть случилось съ семитами? Исторію первобытнаго человѣчества, представляя ее, какъ время величайшей дикости, при томъ время отстоящее отъ насъ на сотни тысячелѣтій, онъ особенно долженъ бы былъ признать темною, и потому, пользуясь аналогіями, которыхъ такъ много, что ему ихъ скучно перечислять, долженъ бы былъ отказаться отъ всякой попытки опредѣлять родство народовъ по языкамъ.

1) Овелахъ. Лингвистика стр. 341—342.

2) Овелахъ. Лингвистика стр. 339—340.

Приводится еще одно соображеніе, наводящее на мысль о полифилитическомъ происхожденіи человѣка. „Нельзя не обратить вниманія, говорить Иностранцевъ, на весьма интересную обособленность трехъ основныхъ человѣческихъ расъ: бѣлой или кавказской, черной или негритянской и желтой или монгольской, приуроченныхъ къ древнимъ материкамъ, раздѣленнымъ между собою несовременными морями, а морями третичнаго періода. Это какъ бы указываетъ не только на существованіе человѣка въ третичный періодъ, но и на бывшую въ то время обособленность его рас.“¹⁾ Не много выше приведенныхъ строкъ Иностранцевъ утверждаетъ, что нѣтъ доказательствъ существованія третичнаго человѣка, и приводитъ мнѣніе Годри и Мортильё, что кремни Буржуа и др. обиты не человѣкомъ, а какими то таинственными, никому неизвѣстными, но тѣмъ не менѣе нѣкогда существовавшими высоко организованными обезьянами. Приведенныя нами его слова сами подсказываютъ выводъ, что въ третичный періодъ на различныхъ материкахъ существовали различныя высокоорганизованныя обезьяны, и отъ нихъ произошли различныя человѣческія расы. Самъ Иностранцевъ, однако, воздержался отъ всякаго вывода, ограничившись только тѣмъ, что подсказалъ этотъ выводъ читателямъ. Нетрудно показать всю несостоятельность этого вывода. Дѣло вотъ въ чемъ. Несомнѣнно, что цвѣтъ кожи служить самымъ недостаточнымъ признакомъ различія расъ. Завися отъ температуры, онъ можетъ заставить людей одного и того же племени причислять и къ кавказской и негрской расѣ. Евреи, разсѣившіеся по всему земному шару, имѣютъ кожу всѣхъ цвѣтовъ отъ совершенно чернаго до бѣлорозоваго. Въ верховьяхъ Нила, въ Абиссиніи можно встрѣтить арабовъ совершенно чернаго цвѣта, хотя всѣ черты ихъ лица ясно говорятъ о принадлежности къ кавказской расѣ. Аріицы, расселившіеся очень недавно и во всякомъ случаѣ путешествовавшіе не по третичнымъ морямъ, въ Европѣ имѣютъ бѣлый, въ Индіи желтый цвѣтъ. Въ виду всего этого при разсужденіи о расахъ нужно имѣть

¹⁾ Иностранцевъ, Геологія. Т. 2. стр. 432.

въ виду другіе признакі и на основаніи ихъ составлять сужденія. Признаки эти анатомическаго характера. Но если мы обратимся къ нимъ, то увидимъ, что уже въ первую эпоху четвертичнаго періода въ Европѣ смѣнилось нѣсколь-ко расъ (ихъ насчитываютъ шесть), изъ каковыхъ нѣкото-рыхъ (напр. кроманьонская) похожи на негрскую, нѣкоторыя (напр. фюрфооцская) на монгольскую, и теперь въ Европѣ всецѣло господствуетъ кавказская раса. Эти факты застав-ляютъ насъ удивляться, почему Иностранцевъ нашель въ раселеніи племень восточнаго полушарія „весьма интерес-ную особенность“ и почему онъ приглашаетъ обратить на нее вниманіе. При самомъ элементарномъ знакомствѣ съ этнографіей, антропологіей и исторіей прошедшаго невоз-можно допустить, чтобы люди различныхъ частей свѣта (не говоримъ пока различныхъ племень) произошли отъ различ-ныхъ обезьянъ или обезьяноподобныхъ животныхъ.

Ученіе о многихъ предшественникахъ человѣка стоитъ въ противорѣчии и вообще съ теоріей Дарвина и съ его непосредственными разсужденіями по этому предмету. Оно стоитъ въ противорѣчии съ теоріей Дарвина. Если пред-шественники человѣка распались на нѣсколько различныхъ видовъ, то ихъ потомки, согласно теоріи, должны болѣе отличаться одни отъ другихъ, чѣмъ отъ своихъ предковъ. Удѣлъ развилъ въ одной статьѣ положеніе о стремленіи разновидностей безконечно удалиться отъ своего основнаго типа и между собою. Это „между собою“ необходимо имѣть въ виду. Когда отъ параллельныхъ видовъ происходятъ но-вые виды, то для того, чтобы они были болѣе близки меж-ду собою, чѣмъ съ своими предшественниками, требуется, что бы во 1) на нихъ дѣйствовали факторы, ихъ обближаю-щіе (для каждаго вида спеціальныя, потому что каждый видъ имѣеть спеціальныя отличія, во 2) чтобы условія, управ-ляющія ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ, были одинаковы. Лег-ко понять трудность этой одинаковости. Эволюціонные фак-торы дѣйствуютъ медленно, для достиженія ими незначи-тельныхъ результатовъ требуются громадныя періоды времени, малѣйшей случайности здѣсь достаточно, чтобы уничтожить эволюціонную работу тысячелѣтій. Обратимся теперь къ

предшественникамъ человѣка и къ ихъ потомкамъ. Предшественники человѣка, согласно предположенію дингвистовъ, были различны, конечно, они жили въ различныхъ мѣстахъ и потомки ихъ заняли еще болѣе различныя территоріи.

Какимъ же образомъ эти потомки, населяющіе теперь весь земной шаръ, оказались такъ близки между собою? Никто, вѣдь, думаемъ, не станетъ спорить, что всѣ племена отстоятъ неособенно далеко другъ отъ друга. Христіанство всегда возвѣщало истину о братствѣ всего человѣчества. Изъ отрицающихъ христіанскіе догматы истину единства рода человѣческаго призналъ Дарвинъ. Онъ защищаетъ ее въ двухъ своихъ сочиненіяхъ (о происхожденіи человѣка и о выраженіи ощущеній у животныхъ и человѣка). Общность многихъ экспрессій у всѣхъ племенъ земнаго шара, сходство въ обычаяхъ, суевѣріяхъ, сходство, далѣе, въ духовныхъ силахъ, все это приводитъ къ мысли о единствѣ рода человѣческаго. Если же всѣ племена рода человѣческаго являютъ такую близость между собою, то спрашивается, какъ же онъ могъ произойти отъ различныхъ предковъ? Для допущенія подобной возможности требуется такое сочетаніе сходственныхъ условій, которое совершенно невѣроятно. Поэтому позволительно отрицать полигенизмъ и во имя христіанства и во имя строгаго дарвинизма.

Не возвращаясь болѣе къ вопросу о томъ, отъ многихъ ли или отъ одного предшественника произошло человѣчество, обратимся къ разсмотрѣнію приводимыхъ эволюціонистами доказательствъ существованія этого предшественника. Доказательства эти археологическія. Костей предшественника человѣка не нашли, не смотря на то, что ихъ искали съ величайшимъ тщаніемъ и уже въ продолженіе четверти столѣтія, но нашли много орудій, сдѣланныхъ этимъ, такъ безслѣдно сгинувшимъ, антропоморфномъ. Орудія эти не большіе кремни самой разнообразной и причудливой формы. Относительно этихъ кремней существуетъ вообще три мнѣнія, 1) что они оббиты человѣкомъ 2) что они оббиты автопоморфномъ, 3) что они представляютъ собою естественное произведеніе природы.

Перваго мнѣнія держатся, нашедшіе эти кремни, Буржуа и Делонэ и затѣмъ, Катрфажъ и Надайка. Какъ это мнѣніе формулировано Катрфажемъ ¹⁾, оно стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчій съ гипотезою эволюціи. Провозглашая, что человѣкъ явился на землѣ тогда, когда на ней не существовало животныхъ близкихъ по своей организаціи къ человѣку, оно отрицаетъ трансформизмъ и необходимо предполагаетъ, что человѣкъ произошелъ путемъ сверхъестественнымъ.

Катрфаржъ рисуетъ намъ миоценоваго человѣка, какъ владѣвшаго сверлилами (каменными), замѣнявшими наши иглы, скоблилами, при помощи которыхъ человѣкъ обдиралъ кожи съ животныхъ и наконецъ умѣющимъ употреблять огонь, на которомъ онъ варилъ мясо. Оказывается по изображенію Катрфажа, что человѣкъ въ то отдаленное время владѣлъ тѣми же способностями, которыми владѣетъ и нынѣ. Отмѣчая возраженія палеонтологовъ, что, если бы человѣкъ жилъ съ того отдаленнаго времени, то онъ долженъ бы былъ вымереть, какъ вымерла вся фауна, Катрфажъ говоритъ, что человѣкъ не вымеръ, потому что, благодаря своимъ способностямъ, онъ всегда могъ побѣждать природу. Въ существованіи третичнаго человѣка Катрфажъ, кажется, и самъ видитъ доказательства истинности ученія о его сверхъестественномъ происхожденіи (р. 182). Но нельзя послѣдовать за Катрфажемъ. Во 1) ученіе о столь глубокой древности человѣка, какъ было сказано нами, представляется несомнѣстимымъ съ ученіемъ Библии, во 2) какъ попытаемся мы показать, существуютъ всѣ основанія видѣть въ этихъ камняхъ просто произведенія природы.

Это положеніе, что въ третичныхъ слояхъ не найдено слѣдовъ существованія разумнаго существа, употребляющаго орудія, мы и постараемся доказать. Своего проблематическаго предшественника человѣка эволюціонисты часто называютъ и третичнымъ человѣкомъ (можетъ быть не желая изъ за словъ спорить съ Катрфажемъ и другими) Мы безразлично будемъ употреблять то и другое названіе.

Эволюционистами утверждается, что предшественникъ человѣка жилъ въ теченіе двухъ эпохъ третичнаго періода:

¹⁾ Quatrefages, L'espèce humaine. 1878 p. p. 112—113 et. 182.

втеченіє эпохи міоценовой и эпохи пліоценовой. Мы рассмотримъ отдѣльно доказательства существованія чловѣка въ міоценовую эпоху и доказательства существованія его въ эпоху пліоценовую.

Въ шестидесятихъ годахъ аб. Буржуа открылъ въ Онеѣ (на Луарѣ и Инорѣ) на маленькомъ протяженіи, на краю долины довольно значительное число кремней, которые, по его мнѣнію, носили на себѣ слѣды искусственной обработки. Онейскія отложенія принадлежали къ низшему, среднему и высшему міоцену. Ихъ третичный характеръ, дѣйствительно, не можетъ подлежать сомнѣнію. Они заключены между мѣловыми отложеніями (послѣдняя эпоха вторичной системы) и аллювіальными (четвертичными). Находимыя ископаемыя по большей части принадлежатъ къ третичному періоду, къ міоценовой эпохѣ, наприм. *Halitherium* (китообразное). Аб. Буржуа прежде всего представили то возраженіе, что нельзя ручаться за то, что эти отложенія не могли образоваться въ то время, когда въ другихъ мѣстахъ образовывались четвертичныя отложенія. Въдѣ. періоды геологическіе, какъ и періоды археологическіе камня, бронзы и жѣлѣза, могли существовать не послѣдовательно только, но и совмѣстно. Совмѣстность онейскихъ отложеній съ пліоценовыми отложеніями въ другихъ странахъ не можетъ быть оспаривасма съ увѣренностію. Нельзя утверждать хотя бы о *Halitherium*'ѣ, что его уже не было въ пліоценовую эпоху. Нельзя также отрицать возможности присутствія у пліоцена тѣхъ стратиграфическихъ признаковъ, какіе обнаруживаются въ Онеѣ. Далѣе присутствіе тѣхъ или иныхъ ископаемыхъ въ томъ или иномъ пластѣ, понятно не всегда можетъ говорить за то, что эти ископаемыя жили въ то время, когда образовался пластъ: они могли попасть въ пластъ уже послѣ того, какъ послѣдній уже образовался. Могли ли камни Буржуа попасть въ пластъ послѣ его возникновенія? Подозрѣніе это было высказано, но Буржуа его опровергъ, по крайней мѣрѣ въ приложеніи къ нѣкоторымъ камнямъ. Онъ находитъ камни на глубинѣ шести метровъ, на такую глубину понятно попасть трудно. Изъ самого порядка расположенія ихъ и изъ ихъ числа (очень

большаго) онъ съ несомнѣнностію вывелъ, что они третичнаго происхожденія.

Но остался одинъ вопросъ и вопросъ самый важный. Дѣйствительно ли эти камни имѣютъ искусственную обдѣлку или они представляютъ собою произведеніе природы? Мнѣнія по этому вопросу раздѣлились и остались раздѣленными. Назовемъ нѣсколько именъ, стоящихъ за и противъ кремней Буржуа. За: Гама, Мортилье, Катрфажъ, Картаякъ, Капполини, Франкъсъ и нѣкоторые другіе. Противъ: Дезоръ, Стеенструппъ, Вирховъ, Фраасъ, Арсленъ и нѣкоторые другіе. И въ томъ и другомъ ряду, какъ мы видимъ, выступаютъ авторитетныя имена, такъ что вопроса нельзя рѣшить, опираясь лишь на авторитетъ. Нельзя не замѣтить однако, что, по сознацію самихъ сторонниковъ миоценоваго человѣка, 1) камни Буржуа были дурно приняты большинствомъ въ ученыхъ обществахъ (Гама) и 2) что эти камни дѣйствительно такого свойства, что они могутъ убѣдить далеко не всякаго (Картаякъ). Но обратимся къ самимъ камнямъ. Изображенія ихъ, приложенныя Буржуа къ его статьѣ о третичномъ человѣкѣ¹⁾, показываютъ, что эти камни таковы, что никому, не занимавшемуся доисторической археологіей, не придетъ въ голову видѣть въ нихъ буравы, сдѣланные искусственно. Трудно также угадать скребокъ въ изображеніи камня Буржуа, приложенномъ Ленорманомъ къ его трактату о третичномъ человѣкѣ²⁾. Острый взоръ Вуржуа видѣлъ въ своихъ камняхъ молоты, скребки, ножи, топоры, сдѣланные оббивкою, носящіе въ себѣ слѣды огня и т. д.; но большинство не могло въ нихъ разглядѣть ничего подобнаго. Многими было констатировано, что такіе камни, какъ Буржуа, могли и могутъ образовываться естественно. У археологовъ, отыскивающихъ доисторическія орудія человѣка, само собою понятно, есть сильное желаніе ихъ находить. — При видѣ всякаго камня у нихъ прежде всего возникаетъ мысль: не есть ли это орудіе до историческаго человѣка и, благодаря этому, можетъ быть очень

1) Bourgeois, sur la question de l'homme tertiaire p. 573. Rev. Q. S. T. 2.

2) Lenormant, L' Hist. ancien. p. 122.

многія произведенія природы зачислены въ число произведеній рукъ человѣческихъ. Гебертъ спрашиваетъ: представляютъ ли собою всё эти наконецники стрѣль, копій, топоры, ножи, скобила, гладила — всегда болѣе или менѣе попорченные и сломанные представляютъ ли они собою то, что въ нихъ желаютъ видѣть, и воображеніе археологовъ не видало ли иногда произведенія руки человѣческой тамъ, гдѣ нѣтъ ничего другаго кромѣ фантазіи природы?¹⁾ Зная эту страсть археологовъ, академикъ Кордье, прогуливаясь не задолго предъ своею смертію съ однимъ изъ своихъ коллегъ въ „*Jardin des plantes*“, сдѣлалъ весьма удачное предсказаніе. „Вы видите, сказалъ онъ, эти естественные обломки кремня, вѣроятно настанетъ день, когда кто нибудь скажетъ, что эти осколки оббиты человѣкомъ“. Кордье не ошибся. Явился археологъ (Bourdron), признавшій въ гравіи, которымъ устланы сады и скверы и мѣста гуляній въ Парижѣ, поразительное количество головокъ стрѣль и другихъ маленькихъ орудій весьма малаго измѣренія. Подобные факты обязываютъ весьма осторожно относиться къ камнямъ археологовъ. Археологи часто заходятъ слишкомъ далеко. Въ вопросѣ о третичномъ человѣкѣ нѣкоторые изъ нихъ утверждали, что естественно камни никогда не принимаютъ той формы, какую имѣютъ кремни Буржуа. Былъ произведенъ опытъ и онъ оказался губеленъ для утверждающихъ. Александръ Бертранъ подвергъ Оенейскіе кремни (такіе, естественное происхожденіе которыхъ никто не оспаривалъ) дѣйствию переменъ температуры. И онъ получилъ осколки совершенно сходные съ тѣми, на которые аб. Буржуа указывалъ, какъ на носящіе на себѣ слѣды искусственной обработки. Бертранъ представилъ аб. Гамарду свои камни и камни Буржуа, и Гомардъ принужденъ былъ признать между ними полное сходство²⁾. Это вело къ мысли, что и тѣ и другіе камни обязаны своимъ происхожденіемъ одной причинѣ. Опытъ Бертрана объ-

¹⁾ Hamard, L'homme tertiaire. p. 55. Тамъ же о предсказаніи Cordier и его исполненіи. Rev. Q. S. T. 5. 1879.

²⁾ Hamard, L'hom. tert.

яснил ее. Вѣроятно кремни существовали въ состояніи руды въ мѣловыхъ отложеніяхъ, на которыхъ, какъ было сказано, лежали въ Фенеѣ и на значительномъ пространствѣ въ окрестностяхъ послѣдующія отложенія. Кремни могли разбиваться отъ небольшого измѣненія температуры, обусловленнаго или климатическимъ измѣненіемъ или естественнымъ окисленіемъ, легко происходящимъ въ мѣловыхъ отложеніяхъ. Подъ вліяніемъ теплоты, развивавшейся отъ этого процесса окисленія, и могли явиться на нѣкоторыхъ камняхъ тѣ слѣды огня, которые указывалъ Гуржуа. Могли быть и другія причины, отъ которыхъ разбивались эти камни. Позднѣе, когда страна превратилась въ озеро, воды разрыли мѣль, выбили и понесли кремневые осколки такъ, что они и оказались въ глиняно-морскихъ отложеніяхъ. Что, дѣйствительно, кремни разбиваются отъ дѣйствія естественныхъ причинъ на мелкіе осколки, и эти осколки принимаютъ форму рѣзущихъ и колющихъ орудій, это было многократно константировано Деворомъ и Ешеромъ во время ихъ путешествія по Сахарѣ. Ешеръ предположилъ, что кремни разбивались вслѣдствіе того, что отъ дѣйствія солнца въ небольшихъ, просто капиллярныхъ скважинахъ камней происходила кристаллизація солей, испарявшихся изъ почвы и въ жидкомъ видѣ попадавшихъ въ скважины камня. Фраасъ много разъ наблюдалъ въ Египтѣ, какъ скоро послѣ восхода солнца лежавшіе камни разбивались на мелкіе осколки. Отъ этихъ фактическихъ указаній обратимся къ Фенеѣ. Что мы видимъ здѣсь? Безчисленное количество мелкихъ осколковъ, очевидно произведенныхъ природою. Между этими камнями небольшое число имѣетъ форму, нѣсколько напоминающую каменные орудія. Одна теорія вѣроятностей, намъ кажется, даетъ рѣшительное число шансовъ въ пользу того, что эти немногіе камни одного происхожденія со многими: при громадномъ числѣ обломковъ должны быть и громадное число формъ обломковъ, и даже a priori, кажется, можно предсказать, что нѣкоторые изъ нихъ будутъ походить на шаръ, на призмы и на копья и на ножи. Далѣе, при разсмотрѣніи этихъ Фенейскихъ камней одно обстоятельство, кажется, рѣши-

тельно опровергаетъ ихъ искусственное происхождение. Оббитые камни Буржуа находятся въ семи послѣдовательныхъ отложеніяхъ (см. таблицу девяти отложеній, представленную Гамардомъ р. 44. Т. 5.), изъ каковыхъ отложеній кромѣ перваго и послѣдняго во всѣхъ находятся кремни Буржуа; съ точки зрѣнія современной геологіи должно допустить, что эти пласты отложились въ громадное число лѣтъ. Что мы видимъ? Семь разъ измѣнялась фауна, семь разъ измѣнялся внѣшній видъ страны, а люди жили все на одномъ и томъ жемѣстѣ, въ одномъ и томъ же положеніи и оббивали какіе-то по видимому никуда не годные (судя по малому объему и грубой обработкѣ) кремни. Такое положеніе вещей представляется невозможнымъ. Зачѣмъ они занимались обработкой кремней, изъ какой обработки по видимому ничего не могло выйти? Затѣмъ опять можно спросить, чѣмъ объяснить изумительное постоянство ихъ въ мѣстѣ и образѣ жизни? Мортилье послѣднее объясняетъ инстинктомъ. Но никто никогда не наблюдалъ инстинкта, выражающагося въ фабрикаціи инструментовъ.

Въ 1884 г. Фенейскіе кремни Буржуа были опять предметомъ обсуждения антропологическаго общества, собравшагося на сессіи въ Блуа. Члены этого общества посѣтили Фенею, но они не добыли новыхъ результатовъ сравнительно съ тѣмъ, что было сказано прежде. Мнѣнія по прежнему остались раздѣленными. Однако въ виду того, что многіе склонились къ тому, что Фенейскія отложенія не міоценовыя, а эоценовыя, большинство должно было утвердить, что Фенейскіе камни своимъ происхожденіемъ обязаны природѣ, ибо во всякомъ случаѣ въ эоценовую эпоху, когда число млекопитающихъ было весьма незначительно, и притомъ млекопитающія эти были низшихъ порядковъ, предшественника человѣка антропоидика существовать не могло. Такое заключеніе весьма не понравилось Мортилье. Въ своемъ журналѣ *L'homme*. 25 sept. 1884 р. 545 онъ утверждаетъ, что Фенейское отложеніе—міоценовое, что оно представляетъ береговое отложеніе (на сессіи въ Блуа пришли къ заключенію, что изслѣдуемое отложеніе не есть береговое. Раскопки позволили констатировать, что кремни не

расположены такъ, какъ если бы кто нибудь разбросалъ ихъ на берегу. Они расположены не только во всей низшей части отложения; но даже и въ высшихъ зонахъ. Вслѣдствіе этого позволительно спросить съ маркизомъ Сапорта, допустимо ли, что бы человѣкъ производилъ огонь и обрабатывалъ кремни на затопленномъ основаніи?) Далѣе Мортилье утверждаетъ, что кремни обдѣланы огнемъ, что нѣкоторые между ними несутъ слѣды, очевидно, искусственной обработки, что, наконецъ, антропопиеикъ есть реальность. Онъ прибавляетъ и это—безъ сомнѣнія, есть главный его аргументъ, — что сессія Блуа была слишкомъ клерикальна; что тамъ видѣли секцію съ президентомъ маркизомъ между двумя церковниками, что подобное общество, конечно, не могло быть благоприятно для антропопиеика или предшественника человѣка. „Представляю, говоритъ Арсленъ, оцѣнить научную силу этого аргумента“. Арсленъ послѣ этого занялся изслѣдованіемъ кремней въ Мâconnaïs, отложения котораго эоценовыя, даже самаго низшаго эоцена. И что же? Онъ собралъ тамъ на всѣхъ уровняхъ почвы оббитые кремни, нѣкоторые изъ каковыхъ носили слѣды давленія, удара, переработки, огня и вообще были таковы, что, если бы ихъ нашли въ четвертичныхъ отложенияхъ; то несомнѣнно приписали бы человѣку. Арсленъ обращаетъ вниманіе на то, что въ эоценовую эпоху была особенно могущественна вулканическая дѣятельность и гидротермическая и полагаетъ, что этой причинѣ и должно быть приписано происхожденіе Фенейскихъ, Маконейскихъ и всѣхъ другихъ третичныхъ камней ¹⁾).

Однимъ изъ самыхъ частыхъ возраженій противъ искусственнаго происхожденія третичныхъ камней ставилось то, что эти камни ни на что негодны. Зачѣмъ для чего обдѣлывались они? много разъ спрашивалъ Арсленъ. Соображеніе Катрфажа и др. о разнообразномъ назначеніи этихъ кремней не принималось большинствомъ антропологовъ. Объемъ этихъ осколковъ слишкомъ малъ, и форма ихъ слишкомъ неопредѣленна, чтобы имъ можно было усвоить значеніе молотовъ,

1) Arcelin, l'homme tertiaire au Congrès de Blois. 1885. R. Q. S. T. 17.

скребковъ и т. д. Только въ 1886 г. Мортилье далъ отвѣтъ и отвѣтъ довольно оригинальный на вопросъ о назначеніи этихъ кремней. „У меня спрашиваютъ, говоритъ онъ, къ чему могутъ служить маленькія орудія *Өеней*? Я могу сказать, что я не знаю этаго, не живя въ той средѣ, не имѣя тѣхъ нуждъ, которыя имѣло то животное, которое ихъ обдѣлывало. Однако, я представлю сейчасъ объясненіе, которое, если и не абсолютно истинно, тѣмъ не менѣе возможно и даже вѣроятно. Объясненіе это не мое. Оно мнѣ было сообщено однимъ изъ моихъ товарищей Николемъ. Оббитые *Өенейскіе* кремни вообще представляютъ собою скоблила и шила. Какъ хорошо замѣчаетъ Аси, эти скоблила не должны были служить къ тому, чтобы обдѣлывать и смягчать камни, и сверлила не нужны были для того, чтобы интеллигентное животное, фабриковавшее орудія, имѣло нужду въ одеждѣ. Оно имѣло нужду въ одеждѣ тѣмъ менѣе, что было покрыто больше, чѣмъ человѣкъ (откуда это знаетъ Мортилье?). Напротивъ, насѣкомыхъ оно должно было имѣть гораздо больше, чѣмъ человѣкъ, у котораго тоже въ нихъ нѣтъ недостатка. Скоблила и острія служили для того, чтобы избавляться отъ нихъ, когда укушенія ихъ становились слишкомъ живыми“ ¹⁾. Нельзя отказать этому объясненію въ остроуміи. Итакъ, первое орудіе, сфабрикованное на землѣ, имѣло въ виду избіеніе паразитовъ! Это ново, но не основательно. Многіе кремни Буржуа очень остры (самъ Мортилье усвоитъ имъ названіе иглъ), и если бы нашъ несчастный предокъ былъ настолько не разуменъ, что захотѣлъ бы ими воспользоваться для защиты отъ паразитовъ, то онъ только изрѣзалъ бы себя самого. Да, потомъ, если представить себѣ нашего предка такимъ, какимъ рисуетъ его воображеніе Дарвина или Геккеля, то должно признать, что своєю лапою онъ могъ бы съ гораздо большимъ успѣхомъ бороться противъ безпокоившихъ его насѣкомыхъ. Въ виду этого ему не было никакой нужды прибѣгать къ фабрикаціи орудій.

Кромѣ Буржуа въ теченіе семидесятыхъ годовъ старался

¹⁾ Arcelin, l'homme tertiaire 1886 R. Q. S. T. 20.

всѣхъ убѣдить въ существованіи третичнаго человѣка португальскій ученый Рибейро, приводя въ доказательство этого существованія, найденные имъ въ миоценовыхъ (и пліоценовыхъ) отложенія долины Таго близъ Лиссабона кремни и кварциты, носящіе будто бы на себѣ слѣды человѣческой обработки. Нужно замѣтить, что кремни его меньше могли напоминать о человѣкѣ, чѣмъ кремни Буржуа, и послѣдній на Брюссельскомъ археологическомъ конгрессѣ въ 1872 году самъ объявилъ, что онъ не можетъ на нихъ открыть слѣдовъ человѣческой обработки. Кремни эти, между прочимъ, были предметомъ обсужденія на Лиссабонскомъ конгрессѣ въ 1880 г. Мнѣнія относительно нихъ раздѣлились. Во 1) не пришли къ соглашенію относительно характера отложеній, въ которыхъ они были найдены. Во 2) не пришли къ соглашенію относительно ихъ искусственнаго происхожденія. Картайякъ и Bellicci признали отложенія третичными, Vilanova и Cotteau за четвертичные. Вирховъ въ кремняхъ не нашелъ слѣдовъ человѣческой обработки. Къ нему присоединился Надайякъ (вообще то вѣрящій въ существованіе третичнаго человѣка), сказавшій: „я долженъ сознаться, что при самомъ искреннемъ желаніи я не могу узнать на нихъ оббивки или вообще слѣда обработки“. Послѣ Рибейро съ подобными же кремнями и съ подобнымъ же успѣхомъ выступилъ Ромесь (кремни имъ были найдены въ окрестностяхъ Ориньяка ¹⁾).

Въ одно время съ аб. Буржуа другой аббатъ Делонэ выступилъ съ открытіемъ иного рода, но тоже говорящимъ будто бы о существованіи третичнаго человѣка. Вблизи Пуапсэ онъ открылъ въ миоценовыхъ отложеніяхъ остатки скелета *Halitherium'a*, на двухъ ребрахъ котораго онъ нашелъ нарѣзы и глубокія зарубки, которыя по своему внѣшнему виду ясно указывали, что они были произведены на свѣжихъ костяхъ. Обнаженные части кости въ мѣстахъ нарѣзокъ были въ такомъ же состояніи, какъ и кость въ другихъ мѣстахъ. Глубокая древность кости свидѣтельствовалась

¹⁾ См. въ *l'humanité primitive* par I. d' Estiene главу посвященную вопросу о третичномъ человѣкѣ. R. Q. S. T. 12.

окаменѣніемъ. Делонэ приписалъ нарѣзы и зарубки чело-
вѣку. Сначала многіе готовы были согласиться съ его мнѣ-
ніемъ, но потомъ на открытія его перестали осылаться.
Никто не могъ опровергнуть того, что эти царапины и на-
рубки можно приписать какому либо животному міоценовой
эпохи. Открытіе подобное сдѣланному Делонэ сдѣлалъ Бер-
транъ въ 1868 г. Онъ открылъ въ Billy близъ Сень-Жер-
мена въ отложеніяхъ нижняго міоцена два обломка челюсти,
вѣроятно *acerotherium* а (принадлежить къ числу копытныхъ
особенно близокъ къ носорогу, но по своимъ размѣрамъ,
значительно меньше послѣдняго), на которыхъ были нарѣзки
отъ 6 до 8 миллиметровъ глубины и отъ 1 до 2 милли-
метровъ ширины нарѣзки эти пожелали приписать топору
человѣка и признать современными кости. Но во 1) совре-
менность ихъ была заподозрѣна нѣкоторыми учеными (на-
примѣръ, Гебертомъ), во 2) несомнѣнно, что такія цара-
пины могутъ быть производимы зубами нѣкоторыхъ живот-
ныхъ. Противъ послѣдняго было сдѣлано возраженіе, что
существованіе такихъ животныхъ не констатировано въ
самое раннее время міоценовой эпохи, но вѣдь, и сущест-
вованіе челоѣка въ эту эпоху не констатировано. Морти-
лье высказалъ, что эти царапины не принадлежать ни
зубамъ животныхъ, ни топору челоѣка, а произведены ге-
ологическою причиною. Нарѣзки эти слишкомъ широки и
глубоки, слишкомъ прямолинейны, что бы можно было про-
извести ихъ каменнымъ орудіемъ. По Мортилье это не воз-
можно, но возможно и дѣйствительно бываетъ, что такія
царапины производятся естественно кремнями, особенно на-
ходящимися въ міоценовыхъ отложеніяхъ и отличающихся
способностію подъ давленіемъ глубоко вѣзвваться.

Фенейскіе кремни, кости съ нарѣзками Пуансэ и Billy
чаще всего приводятся въ опору теоріи существованія
міоценоваго челоѣка; но кромѣ нихъ приводятся и еще
нѣкоторыя данныя въ пользу этой теоріи. Обратимся теперь
къ разсмотрѣнію этихъ другихъ данныхъ. Говорятъ, что
кости млекопитающихъ открытыя въ столь большомъ числѣ
Альбертомъ Годри въ знаменитомъ міоценовомъ отложеніи
Пикерми въ Греціи доказываютъ существованіе челоѣка

въ эту эпоху. Баронъ Дуккеръ, осматривая въ 1872 г. коллекцію этихъ костей, пришелъ къ заключенію, что большинство изъ нихъ представляютъ собою остатки обѣдовъ миоценоваго человѣка. Ему казалось, что способъ, которымъ большая часть этихъ костей была разломана, подтверждалъ этотъ взглядъ. Дуккеръ нашелъ на костяхъ много отличительныхъ слѣдовъ руки человѣка, т. е. слѣдовъ удара камнемъ. Между костями по его утверженію находятся обломки сотенъ челюстей гиппаріона (животнаго очень похожаго на лошадь и отличавшагося отъ послѣдней только существованіемъ въ ногѣ кромѣ копыта другаго пальца), антилопъ и т. д., представляющіе собою остатки систематическаго раскалыванія. Дуккеръ совершенно основательно заключилъ, что, если его мнѣніе справедливо, то несомнѣнно около этихъ костей должны оказаться камни, которыми ихъ разбивали, и однако принужденъ былъ сознаться, что онъ тщетно искалъ слѣдовъ огня, утвари, горшковъ. Уже это должно бы было внушить ему подозрѣніе къ справедливости его взгляда на пикермійскія кости, но окончательно опровергнуть этотъ взглядъ взялъ на себя трудъ самъ собиратель пикермійскихъ костей—Годри. „Изломы на костяхъ, говоритъ онъ въ письмѣ къ геологическому обществу, не носятъ на себѣ слѣдовъ дѣйствія человѣка; изломы эти находятся вдоль зубнаго канала, въ той части, гдѣ челюсти, имѣя менѣе сопротивляющейся силы, ломаются особенно легко. Нарубки оказываются въ большемъ числѣ костей. Я не думаю, что бы онѣ были произведены намѣренно: нѣкоторыя изъ нихъ были результатомъ давленія однихъ костей на другія; такъ какъ они были весьма перепутаны, большая часть произошла отъ ударовъ заступами моихъ рабочихъ. Лартс, хотѣвшій узнать на ископаемыхъ костяхъ слѣды дѣйствія человѣка, изслѣдовалъ пикермійскіе образчики; не найдя въ нихъ ничего, что говорило бы о слѣдахъ человѣка“¹⁾). Свое письмо Годри заключаетъ заявленіемъ, что онъ не знаетъ вещественныхъ доказательствъ, утверждающихъ существованіе человѣка въ миоценовую эпоху.

1) Namarq, l'hom. tert. p. 70.

Jarrigon и Filhol, изслѣдователи гротовъ южной Франціи, на нѣкоторыхъ костяхъ изъ Sansan'а думали указать слѣды преднамѣренныхъ зарубовъ и писали въ 1864 г.: „мы имѣемъ кусочки достаточные для того, чтобы считать доказаннымъ фактъ одновременности существованія человѣка и миоценовыхъ животныхъ. Однако, Ларте всегда отрицалъ существованіе слѣда человѣческаго дѣйствія на костяхъ открытыхъ ими въ Sansan'ѣ, и Jarrigon и Filhol, съ своей стороны не представили ничего противъ этого отрицанія; даже не дѣлали противъ него замѣчаній, что заставляють предполагать, что ихъ вѣра въ сансанскія кости не была сильною съ самаго начала, и можетъ быть поколебалась въ послѣдствіи или даже исчезла совсѣмъ. Paul Seryais объясняетъ происхожденіе нарѣзокъ на сансанскихъ костяхъ давленіемъ рухляковаго слоя, въ который они попали, и въ которомъ были найдены очень перемѣшанными.

Въ 1873 г. Леббокъ возвѣстилъ слѣдующее: „Франкъ Кольверъ только что сдѣлалъ открытіе, которое онъ разсматриваетъ, какъ доказательство существованія человѣка въ миоценовую эпоху. Кольверъ нашелъ обломокъ кости, принадлежащій вѣроятно диатерію или мастодонту. На выпуклой части кости было вырѣзано изображеніе четвероногаго съ рогами, шея котораго была согнута, тѣло длинное, колѣна напереды прямыя и ноги широкія. Тамъ нашли еще на другихъ костяхъ слѣды 7—8 рисунковъ, которые, однако, почти стерлись. Онъ открылъ въ томъ же отложеніи обломокъ обитаго камня и многія кости разбитыя вдоль, какъ бы для того, чтобы изъ нихъ извлечь мякоть (мозгъ). Это доказываетъ, что человѣкъ не только существовалъ въ миоценовую эпоху, но что онъ уже шелъ по пути прогресса въ дѣлѣ искусства“ ¹⁾. Очевидно, все это можетъ доказывать то, что желаетъ Леббокъ, если напередъ будутъ констатированы: 1) дѣйствительность миоценоваго характера отложеній, 2) современность костей животныхъ этимъ отложеніямъ, и 3) подлинность рисунковъ на этихъ костяхъ. Ни то, ни другое, ни третье въ данномъ случаѣ не было дока-

¹⁾ Hamard, L'hom. ter. p. 72.

зано. Да и странно, какъ Леббокъ хочетъ стать на сторону этого открытія. Міоценовый человѣкъ, занимающійся рисованіемъ, представляетъ собою прямое опроверженіе теоріи эволюціи.

Въ 1876 г. оранскій сенаторъ Помель представилъ антропологической секціи бедро носорога, извлеченное изъ нижняго міоцена и имѣющее на себѣ нарѣзы въ разнообразныхъ направленіяхъ. Возникъ вопросъ о принадлежности нарѣзовъ человѣку. Но самъ Помель нашелъ неосновательнымъ такое предположеніе, ибо нельзя было понять ни цѣли этихъ нарѣзокъ, ни того, какимъ инструментомъ онѣ сдѣланы. Помель предположилъ, что онѣ сдѣланы зубами какого то дикаго (правда, неизвѣстнаго) животнаго. Мортилье призналъ въ нихъ механическое дѣйствіе, произведенное какимъ нибудь физическимъ феноменомъ. Участіе человѣка въ ихъ происхожденіи такимъ образомъ было отвергнуто.

Приведенными нами открытіями изчерпывается рядъ данныхъ, приводимыхъ въ пользу существованія человѣка въ міоценовую эпоху. Ни одно изъ этихъ данныхъ, какъ мы видимъ, не доказываетъ того, что желали ими доказать. Послѣ всѣхъ открытій Буржуа, Делонэ и др. вопросъ о міоценовомъ человѣкѣ остался столь же открытымъ, какъ и прежде. Посмотримъ теперь, насколько прочны доказательства существованія пліоценоваго человѣка.

Прежде чѣмъ приступить къ обсужденію этихъ доказательствъ, должно замѣтить, что различіе третичныхъ отложеній вообще представляется весьма труднымъ, и что изъ всего ряда третичныхъ отложеній опредѣленіе пліоценовыхъ отложеній и отличеніе ихъ отъ отложеній послѣдующихъ представляется особенно затруднительнымъ (нѣкоторые геологи рассматриваютъ современные отложенія, какъ продолженіе третичныхъ). Мощностъ этихъ отложеній весьма незначительна. Животныя пліоценовыя по большей части находятся и въ четвертичныхъ отложеніяхъ, а относительно тѣхъ, которыя въ послѣднихъ не были найдены, не представлено пока никакихъ доказательствъ, чтобы они дѣйствительно не существовали въ четвертичный періодъ. Все это побуждаетъ вѣеьма осторожно относиться къ находимымъ

слѣдамъ человѣка въ такъ называемыхъ плиоценовыхъ отложеніяхъ и — независимо отъ изслѣдованія подлинности и современности отложеніямъ этихъ слѣдовъ — обязываетъ къ тщательнѣйшему изслѣдованію самыхъ отложеній. Посмотримъ теперь на открытія слѣдовъ плиоценоваго человѣка и на результаты изслѣдованія этихъ открытій.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Денуайэ, извлекъ изъ слоевъ Saint-Prest, относимыхъ къ плиоценовой эпохѣ, берцовую кость носорога, на которой замѣтилъ нарѣзки подобныя тѣмъ, которыя производятся рѣзущимъ орудіемъ. Подобныя нарѣзки были открыты потомъ на другихъ костяхъ, собранныхъ въ теченіе долгаго времени и находившихся въ различныхъ коллекціяхъ. Денуайэ пытался указать на осколкѣ черепа *Elephas meridionalis* (принадлежащаго горной школѣ) слѣды копыя, прозившаго шкуру и мясо и скользнувшего по костному веществу. Онъ находилъ еще кости жвачныхъ расколотыя въ длину и наискось, какъ бы для извлеченія мозга. Признавая, что нарѣзки на нѣкоторыхъ костяхъ имѣютъ естественное происхожденіе, Денуайэ призналъ на другихъ слѣды дѣйствія человѣка и отсюда заключилъ, что человѣкъ существовалъ въ плиоценовую эпоху. Но заключеніе это было преждевременно. Лайэль, изслѣдовавшій кости Денуайэ, сдѣлалъ такой опытъ: дикообразамъ лондонскаго сада далъ погладать свѣжую кость и черезъ нѣсколько дней получилъ кость тождественную съ тѣми, изъ царапинъ на которыхъ Денуайэ заключилъ о существованіи третичнаго человѣка. Лайэль рѣшилъ, что нарѣзки на костяхъ Saint-Prest могли быть тоже сдѣланы какимъ либо грызуномъ, наприм., *Trogotherium*’омъ, кости котораго были найдены въ этомъ же мѣстѣ. Очевидно, для признанія существованія третичнаго человѣка требовались еще данныя.

Ихъ не замедлилъ дать аб. Буржуа, заявившій, что онъ нашелъ въ Saint-Prest орудія каменнаго вѣка. Правда, писалъ онъ, я не нашелъ тамъ классической формы сент-ашельскаго и аббевильскаго топоровъ, но я могъ собрать на всѣхъ уровняхъ самыя общія типы, каковы: головки копья и стрѣлы, дротики, скоблида, топоры и т. д. Одинъ изъ такихъ инструментовъ, кажется мнѣ, былъ подвергнутъ дѣйст-

вію, огня. Оббитые кремни псковь и гравіевъ Saint-Prest весьма грубы и представляютъ поразительное сходство съ тѣми, которыя я указалъ въ диллювіи Вандама“¹⁾). Чтобы изъ открытія Буржуа сдѣлать выводъ о существованіи пліоценоваго человѣка, нужно, чтобы камни и кости изъ Saint-Prest удовлетворяли тѣмъ условіямъ, которыя ранѣе были предъявлены къ кремнямъ еенеи, именно, чтобы были доказаны: 1) пліоценовый характеръ отложенія, 2) современность отложенія и находящихся въ немъ кремней и костей, и 3) дѣйствительность человѣческихъ слѣдовъ на этихъ костяхъ и кремняхъ. Въ курсахъ геологіи слои Saint-Prest обыкновенно относятся къ верхнему пліоцену (см. Иностранцева, геологію т. 2. стр. 365 таблицу отложеній), но нельзя признать того, чтобы это дѣлалось на достаточныхъ основаніяхъ. Если разсмотрѣть стратиграфическіе, минералогическіе и палеонтологическіе признаки слоевъ Saint Prest, то окажется, что первые ничего не говорятъ о ихъ верхнепліоценовомъ характерѣ, а вторые и третьи даютъ основанія относить ихъ къ четвертичнымъ отложеніямъ. Слои Saint Prest лежатъ на мѣлѣ (высшій этажъ вторичныхъ отложеній) и покрыты глиною, принадлежащей или къ эрѣ дѣйствительной или по крайней мѣрѣ къ послѣднимъ временамъ первой эпохи четвертичнаго отдѣла. Такія стратиграфическія указанія даютъ возможность относить слои Saint Prest и къ аоцену, и къ міоцену, и къ пліоцену, и къ началу эпохи четвертичной. Обращая вниманіе на минералогическій характеръ Saint Prest, находятъ, что пески Saint Prest весьма сходны съ диллювіальными, т. е. съ четвертичными. Обращаясь къ фаунѣ Saint Prest, находятъ, что тамъ не оказывается ни одного животнаго характеристичнаго для пліоцена, и находятъ кости животныхъ, о которыхъ нѣкоторые палеонтологи заявляютъ, что они не существовали въ пліоценовую эпоху, какъ наприм. родъ Elephas. Конечно, очень можетъ быть, что палеонтологи ошибаются, и что слоны существовали въ пліоценовую эпоху, но, не защищая и не опровергая этого, можно видѣть, что относительно слоевъ Saint Prest трудно

1) Hamard. L'homme tertiaire R. Q. S. T. V, p. 366.

установить окончательное сужденіе. Что касается до современности ихъ и находящихся въ нихъ костей и кремней, то хотя она и не опровергалась, однако она и не доказана: кремни легко проникають въ глубину, да и кремни и кости, если допустить, что Saint Prest—плюцень, легко могли быть занесены въ него в послѣдствіи диллювиальными потоками. Но самое главное вотъ что: относительно костей Saint Prest, конечно, позволительнѣе думать, что они носятъ на себѣ слѣды зубовъ найденнаго около нихъ *Throgontherium*'а, чѣмъ слѣды орудій проблематическаго человѣка. Относительно же камней нужно замѣтить, что они по своему виду менѣе могутъ претендовать на искусственное происхождение, чѣмъ грубые енейскіе кремни, возможность естественнаго происхожденія которыхъ показана съ несомнѣнностію. Послѣ всего этого вопросъ о третичномъ человѣкѣ, очевидно, опять становится совершенно открытымъ.

Въ 1844 г. былъ найденъ каменный блокъ у югозападнаго подножія горы Денись, въ которомъ помѣщались различныя человѣческія кости, принадлежавшія двумъ индивидуумамъ: подростку и взрослому. Блокъ состоялъ изъ осколковъ шлака и лавы, перемѣшанныхъ въ глиняной грязи. Кости по большей части разбитыя лежали въ вулканическомъ туфѣ. Около найденныхъ человѣческихъ костей не было ни какихъ другихъ костей, по которымъ можно было бы судить о эпохѣ, къ которой принадлежали эти индивидуумы. Стратиграфическихъ и минералогическихъ признаковъ тоже не оказывалось. Тѣмъ неменѣе Aymard, по указанію котораго былъ найденъ блокъ съ костями, на основаніи того, что въ сѣверовосточной части горы въ подобномъ же вулканическомъ туфѣ онъ нашелъ кости *Elephas meridionalis* и *Hyrorotatus major* заключилъ, что найденные скелеты человѣческіе принадлежали къ плюценовой эпохѣ. Необоснованность его заключенія открывается уже изъ того, что, какъ было сказано, многіе отрицають существованіе слонвъ въ третичный періодъ, и несомнѣнно, что *Elephas* и *Hyrorotatus* жили въ четвертичный періодъ, Затѣмъ, Ляйель и нѣкоторые другіе компетентные геологи признали, что кости животныхъ и человѣка не современны: кости живот-

ныхъ находятся въ болѣе древнемъ изверженіи, кости людей находятся въ веществѣ выкинутомъ вулканомъ въ послѣднее изверженіе. Указано было другое основаніе, почему найденныя кости должны быть считаемы третичными. Говорили, что вулканъ Денисъ пересталъ дѣйствовать послѣ третичнаго періода. Но это было заблужденіемъ. Изслѣдованія самаго же Аумагд'а показали, что вулканъ дѣйствовалъ въ четвертичный періодъ, ибо лавою его покрыты многія несомнѣнно четвертичныя отложения. Нѣкоторые пытались представить историческія указанія того, когда вулканъ этотъ еще дѣйствовалъ. Въ одномъ письмѣ Сидоній Апполинарій (V в.), умоляя Материка, вѣнскаго архіепископа, устроить публичныя молитвы о прекращеніи бѣдствій, поражающихъ его клермонтскій діоцезъ, и перечисляя эти бѣдствія, указываетъ между ними дрожаніи почвы и изверженія, часто сопровождавшіяся пламенемъ, которыя покрывали пепломъ холмы у подножія горы. Итакъ, значитъ, въ сосѣдствѣ у него были дѣйствующіе вулканы. Но извѣстно, что въ сосѣдствѣ у него находилась гора Денисъ (именно въ указываемой имъ странѣ на равномъ расстояніи отъ Клермонта и Вѣны), извѣстно, далѣе, что другіе вулканы, находившіяся въ той сторонѣ къ тому времени были по всей вѣроятности угасшими. Отсюда заключаютъ, что изверженія, о которыхъ говоритъ Сидоній Апполинарій, были производимы вулканомъ Денисъ, и что они именно засыпали тѣ кости, которыя побудили Аумагд'а предположить существованіе третичнаго человѣка. Оказывается такимъ образомъ, что этотъ третичный человѣкъ жилъ всего лишь 14 вѣковъ назадъ.

Въ 1856 году въ небольшомъ холмѣ (*colle del rondo Savone*) въ глинянопесчаныхъ отложенияхъ былъ вырытъ обломокъ черепа и нѣкоторыя другія человѣческія кости на глубинѣ трехъ метровъ. Принимая во вниманіе, что въ этой почвѣ нашли кости носорога, морскія раковины, изъ которыхъ едва лишь половина относится къ видамъ *днѣствительнымъ*, а пожалуй, большая часть къ видамъ *вымершимъ*, заключили, что она пліоценоваго происхожденія; слѣдовательно, и кости найденныя въ ней принадлежатъ

плиоценовому человѣку. Но прежде всего нельзя признать вполне достаточными и убедительными тѣхъ доводовъ, во имя которыхъ почва признана плиоценовою. Что изъ того, что тамъ находятся раковины теперь вымершихъ видовъ? Эти виды въ данномъ мѣстѣ могли вымереть въ четвертичный періодъ. Далѣе, лица, выкопавшія кости, не обладали, нужно замѣтить, никакими познаніями по геологій и не могли дать отчета въ томъ, были ли въ данномъ мѣстѣ отложения перемѣщены или нѣтъ. Затѣмъ, по мнѣнію Гами, кости человѣческаго скелета въ данномъ случаѣ несовременны другимъ ископаемымъ останкамъ, ибо эти кости сохранились гораздо лучше, чѣмъ тѣ останки. Наконецъ, по своему анатомическому строенію скелетъ былъ признанъ вполне сходнымъ съ скелетами историческихъ лигуровъ, жившихъ вовсе не въ плиоценовые времена.

Въ 1867 г. Trémaux помѣстилъ въ „Mondes“ извѣстіе объ открытіи водопровода, очевидно, сдѣланнаго человѣческою рукою, найденнаго ниже костей мастодонта и другихъ млекопитающихъ, считаемыхъ третичными. Раскопки произведенныя въ Chagny (Saône et Loire) въ долинѣ Dheune съ цѣлью провести полотно желѣзной дороги, подтвердили это интересное открытіе. Водопроводъ былъ вырытъ на незначительной глубинѣ въ глинистомъ пластѣ покрытомъ мощными отложениями желѣзнистаго песка, въ которомъ нашли кости слоньевъ. По изслѣдованіи признали, что онъ былъ вырытъ уже послѣ того, какъ образовалась часть верхнихъ отложений, но однако, значительно раньше, чѣмъ образовались всѣ эти отложения. Вопросъ заключается въ томъ: ископаемая, находившаяся, выше его, существовали ли послѣ него или нѣтъ? Вопросъ этотъ самъ Trémaux рѣшилъ отрицательно. „Ископаемая, говоритъ онъ, могутъ и даже должны быть перемѣщены въ этихъ отложенияхъ вслѣдствіе перемѣщенія различныхъ почвъ, которыя заключаетъ долина Dheune“¹⁾. Причину такого перемѣщенія Trémaux видитъ въ громадномъ наводненіи, о которомъ наводненія нашихъ дней не могутъ дать никакого понятія, и явные слѣды ко-

¹⁾ Namord L'hom. ter. p. 377.

того остались въ громадныхъ открытыхъ отложенияхъ. Перемѣщеніе это, по Trémaux, указываетъ на дѣйствіе какого-то потопа (accuse l'action d' und déluge).

Два года спустя Rebour въ своемъ сообщеніи академіи заявилъ, что онъ нашелъ нѣсколько оббитыхъ (?) кремней въ парижской почвѣ вмѣстѣ съ костями третичныхъ (?) млекопитающихъ. *Halichorium*'а и *Thogothevium*'а. Уже поставленные два знака вопроса показываютъ, что можно скептически отнестись къ этому открытію. Если же принять во вниманіе, что тысячи причинъ могли занести эти кремни къ этимъ третичнымъ костямъ, то станетъ вполне понятнымъ, что этимъ кремнямъ рѣшительно нельзя придавать значенія.

Въ 1871 г. Roujon представилъ болонскому конгрессу грубо оббитый кремень, найденный имъ по его заявленію въ пліоценовомъ отложеніи подъ эрротическимъ блокомъ. Но Cazalis de Fondouce заявилъ, что нельзя доказать, что въ томъ мѣстѣ не было перемѣщенія почвъ и даже кажется выразилъ сомнѣніе относительно третичнаго характера отложенія.

Въ 1872 г. въ Суффолькѣ въ выработкахъ фосфорита Бекъ удалось собрать довольно много зубовъ *Sarcharodon* (акулы), въ которыхъ наблюдались чрезвычайно правильныя круглыя отверстія. Предположили, что эти отверстія сдѣланы рукою человѣка для намызыванія зубовъ на веревку и приготовленія ожерелья, которымъ украшала себя пліоценовый человѣкъ подобно тому, какъ и въ настоящее время дикари носятъ зубы акулы въ видѣ ожерелья. Черезъ три мѣсяца послѣ этой находки Гюксъ доказалъ, что эти отверстія не дѣло рукъ человѣческихъ, а произведены бурящимъ моллюскомъ, который былъ найденъ имъ не только въ изслѣдуемыхъ фосфоритахъ, но даже и прямо въ различныхъ фазахъ просверливанія зубовъ акулы ¹⁾.

Въ 1876 г. профессоръ болонскаго университета Каппелини заявилъ, что имъ найдены въ пліоценовыхъ отложенияхъ Италіи (въ *Raggiarone* близъ *Monde Aperto*) слѣды человѣка. На костяхъ *Balaenotus* (китообразное) имъ были

---

¹⁾ Иностранцевъ, Геологія т. 2 стр. 431.

наблюдаемы зарубки самыхъ разнообразныхъ формъ: нѣкоторыя изъ нихъ являлись какъ бы слѣдами отъ колющаго и одновременно отъ рѣжущаго орудія, другія — отъ рѣжущаго и ушибающаго и наконецъ третьи—кривыя зарубки какъ бы указывали на то, что въ самой ранѣ былъ поворотъ инструмента, или же раненное животное пыталось освободиться. Изученіе этихъ зарубокъ привело Каппелини къ заключенію, что изслѣдуемый *Balaenotus* былъ или убитъ пліоценовымъ человѣкомъ или, выброшенный волнами на берегъ, здѣсь сдѣлался достояніемъ послѣдняго. Убиваніе его или, вообще, пользованіе мясомъ производилось, по Каппелини, при помощи грубаго каменнаго орудія, которое будто бы и оставило слѣды на костяхъ скелета. Впрочемъ, самъ же Каппелини допустилъ, что эти слѣды могли быть произведены человѣкомъ при помощи зубовъ рыбъ тогда существовавшихъ. Отсюда, конечно, уже не далеко до того, чтобы допустить, что эти слѣды произведены зубами рыбъ безъ помощи человѣка. Такъ и заключили Евансъ и большинство членовъ пештскаго конгресса. *Caralis de Fondouce*, секретарь конгресса, выразился такъ: „нашъ ученый собратъ и другъ позволить напомнить ему, что признано, что нарѣзки на *Halichierium* въ Пуансэ были сдѣланы *Cecharadon megaladon*, слѣды и нарѣзки на костяхъ изъ неопьянскихъ фаунъ зубами *Serrus Servatus*, нарѣзки на костяхъ *S. Prest* зубами *conodontes Bainsvalleti*. Не окажется ли въ послѣдствіи, что нарѣзки на монте апертскомъ китѣ одолжены естественной причинѣ, независимой отъ человѣка?“¹⁾ Аб. Буржуа изслѣдовавъ кости Каппелини, пришелъ къ заключенію, что на нихъ видны только слѣды акулы, а не человѣка. Интересный опытъ Мажито подтвердилъ эти слова. Мажито изучилъ спеціальныя приспособленія, имѣющіяся на передней части головы нѣкоторыхъ рыбъ, каковы мечь-рыба и пила-рыба, родственныя формы которыхъ существовали уже въ тіоценовую эпоху. Послѣ этого онъ бралъ кости кита, въ теченіе нѣсколькихъ дней размачивалъ ихъ въ водѣ, а затѣмъ подвергалъ ударамъ органовъ меча и пилы

1) Namaud. L, hom, tert p. 382.

рыбы, вполне подражая движенію этихъ животныхъ при нападеніи. Борозды и царапины, полученные при этихъ опытахъ при ударахъ меча-рыбы, обнаружили полное сходство съ нарѣзками на костяхъ Капеллини. Отсюда естественно слѣдуетъ выводъ, что слѣды на костяхъ Капеллини обязаны своимъ происхожденіемъ или мечу рыбѣ или другой рыбѣ ей родственной ¹⁾.

Приводятся еще нѣкоторыя открытія, доказывающія будто бы существованіе третичнаго человѣка, открытія совершенно такія же, какъ и тѣ, о которыхъ было сообщено нами, и также недовѣрчиво встрѣченныя учеными обществами. Мы не будемъ говорить о нихъ, ибо о нихъ должно говорить тоже, что объ открытіяхъ Буржуа, Делонэ, Капеллини и т. д. Скажемъ только о новѣйшихъ спорахъ (1887—1888) о предшественникѣ человѣка или что тоже—о третичномъ человѣкѣ въ Бельгіи.

На собраніи 26 сентября 1887 г. Cels представилъ антропологическому обществу въ Брюсселѣ собраніе третичныхъ силексовъ, за которыми онъ призналъ всѣ свойства искусственной обработки — обработки, не имѣвшей цѣлю полученіе опредѣленнаго инструмента, а заключавшей въ разбиваніи кремневыхъ глыбъ съ надеждою получить какую-нибудь полезную утварь. „Истинное дѣтство искусства“, заключилъ Cels. Силексы были извлечены изъ залежей фосфата, эксплуатируемыхъ въ окрестностяхъ Spiennes, въ провинціи Наинаух, и находились на низу ланденейской почвы saint symphorien. На первый взглядъ не представлялось невѣроятнымъ приписать происхожденіе ихъ человѣческой индустріи и Mvon Overloop, не колеблясь утвердилъ, что изслѣдованіе этихъ камней не оставляетъ никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Тоже самое высказалъ капитанъ Delvaux. Брюссельскіе антропологи, однако, не поторопились присоединиться къ этому мнѣнію; они прежде всего нашли, что вопросъ объ отложеніи, въ которомъ оказались эти силексы, не достаточно разъясненъ. Delvaux и Nanzeau dl lehaie изслѣдовали стратиграфическое положеніе почвъ и сообщили

1) Иностранцевъ, Геологія т. 2 стр. 430—431.

слѣдующія заключенія. Cels. извлекъ силексы изъ двухъ отложеній. Относительно перваго изъ этихъ отложеній было константировано, что въ немъ произошло возмущеніе. слѣдовательно, выводы, которые дѣлали относительно силексовъ, найденныхъ тамъ, не имѣли никакой гарантіи и не могли служить основаніемъ для какого-нибудь серьезнаго заключенія. Дѣйствительно, было обнаружено, что четвертичный слой перемѣшалъ поверхность ланденейскую. Для кремней Cels'a, собранныхъ имъ въ ланденейскомъ слое, перемѣщенныхъ или возмущенныхъ четвертичными водами, можно допустить обработку, но въ такомъ случаѣ эти кремни не третичные. Что касается до втораго отложенія, то въ немъ не было возмущеній и кремни найденные тамъ находятся на своемъ мѣстѣ, но должно ли допускать, что обработка этихъ кремней есть дѣло человѣка? Въ настоящее время стали болѣе осторожны въ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ. Прошли времена, когда воображали, что оббивка кремня одна сама по себѣ позволяетъ заключать о человѣческой обработкѣ. Теперь установлено, что иная причина, именно дѣйствіе явленій чисто естественныхъ могло производить нарэзки и оббивку, представляющія удивительное сходство съ оббивкою искусственною. Изученія самыя тщательныя и производящіяся независимо одно отъ другаго — Arcein'a (въ Франціи) и Минска (въ Бельгіи) доказали съ очевидностію, что всѣ признаки обдѣлки могутъ воспроизводиться на кремняхъ случайно естественными причинами. Въ частности, что касается до кремней позеленѣвшихъ, извлеченныхъ съ низу ланденейскаго этажа, Delvaux объясняетъ, что между тысячами осколковъ, изслѣдованными имъ, онъ не встрѣтилъ ни одного, обдѣлку котораго нельзя бы было объяснить дѣйствіемъ иныхъ причинъ кромѣ человѣка. Минскъ показалъ, какія именно явленія могли произвести оббивку третичныхъ кремней, собранныхъ Cels'омъ. Если представить себѣ, каковы должны быть могущество и разрушительное дѣйствіе обширнаго потока первичной воды, прорывающей широкую и глубокую долину, гдѣ течетъ теперь Naine, то вполне удовлетворительно объясняется, что взаимные удары, производившіеся при отложеніи третичныхъ кремней, выбивали

въ ланденейской глинтѣ многочисленныя кремни, сообщающа имѣ конхоидальную оббивку. Сталкиваясь между собою въ быстромъ теченіи, объемистыя глыбы производили осколки, подобныя тѣмъ, которые производятся ударомъ или давленіемъ.

Нѣтъ даже необходимости прибѣгать къ объясненію при помощи удара блоковъ. Кремни, въ видѣ глыбы или осколка, могли, когда ихъ собрано много, разбиваться вслѣдствіе легкаго тренія между ними или, какъ думаетъ Zutat, вслѣдствіе простыхъ осѣданій, производившихся вслѣдствіе медленнаго разложенія мѣловыхъ слоевъ водами. Дѣйствительно, темнокоричневый фосфатный мѣлъ, на которомъ лежатъ ланденейскіе кремни, заключаетъ въ себѣ $\frac{2}{5}$ углекислой извести и только $\frac{1}{5}$ фосфатной извести. Но въ водѣ, немного насыщенной угольной кислотой, углекислая известковая соль легко разлагается, фосфатъ же гораздо мѣнѣе. Такимъ образомъ, вслѣдствіе медленной фильтраціи вода образовалась эксплуатируемый теперь фосфатъ, отлагаясь толстыми слоями послѣ разложенія углекислой известковой соли. Это разложеніе мѣловыхъ слоевъ произвело вслѣдствіе уменьшенія въ объемѣ, осѣданіе массы. По причинѣ этого низъ ланденейскаго кремневаго отложенія, образовавшагося на формации фосфатныхъ фаций, подвергся волнообразному колебанію. Кремни подъ дѣйствіемъ сгибанія подвергались тренію и взаимнымъ столкновеніямъ, что все могло производить дѣйствія, подобныя дѣйствію намѣренной обдѣлки. Вообще кремни, найденныя Cels'омъ, не отличаются ничѣмъ отъ камня оббитаго ударами въ ложѣ рѣки. Argelin тожѣ заявляетъ, что кремни Cels'a не отличаются ощутительно отъ тѣхъ, которые были собраны имъ въ хощеновой глинтѣ масонскихъ окрестностей и которые своею оббивкою обязаны исключительно вліяніямъ атмосферическимъ.

Наиболѣе осторожныя археологи въ настоящее время установили, что даже камни, находимыя въ высшихъ отложеніяхъ и носящія на себѣ слѣды оббивки, не должны немедленно приводить къ заключенію объ ихъ искусственномъ

происхожденіи, что въ послѣднемъ можно быть увѣреннымъ лишь въ томъ случаѣ, если часто встрѣчается повтореніе одного и того же типа, если на этихъ камняхъ замѣтны слѣды употребленія, если пользование ими удобно, если на нихъ замѣтны слѣды — огня, если близко отъ нихъ находится древній очагъ, или если близко находили кости животныхъ, носящія слѣды нарѣзокъ и наполовину обугленныя. Но доселѣ ни одно изъ этихъ условій — заисключеніемъ нахождения слѣдовъ огня, которые однако, какъ было показано, не могутъ имѣть рѣшительнаго значенія — не оказывается соблюденнымъ по отношенію къ третичнымъ отложеніямъ, гдѣ всегда находили только грубо оббитые камни.

Кромѣ этихъ общихъ соображеній, которыя дѣлаютъ сомнительною гипотезу Celsa, должно указать еще два, которыя показываютъ ея несомнѣнную ошибочность. Во 1) кремни были найдены въ низу глинистыхъ сѣрозеленыхъ ланденейскихъ песковъ, т. е. въ низшемъ эоценѣ. Но эти отложенія безусловно морскія, какъ показываетъ фауна, которую тамъ встрѣчаютъ, моллюски, рыбы, черепахи, и никто, конечно не поддержитъ, чтобы человѣкъ могъ жить въ глубинѣ моря въ подобномъ сообществѣ. Также трудно допустить, чтобы кремни въ такомъ количествѣ были занесены какимъ-нибудь обстоятельствомъ въ глубины моря. Во 2) съ эпохи, когда ланденейское море отлагало свои пески, фауна совершенно измѣнилась, никакой теперь существующій родъ не имѣлъ тогда представителей: самая морская фауна измѣнилась 12 разъ съ того времени, которое протекло съ образованія ланденейскаго до образованія четвертичнаго. Въ теченіе эоценовой эпохи большая часть животныхъ были *marsupialia* (подобныя теперешнимъ австралійскимъ утконосу и ехиднѣ) плацентерныя же, какъ, наприм., обезьяны являются только съ миоценовой эпохи, слѣдовательно, оббивку этихъ кремней нельзя приписать предшественнику человѣка, ибо съ точки зрѣнія палеонтологіи является существенно допущеніе существованія антропоморфныхъ обезьянъ въ эоценовую эпоху, но предшественникъ человѣка стоялъ выше антропоморфныхъ обезьянъ и относить существованіе его къ эоцену, значить, вносить путаницу

• въ палеонтологію и колебать многое въ геологіи, построенное на различіи фауны ¹⁾).

Въ 1881 г. Ленорманъ писалъ: „несомнѣнно, что на нѣкоторыхъ мѣстахъ центральной Франціи вырыли изъ пластовъ верхняго міоцена кремни, расколотые при помощи огня, на каковыхъ кремняхъ трудно не узнать слѣдовъ труда разумнаго и цѣлесообразнаго, стремившагося преобразовать ихъ въ орудія и инструменты“ ²⁾ Мы сообщили теперь результаты изслѣдованія и кремней французскихъ и другихъ тождественныхъ или подобныхъ находокъ, свидѣтельствующихъ будто бы о существованіи „кого-то“, употреблявшаго орудія. Результатомъ разсмотрѣнія является то, что существованіе этого „кого-то“ рѣшительно не доказано. Ни одно изъ приведенныхъ доказательствъ не представляется убѣдительнымъ. Вслѣдствіе этого, каждый, конечно, имѣетъ право сомнѣваться въ томъ, чтобы такое проблематическое существо жило когда-нибудь на землѣ. Но нельзя ли идти дальше и на основаніи отсутствія доказательствъ приходиться къ рѣшительному отрицанію того, что доказываютъ? Кажется, что въ данномъ случаѣ для этого представляется много основаній. Если принять во вниманіе то усердіе, съ которымъ искали третичнаго человѣка и безуспѣшность этихъ исканій, то невольнo должна навязываться мысль, что человѣкъ или предшественникъ человѣка не существовалъ въ этотъ періодъ. О другихъ животныхъ, жившихъ въ четвертичный періодъ и не найденныхъ доселѣ въ третичномъ, подобнаго заключенія дѣлать нельзя, потому что никто не ставилъ своею специальною цѣлю ихъ тщательное разыскиваніе въ прошедшемъ. Обыкновенно ихъ не ищутъ, а они попадаютъ сами. Но человѣка искали повсюду. Останки человѣка погибаютъ, нужно замѣтить, не скорѣе, чѣмъ останки другихъ организмовъ, а останковъ человѣка и вообще слѣдовъ его должно бы быть гораздо больше: его кости, произведенія его индустріи, слѣды его прикосновенія къ разнымъ

¹⁾ Van den Geyn S. I., l'archéologie préhistorique en Belgique. R. Q. S. 1838. 20 Octobre. Arcelin, l'homme tertiaire en Belgique. R. Q. S. 1888. 20. Juillet.

²⁾ Lenormant, Hist. ancien. de l'or. p. 121.

предметамъ и существамъ. Самыя кости человѣка скорѣе бы должны сохраниться, чѣмъ кости другихъ животныхъ: во 1) потому что по многимъ наблюденіямъ они сохраняются долже, во 2) потому что костей человѣка въ водѣ, гдѣ происходятъ отложенія, всегда должно быть больше, чѣмъ какихъ либо другихъ костей, такъ какъ человѣкъ чаще, чѣмъ другіе сухопутные организмы, пускается въ воду. Больше, чѣмъ какой-либо изъ организмовъ, подвергается опасности на ней утонуть. А между тѣмъ человѣкъ нигдѣ не найденъ. Мало этого. Человѣкъ, не являющійся въ теченіе третичнаго періода, не является и непосредственно послѣ этого періода.

Въ виду всего этого остается только удивляться, зачѣмъ въ антропологіи — наукѣ положительной — создана эта фантастическая теорія, подтверждаемая фантастическими доводами, — теорія третичнаго человѣка или предшественника человѣка?

Г Л А В А 6-я.

Разборъ основаній, представляемыхъ эволюціонистами въ доказательство возможности происхожденія человѣка отъ животныхъ типовъ (со стороны физической). Значеніе особенностей физической организаціи человѣка. Затрудненія эволюціонистовъ въ объясненіи устройства позвоночника и въ устройствѣ его ногъ. Непонятность съ точки зрѣнія эволюціонистовъ факта исчезновенія волосъ на тѣлѣ человѣка. Непонятность происхожденія музыкальнаго устройства горла. Неосновательность разсужденій эволюціонистовъ о причинахъ увеличенія мозга у человѣка. Примитивный человѣкъ.

Доказывая, что фактъ перерожденія животнаго въ человѣка имѣлъ мѣсто въ прошедшемъ, эволюціонисты представляютъ также и тотъ путь и тѣ условія, чрезъ которыя произошло это перерожденіе. Въ предыдущихъ главахъ мы показали, что доказательства ихъ происхожденія человѣка отъ животныхъ типовъ не имѣютъ силы убѣдительности, теперь попытаемся показать, что и ихъ раз-

сужденія о томъ, какъ могъ произойти человѣкъ отъ животнаго, не могутъ быть признаны основательными. Въ этой главѣ мы покажемъ неосновательность ихъ разсужденій о томъ, какъ могла подѣ въздѣйствіемъ эволюціонныхъ факторовъ физическая организація животнаго стать такою, какою она является у человѣка.

Анатомическое различіе между человѣкомъ и ближайшими къ нему животными—обезьянами ничтожно, но характеръ этого различія таковъ, что допустить, что оно произошло изъ полнаго тождества, весьма трудно. Дѣло вотъ въ чемъ: сущность всѣхъ анатомическихъ особенностей человѣка такова, что эти особенности могутъ быть полезными и могутъ доставлять эстетическое наслажденіе только людямъ, стоящимъ уже на высокой степени культуры, напротивъ, для дикарей всѣ эти особенности или бесполезны или вредны. Очевидно, что такія особенности не могли быть произведены и не могли упрочить и возвысить человѣка надъ другими существами ни естественнымъ, ни тѣмъ болѣе сомнительнымъ половымъ подборомъ. Это сознаютъ и нѣкоторые изъ эволюціонистовъ. Уоллэсъ можетъ быть больше, чѣмъ Дарвинъ, имѣющій правъ на имя творца теоріи трансформации, довольно подробно, какъ мы уже отчасти говорили, развиваетъ мысль объ участіи Промысла въ происхожденіи человѣка.

Измѣненіе въ устройствѣ позвоночника изъ сводообразнаго въ змѣевидное можетъ быть еще допущено, хотя замѣтимъ, пока еще не объяснено, но измѣненіе въ устройствѣ обезьяньихъ рукъ и ногъ нашего предка представляется недопустимымъ. Что измѣненіе въ устройствѣ позвоночника не такъ легко объяснить, какъ это казалось Дарвину, это показать не трудно. Наши предки, по Дарвину, жили на деревьяхъ, которыя, конечно, не представляли благопріятныхъ условій для развитія въ ихъ обитателяхъ способности вертикальнаго хожденія. Подниматься на заднія конечности имъ приходилось не часто, не частыя же упражненія не могли имѣть вліянія на устройство позвоночнаго столба. Геккель въ доказательство родства человѣка съ обезьяной рассказываетъ о племенахъ, живущихъ на деревьяхъ, и по дикости не

уступающимъ обезьянамъ, однако эти племена имѣютъ та-
кой же спинной хребетъ, какъ и Геккель, что съ точки
зрѣнія теории эволюціи не совсѣмъ понятно. Обращаемся къ
рукамъ и ногамъ. У всѣхъ обезьянъ ноги хватательныя, слѣ-
довательно, необходимъ былъ бы весьма строгій подборъ
мускуловъ и костей для такого измѣненія, чтобы способность
противоположенія большого пальца ноги всѣмъ другимъ со-
вершенно исчезла у всѣхъ человѣческихъ племенъ, а между-
тѣмъ она исчезла, и исчезновеніе ея тѣмъ болѣе удивительно,
что низшія племена, въ которыхъ эволюціонисты видятъ
существовъ весьма близкихъ къ обезьянамъ, очень нуждаются
въ хватательной способности ногъ. Вотъ что, наприм., раз-
сказываетъ Миклуха Маклай о папуасахъ: тонкія конеч-
ности они кой къ чему приспособляютъ такъ, что неболь-
шіе предметы папуасы могутъ подымать съ полу ногой,
причемъ схваченная вещь подымается не черезъ сгибаніе
большаго пальца, но они стараются схватить ее чрезъ стя-
гиваніе мышцъ послѣдняго. У многихъ папуасовъ я видѣлъ
большой палець отодвинутымъ на 2—2½ т. т. отъ другихъ
пальцевъ, но это уже искусственно развитая особенность,
ибо во большей части у тѣхъ же людей на другой ногѣ боль-
шой палець былъ уже менѣе отодвинутъ¹⁾. Это сообщеніе
поучительно. Оно говоритъ намъ, что низшія человѣческія
племена только стремятся приблизиться къ обезьянамъ и при
томъ далеко не особенно успѣшно. Что же удалило первыхъ
отъ послѣднихъ? Что отдалило по устройству ногъ дикарей,
живущихъ на деревьяхъ отъ обезьянъ? Этотъ птичій образъ
жизни дѣлаетъ рѣшительно необходимымъ рукообразное при-
способленіе ногъ; ихъ, правда, и приспособляютъ съ нѣко-
торымъ успѣхомъ; но во 1) успѣхъ этотъ незначителенъ и
ненаслѣдствененъ, во 2) зачѣмъ для этого приспособленія
требуются такія значительныя и малоуспѣшныя усилія, когда
у ближайшихъ предковъ тѣхъ, которые теперь нуждаются
въ этомъ приспособленіи, способность эта была такъ велика?
Но это еще не все. Обращаясь къ рукамъ дикарей, мы

1) Миклуха Маклай, Антропологическія замѣтки о папуасахъ Маклаева
берега Новой Гвиней стр. 73—74. (Природа 1874 г. кн. 2).

встрѣчаемся съ другимъ любопытнымъ явленіемъ, мы видимъ, что ихъ руки по своему анатомическому устройству въ скрытомъ состояніи заключаютъ такія способности, которыми они никогда не пользуются. Руки дикарей, какъ и руки европейцевъ, способны къ рисованію, скульптурѣ и т.д. Руки обезьянъ, вѣрно замѣтить, не обладаютъ этими способностями, онѣ схватываютъ предметы грубо и неуклюже. Однако для потребностей дикаря было бы вполне довольно и тѣхъ рукъ, какія имѣются у обезьяны, откуда же въ рукахъ дикарей явились, и какая сила произвела въ нихъ эти тонкія и разнообразныя приспособленія?

Всѣ сухопутныя млекопитающія покрыты волосами (у толстокожихъ только они рѣдки), представляющими для нихъ защиту отъ непогоды, холода и дождя. Что волосы приспособлены къ послѣдней функціи, это, по Уэллсу, открывается изъ того, что они всегда на всѣхъ выдающихся частяхъ тѣла направлены внизъ такъ, что по нимъ легко стекаетъ дождевая вода; нижняя же поверхность тѣла всегда менѣе покрыта волосами, брюхо часто бываетъ совсѣмъ голое; на переднихъ конечностяхъ волосы у млекопитающихъ направлены отъ плеча къ кисти, за исключеніемъ орангъ-утанга, у котораго они отъ плеча идутъ къ локтю и отъ кисти опять къ локтю, это объясняется его образомъ жизни. Отдыхая, онъ держитъ свои длинныя руки надъ головой или захватываетъ ими за сучекъ и такимъ образомъ дождевая вода стекаетъ у него и по плечу и по предплечью къ локтю. Обращаясь къ человѣку. Волосы, какъ мы знаемъ, у него отсутствуютъ и прежде всего отсутствуютъ тамъ, гдѣ бы они были наиболѣе полезны, именно, у него нѣтъ ихъ на спинѣ, между тѣмъ какъ, у всѣхъ млекопитающихъ здѣсь они особенно густы. Объясненіе исчезновенія волосъ у человѣка тѣмъ, что человѣческіе предки жили въ тропическомъ климатѣ дважды не состоятельно, во 1) потому что въ тропическомъ климатѣ въ шерсти такая же нужда, какъ и въ другихъ климатахъ, только она нужна здѣсь для защиты отъ зноя и отъ дождей, а не для защиты отъ холода, (во 2) человѣкъ, оказавшись, уже издавна жилъ въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ въ

пліоценовую и особенно въ постпліоценовую эпоху температура была не особенно высока. Объясненіе исчезновенія волосъ на спинѣ тѣмъ, что человѣкъ терся спиною объ деревья, какъ горилла, тоже страдаетъ неосновательностію. Если человѣкъ не могъ вполнѣ держаться вертикально, то онъ долженъ былъ тереться о деревья поясницей, на ней, какъ у гориллы, у него и вытералась бы шерсть, но это вытираніе не могло бы передаваться по наслѣдству (у гориллы оно не передается) уже потому, что, вѣдь, слишкомъ длинный, жившій можетъ быть въ теченіе миллионовъ лѣтъ, рядъ млекопитающихъ предковъ человѣка развилъ въ себѣ эту особенность. Если бы даже въ извѣстный періодъ, когда безпомощный получеловѣкъ прислонялся къ деревьямъ, у него и пропали бы волосы на оконечности позвоночнаго столба, но какъ только бы онъ вполнѣ поднялся, у него снова долженъ былъ явиться этотъ въ высшей степени полезный ему признакъ, какъ онъ появляется въ сильнѣйшей степени у животныхъ, переселяющихся изъ подъ тропиковъ въ болѣе холодныя страны, хотя во время жизни подъ тропиками онъ и измѣнялъ свой характеръ. Между тѣмъ мы не видимъ этого по отношенію къ людямъ: волосъ на спинѣ у нихъ не появляется ни подъ экваторомъ, ни у полюсовъ, даже при случаяхъ уродства, когда рождались люди совсѣмъ покрытые волосами, и то верхняя часть спины у нихъ была бѣднѣе всѣхъ другихъ волосами. Кожа людей всегда была и есть голая, это всегда заставляло людей одѣваться, такъ мы видимъ слѣды одежды у доисторическихъ людей, такъ и въ настоящее время, оказывается, всѣ дикари носятъ одежду. Первые путешественники, говоритъ Уоллэсъ, удивлялись тому, что жители Тастаніи обоего пола носили только шкуру кенгуру не изъ чувства стыдливости, а просто за тѣмъ, чтобы защитить спину отъ дождя и холода. Точно также національный костюмъ Маорисовъ состоитъ изъ плаща, накинутого на плечи. Патагонцы также носятъ плащъ на плечахъ, а жители огненной земли носятъ часто на спинѣ кусокъ ксжи и перекладываютъ его то на ту, то на другую сторону, смотря по направленію вѣтра. Готтентоты также носятъ подобную кожу на плечахъ, они ее никогда не сни-

мають, и въ ней ихъ даже хороняютъ. Даже подъ тропиками большинство дикарей сильно заботится защитить свою спину отъ дождя. Жители Тимора употребляютъ листь однаго вида вѣрной пальмы. Они его старательно складываютъ, сшиваютъ, всегда носятъ съ собою и, развертывая его на спинѣ, отлично защищаются имъ отъ дождя“ ¹⁾. Геккель съ увѣренностію разсуждаетъ о людяхъ, имѣющихъ шерстобразные волосы, и, незадумываясь причисляетъ къ нимъ папуасовъ. Но сообщеніе Геккеля ложно; вотъ, свидѣтельство Миклухи Маклая, безспорно крупнѣйшаго авторитета въ вопросѣ о папуасахъ: „я рѣшительно не замѣтилъ, чтобы волосы папуасовъ были расположены космами, и нашелъ, что волосы растутъ у нихъ совершенно такъ же, какъ и у европейца... Если передъ тѣмъ, какъ дѣлать наблюденіе (надъ волосами папуасовъ), хорошенько расчесать и вымыть волосы папуаса (папуасы всегда окрашиваютъ свои волосы и подвергаютъ ихъ постояннымъ натираніямъ), то тогда очень трудно отличить ихъ отъ волосъ какой нибудь другой породы людей. Микроскопическія наблюденія показываютъ, что толщина волосъ папуасовъ (у мужчинъ) равняется приблизительно средней толщинѣ волосъ европейца, и что вымытые въ водѣ волосы теряютъ свой черный цвѣтъ (получаемый отъ краски) и превращаются въ свѣтложелтые такъ, что подъ микроскопомъ кажутся они совершенно прозрачными, какъ и волосы европейцевъ послѣ обработки ихъ щелочью“ ³⁾. Это свидѣтельство показываетъ намъ, что тамъ, гдѣ по эволюціонной теоріи должно бы было явиться различіе между высшими и низшими породами людей и сходство между послѣдними и высшими породами животныхъ, по обыкновенію, ничего подобнаго не оказывается. Люди, живущіе въ условіяхъ, гдѣ голая кожа представляетъ весьма много неудобствъ, однако, не имѣютъ полезнаго волосянаго, тѣмъ болѣе шерстистаго покрова. Какъ объяснить, что природа у ихъ предковъ отняла этотъ покровъ? Конечно,

2) Уоллсъ, естественный подборъ стр. 376—377.

3) Миклуха Маклай, Антропологическія замѣтки о папуасахъ стр 69—70. Природа 1874 г. кн. 2).

область возможных объясненій велика, но только область хороших объясненій — ограничена. Вагнеръ исчезновеніе на тѣлѣ человѣка волосяного покрова объясняетъ предположеніемъ, что человѣческій предокъ носилъ одежду, которая и помытерла у него волосы, предположеніемъ дѣйствія полового подбора, по которому самкамъ и самцамъ въ особяхъ противоположнаго пола нравилась голая кожа, предположеніемъ сопутствующихъ измѣненій, по которому измѣненіе волосъ стоитъ въ неоткрытой связи съ исчезновеніемъ и появленіемъ какого-нибудь другаго признака, находившагося подъ вліяніемъ естественнаго подбора. Несостоятельность перваго предположенія очевидна: само собою понятно, что человѣкъ накинулъ на спину плащъ, потому что ему стало холодно, а не потому со спины его исчезъ покровъ, защищавшій отъ холода, что онъ накинулъ плащъ. Если человѣкъ произошелъ отъ обезьяно-подобнаго предка, то изобрѣтеніе имъ одежды не должно быть особенно позднимъ тѣмъ болѣе, что, вѣдь, низшія то геккелевскія племена и сейчасъ недалеко ушли въ этомъ отношеніи отъ ихъ предпологаемыхъ предковъ. Но голая кожа есть признакъ всѣхъ извѣстныхъ намъ историческихъ и доисторическихъ людей. Второе объясненіе остроумно и знаменательно. Оно говоритъ намъ о томъ, какой степени развращенности подверглась природа въ настоящее время, извратились у него даже фізіологическія инстинкты. Но въ такихъ отдаленныхъ животныхъ предковъ этого извращенія быть не могло: животные вообще не допускаютъ противоестественнаго, уничтожать на своей кожѣ волосы и стремиться къ безволосицѣ ради усиленія сладострастнаго ощущенія они не могли. Съ другой стороны, мы видимъ, что тамъ, гдѣ дѣйствительно пускаютъ въ ходъ во имя, если хотятъ эволюционисты, полового подбора всевозможныя средства, не получается никакихъ результатовъ. Никто не желаетъ быть некрасивымъ и рождать уродливыхъ дѣтей, хорошенькія руки, правильный овалъ лица, атласистая кожа, это *pia desideria*, въ достиженіе которыхъ половой подборъ не привнесъ еще особо благоприятныхъ результатовъ. Странно, какимъ образомъ наши неразумные предки сдумѣли путемъ полового

подбора такъ легко освободиться отъ шерсти и волосъ на кожѣ, мы же въ теченіе тысячелѣтій не можемъ удалить съ своей груди, рукъ, ногъ, тѣхъ немногихъ и рѣдкихъ волосъ, которые достались намъ, какъ наслѣдство, отъ нашихъ предковъ. Третье объясненіе Вагнеръ прикладываетъ и къ объясненію развитія чедовѣческихъ рукъ, онъ прикладываетъ его и къ объясненію происхожденія всѣхъ остальныхъ особенностей чедовѣческаго организма; но не говоря уже о полной произвольности подобнаго основанія, оно разбивается уже отъ того, что, вѣдь, мы не можемъ объяснить происхожденія ни одной особенности въ чедовѣческомъ организмѣ, слѣдовательно вагнеровскимъ сопутствующимъ измѣненіямъ нечему сопутствовать. Но допустимъ даже, что, такъ или иначе, какая то причина заставила волосы исчезать со спины у нашего животнаго предка, очевидно, тогда эта причина, дѣлавшая чедовѣка, безпомощнымъ въ борьбѣ съ холодомъ, должна была произвести вымираніе нашихъ предковъ, такъ какъ неизвѣстная намъ причины заставили вымереть мамонта, мастодонта и т. д. Какое же тутъ совершенствованіе путемъ отбора?

Строеніе гортани у чедовѣка приспособлено къ тому, чтобы издавать музыкальные звуки, приспособлено къ пѣнію. Млекопитающія, какъ извѣстно, не могутъ похвалиться своими пѣвческими талантами. Вообще, звуки издаваемые ими, непріятны. Дарвинъ ссылается на гиббоновъ, пускающихъ въ ходъ свой голосъ въ пору спариванія и утверждаетъ, будто бы изъ подобнаго начала развились и наши пѣвческія способности; надо замѣтить, что гиббоны въ своихъ любовныхъ пѣсняхъ, напоминаютъ котовъ, любовныя серенады которыхъ всѣмъ хорошо извѣстны. Конечно, уже одно свойство этихъ серенадъ побуждаетъ усумниться, чтобъ изъ нихъ могло выйти что-нибудь доброе. Но есть еще нѣсколько обстоятельствъ въ этомъ предметѣ, которыя совершенно разбиваютъ Дарвина. Обратимся прежде всего къ дикарямъ; на которыхъ такъ насто любятъ ссылаться эволюционисты, здѣсь мы встрѣчаемся съ любопытнымъ фактомъ. Голосъ не въ почетъ у дикарей, пѣніе ихъ просто жалобный вой, и однако у нихъ находятся всѣ голосовыя

средства, которыми располагають сыны пѣвческихъ націй. Откуда же явились они у нихъ? Вѣдь, каждый органъ развивается отъ употребленія и пропорціонально употребленію, здѣсь же мы видимъ, что органъ явился раньше, чѣмъ въ немъ почувствовали нужду. Далѣе, женскіе голоса лучше мужскихъ, но, вѣдь, при половомъ подборѣ, по Дарвину, самки не поютъ, да и у дикарей женщины не пользуются своимъ голосомъ. Только у культурныхъ націй женщина, которая доселѣ должна была только слушать, вдругъ неожиданно сама становится всеобщимъ предметомъ вниманія. Это совершенно противно теоріи естественнаго и полового подбора. По теоріи эволюціи человѣкъ не долженъ бы былъ обладать голосомъ; если бы онъ и сталъ развивать его, то, очевидно, голосъ долженъ бы былъ быть лучше и гармоничнѣе у мужчинъ, а не у женщинъ.

Человѣкъ различается весьма значительно отъ обезьянъ количествомъ и устройствомъ своего мозга. Мозгъ низшихъ и высшихъ человѣческихъ расъ мало разнится, но мозгъ тѣхъ и другихъ одинаково рѣзко отличается отъ мозга обезьянъ. Если емкость черепа европейца положить равною 32, емкость черепа дикаря будетъ равна 26, у обезьянъ она равна 10. Но при этомъ должно еще замѣтить, что въ отдѣльныхъ случаяхъ мозгъ дикаря варьируетъ такъ же, какъ и мозгъ европейца наприм., „самый большой германскій черепъ въ коллекціи д-ра Девиса представляетъ 112,4 куб. дюйм., одинъ арауканскій черепъ—115,5, эскимосскій—113,1, черепъ съ острововъ маркизскихъ—110,6, негритянскій—105,8 и одинъ австралійскій даже 104,5. Вслѣдствіе этого, говоритъ Уоллэсъ, нѣтъ ничего нелогичнаго сравнивать дикаря и европейца самаго совершеннаго, съ одной стороны и орангъ-утанга, шимпанзе и гориллу съ другой“⁴⁾. Спрашивается, чѣмъ обусловливалось въ прошедшемъ такое чрезмѣрное развитіе мозга у нашихъ гипотетическихъ предковъ, принимая во вниманіе, что наши предки не имѣли въ немъ нужды? Дѣло, вѣдь, въ томъ, что у современнаго дикаря мозгъ представляетъ собою ор-

4) Уоллэсъ, Естествен. подб. стр. 367 368.

ганъ, не употребляющійся во всеъ его объемѣ. Изъ приведенной выше ⁵⁾ выписки изъ Уоллеса мы видѣли, на какой низкой ступени развитія стоятъ нѣкоторыя племена, которыя, очевидно пользуются мозгомъ почти въ такой же мѣрѣ, какъ и обезьяны; почему же у первыхъ мозгъ такъ великъ? Да, вѣдь, и мало того, что мозгъ великъ, мы знаемъ, что онъ можетъ функционировать такъ же, какъ мозгъ европейца. Правда, дѣти забытыхъ и угнетенныхъ племенъ обнаруживаютъ обыкновенно малоспособность, по крайней мѣрѣ память у нихъ преобладаетъ надъ воображеніемъ, но это обыкновенно простирается на немного поколѣній, да и не на всѣхъ индивидуумовъ. Цвѣтущія республиканскія государства негровъ, такъ недавно освобожденныхъ изъ рабства, служатъ яснымъ тому доказательствомъ. Такое существованіе у человѣка органа прежде, чѣмъ онъ почувствовалъ въ немъ нужду, представляетъ неразрѣшимую загадку, съ точки зрѣнія теоріи эволюціи. Дарвинъ, какъ мы видѣли выше, предполагалъ, что духовное развитіе у человѣка предшествовало физическому; разсуждая такъ, онъ совершенно забылъ о фактахъ палеонтологической антропологии и этнографіи низшихъ племенъ. Геккель вспомнилъ о томъ и другомъ и сказалъ, что физическое развитіе предшествовало у человѣка духовному, при чемъ онъ ни однимъ словомъ ни обмолвился относительно того, чему же обязано въ данномъ случаѣ это странное развитіе. Вагнеръ въ своей дополнительной статьѣ къ переводу книги Уоллеса указываетъ два закона, которыми будто бы объясняется это явленіе. Законы эти суть: законъ физиологической инерціи и законъ концентрации органовъ или исчезанія гомологовъ. По первому изъ этихъ законовъ органъ, разъ вызванный къ увеличенію или удлинненію, развивается до тѣхъ поръ, пока, какія-нибудь внѣшнія или внутреннія причины не положатъ предѣла его развитію (стр. 450). По закону же концентрации органовъ, одинаковые органы, появляющіеся у низшихъ животныхъ, какъ бы независимо другъ отъ друга въ видѣ совершенно особыхъ зачатковъ, сливаются у выс-

5) См. стр. 400—409. Часть I, отд. 2, гл. 1.

шихъ въ одинъ органъ, который отъ этого выигрываетъ въ массѣ и является болѣе способнымъ къ потребной для организма дѣятельности (стр. 449). Постоянное подтвержденіе закона физиологической инерціи, по Вагнеру, можно видѣть на зародышахъ, у которыхъ мозгъ развивается не пропорціонально, и на дѣтяхъ, у которыхъ голова обыкновенно бываетъ велика. Но въ указанныхъ фактахъ нѣтъ никакого подтвержденія приводимому Вагнеромъ закону. Пропорціональность есть нѣчто условное. Мы называемъ взрослый организмъ пропорціонально сложеннымъ, если взаимное отношеніе его различныхъ частей соотвѣтствуетъ такимъ то цифрамъ, но мы не назовемъ пропорціонально сложеннымъ дѣтскій организмъ, если у него будетъ такое же отношеніе частей. Въ различные годы развиваются преимущественно то тѣ, то другіе органы, законы, управляющіе развитіемъ этихъ органовъ очень сложны, для cadaго возраста, для каждой стадіи развитія существуетъ своя пропорціональность, понятно, что законъ физиологической инерціи въ данномъ случаѣ оказывается не при чемъ. Подтвержденіе втораго закона Вагнеръ видитъ въ наблюденіяхъ надъ суставчатыми. Мы видимъ, что у нихъ въ переднемъ главномъ концѣ тѣла, этомъ концѣ, обращенномъ всегда впередъ, концентрируется нервная система. Онъ первый встрѣчаетъ впечатлѣнія внѣшняго міра, и поэтому неудивительно, что въ немъ развиваются глаза, щупальцы—всѣ воспріемники этихъ внѣшнихъ впечатлѣній. Но это развитіе влечетъ за собою и развитіе головныхъ узловъ, или вѣрнѣе узловъ: верхнеглоточнаго и нижнеглоточнаго. Это увеличеніе совершается на счетъ ближайшихъ узловъ, нервной цѣпи. Эти узлы сближаются, соединяются и влекутъ за собою срастаніе цѣльныхъ сегментовъ тѣла. Получается одинъ верхнеглоточный большой узелъ, и этотъ узелъ поражаетъ своею громадностью въ молодыхъ особахъ или зародышахъ (стр. 453). О послѣднихъ словахъ приведенной выписки изъ Вагнера должно сказать тоже, что на его замѣчанія о дѣтяхъ. Что же касается до его ученія собственно о концентраціи, то изъ нея рѣшительно ничего не вытекаетъ, чтобы объясняло существованіе большого мозга у дикаря. Вѣдь, эта концентрація,

если допустить ея существованіе, обусловливается дѣятельностію органа (воспріятіемъ имъ ощущеній и т. д.) и пропорціональна этой дѣятельности между тѣмъ, какъ задача Вагнера состояла въ томъ, чтобы объяснить такое явленіе, котораго не могли произвести естественный подборъ, половой подборъ и борьба за существованіе. Вагнеръ предполагаетъ нѣкоторые законы развитія, но принципъ законовъ развитія состоитъ въ томъ, что они производятъ организацію каждаго вида какъ разъ на ту степень, которая соотвѣтствуетъ его потребностямъ и никакъ не превышаетъ эти потребности; такъ какъ они не допускаютъ никакой подготовки въ виду будущаго развитія расы, и никакой органъ не увеличится или не усложнится безъ строгаго соотвѣтствія самымъ насущнымъ потребностямъ всего организма; слѣдовательно законы физиологической инерціи и конденсаціи органовъ, какъ не удовлетворяющіе этому требованію, въ данномъ случаѣ должны быть отвергнуты. Могутъ сказать, что представленное опредѣленіе законовъ развитія невѣрно, но не говоря уже о томъ, что оно есть единственное согласное съ правильнымъ пониманіемъ теоріи эволюціи, оно подтверждается всею дѣйствительностію. Мы не можемъ найти организмъ, у котораго развился и существовалъ бы органъ, способный къ употребленію и имъ не употреблявшійся. Это весьма важное и несомнѣнное положеніе. Если бы оно было не вѣрно, то у нашихъ ближайшихъ родичей-гориллы и др. по теоріи Вагнера долженъ бы тоже существовать мозгъ въ такомъ же количествѣ и такого же устройства, какъ у человѣка; однако этого нѣтъ, что одинаково опровергаетъ какъ Геккеля, такъ и Вагнера.

Всѣ разсужденія эволюціонистовъ объ измѣненіи физической организаціи животнаго въ человѣческую исходили изъ предположенія, что предки людей были обезьяноподобны или, по крайнсей мѣрѣ, животноподобны. Эволюціонисты представляютъ, что по мѣрѣ удаленія отъ настоящаго вглубь временъ люди должны являться все съ низшею и низшею обезьяноподобною организаціею. Первобытный человѣкъ по ученію эволюціонистовъ былъ таковъ, что очень трудно

было сказать о немъ, животное онъ или человѣкъ. Приближая къ концу разсужденіе о физической организаціи человѣка, интересно отмѣтить, что съ точки зрѣнія теоріи эволюціи, если ее провести послѣдовательно, примитивный человѣкъ вовсе не долженъ быть скотомъ, но сохраняетъ всѣ особенности человѣческой природы.

Не будучи эволюціонистомъ, но слѣдуя въ данномъ случаѣ принципамъ эволюціи, Катрфажъ для отысканія портрета нашихъ предковъ находитъ руководящую нить въ явленіяхъ атавизма, воспроизводящихъ типъ вида, типъ начального предка, а не непосредственныхъ родителей. Нѣкоторыя особенности, являющіяся иногда въ строеніи лица и вообще организма, по мнѣнію всѣхъ антропологовъ, суть атавистическія. На основаніи этихъ явленій Катрфажъ рѣшительно утверждаетъ два факта: 1) что лицо первыхъ людей представляло нѣкоторую степень прогнатизма, 2) что окраска ихъ не была черною. Анатомическая особенность прогнатизма, особенно существованіе выдающейся впередъ верхней челюсти, обнаруживается у всѣхъ племенъ расы черной, не менѣе замѣтно оно у части расы желтой. Замѣтное стремленіе къ ней обнаруживается въ типѣ большей части варіететовъ, сгруппированныхъ въ подъ-расѣ сѣверной. Въ бѣлой расѣ это стремленіе значительно ослабѣваетъ, но особенность эта часто обнаруживается у отдѣльныхъ лицъ почти въ такой же степени, какъ и въ двухъ другихъ группахъ. Она существовала у всѣхъ расъ четвертичныхъ, которыя извѣстны намъ доселѣ ⁶⁾. Все такимъ образомъ по Катрфажу, указываетъ, что эта особенность была сильно развита у первыхъ людей. „Явленія атавизма, касающіяся окраски, говоритъ далѣе Катрфажъ, многочисленны у животныхъ. Ихъ наблюдаютъ и въ человѣческомъ родѣ. Мнѣ кажется, что эти наблюденія сообщаютъ большую вѣроятность мнѣнію Ersébe de Salles, который приписываетъ первымъ людямъ русые волосы. Дѣйствительно, во всѣхъ человѣческихъ расахъ встрѣчались индивидуумы, волосы которыхъ приближались къ этой

⁶⁾ Quatrefages, L' espèce humaine. 1878 p. 180.

окраскѣ. Опыты Дарвина надъ скрещиваніемъ голубей различныхъ породъ приводятъ къ тому же заключенію. При опытахъ скрещиванія оказывалось, что въ метисѣ возникали особенности окраски, свойственныя коренному виду и которыя исчезли въ скрещиваемыхъ расахъ. Но въ нашихъ колоніяхъ сынъ мулата и бѣлаго часто имѣетъ волосы рыжіе. Даже въ Европѣ, по замѣчанію Гама, часто рождаются дѣти съ рыжими волосами, когда отецъ и мать имѣютъ черные и бѣлые волосы. Говорятъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ первоначальный характеръ окраски открывается вслѣдствіе взаимной нейтрализаціи противоположныхъ этническихъ особенностей, приобретенныхъ случайно⁷⁾. Что касается до окраски кожи, то относительно нея еще съ большею увѣренностію, по мнѣнію Картфажа, можно утверждать, что у предка нашего она была не черною. Самый рѣзкій тонъ кожи, крайнее развитіе черной окраски или пигмента, образующагося подъ кожей, есть несомнѣнно продуктъ жаркаго климата и солнечнаго жара, который существуетъ только въ странахъ тропическихъ, гдѣ, конечно, не находилась первоначальная колыбель человечества. Далѣе, извѣстно, что довольно часто рождаются подъ дѣйствіемъ атавизма въ народностяхъ негрскихъ желтые индивидуумы; но никто не наблюдалъ, чтобы рождались негры среди народностей бѣлыхъ или желтыхъ. Картфажъ склоняется къ тому мнѣнію, что можно идти еще дальше въ вопросѣ объ окраскѣ кожи примитивнаго чловека, и что согласно съ другими фактами того же класса являются основанія для догадки, что первоначальный типъ человечества долженъ болѣе приближаться къ расѣ жедтой, языки которой тоже принадлежать къ числу сохранившихся въ самомъ примитивномъ состояніи⁸⁾. Но, говорить Денорманъ, мы не осмѣлились слѣдовать (за Картфажемъ) по почвѣ еще мало изслѣдованной и мы предпочитаемъ ограничиваться слѣдующими данными, которыя, кажется, содержатъ все то, что дѣйствительно наука можетъ сказать

7) *ibid.* p. 180—181.

8) *Ibid.*

объ этомъ темномъ предметѣ съ нѣкоторою увѣренностію. Судя по всему, человѣкъ первоначальшаго типа долженъ обнаруживать замѣтный прогнатизмъ; и онъ не имѣлъ ни черной окраски, ни свѣтлыхъ волосъ. Представляется довольно вѣроятнымъ, хотя и въ степени менѣе претендующей на точность, что его окраска, если не была черною, не была и совершенно бѣлою, и что онъ имѣлъ шевелюру, указывающую на рыжій цвѣтъ⁹⁾. Кажется, можно простереть свой скептицизмъ нѣсколько далѣе, чѣмъ это дѣлаетъ Ленорманъ. Основанія, приводимыя въ подтвержденіе того, что первые люди имѣли прогнатическое лицо, думаемъ, никакъ нельзя считать особенно убѣдительными. Никогда не должно забывать при разсужденіи о первобытномъ человѣкѣ, что не весь земной шаръ изслѣдованъ. Явленія прогнатизма, спорадически встрѣчающіяся въ европейской расѣ, могутъ указывать развѣ только на то, что этою особенностію обладали ихъ четвертичныя неолитическіе предки, но еще нѣтъ основаній возводить эту особенность къ первому человѣку. Наши прогнатическіе предки могли произойти отъ ортагнатическаго перваго человѣка. Новыя климатическія и жизненные условія могли сообщить имъ анатомическую особенность. Это предположеніе является тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что все таки прогнатизмъ существуетъ не во всѣхъ расахъ человѣческихъ, даже не во всѣхъ расахъ некультурныхъ и не во всѣхъ расахъ желтыхъ, что особенно заставляеть сомнѣваться въ его первоначальности. Затѣмъ, если должно признать, что факты атавизма показываютъ, что окраска кожи примитивнаго человѣка не была черною, то едвали можно идти еще далѣе и утверждать, что они показываютъ, что эта окраска была желтою. Отъ черныхъ родителей, понятно не возможно непосредственное возвращеніе къ первобытному типу, если онъ былъ бѣлый, и если и могутъ приближаться къ нему рожденные дѣти, то во всякомъ случаѣ, далеко его не достигая. Замѣчательно, что у негровъ часто рождаются дѣти не желтоватыя, а сѣроватыя. Это послѣднее, мы думаемъ,

9) Lenormant, L' Hist ancien l' orient. p. 262.

скорѣе склоняетъ къ мнѣнію, что предки негровъ были бѣлыми, а не желтыми. Это же мнѣніе подтверждается тѣмъ, что. вѣдь, отъ бѣлыхъ то родителей не рождаются дѣти съ монгольской окраской, не смотря на то, замѣтимъ, что въ жилахъ кавказскихъ племёнъ течетъ много монгольской крови вслѣдствіе смѣшенія съ широко населявшими прежде Европу урало-алтайскими и туранскими племенами. Въ доказательство недостаточности лингвистическихъ основаній Катрфажа не лишне отмѣтить, что во всякомъ случаѣ факты атаквизма и вообще эволюціонныя указанія ведутъ не къ обезьянѣ, а или къ кавказскому типу, или, если уже слѣдовать Катрфажу, къ китайцу или тунгусу. Но къ животному по своей организаціи болѣе всего приближаются не жители небесной имперіи и не тунгусы, а негры и австралійцы.

Такимъ образомъ изученіе физической организаціи человека и ея индивидуальных особенностей приводитъ насъ, если мы въ основу своихъ разсужденій поставимъ эволюціонные принципы, къ двумъ выводамъ: 1) что съ точки зрѣнія теоріи эволюціи должно признать, что животная организація не могла подъ дѣйствіемъ эволюціонныхъ факторовъ превратиться въ человѣческую; 2) что съ точки зрѣнія теоріи эволюціи примитивный предокъ человѣчества отстоялъ по своей организаціи отъ животныхъ далѣе, чѣмъ отстоятъ отъ нихъ многія низшія племена.

ГЛАВА 7-я.

Разборъ основаній, представляемыхъ эволюціонистами въ доказательство возможности происхожденія человѣка, отъ животныхъ типовъ (со стороны психической). Затрудненія, являющіяся при сравненіи души человѣка и души животныхъ. Сомнительность отзывовъ эволюціонистовъ о дикаряхъ и неправильность ихъ взгляда на дикарей, какъ на сохранившихъ въ себѣ черты и свойства примитивнаго человѣка. Несостоятельность эволюціонной теоріи личности человѣка. Несостоятельность ученія эволюціонистовъ о развитіи мышленія. Необъяснимость съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи эстетическихъ наклонностей человѣка. Неправильность взглядовъ эволюціонистовъ на религію и несостоятельность ихъ сужденій о ея происхожденіи. нравственное чувство. Языкъ человѣка и животныхъ. Теоріи Ренана и Ленормана и разсужденіе Макса Мюллера. Краткія замѣчанія, объ особенностяхъ взглядовъ на происхожденіе человѣка Дарвина, Фогта, Геккеля, Снелля, Лайбля, Уоллеса, Нодена и Топинара и о способахъ доказательствъ каждымъ изъ нихъ своихъ взглядовъ.

При сравненіи духовной организаціи человѣка и животныхъ возникаютъ очень многія существенныя трудности. Животныя ничего не говорятъ человѣку о своихъ чувствахъ: о душевныхъ состояніяхъ ихъ судятъ по аналогіи, но аналогія часто является плохимъ руководителемъ. Мы приведемъ нѣсколько фактовъ, доказывающихъ это. Если перерѣзать спинной мозгъ, то ниже перерѣзаннаго мѣста чувствительность исчезаетъ. Это наблюдали надъ человѣкомъ, это должно распространить и на весь животный міръ, основываясь на теоріи двигательныхъ и чувствовательныхъ нервовъ. Но вотъ что замѣчательно. Если раздражать кожу

на ногѣ лягушки, у которой спинной мозгъ перерѣзанъ, то лягушка цѣлесообразно отдернетъ ногу. Принимая во вниманіе цѣлесообразность дѣйствія лягушки, мы должны бы допустить, что оно вызвано неприятнымъ ощущеніемъ раздраженія, но законъ о потерѣ чувствительности заставляетъ насъ утверждать, что это дѣйствіе совершено ею безсознательно. Далѣе, если на кожу лягушки, несомнѣнно лишенную чувствительности вслѣдствіе разобщенія съ нервными центрами полить уксусной кислотой или уксусомъ, то лягушка поднимаетъ конечность съ той же стороны тѣла и лапкой начинаетъ стирать уксусную кислоту. Если загнуть эту конечность такъ, что лягушка не будетъ имѣть возможности употреблять ее въ дѣло, то она мало-по-малу начнетъ шевелить лапкой противоположной стороны, обведетъ ее около тѣла и будетъ ею тереться. Далѣе. Вынемъ у лягушки мозговья полушарія. Несомнѣнно, что способность ощущеній будетъ ею потеряна, она ничего не видитъ, не слышитъ, скорѣе умретъ съ голода, чѣмъ схватитъ что-нибудь, хотя, если нищу положить ей прямо въ ротъ, она ее проглотитъ. Но любопытно, если ее посадить на ладонь, то она усядется спокойно, поджавъ ноги: если начать наклонять руку, то лягушка задвигаетъ передними лапками къ краю руки, она начнетъ взлѣзать съ большою осторожностью и разсудительностію, подвинетъ лалки одна за другой и остановится, наконецъ, въ полномъ равновѣсіи. Рядъ послѣднихъ дѣйствій заставляетъ, какъ дѣлаетъ Гексли, у котораго мы заимствуемъ приведенные примѣры, вложить въ уста лягушки такія слова: „мнѣ не ловко и я чувствую, что скольжу; поэтому я выставляю лапки впередъ, чтобы укрѣпиться. Зная, что я упаду, если не выдвину ихъ, я подвигаю ихъ впередъ, и воля моя порождаетъ всѣ тѣ превосходныя приспособленія, результатомъ которыхъ будетъ мое безопасное положеніе“¹⁾. Но несомнѣнно, что лягушка въ данномъ случаѣ ничего не чувствуетъ, Гексли, восхваляя теорію Декарта, по которой животныя-автоматы, распространяетъ ее и на человѣка, говоря, что всѣ организмы суть

¹⁾ Гексли, Автоматы ли животныя? Природа 1875 г., кн. I, стр. 30—51.

автоматы, но что въ однихъ случаяхъ дѣйствія ихъ сопровождаются ощущеніемъ и сознаниемъ, а въ другихъ (у человѣка, напр., въ гипнотизмѣ) нѣтъ. Мы, принимая ученіе о свободѣ человѣческаго „я“, не можемъ послѣдовать за Гексли въ этомъ отношеніи, но вотъ на что обратимъ вниманіе: можемъ ли мы считать доказаннымъ, что животныя не автоматы, что они имѣютъ ощущенія? Доказать это мы не можемъ, но мы принимаемъ это, да непринятіе этого могло бы повести ко многимъ жестокостямъ. Поставимъ другой вопросъ: имѣемъ ли мы право истолковывать всѣ дѣйствія организмовъ по аналогіи съ нашими? Приведенные примѣры внушаютъ намъ величайшую осторожность въ этомъ отношеніи. Тамъ, гдѣ намъ чудятся сознательныя дѣйствія, на самомъ дѣлѣ могутъ быть только рефлексивныя движенія. Можно привести примѣры и другаго порядка, побуждающія къ осторожности въ томъ же отношеніи. Обратимся къ постройкамъ пчелъ. Если бы подобныя постройки были воздвигнуты человѣкомъ, то мы имѣли бы полное право сказать, что архитекторъ знаетъ аналитическую геометрію, но самый смѣлый эволюціонистъ, думаемъ, откажется предположить у пчелъ даже знаніе элементовъ Евклида. Какъ же объяснить себѣ эти удивительныя постройки? Инстинктомъ? Но изучая себя и свои инстинкты, мы не находимъ ничего подобнаго. Намъ кажется, что это должно вести насъ къ мысли, что мы стоимъ въ данномъ случаѣ предъ явленіями совершенно особаго рода, не имѣющими для себя никакой аналогіи въ психологіи человѣка. Артистическое и архитектурное искусство пчелы, соединенное съ отсутствіемъ знанія того, что необходимо для этого искусства у человѣка, заставляетъ насъ заключать, что мы стоимъ предъ двумя рядами существъ, раздѣленныхъ между собою непреходимой бездной. При созерцаніи постройки пчелы наша мысль обращается къ тому великому Художнику, который въ организмѣ пчелы создалъ механизмъ, производящій такую искусную постройку, но при разсматриваніи картины человѣка - художника, мы къ благоговѣнію предъ Творцомъ, создавшимъ человѣка, присоединяемъ еще и уваженіе къ лицу, написавшему картину. Психологія животныхъ для

насъ загадка. Мы говоримъ объ умныхъ глазахъ собаки. о блуждающемъ взорѣ обезьяны, но проникнуть въ глубину ихъ души невозможно.

Но любопытно, что, не смотря на то, что вообще психология животныхъ представляетъ собою область весьма мало разработанную, въ послѣднее время эволюціонисты преимущественно изъ этой области начали черпать аргументы для своей теоріи. Послѣ Геккеля никто почти не отваживался представить полную исторію и полное объясненіе происхожденія физической организаціи человѣка, но каждый годъ появляется множество трудовъ о происхожденіи психическихъ способностей человѣка и о духовномъ сходствѣ человѣка съ животными, таковы, наприм., произведенія Ромэнса: „Умственные способности животныхъ“²⁾, Van-Ende: „Естественная исторія вѣры“ и т. д. Намъ кажется, что это дурной признакъ для эволюціонистовъ. Несомнѣнны два факта: 1) что изученіе сравнительной анатоміи, палеонтологіи и другихъ наукъ, собственно естественныхъ, въ послѣдніе годы сдѣлало большіе успѣхи; 2) что въ психологіи животныхъ въ послѣдніе годы не сдѣлано никакого открытія въ той области, которая пролила бы свѣтъ на вопросъ о родствѣ ихъ съ человѣкомъ. Спрашивается, почему же эволюціонисты ссылаются на то, что неизвѣстно и игнорируютъ извѣстное? Понятно, потому что извѣстное стоитъ противъ нихъ, а въ области неизвѣстнаго можно разсуждать свободно и дозволить себѣ самыя смѣлыя утвержденія. Ученіе о психическихъ способностяхъ животныхъ источникомъ своимъ имѣетъ субъективное истолкованіе субъективныхъ состояній существъ, несомнѣнно отличныхъ отъ насъ. Толкованія даются, понятно, весьма разнообразныя. Но думаемъ, что если сдѣлать даже значительную уступку въ пользу толкованій эволюціонистовъ и начать разсуждать о душевныхъ способностяхъ животныхъ, руководясь сомнительной аналогіей, то и тогда несомнѣнные факты не допустятъ признать возможнымъ происхожденіе и развитіе духовныхъ способностей человѣка изъ способностей животныхъ. Три

2) Переведено въ „Русскомъ Богатствѣ“.

рода данныхъ опровергають здѣсь эволюціонную теорію:

- 1) у человѣка существуютъ духовныя способности, которыхъ совсѣмъ не существуетъ у животныхъ. Понятно, что эти духовныя способности не могли явиться, благодаря воздѣйствію эволюціонныхъ факторовъ, ибо послѣдніе, по ученію эволюціонистовъ, могутъ дѣйствовать на что-либо и развивать что-либо, но не обладаютъ силою производить нѣчто изъ ничего. Эволюціонисты допускають, что подъ воздѣйствіемъ законовъ развитія могутъ у организмовъ возникать новыя органы, но при внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что всѣ эти новыя органы суть видоизмѣненіе старыхъ. Глазъ, какъ и осязаніе, представляетъ собою органъ ощущенія. Но уже происхожденіе самаго ощущенія объяснять изъ какой нибудь комбинаціи элементовъ, считае-емыхъ мертвыми, будетъ совершенно неразумно. Точно также, если у человѣка находятя особые духовныя органы, не существующіе у животныхъ, не относящіеся къ другимъ органамъ, какъ ихъ видоизмѣненія, то тогда естественное объясненіе ихъ происхожденія должно признать невозможнымъ.
- 2) У человѣка существуютъ духовныя способности и стремленія, побужденій для развитія которыхъ эволюціонные факторы представить не могли, хотя бы даже существованіе этихъ способностей въ зародышѣ допустить и у животныхъ. Очевидно, что эти стремленія и способности возникли не путемъ эволюціи, не путемъ естественнымъ, слѣдовательно, опять должно отвергнуть эволюціонное ученіе о происхожденіи человѣка.
- 3) У человѣка существуютъ способности, въ зародышѣ существующія и у животныхъ, развитіе каковыхъ способностей можно допустить съ точки зрѣнія теоріи эволюціи, но относительно которыхъ открывається, что развитіе ихъ шло путемъ совершенно обратнымъ тому, какимъ оно должно бы было идти по ученію эволюціи.

Для доказательства утверждаемыхъ нами трехъ положеній мы должны сравнить человѣка съ животными въ духовномъ отношеніи. Для сравненія, конечно, нужно брать нормальнаго человѣка и нормальное животное. Микроцефалы и идіоты, понятво, не должны идти въ счетъ, но можно ли

для рѣшенія поставленныхъ вопросовъ сравнивать съ животными дикарей, стоящихъ на самыхъ низшихъ ступеняхъ развитія, т. е. тѣхъ, которыхъ намъ приводятъ въ примѣръ Спенсеръ и другіе? Если дикари суть люди нормальные, если они, дѣйствительно, типъ первобытныхъ людей, тогда, конечно, нужно начать разсужденіе съ нихъ. Но дикари ненормальные люди, это необходимо имѣть въ виду при сужденіи о различіи человѣка и животнаго. Безспорно, что есть дикари, дошедшіе до крайней степени дикости, дикари, сравненіе которыхъ съ животными едва ли даже можетъ быть выгодно для нихъ. Вотъ, какъ, натуралистъ Эренбергъ передаетъ свои впечатлѣнія, вызванныя въ немъ видомъ купавшихся туземцевъ въ Африкѣ и видомъ серебристыхъ павіановъ, собравшихся на водопой. „Эти голые носильщики тяжестей и погонщики верблюдовъ съ ихъ массивными курчавыми волосами, ниспадающими на уши, съ ихъ темнымъ цвѣтомъ кожи такъ живо напоминаютъ обезьянъ, что ихъ сходство не остается безъ вліянія на человѣческое чувство. Обезьяна въ нашихъ странахъ тотчасъ признается за обезьяну и никому не придетъ въ голову сравнить ее сколько-нибудь серьезно даже съ достаточно сильнымъ ребенкомъ; обезьяна труслива и кажется намъ только жалкою каррикатурою человѣка. Но тамъ подъ тропиками оба они стоятъ не такъ далеко другъ отъ друга. Человѣкъ жалкій по своей наружности, подражающій въ своемъ головномъ уборѣ обезьянамъ, болѣе нагой, нежели она, борется съ нею не безъ страха за воду и пищу. Богато украшенная природою, своимъ видомъ скорѣе страшный, чѣмъ жалкій, павіанъ является сравнительно съ нимъ свободнымъ и могучимъ сыномъ пустыни“³⁾). Должно замѣтить однако, что тѣ, которыхъ видѣлъ Эренбергъ, не были еще послѣднимъ звеномъ въ цѣпи человѣческихъ племенъ, можно привести примѣры еще низшаго духовнаго состоянія человѣка. Въ Австраліи встрѣчаются племена, которыя несомнѣнно во многихъ отношеніяхъ стоятъ ниже животныхъ,

3) Анучинъ, Антропоморф. обез., стр. 198. „Природа“ 1874 г., кн. I, ср. Дарвина „О происх. человѣка“ т. II, стр. 451.

они почти не имѣютъ языка, они мычатъ, половыя сношенія совершаются у нихъ стадно и періодически. Изображенія ихъ^{*)} вызываютъ чрезвычайно тяжелое чувство. Эти примѣры, правда, исключительные по видимому наводятъ на мысль о возможности періода существованія всего человѣчества безъ религіи и нравственности. Но едва ли намъ нужны эти примѣры. Библія давно намъ привела одинъ и весьма поразительный. Въ 4-й гл. книги пророка Даниила мы читаемъ о Навуходоносорѣ: и отлученъ онъ былъ отъ людей, и бѣлѣ траву, какъ волъ; и орошалось тѣло его рососою небесною, такъ что волосы у него выросли какъ у льва, и ногти у него, какъ у птицы“ (30). Существованіе человѣка-животнаго возможно, хотя изъ этого не слѣдуетъ, что таковыя люди суть образецъ первобытныхъ людей, какъ это предполагаетъ Спенсеръ.

Что касается собственно до примѣровъ Спенсера, то къ нимъ позволительно отнести съ величайшею осторожностію, опасно довѣрять многимъ изъ тѣхъ путешественниковъ, на которыхъ ссылается Спенсеръ. Очень трудно составить себѣ вѣрное понятіе о дикаряхъ. Весьма поучительны въ этомъ отношеніи разсужденія человѣка, посвятившаго большую часть своей короткой жизни на изученіе грубѣйшихъ дикарей—Миклухи Маклая. Будучи самъ въ высшей степени сдержанъ въ сужденіи о дикаряхъ, онъ такъ говоритъ о трудности изученія ихъ и ихъ обычаяхъ: „распросы у туземцевъ объ ихъ обычаяхъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ ихъ языкомъ и многихъ другихъ причинъ, мало помогаютъ, приводятъ къ ошибкамъ или къ воображаемому рѣшенію вопросовъ. Единственный надежный путь—видѣть все собственными глазами, а затѣмъ, отдавая себѣ отчетъ въ видѣнномъ, надо быть на сторожѣ, чтобы полную картину обычая или обряда дало бы не воображеніе, а дѣйствительное наблюденіе. Мнѣ кажется даже полезнымъ быть еще осторожнѣе: слѣдуетъ удерживаться при описаніи видѣннаго отъ всякаго рода ги-

*) Изображенія и описаніе ихъ см. у Дрэпера въ „Физиологіи человѣка“ ч. 3, стр. 204.

потезъ, объясненій и т. д. ⁵⁾. Къ сожалѣнію многіе богатые воображеніемъ путешественники даютъ при описаніяхъ большую волю своему воображенію, отчего вытекаютъ для науки весьма вредныя слѣдствія. Многіе дикари можетъ быть и не такъ дики, какъ они кажутся лицамъ, разсматривающимъ ихъ сквозь призму эволюціонной теоріи. Относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ племенъ, приводимыхъ Спенсеромъ и Дарвиномъ въ примѣръ крайней дикости, это можно доказать фактами и при томъ отчасти тѣми фактами, которыми пытались доказать ихъ крайнюю дикость. Такъ Спенсеръ ссылается, на то, что дикари убиваютъ своихъ родителей. „Однажды Гентъ (путешественникъ, проживавшій у фиджійцевъ) былъ приглашенъ молодымъ парнемъ присутствовать на похоронахъ его матери, имѣющихъ только что произойти. Гентъ принялъ приглашеніе, но когда показалась погребальная процессія, онъ къ величайшему своему удивленію нигдѣ не видѣлъ мертваго тѣла. Когда же онъ сталъ спрашивать по этому поводу молодаго дикаря, то послѣдній указалъ ему свою мать, которая тутъ же шла рядомъ съ нимъ и была повидимому такъ же бодра и весела, какъ и всѣ остальные... Дикарь прибавилъ при этомъ, что онъ поступаетъ такимъ образомъ изъ любви къ матери, и что эта-то любовь и заставляетъ его хоронить ее теперь, такъ какъ это священная обязанность дѣтей хоронить своихъ родителей... „Она наша мать, а мы ея дѣти, потому мы и обязаны убить ее“. Въ такихъ случаяхъ выкапывается обыкновенно могила въ фута четыре глубиною, родные и друзья поднимаютъ страшный вопль, трогательно прощаются съ несчастной жертвой и затѣмъ закапываютъ ее живою. Удивительно послѣ этого, что Гентъ утверждаетъ все таки, что островитяне Фиджи весьма привязаны къ своимъ родителямъ и очень любятъ ихъ. На самомъ дѣлѣ именно этотъ обычай они считаютъ такимъ важнымъ доказательствомъ своей любви, что по ихъ мнѣнію никто кромѣ дѣтей и не можетъ его исполнить. Они не только вѣрятъ въ загробную жизнь, но убѣждены, что человѣкъ, уходя изъ

5) Миллуха Маклай, Островокъ Андро. Сѣвер. Вѣст. 1887 № 1.

этой жизни, немедленно просыпается въ лучшемъ мірѣ. По этому отчасти совершенно понятно ихъ желаніе покинуть этотъ свѣтъ, когда они начинаютъ чувствовать приближеніе старости. Это вѣрованіе было у нихъ настолько общимъ, и вліяніе его настолько сильнымъ, что въ городѣ, населенномъ нѣсколькими сотнями человѣкъ, капит. Уильксъ не нашель ни одного человѣка, которому бы было больше 40 лѣтъ. На вопросъ, гдѣ же старики, ему отвѣчали, что всѣ они похоронены. Подобнымъ же образомъ въ теченіе одного года, проведеннаго Гентомъ въ Само-Само, только одинъ человѣкъ умеръ естественною смертію, всѣ же старыя или больныя оссби были задушены или похоронены живыми“⁶⁾. Спенсеръ, какъ мы видѣли выше, постоянно ссылается на фиджійцевъ въ доказательство не всеобщаго характера нравственныхъ идей, приведенный примѣръ, хорошо извѣстный Спенсеру (онъ постоянно цитируетъ Леббока) и показывающій, что антиномистическія дѣйствія фиджійцевъ имѣютъ своимъ источникомъ чувство любви и вліяніе религіозныхъ вѣрованій, въ значительной степени колеблетъ силу соображеній Спенсера.

Можно привести, примѣры и другаго порядка, показывающіе, что утвержденія объ иномъ характерѣ духовной природы дикарѣй, чѣмъ духовной природы сыновъ цивилизаци, несправедливы, Жители вандименовой земли ставятся всѣми на самой низкой ступени развитія человѣка. Оказывается однако, что у нихъ есть поэзія, поэзія чистая—искусство для искусства. Мы приведемъ доказательство этого изъ Тайлора, который, какъ и Леббокъ, эволюционистъ и дарвинистъ. Вотъ мнѣ ихъ о происхожденіи огня на землѣ и двухъ звѣздъ на небѣ—Кастора и Поллукса, рассказанный Мильманомъ со словъ одного туземца ахстерскаго залива.

„Мой отецъ и дѣдъ жили много времени тому назадъ въ своей странѣ, у нихъ не было огня. Пришли два черныхъ человѣка, когда они спали у подошвы одного хол-

---

Леббокъ, Доисторическія времена стр. 365—366. Переводъ подъ редакціей Анучина 1876.

ма—холма въ нашей странѣ. Мои отцы и земляки видѣли ихъ, какъ они стояли на вершинѣ холма и бросали отъ себя огонь, подобный звѣздамъ; онъ упалъ среди черныхъ людей, моихъ земляковъ. Тѣ испугались и убѣжали всѣ до одинаго; спустя нѣсколько времени они вернулись и поспѣшили развести огонь съ помощію дровъ. Съ тѣхъ поръ огонь не пропадалъ въ нашей странѣ. Оба черныхъ чело-вѣка теперь на небѣ; въ ясную ночь они представляются двумя звѣздами. Это тѣ самые, что принесли огонь моимъ отцамъ.

Два черныхъ чело-вѣка жили нѣсколько времени въ странѣ моихъ отцовъ. Двѣ женщины купались близъ морскаго берега, гдѣ было много раковинъ. Женщины были печальны; имъ было грустно: ихъ мужья измѣнили имъ, они ушли съ двумя дѣвушками. Женщины были одиноки, онѣ плавали въ водѣ и ныряли за раками. Во впадинѣ одного утеса скрывался скатъ съ острымъ носомъ. Скатъ былъ огромный съ весьма острымъ копьемъ; изъ своей норы онъ усмотрѣлъ ныряющихъ женщинъ, убилъ ихъ, проколовши ихъ своимъ копьемъ, и увлекъ ихъ за собою. Нѣсколько времени онъ пропадалъ изъ виду. Скатъ вернулся, подплылъ къ берегу и легъ на спокойной водѣ, близъ печальнаго взморья; съ нимъ лежали и женщины, продѣтыя на его копье—онѣ были мертвы.

Два черныхъ чело-вѣка сразились со скатомъ и убили его своими копьями; хотя они убили его, а женщины все таки были мертвы. Два черныхъ чело-вѣка развели огонь съ помощію дровъ по обоимъ сторонамъ подожили женщинъ, а огонь между ними, но женщины были мертвы!

Черные люди нашли нѣсколько муравьевъ, большихъ си-нихъ муравьевъ и положили ихъ на груди женщинъ. Же-стоко и сильно кусали ихъ муравьи, и женщины ожили и жили еще послѣ этого

Скоро насталъ туманъ, туманъ темный, какъ ночь. Чер-ные люди удалились, исчезли и женщины, они прошли сквозь туманъ, густой мрачный туманъ! Ихъ мѣсто въ облакахъ. Двѣ звѣзды, которыя вы видите въ ясную, холодную ночь,

тамъ черные люди и женщины съ ними: они звѣзды на небѣ⁷⁾.

Этотъ простенькій миѣ, полный какой-то нѣжной грусти, заставляетъ смотрѣть на вандименовцевъ, какъ на существъ, далеко отстоящихъ отъ обезьяны и вовсе не оправдывающихъ тѣхъ жестокихъ отзывовъ, которые дѣлались о нихъ многими путешественниками, и какковыя отзывы Спенсеръ и другіе ставятъ въ основу своихъ разсужденій,

Но и оставляя въ сторонѣ вопросъ о полной правдивости сообщенія о дикаряхъ путешественниковъ, существуетъ, намъ кажется, нѣсколько группъ фактовъ, доказывающихъ уже давно выставленное положеніе, что дикари суть люди, ниспавшіе до настоящаго несчастнаго положенія путемъ деградации со ступеней культуры сравнительно болѣе высокой. Случаи деградации въ индустриальномъ и другихъ отношеніяхъ были нѣрѣдки въ исторіи человѣчества, мы приведемъ теперь разсужденіе объ этомъ одного извѣстнаго геолога. Лаппаранъ, описывая коралловые острова, находящіеся въ Тихомъ океанѣ подъ тропиками при самыхъ благопріятныхъ географическихъ и климатическихъ условіяхъ, приходитъ къ такому заключенію, что эти острова представляютъ одинъ изъ самыхъ могущественныхъ аргументовъ противъ теоріи эволюціи. Если когда-нибудь, говоритъ онъ, почва была благопріятна для эволюціоннаго развитія, то именно здѣсь въ этомъ мірѣ атолловъ. Вотъ рельефъ совершенно изолированный посрединѣ океана и исчезающій подъ водами его при каждомъ приливѣ; волны (прибой ихъ содѣйствуетъ быстрѣйшему образованію коралловъ, вѣроятно, это имѣетъ въ виду Лаппаранъ) сдѣлали изъ него кусокъ суши. Какимъ образомъ населится она? Безъ сомнѣнія углеродъ, водородъ и кислородъ, заимствованные изъ воздуха и воды, сейчасъ соединятся, образуютъ клѣточки, произведутъ водоросли, лишай, болѣе совершенныя, тайнобрачныя, между тѣмъ какъ какая-нибудь

---

⁷⁾ Тайлоръ, Доисторическій бытъ человѣчества и начала цивилизаціи стр. 449—451. Перев. подъ ред. Мильгаузена, 1868.

протоплазма, проходя путем глубоких и фораминиферъ, подготовить будущее животного царства. Вместо всего этого что видимъ мы? Атоллъ все получилъ отъ: растения его суть виды высшего порядка, происшедшіе несомнѣнно изъ зеренъ; принесенныхъ моремъ и вѣтрами, птицы перелетѣли сюда черезъ океанъ, а между ними и дикарь, который населяетъ эти острова. Здѣсь нѣтъ ступеней, нѣтъ типовъ посредствующихъ. Совершенно отсутствуютъ четвероногія, не только антропоиды. Самые рѣшительные эволюціонисты принуждены сознаться, что человѣкъ явился сюда только путемъ эмиграціи. Но этотъ человѣкъ имѣлъ отечество, преданія, индустрію. Отъ всего этого не осталось никакого слѣда. Толкнутый страстью къ приключеніямъ въ міръ неизвѣстный, успокоенный сначала легкостью добыванія пищи и убѣжища, которая предлагала ему дѣятельная земля, онъ прервалъ общеніе со всѣмъ остальнымъ міромъ. Но вотъ онъ увидѣлъ, что жизнь для него болѣе и болѣе становится трудною и стѣснительною. Постепенно отъ поколѣнія къ поколѣнію островитянинъ терялъ понятіе о всемъ, что было внѣ окружающей его дѣйствительности. Его жизнь, не имѣющая неожиданностей и лишенная всякой поэзіи, не наполняется никакою заботою, кромѣ заботъ объ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ. И когда наступитъ такой моментъ, что возрастаніе населенія представитъ опасность голода, чувство *struggle for life* (борьбы за существованіе) — могущественный рычагъ прогресса эволюціонистовъ — совершитъ ли какое-нибудь чудо? Нѣтъ, дикарь будетъ искать избавленія отъ угрожающаго зла въ дѣтоубійствѣ.

Вотъ, до чего дошелъ человѣкъ, вслѣдствіе того, что, отдѣлившись отъ мѣста своего происхожденія, онъ порвалъ связь съ центромъ, оживлявшимъ его. Вместо того, чтобы совершенствоваться, онъ опускался все ниже и ниже, и чтобы поднять его, такъ глубоко павшаго, нужно установить новыя связи между нимъ и тѣми, которые, находясь въ лучшихъ условіяхъ, никогда не разрывали цѣпи, связывавшей ихъ съ прошедшимъ.

Это естественно вызываетъ мысль: нѣтъ ли аналогіи между

состояніемъ племенъ, населяющихъ атоллы, и состояніемъ племенъ, которыя оставили намъ о себѣ память только въ оббитыхъ камняхъ, въ костяхъ, лежащихъ въ аллювіальныхъ наносахъ или въ пещерахъ? Сравнимъ сначала ихъ взаимныя положенія. Первые занимаютъ край обитаемаго міра въ тихомъ океанѣ, ибо атоллы образуютъ за островами въ собственномъ смыслѣ цѣпь, за которою не простирается ничего кромѣ неизмѣримыхъ глубинъ океана. Это крайніе посты, которые занялъ человѣкъ. Точно также, гдѣ обычно находимъ мы слѣды каменнаго вѣка? Не тамъ, гдѣ преданія согласно указываютъ колыбель человѣчества и театръ развитія первыхъ цивилизацій. Слѣды эти оказываются въ Европѣ и особенно въ ея западныхъ и сѣверныхъ частяхъ. Чѣмъ бѣднѣе страна историческими документами, тѣмъ богаче она оказывается остатками каменнаго вѣка. Слѣды палеолитическаго вѣка находятся во Франціи, Испаніи, Италіи, Швейцаріи, Германіи, Бельгіи и Англіи, но въ Малой Азіи или даже въ Греціи этихъ слѣдовъ не оказывается. Такъ можно сказать, что области, которыя знали вѣкъ обитанія камня, образовывали вокругъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ развивалась цивилизація, внѣшнюю зону, видъ ореола, если только позволено къ этому печальному состоянію приложить такое слово. Эта зона отступала къ сѣверу по мѣрѣ того, какъ цивилизація распространялась все на большей и большей территоріальной площади, и по мѣрѣ того, какъ сѣверныя области, освобождались отъ льдовъ (по мѣрѣ ослабленія ледниковой эпохи), становились способными для обитанія. Такъ Скандинавія, гдѣ нѣтъ слѣдовъ палеолитической эпохи, представляетъ намъ много слѣдовъ вѣка неолитическаго, и вѣкъ бронзы царствовалъ тамъ еще въ первые вѣка нашей эры. Волѣдствіе этого не болѣе ли законно видѣть въ племенахъ вѣка камня не автохтонныя трибы, медленно и постепенно поднимающіяся по ступенямъ цивилизаціи, а потомковъ искателей приключеній, которыхъ стремленіе къ независимости, любовь къ охотѣ и жажда неизвѣстнаго, откинула за предѣлы обитаемаго міра? Въ обширныхъ лѣсахъ, наполненныхъ дикими животными, которыя задерживали до новаго порядка движеніе культуры, эти смѣлые авантюристы, пред-

шественники американскихъ траперовъ, теряли мало-по-малу обычаи цивилизаціи, ярмо которой прежде носили. Поселившіеся безъ сообщенія съ ихъ первоначальною родиною, они должны были начинать жизнь новую, безъ другихъ вспомогательныхъ средствъ кромѣ тѣхъ, которыя представляла имъ окружающая среда. Двойная забота 1) искать средствъ пропитанія охотою и рыбною ловлею и 2) защищать свою жизнь отъ нападеній дикихъ звѣрей привели ихъ къ состоянію дикости. Такимъ образомъ, борьба за существованіе торжествуетъ надъ человѣкомъ и становится для него причиною деградациі, освободиться отъ которой онъ не можетъ безъ посторонняго вмѣшательства. Мы не видимъ въ Европѣ послѣдовательнаго перехода отъ вѣка палеолитическаго къ неолитическому, послѣдній приносится отъ вѣ. Вѣкъ бронзы является опять иностраннымъ внесеніемъ мануфактурныхъ продуктовъ, переходъ отъ этого вѣка къ вѣку желѣза неоспоримо совершался подъ воздѣйствіемъ посторонняго вмѣшательства, вызваннаго расширеніемъ и усиленіемъ торговыхъ сношеній. Итакъ въ той зонѣ варварства, которая окружаетъ цивилизованный міръ, никакая изъ послѣдовательныхъ стадій прогресса не родилась непосредственно изъ предшествующей, и для того, чтобы племена Бретани и Корнваллиса научились добывать и обрабатывать олово и мѣдь, нужно было, чтобы обработкѣ и употребленію этихъ металловъ они были научены извнѣ. Мы уже указали выше, что дѣйствительность каменнаго вѣка, предшествовавшаго употребленію металловъ, доказана только для части Европы и нѣкоторыхъ дикихъ и варварскихъ странъ, оставшихся внѣ движенія цивилизаціи древняго міра.

Столько соединенныхъ доказательствъ являются достаточными, чтобы вывести изъ нихъ заключеніе. Исторія каменнаго и бронзоваго вѣковъ, согласно съ исторіей атолловъ, учитъ насъ, что *état de natur* для человѣка не есть исходный пунктъ отправленія и движенія къ состоянію болѣе и болѣе совершенному, напротивъ оно есть признакъ деградациі и доказательство того, что между ними и начальнымъ центромъ (изъ котораго они вышли) произошелъ разрывъ. Этому начальному центру, обитатели котораго соединились

сначала въ общество подъ воздѣйствіемъ высшаго Авторитета, Провидѣніе дало исключительное преимущество—способность къ быстрому и постоянному развитію. Человѣкъ теряетъ это преимущество, отдѣляясь отъ благоустроеннаго соціальнаго тѣла, и попадаетъ въ естественныя условія міра, матеріальнаго, гдѣ, наперекоръ ученію трансформистовъ, можно сказать, слово „прогрессъ“ совершенно не встрѣчается себѣ приложенія. Часто мы встрѣчаемся съ вырожденіемъ и ниспаденіемъ животнаго или растительнаго типа, никогда мы не были свидѣтелями ихъ усовершенія. Человѣкъ не ускользаетъ отъ этого закона, онъ можетъ подниматься только подъ воздѣйствіемъ свыше, поднимающемъ созданіе выше его самого и возгрѣвающимъ въ его сердцѣ и разумѣ пламя, которое требуетъ постояннаго оживленія“⁸⁾.

Антропологи эволюционисты игнорируютъ этотъ фактъ, они даже не останавливаются на томъ, какимъ образомъ дикари могутъ начать прогрессировать, а между тѣмъ для нихъ было бы весьма важно разъяснить это. Наблюденія показываютъ намъ, что дикарь есть человѣкъ, стоящій такъ низко, что онъ не можетъ подняться собственными силами, а нуждается въ посторонней помощи. Мы легко понимаемъ, что на какой бы высотѣ не стоялъ человѣкъ, онъ легко можетъ ниспасть съ нея, но для насъ совершенно непонятно, какимъ образомъ, если такое низкое состояніе, какое мы наблюдаемъ въ дикарѣ, было нѣкогда всеобщимъ, какимъ образомъ онъ могъ подняться до той высоты, на какой, мы видимъ, стоитъ человѣкъ современной Европы. Наблюдаемые факты заставляютъ насъ скорѣе предположить, что дикарь есть человѣкъ, ниспавшій въ свое печальное состояніе изъ болѣе высокаго положенія. Ближайшее разсмотрѣніе дикаря подтверждаетъ это. Все въ немъ носитъ отпечатокъ чего-то не нормальнаго, какого-то извращенія. У дикарей существуетъ много нелѣпныхъ обрядовъ, обычаевъ, у нихъ, наприм., существуютъ обычаи уродовать себя во имя болѣе чѣмъ странныхъ эстетическихъ возрѣ-

⁸⁾ Lapparant, l'état de nature et les îles coralliennes p. 117—128. R. Q. S. T. 2. Изложено сокращенно.

ній. У животныхъ мы не встрѣчаемъ этого. Прямой потомокъ животныхъ—по мысли эволюціонистовъ—человѣкъ невыгодно отличается отъ нихъ тѣмъ, что, являясь, какъ и они, рабомъ природы, онъ сверхъ этого оказывается еще и рабомъ многихъ крайне странныхъ заблужденій.

Мысль о томъ, что дикари суть люди, шедшіе въ своей исторіи путемъ деградации, во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ подтверждается научными изысканіями. Это, какъ было показано, констатировано относительно обитателей коралловыхъ острововъ, это констатировано вообще относительно большинства поселенцевъ австрадійскихъ острововъ (Катрфажемъ), изслѣдованія языковъ дикарей, какъ это показано М. Мюллеромъ и другими, тоже обнаруживаетъ, что у дикарей много вывѣтрившихся словъ, и что ихъ религіозныя понятія въ болѣе или менѣе отдаленныя времена стояли значительно выше, чѣмъ въ настоящее время. Но кромѣ этого существуютъ еще двѣ группы фактовъ, которыя, намъ кажется, непредубѣжденнаго необходимо должны склонить къ тому, что дикарь есть продуктъ деградации, а не эволюціи.

Первую группу фактовъ представляютъ собою особенности физической организаціи дикаря. Мы выше показали, что происхожденіе этихъ особенностей нельзя объяснить естественнымъ подборомъ, какъ нельзя объяснить подборомъ бесполезныхъ зачатковъ у нѣкоторыхъ организмовъ. Относительно послѣднихъ, однако, эволюціонисты не затрудняются объясненіемъ, они говорятъ, что это — рудиментарныя зачатки органовъ, существовавшихъ нѣкогда въ развитомъ состояніи у предковъ и атрофировавшихъ вслѣдствіе не употребленія. Это объясненіе есть единственно возможное съ точки зрѣнія теоріи эволюціи, каковое приложимо и къ факту существованія большого мозга и сложнаго строенія гортани и рукъ дикаря. Мы показали выше, что эти особенности были присущи и ископаемому человѣчеству. Значить, вездѣ, гдѣ мы находимъ крайнюю дикость и варварство, мы встрѣчаемся не съ зародышевою формою будущаго богатаго развитія, а съ печальнымъ фактомъ деградации. За образомъ папуаса, готтентота, фиджіяца возвышается отда-

ленный образъ предка человѣчества болѣе благородный, болѣе высокій, чѣмъ эти несчастные его потомки.

Другую группу фактовъ представляютъ явленія быстрого поднятія дикарей по ступенямъ культуры при благоприятныхъ условіяхъ. Теорія эволюціи, провозглашая міровой прогрессъ, какъ законъ бытія, ставя своимъ девизомъ: *improvidi ingrediamur*, необходимо, однако, должна признать, что этотъ прогрессъ совершается съ величайшей медленностію. Если историческій опытъ показываетъ, что шеститысячелѣтняя древность есть ничто въ исторіи развитія, то, значитъ, сотни тысячъ лѣтъ нужны были, какъ это, видѣли мы, и предполагается эволюціонистами для поднятія человѣка изъ состоянія дикости до современной высоты. Да и на самомъ дѣлѣ, если голова какого-нибудь существа такъ устроена, что онъ можетъ считать только до 4-хъ, то несомнѣнно измѣненіе его потомства путемъ подбора такъ, чтобы оно понимало дифференціальное исчисленіе, требуетъ многихъ тысячелѣтій. Но вотъ, что оказывается на дѣлѣ. Дѣти дикарей, стоящихъ такъ низко, мышленіе которыхъ по свидѣтельству путешественниковъ находится какъ бы въ сонномъ состояніи, могутъ становиться слушателями университетовъ. Въ половинѣ текущаго столѣтія негры, освобожденные отъ американскаго рабства, основали нѣсколько республикъ въ Америкѣ и Африкѣ (Гаити, Порторико, С.-Доминго, Либерія). Въ этихъ республикахъ существуютъ учебныя заведенія, типографіи, издаются газеты. Съ острова Гаити одинъ негръ былъ членомъ корреспондентомъ по Математикѣ въ Британскомъ королевскомъ обществѣ. Желательно было бы посмотреть, что можно произвести съ антропоидами, хотя бы въ теченіе столѣтій? Фактъ способности дикаря быстро подниматься, лишь только ему подадутъ руку помощи, необъяснимъ для эволюціонистовъ, но для насъ онъ не представляетъ ничего непонятнаго, ибо мы знаемъ, что дремлющую силу разбудить можно (а у дикаря дремлютъ тѣ силы, которыя дарованы творческимъ актомъ человѣку Богомъ), какъ знаемъ и то, что несуществующей силы (хотя бы умственной) природа произвести не можетъ. Міръ, такимъ образомъ, оказывается непонят-

нымъ и загадочнымъ для эволюціониста, но книга природы всегда будетъ понятна вѣрующему сердцу.

Духовная низость дикаря не представляетъ собою подтвержденія теоріи эволюціи, а скорѣе ея опроверженіе, ибо дикарь, оказывается, представляетъ собою не существо только что поднявшееся надъ животнымъ, а существо ниспавшее до животного. Но ниспасть можно до чего угодно, и фактъ ниспаденія самъ по себѣ не можетъ свидѣтельствовать о низкомъ происхожденіи. Изъ послѣдняго обстоятельства слѣдуетъ, что при сравненіи души человѣка и души животныхъ нельзя допускать полнаго произвола въ выборѣ сравниваемыхъ субъектовъ со стороны человѣка, но должно, чтобы эти субъекты были людьми нормальными (по крайней мѣрѣ такими, относительно которыхъ нельзя бы было показать, что они въ настоящее культурное положеніе перешли съ болѣе высокаго). Какъ при сравненіи физической организаціи человѣка, понятно, нужно было сравнивать съ животными не уродовъ людей, а людей обыкновенныхъ, такъ и при сравненіи тѣхъ и другихъ съ духовной стороны не должны быть приводимы духовные уроды. Поэтому фактъ явленія исключительныхъ личностей не обладающихъ тѣми особенностями духовной природы (хотя едва ли можно вполнѣ загасить ихъ?), которыя присущи всему остальному человѣчеству, не можетъ быть разсматриваемъ какъ подтверждающій теорію эволюціи. Это необходимо имѣть въ виду при разсужденіи о духовной природѣ человѣка.

Къ разсужденію о ней мы теперь и обратимся. Начнемъ съ разбора эволюціонной теоріи личности человѣка.

Эволюціонная теорія, утверждающая, что личность есть нѣчто сложное, и что въ строгомъ смыслѣ слова индивидуумовъ не существуетъ (за исключеніемъ клѣточекъ), является логическимъ развитіемъ и выводомъ изъ принциповъ эволюціи. При разсмотрѣніи, однако, оказывается, что этотъ выводъ скорѣе способенъ разрушить свои основанія, чѣмъ подтвердить ихъ. Едва ли, конечно, можно оспаривать, что въ простѣйшихъ организамахъ, да по всей вѣроятности и во всѣхъ животныхъ—кромя человѣка—душа есть нѣчто неотдѣлимое отъ тѣла, но объ этомъ судить трудно. Во всякомъ случаѣ,

однако, несомнѣнно, что развитіе организма совершается параллельно съ развитіемъ животной души. Спрашивается, если цѣлый организмъ образуется изъ части прежняго организма, происходитъ ли злѣсь дѣленіе ощущающей силы? Этого сказать нельзя. Факты, приведенные нами для объясненія новой теоріи индивидуальности, получаютъ нѣкоторое освѣщеніе чрезъ наблюденія и опыты Вейсмана надъ полярными тѣльцами. Давно было извѣстно, говоритъ Вейсманъ, что яйца нѣкоторыхъ животныхъ, достигнувъ зрѣлости и прежде чѣмъ перейдти въ стадію развитія зародыша (эмбрионическаго развитія), отдѣляются отъ себя нѣкоторыя тѣльца шаровидной формы, которыя не участвуютъ въ развитіи зародыша, но погибаютъ раньше или позже“. Вотъ это и есть полярныя тѣльца. Они теперь найдены въ яйцахъ почти всѣхъ классовъ животныхъ, во многихъ частяхъ организма, и доказано, что они настоящія клѣтки, состоящія изъ ядра и клѣточного тѣла. При партеногенезѣ (безполомъ размноженіи) удаляется изъ яйца одно полярное тѣльце (потому что, говоритъ Вейсманъ, оно имѣетъ постоянную тенденцію образовывать только яйцо и послѣ образованія яйца препятствуетъ образованію зародыша), при половомъ размноженіи удаляется, затѣмъ, другое полярное тѣльце (уносящее, по Вейсману, съ собою часть предковыхъ плазмъ, ибо иначе всѣ свойства предковъ передались бы по наслѣдству, каковое наслѣдство не по силамъ организму). Теперь изслѣдованія Страсбургера, Ванъ-Бенедена, Грубера и др. показали, что, если отрѣзать въ простѣйшемъ организмѣ часть, въ которой нѣтъ полярныхъ тѣлецъ, то изъ таковой части не можетъ возникнуть новый организмъ ⁹⁾. Это служить лучшимъ опроверженіемъ новой теоріи индивидуальности, ибо этотъ фактъ показываетъ, что всѣ случаи раздѣленія индивидуума на два и болѣе имѣютъ совершенно тотъ же характеръ, какъ и отдѣленіе дитяти отъ матери. Никто, конечно, не станетъ утверждать, что материнское сознаніе

---

⁹⁾ Вейсманъ, какимъ способомъ могутъ передаваться по наслѣдству свойства организмовъ. Рус. Богат. 1888. № 4. Die Zahl der Richtfunktionskörper 1887.

дѣлится при образованіи дѣтяти, но вѣдь, тоже самое въ сущности происходитъ и здѣсь при образованіи изъ половины цѣлаго организма. Что касается до фактовъ привитія кожи, самостоятельнаго существованія и роста хвостовъ, то, собственно говоря, представляется даже не совсѣмъ понятнымъ, какимъ образомъ эволюціонисты хотятъ обратить эти факты въ свою пользу. Вѣдь они не имѣютъ никакихъ основаній утверждать, что отрѣзанный и растущій хвостъ лягушки обладаетъ силою ощущенія, или что бьющееся вынужденное лягушечье сердце испытываетъ чувство радости или страданія. Все заставляетъ предполагать противное. Очень часто наблюдали, что у мертвыхъ растутъ волосы и ногти. Это скорѣе говоритъ противъ новой теоріи, чѣмъ за нее. Душа, ощущеніе исчезли, а процессы растительной жизни продолжаютъ, значить, душа есть нѣчто особое. Привитая кожа у человѣка, правда, можетъ ощущать боль, раздраженіе и т. д.; вообще все то, что ощущаетъ его собственное тѣло. Но что же слѣдуетъ отсюда, вѣдь, и та пища, которую человѣкъ съѣдаетъ за обѣдомъ, превращается въ кровь, въ лимфу, въ нервы, и раздраженіе этихъ нервовъ ощущается человѣкомъ. Едва-ли, однако, у кого-нибудь изъ эволюціонистовъ хватить рѣшимости сказать, что и кусокъ изжареннаго мяса состоитъ изъ живыхъ ощущающихъ клѣточекъ. Если же ихъ нѣтъ въ послѣднемъ, и однако все то, чему подвергается преобразованная мертвая матерія, ощущается человѣкомъ, когда эта матерія становится частью его организма, то почему для объясненія явленія сращиванія кожи прибѣгать къ сложной гипотезѣ какихъ-то живыхъ ощущающихъ клѣтокъ, когда способность ощущенія въ приросшей кожѣ такъ же понятна, какъ способность ощущенія во всякой части нашего организма, образующейся изъ мертвой и чуждой намъ матеріи. Въ послѣднемъ случаѣ преобразование матеріи въ наше тѣло совершается путемъ медленнымъ, въ первомъ почти непосредственно. Для сращиванія, какъ показали опыты, требуются нѣкоторыя условія, опять таки присутствіе особыхъ тѣлецъ въ сращиваемыхъ частяхъ, а вовсе не ощущающая сила кожи. Человѣку при благоприятныхъ условіяхъ можно приросить цѣлый палець,

но эти благоприятныя условія заключаются вовсе не въ томъ, что приращаемый палецъ имѣетъ собственное сознаніе, которое будто бы затѣмъ онъ подчинитъ центральному началу организма.

Вся новая теорія индивидуальности дышитъ крайнимъ произволомъ и фантастичностью, но если даже допустить, что она вѣрна по отношенію къ животному міру, то и тогда вопросъ о человѣкѣ ~~о~~ нашей точки зрѣнія останется открытымъ. Мы признаемъ непреходимую грань между животнымъ и человѣкомъ, но не вообще между животными типами. Пусть будетъ такъ, что ощущеніе, сознаніе выработались въ животныхъ путемъ эволюціоннымъ, это предположеніе можно не распространять на человѣка. Для сужденія о человѣкѣ нужно обратиться къ разсмотрѣнію самаго человѣка. Защитники новой теоріи индивидуальности дѣлаютъ это. Они указываютъ въ подтвержденіе своей теоріи на фактъ раздвоенія сознанія. Нужно повнимательнѣе разсмотрѣть этотъ фактъ. Подъ именемъ раздвоенія сознанія понимаютъ такое состояніе духа человѣка, когда онъ считаетъ себя другимъ лицомъ, а не тѣмъ, кѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Когда оказывается, что въ человѣкѣ одни душевныя способности дѣйствуютъ, дѣятельность другихъ совершенно прекращается. Первѣе есть на самомъ дѣлѣ болѣзненное состояніе сознанія, наукою совершенно невыясненное и, очевидно, нисколько не разъясняемое новою теорією индивидуальности. Чиновникъ Поприщинъ у Гоголя считалъ себя испанскимъ королемъ, причемъ здѣсь децентрализація органовъ, совершенно непонятно? Въ децентрализованномъ организмѣ должно бы было наблюдать явленія совѣмъ иныя, чѣмъ явленія сумасшествія и гипнотизма (загипнотизированному приказываютъ считать себя другимъ лицомъ, а не тѣмъ, каковымъ онъ есть, и онъ повинуется приказанію). Мы должны бы были наблюдать дѣйствительное раздвоеніе сознанія, состоящее въ томъ, что въ организмѣ явилось бы нѣсколько „я“, противопологающихъ себя одно другому. Но это никто никогда не наблюдалъ и наблюдать не будетъ. Что касается до наблюденія прекращенія дѣятельности однихъ способностей и продолженія дѣятель-

ности другихъ, напр., при гипнотизмѣ, то, очевидно, здѣсь не раздвоеніе сознанія. Загипнотизированные не помнятъ того, что они говорили и дѣлали во время сеанса, подобное можно указать и у людей, предающихся неумѣренному употребленію спиртныхъ напитковъ. Они, напившись, возвращаются домой извѣстнымъ путемъ, совершаютъ дорогой цѣлесообразныя дѣйствія, но на другой день они ничего не помнятъ изъ этого: изъ ихъ памяти исчезаютъ событія, начиная съ извѣстнаго момента вечера и кончая моментомъ, когда они проснутся у себя на постели. При чемъ здѣсь новая сложная теорія? Законы, управляющіе памятью, душевными способностями; болѣзни духа извѣстны очень мало, но придумывать для нихъ неразумныя объясненія и требовать признанія этихъ объясненій за истину, значитъ, рѣшительно отрѣзывать путь къ пониманію ихъ даже въ будущемъ.

Попытка объяснить явленія выступанія крови, знаковъ на тѣлѣ новою теоріею индивидуальности, едва ли даже заслуживаетъ разбора. Какимъ образомъ кровь выступаетъ на ладони? Децентрализація органовъ здѣсь не можетъ имѣть никакого значенія, ибо не можетъ у совокупности кровеносныхъ капиллярныхъ сосудовъ создаться рѣшеніе вылить свое содержимое наружу. Неужели они (приблизительно такъ объясняетъ явленія стигмации Михайловскій въ „патологической магіи“¹⁰⁾) знаютъ исторію страданій Господа и могутъ трогаться ею, если она въ нашъ вѣкъ не трогаетъ даже и большинства людей. Трудно видѣть чудо въ подобныхъ явленіяхъ, имѣющихъ обыкновенно своимъ источникомъ не совсѣмъ христіанскую мистическую религіозность, но еще труднѣе объяснить эти явленія. Лучше всего и благоразумнѣе всего пока воздержаться отъ сужденія объ этихъ поразительныхъ фактахъ.

Новая теорія индивидуальности имѣетъ весьма важное значеніе для нравственности. Признавая правую только клѣточку, она въ каждомъ сложномъ организмѣ видитъ деспота и узурпатора; новая теорія вооружаетъ индивидуума

¹⁰⁾ Сѣвер. Вѣсти 1887.

противъ общества и общество противъ индивидуума. она подрываетъ въ основѣ нравственность. Правда, ее никто не принимаетъ съ такими ея нравственными выводами, ибо ихъ несостоятельность непосредственно сознается каждымъ, но въ такомъ случаѣ каждый долженъ сознать несостоятельность и теоріи, необходимымъ слѣдствіемъ которой они являются.

Эволюціонисты, представляя, что личность человѣка не есть нѣчто тождественное и неизмѣнное, а нѣчто эволюционирующее, также смотрятъ и на духовныя способности человѣка. Показавъ, что ихъ новое ученіе о человѣческой личности не имѣетъ за собой какихъ бы то ни было удовлетворительныхъ основаній и не можетъ считаться убѣдительнымъ, посмотримъ теперь, какъ должно смотрѣть на ихъ ученіе и какъ на самомъ дѣлѣ должно судить о происхожденіи и свойствахъ способностей человѣческаго духа? Начинаемъ съ мышленія.

Развитіе мысли по мнѣнію эволюціонистовъ шло параллельно развитію осязанія. „Осязаніе (такъ смотритъ Спенсеръ) есть, такъ сказать коренной языкъ всѣхъ чувствъ, на который они должны быть переведены, чтобы служить организму. Отсюда его важность. Попугай самая умная птица, у него такъ же самое лучшее осязаніе. Этимъ чувствомъ онъ пріобрѣтаетъ понятія недоступныя другимъ птицамъ, которыя не могутъ пользоваться ногами, какъ руками. Слонъ самое разумное животное, такъ какъ умъ его сложился, благодаря способности и возможности осязать и слѣдующихъ за ними увеличеніемъ опытности, которую замѣчательно приспособленный хоботь его дѣлалъ ему доступной. Животныя изъ породы кошекъ по той же причинѣ умнѣе животныхъ копытныхъ, хотя у лошади существуетъ нѣкоторое вознагражденіе чувствительности подвижныхъ губъ. У обезьянъ развитіе идетъ рука объ руку съ развитіемъ осязанія. Въ самыхъ умныхъ антропоморфныхъ обезьянахъ мы находимъ степень развитія и тонкость осязанія значительно развившимися и раскрывшимися такимъ образомъ животному новый путь къ сознанию. Человѣкъ въ этомъ от-

ношеніи вѣнчаетъ зданіе“¹¹⁾). Признавая, что въ мірѣ все эволюціонируетъ, эволюціонисты представляютъ, что такъ называемые законы и формы нашего мышленія въ этомъ отношеніи не представляютъ исключенія, они не представляютъ себою, по ихъ утверженію, нѣчто апріорное, какъ думалъ Кантъ, или нѣчто приобрѣтенное личнымъ опытомъ, какъ; напр., думалъ Милль, а достояніе наслѣдственнаго опыта, опыта органическаго. Будь у нашихъ предковъ иной опытъ, и наши законы мышленія были бы иными, будь у нашихъ предковъ этого опыта недостаточно, и начала, заправляющія нашимъ мышленіемъ, не отличались бы такою твердостью, какою они отличаются теперь. „Эволюціонная теорія признаетъ развитіе самой способности мышленія, т. е. способности къ болѣе совершеннымъ ассоціаціямъ и интеграціямъ, а не ставитъ въ зависимость весь умствѣнный прогрессъ только отъ количества и качества матеріала сознанія. Да и самое количество и качество матеріала обусловлено вполнѣ большимъ или меньшимъ совершенствомъ процессовъ ассоціаціи и интеграціи... Заблужденія дикарей зависятъ не только отъ того, что они не знаютъ извѣстныхъ фактовъ, а еще болѣе отъ того, что плохо ассоціируютъ и интегрируютъ свои ощущенія, а потому и продукты работы ихъ мышленія намъ кажутся слабыми сравнительно съ нашими, являющимися результатомъ болѣе развитой способности къ ассоціаціи и интеграціи“¹²⁾). Устанавливая такой взглядъ на развитіе мышленія, эволюціонисты естественно должны скептически относиться къ достовѣрности результатовъ достигнутыхъ нашими умственными процессами, и вотъ Геккель выражаетъ даже сомнѣніе: существуетъ ли такая вещь, какъ объективная истина?¹³⁾

Приведенныя нами выше свѣдѣнія о дикаряхъ даютъ намъ

¹¹⁾ Тиндаль, „Очеркъ исторіи развитія научныхъ идей“, стр. 21—22 Природа 1874 г. кн. 3.

¹²⁾ Новая книга по логикѣ, стр. 429. Русск. Богат. 1888 г. кн. 1 (къ вопросу о реформѣ логики. Опытъ новой теоріи умственныхъ процессовъ. Н. Гротъ. Лейпцигъ 1882).

¹³⁾ Прочны ли выводы естествозн.: о происхожденіи жизни и человѣка. стр. 26. Христ. Чтен. 1880 № 1.

первое основаніе для отрицанія эволюціонной теоріи развитія мышленія. Оказывается, что у дикарей способность мысли существуетъ уже раньше, чѣмъ внѣшнія условія начали содѣйствовать ея развитію. Дикарь, всю жизнь обращающійся исключительно съ первымъ десяткомъ цѣлыхъ чиселъ, уже способенъ постигнуть аналитическую геометрію. Способность является такимъ образомъ не какъ продуктъ личнаго развитія или наслѣдственнаго опыта, а какъ даръ свыше.

Никто, конечно, не станетъ оспаривать значенія осязанія въ дѣлѣ приобрѣтенія познаній, но осязаніе даетъ только матеріаль, а не самыя познанія. Спенсеръ не совсѣмъ правъ, настаивая на томъ, что способность осязанія наиболѣе развита у человѣка, существуютъ животныя, у которыхъ, наприм., вся кожа ощущаетъ дѣйствіе свѣта, значить, обладаетъ высшею степенью осязанія. Эволюціонисты, развивая теорію мысли путемъ осязательныхъ воспріятій упускаютъ изъ вида данныя психологіи и лингвистики по вопросу о развитіи мысли. Эти данныя показываютъ, что люди узнаютъ общее раньше частнаго и даже, какъ это не удивительно, иногда абстрактное раньше конкретнаго. „По наблюденіямъ доктора Гунибали дѣти — кретины при пробужденіи ихъ способностей скорѣе получаютъ понятіе о Богѣ, чѣмъ о какомъ-нибудь предметѣ, доступномъ чувствамъ¹⁴⁾“. Способность идей, присущая человѣку, также опровергаетъ въ этомъ отношеніи эволюціонную теорію“. Когда мы беремъ за какое-нибудь дѣло, то мысль о немъ является предъ нашею душою въ неопредѣленныхъ общихъ чертахъ, и затѣмъ изъ этой общей схемы все яснѣе и яснѣе выступаетъ взглядъ на предпринятое дѣло. Эта предварительная, но въ началѣ не ясная и неопредѣленная мысль о предпринятомъ дѣлѣ и есть идея въ обширномъ смыслѣ слова. Она существенно отличается отъ абстракцій, получаемыхъ изъ данныхъ единичныхъ явленій, ибо въ абстракціяхъ начальнымъ, исходнымъ пунктомъ всегда бываетъ частное, единичное и, слѣдовательно, опре-

¹⁴⁾ Аучинъ. Антропоморф. обез. и внѣш. тип. челов. стр. 199. Природа 1874 г. кн. 1.

дѣленное и отсюда уже построится общій образъ; напротивъ, въ идеѣ нашъ духъ идетъ обратнымъ путемъ: общая мысль въ началѣ настолько неопредѣленная, что мы не можемъ даже приблизительно выразить и опредѣлить ее, служить здѣсь началомъ, а опредѣленность и ясность, до какой она достигаетъ является уже послѣ, когда сдѣлается предметомъ рефлексіи. Нерѣдко такія мысли пробуждаются въ насъ совершенно неожиданно, вдругъ и притомъ съ такою силою, что получаютъ господство надъ всѣмъ нашимъ мышленіемъ и даютъ ему направленіе и тѣнь; они являются иногда какъ будто какія-то непосредственныя вдохновенія безъ видимаго побужденія отънѣ. Извѣстно, что, самыя глубокія мысли изслѣдователей и поэтовъ, самыя богатая по своимъ послѣдствіямъ открытія въ наукѣ и индустріи обязаны своимъ происхожденіемъ именно такому неожиданному вдохновенію изобрѣтателей, и притомъ такія глубокія мысли и открытія являлись обыкновенно не среди шумной и измѣнчивой внѣшней жизни; а въ тиши погруженнаго въ себя духа¹⁵⁾. Идеи, рождающіяся въ глубинѣ чловѣческаго духа, представляютъ дважды затрудненіе для теоріи эволюціи: во-1) ничего подобнаго нельзя указать ни у какихъ животныхъ, во-2) нельзя никакимъ образомъ представить, какъ съ помощію эволюціонныхъ факторовъ въ животномъ могла бы зародиться такая способность.

Эволюціонисты утверждаютъ, что способности мышленія, законы мышленія суть нѣчто случайное, выработанное путемъ естественнаго отбора, и въ доказательство ссылаются на различіе въ процессахъ мышленія дикаря и культурнаго чловѣка. Но въ этомъ разсужденіи смѣшиваются факты. Различіе въ степени здѣсь смѣшивается съ различіемъ въ свойствахъ. Степень совершенства мышленія Ньютона, конечно, неизмѣримо выше, чѣмъ Геккеля или Фогта, но законы, управляющіе мышленіемъ всѣхъ ихъ, одинаковы, и свойства одинаковы. Принципы мышленія вездѣ одни на всемъ земномъ шарѣ, чего нельзя сказать о понятіяхъ чести или даже

---

¹⁵⁾ Орнатскій, Происхожд. чловѣка стр. 76—77. Труды Кіев. Дух. Акад. 1881. № 1.

о эстетическихъ воззрѣніяхъ. Между тѣмъ, если то, что Кантъ называетъ формами мышленія, отливалось подъ вѣдѣйствіемъ борьбы за существованіе и естественнаго отбора, этого тождества быть бы не могло, ибо различныя племена развивались въ различныхъ условіяхъ. Правда, та истина, что $2 + 2 = 4$, подтверждается на всемъ земномъ шарѣ, но заключенія по индуктивному методу, по аналогіи, по методу остатковъ или сопутствующихъ измѣненій, вообще отъ частнаго къ общему не всегда одинаковы и не всегда вѣрны. Казалось бы, смотря по различію условій опыта у людей должны бы были выработаться особые приемы мышленія, но этого нѣтъ. Дикарь такъ же часто прибѣгаетъ къ аналогіи, какъ и просвѣщенный европеецъ. Первый, правда, ошибается гораздо больше, онъ создаетъ множество невѣрныхъ представленій объ окружающемъ его мірѣ, но это говоритъ, вѣдь, не въ пользу эволюціонистовъ. Здѣсь открывается, что, хотя тотъ методъ, которымъ пользуется для приобрѣтенія познаній культурный человѣкъ, и оказывается ненадежнымъ орудіемъ въ рукахъ дикаря, онъ однако, почему-то пользуется этимъ же методомъ. Далѣе, методъ этотъ требуетъ силы воображенія, силы творческой, которой не существуетъ у животныхъ и происхожденіе которой путемъ генетическимъ не объяснимо.

Обратимся къ другой духовной способности человѣка. У человѣка есть чувство изящнаго. Говорятъ, что это чувство есть и у животныхъ. Пусть такъ, но откуда оно произошло и какъ развилось? Эволюціонисты, объясняя происхожденіе чувства изящнаго приспособленностію смѣшиваютъ факты. Ослѣпительный свѣтъ мы не назовемъ безобразнымъ, однако смѣшимъ избавиться отъ него. Нѣкоторыя пріятныя ощущенія мы не называемъ изящными и не находимъ въ причинахъ ихъ ничего эстетическаго, напротивъ, мы прямо признаемъ ихъ антиэстетическій характеръ. Но если даже и допустить дѣйствительность такого происхожденія, остаются непреоборимыя трудности въ объясненіи развитія такъ происшедшаго чувства. Несомнѣнно, что искусство эволюционируетъ, хотя, съ другой стороны, несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ оно достигло своего апогея: группа

Лаокоона, Апполонъ Бельведерскій, Венера Милосская не могутъ быть превзойдены, картины Рафаэля—тоже самое, но музыка прогрессируетъ и въ ея области современные европейцы оставили далеко позади себя грековъ. Спрашивается, какіе факторы управляютъ развитіемъ искусства? Эволюція не знаетъ такихъ факторовъ. Идея пользы—тотъ рычагъ, который, по Дарвину, управляетъ міромъ—здѣсь непримѣнима: чрезмѣрное увлеченіе красотой принесло уже много бѣдъ человѣчеству. Сказать, что факторами этими были стремленіе сохранять чувство удовольствія и избѣгать чувства страданія, нельзя. Очевидно, чувство изящнаго въ своей первоначальной формѣ, по теоріи эволюціи, требовало, чтобы существа органическія находили для себя среду освященную свѣтомъ, не раздражающимъ глазъ, прикасались къ поверхностямъ, не возбуждающимъ раздраженія пожалуй, искали пріятныхъ запаховъ и вкусной пищи, но совершенно непонятно, зачѣмъ люди стали бы искать маленькихъ бездѣлушекъ и любоваться и наслаждаться ими, какъ это дѣлаютъ современные дикари. Затѣмъ, разъ люди приспособились, они уже не должны были бы прогрессировать, напротивъ, новыя свѣтоточія и тому подобныя ощущенія должны были возбуждать въ нихъ болѣзненные раздраженія. Наконецъ, нужно отмѣтить еще одну черту въ эстетическомъ творествѣ, совершенно несогласную съ теоріей эволюціи. Это творчество инстинктивно. Еще древніе называли поэтическое вдохновеніе „Божественнымъ безуміемъ“. Какая-то непонятная сила охватываетъ человѣка и заставляетъ его, „полнаго звуковъ и смятенья“ братья за перо, за рѣзецъ или за кисть. При чемъ здѣсь естественный отборъ или борьба за существованіе?

Обратимся къ религіи. Филологическій анализъ теологическихъ терминовъ народовъ и изслѣдованія въ области мифологіи оказываются здѣсь въ высшей степени враждебными эволюціонизму. Сущность религіи древнѣйшихъ народовъ, оказывается, была во всякомъ случаѣ не менѣе глубока, чѣмъ религія непознаваемаго. Важны то, вѣдь, не тѣ амулеты и фетиши, почитаемые дикарями и останавливающіе на себѣ исключительное вниманіе близорукихъ наблюдателей,

а то — чѣмъ почитаются эти амулеты и фетиши, какое сказуемое приписывается имъ. Если обратить вниманіе на это сказуемое, на то, что они — „боги“ и затѣмъ, рассмотреть, что означаетъ это слово, то тогда мы получимъ нѣчто совсѣмъ несогласное съ предположеніями эволюціонистовъ. Если бы мы захотѣли судить о богопочитаніи древнѣйшихъ народовъ, то конечно, однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для этого намъ должны бы были служить древнѣйшіе литературные памятники, и въ этихъ древнѣйшихъ памятникахъ мы должны бы отдѣлить ~~возднѣйшія~~ возднѣйшія осложненія и наслоенія отъ ихъ первоначальной основы. Остановимся на двухъ такихъ памятникахъ: индійскихъ ведахъ и греческихъ пѣсняхъ Гомера. Филологическій анализъ показываетъ намъ, что индо-арійцы первоначально называли Бога — небомъ (Tuisco), не солнцемъ, не мѣсяцамъ, не звѣздами, феноменальность и разрушимость которыхъ напши гиммалайскіе сородичи прозрѣли своимъ мышленіемъ за тысячелѣтія до нашей эры, а тѣмъ, что они считали находящимся надъ солнцемъ и мѣсяцомъ, надъ облаками и бурями, яснымъ, неизмѣннымъ, безпредѣльнымъ, молчаливымъ и глубокимъ голубымъ небомъ. Что показываетъ это названіе? Позволительно думать, что не въ томъ сводѣ, который облекаетъ землю, они видѣли владыку вселенной, а то, что на языкѣ, не имѣвшимъ у себя словъ для выраженія абстрактныхъ понятій, они пытались выразить присущую имъ идею вѣчнаго и неизмѣннаго. Обратимся къ пѣснямъ Гомера ¹⁶⁾. Мы встрѣчаемъ здѣсь въ этихъ величайшихъ твореніяхъ величайшаго народа какое-то дикое ученіе о богахъ, самую нелѣпую изъ мифологій; но не будемъ смущаться этимъ, послушаемъ свинопаса Эвмая, оказывается, что онъ знаетъ только благихъ боговъ, которые не любятъ беззаконія: имъ угодно только справедливость и добрая дѣла (Од. XIV), онъ признаетъ все возможнымъ для Бога (Одис.

¹⁶⁾ О ведахъ и греческой мифологій см. у М. Muller'a въ *Vorlesungen über die Sprache* (10 Vorl.). Замѣчательно, что по изслѣдованію Cruel'a оказывается, что и предшественники арійцевъ въ Европѣ турапцы тоже почитали небо. См. въ *Rev. d. Quest. scient.* библиографическую статью о книгѣ Cruel'a: *Die Sprache und Volker Europas* 1883. Octobre.

XIV, 449; X, 306). Одисей говоритъ, что богамъ все извѣстно (Од. IV, 379, 468). Пизистратъ, сынъ Нестора, говоритъ, что всѣ люди нуждаются въ богахъ (Од. III, 4). Диомедъ говоритъ о себѣ и Свенелѣ, что они пришли къ Троѣ съ богомъ (Иліад. IX, 49). Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ, подобныхъ которымъ можно набрать очень много, чувства, ихъ вызывавшія, если не всегда повидимому присущи героямъ, оказываются, всегда присущи простымъ людямъ (рабынѣ, свинонасу). А вѣдь, это и есть то сложное чувство, которое состоитъ изъ сознанія зависимости, покорности, благоговѣнія къ Творцу, изъ сознанія того, что Онъ занимается о мірѣ. Спрашивается, откуда эти мысли о Богѣ, Охранителѣ, Промыслителѣ и Творцѣ вселенной у людей, которые въ своей жизни, безъ сомнѣнія, отводили немного времени философскимъ размышленіямъ и занятіямъ метафизикой? Очевидно, что онѣ вытекаютъ изъ чего-то, кроющагося въ глубинѣ челоѵческаго духа, и этого „чего-то“ никакихъ слѣдовъ нѣтъ ни у кого изъ животныхъ.

Эволюционисты, какъ было замѣчено, различаютъ въ религіи двѣ стороны: 1) суевѣрія, имѣющія источникомъ своимъ невѣжество и 2) нравственное чувство—продуктъ развитія. Они легко рѣшаютъ религиозные вопросы, и эта легкость не дѣлаетъ чести ихъ способности судить о предметахъ. Отъ Дарвина, Спенсера и многихъ другихъ совершенно ускользаетъ почему-то, что религія не есть нѣчто прикладное или стоящее рядомъ съ другими созданіями челоѵческаго духа, а нѣчто обнимающее все. Религія прежде всего устанавливаетъ взглядъ на все бытіе, на происхожденіе и смыслъ бытія міра, на положеніе челоѵка въ этомъ мірѣ, такимъ образомъ религія не только даетъ пищу уму, но является для него руководительнымъ свѣтомъ, указываетъ ему, какъ и гдѣ онъ можетъ соединять и объединять свои познанія. Религія, далѣе, даетъ пищу чувству, она наполняетъ сердце любовью, надеждою, ощущеніемъ покоя и счастья. Религія, наконецъ, посредствомъ заповѣдей регулируетъ волю. Такъ религія охватываетъ всего челоѵка, будучи таковою, она не могла быть порождена чувствомъ страха. Еще болѣе странно принять, что она произошла вслѣдствіе того, что неразвитый

человѣкъ мертвое принялъ за живое и сны смѣшалъ съ дѣйствительностію. Между причиною и слѣдствіемъ здѣсь нѣтъ никакой связи. Мы видѣли, что извѣстныя намъ исторически древнѣйшія религіозныя вѣрованія нисколько не соотвѣтствуютъ требованіямъ теоріи эволюціи, мы знаемъ также, что религіи дикарей, тѣхъ дикарей, религіи которыхъ изучались, будучи полны грубыхъ заблужденій и суевѣрій, однако заключаютъ въ себѣ всѣ три элемента, указанные нами. Совершенно непонятно, зачѣмъ это, почему это человѣкъ, стоящій на самой низкой ступени развитія, создаетъ себѣ космогоніи, устанавливаетъ себѣ взглядъ на все бытіе? Что ему за дѣло до далекаго неба, зачѣмъ ему знать, на чемъ держится земля, когда ему по крайней мѣрѣ извѣстно то, что она держится очень крѣпко.

Замѣная то понятіе о религіи, которое присуще всѣмъ людямъ, своимъ фиктивнымъ понятіемъ, эволюціонисты дѣйствительную исторію религій замѣняютъ фантастической. Представивъ современные народы въ извѣстномъ ряду по степени ихъ культуры, эволюціонисты полагаютъ, что тѣ формы религіи, какія оказываются у низшихъ не культурныхъ племенъ, въ глубочайшей древности были и у тѣхъ племенъ, которыя стоятъ теперь на высшей степени культуры, что эти низшія религіозныя формы смѣнились у означенныхъ племенъ въ глубокій древности тѣми формами, которыя мы теперь находимъ у племенъ, стоящихъ на одну ступень выше низшихъ племенъ и т. д. Установивъ такой принципъ, очевидно, можно писать исторію религій, не зная исторіи. Опытъ показываетъ, что исторію религій можно писать, не зная и этнографіи. Эволюціонная теорія сама подсказываетъ, каковъ долженъ быть генезисъ религіозныхъ вѣрованій, остается только изъ первыхъ попавшихся книжекъ о дикаряхъ набрать примѣры, иллюстрирующіе теорію. Такъ и поступаютъ писатели эволюціонной школы, для примѣра мы приведемъ генезисъ религіозныхъ вѣрованій, представляемый Спенсеромъ.

Первобытный человѣкъ, говоритъ онъ, долженъ быть неизбѣжно жертвою печальнаго заблужденія, обусловленнаго перемѣнами, необъяснимыми для него метаморфозами, кото-

рыя ежедневно. происходятъ въ природѣ и которыя даютъ ему идею двойства. Существуютъ предметы, которые то являются, то исчезаютъ каковы, наприм., звѣзды и облака на небѣ, вѣтеръ и вода на поверхности почвы. Животныя и растенія представляютъ перемѣны еще болѣе удивительныя.

Если вещи испытываютъ измѣненія, то значить, что онѣ двойственны. Двойникомъ человѣка будетъ его тѣнь, его образъ въ водѣ или его дыханіе. По мнѣнію фиджійцевъ человѣкъ имѣетъ темный духъ, который есть его тѣнь, свѣтлый духъ—его отраженіе въ водѣ. Послѣ смерти одинъ идетъ въ міръ подземный, другой остается въ мірѣ живыхъ. Гренландцы приписываютъ человѣку двѣ души: тѣнь и его дыханіе. Эхо — это двойникъ, который путешествуетъ отдѣльно отъ человѣка. Абипонцы, говоритъ Сутей, боятся его, какъ выхода.

Грезы также доставляютъ идею двойства. Для дикаря грезить значить видѣть. Народы классической древности имѣли такое же вѣрованіе. Духъ Патрокла посѣтилъ Ахилла во время сна. Въ Гренландіи, на островѣ Борнео, въ Индіи, на Новой Зеландіи вѣрятъ, что во время сна душа человѣка покидаетъ тѣло, и что она во время своихъ странствованій видитъ дѣйствительно все то, что составляетъ предметъ сновидѣнія. У даяковъ старики и жрецы часто утверждаютъ, что въ ихъ сновидѣніяхъ они посѣтили жилище Тапа, высшаго бога. Малайцы не любятъ будить спящаго, опасаясь какъ бы, толкая его, не ранить его тѣло въ отсутствіи души.

Точно также обморокъ, апоплексію, катаlepsію, экстазъ и болѣзнь дикарь объясняетъ раздѣленіемъ 2-хъ лицъ. Вильямъ слышалъ фиджійцевъ, которые, будучи больными и лежа на спинѣ, кричали, чтобы имъ разбили голову, чтобы ихъ душа, могла найти выходъ. Точно также мы говоримъ о человѣкѣ, находящемся въ обморокѣ, что онъ бездыханенъ.

Смерть не отличается отъ сна или лучше она представляетъ собою только продолжительный сонъ. У островитянъ Альсона, Таити, малайцевъ, бадаговъ стараются заставить трупы взять съѣстные припасы, и это дѣлается много дней послѣ смерти. Зулусъ говоритъ, что когда человѣкъ умеръ,

его тѣнь покидаетъ его тѣло и становится духомъ. Въ смерти, какъ и во снѣ, двойникъ, удалившійся изъ тѣла, можетъ возвратиться. Умершихъ видать во снѣ. Отсюда идея воскресенія.

Эта способность душъ легко отдѣляться отъ тѣла и путешествовать внушаетъ мысль о выходцахъ и страхъ предъ ними. У Тупеевъ, по Сутею, связываютъ члены у умершихъ, чтобы умершій не могъ встать и напугать своихъ друзей визитами. Для того, чтобы избѣжать подобныхъ неудобствъ, пытаются уничтожать духъ, который, какъ и самъ человѣкъ, можетъ быть уничтоженъ и загубленъ. Негритянки Матямба вѣрятъ, что, бросая тѣло своего мужа въ воду, они утопятъ его душу, которая безъ этого должна бы была подвергнута мученіямъ. Въ другихъ случаяхъ умершій, напротивъ становится предметомъ тщательныхъ заботъ, внушенныхъ мыслию о воскресеніи. Употребляютъ предварительные приемы раньше, чѣмъ предать трупъ нечистымъ мѣстамъ или разрушенію, то его прячутъ въ пустынный и непроходимый мѣста, то хоронятъ, какъ это дѣлается въ Боготѣ, въ ложе ручья моментально поворачиваемаго съ его теченія. Иногда умершіе погребаются подъ горами камня или земли или зарываются, какъ въ сѣверной Америкѣ, въ Перу, въ Египтѣ и на Канарскихъ островахъ. Въ Африкѣ въ Лоанго трупы коптятъ, для того, чтобы ихъ сохранить. Чтобы успокоить духъ умершаго, ему приносятся очистительныя жертвы. Жертва волосами, практиковавшаяся уже въ древности, находится въ употребленіи еще и въ наши дни у дикихъ племенъ. При погребеніи Патрокла мирмидоняне покрыли тѣло героя своими волосами.

Равнымъ образомъ распространены и кровавыя жертвы. У жителей Самоа при случаяхъ смерти бьютъ себя въ голову камнемъ такъ, что течетъ кровь. Это называется предложеніемъ крови смерти. Дагомейцы проливаютъ человѣческую кровь на гробъ древнихъ царей.

Мысль о воскресеніи выражается множествомъ фактовъ общихъ всѣмъ расамъ. Нерѣдко даже случается, что на живыхъ смотрятъ, какъ на воскресшихъ мертвецовъ. Австралийцы одного племени въ которомъ жила m-He Tomson,

говорили о ней: „это не есть что нибудь, это — ничто, это — выходец“. Въ новой Каледоніи на островахъ принца Гальскаго, въ Габонѣ, на старомъ Калабарѣ часто высказывается мнѣніе о бѣдыхъ, что они суть души умершихъ. Вообще предполагаютъ у выходцевъ формы матеріальныя. У нѣкоторыхъ обитателей Перу есть обычай сѣять зерна маиса и другихъ растений вокругъ своихъ жилищъ, чтобы по слѣдамъ ихъ видѣть, ходятъ-ли мертвецы по окрестностямъ или нѣтъ? Умершіе помогаютъ живымъ въ ихъ предпріятіяхъ. Зулусы думаютъ, что они сражаются съ ними.

Все, что имѣетъ тѣнь, имѣетъ душу. На основаніи этого коренны, чипавеи, фиджійцы приписываютъ душу животнымъ, растениямъ, домамъ, лодкамъ, всѣмъ механическимъ изобрѣтеніямъ и т. д. Они вѣрятъ, что души разбитыхъ предметовъ вмѣстѣ съ умершими переходятъ въ другой міръ.

Двойникъ умершаго человѣка продолжаетъ жить независимо жизнію. Понятіе о другой жизни составляетъ на основаніи жизни этой. Отсюда обычай хоронить умершаго съ его одеждою, мебелью, животными, оружіемъ, женами, рабами и т. д. Въ Перу, когда умираетъ властитель, его женъ вѣшаютъ, чтобы они слѣдовали за нимъ, и многихъ изъ его слугъ хоронятъ съ нимъ. Этимъ объясняется, говоритъ Тайлоръ, погребеніе Патрокла съ троянскими плѣнниками, съ лошадьми и собаками. На золотомъ берегу есть племена, у которыхъ погребеніе буквально разоряетъ семью. У нѣкоторыхъ американскихъ племенъ наслѣдникамъ остается только земля, которую нельзя положить съ умершимъ. Фиджійцы, Джибаваи и вообще дикари не представляютъ себѣ умершихъ иначе, какъ сопровождаемымъ тѣнями ихъ предметовъ, оружіемъ, трубокъ и т. д.

Мѣсто, назначаемое для другой жизни, представляется различно у различныхъ племенъ. Гавайцы вѣрятъ, что духъ умершаго летаетъ вокругъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ жилъ. Въ новой Каледоніи думаютъ, что духи блуждаютъ въ лѣсахъ. Даяки назначаютъ имъ въ жилища высокія вершины, татаюнцы удаляютъ ихъ въ пещеры. Иногда думаютъ, что умершіе возвращаются въ ту страну, откуда вышли ихъ предки. Тогда ихъ хоронятъ съ лицомъ, обращеннымъ въ ту сторону.

Для такихъ отдаленныхъ путешествій они нуждаются въ провизіи, одеждѣ, оружіи, деньгахъ, каковыя имъ и доставляются благочестіемъ ихъ родственниковъ.

Общимъ вѣрованіемъ является мысль о безчисленности двойниковъ умершихъ. Когда арабъ пустыни бросаетъ предъ собою какой нибудь предметъ, онъ проситъ прощенія у духовъ, которыхъ онъ могъ бы поразить. Умершіе являются и исчезаютъ. Они — причина всего страшнаго и необъяснимаго. Дайки, согласно Сенъ-Жану, никогда не принимаютъ естественнаго объясненія явленія; они все приписываютъ сверхъестественнымъ дѣтелямъ. Души умершихъ производятъ свое дѣйствіе на живыхъ. Они — причина эпилепси, конвульсій, горячки, безумія. Даже чиханье и то есть признакъ подчиненія ихъ власти хотя на минуту. Куиды, желая получить совѣты свыше, выливаютъ на своихъ жрецовъ цѣлые горшки съ водою, тѣ чихаютъ и тогда считаются за вдохновенныхъ. Наконецъ, смерть есть дѣло духовъ. Негры золотого берега не допускаютъ естественной смерти. Когда хоронятъ воина, его друзья вооружаются и вызываютъ на бой того духа, который причинилъ ему смерть.

Вдохновеніе указываетъ на то, что человѣкомъ овладѣлъ дружественный духъ. Но существуютъ также духи злые. Чародѣйство имѣетъ свою цѣлю или борьбу съ злыми духами или совмѣстную съ ними дѣятельность. Оно играетъ важную роль у всѣхъ первобытныхъ обществъ, гдѣ тайныя вліянія составляютъ предметъ постояннаго безпокойства. Чинуки думаютъ, что если ихъ фотографируютъ, то ихъ духъ чрезъ это перейдетъ во власть другихъ лицъ. (Это напоминаетъ мнѣ, говоритъ Арстенъ, какъ однажды, когда я хотѣлъ взять изображеніе мечети въ Манфану — маленькомъ городкѣ въ Египтѣ, толпа заволновалась вокругъ меня. Они думали, что, если я возвращусь на мою родину съ изображеніемъ ихъ мечети, то буду въ состояніи привлечь къ себѣ потомъ и самую мечеть).

Погребальныя обряды имѣютъ свою цѣлю или воспрепятствовать воскресенію умершихъ, которое возбуждаетъ страхъ или обезпечить имъ счастливое воскресеніе. Потому ради привлеченія благорасположенія духовъ мѣста погребенія

нія становятся мѣстами священными. На могилахъ воздвигаютъ алтари, вокругъ которыхъ устроятъ храмы.

Молитвы, ежегодныя празднества приношенія, жертвы представляютъ культъ умершихъ, гдѣ, какъ оказывается, часто фигурируютъ кровавыя и человѣческія жертвы. Улиссъ описываетъ тѣни Ада, столпившіяся, чтобы пить кровь жертвъ, которую имъ предлагаютъ и въ этомъ они находятъ облегченіе. Благочестіе живыхъ устрояетъ посты, воздержанія, молитвы въ честь умершихъ и богомолья на ихъ гробахъ. Кромѣ этого существуютъ и другіе способы почитанія умершихъ. Такъ андаманскія вдовы въ теченіе трехъ лѣтъ носятъ черепъ своего супруга, привѣсивши его на шею. Рпенсеръ тщательно развиваетъ параллелизмъ, который существуетъ между обычаями погребальными и религиозными, чтобы установить положеніе, что всякій религиозный обрядъ имѣетъ для себя источникъ въ обрядѣ погребальномъ.

Но часто въ дѣйствительности культъ предковъ смѣшивается съ культомъ религиознымъ. У фиджійцевъ тотчасъ, какъ ихъ любимые родители испустятъ послѣдній вздохъ, они занимаютъ мѣсто въ семьѣ боговъ. Во всѣхъ племенахъ можно найти примѣры этого смѣшенія предковъ съ богами. Въ Новой Каледоніи, въ Полинезіи, у кафровъ, негровъ въ Гвинее и Конго, въ обоихъ Америкахъ, у народовъ Индіи умершіе послѣдовательно доставляли новыя ряды боговъ. Римляне посвящали погребальные монументы Манамъ. Известно, что древніе спорили изъ за праха умершаго, чтобы воздвигнуть ему храмъ и быть увѣреннымъ въ его покровительство. Такъ спартіаты обманомъ похитили кости Ореста, Аеніяне похоронили кости Тезея, вырывъ ихъ на островѣ Скиросѣ.

Отъ почитанія умершихъ и ихъ останковъ, костей или мумій перешли къ почитанію ихъ изображеній и портретовъ. Такъ возникло идолопоклонство. Въ Мексикѣ, говоритъ Камарго, тщательно собираютъ пепель знаменитыхъ покойниковъ, смѣшиваютъ его съ человѣческою кровью и дѣлаютъ изъ него изображеніе умершаго, которое и сохраняютъ въ память о немъ. Кукъ сообщаетъ, что чинуки

вѣрять, что портреты суть существа сверхъестественныя, и потому они обращаются съ нами съ тѣми же церемоціями, какъ и съ умершими. Если дѣйствительно, говорить Спенсеръ, допустить, что душа покидаетъ тѣло, чтобы въслѣдствіи опять возвратиться въ него, то почему душа умершаго не можетъ возвратиться и въ искусственное изображеніе умершаго, отсюда такое изображеніе становится изображеніемъ божества.

Изъ того общаго вѣрованія, что духи посѣщаютъ предметы, имъ прежде принадлежавшіе или съ которыми они были въ соприкосновеніи, возникъ фетишизмъ. Культъ фетишей, по Спенсеру, есть культъ души, основавшей свою резиденцію въ данномъ предметѣ. Не можетъ быть фетишизма безъ вѣрованія въ духовъ. Фетишизмъ не былъ, какъ часто говорили, первымъ и самымъ слабымъ проявленіемъ религіознаго чувства у низшихъ расъ. Напротивъ, онъ обнаруживается у расъ уже развитыхъ, наприм., у индусовъ. Лайаль видѣлъ въ одной провинціи Индіи, что земледѣлецъ возносилъ молитву своему плугу, рыболовъ своему неводу, ткачъ своему инструменту.

Можно также вывести и культъ животныхъ изъ культа предковъ. Для большей части дикарей животныя представляются существами, въ которыхъ могутъ поселяться члвчскія души. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, кажется, также, что культъ животныхъ имѣеть своимъ источникомъ смѣшеніе, проистекающее изъ обычая давать людямъ имена животныхъ. Священное животное считается таковымъ, потому что оно въ дѣйствительности составляетъ одно съ близкимъ или съ отдаденнымъ предкомъ, который носилъ его имя. Согласно Банкрафту индеецъ, думающій, что онъ произошелъ отъ сѣраго медвѣдя, остерегается убивать сырыхъ медвѣдей.

Точно также культъ растений проистекаетъ изъ вѣрованія, что они суть жилища духа или по причинѣ ихъ особенныхъ (возбуждающихъ) свойствъ или потому что дурно-истолкованное проданіе представляетъ растеніе предкомъ племени. Культъ Сома былъ однимъ изъ самыхъ почетныхъ въ древней Индіи. Богомольцы, пившіе этотъ перебродившій и опьяняющій сокъ, принадлежали къ священной

касть. А мазулусы говорятъ, что Ункулинкуду, ихъ творецъ, произошелъ или отъ тростника или съ тростниковаго ложа. Это тростниковое ложе, добавляетъ Спенсеръ, есть та страна, изъ которой они вышли. Негры Конго относятся къ своимъ священнымъ деревьямъ такъ же, какъ и къ своимъ мертвецамъ. Они слагаютъ къ подножію ихъ полные мѣха съ пальмовымъ виномъ для утоленія ихъ жажды. Ирокезы по Моргану — предполагаютъ, что души пшеницы, бобовъ, гороха имѣютъ форму молодыхъ женщинъ. Это напоминаетъ культъ дріадъ классической мѣологии.

Тоже самое происхожденіе можно приписать культу великихъ силъ и великихъ произведеній природы. Если какое-нибудь племя спустилось съ горы, гора считается за отца. Народы, занимающіеся мореплаваніемъ, считаются дѣтьми моря и затѣмъ позднѣе обыкновенно море разсматриваютъ, какъ ихъ предка. Названія географическія, употребляемая какъ названія семействъ могли подать поводъ къ такому же смѣшенію. Съ звѣздами происходитъ дѣято аналогичное. Солнце, отечество завревателей, пришедшихъ съ востока, потомъ стало считаться ихъ предкомъ. Мексиканцы и чибчасы дали испанцамъ имя сыновей солнца и луны, потому что они пришли изъ страны, гдѣ восходятъ звѣзды.

Духи обожествленныхъ умершихъ становятся божествами. „Воздайте богамъ должное, писалъ Цицеронъ, это люди, оставившіе жизнь, считайте ихъ за существа божественныя“. У народовъ первобытныхъ также происходитъ смѣшеніе божественнаго съ высшимъ. Малгачи, фиджійцы, тоды называютъ богами все новое и необыкновенное. Монголы еще доселѣ почитаютъ Чингис-хана и владѣтелей изъ его потомства. Не всегда даже дожидаются смерти, чтобы поставить своихъ владыкъ въ рядъ боговъ. На островѣ Таити, у многихъ африканскихъ племенъ въ древнемъ Египтѣ, у Инковъ Америки, у Вавилонянъ, Грековъ и Римлянъ видимъ, что царей еще при жизни возводили въ рядъ боговъ.

Все, что есть великаго, сильнаго, могущественнаго или считается за таковое, все привлекаетъ почитаніе людей. Волшебники, чародѣи, знаменитые изобрѣтатели получили

божественныя почести. Въ глазахъ многихъ дикихъ бѣлые считаются за существа, стоящія выше людей. Когда Томсоу и Моффа дожелали видѣть религіозныя церемоніи ботуанскихъ женщинъ, они позволили имъ войти, крича: „вотъ боги“. Всѣ пантеоны Греціи и Рима, равно какъ и на Фиджи, наполнены обожествленными людьми.

На основаніи наблюденій придя къ заключенію о существованіи двойниковъ, дикарь далѣе пришелъ къ вѣрованію въ существованіе духовъ; продолжающихъ жить послѣ смерти тѣлъ; населилъ этими духами пространство и естественно усвоилъ себѣ взглядъ на нихъ, какъ на причину всего того, что выходитъ изъ ряда обыкновеннаго; установивъ такой взглядъ, дикарь долженъ былъ стать заискивать у этихъ духовъ, и отсюда у него возникли къ нимъ религіозныя отношенія. Такъ явились религіи 17)

Изъ изложеннаго мы видимъ, что приведенное заключеніе опирается главнымъ образомъ на факты и явленія, наблюдавшіеся въ жизни дикихъ обществъ, и если приводятся примѣры изъ древняго міра, то эти примѣры вырваны случайно, и тѣ литературныя памятники, изъ которыхъ они извлечены, не даютъ основаній для того, чтобы приписывать имъ тотъ смыслъ, который хотѣтъ находить въ нихъ эволюціонисты. Остаются факты современной этнографіи, но на основаніи ихъ нельзя писать исторіи. Для исторіи имѣются иные источники. Что же касается до этнографіи, то она развѣ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ помочь намъ понять смыслъ этихъ источниковъ. Если же мы обратимся къ положительнымъ даннымъ исторіи, то увидимъ, что явленіе религіозности представляетъ два различныя потока — одинъ народный и суевѣрный, другой — литературный и традиціонный. Народный потокъ совершаетъ свое движеніе по кругу приблизительно такъ, какъ представляетъ дѣло Спенсеръ. У различныхъ семействъ арійской расы эта эволюція была полною. Мы видимъ у нихъ культъ умершихъ, обоготвореніе силъ природы, идолатрію, фетишизмъ, божественныя почести, воздаваемыя властителямъ или знаменитымъ

17) Этотъ генезисъ религіи данъ Спенсеромъ въ его „Основахъ соціологіи“.

людямъ. Это легко можно прослѣдить въ исторіи классическихъ народовъ Греціи и Рима. Тоже самое было у аріицевъ азіатскихъ, китайцевъ, египтянъ, ассирійскихъ семитовъ, вавилонянъ, финикійнъ и вообще у народовъ западной Азіи кромѣ евреевъ.

Литературный и традиціонный источникъ представляетъ намъ совсѣмъ иное зрѣлище. У египтянъ эпохи фараоновъ посвященные въ таинства знаютъ одного Бога, единого, не-созданнаго, существующаго сущностью, неизмѣняемаго, вѣчнаго, безконечнаго и Творца всего. Позднѣе ихъ богословы, стараясь углубиться въ познаніе божественныхъ атрибутовъ, совершенно потеряли это познаніе. Въ эпоху Птолемеевъ первоначальный монотеизмъ выродился въ полный политеизмъ, и нельзя указать, въ чемъ еще оставалось обнаруженіе истиннаго понятія о Божествѣ. Что касается до народныхъ вѣрованій, то они совершили свой обычный кругъ: культъ предковъ, идолатрія, фетишизмъ, обожествленіе людей.

Первоначальные аріицы тоже имѣли понятіе о Богѣ единомъ по существу, множественномъ въ обнаруженіяхъ. Пантеизмъ индійскихъ фиджійцевъ произошелъ изъ вырожденія первоначальнаго культа. У туранцевъ и персовъ равно находятъ культъ единого Бога—Ормузда, всемогущаго, не-созданнаго и творца всего. Но это первоначальное вѣрованіе позднѣе подъ влияніемъ туранцевъ Мидіи перешло въ дуализмъ и религію маговъ.

У аріицевъ Греціи и Рима потокъ литературный не былъ сохраненъ въ храмахъ. Его нужно искать въ философскихъ школахъ. Тамъ можно найти традиціонное значеніе высшаго Бога, Бога Сенеки и Платона, который не имѣетъ ничего общаго съ народнымъ пантеономъ: („Мнѣ кажется несомнѣннымъ, говорить Арсленъ, что мудрецы и философы древности, благодаря ихъ отдаленнымъ путешествіямъ, благодаря сношеніямъ, существовавшимъ между Греціею, Египтомъ и Индіею, продолжали получать и передавать, болѣе или менѣе въ измѣненномъ видѣ, нѣкоторыя изъ первоначальныхъ преданій человѣчества“).

Въ Японіи, въ Китаѣ и въ Монголіи прежде распространенія буддизма вѣрили въ единого Бога, творца и высшаго

владыку вселенной. Въ главѣ Танъ-чи книги Шу говорится, что Шанъ-ти есть единственный владыка, что онъ есть виновникъ всего созданнаго для людей. Китайскія лѣтописи указываютъ намъ императора Шунъ въ 2225 г. предъ Р. Х., приносившаго жертвы владыкѣ неба.

У большаго числа дикихъ или варварскихъ народовъ, погрязшихъ въ суевѣрїяхъ находятъ болѣе или менѣе стертшееся и искаженное донятіе о высшемъ Богѣ. Юманъ и Нуть лопарей и самоѣдовъ, кажется, соотвѣтствуетъ Шанг-ти китайцевъ. Камчадалы имѣли бога Кутка. Дайяки—бога Тапа, готейтоты, бассутосы—Морена, австралийцы—Содан'а, Модогона, Попперибула, на Таити мы находили Таароа, въ сѣверной Америкѣ, у эскимосовъ—Торнгариэкъ, у альгонкинцевъ—Мишабо, у ирокезовъ—Агрескуе, въ южной Америкѣ у гуаресовъ—Тамонъ. Нѣкогда перуанскіе жрецы учили о существованіи высшаго бога Кама—камакъ, которому не воздвигали ни храмовъ ни идоловъ. Хроники рассказываютъ, что въ Мексикѣ царь Нецал-малькоуотель воздвигъ храмъ неведомому богу—причинъ причинъ. Полагали также, что Ацтеки почитали единого и невидимаго Бога подъ именемъ Тоонигъ (относительно Мексики къ этимъ фактамъ должно относиться съ осторожностію: они оспариваются). Можно бы значительно продолжить этотъ перечень.

Но если во всѣхъ племенахъ и встрѣчаются высокія религіозныя идеи, то мы видимъ, что они заглушаются и искажаются потокомъ народныхъ суевѣрїй. Не то у евреевъ: Оно ускользнули отъ общаго подчиненія суевѣрїямъ. Евреи, какъ и всѣ народы, склонялись къ заблужденіямъ естественныхъ религій, ихъ исторія полна описаній, тѣхъ усилій, которыя употребили ихъ жрецы и пророки, чтобы удержать ихъ отъ увлеченія и хожденія въ слѣдъ боговъ иныхъ и сохранить въ монотеистическихъ вѣрованїяхъ. У нихъ потокъ традиціонный совершенно оттолкнулъ потокъ народный.

За исключеніемъ религій ветхо-завѣтной и затѣмъ религій христіанской—всѣ религіи на своемъ историческомъ пути не прогрессировали, а регрессировали. Въ христіанствѣ регрессъ невозможенъ, ибо Божественный Основатель

христіанской церкви, укрѣпляя и питая духовно ея членовъ, не дасть одолѣть ее вратамъ адовымъ, но во всѣхъ другихъ религіяхъ мы постоянно видимъ, какъ затемняется въ нихъ хорошее, вносятся и разрастаются суевѣрія, ускользаетъ даже самая сущность религіи. Искаженіе религіи и религіозно-нравственное испаденіе обществъ производило то, что всегда являлись реформаторы, призывавшіе къ обновленію, но обновленіе, вносимое ими, обыкновенно оказывалось ненадежнымъ. Магометъ, Будда, Конфуцій поднялись съ религіозной реформой по той причинѣ, что нашли религію своихъ народовъ въ крайне жалкомъ состояніи, но они не высоко подняли эти народы. Магометъ самъ положилъ начало порчѣ своего ученія. Буддизмъ, въ началѣ бышій реформой браманизма, въ своемъ развитіи прошелъ всѣ фазы самаго болѣзненнаго мистицизма, самаго грубаго идолопоклонства и самаго страннаго фетишизма. Гдѣ же здѣсь эволюція?¹⁸⁾

Въ ряду духовныхъ способностей человѣка есть одна, достигшая высокой степени развитія наперекоръ эволюціоннымъ факторамъ, которые требовали ради пользы и выгоды уничтоженія, а не развитія, или, по крайней мѣрѣ, измѣненія характера этой способности. Разумѣемъ чувство нравственное. Сущность нравственнаго закона, сознаваемого человекомъ, какъ непосредственно присущій ему, состоитъ въ томъ, что должно дѣлать добро и избѣгать зла. Понятія добра и зла въ общемъ сходны у всѣхъ, въ частностяхъ расходятся, но замѣчательно, что всѣ народы добро и зло не отождествляютъ съ пользою и вредомъ, добро не есть только полезное, а зло не есть только вредное, нѣтъ, очень часто съ утилитарной точки зрѣнія зло могло бы быть полезно, добро же приносить только вредъ. Прекратить существованіе неизлечимо больнаго, требующаго себѣ издержекъ и ухода, было бы полезно, но однако это считается безнравственнымъ. Присвоеніе какой-нибудь собственности богатаго человѣка,

¹⁸⁾ О regressъ въ религіяхъ см. Arcehin'a L'anthropologie et la science sociale. R. Q. S. см. также „Къ вопросу о происхожденіи и развитіи религіи“ (сокращ. излож. книги герцога Аргайльскаго) Христіанск. Чтен. 1882. Январь — Апрель.

которая для него ничего не значить, было бы, конечно, полезно для бѣдняка, послѣдній можетъ даже сознавать, что изъ этой собственности онъ могъ бы извлечь и для себя, и для другихъ несравненно большіе пользы, чѣмъ ея богатый владѣлецъ, но съ другой стороны, познаніе всегда скажетъ ему, что такое присвоеніе было бы преступленіемъ. И вѣдь, такой образъ возрѣній не представляетъ собою монополіи культурныхъ людей, нѣтъ, онъ также есть принадлежность и низшихъ расъ. „Сэръ Вальтеръ Эллиотъ сообщаетъ, что курубары и санталы, варварскія племена горъ центральной Индіи, навѣстны своею правдивостью. Выраженіе „курубаръ всегда скажетъ правду“ обратилось въ пословицу. Майоръ Ржевись говоритъ, что „санталы самые правдивые изъ всѣхъ мною видѣнныхъ“. Вотъ замѣчательный примѣръ ихъ честности; нѣсколько плѣнниковъ, взятыхъ во время возстанія санталовъ, были отпущены на слово для заработка. Спусти нѣсколько времени между ними появилась холера, и они должны были оставить работу; но все вернулись и дали свои заработки стражѣ. Двѣсти дикарей съ деньгами въ ихъ поясахъ предпочли лучше пройти 30 миль и вернуться въ тюрьму, чѣмъ нарушить данное слово“¹⁹⁾. Эти примѣры взяты у Уоллеса. Подобные же примѣры приводитъ Спенсеръ. „Существуютъ горныя индусы, простые инородцы, наприм., ленхи, которые удивительно забываютъ обиды, а Катбель замѣтилъ въ этомъ фактѣ примѣръ воздѣйствія очень живаго чувства долга (обязанности) у этихъ дикарей. Тотъ характеръ, который, какъ думаютъ, долженъ бы былъ образоваться подъ вліяніемъ христіанства, мы находимъ развитымъ въ высшей степени у Орафурасовъ (папуасовъ), живущихъ въ мирѣ и питающихъ другъ къ другу братскую любовь.“ (Kolff) до такой степени, что правительство является тамъ совершенно номинальнымъ. Отноительно же различныхъ племенъ горныхъ индусовъ, какъ санталы, суры, маріасы, ленхи, бодо и диманы, различные наблюдатели удостовѣряютъ, что многіе изъ нихъ „представляютъ самое прекрасное собраніе такихъ честныхъ людей, которыхъ зара-

¹⁹⁾ Уоллесъ, Естественный подборъ, стр. 385.

иѣе никогда не встрѣчали“ . (Hunter), „преступленіе и уголовные чиновники совершенно неизвѣстны“ (Hunter), очаровательная черта ихъ характера—это ихъ совершенная преданность (Shprott), они обладаютъ замѣчательною склонностію къ преданности и честности (Hostind), они удивительно честны (Campbell), чѣстны и преданны и на словахъ и на дѣлѣ (Nadhson). Не принимая болѣе во вниманіе расы, мы находимъ эти черты у людей, которые остаются и оставались въ теченіе долгаго времени абсолютно пассивными (т. е. ихъ прошлое неизмѣнно), таковы Джанунсы на югѣ полуострова Малезіи, о которыхъ извѣстно, что они „никогда не украдутъ никакой вещи даже самой малозначительной“ (Tabre), или также газы съ Гиммалая, у которыхъ простое оскорбительное помышленіе о честности или правдивости какой-либо личности, можетъ быть достаточнымъ, чтобы довести эту личность до самоубійства (Dalton)²⁰). Говорятъ (и прежде всего самъ Спенсеръ) что, съ другой стороны, многія низшія племена представляютъ примѣры крайне легкомысленнаго отношенія къ чужой собственности и склонности къ совершенію преступленій. Но эти примѣры ничего не доказываютъ. Подобные примѣры можно указать и въ очень культурныхъ племенахъ и, увы, въ средѣ очень культурныхъ людей. Исчезновеніе у послѣднихъ нравственнаго чувства вещь объяснимая, но изъ этого, вѣдь, ничего не слѣдуетъ по отношенію къ занимающему насъ вопросу. Отсутствіе въ одномъ случаѣ какого-нибудь явленія (въ данномъ случаѣ нравственнаго сознанія) вовсе не объясняетъ присутствіе его въ другомъ. А присутствіе то въ данномъ случаѣ и требуется объяснить. Теорія эволюціи возникла на почвѣ чуждой нравственности. Ее создалъ англійскій геній, видѣвшій, что конкуренція есть законъ, которымъ движется не только вся англійская торговля и промышленность, но и вся ея англійская жизнь; считавшій пользу, какъ и всѣ англичане, высшею практическою идеею. Утилитаризмъ, предшествовавшій появленію теоріи эволюціи во времени, представляетъ собственно собою одинъ изъ ея логическихъ

²⁰) Спенсеръ, что лежитъ въ основѣ морали? Рус. Богат. 1888. № 7.

выводовъ. Спрашивается, какъ же могло, по объясненію эволюціонистовъ, развитіе безкорыстное нравственное чувство, не имѣвшее для своего развитія никакихъ побужденій и приносившее только практической вредъ? Съ точки зрѣнія теоріи эволюціи было бы вполне логично тотъ нравственный законъ, который осуществлять повелѣваетъ намъ Евангеліе, и который мы неосуществляемъ, хотя и говоримъ о его божественномъ величіи, отвергнуть и то нравственное чувство, которое изъ глубины нашей души говорить намъ объ этомъ законѣ, признать патологическимъ; при чемъ, впрочемъ, происхожденіе этого чувства не стало бы для насъ болѣе понятнымъ.

Нѣкоторые эволюціонисты говорятъ, что ихъ теорія не только не идетъ противъ нравственности, напротивъ, даетъ для нея разумное основаніе. Въ борьбѣ за существованіе, спрашиваютъ, какое племя восторжествуетъ: то ли, члены котораго враждуютъ одинъ противъ другаго и ненавидятъ другъ друга, или то, гдѣ члены любятъ другъ друга и помогаютъ въ нуждѣ одинъ другому? Царство, раздѣлившееся на ся, конечно погибнетъ, напротивъ, любовь восторжествуетъ. Нѣкоторые находятъ этотъ аргументъ настолько сильнымъ, что полагаютъ, что отъ эволюціонной морали отвращаются только тѣ, которые не знаютъ или не хотятъ понять этого аргумента. Предложимъ этимъ нѣкоторымъ для рѣшенія слѣдующую задачу: Даны два общества А и В, въ каждомъ по N членовъ полезныхъ и по M членовъ больныхъ, силы членовъ полезныхъ для простоты положимъ между собою равными, именно положимъ, что сила каждаго члена равна r. Въ обществѣ А каждый членъ обладаетъ инстинктомъ любви ко всѣмъ остальнымъ членамъ, въ обществѣ В этотъ инстинктъ видоизмѣненъ такимъ образомъ, что члены этого общества любятъ между собою только полезныхъ или могущихъ быть полезными. Это второе общество, слѣдовательно, не будетъ заботиться о своихъ негодныхъ членахъ и всю имѣющуюся у него силу Np обратитъ на служеніе своему благополучію и преуспѣянію. Въ обществѣ А часть силы будетъ неприспроизводительно расходоваться на содержаніе M негодныхъ членовъ, и потому сила этого общества, затра-

чиваемая на улучшение собственного существованія выразится не величиною Np , а Np минусъ нѣкоторый x . Какое же общество наиболее приспособлено въ борьбѣ за жизнь? Конечно общество B , а не A . Общество B и должно восторжествовать въ борьбѣ за существованіе, должна восторжествовать и его мораль — идеальная мораль эволюціонизма. Но будемъ надѣяться, что для счастья человѣчества и въ частности для счастья эволюціонистовъ этого печальнаго торжества не произойдетъ.

Идеи истины, добра и красоты, всё равно непостижимы для теоріи эволюціи. Последняя должна признавать только пользу или вредъ, приятное и неприятное. Почему же эта польза является въ одномъ случаѣ какъ прекрасное, въ другомъ, какъ доброе, путемъ какого подбора произошло то, что изъ всѣхъ сочетаній красокъ самое совершенное для человѣка оказалось то, какое онъ встрѣтилъ у Рафаэля? Почему это? Если бы эволюціонисты заявляли, что они только не объяснили этого, но объяснять въ будущемъ, тогда вопросъ о состоятельности теоріи эволюціи могъ бы еще оставаться открытымъ, но они объясняютъ, какъ мы видѣли, и объясняютъ такъ, что ясно открывается, что эти факты не только необъяснимы для ихъ теоріи, но стоятъ въ противорѣчій съ нею.

Остановимся теперь еще на одной способности, которая повидимому существуетъ и у животныхъ, и исторію развитія которой опредѣлить имѣется возможность, способность эта — языкъ. Посмотримъ, такъ ли явилась и развилась у человѣка способность рѣчи, какъ это желательно было бы эволюціонистамъ. Выше мы уже говорили немного о языкѣ животныхъ и указали на объясненіе Дарвиномъ происхожденія языка у нашихъ предковъ, опредѣлимъ теперь точнѣе, что за языкъ у животныхъ, и чѣмъ отличается отъ него языкъ человѣка. Языкъ животныхъ состоитъ изъ одной части рѣчи — междомѣтій, служитъ онъ для выраженія состояній и ощущеній самого животнаго, иногда онъ говоритъ и о какомъ-нибудь внѣшнемъ обстоятельстве, но только тогда, когда это внѣшнее обстоятельство вызываетъ въ животномъ особое настроеніе; въ последнемъ случаѣ языкъ является орудіемъ

общенія у животныхъ. Животныя, особенно птицы могутъ еще издавать звукоподражательныя восклицанія; пересмѣшникъ, наприм., можетъ передражнивать и звѣрей и птицъ, пѣвчія птицы тоже отличаются наклонностію къ подражанію: канарейки портятъ свой голосъ въ дурномъ обществѣ; совершенно неизвѣстно только, пользуются ли животныя этою послѣднею способностію какъ мы пользуемся языкомъ. (что предполагалъ Дарвинъ). Отличіе человѣческаго языка отъ языка животныхъ всѣмъ извѣстно: онъ не есть только языкъ чувствъ, какъ у животныхъ, представляющій такую же экспрессию, какъ выраженія скорби и радости; но и языкъ мыслей, на немъ выражаются сужденія и умозаключенія. Но въ чемъ его сущность и какъ онъ развился? Существовало и существуетъ много теорій происхожденія языка. Мы приведемъ двѣ — Ренана и Лепормапа.

„Человѣкъ, по Ренану, не могъ создать языка ни рефлексивнымъ путемъ, ни сознательно. Однако, слово не было ему и даромъ свыше. Остается только принять одно рѣшеніе, приписать сотвореніе его человѣческимъ способностямъ, дѣйствующимъ произвольно и въ ихъ совокупности. Потребность обозначать внѣшнимъ образомъ свои мысли и чувства прирождена человѣку. Все то, что онъ обдумываетъ, онъ выражаетъ и внѣ и внутри. Ничего нѣтъ болѣе произвольнаго въ употребленіи артикуляціи жестовъ, какъ обозначеніе идей. Не вслѣдствіе согласія или удобства; не по подражанію животнымъ человѣкъ выбралъ слово, чтобы выражать и формулировать свою мысль, но потому, что слово для него естественно, какъ со стороны органическаго произношенія, такъ и со стороны экспрессивной силы. Было бы совершенно несостоятельно разсматривать, какъ открытіе, приложеніе, которое человѣкъ сдѣлалъ изъ глаза для того, чтобы видѣть, изъ уха — для слышанія, нельзя также назвать изобрѣтеніемъ употребленіе слова, какъ экспрессивнаго знака... Употребленіе членораздѣльныхъ звуковъ есть не болѣе плодъ рефлексіи, какъ и употребленіе различныхъ органовъ, тѣла не есть результатъ опыта. Человѣкъ по природѣ есть говорящій, какъ по природѣ онъ есть и мыслящій“. Ренанъ признаетъ — это есть необходимое слѣд-

ствіе его теоріи—только два состоянія въ развитіи языка: состояніе синтетическое, которое по его воззрѣнію есть первоначальное, богатое и обильное, гдѣ отношенія идей выражались флексіями, составлявшими одно съ словомъ и тѣмъ болѣе многочисленными, чѣмъ языкъ болѣе древень. Второе состояніе аналитическое, являющееся послѣ, когда народъ, неспособный сохранять столь сложной грамматики, разбиваетъ единство измѣняемаго слова и, обозначая отношенія идей частицами или вспомогательными словами, предпочитаетъ подлѣ положеніе различныхъ частей выраженія. Ренантъ сравниваетъ эти двѣ фазы развитія съ фазами, которыя проходитъ языкъ дитяти, желающаго сначала выражать все однимъ словомъ заразъ, и которое только послѣдовательно доходитъ до болѣе или менѣе яснаго усвоенія рефлексій²¹⁾.

Совершенно иное воззрѣніе на происхожденіе языка защищаетъ Ленорманъ. „Мы видимъ, говоритъ Ленорманъ, въ языкѣ или лучше въ конкретныхъ формахъ, въ которыхъ онъ является въ языкахъ, человѣческія произведенія, созданныя свободнымъ упражненіемъ и истекающія изъ внутренней прирожденной способности, которую Творецъ, создавая, надѣлилъ человѣка. Но мы допускаемъ въ тоже время въ первоначальныхъ явленіяхъ, обозначившихъ первое твореніе языка, широкую долю произвольности, не отдававшей себѣ отчета въ собственныхъ успѣхахъ, интуиціи почти инстинктивной. Первобытный челоѣкъ образовалъ свой языкъ безъ усилія, безъ опредѣленнаго сознанія операций рефлексіи, производившихся произвольно и инстинктивно, и особенно не ища тамъ типа логическаго, предсуществоващаго его духу. Поэтому Тюрго съ правомъ могъ сказать въ 1750 г., что языки по ихъ происхожденію не суть дѣло разума, представленнаго самому себѣ. Точно такъ же, какъ и всѣ инстинкты, ослабѣвающіе по мѣрѣ того, какъ увеличивается разумъ, способность языка мало-по-малу истощалась въ своей творческой силѣ, и сознательный разумъ

²¹⁾ Свой взглядъ на происхожденіе языка Ренантъ изложилъ въ сочиненіи „Origine du langage“ 1848, изданномъ снова въ 1864. Мы изложили его теорію по Ленорману (L'Hist. anc. p. 319—321).

постепенно подставляя свои правила и свои рефлексивныя операціи взаимнѣ непосредственныхъ результатовъ чело-вечскаго произвола. Онъ царствовалъ въ высшей мѣрѣ при созданіи и развитіи грамматики языковъ. Въ началѣ существованія человечества, какъ это доказалъ Штейнталь, душа и тѣло были въ такой тѣсной зависимости одна отъ дру-гой, что все движенія души имѣли эхо въ тѣлѣ, главнымъ образомъ въ органахъ дыханія и голоса. Эта симпатія тѣла и души, которая замѣчается еще въ дѣтихъ и дикаряхъ, была внутреннею и плодотворною, каждая интуиція, каждая идея будила въ тѣлѣ соответствующій звукъ или акцентъ. Каждая эмоція, каждое усиліе, каждый актъ воли или чувствительности рефлексировались сначала въ звукъ въ междо-метіи. Это междометіе, часто раздражительное по отношенію къ звуку, его произведшему, шуму камня, шелесту дерева, крику животнаго (то, что называютъ матіопіей), становится знакомъ движенія души, которымъ оно было вызвано, и зна-комъ той идеи, которая есть слѣдъ того, что это движеніе осталось въ душѣ. Здѣсь дѣйствовалъ законъ ассоціаціи идей. Въ силу этого закона звукъ, сопровождающій интуи-цію или идею ассоциировался въ душѣ съ интуиціею или самою идеею, хотя оба представлялись равно неотдѣлимыми для сознанія; равно были нераздѣльны въ воспоминаніи. Звукъ явился такимъ образомъ связью между образомъ, получае-мымъ въ видѣніи и образомъ, сохраняемымъ въ памяти; другими словами онъ приобрѣталъ значеніе и ста-новился элементомъ языка. Дѣйствительно образъ воспоми-нанія и образъ видѣнія не тождественны. Я вижу лошадь. Никакое изъ животныхъ, которыхъ я видѣлъ когда-либо, несходны съ ней вполне по цвѣту, величинѣ и т. д. Общее понятіе, представляемое словомъ лошадь, единственно заклю-чаетъ общія черты для всехъ животныхъ того же вида. Это нѣчто общее и есть то, что представляетъ обозначеніе звука²²⁾.

Ни теорія Генана, ни теорія Лепормана не согласуются вполне съ взглядомъ Дарвина на происхожденіе языка, хотя

²²⁾ Lenormant, I. Hist. anc. p. 322—323.

Ленорманъ въ этомъ отношеніи стоитъ гораздо ближе къ Дарвину, чѣмъ Ренанъ. Теорія Ренана едва ли принимается кѣмъ либо въ настоящее время, потому что филологи держатся того мнѣнія, что первоначальные языки не имѣли флексій; теорія Ленормана принимается съ изгнаніемъ ученія о языкѣ, какъ особой способности, дарованной Богомъ человѣку. Но если съ нѣкоторымъ правомъ ученія Ренана и Ленормана можно противопоставить ученію Дарвина, какъ показывающія, что послѣднее удовлетворяетъ не всѣхъ, то съ тѣмъ большимъ правомъ и Ренану и Ленорману и Дарвину можно противопоставить соображенія о происхожденіи языка М. Мюллера, соображенія, показывающія, что первоначальный языкъ не представляетъ собою собранія междометій и звукоподражаній, и состояніе его не было синтетическимъ. М. Мюллеръ обращаетъ вниманіе на то, что корни языковъ — не звукоподражанія и не междометія. Правда, въ каждомъ языкѣ существуютъ названія, очевидно, составленныя по звукоподражанію, но эти слова, какъ искусственные пѣвцы, безплодны и неспособны выразить что либо кромѣ того, чему подражаютъ, таково, на примѣръ слово кукушка (Кукук). Что касается до производства нашихъ словъ отъ междометій, то оно разбивается о то обстоятельство, что сами междометія произошли отъ глаголовъ. Прежде насчитывали много междометныхъ и звукоподражательныхъ словъ, но филологическій анализъ опровергъ этотъ взглядъ. Приведемъ примѣры. Думали, что въ англійскомъ словѣ „thunder“ слышится подражаніе раскатывающемуся грому. о которомъ древніе германцы утверждали, что его производитъ Терь, играющій въ кегли. Но „thunder“ одного начала съ латинскимъ „tonitrus“. Начало это *tan* натягать, натягивать. Отъ корня *tan* происходитъ греческое „*Τόνος*“ — тонъ, производимый колеблющеюся струной. Въ санскритскомъ звукъ понятіе грома обозначается тоже словами, имѣющими корень *tan*, но въ самыхъ словахъ „*tanu*“, „*tanuatu*“, очевидно совсѣмъ не слышно раскатывающагося грома. Отъ этого же корня происходятъ въ латинскомъ, англійскомъ, французскомъ и другихъ языкахъ рядъ словъ, обозначавшихъ сначала растягивать на большомъ простран-

ствѣ (tener, tender, tendre), а затѣмъ тонкое, нѣжное (tenuis, thin). Все это показываетъ, что въ первоначальномъ корнѣ слова „thunder не было совсѣмъ премучаго шума. Точно также отъ междометія „фуй“, будто бы инстинктивно вырывающагося при ощущеніи дурнаго запаха, пытались произвести и англійское „foul“ — скверный, „filth“ — грязь и перенося это отъ естественнаго отвращенія къ нравственному, даже „fiend“ — врагъ и нѣмецкое „Feind“. Если бы это было справедливо, то должно бы было предположить, что выраженіе презрѣнія главнымъ образомъ заключалось въ звукѣ ф; но „fiend“ есть причастіе отъ корня „fian“ — ненавидѣть, готскаго „fijan“, тотъ же корень существуетъ въ санскритскомъ piu (по закону перехода готской придыхательной въ тонкую) — ненавидѣть. Но такъ какъ англійскій языкъ произошелъ отъ санскритаго, а не наоборотъ, то понятно, что междометіе „фуй“, никомъ образомъ не можетъ считаться корнемъ для „fian“ и „fiend“.

По междометной и звукоподражательной теоріи корни языковъ суть обозначенія единичныхъ предметовъ, но филологическій анализъ показываетъ, что изъ корней языка каждый выражаетъ общую, а не частную идею, каждое имя содержитъ сказуемое, чрезъ которое и познается предметъ, обозначаемаый этимъ именемъ. Всѣ названія первоначально выражали одинъ изъ многихъ атрибутовъ предметовъ, и этотъ атрибутъ, выражалъ ли онъ качество или дѣйствіе, былъ неперемѣнно общимъ понятіемъ. Слово, образованное такимъ образомъ, сначала прилагалось къ одному предмету, хотя почти тотчасъ оно распространялось на весь классъ предметовъ сходныхъ съ первоначальнымъ. Понятно, что въ различныхъ мѣстахъ различные люди называли различными именами одинаковые предметы, смотря по тому, на какіе признаки ихъ они обращали вниманіе. Мало этого. Нѣскольکو лицъ, встрѣтившихъ новый предметъ въ одномъ мѣстѣ, могли дать ему нѣскольکو наименованій. Отсюда выходило то, что сначала должно было явиться множество словъ: новые предметы являлись часто, названія имъ давали быстро. Впослѣдствіи между этими названіями должна была возникнуть борьба за существованіе, и въ процессѣ сохра-

ненія и вымиранія словъ долженъ былъ дѣйствовать отборъ. Такъ, дѣйствительно, и было: въ древнѣйшемъ санскритскомъ языкѣ оказывается 26 названій для змѣи, 33 — для убійцы, 35 — для оупя, 37 — для солнца²³), въ дальнѣйшемъ, мы видимъ, большинство этихъ названій исчезаетъ изъ житейскаго обихода. Всѣ эти факты филологіи дали основанія М. Мюллеру составить теорію происхожденія языка, приведенную нами при разсмотрѣніи библейскаго повѣствованія о сотвореніи человѣка.

Сущность гипотезы М. Мюллера во всякомъ случаѣ симпатична тому, кто вѣруеть въ совершенство первобытнаго чловѣка. Но и оставляя въ сторѣцѣ то, что въ его теоріи есть гипотетическаго, мы видимъ, что тѣ положенія, которыя установлены въ филологіи (корни суть понятія качества или дѣйствія), совершенно сокрушаютъ въ корнѣ попытку произвести чловѣка отъ животнаго. М. Мюллеръ не противникъ дарвинизма, онъ признаетъ борьбу за существованіе и отборъ въ исторіи языка, но неотразимая сила фактовъ заставила признать его на основаніи лингвистическихъ изысканій существованіе между животными и чловѣкомъ непроходимаго Рубикона.

Ограничимся этими замѣчаніями объ особенностяхъ духовной организаціи и духовнаго развитія чловѣчества. Приведенное, думаемъ, ясно показываетъ: 1) что чловѣкъ не могъ произойти отъ животнаго, 2) что онъ отъ него не произошелъ. Разсмотрѣніе данныхъ наукъ собственно естественныхъ, равно какъ и данныхъ доисторической археологіи, какъ мы видѣли выше, показало намъ 1) что въ наукѣ нѣтъ указаній и основаній для признанія животнаго происхожденія чловѣка, 2) что наука дастъ много основаній утверждать, что чловѣкъ не могъ произойти отъ животнаго. Такимъ образомъ мысль о непосредственномъ созданіи чловѣка Богомъ встрѣчаетъ для себя гораздо больше подтвержденій въ природѣ, чѣмъ мысль о томъ, что чловѣкъ произведенъ природою. Есть еще рядъ основаній, подтвер-

²³) Эти соображенія и примѣры взяты изъ Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache von M. Müller.

ждающихъ билейское ученіе о происхожденіи человѣка, но прежде, чѣмъ перейти къ нимъ, мы покончимъ съ сочиненіями, которыя собственно разсуждали о животномъ происхожденіи человѣка. Когда мы разбирали дарвиновскую теорію происхожденія человѣка, мы старались по возможности не оставить безъ вниманія ни одного аргумента въ ея пользу и при этомъ намъ приходилось эти аргументы отыскивать часто не въ сочиненіяхъ о происхожденіи человѣка, а въ сочиненіяхъ, написанныхъ подъ влияніемъ эволюціонной теоріи происхожденія человѣка. Нельзя поэтому не отмѣтить того страннаго обстоятельства, что книги о происхожденіи человѣка менѣе, чѣмъ другія сочиненія защищаютъ выставленный тезисъ.

Важнѣйшее изъ сочиненій, посвященныхъ генеалогіи человѣка, конечно: „О происхожденіи человѣка и подборъ по отношенію къ полу“ Дарвина 2 тома. Оказывается, однако, что собственно вопросу о происхожденіи человѣка посвящена только первая часть перваго тома, $\frac{3}{4}$ сочиненія посвящены доказательству существованія въ природѣ полового подбора и разсмотрѣнію влияния этого подбора на прогрессированіе организмовъ. Дарвинъ имѣлъ слабость считать свои книги сплошнымъ аргументомъ²⁴⁾, но позволительно усумниться, чтобы его книга о происхожденіи человѣка убѣдила кого-либо кромѣ тѣхъ, которые были убѣждены раньше. По идеѣ его сочиненіе должно бы было быть сплошнымъ доказательствомъ происхожденія человѣка отъ животныхъ типовъ, но оно далеко не соответствуетъ этой идеѣ. Во 1) подвой подборъ, введенный въ нее авторомъ, могъ бы и даже долженъ бы былъ вынесенъ въ особое сочиненіе, какъ это Дарвинъ нашелъ нужнымъ сдѣлать для своего разсужденія „О выраженіи ощущеній“. Въ настоящемъ изданіи приклейка этого подбора производитъ чрезвычайно странное впечатлѣніе. Намъ кажется, это присоединеніе трактата о подборѣ похожа здѣсь на то, какъ если бы кто задался цѣлю доказать въ элементарномъ учебникѣ физики теорему объ отра-

²⁴⁾ См. Сѣв. Вѣстникъ 1888. № 7. Жизнь Ч. Дарвина, рассказанная имъ самимъ.

женіи свѣта отъ параболическихъ и гиперболическихъ зеркалъ и для этой цѣли, присоединилъ бы къ изданію физики курсъ аналитической геометріи. Безъ сомнѣнія это было бы странно, такую странностію поражаетъ насъ и книга Дарвина. Но это во всякомъ случаѣ только форма. Важно иное. 2) и сторонникъ и противникъ дарвинизма, конечно, въ книгѣ озаглавленной „Происхожденіе человѣка“ долженъ надѣяться увидѣть собраніе по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ аргументовъ въ пользу этой теоріи. Однако, мы этого не находимъ у Дарвина. Онъ ограничивается при разсужденіи о физической организаціи человѣка приведеніемъ только побочныхъ основаній въ защиту своего тезиса (рудиментарные органы, атавизмъ, эмбриологія) и почти игнорируетъ по непонятной причинѣ данныя палеонтологіи и наличной дѣйствительности (сравненіе высшихъ животныхъ типовъ съ низшими человѣческими). При разсужденіи о духовномъ развитіи человѣка онъ опять опускаетъ прямые доводы въ пользу своего положенія, онъ не изслѣдуетъ археологическія памятники человѣческаго творчества, постепенное развитіе индустріи, онъ исключительно витаетъ въ области возможностей (возможно, что антропоидъ сталъ подражать крику льва, и такъ образовался языкъ; возможно, что, разбивая что-нибудь камнемъ, онъ разбилъ и камень на острые осколки, которыми и воспользовался, и явились искусственныя орудія) и аналогій (со всѣмъ животнымъ міромъ). Онъ не дѣлаетъ того, что онъ необходимо долженъ бы былъ сдѣлать, онъ не устанавливаетъ психической лѣстницы существъ въ восходящемъ порядкѣ (слонъ, собака, лошадь, обезьяна, муравей; кто умнѣе?), онъ не показываетъ, какъ въ дѣйствительности совершалось или совершается психическое развитіе въ организмахъ. Безъ сомнѣнія, онъ самъ сознавалъ, что его доводы, взятые сами по себѣ не отличаются убѣдительностію, что можно предположить много иныхъ объясненій для тѣхъ явленій, которыя, по его мнѣнію, представляютъ собою печать низшаго происхожденія человѣка. Весьма вѣроятно, что въ происхожденіи человѣка отъ обезьяноподобнаго животнаго Дарвинъ убѣдился не своими аргументами, приведенными въ книгѣ, посвященной этому предмету,

а своею книгою „о происхожденіи видовъ“. Тамъ имъ было высказано, что, если теорія эволюціи справедлива по отношенію къ животному міру, то она должна быть справедлива и въ отношеніи къ человѣку, и въ сочиненіи „О происхожденіи человѣка“ онъ постоянно повтѣряетъ: кто вѣритъ въ принципъ постепеннаго развитія, тотъ долженъ повѣритъ и въ животное происхожденіе человѣка. Однако, кажется и вѣря въ эволюцію животнаго міра, можно не вѣритъ въ животное происхожденіе человѣка. Къ этому, какъ мы видѣли, въ нѣкоторой степени склоняется Уоллсъ. „Если г. Дарвинъ, говоритъ онъ, не является антидарвинистомъ, когда онъ утверждаетъ, что, быть можетъ, растенія и животныя не имѣли общаго предка, и что, слѣдовательно, ихъ происхожденіе могло быть обусловлено и инымъ способомъ, а не путемъ естественнаго подбора, то я столь же мало могу считаться отрицателемъ дарвинизма, когда показываю, что у человѣка нѣкоторыя явленія не могутъ быть вполне объяснены естественнымъ подборомъ и повидимому указываютъ на существованіе какого-то высшаго закона²⁵⁾ Уоллсъ все таки признаетъ естественное происхожденіе человѣка, но многіе, признавая эволюцію въ животномъ мірѣ, не признаютъ естественнаго происхожденія человѣка (таковы нѣкоторые католическіе апологеты, наприм., Pésnel допускаетъ возможность эволюціи въ животномъ мірѣ, Domergue даже настаиваетъ на ея существованіи). Въ виду всего этого безъ преувеличенія можно сказать, что Дарвинъ своею книгою о происхожденіи человѣка далъ очень немного новыхъ опоръ эволюціонному ученію о происхожденіи человѣка—въ сущности только одну—половой подборъ, но уже Геккель игнорируетъ половой подборъ въ своихъ сочиненіяхъ. Книга Дарвина получила широкое распространеніе въ Россіи, но такой успѣхъ ея объясняется ея темою, а не раскрытіемъ темы.

Книга Фогта защищаетъ полифилитическое происхожденіе человѣка. Мы видѣли, что съ точки зрѣнія Дарвина эта

---

²⁵⁾ Отвѣтъ на возраженія, сдѣланныя Эдуард. Клопаредомъ стр. 420.

теорія представляется несостоятельною. Въ книгѣ Фогта кромѣ защиты полигенизма нѣтъ ничего, что бы заслуживало особаго обсужденія, но на сочиненіяхъ Геккеля, должно нѣсколько остановиться. Геккель, какъ было показано, представилъ подробнѣйшую генеалогію человѣка, основываясь на данныхъ эмбриологіи. Мы уже видѣли, какъ опасно строить на ея данныхъ подобныя теоріи, видѣли изъ изложенія теоріи Келликера, Негели, Вейсмана, что многіе эволюціонисты, устанавливая новыя родословныя, не признають за эмбриологіею того значенія, которое приписываетъ ей Геккель. Особенно важно такое отрицаніе со стороны Келликера, по сознанию всѣхъ компетентнѣйшаго эмбриолога. Но наиболѣе любопытно то, что самая эмбриологія того же профессора, оказывается, грѣшитъ противъ правды, и что также грѣшатъ противъ правды и его представленія о нѣкоторыхъ животныхъ и ихъ организаціи. Антропогенія Геккеля вышла въ 1877 г., а въ 1878 г. сторонникъ же дарвинизма Брока разбилъ ее, не упоминая о ней, своимъ сообщеніемъ о плацентѣ лемууровъ, прочитаннымъ предъ антропологическимъ обществомъ. Извѣстно, что существеннымъ элементомъ плаценты у однопроходныхъ млекопитающихъ представляютъ сосудистыя волокна, которыя составляются двумя совершенно различными способами. То они разнообразно разсѣяны по всей поверхности яйца, тогда плаценту называютъ сосудистой или разсѣянной, то они занимають только часть поверхности яйца, тогда плаценту называютъ описанною (*circonscrit*—ограниченною). Ограниченныя плаценты называются поясовидными или дискоидными согласно съ ихъ строеніемъ. У всѣхъ приматовъ, человѣка и обезьянъ (*pithecia, cebus*), плацента дискоидна. Другая важная особенность, свойственная ограниченнымъ плацентамъ состоитъ въ существованіи члена *caduque* (*decidua*), яйцевой оболочки, по своей природѣ являющейся ничѣмъ инымъ, какъ преобразованной слизистой оболочкой матки,—которая покрываетъ яйцо и извергается вмѣстѣ съ нимъ. Животныя у которыхъ она существуетъ, называются *deciduates*. Генеалогія человѣка построена Геккелемъ главнымъ образомъ на изученіи плаценты и *decidua*, на предпо-

ложеніи, что лемуры имѣютъ decidua и дискообразную плаценту. Но Брока сообщилъ, что Альфонсъ Мильнъ Эдвардсъ вмѣстѣ съ Грандидье опубликовалъ трудъ о млекопитающихъ Мадагаскара, и что оказалось, что лемуры не имѣютъ decidua и что ихъ плацента есть волнистая и разсѣянная. Въ основаніе этого сообщенія Брока представилъ антропологическому обществу матку и яйцо лемурной самки, на которыхъ можно констатировать точность факта, сообщеннаго Мильнъ Эдвардсомъ ²⁶⁾ Геккелю не остается ничего, какъ измѣнить свою родословную. Измѣнять ее ему, впрочемъ, пришлось бы часто, если бы онъ захотѣлъ руководиться дѣйствительными научными открытіями. Такъ въ послѣдніе годы изученіе асцидій ²⁷⁾ показало, что согласно теоріи эволюціи на асцидій должно смотрѣть, какъ на организмы регрессировавшіе, происшедшіе отъ какихъ-то высшихъ предковъ, а вовсе не какъ на одно изъ связующихъ прогрессирующихъ звеньевъ, какъ смотритъ на нихъ Геккель. Самое лучшее для Геккеля отказаться отъ своихъ гаданій о предкахъ человѣка, сказать, что онъ не знаетъ, какъ произошла человѣкъ, тогда онъ по крайней мѣрѣ избѣжалъ бы печальной необходимости говорить постоянно такія вещи, которыя непосредственно послѣ произнесенія ихъ оказываются ложью.

Книга Снеля по всей вѣроятности пройдетъ безслѣдно, ею утверждается, что человѣкъ произошелъ отъ какихъ то никому невѣдомыхъ предковъ, и что изъ нынѣ существующихъ организмовъ не существуетъ никакихъ, которые были бы родственны человѣку. Снель отрѣзываетъ пути для проверки его теоріи, и послѣдняя являясь совершенно фантастичною, понятно не можетъ привлекать къ себѣ людей въ нашъ положительный вѣкъ.

Дѣлая замѣчанія о книгахъ, посвященныхъ всецѣло вопросу о происхожденіи человѣка, нельзя не сдѣлать замѣ-

²⁶⁾ Arcelin, la genealogie de l'homme d'après M. Haeckel et le placenta des Lémuriens R. Q. S. 1878. T. F.

²⁷⁾ История развитія ихъ изложена нами въ 6 главѣ, см. также Русск. Мысль 1888 г. № 5. Успѣхи Біологій.

чаній и о своеобразныхъ мнѣніяхъ, высказанныхъ объ этомъ Ляйэлемъ и Уоллэсомъ въ сочиненіяхъ имѣющихъ собственно иной предметъ изслѣдованія.

Мысль Ляйэля о томъ, что при происхожденіи человѣка отъ животныхъ типовъ произошелъ скачекъ, не согласуется съ строгимъ дарвинизмомъ и сама по себѣ является несостоятельною. Ляйэль при разсужденіи о происхожденіи человѣка ссылается на примѣръ гениевъ, происходящихъ отъ обыкновенныхъ людей, но онъ забываетъ, что гениальность не передается въ потомство, и что часто отъ гениальныхъ людей рождались дѣти съ очень посредственными способностями. Онъ упускаетъ, съ другой стороны, дѣйствіе скрещиванія, которое, если гдѣ, то здѣсь прежде всего должно произвести свое губительное вліяніе. Геній одинокъ и, конечно, не было никакой возможности гениальному (сравнительно съ антропоидами) антропоиду выбрать себѣ гениальную подругу и совершенно обособиться отъ остальныхъ особей своего племени; отсюда ему не было никакой возможности передать неповрежденною свою гениальность своимъ потомкамъ.

Мнѣніе Уоллэса не нашло себѣ послѣдователей. Оно представляетъ собою нѣчто среднее между ученіемъ о твореніи и ученіемъ эволюционнымъ и, какъ большинство компромиссовъ, никого не примиряетъ и никого не удовлетворяетъ. Мы видѣли при разборѣ дарвиновской теоріи, что тамъ, гдѣ Уоллэсъ хотѣлъ видѣть зачаточные органы, дарованные человѣку для того, чтобы способствовать его дальнѣйшему развитію, нужно видѣть органы полуатрофировавшіеся и атавистическіе. Приведемъ теперь замѣчаніе Дарвина на теорію Уоллэса. „М-ръ Уоллэсъ, говоритъ Дарвинъ, полагаетъ, что такая то разумная сила должна была руководить развитіемъ человѣка или опредѣлять его, и, по его мнѣнію, безволосое состояніе кожи тоже подходитъ подъ эту категорію. Достопочтенный Т. Р. Стебинъ, разбирая это воззрѣніе, замѣчаетъ, что, если бы м-ръ Уоллэсъ пустилъ въ дѣло свойственную ему изобрѣтательность относительно вопроса о безволосомъ состояніи кожи человѣка, онъ бы увидалъ возможность подбора для этой особенности на основаніи большей красоты или здорovia, сопряженнаго съ

• большею чистоплотностью. Во всякомъ случаѣ удивительно, что онъ воображаетъ себя высшій разумъ, вырывающимъ волоса на спинахъ дикарей (которымъ, по его собственному признанію, они полезны и необходимы) для того, чтобы потомки бѣдныхъ щипанныхъ жертвъ послѣ множества смертныхъ случаевъ, вслѣдствіе холода и сырости, могли наконецъ подняться по лѣстницѣ цивилизаціи изобрѣтеніемъ различныхъ искусствъ по способу, указанному м-ромъ Уолласомъ“.²⁸⁾ Сохраняя сомнѣніе относительно возможности при помощи изобрѣтательности Уоллеса объяснить происхождение безволосой кожи человѣка, мы вполне присоединяемся къ замѣчанію, что лишеніе обезьяноподобныхъ предковъ челоѣчества волосъ на кожѣ не могло быть дѣломъ, высшего разума.

Гипотеза Нодена не подвергалась критическому разбору. Несомнѣнно, что она стоитъ въ противорѣчій съ Библіею и не имѣетъ для себя опоръ въ наукѣ. Ноденъ опирается на аналогію, но внимательное разсмотрѣніе фактовъ, отмѣчаемыхъ имъ, позволяетъ утверждать, что его теорія не имѣетъ для себя опоръ и въ аналогіи. Ноденъ утверждаетъ, что каждый изъ существующихъ видовъ и въ частности видъ homo произошелъ отъ нѣкоторыхъ предковъ, которые по отношенію къ нему были тѣмъ же, чѣмъ наприм., являются личинки по отношенію къ насѣкомымъ. Но Ноденъ упускаетъ изъ виду, что вѣдь, насѣкомыя и въ настоящее время выходятъ изъ личинокъ, и что вообще нигдѣ нельзя найти никакихъ указаній того, что какіе либо организмы въ прошедшемъ происходили инымъ образомъ и отъ иныхъ предковъ, чѣмъ какъ и отъ кого они происходятъ въ настоящее время. Отсюда у Нодена исчезаетъ и аналогія, и вся его теорія является чисто фантастическимъ, а не научнымъ построеніемъ. Послѣдователей она не имѣетъ.

Какъ на послѣднее слово эволюціонистовъ по вопросу о происхожденіи человѣка, мы указали на лекцію Тоцинара. Эта лекція знаменательна. Она содержитъ въ себѣ горестное для эволюціонистовъ признаніе, что ученіе о происхож-

²⁸⁾ Дарвинъ, о происх. челоѣка Т. 2 стр. 418—419.

деніи челоуѣка отъ животныхъ, не имѣеть для себя научныхъ опоръ, что источникъ его — невѣріе (въ Юпитера или Іегову.). Такой источникъ, понятію, еще самъ по себѣ можетъ быть предметомъ споровъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ переносится на другую почву: должно ли вѣрить во вѣдѣніа Бога, въ промыслъ, въ чудо. Топинаръ и другіе эволюціонисты рѣшили этотъ вопросъ отрицательно. Это дѣло ихъ разума и совѣсти. Но, зачѣмъ же въ такомъ случаѣ они допускають такой нечестный образъ дѣйствій, заявляя людямъ незнакомымъ съ наукою, что наука открыла, что челоуѣкъ произошелъ естественнымъ образомъ, что наука открыла, что Библия — вздоръ? Наука не открывала этого. Это подсказала имъ ихъ матеріалистическая метафизика, претензіи которой на солидарность съ наукою можно оспаривать, по многимъ и серьезнымъ основаніямъ.

ГЛАВА VIII.

Рядъ доводовъ, опровергающихъ эволюціонную теорію происхожденія челоуѣка, почерпаемыхъ изъ данныхъ о времени и мѣстѣ появленія челоуѣка, и первоитной исторіи челоуѣчества. Разсмотрѣніе данныхъ геологии, палеонтологіи и археологіи о древности челоуѣческаго рода. Открытія въ Швеціи. Отложенія Соммы, миссисипской дельты и Нила. Введеніе въ обманъ Витнея: Тиньерскій конусъ. Находки на берегу Ладожскаго озера. Открытіе слѣдовъ челоуѣка подъ известковыми отложеніями (сталактитовъ и сталагмитовъ) въ пещерахъ. Древность свайныхъ построекъ. Открытіе Кервиллеромъ даты начала неолитической эпохи въ западной Франціи. Разборъ палеонтологическихъ доказательствъ древности челоуѣка. Быстрота смѣны фауны и флоры въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Неправильность классификаціи Ларте эпохъ существованія челоуѣка по фаунѣ. Разсмотрѣніе данныхъ археологіи о древности челоуѣческаго рода. Многочисленность случаевъ индустріальнаго регресса. Ходъ культуры по Библии. Недавнее употребленіе во многихъ мѣстахъ каменныхъ орудій. Синхронизмъ неолитической и металлической эпохъ въ Европѣ. Предшествованіе имъ эпохи палеолитической. Появленіе челоуѣка въ Европѣ послѣ или до крайней мѣры въ концѣ ледниковой эпохи.

Въ качествѣ доводовъ, опровергающихъ эволюціонную теорію происхожденія челоуѣка и подтверждающихъ ученіе Библии, важное значеніе имѣють данныя о времени и

мѣстъ происхожденія чловѣка и первобытной исторіи чловѣчества. Эволюціонною теорією, какъ извѣстно, необходимо предполагается глубокая древность рода чловѣческаго и чрезвычайно медленное и постепенное движеніе чловѣчества отъ состоянія животнаго къ состоянію собственно чловѣческому. Данныя антропологіи, напротивъ, представляютъ, какъ мы постараемся показать, что родъ чловѣческій явился на землѣ недавно, и что люди явились прямо съ тѣми характеристичными признаками, которые всегда отмѣчались, какъ доказывающіе существованіе не переходимой грани между мірами животнымъ и чловѣческимъ. Вопросъ о древности чловѣческаго рода можно считать сравнительно наиболѣе разработаннымъ, правда не въ томъ смыслѣ, что ученые пришли къ соглашенію относительно даты появленія на землѣ чловѣка, а въ томъ, что собрано чрезвычайно много данныхъ для относительнаго опредѣленія, послѣ чего и раньше чего чловѣкъ явился на землѣ. Не всѣ эти данныя одинаковаго порядка. Безпристрастіе обяываетъ отмѣтить, что существуютъ единичные факты, наводящіе на мысль о глубокой древности чловѣка, но во 1) число этихъ фактовъ весьма незначительно, во 2) они во всякомъ случаѣ вполнѣ объяснимы и при допущеніи недавняго появленія чловѣка, хотя, при этомъ, конечно, для объясненія нужно прибѣгать къ предположенію исключительныхъ обстоятельствъ, въ 3) предположеніе, что они доказываютъ глубокую древность чловѣка при сопоставленіи съ безчисленнымъ количествомъ фактовъ иного порядка, показывающихъ, что совершенно тождественныя явленія въ жизни чловѣчества происходили весьма недавно, приводитъ къ страннымъ и нелѣпнымъ выводамъ. Оставляя въ сторонѣ утомительныя и лишнія подробности, мы постараемся показать, что существуетъ много и достаточныхъ данныхъ опредѣлять моментъ появленія чловѣка на землѣ, какъ на отстоящій отъ нашего времени на немного тысячелѣтій. Весьма знаменательно, что особенно изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ подтверждаютъ это положеніе. Что касается до другаго вопроса о мѣстѣ появленія перваго чловѣка, то должно признать, что для научнаго ршенія его не существуетъ достаточныхъ и твер-

дыхъ данныхъ. Однако, если, руководясь имѣющимъ матеріаломъ, все таки строить гипотезы о прародинѣ человѣчества, то, какъ на такую прародину, можно указать только на мѣстности средней Азіи, т. е. тѣ мѣстности, на которыя указываетъ намъ и Библия. Болѣе матеріала имѣется для сужденія о первобытной исторіи человѣчества. Кромѣ данныхъ палеонтологической антропологии и доисторической археологии, матеріаломъ для сужденія о примитивномъ чело- вѣчествѣ должно признать преданія чело- вѣчества. Эти преданія искажались, измѣнялись и обезображивались подъ вліяніемъ историческихъ условій жизни народовъ, однако у большинства народовъ жившихъ сравнительно въ счастли- выхъ условіяхъ и не испавшихъ до крайней дикости— они сохранили и элементы истины. Оказывается, что у народовъ, преданія которыхъ изучены, намѣчается оди- наковымъ образомъ ходъ первобытной культуры чело- вѣчества, далѣе у нихъ отмѣчаются одни и тѣже событія, о которыхъ при томъ и рассказывается часто въ весьма сходныхъ выраженіяхъ. Сравнительное изученіе такихъ преданій заставляетъ предполагать, что они представляютъ собою отголосокъ историческихъ событій, именно тѣхъ со- бытій, о которыхъ повѣствуется намъ въ первыхъ один- надцати главахъ книги бытія.

Попыткѣ доказать, что научныя данныя для сужденія о времени и мѣстѣ появленія чело- вѣка и первобытной исторіи чело- вѣчества опровергаютъ эволюціонную теорію происхо- жденія чело- вѣка, и будетъ посвящена остальная часть нашего сочиненія. Мы займемся вопросомъ о времени появленія на землѣ рода чело- вѣческаго. Можно указать шесть ро- довъ данныхъ для сужденія о древности чело- вѣчества, именно: данныя, представляемыя 1) геологіею, 2) палеонто- логіею, 3) археологіею, 4) этнографіею, 5) лингвистикою и 6) исторіею. Здѣсь мы рассмотримъ данныя геологическія, палеонтологическія и археологическія.

По мнѣнію многихъ ученыхъ несомнѣнныя доказательства глубокой древности чело- вѣка были представлены геологиче- скими изслѣдованіями въ Швеціи. Когда въ 1719 году вырыли каналъ, сообщающій озеро Меларъ съ Балтійскимъ

моремъ, въ Седертельгѣ — городкѣ, расположенномъ въ километрахъ 25 къ югу отъ Стокгольма открыли развалины хижины рыбака, во внутренности которой оказался очагъ, устроенный изъ камней, положенныхъ кругомъ и имѣющій около себя пещель и уголья. Хижина была деревянная съ каменнымъ фундаментомъ. Она оказалась, по словамъ Ляйэля зарытою на 18 метровъ глубины въ глиняно-песочныхъ пластахъ, очевидно, образовавшихся въ лонѣ водъ или морскихъ или покрайней мѣрѣ, солоноватыхъ, вѣроятно, у устья какой нибудь рѣки, какъ показывала природа найденныхъ тамъ раковинъ. Для объясненія погруженія хижины въ песокъ и глину Ляйэль предположилъ постепенное опусканіе и затѣмъ поднятіе почвы на томъ мѣстѣ. Вслѣдствіе опусканія хижина, построенная сначала на берегу моря, оказалась, конечно, спустя громадное время на днѣ моря, тогда на нее начали опускаться морскія отложенія и въ теченіе тысячулѣтій занесли ее на 18 метровъ, затѣмъ, почва опять начала подниматься и наконецъ хижина оказалась зарытою на сушѣ. Единственною причиною погруженія почвы въ море, по Ляйэлю, могло быть опусканіе почвы. Нельзя допустить поднятія уровня моря, ибо такое поднятіе не можетъ быть мѣстнымъ и должно бы было быть наблюдаемо на всемъ берегу Балтійскаго моря, однако наблюденія показываютъ только, что во многихъ мѣстахъ берега въ теченіе многихъ столѣтій не произошло никакихъ измѣненій. Что, вообще, подобныя опусканія и поднятія почвы бывають, это несомнѣнно, но чтобы подобное послѣдовательное, многовѣковое опусканіе имѣло мѣсто именно здѣсь, это представляется вѣроятнымъ. Прежде всего замѣтимъ, что толщина отложенія, закрывшаго хижину, равная, по Ляйэлю, 18 метрамъ, другими геологами опредѣляется значительно меньшею: нѣкоторые считаютъ ее равною 15 метрамъ, Торрель считаетъ ее имѣющею всего около 11 метровъ. Если теперь принять во вниманіе, что при устьяхъ рѣкъ отложенія образуются весьма быстро, что по наблюденію самого Ляйэля почва въ Швеціи поднимается на одинъ метръ въ столѣтіе; то значить, допуская равномерность поднятія и опусканія достаточно признать за найденною хижиною всего 2200 лѣтнюю

древность. Но слѣдующія соображенія представляются намъ, какъ побуждающія придти къ другому заключенію относительно заноса хижины. 1) Никакого слѣда погруженія и поднятія почвы, предполагаемыхъ въ этомъ мѣстѣ Ляйэлемъ, здѣсь не найдено. 2) То состояніе, въ которомъ находилась хижина, когда ее открыли, намъ кажется, указываетъ на то, что она была засыпана внезапно. Признаки жизни: огонь, пепель, уголья, все указываетъ, что хижина перестала служить жилищемъ неожиданно для ея обитателей. 3) Способъ устройства хижины говорить уже о высокомъ развитіи индустріи, близкомъ къ нашему времени. 4) Фауна около этой хижины исключительно современная. Все это побуждаетъ какъ нибудь иначе объяснить заносъ хижины и, какъ кажется, вполне удовлетворительное объясненіе этому заносу даетъ Шведскій геологъ Торрель. По его мнѣнію, хижина была покрыта не песками, отложившимися съ моря, но обваломъ съ боковыхъ сторонъ утесовъ долины. При такомъ объясненіи, понятнo, нѣтъ никакой нужды говорить о древности тысячелѣтій.

Въ Швеціи были слѣданы еще двѣ находки Нильсономъ, свидѣтельствовавшія будто бы о существованіи человѣка съ глубокой древности. Но въ настоящее время таковое значеніе за этими находками отвергнуто. Относительно первой (было найдено два трупа на глубинѣ одного метра въ отложеніи глубокой древности) было признано, что трупы были зарыты въ отложеніе уже послѣ того, какъ послѣднее образовалось. Относительно второй (предметы человѣческой индустріи были найдены подъ торфомъ на значительной глубинѣ) было тоже признано, что найденные предметы могли быть значительно моложе торфа, но попавъ на торфъ, они (вслѣдствіе собственной тяжести), какъ обыкновенно бываетъ, должны были уходить въ него и въ концѣ концовъ оказаться подъ нимъ.¹⁾

Однимъ изъ самыхъ сильныхъ доказательствъ глубокой древности человѣка геологи считаютъ открытіе слѣдовъ

¹⁾ Подробное описаніе этихъ открытій см. у Гамарда „L'homme tert. R. Q. S. T. 5.

человѣка въ долину Соммы. Сомма течетъ въ глубокой долине въ Пикардіи, холмы этой долины возвышаются надъ дѣйствительнымъ уровнемъ рѣки приблизительно на 100 футовъ. На склонѣ этихъ холмовъ на высотѣ 30—35 метровъ Бушэ де Пертъ въ 1841 году въ окрестностяхъ Аббевиля открылъ отложенія гравія, которыя по видимому оставлены были тамъ потоками воды; судя по всѣмъ признакамъ, бывшимъ ничѣмъ инымъ, какъ дѣйствительною рѣкою, которая текла тогда на 30 метровъ выше своего дѣйствительнаго уровня. Въ этомъ гравіи Бушэ де Пертъ нашелъ много грубыхъ нешлифованныхъ орудій изъ камня и кости мамонта, носорога, нещернаго медвѣдя и льва на глубинѣ 12—14 футовъ. По изслѣдованію было найдено, что гравій не былъ перемѣщаемъ, что остатки человѣческой индустріи не могли оказаться въ немъ послѣ образованія отложенія. Послѣ изслѣдованія скатовъ долины была изслѣдована и самая долина. Оказалось, что подъ отложеніями мха, образованными болотными водами Соммы, отложеніями въ 30 футовъ толщины были найдены такіе же остатки человѣческой индустріи, которые были найдены выше. На основаніи полученныхъ данныхъ пытались опредѣлить древность человѣка, нѣкогда обитавшаго на берегахъ Соммы. Торфъ, очевидно, образовался такимъ образомъ. Когда Сомма отступила отъ прежнихъ береговъ и вырыла новое русло, то въ сравнительно болѣе низкихъ изъ тѣхъ мѣстъ, которыя она занимала прежде, осталась вода, образовались болота, а въ нихъ затѣмъ образовался торфъ. Принимая во вниманіе то, съ какою скоростью торфъ обыкновенно образуется въ другихъ мѣстахъ, должно допустить, что для образованія его въ данномъ мѣстѣ потребовалось приблизительно 30 тысячъ лѣтъ. Остатки человѣческой индустріи были найдены подъ торфомъ, слѣдовательно, они были принесены сюда Соммоу раньше. Что касается до того, сколько времени нужно было для Соммы, чтобы отступить на 100 футовъ ниже отъ прежняго берега, то, если допустить, что это отступленіе въ прежнее время шло съ тою же періодичною медленностію, съ какою оно совершается теперь, перемѣщеніе это, пожалуй, окажется невозможнымъ и въ миллионъ лѣтъ.

Необходимо допустить, что оно совершилось приблизительно въ 100 тысячъ лѣтъ. Но при такомъ допущеніи всякому изслѣдователю въ области Геологіи и Палеонтологіи представляется прежде всего вотъ какое затрудненіе. Въ долинахъ Дордоны находятъ пещеры съ тѣми же каменными орудіями и съ останками тѣхъ же животныхъ, какія были найдены близъ Аббевиля, причемъ всѣ эти останки находятся около самыхъ береговъ рѣкъ. Почва, по которой текутъ эти рѣки, мѣловая точно такъ же, какъ и почва, по которой течетъ Сомма. Такъ какъ фауна и орудія здѣсь и тамъ одинаковы, то позволительно думать, что люди, жившіе въ долинахъ Соммы и Дордоны, были современниками. Спрашивается, почему же въ теченіе 100 тысячъ лѣтъ рѣки Дордоны не перемѣнили русла? Принимая во вниманіе законъ Бэра о постоянномъ отступаніи рѣкъ, принимая далѣе, во вниманіе, что климатическія условія и окрестная топографія должны были измѣниться и повліять на измѣненіе положенія рѣкъ, необходимо признать, что этого не случилось только потому, что прошло немного времени, что жители Дордоны обитали тамъ не болѣе 4—5 тысячъ лѣтъ назадъ. Но, судя по всѣмъ признакамъ, они были современниками обитателей долины Соммы, возможно ли допустить, чтобы и послѣдніе жили такъ недавно? Кажется, не ссорясь съ геологіею, допустить это можно. Несомнѣнно, что и 100 тысячъ лѣтъ недостаточно, чтобы Сомма перемѣстила свое русло къ низу на 100 футовъ при дѣйствиіи нынѣшнихъ условій, слѣдовательно, должно допустить, что прежде дѣйствовали иныя условія. И обращаясь къ разсмотрѣнію различныхъ геологическихъ факторовъ, можно допустить, что при извѣстныхъ условіяхъ русло Соммы могло перенестись съ прежняго на теперешнее мѣсто въ теченіе одной тысячи лѣтъ. Такимъ условіемъ могло быть поднятіе почвы, по которой текла Сомма. Поднятія и опусканія почвы, какъ извѣстно, постоянно происходятъ въ различныхъ мѣстахъ земного шара. Есть основаніе думать, что поднятіе почвы имѣло мѣсто и въ долинѣ Соммы. Въ окрестностяхъ Аббевиля на высотѣ 25 футовъ надъ теперешнимъ уровнемъ моря находятъ морскія раковины. Море, если понижается, то понижается на

далекое пространство одинаково, но такъ какъ въ данномъ случаѣ повсемѣстнаго пониженія не было открыто, нужно думать, что здѣсь было мѣстное повышеніе почвы. Было ли оно внезапнымъ, это неизвѣстно, но несомнѣнно, что оно могло быть очень быстрымъ. Когда Сомма заняла настоящее мѣсто, на ея прежнемъ руслѣ, конечно, болотистаго характера возникла растительность. Толстокожія приходили туда питаться растеніями, а люди охотиться за ними, и тѣ и другіе такимъ образомъ оставили слѣды своего пребыванія подъ торфомъ. Что касается до времени, нужнаго для образованія торфа, то въ различныхъ мѣстахъ оно оказывается весьма различнымъ, и существуютъ основанія полагать, что въ данномъ случаѣ его нужно было не много. Въ Англии на глубинѣ 8 футовъ подъ торфомъ найдены сооруженія, относящіяся ко времени владычества римлянъ въ этой странѣ ²⁾. Въ Голландіи въ торфяникѣ на глубинѣ 30 футовъ нашли монету императора Гордіана. ³⁾ Но условія образованія торфа на римскихъ сооруженіяхъ, конечно, были гораздо болѣе неблагоприятны, чѣмъ условія для образованія его въ болотистыхъ берегахъ Соммы. Онъ здѣсь долженъ былъ образоваться весьма быстро, онъ и образовался, вѣроятно не въ 30, а въ 3 тысячи лѣтъ, если не скорѣе... ⁴⁾

Сказаннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы показать, что вопросъ о многовѣковой древности человѣка долина Соммы оставляетъ открытымъ. Обратимся къ другимъ даннымъ для сужденія о ней.

„Въ Луизианѣ при подготовленіи основанія для громадной постройки на миссисипской долинѣ нашли на различныхъ высотахъ кипарисовыя деревья. Въ четвертомъ кипарисовомъ отложеніи на глубинѣ 5 метровъ нашли индійскій черепъ. Роулеръ для образованія дельты положилъ нужнымъ 158,400 лѣтъ и индійскому черепу приписалъ древность въ 57,600 лѣтъ. Ляйэль изслѣдовалъ дельту Миссисипи и для образованія ея положилъ нужными 100 тысячъ лѣтъ.

²⁾ Иностранец. геолог. т. 1. стр. 192.

³⁾ Pesnel, La dogme de créat. p. 348.

⁴⁾ О долині Соммы см. у Pesnel'a, La dogme de créat. и у Platz'a „Der Mensch“... S 753—756.

Томмасти думаетъ, что ея возрастъ равенъ только 10—12 тысячамъ лѣтъ. Техники соединенныхъ штатовъ послѣ долгихъ вычисленій положили возрастъ дельты равнымъ 4400 годамъ. Шмидтъ подвергъ цифры Роулера строгой критикѣ и привелъ ихъ къ 1676 годамъ. Ратуэль говоритъ объ этихъ вычисленіяхъ, что они страдаютъ невѣрностью принципа, на основаніи котораго совершаются, такъ какъ мы не владѣемъ вѣрными наблюденіями относительно мѣры роста миссисипской дельты. Съ нимъ соглашается Котта, говорящій, что „эти вычисленія довольно невѣрны“. К. Ч. Беръ считаетъ эти вычисленія за „совершенно ошибочныя, потому что нельзя утверждать, что отложенія деревьевъ лежали одно на другомъ, но только то, что деревья лежали на различныхъ высотахъ. Но различныя высоты одной дельты могли нести деревья совершенно въ одно время. Представляется весьма вѣроятнымъ, что эти кипарисовыя лѣса не росли одинъ на другомъ, но только рѣдко были снесены вмѣстѣ въ дельту Миссисипи, какъ Миссисипи и теперь еще несутъ чудовищныя стволы деревьевъ на берегахъ Флориды и Антиль. ⁵⁾ Изъ всего этого слѣдуетъ, что и Миссисипская дельта, какъ и долина Соммы, вопросъ о древности чловѣка оставляетъ открытымъ!

Въ 1754 г. у Гелиополиса въ нижней части Каира на глубинѣ 20 метровъ нашли кружки, горшки, ножи и кирпичи. Принимая въ соображеніе, какой пластъ ила ежегодно откладываетъ Нилъ во время разлива, французы на этомъ основаніи попытались опредѣлить періодъ времени, нужный для образованія отложенія въ 20 метровъ. Когда они произвольно положили въ основаніе половину ежегоднаго отложенія Нила, то получили, что въ столѣтіе долженъ образоваться пластъ отъ 2½ до 6 дюймовъ. Отсюда слѣдовало, что данный пластъ образовался въ теченіе 12—30 тысячъ лѣтъ; раньше каковаго времени, слѣдовательно, чловѣкъ жилъ на берегу Нила и даже занимался постройками. Уже Леббокъ выразился, „что нужно сознаться, что нѣкоторыя основанія этого расчисленія сомнительны“. Рекло пошелъ

⁵⁾ Platz, der Mensch S 756—757.

дальше. „Отложенія Нила, говоритъ онъ, имѣютъ весьма мало значенія для опредѣленія времени, такъ какъ отложенія эти весьма неравномѣрны, особенно около многихъ монументовъ, окруженныхъ по большей части каналами“. Фраза послѣ изслѣдованія долины Нила въ 1865 г. написалъ слѣдующее: „поелику въ Египтѣ, какъ странѣ первобытной культуры весьма склонны крайне опрометчиво обращаться съ тысячелѣтіями, нужно быть вдвойнѣ внимательнымъ къ тому, чтобы не отклонить кого нибудь отъ трезваго, правльнаго понятія о времени. Въ Египтѣ, гдѣ съ древнѣйшихъ временъ руки человѣческія обрабатывали почву и устроили колодцы и каналы, не можетъ быть рѣчи о естественныхъ отложеніяхъ. Нильская долина изрѣзана каналами, которые по склону долины, отводятъ воду Нила, а во время высшаго поднятія ея выдвигаютъ ее на всю долину. Во время поднятія Нила отъ воли каждаго фермера зависитъ такъ или иначе поставить плотину, ввести на свое поле столько ила, сколько ему желательно, Разсмотрѣніе отложеній ила показываетъ намъ пласты толщиною въ карточный листъ и толщиною въ футъ, причемъ эта толщина зависитъ отъ человѣка такъ, что о какихъ либо правильныхъ измѣреніяхъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Максъ Эптъ писалъ въ 1867 году „относительно того, сколь велико поднятіе почвы въ дельтѣ, нѣтъ никакихъ вѣрныхъ данныхъ, и всѣ расчисленія относительно древности погребеннаго въ нильскомъ илѣ основываются на полномъ незнакомствѣ съ пропорціями отложеній. Каждый феллахъ, поставившій плотину на концѣ своего поля, въ одинъ годъ можетъ провести на свое поле болѣе ила, чѣмъ сколько должно отложиться въ 2 тысячи лѣтъ по остроумному вычисленію европейцевъ“. Жираръ, участвуя во французской экспедиціи въ Египтѣ, заключилъ, что нильскія отложенія равны 12 сантиметрамъ въ вѣкъ и предложилъ сообразно этому дѣлать хронологическія расчисленія. Впослѣдствіи нашли кирпичъ на глубинѣ 18-метровъ, что обязывало приписать ему приблизительно 15 тысячъ лѣтъ, но на этомъ кирпичѣ была подпись, показывавшая, что ему менѣе 4 тысячъ лѣтъ.

Нужно еще замѣтить, что было несправедливо полагать, что единственно нильскія отложенія образуютъ почву Египта. Въ образованіи ея дѣятельное участіе принимали восточныя и западныя вѣтры, принося въ Египетъ огромныя массы песку изъ пустыни. Извѣстно, что во время Гомера съ острова Фароса непосредственно можно было проѣхать въ озеро Мареоти, объемъ котораго заключалъ въ себѣ около 50 миль. Но песокъ, приносимый моремъ и вѣтрами, отдѣлилъ озеро Мареоти отъ моря, и образовалась коса, на которой теперь стоитъ Александрія. Мемфисскіе жрецы сообщали Геродоту, что во время Менеса вся область къ сѣверу отъ Фивъ была огромнымъ болотомъ, слѣдовъ котораго тщетно бы стали искать мы теперь. Какъ сильно угрожаютъ летучіе пески нѣкоторымъ областямъ Египта, это видно изъ нѣкоторыхъ повѣствованій, упоминающихъ о многихъ городахъ и деревняхъ, находящихся въ великой опасности быть засыпанными съ тѣхъ поръ, какъ масульманское нерадѣніе перестало ставить препятствіе летучимъ пескамъ. И вся область между Ливійскими горами и Ниломъ была бы засыпана, если бы послѣдніе вице-короли Египта не позаботились отдѣлить ее отъ пустыни милліонами насаженныхъ растений. Все это ясно показываетъ, что пытаются назначать для египетскихъ отложеній какія то аптекарскія дозы въ теченіе цѣлыхъ столѣтій болѣе, чѣмъ неосновательно ⁶⁾).

Въ 1869 г. Витней писалъ швейцарскому археологу Дезору: „мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства существованія челоѣвка на берегу Тихаго океана раньше ледовитой эпохи и періода мастодонта и слона въ то время, когда жизнь животная и растительная были совершенно отличны отъ той, какою она является теперь, въ то время, послѣ котораго произошло въ крѣпкихъ и кристаллическихъ слояхъ страны вертикальное разрушеніе отъ 700 до 1000 метровъ“. Несомнѣнныя доказательства существованія челоѣвка въ столь отдаленную отъ насъ эпоху сводились у Витней къ одному: при вырытіи колодезѣвъ вблизи *Car. des*

⁶⁾ О вильской дельтѣ см. у Platz'a и у Pesnel'a.

Anges, въ каламинскомъ округѣ Калифорніи, былъ найденъ почти цѣлый человѣческій черепъ, надъ этимъ черепомъ находились отложенія въ 50 метровъ толщины, состоявшія, по словамъ Витнея, изъ пяти или шести пластовъ лавы или—лучше изъ отвердѣвшаго вулканическаго непла, чередовавшагося съ гравіемъ—когда Витней сообщилъ это, отъ него попросили подробностей, какъ былъ вырытъ черепъ и пр. Оказалось, что самъ Витней не видалъ, какъ былъ вырытъ черепъ и гдѣ, но что черепъ доставленъ ему рабочими, которые и дали ему относительно него показанія. Тогда благоразумные антропологи рѣшили подвергнуть черепъ химическому анализу, который и констатировалъ присутствіе въ черепѣ органическаго вещества, ясно свидѣтельствовавшего, что этотъ черепъ былъ новый. Судя по его типу, онъ принадлежалъ какому-то сѣверо-американцу, родственному эскимосу. Очевидно, Витней былъ обманутъ своими рабочими, и такимъ образомъ открытіе, которое надѣялся онъ, покроетъ его славою, покрыло его позоромъ ⁷⁾.

Тиньера (близъ Вильнева, по берегу Женевскаго озера) при своемъ устьи образовала конусъ изъ ила и гравія, который будучи разрытъ при проведеніи желѣзной дороги, оказался содержащимъ въ себѣ предметы различныхъ культуръ. На 4 фута подъ поверхностію были найдены римскіе кирпичи и монета, на 10 футахъ глубины неглазированные горшковые осколки и бронзовая утварь, на 19 футахъ глубины грубый оскодокъ горшка, древесный уголь, разломанныя кости и человѣческій скелетъ. По Марно возрастъ римской шахты равенъ отъ 13 до 18 вѣковъ, бронзовой шахты—отъ 24 до 41, нижней—отъ 47 до 70 вѣковъ. Этотъ расчетъ опирается на предположеніе, что отложенія Тиньеры были всегда равномерны, но особенно въ данномъ случаѣ, по замѣчанію Котты, не можетъ быть рѣчи о правильности отложенія на рѣкѣ, которая вслѣдствіе таянія снѣговыхъ массъ на Альпахъ въ 1 часъ изъ маленькаго ручья можетъ превратиться въ величественный потокъ. Предположенія, говорить Ватеръ, изъ которыхъ исходитъ вы-

⁷⁾ О черепѣ Витнея см. у Гамарда „L'homme tert.“ и у Platz'a „Der Mensch“.

численіе Марно, я признаю настолько необоснованными и произвольными, что крайне удивлюсь, какъ кто либо можетъ брать пхъ за исходный пунктъ для какихъ нибудь изысканій. Верхняя часть отложенія мощностію въ 4 фута легко могла образоваться во столько минутъ, сколько Марно назначаетъ для образованія ея столѣтій. Присутствіе римской монеты ничего не говоритъ о возрастѣ отложенія, потому что монета могла попасть туда и залечь тамъ гораздо позднѣе.⁸⁾

Въ 1878 г. при постройкѣ новыхъ обводныхъ каналовъ на берегу Ладожскаго озера было найдено много памятниковъ челоуѣка каменнаго вѣка, жившаго нѣкогда по побережью озера. Разнообразные памятники были находимы на различной глубинѣ. На сравнительно небольшой глубинѣ въ пескахъ найдены были кусокъ янтаря и желѣзный топоръ, относящійся по мнѣнію археологовъ къ 10 или 11 в. Допуская равномерность отложенія и исходя изъ того, что толщина пласта, образовавшаяся въ 8 столѣтій, представляетъ собою такую то величину, полагали что древность памятниковъ, лежащихъ на наибольшей глубинѣ равна 8 или 9 тысячамъ лѣтъ. Но допущеніе равномерности въ данномъ случаѣ является въ высшей степени произвольнымъ и неосновательнымъ, ибо верхній пластъ вовсе даже и не представляетъ собою озернаго отложенія, а песокъ дюнь, и было бы весьма неразумно по наблюденіямъ надъ нимъ дѣлать заключенія объ отложеніяхъ совсѣмъ иного характера.⁹⁾

Сторонники глубокой древности челоуѣка приводятъ еще и другіе факты въ доказательство справедливости своихъ воззрѣній. Но эти факты такъ же неубѣдительны, какъ и рассмотрѣнные нами, и могутъ быть объяснены изъ тѣхъ же началъ, изъ какихъ, какъ было показано, можно объяснить образованіе долины Соммы и т. д. Мы не будемъ разсматривать эти факты, а сдѣлаемъ только одно замѣчаніе, которое,

⁸⁾ О тиньерскомъ конусѣ см. у Platz'a „Der Mensch" и у Иностранцева, Геологія т. 2 (въ самомъ концѣ).

⁹⁾ Иностранцева. Геологія т. 2 (въ концѣ книги).

думаемъ, поколеблетъ приписываемое имъ значеніе. Распространеніе принципа равномерности отложеній рѣкъ и озеръ на прошедшее для опредѣленія степени древности находящихся человѣческихъ остатковъ не можетъ быть, по нашему мнѣнію, прилагаемо къ прошедшему, потому что въ прошедшемъ эти отложенія совершались гораздо быстрѣе. Современной эпохѣ въ сѣверномъ полушаріи предшествовала эпоха ледниковая, характеризовавшаяся обиліемъ морей, озеръ, рѣкъ, ихъ многоводностію, громаднымъ развитіемъ ледниковъ, низко спускавшихся въ долины, вообще обиліемъ воды; понятно, что геологическая дѣятельность воды была неизмѣримо могущественнѣе. Не говоря пока о причинахъ этого обилія водъ, теперь же приведемъ только нѣсколько фактовъ, показывающихъ, что, дѣйствительно, въ прошедшемъ дѣло происходило такимъ образомъ. Равенна, которая нѣкогда, подобно Венеціи, непосредственно стояла на лагунахъ, соприкасаясь внѣшнею стѣною съ адриатическимъ моремъ, теперь лежитъ на равнинѣ, образованной отложеніями По, далеко отъ моря. Городъ Адріа нѣкогда былъ гаванью Адриатическаго моря, теперь онъ лежитъ отъ моря въ 35 километрахъ. Роѣна со времени побѣды Маріа отложила въ своемъ устьи 41,51, милліоновъ кубическихъ метровъ. Городъ Арль въ четвертомъ столѣтіи былъ только въ 16 километрахъ отъ моря, теперь онъ находится на разстояніи 48 километровъ отъ него. Урѣ, древній главный городъ Халдеи, лежалъ прежде на берегу Персидскаго залива, теперь развалины его находятся въ 150 миляхъ отъ моря. Такъ далеко отодвинуть берегъ аллювіальными отложеніями Шать-эль Араба.

Геологи приводятъ иного рода доказательства глубокой древности человѣка; обратимся къ рассмотрѣнію этихъ доказательствъ.

Въ Европѣ, Азіи, Африкѣ и Америкѣ найдено много пещеръ, въ которыхъ оказалось чрезвычайно большое количество костей животныхъ, кости человѣка и остатки человѣческой индустріи. Всѣ эти кости и остатки были покрыты пластами различной толщины, очень часто они оказываются покрытыми толстымъ слоємъ известковаго туфа, образова-

не котораго обыкновенно происходить очень медленно. Въ полетской пещерѣ въ Бельгiи найдены человѣческія кости подѣ нѣсколькими шахтами глины и сталагмитовъ на глубинѣ 4 метровъ, въ брикгамской пещерѣ были найдены кремневые орудія подѣ сталагмитовою шахтою въ 1 футъ мощности. Въ брекчи мептонской пещеры Dawkins на различной глубинѣ, даже на глубинѣ 9 метровъ находилъ кремни, обдѣланные человѣческою рукою. Подѣ сталагмитами кентской пещеры мощностью почти въ метръ было найдено очень большое количество каменныхъ орудій. Чтобы опредѣлить древность найденныхъ остатковъ чловѣка и человѣческой индустри, нужно обратить вниманіе на то, какъ образуются сталагмиты, сталактиты и известковый туфъ пещеръ. Представимъ себѣ пещеру, находящуюся въ горной известковой породѣ. Вода, текущая по этой породѣ, имѣя въ себѣ углекислоту, естественно попадающую въ нее, разлагаетъ известъ. При выходѣ воды на поверхность углекислота испаряется въ воздухѣ, а известъ откладывается на поверхности. Она откладывается и въ верху и на днѣ пещеры: вверху въ видѣ столбовъ, спускающихся къ низу (сталактитовъ), на днѣ пещеры, куда она падаетъ сверху, въ видѣ столбовъ поднимающихся кверху (сталагмитовъ). Известъ, отлагающаяся при подобныхъ же условіяхъ, носить наименованіе известковаго туфа. Понятно, что во многихъ случаяхъ сталактиты и сталагмиты должны образовываться крайне медленно. Образуюсь по капелькамъ, они едва могутъ достигнуть въ столѣтіе толщины незначительной части дюйма. Это подало поводъ Вивіану для образованія кентскаго сталагмита предположить нужными 360 тысячъ лѣтъ, следовательно, таковъ долженъ быть и возрастъ орудій, найденныхъ подѣ этими сталагмитами. Но нельзя послѣдовать за Вивіаномъ. Во 1) какъ и всѣ другія, вычисленіе Вивіана произвольно предполагаетъ равномерность образованія сталагмитовъ, но въ дѣйствительности оно могло происходить прежде гораздо быстрее. Не вездѣ и не всегда сталагмиты образуются медленно, можно указать много случаевъ ихъ быстрого образованія. Известковый ключъ близъ банъ св. Филиппа въ Тосканѣ способенъ отложить въ те-

чение 4 мѣсяцевъ слой въ 1 футъ толщиною. Ширина осадка, образованнаго имъ равна $\frac{1}{3}$ мили, длина равна 1,25 мили, толщина 85 метрамъ.¹⁰⁾ Любопытно, сколько милліоновъ лѣтъ назначилъ бы Вивіанъ для образованія этого осадка, если бы приложилъ къ нему свою пещерную мѣрку. “Шафгаузенъ сообщаетъ, что въ одномъ туннелѣ, проложенномъ чрезъ известковый слой неболѣе, какъ въ $\frac{3}{4}$ года образовались сталактиты въ 4 дюйма длины и $\frac{1}{2}$ дюйма толщины“¹¹⁾. Dawkins въ Йоркширѣ подвергнулъ одинъ сталагмитъ точному изслѣдованію. Вотъ результаты, имъ сообщенные. „Объемъ сталагмита, говоритъ онъ, въ 1839 г. былъ равенъ 118 дюймамъ, въ 1845 г.—120 дюймамъ и въ 1873 году я нашелъ его мощность равною 128 дюймамъ. Такимъ образомъ ежегодный наростъ отъ 45 до 73 гг. простирается до 0,2941 и съ 39 до 45 гг. до 0,2857. Я нашелъ однако, что онъ весьма значительно приросъ въ высоту: въ 45 г. его вершина была въ 95,25 дюймахъ, въ 73 г. только въ 87 дюймахъ отъ потолка пещеры. Если Loskey Cap (этотъ сталактитъ) возрасталъ бы съ такою же скоростію, то онъ могъ быть не старѣе ста лѣтъ. И если мы его прирость, какъ масштабъ, примемъ для опредѣленія возраста всѣхъ сталагмитовъ и сталакти- товъ, то возрастъ ихъ не будетъ восходить далѣе Эдуарда III (1327—1377). Вивіанъ, конечно, не можетъ доказать, что кентскій сталагмитъ никогда не возрасталъ со скоростію Loskey Cap или шафгаузенскаго сталагмита или даже то- сканскаго туфа. А это лишаетъ всякой цѣны его расчисле- ніе. Во 2) вычисленіе Вивіана предполагаетъ, что въ теченіе 260 тыс. лѣтъ кентская пещера находилась въ неизмѣнномъ состояніи. Стихіи не дѣйствовали на нее, горныя породы, въ которыхъ она находится, оставались безъ измѣненія, никто не посѣщалъ ея, никакіе геологическіе перевороты, никакія мѣстныя измѣненія почвы не коснулись ея. Это пред- положеніе само по себѣ намъ представляется крайне нео- сновательнымъ.

¹⁰⁾ Иностранцевъ: Геологія т. 1 стр. 36.

¹¹⁾ Христ. чт. 1884 янв. фев. стр. 70.

Какъ останки, находимыя въ сталагмитахъ, нельзя считать слишкомъ древними, хотя бы толщина равнялась даже нѣсколькимъ футамъ; такъ равно нельзя настаивать на глубокой древности предметовъ, находимыхъ на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ подѣ слоемъ новѣйшихъ отложеній. Какъ на самомъ дѣлѣ быстро могутъ образоваться эти отложения, можно видѣть изъ примѣра Трои. Остатки великаго города найдены Шлиманомъ подѣ отложеніями отъ 20 до 30 метровъ мощности. Но нѣтъ основаній думать, чтобы Троя существовала болѣе, чѣмъ за 3 тысячи лѣтъ до нашего времени. Такъ быстро могутъ образовываться отложения! Конечно, во многихъ мѣстахъ они откладываются несравненно медленнѣе, никто не представилъ еще достаточныхъ основаній, чтобы утверждать, что какія-нибудь отложения, покрывающія остатки человѣческой индустріи или человѣческія кости, судя по ихъ характеру, непременно требуютъ для своего образования не менѣе 10 тысячъ лѣтъ. А пока этого нѣтъ, съ точки зрѣнія геологіи нѣтъ доказательствъ десятитысячелѣтной древности человѣка. Даже цифры, которыя сказочно настроенному воображенію геологовъ кажутся ребяческими; напр., въ 6750 лѣтъ, и тѣ въ приложеніи къ человѣку для опредѣленія его древности оказываются несостоятельными. Такъ Гильеронъ нашелъ въ ряду свайныхъ построекъ каменнаго вѣка одну постройку на сушѣ между Біенскимъ и Невштательскимъ озерами. Между этою постройкою и берегомъ Біенскаго озера находится старинный монастырь св. Іоанна, время основанія котораго извѣстно. Онъ находится на значительномъ разстояніи отъ берега Біенскаго озера, но извѣстно, что онъ былъ выстроенъ на самомъ берегу его. Принимая во вниманіе, насколько усохло озеро въ извѣстное историческое время, Гильеронъ приложилъ этотъ масштабъ къ вычисленію древности свайной постройки и пришелъ къ заключенію, что она была воздвигнута назадъ тому 6750 лѣтъ. Нечего говорить о произвольности этого вычисленія. Въ неизвѣстное историческое или доисторическое время озеро могло высыхать и гораздо быстрѣе и гораздо медленнѣе, чѣмъ оно высыхало, потомъ. Но для опредѣленія времени свайныхъ

построекъ мы имѣемъ нѣкоторыя другія указанія, обязывающія считать это время далеко не столь отдаленнымъ, какъ этого желалъ бы Гильеронъ. О свайныхъ постройкахъ не говоритъ никто изъ римскихъ писателей. Это подало поводъ думать, что эти постройки существовали раньше, чѣмъ въ Римѣ возникла литература. Очевидно это заключеніе не обосновано. Римскіе писатели не говорили о свайныхъ постройкахъ, потому что ихъ не видали, но любопытно, что описаніе римскими писателями Плиніемъ и Тацитомъ германцевъ вполне подходит и къ обитателямъ свайныхъ построекъ, насколько позволяютъ судить о нихъ остатки ихъ индустріи. Деревянные колья, каменные топоры, мечи, копья, костяныя пилы, кремневая орудія, все это находится въ свайныхъ постройкахъ и обо всемъ этомъ говорили, какъ находимомъ у германцевъ, Тацитъ и Плиній. Исслѣдованіе останковъ свайныхъ обитателей указываетъ еще на одно замѣчательное обстоятельство. Встрѣчается тамъ много предметовъ, которыхъ нельзя добыть въ Швейцаріи и которые существуютъ въ окрестныхъ, а иногда и далеко лежащихъ отъ Швейцаріи странахъ, изъ каковыхъ, нужно полагать, и приобрѣтены путемъ торговли. Матеріаловъ для кремневыхъ орудій, найденныхъ въ свайныхъ постройкахъ, не можетъ доставить Швейцарія. Нефритъ, должно полагать, былъ доставленъ съ востока. Злаки, различные сорта хлѣбныхъ растений, ячменя, виды пшеницы, нѣкоторыя негодныя травы, найденныя вмѣстѣ съ хлѣбомъ, отечество каковыхъ всѣхъ нужно искать на югѣ и востокѣ, ясно указываютъ на сношенія съ этими странами швейцарскихъ свайныхъ обитателей. Ленъ, находимый у послѣднихъ, говорятъ, принадлежитъ къ тому виду, который исключительно воздѣлывался у древнихъ египтянъ. Стеклянные предметы, найденные въ свайныхъ постройкахъ, добыты, по мнѣнію Котты, изъ Финикіи, по мнѣнію другихъ, изъ Египта. Всѣ эти находки во всякомъ случаѣ говорятъ о сношеніяхъ свайныхъ обитателей съ Азіей или даже Африкой, но несомнѣнно, что Европа завязала такія сношенія не болѣе, какъ за тысячу лѣтъ до нашей эры. Прозвѣстаніе Этруріи падаетъ на время за 6—7 столѣтій предъ Р. Х. Но обитатели швейцарскихъ озеръ, конечно, не опередили эт-

руссковь на пути культуры. Такимъ образомъ вычисленіе Гильеропа падаетъ. А вѣдь, немного лѣтъ тому назадъ, когда кто нибудь сталъ бы настаивать, что можетъ быть свайныя постройки не старѣе 7 тысячъ лѣтъ; многіе геологи презрительно улыбулись бы на невѣжество такъ разсуждающаго.¹²⁾

Въ ряду геологическихъ изслѣдованій о древности чело-
вѣка цифры, приближающіяся къ Библейскимъ или точнѣе къ тѣмъ, которыя извлекались изъ Библии путемъ ея обы-
чнаго толкованія, были получены Арсленомъ, на основаніи
изслѣдованій долины Соны; но вычисленія Арслена многіе
не находятъ убѣдительными, потому что Арсленъ въ дан-
номъ случаѣ пользовался тѣмъ же масштабомъ, который въ
другихъ случаяхъ сторонники недавняго появленія чело-
вѣка на землѣ не признають, именно исходить изъ предположе-
нія равномерности отложеній наносовъ. Но вотъ, мы при-
ведемъ геологическія расчисленія Рене Кервиллера для бухты
пенхуесской, которыя, во 1) несомнѣнно истинны, во 2) при-
водятъ къ весьма важнымъ результатамъ по вопросу о на-
чалѣ эпохи неолитической и бронзовой. Мы изложимъ кратко
сущность работъ Кервиллера. Пенхуесская бухта находится
на западномъ берегу Франціи около 16° долготы и немного
сѣвернѣе 47° широты, въ нее впадаетъ Луара. Съ 1874 г.
на берегахъ Луары около мѣста ея впаденія, берегахъ,
занимающихъ, очевидно, мѣсто прежняго моря и образовав-
шихся вслѣдствіе илистыхъ отложеній Луары, производились
раскопки. Тамъ находили много череповъ, бронзовыхъ
и каменныхъ неолитическихъ орудій. Сначала, по обыкно-
венію геологовъ, всѣмъ этимъ находкамъ приписывали глу-
бокую древность; но въ 1876 г. въ августѣ было сдѣлано
одно открытіе, которое давало возможность опредѣлить древ-
ность нѣкоторой части отложеній. Именно были найдены
нѣкоторыя произведенія галло-римской индустри и между
прочимъ маленькая бронзовая вещица времени Тетрика,
хотя истертая, но на которой еще легко можно было про-

¹²⁾ О вычисленіи Гильеропа и о древности свайныхъ построекъ смотри у Иностранцева въ геологіи т. 2 и у Platz'a „Der Mensch“ (S. 733-752).

читать написанное. Этот Тетрикъ былъ префектомъ Аквитаніи, принявшимъ власть въ Бордо въ 268 г., управлялъ нѣсколькими лѣтъ Галліею, Испаніею, Британіею, но оставилъ власть въ 275 г. Находка была сдѣлана на глубинѣ 1;5-м, такова, значить, была мощность отложенія въ 1600 лѣтъ, въ одно столѣтіе, слѣдовательно, она равнялась приблизительно 0,37-м. „Должно ли допустить спросить себя Кервидлеръ, что вообще толщина илистого отложенія пропорциональна времени, необходимому для ея образования; или должно предположить, что нижнія отложенія, будучи сданы высшими, имѣютъ вѣковую мощность тѣмъ меньше, чѣмъ они лежатъ глубже“ (р. 29)? Вопросъ весьма важенъ, ибо если допустить пропорциональность, мы бы владѣли средствами опредѣлить точно дату для отложеній бронзовыхъ и полированного камня. Большое отложеніе, содержащее бронзу, нужно бы было датировать пятымъ вѣкомъ предъ Р. X. и маленькую шпату — шестымъ. Естественно, что самыя маленькія шпаты суть самыя древнія, и присутствіе топора съ рукояткою между двумя отложеніями бронзы доказываютъ, что эти бронзовыя орудія относятся къ эпохѣ переходной: маленькая шпата является предметомъ, обозначающимъ начало введенія бронзы въ Европу. Такимъ образомъ, вѣкъ бронзы въ устьяхъ Луары имѣлъ древность въ 2500 лѣтъ. Вообще выводы, полученные изъ такого расчисленія, можно резюмировать такимъ образомъ: 1) въ 6 в. до Р. X. въ устьѣ Луары еще пользовались полированнымъ каменнымъ топоромъ съ рукояткой изъ оленьяго рога; 2) что введеніе бронзы въ этой мѣстности произошло въ 7-мъ вѣкѣ до нашей эры; 3) что за 1000 лѣтъ до нашей эры здѣсь употребляли полированные топоры несравненно болѣе грубые, чѣмъ въ послѣдующее время (можно оказать, что здѣсь тогда была заря неолитическаго вѣка). Остается вопросъ, правильно ли геологическое расчисленіе? Да, правильно. Вотъ, Кервидлеръ какъ рассказываетъ объ открытіи имъ доказательствъ этой правильности. Прогуливаясь однажды съ Шателье, говоритъ онъ, по опушкѣ лѣсовъ, находящихся около раскопокъ, я былъ пораженъ видомъ вертикальнаго разрѣза илистого слоя: вмѣсто того, чтобы быть гладкимъ

и однороднымъ, онъ представлялъ очевидно слѣды послѣдовательныхъ и весьма близкихъ отложеній. Слои были горизонтальны и, казалось, имѣли 0.003-м толщинны. Это открыло мнѣ тайну внутренняго строенія пенхуесскаго ила и ходъ аллювія. Внимательное изученіе показало, что каждый слой слагается изъ трехъ элементовъ, слѣдовавшихъ всегда въ одномъ порядкѣ: песокъ, глина, растительные остатки и затѣмъ опять песокъ, глина и т. д. Толщина песочныхъ отложеній варьируетъ всего болѣе. Маленькіе растительные слои, состоящіе изъ листьевъ и особенно изъ травъ указываютъ на годовое отложеніе осени и образуютъ изолированную поверхность. Въ промежуткѣ песокъ и глина различающіеся по плотности. Итакъ толщина совокупности этихъ трехъ слоевъ, варьирующая между 0.001 м. и 0.005 м. (кромѣ исключительныхъ случаевъ гравіевыхъ отложеній) представляетъ годовое и правильное отложеніе. Совокупность 100 группъ изъ трехъ слоевъ варьируетъ по мощности отъ 0.33 м. до 0.37 м. (р. 32—32). Такимъ образомъ, истинность приведенныхъ выше расчисленій является несомнѣною¹³⁾.

Сторонники ученія о глубокой древности человѣка кромѣ основаній почерпаемыхъ изъ геологіи, въ подтвержденіе своихъ взглядовъ приводятъ данныя палеонтологіи. Мы рассмотримъ теперь эти данныя. Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ. Въ періодъ существованія человѣка на землѣ въ мѣстахъ, гдѣ онъ жилъ, смѣнилось нѣсколько фауны и флоры, совершенно исчезли съ лица земли многія животныя, можно полагать при томъ, исчезли уже давно, да при томъ еще какъ исчезли: на мѣсто ихъ становились новыя и также вымирали. Нужно полагать, что эта нѣсколько разъ повторявшаяся смѣна совершилась въ теченіе многихъ десятковъ тысячелѣтій. По классификаціи Ларте въ первое время своего существованія въ Европѣ человѣкъ жилъ съ пещернымъ медвѣдемъ. Затѣмъ, во второй вѣкъ фауна измѣняется, и мѣсто медвѣдя заступаютъ мамонтъ и носорогъ.

¹³⁾ René Kerviller, le Chronomètre préhistorique de Saint-Nazaire (R. Q. 1881 T. IX). См. также статья Arcelin'a объ открытіяхъ Kerviller'a въ R. Q. S. T. II и T. III въ отдѣлѣ Antropologie.

Третій вѣкъ характеризуется распространениемъ сѣвернаго оленя и четвертый — зубра. Ларте полагаетъ, что старыя животныя формы замѣщались новыми двйгавшимися по направленію меридіана съ сѣвера на югъ. Брантъ нѣсколько видоизмѣняетъ классификацію Ларте. Первая фаза существованія челоѵка въ Европѣ характеризуется по его воззрѣнію распространениемъ въ Европѣ азіатской фауны и оканчивается полнымъ исчезновеніемъ мамонта и носорога. Вторая фаза обнимаетъ время отъ конца первой до уничтоженія сѣвернаго оленя, третья — съ исчезновенія сѣвернаго оленя до исчезновенія быка въ дикомъ состояніи (XIV в. нашей эры), четвертая — отъ исчезновенія быка. Брантъ полагаетъ, что замѣщеніе однихъ формъ другимъ шло по направленію параллельныхъ круговъ, при чемъ движеніе новыхъ формъ совершалось съ востока на западъ. Кромѣ Ларте и Брандта раздѣленіе времени жизни челоѵка въ Европѣ на вѣка при помощи фауны пытались дѣлать Дюнонь, Брока, Гами, Леббокъ и отчасти Мортилье. Понятно, палеонтологи выдвигали въ своей классификаціи или даже всецѣло основывали ее на одномъ или двухъ животныхъ эпохи не потому, чтобы всѣ остальные оставались безъ измѣненія, а по тому, что первыя представлялись имъ наиболѣе характерными. Кромѣ отмѣчаемыхъ палеонтологами животныхъ изъ Европы съ тѣхъ поръ, какъ живетъ челоѵкъ, исчезло и много иныхъ. Въ Европѣ нѣтъ болѣе пещерныхъ львовъ, гіенъ, мускусныхъ быковъ, эламотерія, гиппопотамовъ, изъ нея исчезли: *Bos primigenius*, *servus megaloceros* и др. Далѣе, палеонтологи, отмѣчая, положимъ, первое время жизни челоѵка, какъ характеризующееся существованіемъ пещернаго медвѣдя, а второе — существованіемъ мамонта, конечно, не представляли себѣ дѣла такъ, какъ остроумно изображаетъ, критикуя ихъ принципъ, Фогтъ, что въ день смерти послѣдняго пещернаго медвѣдя родился первый мамонтъ, они только обращаютъ вниманіе на наибольшее распространеніе того или другаго млекопитающаго въ то или другое время. Но изъ этого, думаемъ, уже открывается, какъ легко могутъ быть допущены ошибки съ ихъ стороны.

Классификаціи эпохъ на основаніи измѣненія флоры никто не пытался дѣлать, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сама флора, такъ сказать, навязывается, чтобы на основаніи ея классифицировать нашихъ предшественниковъ на европейской почвѣ. Такимъ мѣстомъ является Данія. Въ ней находятся чрезвычайно богатыя залежи торфа, мощность которыхъ простирается отъ 3 до 9 метровъ. При разработкѣ этихъ залежей оказалось, что въ самой глубокой древности (однако, когда человекъ уже жилъ въ Даніи) въ ней росла сосна, затѣмъ ее вытѣснилъ дубъ и наконецъ букъ, который растетъ въ ней все извѣстное намъ историческое время. Очевидно, говоритъ наприм., Иностранцевъ, время жизни доисторическаго человека въ Даніи отдѣлено отъ насъ громаднымъ промежуткомъ.

Не трудно видѣть, что палеонтологическія опоры учения о древности человека еще слабѣе, чѣмъ геологическія. Что касается до фауны, то во 1) изъ того, что теперь оканчиваютъ свое существованіе послѣдніе экземпляры *bos latifrons* (зубръ), а раньше исчезъ *bos primigenius*, нельзя, вѣдь, вывести, что послѣдній исчезъ 10 тысячелѣтіями раньше нашего времени, и если мамонтъ исчезъ раньше *bos primigenius* и пещерный медвѣдь — раньше мамонта, то опять таки вопросъ о томъ, чрезъ сколько времени они вымирали, слѣдуя одинъ за другимъ, остается открытымъ. Во 2) теперь несомнѣнно доказано совмѣстное существованіе этихъ вымершихъ животныхъ и то, что они жили недавно на землѣ. Правда, они могли жить еще много сотенъ тысячелѣтій прежде, но человекъ — то, вѣдь могъ явиться къ нимъ въ послѣднее время ихъ жизни на землѣ. Что касается до датской флоры, то смѣна ея, какъ видно изъ характера росшихъ и растущихъ деревьевъ обуславливается повышеиіемъ температуры въ Даніи. Понятно, что измѣненіе флоры шло тѣмъ быстрѣе, чѣмъ быстрѣе измѣнялась температура. Весь вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому: во сколько времени климатъ Даніи совершилъ переходъ отъ ледниковаго къ современному. По мнѣнію Стеенструппа періодъ, этотъ обнимаетъ не болѣе 4,000 лѣтъ, ибо 1) фауна въ Даніи въ теченіи его не измѣнилась, а назадъ тому болѣе 4,000 лѣтъ она,

судя по всей остальной Европѣ, должна бы быть иною, 2) торфъ, въ которомъ находили деревья, должно полагать, образовался быстро, ибо при такихъ условіяхъ, какія существуютъ въ Даніи, онъ развивался весьма быстро. Замѣтимъ еще, что, вѣдь, сосна и дубъ не исчезли и теперь изъ Даніи. Букъ только преобладаетъ надъ ними, преобладаніе же можно допустить въ немного столѣтій. Не только смѣна одной породы деревьевъ другими, но даже смѣна лѣсной флоры степною можетъ происходить съ изумительною быстротою, какъ это мы видимъ на примѣрѣ собственнаго отечества. Этихъ соображеній и указаній, кажется, достаточно, чтобы показать ненадежность ссылокъ на датскую флору. Подтвердимъ теперь фактическими данными наши замѣчанія о необоснованности заключеній по окружающей природѣ о древности чловѣка.

1) Если бы мы захотѣли раздѣлить время, протекшее отъ Р. Хр. до нашихъ дней на нѣсколько фазъ по вымершимъ животнымъ, то мы имѣли бы возможность установить ихъ не меньше того, сколько установлено ихъ для всего доисторическаго періода Ларте и Брандтомъ. Русскій и польскій эпосъ рассказываютъ намъ о турѣ. Туръ это *bos primigenius*, онъ исчезаетъ назадъ тому всего столѣтій 6 или 7. Въ XVI и XVII в.в. и *bos latifrons* (зубръ) перестаетъ быть предметомъ охоты. Изъ западной Европы онъ исчезаетъ и сохраняется лишь въ Россіи въ Бѣловѣжской пущѣ Гродненской губерніи. Птица Моа — вдвое больше страуса, судя по находимымъ останкамъ въ Новой Зеландіи, — перестала существовать немного времени тому назадъ, во всякомъ случаѣ немного столѣтій. Въ прошедшемъ столѣтіи на берегахъ Берингова залива исчезла *Rhytina Stelleri* (видъ морской коровы) къ 1768 г. Между тѣмъ какъ за 18 лѣтъ предъ этимъ она существовала еще въ весьма большомъ количествѣ. Додо или дронть (на маскаренскихъ островахъ) исчезаетъ только въ текущемъ столѣтіи. Въ настоящее время много животныхъ находится въ Европѣ въ стадіи вымиранія. Такимъ образомъ съ начала 18 до конца 19-го в. мы имѣемъ право установить нѣсколько періодовъ, пользуясь принципомъ смѣны фауны.

2) Но самымъ важнымъ при разсмотрѣнн классификаціи по фаунѣ оказалось вотъ что: все эти классификаціи не вѣрны. Такъ, наприм., Брандтъ, Мортилье относятъ мамонта не къ древнѣйшему времени четвертичнаго періода, а уже къ сравнительно позднѣйшему, между тѣмъ какъ оказалось изъ изслѣдованія forest bed Норфолка (нѣкоторые геологи относятъ эти дѣсные слои даже не къ четвертичному періоду, а къ плиоценовой эпохѣ, наприм., Иностранцевъ)¹⁴⁾, что онъ жилъ по крайней мѣрѣ во весь четвертичный періодъ. Оказалось, далѣе, что животныя вовсе не смѣняли одно другое, а жили вмѣстѣ. „Вполнѣ основательно“, говоритъ Dawkins, отнести пещерныя жилища ко времени мамонта и сѣвернаго оленя, поелику они содержатъ останки этихъ животныхъ, но раздѣленіе ихъ для хронологическихъ цѣлей бесполезно съ порѣ тѣхъ, какъ доказано, что то и другое животное жили въ одно и то же время къ сѣверу отъ Альпъ и Пиренеевъ, и почти въ каждой пещерѣ этой области кости ихъ были находимы однѣ подлѣ другихъ“. Пещера Викторія содержитъ кости мамонта, сѣвернаго оленя, бурога, сѣрага и пещернаго медвѣдя, косули, лошади и др. Въ кирдальской пещерѣ были найдены кости гіены, льва, пещернаго медвѣдя, кабана, носорога, слона (вымершаго вида), сѣвернаго оленя, испанскаго оленя и др. Въ пещерахъ и развалинахъ Цефны были найдены кости пещернаго медвѣдя, гіены, сѣвернаго оленя, гиппопотама, elephas antiqua и носорога. Въ туннелѣ пещерѣ известной подъ именемъ Ноуле находились кости медвѣдей и оленей. Гіенскій дѣсъ въ Woskey-Loch заключалъ кости и зубы покрытаго шерстью носорога, сѣвернаго оленя, благороднаго оленя, мамонта, гіены, льва, лисицы и т. д. Въ Брингамскихъ пещерахъ были найдены кости мамонта, покрытаго шерстью, носорога, льва, пещернаго медвѣдя, сѣрага и бурога медвѣдя, сѣвернаго оленя и др. Въ пещерахъ Перитора оказались лежащими однѣ подлѣ другихъ кости сѣвернаго оленя, пещернаго медвѣдя, мамонта и т. д. Оленийскія пещеры въ Швейцаріи содержали кости сѣвернаго оленя,

¹⁴⁾ См. его Геологію, т. II, стр. 472.

медвѣдя, лошадей, оленей, бизона, мамонта, и носорога. Какъ представителей современной альпійской фауны тамъ нашли бурога медвѣдя, рысь, муравьѣда, лань, каменнаго козла альпійскаго зайца, снѣжную куропатку и др. Эти факты, подтверждающіе мнѣніе Dawkins'a, легко можно умножить. По мнѣнію Qleanstedt'a устанавливать какія бы то ни было раздѣленія животныхъ, существовавшихъ съ человѣкомъ въ Европѣ, по фазамъ весьма рискованно.

Поставимъ другой вопросъ: давно ли исчезли изъ Европы или съ лица земли эти животныя? На этотъ вопросъ отвѣтить можно. Сѣвернаго оленя, современника человѣка и мамонта, Юлій Цезарь описываетъ какъ обитателя тевтобургскаго лѣса. Теперь онъ удалился далеко на сѣверъ, но у насъ на Уралѣ онъ распространенъ до 52° широты, т. е. до широты Триента и Ліона. Англійскіе документы 8 и 9 вв. упоминаютъ еще о медвѣдяхъ. Въ пещерахъ швабскихъ альпъ медвѣди проживали еще въ 16 столѣтіи. Въ 1559 г. около Эбингена и Болингена ихъ оказалось такое количество, что императоръ Фердинандъ принужденъ былъ издать особый законъ объ ихъ преслѣдованіи. У насъ медвѣди и теперь еще живутъ по всей сѣверной полосѣ до границъ московской губерніи. Боберъ жилъ въ Англии въ 12 в., при Давидѣ I (1124 — 1158) онъ перечисляется между животными, шкуры которыхъ должно оплачивать пошлинами, у насъ боберъ и теперь еще живетъ въ западномъ краѣ. Изъ согласныхъ данныхъ Аристотеля, Геродота, Ксенофонта, Павзанія и Плинія извѣстно, что левъ обиталъ въ ихъ время въ областяхъ Фессаліи, Фракіи и М. Азии. Согласно Діоніу, Златоусту левъ исчезъ изъ Европы во 2 в. по Р. Х. Гинопотамъ, пишетъ Хаба, который въ настоящее время не поднимается выше 19° широты, жилъ въ историческое время въ нижнемъ Египтѣ, гдѣ за нимъ и охотились. Еще въ 12 в. онъ жилъ на Даміеттѣ подъ 32° (значитъ на 13° болѣе къ сѣверу). Еще столькоже градусовъ, замѣчаетъ Ниммелauer, приведуть насъ въ верхнюю Италию, въ область наибольшаго распространенія этого животнаго въ пліоценовую эпоху. Точно также, когда голландцы прибыли на мысъ доброй Надежды, тамъ, въ рѣкахъ оказалось очень

много гиппопотамовъ, но теперь число ихъ стало весьма незначительнымъ. Область распространения крокодиловъ прежде была гораздо значительнѣе. Слонь въ Карфагенѣ былъ домашнимъ животнымъ, теперь онъ въ западной Африкѣ и въ области Сенегала не поднимается выше 15° широты. Въ Мавританіи (теперешнемъ Марокко) еще при Плиніи были гиппопотамы, крокодилы и слоны. За 18 в. до Р. Х. въ Тигридѣ (при Тутмесѣ III) бродили еще цѣлыя стада слоновъ. Даже относительно животныхъ, нѣкогда населявшихъ Европу вмѣстѣ съ человѣкомъ и теперь исчезнувшихъ съ лица земли, существуютъ нѣкоторыя указанія, говорящія о томъ, что они еще недавно наслаждались жизнью. Древнѣйшими современниками человѣка считаютъ исполинскаго носорога (*Rhinoceros tichorchinus*) и мамонта, по слѣдующіе факты, думаемъ, показываютъ, что они жили, такъ сказать, почти на нашихъ глазахъ. Въ 1771 г. былъ найденъ въ сибирской тундрѣ трупъ носорога съ мясомъ, кожей и шерстью. Находка показала, что этотъ носорогъ обладалъ двумя рогами и имѣлъ мѣховой покровъ. Въ складахъ его зубовъ были найдены остатки хвойныхъ растений. Такъ хорошо сохранившійся трупъ устраняетъ возможность разсуждать о многихъ тысячелѣтіяхъ. Въ 1799 году Лена, подмывая свои берега, обнажила въ тундрѣ Сибири цѣлый трупъ мамонта. Пока снаряжалась экспедиція, пока экспедиція достигла этого мѣста, трупъ уже попортили медвѣди и волки. Но Адамсу (уже въ 1807 г.) все-таки удалось собрать внутренности, нѣсколько фунтовъ волосъ, глазъ и часть кожи животнаго. Эта находка, какъ и предыдущая, показываетъ, что *elephas primigenius* существовалъ на землѣ не такъ давно. Нѣкоторые, наприм., Мортилье четвертичную фауну дѣлятъ на полуденную и полуденную, говоря, что представители первой жили въ доледниковую эпоху, представители второй—во время нея. Къ первой Мортилье относить древнихъ слоновъ и гиппопотамовъ, ко второй—мамонта и сѣвернаго оленя. По представлению Мортилье и др. температура была тѣмъ бичемъ, который гналъ съ поверхности Европы одни виды и пригонялъ на эту поверхность другіе. Приведенные нами факты, показывающіе дав-

нишее существованіе въ Европѣ мамонта (въ forest bed'ѣ) и заставляющіе предполагать недавнее пребываніе въ ней гиппопотама, опровергаютъ это воззрѣніе. Не вслѣдствіе вліянія температуры исчезли тѣ могущественные гиганты, которые бродили нѣкогда по дѣвственнымъ лѣсамъ Европы. Бичемъ, разогнавшимъ ихъ, былъ человѣкъ. Они исчезли, и память о нихъ исчезла. Если для перваго требовалось немного времени, то едва-ли его нужно было много и для втораго. Изслѣдованіе останковъ погибшихъ животныхъ началось въ недавнее время. Ученые сначала бродили въ темнотѣ. По извѣстному оптическому закону предметы въ темнотѣ кажутся отдаленными, и ученымъ сначала казалось, что животныя, останки которыхъ они изслѣдовали, отдѣлены отъ нихъ пространствомъ сотенъ тысячелѣтій. Но по мѣрѣ распространенія научнаго свѣта оптическая иллюзія исчезла: вымершіе организмы, оказалось, жили въ Европѣ всего не задолго до насъ. Фраасъ говоритъ: „время, когда сѣверный олень, мамонтъ, носорогъ и пещерный медвѣдь жили въ Швабіи, и человѣкъ охотился за ними тамъ, нѣтъ никакихъ основаній поставлять раньше цвѣтущаго состоянія вавилонскаго государства или времени Мемфиса и его пирамидъ“. Брандтъ полагаетъ, что это время можетъ быть только немного предшествуетъ культурной эпохѣ Египта и Ассиріи. Когда мы, говоритъ Шафгаузенъ, пытаемся составлять себѣ представленіе о раннѣйшихъ періодахъ земли и о животныхъ и растеніяхъ, населявшихъ ее тогда, мы впадаемъ въ грубое заблужденіе, отдѣляя, одно отъ другаго временемъ, что на самомъ дѣлѣ раздѣлено было только мѣстомъ. Весьма возможно, что въ то время, какъ сѣверный олень жилъ на возвышенностяхъ, климатъ которыхъ по причинѣ близъ лежащихъ глетчеровъ былъ весьма холоднымъ, мамонтъ пасся въ низкихъ долинахъ, и лѣса оглашались воемъ пещерныхъ хищниковъ... Между тѣмъ какъ финикійскія колоніи находились въ цвѣтущемъ состояніи, на пиренейскомъ плоскогоріи могъ жить послѣдній охотникъ за сѣвернымъ оленемъ. И въ то время, какъ финикійскіе корабли несли янтарь съ береговъ нѣмецкаго моря, обита-

тели этихъ береговъ могли быть дикими, пользовавшимися каменными и костяными орудіями“¹⁶⁾.

Обратимся теперь къ третьему ряду данныхъ, приводимыхъ въ защиту ученія о древности человѣческаго рода, данныхъ археологическихъ.

Сущность аргументаціи археологовъ такова: назадъ тому 4 тысячи лѣтъ человѣкъ уже достигъ высокой степени цивилизаціи. Были уже выстроены стовратныя *Обивы* и въ нильской долинѣ уже были воздвигнуты величественныя пирамиды, культура Вавилона стояла на весьма высокой степени. Но развитіе техники и индустріи въ человѣческомъ родѣ шло послѣдовательно, начиная съ изобрѣтенія самыхъ грубыхъ орудій, причемъ изъ наблюденія надъ сѣверными дикарями и вообще надъ сѣвернымъ человѣчествомъ видно, что первые шаги культуры были особенно трудны и совершались весьма медленно: самыя незначительныя изобрѣтенія и усовершенствованія совершались только чрезъ тысячелѣтія. Отсюда слѣдуетъ, что много тысячелѣтій должно было пройти раньше, чѣмъ воздвиглись пирамиды Хеопса, Хефрена и Мекерина. Не трудно видѣть, что посылки этой аргументаціи не положительны, а предположительны, и что выводы изъ этихъ посылокъ не необходимы, а только возможны. На самомъ дѣлѣ какія это наблюденія показываютъ, что развитіе сначала должно идти медленно, а потомъ быстро? Наблюденія надъ дикарями. Но что такое дикари? Относительно нѣкоторыхъ можно положительно утверждать, что они находятся въ состояніи вырожденія и умственного упадка, а во все не начинаютъ только подниматься по ступенямъ культуры. Возьмемъ, наприм. Америку; культура индѣйцевъ, безъ сомнѣнія, находится въ весьма жалкомъ состояніи, но всегда ли она была таковою? Нѣтъ, мы знаемъ, что въ Мексикѣ цивилизація стояла на значительной степени, археологическія находки въ Америкѣ показываютъ, что въ прошедшее время индѣецъ

---

¹⁶⁾ Объ опредѣленіи древности человѣка по измѣненіямъ фауны см. у Platz'a (s. 707—720) Иностранцева (Геологія т. 2), Арслена (библиографическую статью о книгѣ Mortillet l'Antiquité de l'homme) R. Q. S. T.

стоялъ выше, чѣмъ теперь. Обратимся къ Африкѣ и Азіи. Что случилось съ цивилизаціею Африки, столь блестящею въ вѣкѣ Кипріана и Августина и еще раньше въ вѣкѣ Ганнибала? Теперь на тѣхъ мѣстахъ царствуетъ мерзость заустѣнія, ихъ обитатели находятся въ состояніи близкомъ къ дикости. На развалинахъ Оивъ и Ниневіи живутъ теперь въ берлогахъ и логовищахъ люди съ правилами дикихъ карей. Тоже самое мы видимъ въ долинахъ Ассиріи. Умственное и индустріальное паденіе Египта начинается съ XII-й династіи. Культура Трои, извѣстно, стояла неизмѣримо выше культуры городовъ, воздвигавшихся впоследствии на ея развалинахъ. Доказано также и то, что жители острововъ Тихаго океана въ индустріальномъ отношеніи стоятъ значительно ниже своихъ предковъ. Все это приводитъ къ тому, что о быстротѣ и ходѣ развитія нашихъ предковъ нельзя судить по тѣмъ изъ ихъ потомковъ, которые не воспользовавшись полученнымъ наслѣдствомъ, ушли на страну далече и, подобно блудному сыну притчи, принуждены были жить съ свиньями. Судить по нимъ о первобытномъ чловѣкѣ также не основательно, какъ судить о ребенкѣ, еще не приобрѣтшемъ и не развившемъ ума, по наблюдениямъ надъ чловѣкомъ, потерявшимъ умъ въ зрѣломъ возрастѣ.

Какое былъ первобытный чловѣкъ и какъ онъ развивался? Мы приняли въ общемъ взглядъ Цокклера, какъ согласный съ буквою книги Бытія и съ духомъ христіанскаго ученія. Изъ этого взгляда слѣдуетъ, что первобытный чловѣкъ не былъ дикаремъ, что развитіе индустріи его могло идти быстро и, слѣдовательно, каменный и желѣзный вѣка могли пройти въ самое скромное число тысячелѣтій. Мы постараемся теперь показать, 1) что нѣтъ ничего, опровергающаго этотъ взглядъ, и 2) что есть кое-что его подтверждающее. То, что было сказано раньше о несостоятельности классификаціи археологическихъ стадій Морталье, могло само по себѣ показаться говорящимъ скорѣе въ пользу ученія о древности чловѣка, чѣмъ противъ этого ученія. На самомъ дѣлѣ изъ того, что въ Египтѣ съ незапамятныхъ временъ употреблялась бронза, а въ М. Азіи даже

жельзо, слѣдуетъ, что каменный вѣкъ былъ тамъ еще въ болѣе незапамятныя времена. Изъ предположенія, что вѣ- историческіе европейскіе дикари находились въ состояніи дегенераціи, подобно дикарямъ австрійскимъ, слѣдуетъ, что у нихъ былъ періодъ ранѣе сравнительно высшей культуры, а раньше этого періода—періодъ, такъ сказать, индустриальнаго варварства. Очевидно, разсуждая такъ, мы должны увеличивать время протекшее отъ появленія человѣка на землѣ. Но дѣло вотъ въ чемъ. Въ странахъ древнѣйшей культуры въ древнѣйшія времена мы находимъ совмѣстное употребленіе камня и жельза, т. е. соединеніе каменнаго и металлическаго вѣка. Если же мы примемъ во вниманіе указанія Библии на непродолжительность чистаго каменнаго періода, то мы должны будемъ признать, что время древнѣйшей культуры Египта и Индіи отстоитъ недалеко отъ времени появленія человѣка. Теперь, если мы представимъ, что въ смѣшанный періодъ изъ культурныхъ странъ эмигрировали переселенцы въ Европу, то легко можно допустить, что вслѣдствіе какихъ-нибудь неблагоприятныхъ обстоятельствъ многіе изъ этихъ переселенцевъ могли совершенно оставить употребленіе металловъ и такимъ образомъ спуститься внизъ, регрессировать. Но очевидно, что эти одичавшіе обитатели Европы могли жить уже въ блестящую эпоху Вавилона или Египта, а не въ незапамятныя времена. Археологическія доказательства древности человѣка тогда исчезаютъ, какъ фактомъ. Намъ остается теперь только показать, что употребленіе каменныхъ орудій отстоитъ у цивилизованныхъ народовъ недалеко отъ настоящаго времени, и мы можемъ еще показать, что люди, явившіеся въ Европу съ каменными шлифованными орудіями, вышли съ своей родины повидимому уже тогда, когда тамъ практиковали металлургію.

Что каменные орудія находятся не исключительно у дикарей и не представляютъ собою исключительной принадлежности отдаленной древности, это доказать не трудно. „Маріетъ увѣряетъ насъ, что арабы, которыхъ нельзя причислить къ дикимъ, употребляютъ кремни для острія изъ копій, и говоритъ, что онъ видѣлъ въ Абидосѣ циркуль-

ника, употребляющаго кремневую бритву. Геродотъ и Диодоръ упоминаютъ о каменныхъ ножахъ, которые употреблялись египтянами, между прочимъ, при обрѣзаніи. Эти самые ножи находятъ теперь около мумій. Много ихъ собрано въ туринскомъ и берлинскомъ музеяхъ, причемъ оказывается, что большая часть ихъ такъ же груба, какъ и ножи, найденные въ долинѣ Соммы. Геродотъ же говоритъ о солдатахъ арміи Ксеркса, что они пользовались кремнями для устройства острій копій. Евреи употребляли каменные ножи, какъ это можно видѣть изъ Исхода (гл. IV, 25) и кн. Иисуса Навица (гл. V, 2). И между древними памятниками Палестины дѣйствительно находятъ таковые ножи. Лѣтъ около 15 тому назадъ Ленорманъ, при посѣщеніи Аттики открылъ въ тумулусѣ, очевидно, историческомъ многія острія копій изъ кремня грубо оббитые. На мараеонскомъ полѣ (мараеонская битва была въ 490 г. до Р. X.) нашли не такъ давно много каменныхъ стрѣлъ и наконечниковъ копій въ тумулусахъ, воздвигнутыхъ афинянами павшимъ героямъ. Англійскій натуралистъ John Keast, посѣтившій въ 1868 г. рудникъ въ горѣ Синай, эксплуатировавшійся за 17 в. до нашей эры, какъ показываютъ надписи, найденныя на мѣстѣ, открылъ въ глубинѣ этого рудника нѣкоторое количество кремневыхъ ножницъ и молотовъ, лежавшихъ на почвѣ. Keast убѣдился, что прорытіе рудника было сдѣлано этими инструментами, ибо острія этихъ ножницъ и молотовъ совершенно точно прикладывались къ нарѣзкамъ сдѣланнымъ въ скалѣ. Кромѣ того, самъ употребляя эти молоты, для того, чтобы разбивать скалу, онъ сдѣлалъ на ней тѣ же самые знаки, какіе на ней находились прежде. „Если бы тамъ не было найдено надписей, говорить по этому поводу натуралистъ Хаба, показывающихъ, что всѣ эти каменные орудія принадлежатъ къ эпохѣ исторической, ничего не было болѣе легкаго, какъ отнести ихъ къ доисторическому вѣку камня. Но невозможно поддерживать подобный взглядъ въ виду доказательствъ показывающихъ, что этотъ рудникъ эксплуатировался въ правленіе Nusharsen за 17 вѣковъ предъ нашею эрою.¹⁶⁾

¹⁶⁾ Pesnel, La Science contemp. et le dogme de la créat. p. 318—320.

Приведенные нами факты показывают, что не так далеко от нашего времени в странах с древнѣйшею культурою была смѣшанная эпоха, характеризовавшаяся совмѣстнымъ употребленіемъ каменныхъ и металлическихъ орудій. Можно показать, что народы, жившіе вѣ Европѣ вѣ такъ называемую неолитическую эпоху, на самомъ дѣлѣ знали тоже не одни камни, но и металлы. Дѣло вотъ вѣ чемъ. Вѣ Европѣ найдено много памятниковъ съ металлическими останками, и найденъ другой рядъ памятниковъ совершенно сходныхъ съ первыми за исключеніемъ того, что вѣ нихъ оказались исключительно каменные орудія. Сэръ R. Colt Hoare, описывая вѣ своемъ произведеніи о древностяхъ Wellhire'a 250 тумулусовъ, сообщаетъ, что изъ нихъ только 18 содержали каменные орудія, а 78 орудія металлическія. Леббокъ вѣ таблицѣ, показывающей предметы найденныя вѣ 139 древнихъ тумулусахъ, указываетъ, что бронза и желѣзо смѣшаны тамъ съ произведеніями изъ камня. Многие, конечно, могутъ сказать, что эти тумулусы принадлежатъ къ различнымъ вѣкамъ, но противъ нихъ можно привести слова самого Леббока, заявившаго вѣ слѣдующихъ таблицахъ: я занимаюсь только исключительно гробницами первобытными¹⁷⁾. Потому тумулусы, вѣ которыхъ находили исключительно каменные орудія и которыя, слѣдовательно, должно считать произведеніями древнѣйшаго неразвитаго человѣка, представляютъ собою громадныя и замѣчательныя зданія, просто искусственные холмы; воздвигать таковыя человѣку, плохо знакомому съ индустріей, пожалуй, было бы не подъ силу. Подобно тумулусамъ однѣ изъ свайныхъ построекъ заключаютъ вѣ себѣ исключительно памятники каменнаго вѣка, вѣ другихъ же найдены и металлические орудія. Большинство ученыхъ тѣ и другія постройки, находимыя, замѣтимъ, вѣ самомъ близкомъ разстояніи однѣ отъ другихъ, относятъ къ различнымъ вѣкамъ. Нужно полагать, что если подобные ученые будутъ жить черезъ нѣсколько столѣтій и откроютъ гдѣ нибудь рядомъ развалины дворца и хижины, причемъ вѣ первомъ найдутъ

¹⁷⁾ Ibid.

издѣлія изъ севрскаго фторфора, а во второй горшки изъ грубой глины, то они заключаютъ, что эти хижина и дворецъ принадлежатъ къ различнымъ періодамъ, раздѣленнымъ между собою громаднымъ промежуткомъ времени. Вначалѣ металлическаго вѣка произведенія изъ металловъ могли быть достояніемъ только богатыхъ; понятно, слѣдовательно, что рядомъ съ постройкой, гдѣ пользовались металлами, могла стоять хижина, обитатели которой знали только камень. Существуетъ одно несомнѣнное доказательство знакомства съ металлами людей неолитической эпохи. Никто изъ ученыхъ не споритъ, что строителями тумулусовъ и обитателями свайныхъ построекъ были арийцы, хотя существуетъ много разнорѣчивыхъ гипотезъ о томъ, откуда они спустились на европейскія равнины. Но послѣднее въ настоящемъ случаѣ не важно для насъ, а важно установленное М. Мюллеромъ, Бунзенемъ и др. положеніе, что арийцы до своего раздѣленія уже на своей прародинѣ знали употребленіе металловъ, ибо у нихъ для металловъ существуютъ нѣкоторыя общія названія. Значитъ, обитатели свайныхъ построекъ и строители тумулусовъ слышали о металлахъ и металлургіи. Только по всей вѣроятности на первыхъ порахъ фабрикація металловъ была достояніемъ и тайною немногихъ клановъ.

При сужденіи о томъ, къ какой эпохѣ должны быть отнесены тѣ или иные памятники, въ которыхъ не находится слѣда металловъ, нужно обращать вниманіе вотъ еще на какое обстоятельство. Чѣмъ древнѣе памятники, тѣмъ труднѣе въ нихъ найти металлическіе останки, ибо металлы уничтожаются весьма скоро, во всякомъ случаѣ гораздо скорѣе камня. Легче всего разрушается желѣзо: ржавчина съѣдаетъ его весьма быстро. Это извѣстно всякому. Желѣзо легко окисляется даже и при отсутствіи неблагоприятныхъ условій, понятно, что при присутствіи таковыхъ въ теченіе немногихъ лѣтъ (даже не десятковъ лѣтъ) могутъ быть уничтожены цѣлые желѣзные куски. Этимъ объясняется то, что находили, какъ, наприм., въ Торебергѣ, въ Шлезвилѣ эфесы шпагъ безъ лезвій, уничтоженныхъ ржавчиною, находили также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ копья безъ острыхъ

наконечниковъ, древки ихъ и бронзовая отдѣлка сохранялись долѣе, чѣмъ желѣзо. Между металлическою утварью, найденною въ Геркуланумѣ, оказались только предметы изъ золоченной бронзы, всѣ мѣдныя и желѣзныя произведенія совершенно уничтожились въ теченіе лишь 18 вѣковъ ¹⁸⁾. Конечно, изъ того, что желѣзныя издѣлія уничтожаются легче всего, что бронза болѣе сопротивляется вліянію времени, а камень оказываетъ ему самое наибольшее сопротивленіе нельзя выводить теоріи, что желѣзо, бронза и камень употреблялись всегда, но что отъ древнѣйшихъ временъ сохранился только камень, отъ менѣе древнихъ — бронза и отъ новыхъ — желѣзо. Такой выводъ былъ бы невѣренъ. Но несомнѣнно, что въ отдѣльныхъ случаяхъ такія свойства металловъ и камня не разъ были причиною невѣрной классификаціи предметовъ по эпохамъ.

Признавая, что неолитическая эпоха синхронистична въ Европѣ съ эпохою металлическою, мы думаемъ, что эпоха палеолитическая, напротивъ, предшествовала неолитической, и что эти двѣ эпохи даже по всей вѣроятности раздѣлены между собою непроходимой бездною. Палеонтологическія доказательства этого тезиса представлены Гоуортомъ въ сочиненіи „The mammoth and the flood“ 1887. Гоуортъ утверждаетъ, что нѣкогда произошелъ геологическій переворотъ (потопъ), уничтожившій на землѣ все живое и, между прочимъ, людей палеолитической эпохи. Многие, въ томъ числѣ и Арсленъ, оспариваютъ утвержденія Гоурта. Мы не будемъ излагать соображеній Гоурта, но приведемъ нѣкоторыя новыя найденныя нами доказательства вѣрности его утвержденій и покажемъ недостаточность возраженій Арслена. Большинство ученыхъ (наприм. Брока, Бертранъ и др.) держатся того мнѣнія, что люди, употреблявшіе палеолитическія орудія, были первобытными обитателями Европы, что затѣмъ пришли люди съ шлифованнымъ топоромъ, завязалась борьба, въ которой и погибли аборигены Европы. По мнѣнію другимъ палеолитическая и неолитическая эпохи синхронистичны ¹⁹⁾. Но во 1) людей палеолитической эпохи

¹⁸⁾ Примѣры *ibid.*

окужаетъ иная фауна, чѣмъ людей эпохи неолитической. Последніе имѣютъ дѣло исключительно съ животными современными, первые охотятся за толстокожими и борются съ пещерными хищниками. Во 2) поселенія людей палеолитической эпохи находятся на мѣстахъ наиболѣе подвергшихся геологическимъ измѣненіямъ — въ измѣненныхъ рѣчныхъ долинахъ на древнихъ ледниковыхъ моренахъ (но пока нигдѣ не встрѣчены на новѣйшихъ). Эти два обстоятельства съ несомнѣнностію показываютъ, что люди палеолитической эпохи предшествовали на Европейской почвѣ людямъ эпохи неолитической, но не показываютъ, что последніе явились уже тогда, когда первыхъ не было. Это открывается изъ другихъ обстоятельствъ; 1) учеными (наприм., Брока)¹⁹⁾ отмѣчено, что люди палеолитической эпохи исчезли внезапно; 2) что между эпохами палеолитической и неолитической (моделенской и робенгаузской) произошло что-то странное и необычное. Любопытно, что это отмѣтили слѣдующимъ образомъ Арсленъ, оспаривающій теперь утверждающаго это Гоурта: „между эпохами есть какъ бы пропускъ (lacune), который, кажется, я первый указалъ по случаю моихъ изслѣдованій на берегахъ Соны. Это такъ называемый hiatus... Все рѣшительно измѣнилось. Климатъ сталъ почти такимъ же, каковъ онъ теперь въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ. Сѣверныя животныя, наурим, сѣверныя олени удалились изъ нашихъ странъ. Слоны и крупныя плотоядныя исчезли. Человѣкъ въ началѣ настоящей эры былъ, кажется очень малочисленъ (его слѣдовъ не нашли) въ нашихъ странахъ, какъ будто четвертичная раса послѣдовала къ сѣверу за сѣверными оленями, служившими для нея главною пищею. Этотъ пропускъ, отсутствіе человѣка, это климатическая революція, эта трансформация фауны ясно замѣтны въ наносахъ нашихъ береговъ“²⁰⁾; 3) Нигдѣ не было открыто существованіе взаимныхъ сношеній между людьми эпохъ палеолитической и неолитической. Расы палеолитичес-

19) Это предполагаетъ Иностранцевъ, Геологія т. 2 стр. 506—508.

20) См. послѣднія страницы „о везерскихъ троглодитахъ“.

21) См. библиографич. статью: Арслена о книгѣ Mortillet, Sur l'an tiquité R. Q. S. T. 13.

кія долихоцефальны, неолитическія—брахицефальны. Изъ того обстоятельства, что въ неолитическихъ расахъ являются отдѣльные долихоцефальные индивидуумы; Арсленъ (это и есть въ сущности единственное возраженіе Арслена противъ гипотеза Гоурорта) и др. заключаютъ, что палеолитическія и неолитическія расы скречивались. Но это заключеніе не обосновано. И палеолитическіе и неолитическіе люди имѣютъ предковъ и тамъ, гдѣ у неолитическихъ людей является типъ палеолитическій, поэтому позволительно видѣть возвратъ къ предкамъ не палеолитическимъ, а еще болѣе отдаленнымъ. Затѣмъ, Арсленъ и др., признавая, что при скречиваніи различныхъ расъ получилъ преобладаніе типъ неолитическій, въ индивидуумахъ типа палеолитическаго видятъ явленія атавизма, но едва ли въ данномъ случаѣ за объясненіемъ необходимо должно обращаться къ атавизму. Случайныя намъ неизвѣстныя причины могли произвести у новыхъ обитателей Европы типъ анатомически сходный съ ея древнѣйшими обитателями. Въ настоящее время замѣчено, что американцы мало по малу принимаютъ типъ индійскій: ихъ руки становятся длиннѣе и т. д. Но теперь культурные люди сильно противятся вліянію природы, прежде же люди подчинялись ей гораздо больше, а поэтому нѣкоторые изъ эмигрантовъ, прибывшіе въ Европу, послѣ исчезновенія изъ нея расъ палеолитическихъ, легко могли при благоприятныхъ условіяхъ пріобрѣсти типъ послѣднихъ.

Изъ всего изложеннаго, думаемъ, должно вывести, что, когда люди съ шлифованнымъ топоромъ явились въ Европу, они встрѣчали только опустошенныя равнины. Нами отмѣчена была дата начала неолитической эпохи во Франціи; мы знаемъ, что преданія Греціи и Рима тоже говорятъ о времени появленія ихъ обитателей на Европейскую почву, вовсе не какъ безконечно отстоящихъ отъ нашего; но когда явились люди въ Европу съ орудіями, оббитыми, когда въ ней началась палеолитическая эпоха? По мнѣнію нѣкоторыхъ, наприм., Мортилье, человѣкъ прибылъ въ Европу еще въ доледниковую эпоху, другіе говорятъ, что онъ жилъ во время эпохи ледниковой. Но знаменательно, что слѣды человѣческаго существованія никогда не были находимы ни

подъ ледниками, ни между ледниковъ, а всегда на ледникахъ: Гипотеза Мортилье не имѣетъ за собою никакихъ оснований. Единственнымъ основаніемъ сторонниковъ ледниковаго существованія человѣка служитъ то, что человѣка находятъ въ Европѣ вмѣстѣ съ мамонтомъ, сѣвернымъ оленемъ и вообще съ ледниковою фауною. Но не доказано, что эта фауна исчезла изъ Европѣ вмѣстѣ съ ледниковой эпохой, какъ напротивъ доказано, что эти животныя населяли Европу еще въ доледниковую эпоху (въ Англіи); слѣдовательно, необходимости связывать ихъ существованіе съ послѣднею нѣтъ оснований. Въ виду этого Арсленъ, Вирховъ Даукинсъ и др. полагаютъ, что человѣкъ явился въ Европѣ по окончаніи ледниковой эпохи. Но Пенккъ въ изслѣдованіи вышедшимъ въ 1887 г. приходитъ нѣсколько къ иному заключенію. Признавая, что ледниковая эпоха въ Европѣ была весьма продолжительною и что она, такъ сказать, перерѣзывалась многими межледниковыми, онъ утверждаетъ, что человѣкъ палеолитическій явился во время послѣдняго распространенія ледниковъ. Это по его мнѣнію доказывается тѣмъ, что поселенія палеолитическихъ племенъ встрѣчаются на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились древнѣйшія морены, но не находятся на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лежали морены, спустившіяся съ горъ послѣдними, между тѣмъ, какъ неолитическія племена заняли эти мѣста. Очевидно, эти мѣста не были заняты палеолитическими племенами, потому что, когда эти племена явились, они были еще покрыты ледниками ²²⁾). Не трудно видѣть, что это заключеніе не слѣдуетъ съ очевидностію и необходимостію, но тѣмъ не менѣе ему нельзя отказать въ нѣкоторомъ значеніи.

Такимъ образомъ должно признать, что человѣкъ явился въ Европѣ или по окончаніи или въ концѣ ледниковой эпохи. Ниже мы изложимъ считающеюся нами вѣроятною астрономическую гипотезу ледниковой эпохи, дающую возможность точно опредѣлить ея дату, теперь же только покажемъ, что существуютъ основанія, по-

²²⁾ Arcelin, L'homme d'epoche tertiaire R. Q. S. T. 22.

лагать, что эта эпоха отделена от нашего времени лишь немногими тысячелетиями. Во 1) на горных породах до настоящего времени сохранились слэды паралинь ледниковъ двигавшихся по нимъ внизъ, но эти паралини не могутъ сохраняться долго, ибо самыя горныя породы скоро измѣняютъ рельефъ своей поверхности вслѣдствіе разрушенія и выветриванія, (особенно скоро разрушается гранитъ вслѣдствіе того, что образующіе его минералы: кварцъ, полевоы шпатель и слюда не одинаково расширяются и сжимаются отъ холода) въ 2) на валунахъ сѣверной Германіи, принесенныхъ ледниками изъ скандинавіи, попадаются лишай, встрѣчающіеся только на скандинавскихъ горахъ, слѣдовательно, эти лишай были на валунахъ (въ ледниковую эпоху) раньше, чѣмъ валуны попали въ Германію. Но возрастъ лишаявъ, хотя, правда, можетъ имѣть нѣсколько тысячелѣтій, никакимъ образомъ не можетъ быть измѣряемъ десятками или даже сотнями тысячъ лѣтъ.

ГЛАВА IX.

Рассмотрѣніе доказательствъ древности чело-веческаго рода, являющихся извѣстными фактами, приводитъ насъ къ заключенію, что между существованіемъ множества разноразличающихся между собою расъ. Недостаточность свидѣтельствъ о древности нынѣ существующихъ расъ. — Нерасователъность въ вопросѣ объ образованіи расъ заключенія отъ настоящаго къ прошедшему. — Быстрые измѣненія въ чело-веческой организаціи. Разнообразіе окраски кожи и волосъ у различныхъ племенъ — Мифыя ученія о причинахъ измѣненія окраски кожи: мифыя Дрепера, Пемеля и Энгельмана. Вліяніе климата на весь телесный организмъ и на телесную величину. Вліяніе обидствъ лишений, болѣзней и извѣстности на чело-веческое тѣло. Вліяніе на организмъ почвы и занятій. Существованіе въ прошедшемъ условій благоприятныхъ для быстрого образованія расъ. — Возможность быстрого разселенія чело-вечества по земному шару.

Защитники ученія о глубокой древности чело-вечка думаютъ найти себѣ опору въ фактѣ существованія рѣзко раз-

личающихся между собою расъ. Для образованія расъ, по ихъ утверженію, нужно чрезвычайно много времени, между тѣмъ расы образовались уже давно, по крайней мѣрѣ, они были такими же во все извѣстное намъ историческое время. На египетскихъ памятникахъ, имѣющихъ по крайней мѣрѣ 4000 лѣтнюю древность, мы находимъ изображенія негровъ совершенно тождественныя съ современными. Далѣе. Опыты показываютъ, что въ теченіе цѣлыхъ столѣтій европейцы, живущіе съ неграми измѣнились весьма мало, ихъ типъ остался совершенно неизмѣнившимся и даже цвѣтъ лица сталъ только нѣсколько смуглѣе, слѣдовательно, условія, создающія расу, могутъ создать ее только въ теченіе тысячелѣтій. Такая аргументація представляется столь убѣдительною, что нѣкоторые полагаютъ, что образованіе расъ нужно приписать чуду, если принимать библейскую хронологию существованія человѣка. Въ первой части нашего труда мы видѣли, что такъ, наприм., поступилъ Pesnel. Онъ отнесъ образованіе расъ къ вавилонскому столпотворенію. Мы показали тогда, что мнѣніе о чудесномъ происхожденіи расъ не имѣетъ для себя основаній въ Библии. Теперь мы постараемся показать, что на основаніи наблюденій надъ окружающею дѣйствительностію должно признать, что времени для ихъ образованія требуется весьма немного, но напередъ скажемъ нѣсколько словъ о необѣдительности приводимыхъ соображеній въ защиту медленнаго и давнишняго образованія расъ. Прежде всего ссылка на памятники египетскіе не можетъ считаться убѣдительною по той причинѣ, что на самомъ дѣлѣ относительно изображеній на нихъ существуетъ много споровъ и тамъ, гдѣ одному угодно видѣть негра, другой готовъ видѣть европейца. Такъ Nott и Gliddon утверждаютъ, что Рамзесъ II (19 династія) имѣетъ гордыя европейскія черты ¹⁾ лица, между тѣмъ какъ Knot рѣшительнѣйшимъ образомъ настаиваетъ, что онъ по своимъ чертамъ совершенно тождественъ съ антверпенскими іудеями и два другихъ компетентныхъ судьи соглашаются въ томъ, что черты лица Аменофиса III (18 династія) имѣ-

¹⁾ См. изображеніе Ramses'a у Platz'a S 638.

зотъ рѣзко выраженную негрскую форму. Nott и Gliddon, напротивъ, описываютъ его, какъ человѣка смѣшанной крови, но только рѣшительно безъ примѣси крови негрской. Изображенія расъ на гробницѣ фараона Сети I ²⁾ въ Фивахъ дѣйствительно такъ опредѣлены, что относительно нихъ не можетъ быть споровъ и сомнѣній, но Сети I (отецъ Рамсеса II) едва ли царствовалъ болѣе, чѣмъ за 1200—300 лѣтъ до Рождества Христова. А къ этому времени, какъ покажемъ мы, расы могли образоваться. Затѣмъ на изображеніяхъ на гробницѣ Сети есть одна любопытная особенность, которая по нашему мнѣнію показываетъ, что расы тогда лишь формировались, но еще не сформировались, именно: негры тамъ изображены съ орлиными носами. Далѣе. Ссылка на то, что въ настоящее время вліяніе климата на человѣка ничтожно, не убѣдительно, ибо въ настоящее время переселяющійся европеецъ стоитъ совсѣмъ въ особыхъ отношеніяхъ къ природѣ и климату, чѣмъ древній переселенецъ. Европеецъ теперь заботливо охраняетъ себя отъ ея вліянія, а тогда переселенецъ безповоротно подчинился ей. Принятая нами теорія дѣтскаго возраста человѣчества въ первую эпоху его существованія еще болѣе побуждаетъ насъ воздерживаться отъ допущенія аналогіи съ современнымъ порядкомъ вещей въ этомъ отношеніи. Какъ ребенокъ въ дѣтскомъ возрастѣ способенъ измѣняться гораздо быстрѣе и разнообразнѣе, такъ и человѣчество въ первое время его существованія должно было отличаться гораздо болѣею пластичностью, способностью отливаться въ разнообразныя формы, только въ теченіе столѣтій эти формы подъ вліяніемъ благоприятныхъ условій фиксировались въ различныхъ странахъ различно. Въ виду этого мы должны принять, что теперь измѣненія расъ происходятъ медленно, но однако, факты показываютъ намъ, что и теперь измѣненія антропологическаго типа могутъ происходить весьма быстро, такъ что совершенно новая раса можетъ образоваться въ теченіе немногихъ столѣтій. Обратимся къ этимъ фактамъ.

²⁾ Изображенія смотри у Lenormant'a L'Hist. an. T-1. p. II.

Начнемъ съ разсмотрѣнія человѣческой кожи и ея окраски. Человѣческая кожа проходитъ всѣ отбѣнки отъ блѣдно-розоваго до совершенно чернаго. Рѣзко различаясь по цвѣту она однако у всѣхъ людей имѣетъ совершенно то же самое строеніе. Она состоитъ собственно изъ трехъ слоевъ: а) верхняя кожа (надкожица epidermis) б) собственно кожа (cutis derma corium) в) подкожная соединительная ткань. Надкожица состоитъ изъ высохшихъ клѣточекъ, превращающихся въ сухія роговыя пластинки, вполнѣ отвердѣвшія, подъ ними лежатъ сочныя клѣточки, выполняющія пространство между осязательными сосочками (papillae tactus) которыми устья верхняя поверхность собственно (кожи) кожи и между надкожицей и кожей (Rete Malpighii). Различіе въ окраскѣ кожи зависитъ отъ различія окраски клѣточекъ слизистой мальпигиевой ткани. Эти клѣточки у европейцевъ безцвѣтны, у малайцевъ наполнены желтою, у негровъ темною и черною краскою; отъ нихъ такой же цвѣтъ принимаетъ и надкожица. Нельзя сказать чтобы и у европейцевъ всѣ клѣточки были лишены этого красящаго вещества, въ некоторыхъ мѣстахъ, отличающихся темною окраскою, они имѣютъ его, наприм. на бородавкахъ Andreas Wagner утверждаетъ, что онъ видѣлъ у блѣдыхъ бородавки, которыя ихъ темною окраскою совершенно напоминаютъ окраску негровъ. Темнота окраски кожи усиливается по направлению къ экватору. Свѣтлѣйшіе представители кавказской расы, норвежцы живутъ на сѣверныхъ берегахъ Европы, испанцы и южно-итальянцы смуглы, абиссинцы живущіе около самаго экватора, черны. Крайнее разнообразіе въ окраскѣ кожи представляютъ евреи. Въ западу отъ Темска въ степяхъ барбинскихъ они имѣютъ свѣтлую окраску и блѣды волосы, въ Англіи и Германіи блондины еврей встрѣчаются только рѣдко, въ Испаніи, Португаліи, Сири, Остѣ-Индіи и Конго еврей гораздо темнѣе, на малабарскомъ берегу они совершенно черны. На окраску кожи сильнѣе вліяютъ климатическія отношенія. Прунеръ сообщаетъ изъ собственнаго наблюденія, что европеецъ, акклиматизировавшійся въ Египтѣ чрезъ короткое время получаетъ грязно-коричневую окраску, въ Абиссиніи онъ принимаетъ какую то особенную брон-

зовую окраску, на берегах Аравии — желтую, худосочно-блѣдную — въ Сирии, свѣтлорычневую — въ пустынях Аравии и ярко-красную въ сирийской области. Langedon на- шель на маркизовыхъ островахъ европейцевъ, которые въ нѣсколько лѣтъ получили окраску столь же темную, какъ и туземцы. Потомки португальскихъ выходцевъ на остро- вахъ зеленого мыса въ теченіе 300 лѣтъ, по Forster'у, блѣ- дались почти совершенно черными, въ Гвинее и Батави они темнѣе туземцевъ. И эта темнота окраски не можетъ быть приписана смѣшенію съ черными, ибо чистота кавказ- ской крови ясно доказывается чисто сохранившимися кав- казскими типами. Жители горъ много свѣтлѣе по окраскѣ и много сильнѣе, чѣмъ родственные имъ по происхожденію обитатели долины. Индусы въ холодныхъ горныхъ обла- стяхъ — именно въ Гиммалаяхъ — совершенно блѣды, живущіе на югъ — черны. Sion Posch въ Гиндукушѣ, которые гово- рить языкомъ близко родственнымъ къ санскриту, блѣды, какъ и европейцы, жители кашмира — темнаго цвѣта. Индо- станцы рослы, сильны, свѣтлой окраски, бенгалцы съ ихъ сырымъ всегда мягкимъ климатомъ малы, слабы и имѣютъ черную окраску. Если абиссинецъ, обычная оливко-коричне- вая окраска кожи котораго въ дождливое время становится свѣтлѣе и приближается къ розовой окраскѣ европейца, схо- дить съ выеоты въ долину, то его кожа становится темноко- ричневой. Въ Перу жители горъ имѣютъ болѣе свѣтлую окра- ску, чѣмъ жители равнины. Добригоферъ часто видѣлъ въ лѣ- сахъ Паратвай индусовъ, имѣвшихъ европейски блѣлую окраску, напротивъ того, почти совершенно живущіе на водѣ, сильно подверженные вліянію погоды пейягуасы имѣ- ютъ темную окраску. Вообще окраска измѣняется весьма легко. Какъ легко измѣняется цвѣтъ кожи, такъ же легко измѣняется и цвѣтъ волосъ.

Кельты Галліи во время римскихъ императоровъ описы- вались географами, какъ блондины. Но это описаніе не подходитъ къ современнымъ французамъ, поэтому должно заключить вмѣстѣ съ Помелемъ, что такіе признаки могутъ измѣняться въ короткое время. Изображенія, которыя мы находимъ на картинахъ Рафаэля и раньше его у Mosolino,

Masacio, Ghirlandaso не соответствуют современнымъ представлѣніямъ о національной фizioноміи итальянцевъ, они болѣе напоминаютъ германскій типъ. Этотъ же типъ можно видѣть на французскихъ изображеніяхъ раннѣйшихъ вѣковъ, особенно на изображеніяхъ королей. Теперь этотъ типъ не встрѣчается ни во Франціи ни въ Италіи. Sargolel пишетъ, что въ Англіи рыжіе волосы во время Генриха VIII были еще преимущественными, въ началѣ 15 столѣтія сѣрые глаза встрѣчались чаще, а черные волосы и глаза рѣже, чѣмъ теперь. Британскій дворянинъ, по имени Macnaughten, жилъ долгое время въ южной Индіи и въ образѣ своей жизни вполне подражалъ туземцамъ, слѣдствіемъ этого было то, что кожа его на закрытыхъ мѣстахъ потемнѣла такъ же, какъ кожа брамановъ. У негритенка, привезеннаго Serhard'омъ Rohls'омъ изъ Bigornі въ Германію, черезъ два года окраска измѣнилась изъ глубокой черной въ свѣтлоричневую. Особенно рѣзко бросается въ глаза то сходство, которое замѣчается у людей, жившихъ долгое время въ южной странѣ, съ народомъ этой страны. Sutzloff, который долго жилъ въ Китаѣ, Favego Oedön, венгерецъ болѣе 10 лѣтъ тоже прожившій тамъ, получили китайскую окраску и китайскій типъ. Въ Америкѣ часто встрѣчали одичавшихъ европейцевъ, которые едва отличались отъ индѣйцевъ, между которыми жили. Подобные же случаи извѣстны въ Новой Голландіи и Новой Зеландіи. Свойства человѣческихъ волосъ находятся подъ сильнымъ вліяніемъ климата. Волосы англичанина въ Америкѣ становятся болѣе жесткими, волосы негра—менѣе волнисты. Самый возрастъ существенно измѣняетъ волосы. Дѣти негровъ имѣютъ въ первое время жизни шелковистые, каштановые волосы, которые только позднѣе постепенно окрашиваются и завиваются. Нужда, бѣдствія и дурная пища дѣлаютъ человѣческіе волосы жидкими и слабыми; замѣчательно, что негрскія племена, которыя живутъ наиболѣе жалкимъ образомъ, имѣютъ особенно сильно курчавые волосы, далѣе, что у полинезійцевъ личности съ курчавыми волосами особенно часто встрѣчаются въ служащемъ классѣ. Если негритосы съ филиппинскихъ острововъ подобно

тагайцамъ живутъ въ лучшихъ условіяхъ, то они становятся не по внѣшности только подобны тагайцамъ, но и волосы ихъ становятся глаже.

Потемнѣніе окраски кожи ставятъ (Дрэперъ) въ зависимость отъ глубоко лежащей физиологической причины. Въ жаркихъ тропическихъ странахъ воздухъ бѣденъ кислородомъ и потому онъ не можетъ выдѣлять въ достаточномъ количествѣ углеродъ крови черезъ легкія, поэтому кровяные шарики заключаютъ въ себѣ болѣе углерода, который должны выдѣлять остальные органы чрезъ повышенную дѣятельность, чтобы въ организмѣ не нарушалось равновѣсіе. Между тѣмъ какъ въ холодныхъ странахъ углеродъ выдѣляется легкими и почками, въ жаркихъ странахъ онъ долженъ быть удаляемъ, какъ желчь и пигментъ, чрезъ печень и кожу. Пониженная дѣятельность легкихъ имѣетъ такимъ образомъ своихъ слѣдствіемъ повышенную дѣятельность кожи и послѣдняя должна выдѣлять изъ организма матеріалъ въ другихъ случаяхъ выдѣляемый легкими. Непосредственное дѣйствіе теплоты и свѣта подвергаетъ химическому разрушенію испаряющійся матеріалъ еще раньше, чѣмъ онъ проникнетъ на поверхность кожи, причемъ часть углерода отлагается и сообщаетъ пигментовымъ клѣточкамъ болѣе или менѣе темную окраску. Этимъ объясняется, что дѣти негровъ иногда рождаются бѣлыми или близко къ бѣлому цвѣту и черную окраску приобретаютъ только въ послѣдствіи, когда вполне сформируются органы дыханія и выдѣленія. Что же касается до того, что дѣти негровъ въ умѣренной полосѣ рождаются совершенно черными, то это есть слѣдствіе закона наслѣдственности. Въ теченіе столѣтій или даже тысячелѣтій ихъ предки находились подъ вліяніемъ условій самымъ рѣшительнымъ образомъ способствующихъ образованію черной окраски, понятно, что она должна была фиксироваться, фиксироваться настолько прочно, что при измѣненіи условій обратное образованіе окраски совершается весьма медленно. Слѣдствіемъ испаренія черезъ кожу того матеріала, который выдѣляется черезъ легкія и почки, у негровъ является особый специфическій запахъ, который нервамъ бѣлаго человѣка кажется весьма

• Своего мнѣ отъ различнаго климата, да различнаго климата
 неприятнымъ. Фогтъ пытался разсматривать этотъ запахъ
 какъ специфическое свойство негра, но это неосновательно:
 каждый человекъ имѣетъ около себя свою атмосферу испареній,
 что доказывается тѣмъ, что собаки узнаютъ своего хозяина по запаху. Итальянцы, провансалцы, говорятъ тотъ же Фогтъ, въясне много лука, чеснока, сельдерея, несомнѣнно распространяютъ около себя иной запахъ чѣмъ обитатели Исланди и Норвегии, питающиеся главнымъ образомъ рыбою и ворванью. И хотя запахъ негровъ нестерпимо пронзителенъ, однако испанцы и португальцы менѣе чувствительны къ нему, потому что сами страдаютъ подобнымъ же бѣдствіемъ. Пешель потемнѣние кожи ставитъ въ связь съ другою физиологическою причиною. Давно извѣстно, что негрскія племена пользуются вполне прекращеннымъ зловоньемъ тамъ, гдѣ массы европейцевъ похищаютъ смерть отъ береговой лихорадки. Желтая лихорадка нѣредко шадитъ въ Америку не только негровъ, но даже мулатовъ, между тѣмъ какъ изъ бѣлыхъ она убиваетъ 10-го. Если должно признать взаимную зависимость между окраскою кожи и безопасностью отъ мѣстныхъ болѣзней, то очевидно, что при первомъ населеніи мѣстъ, вызывающихъ лихорадку, 1) тѣ люди, которые имѣли темный цвѣтъ или потемнѣли здѣсь, лучше противостояли опасностямъ мѣстности, 2) бѣлѣвшіе между ними были похищены смертью скорѣе. Такъ путемъ естественнаго отбора и должны были образоваться здѣсь черныя племена. Объясненіе Пешеля цвѣтнное, эволюціонною теоріею представляется намъ несостоятельнымъ. Какъ въ большинствѣ эволюціонныхъ объясненій въ немъ находится такой логическій скачекъ: оно объясняетъ сохраненіе, а не происхожденіе признака, объясняетъ, почему изъ африканскихъ обитателей сохранились только черные, а не почему обитатели Африки стали черными. Пешель представляетъ дѣло такъ: въ Африку переселились бѣлые люди. Климатъ оказался для нихъ губительнымъ (за исключеніемъ тѣхъ, цвѣтъ кожи которыхъ былъ сравнительно темнѣе). У сохранившихся лицъ дѣти рождались, конечно, и болѣе свѣтлыя и болѣе темныя, чѣмъ они. Сохранились только болѣе темныя и т. д. и т. д., пока,

наконец, не народились совершенно черные, и черный цвет не фиксировался. Спрашивается, почему же фиксировался черный цвет, когда из самой гипотезы следует, что для пели достаточно бы было смуглаг; спрашивается далее, во сколько времени могла совершиться таким путем фиксация черного цвета и может ли даже это время вмещаться в какой-нибудь геологический период? Наконец, вопрос о происхождении черного цвета и рождении черных детей даже и при ршении вышеприведенных вопросов в теории Пешеля остается открытым. — Энгельманъ отмѣчаетъ еще, что физиологическое объясненіе происхожденія черной окраски страдаетъ односторонностію. Допустимъ, что черная окраска охраняетъ отъ некоторыхъ болѣзней, но съ другой стороны, черная окраска, поглощая болѣе тепла въ тропической странѣ, прежде всего должна причинять болѣе страданія. По мнѣнію Энгельмана, нужно искать другаго фактора для объясненія происхожденія черной окраски тропическихъ обитателей. Этотъ факторъ — свѣтъ. Человѣкъ погруженъ въ безконечный океанъ свѣтовыхъ и тепловыхъ волнъ, и подобно всему существующему проникнуть ими. Вся знали о дѣйстви теплоты на организмъ, потому что непосредственно ошущали дѣйствіе тепловыхъ волнъ, но и свѣтоты волны производятъ постепенное, хотя непосредственно и неощущаемое дѣйствіе на человѣка. Свѣтъ производитъ раздраженіе кожи; если позади раздражаемаго мѣста помѣститъ пигментъ, то раздраженіе усилится. Пигментъ находится у насъ въ глазу и оттого глазъ такъ чувствителенъ къ свѣту (первѣйшая, самая простая форма глаза есть пигментная клетка). Но если пигментъ помѣститъ предъ раздражаемою поверхностію, то дѣйствіе свѣта на послѣднюю ослабѣетъ. Въ тропическихъ странахъ постоянная яркость свѣта могла бы вредно дѣйствовать на концевые аппараты нервовъ, раздражая ихъ, и вотъ черный пигментъ защищаетъ ихъ. Такимъ образомъ черный цветъ кожи у тропиковъ является весьма целесообразнымъ. Таково объясненіе Энгельмана, но должно замѣтить, что это объясненіе отмѣчаетъ только целесообразность въ устройствѣ организма, а не объясняетъ ея происхожденія. Во

всякомъ случаѣ должно признать, что вполне удовлетворительнаго объясненія чернаго цвѣта кожи и вообще варіарій ея цвѣтовъ нѣтъ ³⁾).

Но не наше дѣло отыскивать причины измѣненій въ окраскѣ кожи у человѣческихъ племенъ. Намъ важно только констатировать, что анатомическія измѣненія могутъ происходить быстро въ человѣческихъ организмахъ. Мы отмѣтили это по отношенію къ цвѣту волосъ и кожи, теперь покажемъ, что таковыя измѣненія легко и быстро могутъ происходить и во всемъ организмѣ.

Климатъ имѣетъ величайшее вліяніе на тѣлесный организмъ Самый чистый браманъ въ тѣлесномъ строеніи, окраскѣ кожи, формѣ черепа, во всемъ вполне сходенъ съ народною массою. Эскимосовъ и жителей Огненной земли, живущихъ равно въ суровомъ климатѣ, хотя и раздѣленныхъ громаднымъ разстояніемъ, многіе путешественники находили весьма сходными. Индусы, живущіе въ жаркихъ низменностяхъ, отличаются отъ горныхъ обитателей остроумъ, менѣе выдающимся лбомъ, хотя и не обнаруживаютъ различія въ духовныхъ дарованіяхъ. Бэръ приводитъ длинный рядъ изслѣдованій, которыя повидимому доказываютъ, что обитатели береговъ и низменностей обладаютъ болѣе плоскимъ, обитатели горъ, напротивъ, овальнымъ черепомъ. Чистый, такъ глубоко презираемый негрскій типъ самымъ рѣзкимъ образомъ выражается только въ двухъ низменностяхъ, между тѣмъ какъ вполне родственныя племена, которыя живутъ въ болѣе высокихъ областяхъ, какъ тѣлесно, такъ и духовно организованы несравненно лучше. Кафферъ есть подлинный негръ, но при удаленіи изъ жаркаго пояса его черепное строеніе мѣняется и становится подобнымъ европейскому. Въ сѣверной Америкѣ образуется новая раса почти на нашихъ глазахъ, характеристическіе признаки которой уже рѣзко обозначились, хотя со времени пересече-

---

³⁾ Теорія Энгельмана изложена въ Nature 1864. № 773 P. B. 1884. Теорію Пешеля см. въ его „Народовѣдѣніи“ (Переведено на русскій языкъ въ 1891 г.). Теорію Дрэпера въ его „Физиологія чедовѣка“ (переведено въ 1867 г.).

ленія туда смѣнилось всего немного поколѣній, и постоянный притокъ нашихъ переселенцевъ доставляетъ непрестанно свѣжую кровь, которая необходимо задерживаетъ и замедляетъ процессъ преобразования. Англійская раса заселила Соединенные штаты только со времени переселенія пуританъ (1620 г.) и со времени Пенна. (1681 г.). Прошло менѣе 2½ столѣтій съ тѣхъ поръ, и англоамериканцы или янки уже не похожи на своихъ предковъ. Уже во второмъ поколѣннн обнаруживается у американскихъ креоловъ (потомковъ бѣлыхъ европейскихъ родителей) на свѣрхѣ нѣкоторое измѣненіе чертъ лица, приближающее ихъ къ мѣстной расѣ. Кожа становится суше, румянецъ исчезаетъ, аппаратъ железъ выступаетъ менѣе, волосы дѣлаются темнѣе и глаже, въ лицѣ болѣе выступаютъ височныя ямы, яремныя кости образуютъ сильнѣйшій выступъ, глаза лежатъ глубже, челюсти являются болѣе неуклюжими. Далѣе, кости конечностей становятся длиннѣе и тоньше, такъ что въ Англии и во Франціи оказались принужденными заготовлять для Соединенныхъ Штатовъ особенныя перчатки съ особенно длинными пальцами. Тоже самое обнаруживается на нѣмецкихъ переселенцахъ. Нѣмцы въ Пенсильваніи, говоритъ dr. Schutz, отличаются отъ оставленныхъ ими земляковъ настолько же, насколько янки отъ англичанъ. Въ южной Америкѣ на европейскихъ переселенцахъ обнаруживается подобное же измѣненіе. На антильскихъ островахъ европейцы вслѣдствіе долгаго пребыванія стали неузнаваемыми и приняли многія американскія черты. (Португальцы на канарскихъ островахъ сдѣлались блѣдными и желтыми: креолы получили красную и коричневую окраску). Такимъ же образомъ измѣняются англичане въ Австраліи. Хотя они носятъ еще постоянно, говоритъ Lung, на челѣ отпечатокъ британскаго отечества, однако, подчиненные вліянію страны и климата, они отличаются отъ англичанъ не менѣе, чѣмъ и американцы. Какую форму приметъ ихъ типъ, это можно узнать теперь, судя по младшему поколѣннн. Сложеніе принадлежащихъ къ послѣднему хотя все еще крѣпко, стройнѣе и тоньше, свѣжій англійскій цвѣтъ лица исчезаетъ, характеръ ихъ

становится живее и веселее, напротив, характер америкашцев вследствие холодной расчетливости становится менее веселым и откровенным. На неграх, ввезенных в Америку климатическое влияние тоже очевидно. Пью-торые писатели утверждают, что после многих поколений негры в Америке становятся похожими на облыхь. Дети негров, рожденные на антильских островах, говорит Kiser, имеют негрские черты только в незначительной степени. Волосы и цвет кожи не изменяется, но лицо теряет свой негрский тип, и во всех других отношениях негры — креолы становятся ближе к облыхь. Негры Североамериканских штатов, говорит Реклю, не имеют вполне африканского негрского типа, их кожа редко бывает совершенно черной, хотя их предки из Гвинеи совершенно черны. Кости лица не так выступают вперед, губы не так толсты, нос не так плоск, волосы не так похожи на руно, черты лица не так сильно напоминают животное, лицевой угол менее остр, чем у облыхь. Их братьев в старом свете. В течение 1 столетия уничтожилась в их внешнем виде // того расстояния, которое отделяет их от облыхь. Негр изменяется и в Африке, если он переселяется в другую местность. Bastian говорит, что негры, переселившиеся в Донголу (провинцию в Нубии) чрез 3—4 поколения теряли их характеристическая черты и принимали черты расы Донгольской.

Климатическая отношения имеют также влияние и на телесную величину. Северные народы вообще меньше ростом, поскольку сильный холод действует удручающим образом на развитие всей органической жизни. Поэтому хилы растения умеренного пояса, растения на высоких горах и около полюса. Но нужно заметить, что рост людей варьирует весьма незначительно. Нет ни народов — пигмеев ни народов — великанов. Рост пататонцев, говорит Schubert относится к росту эскимосов едва, как 3:2, между тем как у различных разновидностей собаки отношение бывает равно 1:12. Богатое, обильное питание усиливает рост тела. Полинезийские вожди на островах

южного моря вообще хорошо сложены, потому что они лучше питаются. Поразительная малорослость бумменовъ на южномъ краю малабарскаго берега приписывается дурному питанію, поелику на сѣверѣ, гдѣ страна богата личью Шартонъ нашелъ ихъ сложенными гораздо лучше. Якуты на сѣверѣ, окруженные суровой природою, хилы и малоразвиты, напротивъ, на югъ они крѣпки и рослы, но здѣсь они имѣютъ и лучшую пищу.

Бѣдствія и лишения удручающимъ образомъ дѣйствуютъ на душу и тѣло. При колонизации Ulstera, самой сѣверной провинціи Ирландіи, вслѣдствіе преслѣдованія британцевъ въ 1649—1689 гг. природные Ирландцы большими толпами бѣжали изъ Athlone и съ юга Downa въ горную область, которая простирается отъ владѣчества Fews a къ востоку до моря. На другой сторонѣ королевства то же самое племѣ разселось по Leitrimy, Sligo и Mayo. Съ тѣхъ поръ эти люди постоянно подвергались злomu дѣйствию голода и неразвитости. Вліяніе это сказалось на ихъ внѣшнемъ видѣ. У нихъ открытое, выдающееся впередъ, лице съ обнаженными зубами и деснами, выдающіяся скулы и сплюснутый носъ. Въ Sligo и сѣверномъ Mayo двухсотлѣтнія притѣсненія и бѣдствія отражаются во всемъ тѣлесномъ строеніи народа. Въ среднемъ они всѣ ростомъ около 5 ф. 2 дюймовъ, съ отвислымъ животомъ, съ кривыми ногами, похожи на недоносковъ. Одежда ихъ — связка лохмотьевъ, они представляютъ теперь только призракъ того народа, который некогда былъ рослымъ, ловкимъ и мужественнымъ. Точно также жители Огненной земли, которые живутъ на скалистыхъ берегахъ, среди суровой природы, стѣпенные скалами въ своемъ свободномъ движеніи и принужденные проводить большую часть жизни въ хижинахъ и на челнокахъ, совершенно забыты, имѣютъ тонкія и кривыя ноги. Однако они по д'Обиру и другимъ родственны съ сильными Арауканцами и съ патагонцами, еще менѣе похожими на нихъ по своимъ привычкамъ и нравамъ.

Болѣзни и унаслѣдованіе специальныхъ особенностей могутъ тоже вліять на измѣненіе человѣческаго тѣла. Немного лѣтъ тому назадъ, сообщаетъ Фогтъ, въ одну суровую зиму

явилась въ Швейцаріи особенная форма болѣзни, развивавшаяся у странниковъ и бродягъ и выражавшаяся въ глубокой негроподобной окраскѣ кожи. Причемъ потемнѣніе кожи обнаруживалось не на открытыхъ мѣстахъ—лицѣ и рукахъ, но напротивъ прежде всего выступало на груди и животѣ и такъ выражалось всего сильнѣе. Эдуардъ Ламбертъ, родившійся въ 1717 г. отъ совершенно здоровыхъ родителей, былъ въ теченіе всей своей жизни покрытъ скорлупою почти въ дюймъ толщины, неправильно растреснутою въ различныхъ направленіяхъ. Эта скорлупа создала ему прозвище челоѣка-дикобраза. Его особенное свойство кожи наслѣдовали всѣ 6 его сыновей и кромѣ того еще 2 внука. Въ семействѣ Кольбурна 4 поколѣнія были полидактилическія, т.-е. имѣли пальцевъ болѣе, чѣмъ сколько обыкновенно ихъ имѣютъ люди. (Въ домѣ Габсбурговъ толстыя губы исчезли только со времени ихъ браковъ съ Ягеллонами). Великорослая охранная гвардія Фридриха Прусскаго произвела и слѣдующее поколѣніе великорослыхъ. Мы уже сообщали о волосатости сіамскаго семейства, въ которомъ волосатый сіамецъ передалъ свою особенность одной изъ своихъ дочерей, а та также одному своему сыну. У Шаапабергеровъ въ области Ангас оказывается отсутствіе ушной мочки (нижней части уха), встрѣчающееся также у Сагофовъ въ Испаніи, безъ сомнѣнія эта особенность сдѣлалась всеобщею путемъ унаслѣдованія ея, явившейся въ первый разъ случайно у одного или немногихъ. У іудеевъ предписываніе закономъ обрѣзанія крайней плоти привело къ тому, что у нихъ нерѣдко рождаются дѣти ея лишеныя—обрѣзанныя природою. Для обозначенія такихъ существуетъ особый терминъ — *Nulamohl* — рожденные обрѣзанными. Относительно семействъ Ламберта и Кольбурна Катрфажъ замѣчаетъ: если бы потомства этихъ семействъ были тщательно выдѣлены, какъ потомства первыхъ *Manschomp*-мериносовъ, то могли бы возникнуть 2 новыя челоѣческія расы: дикобразная и шестипалая.

Почва и занятія имѣютъ также громадное вліяніе на челоѣческое тѣло. *Durant von Gros* подтверждаетъ изслѣдованіе *E. Lartet*, что именно въ авейронскомъ департаментѣ

жители, живущіе на мѣловой почвѣ отличались замѣчательною рослостью отъ жителей тѣхъ кантоновъ, гдѣ подпочву составляютъ гранитъ и туффъ. По изслѣдованіямъ dr. Albespy, ростъ жителей увеличивался на 2—3 сантиметра въ тѣхъ не мѣловыхъ округахъ, гдѣ для плодородія вводилось мѣловое удобрение. А въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это удобрение практиковалось долгое время — даже на 4 сантиметра. Что касается до занятій, то могутъ охотничьи народы, и особенно австралійцы, служить образцомъ, вообще, они отличаются симметриею и пропорціональностью строенія тѣла и въ сравненіи съ ними культурные народы, особенно жители большихъ городовъ, стоятъ на весьма низкой степени. По Тайлору изъ измѣреній dr. Beddoes выходитъ, что жизнь въ промышленныхъ городахъ Англій произвела поколѣніе, которое отъ 2,5 до 5 сантиметровъ ниже, чѣмъ предшествовавшее, переселившееся изъ деревень въ города. Племена Schlangen индійцевъ, отступившіе передъ врагами въ горныя области и тамъ жалчайшимъ образомъ влачащія существованіе, замѣтно отличаются низкимъ ростомъ и низменными чертами лица отъ ихъ родственныхъ племенъ, живущихъ въ плодородныхъ областяхъ и питающихся лучшею пищею. Вліянію климата и почвы должно также приписать стеатопигію бушменокъ и готтентонокъ. Стеатопигія состоитъ въ томъ, что въ сѣдалищной части необыкновенно развивается подкожный жиръ и служитъ къ образованію страннаго придатка. Эта жировая масса достигаетъ иногда чудовищной величины. Wagrow упоминаетъ о случаѣ, когда жировая масса возвышалась на 14 сантиметровъ надъ перпендикуляромъ, опущеннымъ изъ наиболѣе выдающейся точки спины. Случаи этого жироваго придатка, по Дарвину, не постоянны. Стеатопигія встрѣчается у нѣкоторыхъ негрскихъ расъ. Ливингстонъ встрѣчалъ ее у женъ бозровъ, имѣвшихъ голландское происхожденіе. Подобное явленіе бываетъ и въ животномъ мірѣ. Таковы, наприм., жировые горбы у нѣкоторыхъ американскихъ быковъ, или курдюки у среднеазіатскихъ овецъ вѣсомъ отъ 30 до 40 ф. То обстоятельство, что при переселеніи этихъ овецъ въ Россію чрезъ нѣсколько поколѣній курдюки исчезаютъ, служитъ яснымъ

доказательствомъ, что причину ихъ нужно искать въ влияніи климата и почвы.

Признавая и констатируя фактъ легкой измѣнчивости человѣческой организации подъ влияніемъ различныхъ условий, должно сознаться однако, что не всегда легко отыскать причины этой измѣнчивости. Не только бываетъ нелегко объяснить явленіе, но и трудно установить связь и послѣдовательность фактовъ, ибо съ приведенными нами объясненіями окраски кожи и съ указанною послѣдовательностію различныхъ измѣненій въ организмъ не согласуется многое. Ботокуды и другіе жители тропической Америки, которые живутъ почти въ томъ же климатѣ какъ негры, проживающіе на противоположномъ берегу Атлантическаго океана и имѣютъ почти тѣже привычки и нравы, отличаются отъ нихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Съ другой стороны, мы видимъ, что въ умеренномъ климатѣ, наприм., въ южныхъ частяхъ Австраліи живетъ столь же черная раса, какъ и въ экваторіальной Африкѣ. Финны, сѣверные славяне, нѣмцы — блѣдлицы, тщетно стали бы искать бѣлыхъ подъ тѣми же широтами въ Америкѣ. Аймары, жители высотъ Перу-Болливии, живущіе на такой высотѣ, которая равна высочайшимъ вершинамъ Berner Oberlandes, отличаются темнокоричневою краскою, которая въ самыхъ холодныхъ мѣстностяхъ становится особенно темною. Напротивъ того юракуры, которые населяютъ склоны южноамериканскихъ кордильеръ, которые покрыты постоянными осадками, бѣлаго цвѣта.

Но какъ бы то ни было, приведенные факты (первоначально изложенные Притчардомъ и Катрфажемъ, затѣмъ Дреперомъ, Дарвиномъ и др.) несомнѣнно доказываютъ 2 положенія: 1) весьма значительную пластичность человѣческой организации, 2) способность человѣческой организации быстро измѣняться подъ влияніемъ вѣншихъ условий. Оба эти утвержденія должны быть весьма поучительными для лицъ утверждающихъ, что въ наукѣ существуютъ положенія несовмѣстимыя съ христіанствомъ. Не такъ давно представители человѣческой мысли рѣшительно отрицали пластичность человѣческой организации и говорили (Воль-

терь), что только слѣпой можетъ сомнѣваться; что бѣлые, негры, альбиносы, готтентоты, лапландцы, китайцы и американцы имѣютъ различное происхожденіе. Ученые считали несомнѣннымъ, что негры и европейцы произошли отъ различныхъ, не имѣвшихъ никогда ничего между собою общаго, предковъ⁴⁾. Отсюда дѣлаютъ выводъ, что библейское ученіе о происхожденіи всехъ людей отъ Адама, несостоятельно. Но современные намъ ученые говорятъ, что только слѣпой можетъ сомнѣваться что виды не могутъ варіировать, и что человекъ и утконосъ могутъ имѣть общее происхожденіе. А такъ какъ утконосъ во всякомъ случаѣ гораздо менѣе похожъ на человека бѣлаго, чѣмъ негръ, то слѣдовательно возможность превращенія послѣдняго въ перваго не можетъ быть сомнительной даже и для слѣпаго. Далѣе, констатированная способность человека быстро измѣняться подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій отнимаетъ опору у защитниковъ глубокой древности человека въ фактъ существованія расъ. Факты показываютъ намъ, что расы могутъ образовываться быстро, а если мы обратимъ вниманіе на 2 обстоятельство: 1) что прежде пластичность человѣческаго организма была еще больше, и 2) что прежнія условія существованія болѣе способствовали измѣненіямъ человека, то мы должны признать, что они и дѣйствительно образовались быстро. Большая пластичность человѣческаго организма въ прошедшемъ, замѣтимъ, не есть только выводъ изъ предположенія дѣтскаго возраста человечества, нѣтъ, она есть выводъ изъ фактовъ иного рода, только подтверждающихъ эту гипотезу. Обратимся къ животному міру. Что мы видимъ тамъ? Видимъ способность быстро измѣняться и особенно у тѣхъ организмовъ, которые быстро размножаются, которые вообще находятся не въ стадіи вымиранія, а въ стадіи развѣта, находятся въ періодѣ юности. Число породъ собакъ безчисленно и различіе между этими породами весьма велико, однако большая часть изъ нихъ, образованная путемъ искусственнаго отбора, возникла въ весьма короткое время. Велико также число лошадиныхъ п

⁴⁾ PlatZ. S. 126.

Есть лошади безъ шерсти, безъ гривы, съ длинными гривами и хвостами и т. д. Американскій рогатый скотъ, безъ сомнѣнія происшедшій отъ европейскаго, рѣзко отличается отъ него по величинѣ и по строенію. Нѣкоторыя породы имѣютъ лудовицкіе рога, нѣкоторыя совершенно безроги, какъ наприм., въ Парагваѣ. Эти происходятъ отъ одного быка, который въ 1770 г. былъ рожденъ отъ обыкновенныхъ родителей, но не имѣлъ рогъ, всѣ его потомки тоже безроги, и это племя теперь еще воспитывается въ Парагваѣ. Нѣкоторые быки имѣютъ жировой горбъ на ихъ плечахъ, другіе — громадные висящія уши, длинную гриву, нѣкоторыя достигаютъ величины небольшихъ слоновъ до 4000 фунтовъ, другіе имѣли величину собаки. Всѣ эти породы возникли въ весьма непродолжительное время. У животныхъ, которыя находятся въ стадіи вымиранія, которыя такъ сказать, кончаютъ ихъ жизненный путь, мы не замѣчаемъ такой способности къ измѣненіямъ. Слоны, львы, не дробятся на безчисленное количество породъ и не обнаруживаютъ способности легко приспособляться къ новымъ условіямъ. Какъ относительно индивидуума справедливо то, что въ началѣ его существованія организмъ его легко можетъ измѣняться и приспособляться къ различнымъ условіямъ, такъ тоже самое оказывается справедливымъ и относительно видовъ. Это положеніе, оправдывающееся на всемъ животномъ мірѣ, должно быть справедливо и въ приложеніи къ человѣку. Современныя поколѣнія слишкомъ много наслѣдовали отъ своихъ предковъ, и наслѣдство это очень прочно, потому что оно передавалось въ теченіе многихъ поколѣній. Законъ наслѣдственности въ настоящее время и заставляеть людей отливаться по образу и подобию ихъ родителей, не уклоняясь направо и на лѣво, но для первыхъ человѣческихъ поколѣній возможность уклоненій и приспособленій должна была быть несравненно больше вслѣдствіе отсутствія сопротивленія со стороны наслѣдственности. Далѣе, условія существованія первобытныхъ племенъ также должны были способствовать ихъ уклоненію отъ первоначальнаго типа. Кочевая и охотничья жизнь первобытныхъ поколѣній дѣлала то, что люди не жались одинъ около дру-

гихъ, а расходились далеко между собою. Въ Библии мы читаемъ, что уже первый сынъ перваго человѣка покинулъ его навсегда. Несомнѣнно, что, хотя и не по такимъ грустнымъ причинамъ, но подобные случаи бывали постоянно. Представимъ теперь себѣ, что изъ извѣстнаго племени выдѣляется семейство и отправляется куда нибудь вдаль искать новаго счастья. Если племя жило гдѣ-нибудь въ западной Азіи, также въ Арменіи, около Тигра и Ефрата, то немного требуется пройти семейству изъ прежняго мѣстожителства, чтобы оказаться или въ условіяхъ, которыя способствовали выработкѣ самаго совершеннаго кавказскаго типа или негрскаго или монгольскаго. Двигаются переселенцы къ югу чрезъ Суэцкій перешеекъ, отправляются вверхъ по Нилу, достигаютъ его верховьевъ, здѣсь всѣ благоприятныя условія для пріобрѣтенія цвѣта кожи и нѣкоторыхъ другихъ чертъ негрскаго типа. Если наши переселенцы вмѣсто того, чтобы идти съ своей родины къ юго-западу двинутся къ сѣверовостоку то они окажутся въ странѣ, гдѣ подѣ дѣйствіемъ природы должны будутъ пріобрѣсти монгольскія черты. Если же вмѣсто того, чтобы идти къ сѣверовостоку они пойдутъ къ сѣверозападу, то окажутся на Кавказѣ—въ мѣстахъ, гдѣ природа способствуетъ выработкѣ самаго красиваго, самаго совершеннаго кавказскаго типа. Конечно, первобытные переселенцы, ведя съ природою борьбу за существованіе, едва ли поставляли своею задачею защищаться отъ вліянія природы на измѣненіе ихъ организацій—ихъ *habitus'a*, они вполне отдавались природѣ, власть надъ которой ихъ прародители потеряли въ раю, и въ теченіе немногихъ столѣтій природа могла отлить ихъ потомковъ въ типичныя формы существующихъ въ настоящее время расъ. Это особенно могло быть въ тѣхъ случаяхъ, когда колонисты, вышедшіе съ родины небольшими отрядами, далеко уходили отъ родины и далеко расходились между собою. Небольшія человѣческія общества оказывались тогда раздѣленными между собою обширными незанятыми пространствами, пункты, занятые ими могли послужить центрами образованія новыхъ расъ, они по волѣ Провидѣнія оказывались въ самыхъ центрахъ

образования расъ. Эмигранты должны были, очевидно, приобрести въ различныхъ мѣстахъ типъ совершенно различный, должны были рѣзко различаться между собою такъ, что между различными племенами нельзя установить посредствующихъ звеньевъ. Такія обстоятельства бывали и они то подали поводъ нѣкоторымъ ученымъ составить теорію о многихъ центрахъ происхожденія человѣчества. Такую теорію особенно горячо защищаль Агассицъ⁵⁾. Если происхожденіе нѣкоторыхъ изъ этихъ центровъ можно объяснить такъ, какъ представили мы выше, то, очевидно, нельзя однако объяснить такъ ихъ всѣ. Невозможно допустить, что изъ какой-нибудь небольшой группы людей, жившей гдѣ нибудь у подножія армянскихъ горъ отпавились сразу 10 колоній и къ сѣверному и къ южному полюсу и на востокъ и на западъ. На самомъ дѣлѣ, какъ и когда образовалась американская раса? Мы думаемъ, что центръ распространенія извѣстной расы вовсе не всегда представляетъ собою мѣсто ея возникновенія и дѣйствительнаго ея распространенія въ прошедшемъ. Это особенно имѣетъ мѣсто въ вопросѣ объ американской расѣ. Прежде всего по отношенію къ ней должно установить то, что она вовсе не представляетъ того однообразія, какое ей приписывалось. Ея сѣверные поселенцы очень близки по своему типу съ поселенцами сѣверовосточной Азіи, въ среднихъ широтахъ Америки можно встрѣтить племена по своему типу совершенно напоминающія европейцевъ за исключеніемъ цвѣта кожи. Но и цвѣтъ кожи американцевъ далеко не всегда одинаковъ на сѣверѣ и на югѣ онъ гораздо свѣтлѣе, а у экватора темнѣе. Языки различныхъ американскихъ племенъ рѣзко различаются между собою. И здѣсь, между прочимъ, открывается то въ высшей степени любопытное обстоятельство, что корни этихъ языковъ сходны съ корнями монгольскихъ языковъ, несомнѣнно эти языки родственны между собою. А родство языковъ въ данномъ случаѣ непременно должно вести къ предположенію о родствѣ по происхожденію. Правда, французскій языкъ очень много

⁵⁾ См. Дрѣпера стр. 211—212.

похожъ на латинскій и тѣмъ не менѣе французы произошли не отъ римлянъ, но, вѣдь, однако языку-то этому они научились отъ римлянъ. Но у американцевъ не могло быть такихъ отношеній къ азіатцамъ, какія были у галловъ и римлянъ, а потому и единственно возможное объясненіе сходства ихъ языковъ заключается въ предположеніи ихъ родства. Ниже мы будемъ говорить подробнѣе о языкахъ, теперь же ограничиваемся сдѣланными указаніями, ибо ихъ достаточно, чтобы опровергнуть теорію центровъ происхожденія человѣчества и человѣческихъ племенъ по отношенію къ Америкѣ. Факты эти заставляютъ предполагать, что человѣкъ пришелъ въ Америку изъ Азіи. Въ Азіи краснокожихъ нѣтъ, значить, антропологическія особенности этого племени возникли подъ вліяніемъ климата. То мѣсто, гдѣ живутъ обитатели съ наиболѣе рѣзко выраженными этими особенностями, отнюдь нельзя считать мѣстомъ, откуда распространились всѣ обитатели по Америкѣ. Факты лингвистики и указанія преданій доказываютъ это. Сѣверныя племена Америки очень сходны по языкамъ съ сѣверовосточными племенами Азіи, но ни у тѣхъ, ни у другихъ племенъ мы не встрѣчаемъ ясныхъ преданій о первобытныхъ временахъ, преданій, представлявшихъ бы сходство съ западноазиатскими, но такія преданія оказываются у народовъ центральной Америки. Если американцы расселились съ сѣвера (черезъ Беринговъ проливъ), то не могло бы быть этого сходства въ преданіяхъ; если изъ центральной части, то не могло бы у сѣверныхъ обитателей Америки быть родства по языку съ азіатцами, остается одно, что Америку населили переселенцы, приходившіе изъ различныхъ странъ и различными путями. Однако изъ всѣхъ этихъ переселенцевъ въ концѣ выработалась одна раса. Выше мы указывали, что и современные переселенцы въ Америку начинаютъ приближаться къ американскому типу, въ прошедшее время это приближеніе, какъ полагаемъ, мы достаточно доказали, должно было происходить несравненно быстрѣе и, пользуясь аналогіей съ настоящимъ, можно утверждать, что 2—3 столѣтій достаточно, чтобы эти первобытные колонисты приняли новый *habitus*.

Но защитники глубокой древности человѣка, пытаясь почерпать свою аргументацію изъ этнографій, обращаютъ вниманіе на другую сторону дѣла, они спрашиваютъ: во сколько могло произойти расселеніе человѣческаго рода по всему земному шару и затѣмъ образованіе племенъ. Они настаиваютъ прежде всего на томъ, что расселенія вообще происходятъ весьма медленно, и что въ прошедшемъ, когда человѣкъ владѣлъ несравненно слабѣйшей индустріей, они должны были происходить еще медленнѣе, что въ первое время существованія человѣка они, пожалуй, не могли и совсѣмъ происходить, по крайней мѣрѣ, на далекое разстояніе. При современномъ состояніи нашихъ знаній о человѣкѣ эта аргументація представляется столь слабою, что возникаетъ удивленіе, какъ когда либо кто-нибудь могъ пользоваться ею. И однако мы можемъ встрѣтить ее, наприм., въ книгѣ Нота и Глиддона, вышедшей всего 30 л. назадъ, ею пользовался Атассицъ, умершій всего нѣсколько лѣтъ. Аргументація эта рѣшительно несостоятельна. Покажемъ ея несостоятельность. Отъ потопа до Р. Хр. по тексту LXX протекло, считаютъ обыкновенно, 3246 лѣтъ и до нашихъ дней, значить, 5140 лѣтъ. Согласно обычному пониманію Библии весь существующій родъ человѣческій произошелъ отъ сыновей Ноя. Въ настоящее время на землѣ считается около 1500 милліоновъ (несомнѣнно меньше), спросимъ прежде всего: могло ли такое количество людей произойти отъ трехъ паръ въ теченіе 5 тысячъ лѣтъ? Мальтусъ въ своемъ сочиненіи, прославившемся по совершенно неизвѣстной причинѣ, утверждаетъ, что человѣчество удваивается въ теченіе 25 лѣтъ. Его расчетъ невѣренъ, потому что онъ дѣлалъ его на основаніи наблюденій надъ соединенными штатами, гдѣ народонаселеніе удваивалось въ теченіе 25 лѣтъ, вслѣдствіе посторонняго притока изъ Европы и отчасти Азіи. Въ Россіи согласно статистическимъ указаніямъ народонаселеніе удваивается въ теченіе 60 лѣтъ. Если мы для опредѣленія размноженія человѣчества примемъ послѣднюю цифру, то, очевидно, мы скорѣе получимъ цифру меньше истинной, или равную, но никакъ не больше ея. Въ настоящее время у народовъ культур-

ныхъ народонаселеніе размножается гораздо слабѣе, чѣмъ оно размножалось въ прежнее время. Но принимая во вниманіе войны; опустошительныя болѣзни, наконецъ бѣдствія переселеній, о которыхъ мы будемъ говорить сейчасъ, мы допускаемъ послѣднюю цифру, именно допускаемъ, что человечество утраивается въ теченіе столѣтій. Спрашивается, сколь велико въ такомъ случаѣ будетъ число людей, происшедшихъ отъ 3 паръ въ теченіе 5000 лѣтъ. Отвѣтить не трудно. Мы имѣемъ геометрическую прогрессію, первый членъ которой = 6 (Симъ, Хамъ и Тафеть съ женами), знаменатель которой = 3, число членовъ которой = 50, намъ нужно узнать величину послѣдняго члена $X = 6 \cdot 3^{49}$, равнаго 6×3^{49} (3 сорокъ девять разъ умножено само на себя). Логарифмируя это выраженіе и отыскивая по найденному логарифму соотвѣтствующее ему число ($\text{Lg } X = 24.1571000$), мы получаемъ цифру съ 24 нулями, т. е. получаемъ тысячи квадрильоновъ. Эта цифра неизмѣримо выше скромныхъ 1500 милліоновъ. Отчего же это такъ, отчего человечество размножалось въ прошедшемъ такъ медленно, несравненно медленнѣе, чѣмъ въ настоящее время? Несомнѣнно, что 1) оно размножалось въ прошедшемъ быстрѣе, 2) что оно было здоровѣе; значитъ, необходимо принять, что оно и гибло гораздо быстрѣе. На первый взглядъ такое допущеніе представляется весьма естественнымъ: люди стѣяли въ большой зависимости отъ природы, больше вели войны и т. д. Но такъ кажетъ только на первый взглядъ. Войны прошедшаго времени являются игрушечными въ сравненіи съ войнами 19 вѣка. Одна менѣе чѣмъ годъ продолжавшаяся война на небольшомъ уголку Европы въ 77 г. положила болѣе людей, чѣмъ столѣтнія войны древности, не говоря уже о томъ, что въ настоящее время война ведетъ за собою страшное экономическое разореніе страны, рѣзко отражающееся на приростѣ народонаселенія. Остается, значитъ, что въ прошедшемъ людей тубила борьба съ природой. Но какая же борьба? Если они жили на одномъ мѣстѣ и занимались земледѣліемъ или даже кочевали постоянно по однимъ и тѣмъ же степямъ, то въ такомъ случаѣ ихъ борьба съ природою была не больше той, которую ведетъ

современный европеец противъ истощенной почвы. Но совсѣмъ иное дѣло борьба съ природой при переселеніяхъ, тамъ люди гибнутъ тысячами, такъ они гибли должно полагать, и въ прошедшемъ. Но успѣвали ли они въ своихъ попыткахъ переселенія: высокія горы, обширныя пустыни, океанъ, густыя тысячевѣрстныя лѣса, населенныя страшными хищниками, не являлись для первобытныхъ эмигрантовъ непреодолимыми преградами, а при попыткахъ ихъ перейти западныя и могилами? Но кому неизвѣстно, что высокія горы всегда имѣютъ проходы или вообще пути, по которымъ можно совершить переходъ и при томъ переходъ черезъ нихъ всегда скорѣе совершить человѣкъ нецивилизованный, чѣмъ культурный. Солдаты Аннибала перешли Альпы съ своими слонами, Суворовъ перешелъ черезъ чертовъ мостъ, Бонапартъ тоже прошелъ съ пушками черезъ Альпы въ Италію. Такъ или иначе, арійцы нѣкогда спустились черезъ Гиммалаи въ Индію, по крайней мѣрѣ, они, вѣдь, издавна живутъ по обѣ стороны Гиммалаевъ. Обширныя пустыни? Но каждый день по нимъ проходятъ караваны. Чтобы совершать переходы черезъ горы и пустыни, конечно, требуется умъ и ловкость, но кто же станетъ отрицать, что назадъ тому 5 тысячъ лѣтъ человѣкъ имѣлъ и то и другое. Катрфажъ ⁶⁾ приводитъ слѣдующій случай переселенія, совершавшагося при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ людьми, которые не могутъ быть причислены къ числу культурныхъ. „Въ 1771 г. калмыки, жившіе на берегахъ Волги, съ женами и дѣтьми въ количествѣ 600,000 человѣкъ, которыхъ довольно трудно причислить къ культурнымъ, отправились въ Китай. Въ теченіе 8 мѣсяцевъ, не смотря на крайнія бѣдствія отъ холода и жара, несмотря на постоянныя преслѣдованія арміею казаковъ, высланною для ихъ преслѣдованія, не смотря на голодъ и жажду, они прошли по снѣжнымъ горамъ и пустынямъ по прямой линіи $\frac{1}{8}$ часть окружности земнаго шара ($4\frac{2}{3}$ тысячи верстъ), но это пространство по крайней мѣрѣ нужно удвоить, принимая во вниманіе уклоненія въ сторону, необходимыя въ до-

⁶⁾ R. q. S. T. II p. 665.

рогѣ. Болѣе 250,000 душъ погибло въ дорогѣ; пусть такъ, но 350 тысячъ достигли своей цѣли. Но кто станетъ утверждать, что при такихъ же печальныхъ условіяхъ совершались первыя эмиграціи человѣка?“ Утверждать это никто не станетъ, ибо въ данномъ случаѣ люди бѣжали отъ враговъ, а въ первое время нужно полагать, кочевники и охотники эмигрировали часто, ища отъ хорошаго лучшаго. Рѣки, океанъ? Что касается рѣкъ, то нѣтъ дикаря, который не умѣлъ бы переплывать ихъ на плоту или на чемъ иномъ. А относительно океана изслѣдованія Катрфажа и Горація Галя и другихъ доставили намъ весьма любопытныя указанія, говорящія, что и переселенія по нему совершались легко людьми, стоящими на самой низкой ступени культуры. „Изслѣдованія Галя и Катрфажа основанныя на изученіи устныхъ преданій различныхъ народовъ полинезіи, историческихъ пѣсней, повторяемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, на тщательномъ изученіи родословія ихъ главныхъ домовъ; позволили возстановить, съ вѣрностію совершенно безъ пропусковъ и считая только факты положительные, путь и время морскихъ эмиграцій полинезийцевъ. Невозможно оспаривать теперь, что полинезія, эта область, которую географическія условія, повидимому изолировали отъ всего остальнаго міра была населена въ эпоху близкую къ нашей путемъ свободной миграціи и случайнаго расселенія, происходившей, по крайней мѣрѣ, для главнаго ядра поселенцевъ въ направленіи съ запада къ востоку, и заселеніе было совершено племенами не употреблявшими даже металловъ, а пользовавшимися полированнымъ камнемъ. Полинезийцы пришли изъ Малезіи и въ особенности съ острова Буро, сначала они остановились и обосновались на архипелагахъ Samoa и Tonga, отсюда они послѣдовательно заселили весь открывавшійся предъ ними морской міръ. Вездѣ, куда они приставали, они находили пустыню за исключеніемъ 3—4 пунктовъ, гдѣ нашли малочисленныя племена крови болѣе или менѣе черной. Даже болѣе. Нашли возможнымъ опредѣлить весьма точно время главныхъ моментовъ переселенія этихъ странныхъ эмигрантовъ. Уже послѣ Р. X. предки полирезійцевъ вышли съ острова Буро и въ

4 первые вѣка этой эры распространились до Самоа и Tonga: Въ V вѣкѣ они заняли Маркизскіе острова, въ VIII—Сандвичевы, въ XIII—островъ Манаія (въ другомъ направленіи), откуда вышли колонисты, поселившіеся въ Новой Зеландіи между 1400—1500 гг. Итакъ, это было позднѣе первыхъ годовъ XV вѣка, когда маори заняли эту землю, маори, въ которыхъ желали видѣть автохтоновъ населенной ими страны“ 7). Такъ недавно, оказывается, заселилось южное полушаріе. Если мы представимъ, о чѣмъ будетъ рѣчь ниже, что родина первобытнаго человѣка была въ западной Азій, то населеніе всего стараго свѣта не представитъ для насъ никакихъ затрудненій. Возьмемъ Европу. Уже на глазахъ исторіи, мы видимъ, вторгаются въ нее миллионныя орды кочевниковъ въ эпоху великаго переселенія народовъ. Эти орды были оттолкнуты народами Западной Европы, но если бы въ Европѣ не оказалось поселенцевъ раньше, то изъ этихъ орды и могло бы образоваться современное населеніе и можетъ быть оно было бы теперь немного менѣе 300 миллионовъ Европы: Скифы, авары, гунны, татары, мадьяры, турки проходятъ по Европѣ. Мало этого. Другой потокъ народовъ, устремившійся изъ Азій, мы видимъ, приходитъ въ Европу черезъ Африку и чрезъ Гибралтаръ, и это движеніе совершается очень быстро и успѣшно, пока, наконецъ, Карлъ Мартелль не отбѣснилъ арабовъ изъ Франціи, разбивъ ихъ при Пуату. Всѣ эти народы, за исключеніемъ, пожалуй, арабовъ вовсе не могли похвалиться своею культурою. Однако, мы видимъ, что переселенія они совершали весьма легко. И потому то мы не имѣемъ основаній отрицать, что только за немногое времени передъ ними потокъ арийцевъ устремился въ Европу и въ теченіе немногаго времени успѣлъ хорошо и прочно устроиться на новомъ мѣстѣ жительства. Заселеніе Африки совершилось такъ же легко, какъ и населеніе Европы. Къ западной Азій Африка лежитъ близко, тропце, она соприкасается съ нею и связывается суэцкимъ перешейкомъ. Въ этомъ направленіи первобытныи, человѣкъ долженъ былъ

7) Lenormant, p. 250.

двигаться прежде всего: здѣсь не было ни горъ, ни морей ни большихъ пустынь. Народности культурныя, жившія въ Африкѣ—исторически извѣстно—пришли изъ Азіи. Хамитическое происхожденіе нѣкоторой части египетскаго населенія не подлежитъ сомнѣнію и съ научной точки зрѣнія. Равно не подлежитъ сомнѣнію хамитическое происхожденіе части берберскаго племени. Извѣстно, далѣе, что въ Африку вторглись чиксы—народъ изъ Азіи, впоследствии опять оттѣсненный изъ Египта. Нельзя отрицать возможности, что раньше этихъ народностей изъ Азіи двинулись въ Африку еще другія. Эти авангарды оттѣсненные обстоятельствами слишкомъ далеко въ глубь Африки легко могли потерять тамъ подъ условіями мѣстности и жаркаго климата начатки той культуры, которую несли изъ Азіи. Часть Африки могла быть населена и инымъ путемъ, именно морскимъ. Основанія для этого предположенія представляетъ населеніе Мадагаскара ⁸⁾. Населеніе его, согласно реферату Бордые, состоитъ изъ всѣхъ отбросковъ народностей, двигавшихся изъ Африки, Аравіи, Индіи, Малезіи и можетъ быть Австраліи. Китай тоже доставилъ туда своихъ поселенцевъ. Flacourt говоритъ о существованіи тамъ еврейскихъ колоній. Къ господству на островѣ стремится элементъ малайскій, представителемъ котораго является здѣсь народъ Новаз. Мадагаскаръ связывается въ настоящее время съ берегомъ Аравіи, малабарскимъ берегомъ, бенгальскимъ заливомъ, Зондскими островами и Австралію посредствомъ великихъ теченій, которыя всѣ направляются къ сѣверному пункту острова. По мнѣнію Бордые дѣйствительное населеніе Мадагаскара было доставлено на него дѣйствіемъ потоковъ. Но если смѣлые авантюристы, вѣря коварнымъ волнамъ свою жизнь и счастье, могли принестись сюда съ устьевъ Ганга (изъ Бенгальскаго залива), то тѣмъ болѣе, конечно, могли они отсюда чрезъ Мозамбикскій проливъ переправиться въ Африку. Многихъ обитателей Мадагаскара и могли заставить сдѣлать это болотныя лихорадки и дизин-

⁸⁾ См. Les Instructions pour l'ite de Madagascar R. Q. S. T. V. p. 313—314.

терія. Что такія переселеническія движенія могли не требовать много времени, это доказывается примѣромъ заселенія Малезіи, совершившемся всего въ теченіе немногихъ столѣтій. Миграціи въ Америку совершались вѣроятно непрерывно, начиная съ того момента, когда первые предки нынѣ живущихъ племенъ вышли на ея почву до настоящаго времени. Тамъ первые изслѣдователи находили представителей и бѣлой и черной и желтой расъ, разсѣянныхъ между краснокожими туземцами. Вѣроятно они были занесены туда потоками Гольштрема, или Куро-Сиво (Черная рѣка) или другими изъ самыхъ различныхъ мѣстностей. Съ теченіемъ времени, конечно они должны были смѣшиваться съ туземцами, но въ теченіе извѣстнаго періода должны были отличаться отъ нихъ, сохраняя свой типъ. Кромѣ этого въ Америкѣ по нашему мнѣнію были обитатели, предшествовавшіе нынѣ живущимъ тамъ племенамъ. Доказательствомъ этого служитъ геологическая, палеонтологическая, археологическая древность находимыхъ тамъ слѣдовъ чловѣка. Обыкновенно полагаютъ, что эти предки нынѣ живущихъ племенъ, смѣшавшіеся съ новыми колонистами. Но мы не держимся этого взгляда, считая время ихъ жизни допотопнымъ. Единственное возраженіе, которое можно привести противъ нашего взгляда, что современные американцы по своему антропологическому типу родственны своимъ древнимъ землякамъ, какъ и въ вопросѣ объ европейцахъ, не выдерживаетъ критики, ибо сходство объясняется вліяніемъ на тѣхъ и другихъ одинаковой природы, а не генетическимъ родствомъ.

Г Л А В А 10.

Разсмотрѣніе доказательствъ древности человѣческаго рода, почерпаемыхъ изъ факта давнишняго существованія многихъ рѣзко различающихся между собою языковъ и изъ данныхъ хронологіи древнихъ культурныхъ народовъ. Три естественныя группы существующихъ языковъ: языки радикальные, агглютинативные и флексивные. Доводъ полигенистовъ (Агассица), почерпаемый изъ лингвистики и замѣчаніе Катрфажа? Недостатки существующей классификаціи языковъ. Приложение теоріи вѣроятностей (Юнгомъ) къ опредѣленію родства между языками. Родство арійскихъ и семитскихъ языковъ. Мифныя ученія о родствѣ китайскаго и мексиканскаго языковъ и т. д. Родство всехъ языковъ земнаго шара (по Гейтру). Причины измѣненія языковъ: физическая организація человѣка, нравы, обычаи, социальныя условія: Направленіе въ измѣненіи языковъ. Разсмотрѣніе хронологическихъ датъ Китая, Индіи, Халдеи и Египта.

Люди раздѣляются не по племенамъ только, но и по языкамъ. Защитники ученія о глубокой древности человѣческаго рода пытаются найти себѣ основанія и въ фактѣ давнишняго существованія различныхъ языковъ. Говорятъ, что на землѣ существуетъ 860 языковъ: 53 — въ Европѣ, 153 — въ Азій, 115 — въ Африкѣ, 422 въ Америкѣ и 117 — въ Австраліи. Многие изъ этихъ языковъ родственны между собой, поэтому ихъ пытаются приводить въ общія родственныя группы, но и такихъ группъ оказывается очень много. При современномъ состояніи лингвистики по крайней мѣрѣ между 30 группами не можетъ быть показано никакого родства. Обращая вниманіе на то, что многіе языки, давно уже отлившіеся въ свою настоящую форму, должны были пройти раньше много фазъ въ своемъ развитіи, и что между многими изъ нихъ не замѣчается никакого родства, между тѣмъ какъ въ теченіи столѣтій языки почти не измѣняются, полагаютъ, что требовалось много тыся-

челѣтій для образованія нынѣ существующихъ языковъ и нарѣчій. Этотъ аргументъ, какъ и аргументъ, почерпаемый изъ факта давнишняго существованія различныхъ расъ, казался нѣкоторымъ и изъ вѣрующихъ ученыхъ столь убѣдительнымъ, что они склонялись къ мнѣнью о чудесномъ происхожденіи различныхъ языковъ, руководясь своеобразнымъ пониманіемъ XI гл. кн. Бытія. Въ первой части нашего труда (см. гл. 4 отд. I) мы пытались показать, что священный текстъ нисколько не уполномочиваетъ причину возникновенія различныхъ языковъ видѣть въ чудѣ, теперь мы попытаемся показать, что все существующее разнообразіе языковъ могло возникнуть естественнымъ образомъ въ теченіе того періода, который отводится для этого Библіею.

Всѣ существующіе языки подраздѣляются на 3 естественныя группы: языки радикальные, агглютинативные и флективные. Въ языкахъ радикальныхъ, иначе называемыхъ моносиллабическими и изолированными, существуютъ только слова простыя, которыя произносятся однимъ движеніемъ голоса. Они суть корни, имѣющіе заразъ значеніе и существительныхъ и глаголовъ, они сбозначаютъ понятіе, идею (напр. понятіе движенія). Способъ которымъ это слово соединяется съ другими, опредѣляетъ его значеніе и его категорическій смыслъ въ фразѣ. Грамматика всѣхъ языковъ этой группы можетъ заключать въ себѣ только синтаксисъ слова — корень неизмѣняемо. Значеніе его опредѣляется единственно мѣстомъ занимаемымъ имъ. Смотря по мѣсту, оно можетъ быть подлежащимъ, дополненіемъ, сказуемымъ, существительнымъ, мѣстоименіемъ, глаголомъ и т. д. Такъ, наприм. *ngotali* по китайски значить: я бью тебя, *pitango* ты бьешь меня. Число возможныхъ моносиллабическихъ словъ, произносимыхъ однимъ движеніемъ голоса, необходимо должно быть весьма ограничено. Въ китайскомъ языкѣ ихъ 450. Это число умножаютъ посредствомъ ударенія, называемаго тономъ (пѣвучая интонація), дѣлающимъ то, что одно и тоже слово звучитъ для уха различно. Отсюда въ китайскомъ языкѣ изъ 450 выходитъ уже 1203 слова. При такомъ ограниченномъ фонетическомъ матеріалѣ необ-

ходимо происходить то, что каждое слово въ китайскомъ языкѣ имѣетъ много словъ гомофонныхъ (созвучныхъ), значенія которыхъ совершенно различны. Спрашивается, какъ узнать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ какомъ значеніи употреблено слово? Китайцы въ этомъ случаѣ прибѣгаютъ къ способу поясненія (болѣе или менѣе остроумнаго) одного слова другими, именно послѣ слова, смыслъ котораго требуется опредѣлить, помѣщаютъ другое слово, значеніе котораго совпадаетъ съ тѣмъ значеніемъ, которое желаютъ придать первому. Напримеръ, по китайски tao можетъ имѣть такія значенія: похищать, достигать, покрывать, знамя, пшеница, вести, дорога, слово lu имѣетъ значенія: отвращать, повозка, драгоценный камень, роса, балажъ, дорога. То или другое изъ этихъ словъ, употребленное отдѣльно, оставяло бы въ полномъ недоумѣніи относительно того, какое понятіе или представленіе связывается съ нимъ. Какъ же въ такомъ случаѣ обозначить дорогу? Ее обозначаютъ плеонастическимъ выраженіемъ tao lu, представляющимъ соединеніе двухъ синонимовъ, поясняющихъ одинъ другой. Родъ слова въ китайскомъ опредѣляется только при помощи другаго слова. Опредѣляется способъ подобнымъ сейчасъ указанному. Употребляютъ для этой цѣли nan — мужчина и nin женщина, такъ nan tse значить сынъ, nin tse дочь. Большая часть грамматическихъ отношеній, опредѣляемыхъ въ другихъ языкахъ падежами склоненія, временами, наклоненіями и лицами, когда положеніе слова въ фразѣ само по себѣ не достаточно для такого опредѣленія, обозначается въ китайскомъ прибавленіемъ словъ, которыя сами по себѣ суть корни, имѣющіе собственное значеніе, какъ и опредѣляемые ими слова, но которыя въ данномъ случаѣ играютъ роль простыхъ вспомогательныхъ частицъ. Въ китайскомъ синтаксисѣ они называются „словами пустыми“ въ противоположность „словамъ полнымъ“ — корнямъ значеніе которыхъ остается во всей ихъ полнотѣ и независимости, словамъ изъ которыхъ наши переводы дѣлаютъ глаголы и существительныя.

Общая морфологическая система, характеризующая группу языковъ, агглютинативныхъ, состоитъ въ томъ, что

слово не составляется болѣе уже изъ одного корня, но образуется изъ соединенія многихъ корней. Въ этомъ подлѣположеніи различныхъ корней, доходящихъ до внутренняго единенія, одинъ изъ агглютинативныхъ или аггломератныхъ корней сохраняетъ свою реальную силу, между тѣмъ какъ собственное значеніе другихъ уменьшается, они служатъ только къ тому, чтобы опредѣлить способъ бытія или дѣйствія главнаго корня, значеніе котораго сохранено. Отсюда мы видимъ въ агглютинативныхъ языкахъ громадную серію моносиллабическихъ частицъ, служащихъ къ обозначенію всѣхъ категорій языка, всѣхъ понятій отношенія возможныхъ между словами въ фразѣ. Эти частицы присоединяются къ неизмѣняемому корню обыкновенно послѣ него, но въ нѣкоторыхъ словахъ и случаяхъ прежде и опредѣляютъ его грамматическій смыслъ, неопредѣленно удлиняя слова, но безъ сплавки или слитія съ нимъ или между собой. Такъ корень *sev* выражаетъ по турецки общее понятіе любви безъ различенія вербальной или номинальной категоріи. *Sev-gu* и *sev-i* суть существительное любовь, *sev-mek* неопредѣленное наклоненіе любить, *sev-er*, причастіе любящій. Отъ причастія производятся спряженія глагола по лицамъ и временамъ. Такъ въ настоящемъ: *sev-er-im*—я люблю, слово въ слово—я любящій, *sev-er-ler*, они любятъ, и въ прошедшемъ: *sev-er-di-m* я любилъ, *sev-er-di-ler*—они любили. Путемъ присоединенія послѣдовательно различныхъ частицъ получаютъ всю серію глаголовъ производныхъ или лучше—глагольныхъ изрѣченій, гдѣ понятіе варьируется различнымъ образомъ. Такъ: *sev-mek*—любить *sev-der-mek*—заставлять любить, *sev-isch-mek* любить взаимно. *Sev-il-mek*—быть любимымъ, *sev-me-mek*—не любить. Всѣ эти образовательныя; агглютинативныя частицы однѣ за другими съ нѣкоторыми аналогичными, комбинируются 24 различными способами такъ, что образуются формы подобныя, какъ *sev-isch-dir-il-me-mek*—не быть приведены къ тому, что бы любить другъ друга. Склоненіе существительныхъ слѣдуетъ такой-же системѣ: *sev-gu-ler-in* родительн. множ. *sev-gu-m*—моя любовь, *sev-gum-un* моей любви *sev-gu-ler-im*—именит. множ. *sev-gut-ler-im-in*—родит. множест.

Третью естественную группу языковъ представляютъ языки флексивные. Въ этихъ языкахъ, говоритъ Мори, корень претерпѣваетъ фонетическія измѣненія, служащія къ опредѣленію измѣненія отношенія между этимъ словомъ и другими. Элементы, которые въ агглютинативныхъ языкахъ являются строго неизмѣнными, въ языкахъ флексивныхъ становятся болѣе простыми и органическими. Флексивные языки представляютъ самую высокую степень грамматической структуры и служатъ лучше всего для выраженія и развитія идей. Ничто не можетъ лучше опредѣлить различіе между агглютинативными и флексивными языками, какъ сравнительное разсмотрѣніе склоненій и спряженій въ тѣхъ и другихъ. При склоненіи въ языкахъ агглютинативныхъ не бываетъ слитія между словомъ обозначающимъ отношеніе корня и самимъ корнемъ, роды тамъ едва различаются, простое окончаніе указываетъ число. Въ языкахъ флексивныхъ, напротивъ, всѣ измѣненія слова по роду, числамъ, отношеніямъ, выражаются измѣненіями, которыя отражаются на самомъ существительномъ и измѣняютъ его произношеніе, форму и удареніе. Въ глаголахъ измѣненіе корня является болѣе полнымъ и болѣе глубокимъ. Въ языкахъ агглютинативныхъ для обозначенія измѣненій глагола только внѣшнимъ образомъ присоединяется къ нему частица, въ языкахъ флексивныхъ при измѣненіи глагола по временамъ и наклоненіямъ измѣняется такъ сказать, самое тѣло слова. Вообще та частица, которая служитъ для обозначенія измѣненія въ отношеніяхъ слова въ языкахъ флексивныхъ, становится однимъ цѣлымъ съ этимъ словомъ въ языкахъ агглютинативныхъ, она въ сущности стоитъ отъ него отдѣльно. Возьмемъ для примѣра измѣненія глагола по лицамъ, въ агглютинативныхъ языкахъ оно производится чрезъ приставку мѣстоимѣній, также въ сущности оно производится и въ языкахъ флексивныхъ, но здѣсь мѣстоименія эти такъ слились съ словомъ, что ихъ уже трудно открыть. Глаголы агглютинативные чрезъ присоединеніе безчисленныхъ приставокъ могутъ выражать гораздо болѣе отношеній, чѣмъ глаголы флексивные, но за то въ глаголахъ флексивныхъ

• всегда сохраняется единство слова, и его не бываетъ въ глаголахъ агглютинативныхъ.

• Подъ три указанныя группы подходятъ всѣ языки, на которыхъ говорятъ на земномъ шарѣ. Относительно многихъ изъ языковъ можно показать, что они находятся въ родствѣ между собой, что они произошли отъ одного языка, который у различныхъ племенъ подѣ влияніемъ времени, мѣста и различныхъ обстоятельствъ измѣнялся различнымъ образомъ и такимъ образомъ изъ одного языка выходило нѣсколько новыхъ. Но между многими языками рѣшительно нельзя указать никакого родства. Простѣйшія слова ихъ, которыя уже нельзя привести ни къ какимъ простѣйшимъ формамъ, не представляютъ рѣшительно ничего общаго ни по ихъ звуковой матеріи, ни по ихъ слоговому строенію, законы, управляющіе измѣненіями и сочетаніями этихъ словъ, также совершенно различны. Этотъ фактъ приводился полигенистами, какъ наиболѣе убѣдительно доказывающій, что человѣчество произошло не отъ одной пары, но было создано, или вообще, возникло по націямъ. „Пусть прослѣдятъ, говоритъ Агассизъ, на картѣ географическое распредѣленіе медвѣдей, кошекъ, жвачныхъ, куриныхъ или всякаго другаго семейства и пусть затѣмъ докажутъ, какъ это можно сдѣлать для языковъ человѣческихъ (не важно, какими филологическими изысканіями), что ворчаніе медвѣдя камчатскаго связано съ ворчаніемъ медвѣдей тибетскихъ восточной Индіи, Зондскихъ острововъ, Неаполя, Сиріи, Европы, Сибири, Скалистыхъ горъ и Андовъ. Однако всѣ эти медвѣди разсматриваются, какъ различные виды, никакимъ образомъ не наслѣдовавшіе голоса одни отъ другихъ. Человѣческія расы не представляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. Все то, что сейчасъ сказано, справедливо относительно кудахтанья куриныхъ, кваканья утокъ, точно также, какъ и пѣнія дроздовъ, которые всѣ издаютъ ихъ гармоническіе и веселые звуки, каждый на своемъ діалектѣ, который не наслѣдствененъ и не происходитъ одинъ отъ другаго, хотя всѣ поютъ по дроздиному. Пусть филологи изучать всѣ эти факты и если они не слѣпы для уразумѣнія аналогіи въ природѣ, они сами усумнятся въ возмож-

ности имѣть довѣріе къ филологическимъ аргументамъ, употребляемымъ для доказательства родственнаго происхожденія. Хотя Агассизъ до конца жизни оставался противникомъ дарвинизма; мы сомнѣваемся, чтобы въ настоящее время онъ повторилъ свою аргументацію. Измѣненіе голоса у птицъ и животныхъ въ природѣ фактъ доказанный и въ происхожденіи медвѣдей отъ различныхъ родоначальниковъ едвали кто повѣритъ. Но и помимо этого Агассизу были сдѣланы чрезвычайно серьезныя возраженія противникомъ эволюціонной теоріи Катрфажемъ. Катрфажъ, останавливаясь на этомъ разсужденіи Агассиза, замѣчаетъ что, Агассизъ не удалилъ рѣзкаго различія, существующаго между языкомъ человѣка, голосомъ животныхъ и птицъ 1) языкъ человѣка постоянно измѣняется, голосъ животныхъ и птицъ неизмѣнно передается по наслѣдству. 2) родившагося ребенка можно научить говорить на какомъ угодно языкѣ, голосъ животныхъ путемъ воспитанія такъ преобразовать нельзя. Эти возраженія Катрфажа должны бы, полагаемъ, заставить отказаться Агассиза отъ своей аргументаціи, ибо эти возраженія сдѣланы на той почвѣ, на которой стоялъ самъ Агассизъ, на почвѣ отрицанія теоріи эволюціи и представляютъ неизбѣжный выводъ изъ тѣхъ посылокъ, въ которыя глубоко вѣрилъ послѣдній. Выводъ же этотъ двоякій: положительный и отрицательный. Положительный, слѣдующій изъ втораго пункта и утверждающій существованіе между людьми такого родства, котораго не существуетъ между различными видами животныхъ, и отрицательный слѣдующій изъ перваго пункта, говорящій что изъ отсутствія родства между языками людей нельзя выводить и объ отсутствіи родства между ними самими, ибо языки измѣняются. Этотъ выводъ имѣетъ доучительное значеніе и для сторонниковъ эволюціонной теоріи происхожденія человѣка. Фактъ легкости, съ какою человѣкъ можетъ научиться говорить на каждомъ языкѣ, съ какою каждый языкъ можно сдѣлать роднымъ для человѣка, говоритъ о недавнемъ дифференцированіи человѣческихъ племенъ и объ ихъ общемъ происхожденіи. Тотъ фактъ, что между многими языками не открыто родства также не гово-

рить за то, что этого родства и въ действительности нѣтъ. Мы могли бы утверждать последнее только въ томъ случаѣ, если бы мы знали всѣ существовавшіе и существующіе языки и видѣли бы, что между извѣстными изъ нихъ нѣтъ никакой генетической связи. Хотя и тогда выводъ полигенистическій не былъ бы обязательенъ для людей, допускающихъ возможность сверхъестественнаго, ибо тогда возникалъ вопросъ о возможности чудеснаго раздѣленія языковъ, дѣйствительность чего до послѣдняго времени кажется принимали всѣ толкователи. Но мы, какъ выше сказано, не принимаемъ такого взгляда на вавилонское смѣшеніе языковъ, а потому а priori признаемъ родство языковъ, объясняя себѣ то обстоятельство, что это родство доселѣ еще не открыто, тѣмъ, что многіе изъ существующихъ языковъ еще не изучены, исторія многихъ языковъ совершенно неизвѣстна, о многихъ языкахъ, бывшихъ и исчезнувшихъ, мы не получили никакихъ свѣдѣній, наконецъ, что и всѣ то вѣдѣ языки изучены далеко не въ совершенствѣ, вслѣдствіе чего многія генетическія нити и скрываются доселѣ отъ взоровъ филологовъ. Но несомнѣнно, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ будутъ открыты въ послѣдующее время. Поэтому на существующее дѣленіе языковъ на семейства мы смотримъ, какъ на временное, а не какъ на неизмѣнное. Мы перечислимъ теперь эти семейства:

Къ группѣ радикальной принадлежатъ:

Китайскій съ различными діалектами.

Аннамскій.

Камбоджскій или Кмерскій.

Менъ, на которомъ говорятъ обитатели дельты Иравади.

Семейство языковъ мѣамскихъ, типъ которыхъ есть бирманскій, извѣстный лучше другихъ:

Танъ или сѣамскій.

Семейство языковъ гималайскихъ, на которыхъ говорятъ потомки тѣхъ первобытныхъ племенъ Сѣвера Индіи, которыя были оттолкнуты нашествіемъ арійскимъ въ гималайскія долины.

Тибетскій.

Къ группѣ агглютинативныхъ языковъ принадлежатъ:

Языки угро-японскіе или алтайскіе.

Языки дравидовъ южной Индіи.

Языки Малайско-полинезійскіе (подраздѣляющіеся на маладонезійскіе, полинезійскіе и малайскіе; изъ которыхъ послѣдніе опять подраздѣляются на 2 вѣтви: тагалъскую и малайо-яванскую).

Языки папуасовъ или негровъ пелагійскихъ (очень мало изученные, Миклуха Маклай).

Языки австралійскіе.

Языки готтентотскіе или языки klicks характеризуемые придыханіемъ, называемымъ этимъ именемъ, которое помѣщается въ началѣ словъ: это суть звуки, производимые быстрымъ отрываніемъ языка отъ неба и прижиманіемъ ко рту, сосательнымъ движеніемъ.

Языки кафрскіе или банту, очевидно, всѣ происходящіе отъ одного кореннаго языка теперь исчезнувшаго (Фридрихъ Мюллеръ раздѣляетъ ихъ на 3 вѣтви).

Языки нилотикскіе или нубійскіе, на которыхъ говорятъ въ Нубіи, Дарфуртѣ, Кордофанѣ.

Языки сѣверо-западной Африки: Сенегала и Сиерра Ліоне.

Языки мандингскіе, на которыхъ говорятъ въ древнемъ африканскомъ государствѣ Мали и распространенные на сѣверозападѣ верхняго Судана.

Языки верхней Гвинеи.

„ дельты Нигера.

„ волофскіе, на которыхъ говорятъ въ Кейерѣ, Ватто, Диолофѣ и Даххорѣ.

Сѣвосточные языки верхняго Судана.

Языки Борлу центральной Африки.

Языки нульскіе, принадлежащіе народу, происходящему съ восточнаго берега Африки, который занимаетъ теперь въ центрѣ континента пространство около 750 мь въ длину и 126 въ ширину перерѣзываемое посерединѣ Нигеромъ, между 10° и 15° сѣверной широты.

Языкъ басковъ, происходящій непосредственно отъ древняго языка иберійцевъ и представляющій типъ абсолютно

изолированный въ западной Европѣ, замѣчательное явленіе постоянства и неизмѣнности.

Языки кавказскіе, на которыхъ, какъ и на языкѣ басковъ, говорятъ бѣлые аллофилы. Эти языки подраздѣляются на 2 главныя вѣтви, сѣверную и южную, изъ которыхъ одна распространена по сѣверную, а другая по южную сторону кавказскихъ горъ. Изъ этихъ двухъ вѣтвей можетъ быть болѣе бы основательно было составить 2 независимыя семейства. Къ первой вѣтви принадлежатъ лезгинскіе (аваровъ, кизилумуковъ, куринцевъ), клещскіе (чеченцевъ, удовъ и др.); черкесскіе или киркосійскіе. Ко второй (южной): картвелійскіе (георгійскій, имеретинскій, мингрельскій и грузинскій, лазовъ и стоковъ. Алародійскій языкъ клинообразныхъ надписей страны Вои и Арарата, по всей вѣроятности родственной съ ними и представляетъ ихъ древній типъ).

Языки кавказскіе и басковъ представляютъ намъ слѣды стремленія къ увеличенію агглютинаціи, которое можетъ простирается до того, чтобы обнять всю фразу въ одномъ словѣ такъ, что даже корень глагола способенъ соединиться путемъ аггломерациі съ другими словами, имѣющими самостоятельное значеніе эти два семейства занимаютъ съ точки зрѣнія морфологической (хотя родство ихъ ни между собой ни съ другими языками не опредѣлено) посредствующее положеніе между языками агглютинативными и подъ классомъ языковъ американскихъ, представляющихъ нѣсколько семействъ, родство между которыми неопредѣлено, но законы управляющіе которыми тождественны.

Языки американскіе суть олофрастическіе или слитные и полисгентетическіе. Они—олофрастическіе, ибо всю фразу приводятъ къ формѣ одного слова путемъ сліянія существительныхъ и глаголовъ. Причемъ самыя сливаемые слова не остаются неизмѣняющимися, но теряютъ нѣкоторыя изъ своихъ звуковъ и взамѣнъ приобрѣтаютъ другіе, что Либеръ называетъ энкансуляціею. Такъ, напр. альгонкинскіе: *nahnho-limoen*—приведите намъ лодку—составлено изъ *naten* приводить *amchol*—лодка, іевфоническаго и *neen*—къ намъ; въ чипчевейской композиціи *sogini gini tizoyan*,—если я

не беру, руки—слиты вмѣстѣ съ грамматическими частицами, означающими отношеніе модальности, *sogènat*—братъ и *opinsina*—рука. Въ американскихъ же языкахъ получилъ широкое примѣненіе принципъ полисинтетизма. Этимъ обозначаютъ способъ, которымъ всѣ американскіе языки соединяютъ большое количество понятій подъ формою одного и того-же сложнаго слова олофрастического или нѣтъ. Это слово вообще весьма длинное, представляетъ тѣснѣйшую агглютерацію различныхъ словъ, часто приведенныхъ просто къ буквамъ. Такъ альпенскіе *pilàrè* — молодой неженатый человѣкъ образовало изъ *pilsitt*—холостой и *lepàrè*—человѣкъ *amanganach guiminchì*—дубъ съ широкими листьями—изъ *amangi*—большой, великій *nachk*—рука, *quim*—плодь съ скорлупой и *achpransi* — стволъ дерева. Чипшейское *totochabo*—вино—сложено изъ *toto*—молоко и *chominabo* — гроздь винограда нахуатльское или мексиканское *picalchihua* — я строю домъ—разлагается на *pi*—я, *col*—домъ и *chihua* дѣлать. Названіе мѣста въ томъ же языкѣ *Achkli-Uacoshardocan*, обозначающее собственное мѣсто, гдѣ люди плачутъ, потому что вода красная, образовано агглютинаціею изъ *atl* — вода *chi chiltic* — красный, *tlacatl* — человѣкъ и *chusa* — плакать. Полисинтетизмъ состоитъ въ соединеніи однихъ словъ, теряющихъ ихъ, первые слоги съ другими, теряющими послѣдніе.

Гиперборейскіе языки, на которыхъ говорятъ различные народы арктическихъ областей, языки юкагировъ, чукчей, коряковъ, камчадаловъ, народовъ сѣверо-восточной Азіи и различные эскимосскіе діалекты, весьма мало извѣстны, и группировка ихъ весьма несовершенна. Съ одной стороны, они, кажется, приближаются къ языкамъ алтайскимъ Сибири, съ другой, къ языкамъ американскимъ. Въ послѣдствіи они можетъ быть еще доставятъ звенья цѣпи, важность которыхъ далеко не вполне сознаютъ теперь. Эти языки принадлежатъ къ группамъ языковъ аллютинативныхъ и къ подъ-классу языковъ (американскихъ) олофрастическихъ полисинтетическихъ. Замѣчательно, что тѣ свойства, которыя характеризуютъ подъ классъ языковъ американскихъ, между этими языками наиболѣе рельефно выступа-

ють въ языкахъ Эскимосовъ. Такъ гренландскій эскимось представляетъ намъ, на примѣръ, форму *núlisrri artorasudr sok*—онъ спѣшитъ идти на рыбную ловлю,—образованную изъ *auli sar*—ловить рыбу, *reartor être a faire quelque chose* и *pumesuarrok*—онъ спѣшитъ, или форму: *aglekkigiartor osurniarrok*—онъ быстро выходитъ и спѣшитъ писать. Къ группѣ языковъ флексивныхъ принадлежатъ хамитическіе или египтоберберскіе (египетскіе, ливійскіе, эфіопскіе).

Семитическіе представляютъ двѣ вѣтви: сѣверную (арамейскій, ассирійскій, хананейскій) и южную (измаилитовъ: арабскій, молтайскій, сафанійскій, и якшанидовъ (сабейскій, ходрамитскій и др.) арійскіе (Индоиранскіе: Санскритскій, пали, пралтири, индусовъ, зендскій, персидскій, курдскій, пелевскій, армейскій и др.); европейскіе: пеласгическіе или грекоиталійскіе, кельтическіе германскіе и латино-славянскіе.

Относительно классификаціи языковъ по группамъ и семействамъ должно замѣтить, что она прежде всего страдаетъ недостаткомъ общимъ съ классификаціями естественно-научными, рѣзко раздѣляетъ то, что на самомъ дѣлѣ связано многими переходными ступенями. Такъ 3 группы языковъ представляютъ въ дѣйствительности между собой переходныя ступени. Языкъ Бирманскій, относимый къ радикальнымъ, носитъ на себѣ первые слѣды агглютинаціи, по утверженію Бастіана и даже флексій, ибо извѣстныя отношенія въ немъ выражаются чрезъ присоединеніе или даже сліяніе частицъ, напр., да тца-а-ножамъ (дат. пад. множ.). Затѣмъ у приведенной классификаціи есть другой существенный недостатокъ, которымъ не страдаютъ классификаціи естественно-научныя. Она составлялась людьми, имѣвшими о большинствѣ языковъ самое смутное понятіе, между тѣмъ, какъ зоологи и ботаники хорошо знаютъ всѣ виды животныхъ и растений. Вслѣдствіе этого довѣріе къ представленной классификаціи не должно превосходить извѣстныхъ границъ. Она и оспаривается во многихъ своихъ частяхъ многими филологами. Такъ по мнѣнію М. Мюллера и Бунзена алтайскіе и дравидскіе языки, раздѣляемыя въ классификаціи, какъ не имѣющіе родства, на самомъ дѣлѣ имѣють

родство между собой, тоже самое М. Мюллеръ предполагаетъ относительно арійскихъ и семитическихъ языковъ. Другіе филологи, можетъ быть обладающіе болѣе сильнымъ воображеніемъ и меньшимъ знаніемъ дѣла, идутъ еще дальше и сближаютъ языки далеко отстоящіе одинъ отъ другаго. Юнгъ приложилъ теорію вѣроятностей къ опредѣленію родства между языками. Онъ поставилъ вопросъ: какое число сходныхъ словъ должно быть въ двухъ различныхъ языкахъ необходимо, чтобы можно было разсматривать эти слова, какъ принадлежащія коренному языку? Изъ его вычисленія вытекаетъ, что сходство одного слова не имѣетъ никакого значенія, но вѣроятность общаго происхожденія становится 3 противъ 1, (одного), когда оказывается два общихъ слова; болѣе 10 противъ 1, когда ихъ 3. Когда число общихъ словъ=6, вѣроятность становится равною болѣе, чѣмъ 700 и она будетъ равна около 100 тысячъ, когда ихъ 8. Можно быть почти увѣреннымъ, что 8 общихъ словъ въ двухъ различныхъ языкахъ принадлежали первоначально одному языку, и когда они оказываются въ одномъ языкѣ изолированными, не принадлежащими къ нему естественно, то ихъ должно разсматривать какъ заимствованныя. Если приложить этотъ принципъ къ семитскимъ и арійскимъ языкамъ, то, пожалуй, дѣйствительно должно будетъ признать ихъ родство такъ сильно оспариваемое Витнеемъ и другими. По санскритски 6—schesch по персидски, еврейски sche sch, по гречески—ἕξ, по латыни—sex, 7—по санскритски—saptan, по готески—sibim. по еврейски—scheba, арабски—seba, гречески—ἑπτα, латыни—septem. По гречески рогъ—κέρας, по латыни—cornu, по еврейски—keren, по сирійски—karno, по арабски—karu. Мама по санскритски—ama, по еврейски—em, imm, по арабски—om. Можно также между арійскими и семитскими языками указать сходство формъ, такъ въ нѣмецкомъ встрѣчаются формы еврейскихъ Verba derivata, напримѣръ казативная форма Тифиля: fällen, fallen, hangen, ihängen, legen, liegen, setzen, sitren, и т. д. Лепсіусъ указывалъ много поразительно сходнаго въ еврейскомъ и санскритскомъ языкахъ, именно въ поразительно сходныхъ коптскомъ и египетскомъ языкахъ призналъ особенности

обоихъ фамилій языковъ, какъ бы соединенными въ языкъ переходномъ. По Тэйлору языкъ древнихъ египтянъ и еврейскій имѣетъ важные пункты соприкосновенія. Въ египетскомъ языкѣ есть членъ, въ которомъ, какъ вообще въ мѣстоименныхъ словахъ различаются мужскій и женскій роды, замѣчательная особенность, чрезъ которую египетскій языкъ соприкасается, какъ съ семитскимъ, такъ и съ индо-европейскимъ. Такъ сближаютъ хамитскіе, семитскіе и арійскіе языки.

Идутъ дальше. По Гумбольту мексиканскій слогъ *ate* встрѣчается въ языкахъ монгольскихъ, татаръ, черемисовъ и чувашей, китайское окончаніе *tsin* можетъ быть находимо во многихъ американскихъ собственныхъ именахъ. *Paqaveu* составляютъ ряды словъ совершенно такъ же, какъ въ языкахъ тунгузскимъ и японскомъ. *Barton Vater* и *Lang* утверждали общее происхожденіе американскихъ и полинезійскихъ языковъ, доказывая это тѣмъ, что въ южно-американскихъ языкахъ находятся несомнѣнно малайскія слова. *Ellis* на основаніи сходства словъ въ языкахъ заключаетъ, что арауканцы принадлежали къ той же расѣ, какъ и новозеландцы. Это есть несомнѣнный фактъ, говоритъ *Kennedy*, что въ американскихъ и малайскихъ языкахъ много сходныхъ словъ и выраженій и даже находятъ выраженія тождественныя. Область распространенія малайско-полинезійскихъ языковъ весьма велика. Отъ Филиппинскихъ острововъ къ юго-востоку до Новой Зеландіи, отъ Новой Зеландіи чрезъ Таити къ сѣверо-востоку до Сандвичевыхъ острововъ, потомъ почти до восточныхъ береговъ Африки, до Мадагаскара господствуетъ въ сущности одинъ малайско-полинезійскій языкъ. Языкъ филиппинцевъ отличается отъ языка мадагаскарцевъ, какъ диалектъ. Новозеландцы могутъ понимать жителей Гавайи, хотя находятся отъ нихъ на разстояніи 4000 морскихъ миль. *Salkins* находятъ родственныя отношенія между китайскимъ, монгольскимъ и тибетскимъ языками. Приближеніе къ монгольскому и тибетско-бирманскому языку обнаруживаетъ по *Бастіану* дравидскій, который въ своихъ грамматическихъ особенностяхъ, какъ и въ системѣ чисель, показываетъ сходство съ австралійскими языками.

По Пешелю существуют точки сопоставления между японскими, корейскими и туранскими языками. Фараго в Будалештѣ прочиталъ рефератъ о родствѣ китайскаго и венгерскаго языковъ. Китайскій языкъ, говоритъ онъ, во многомъ сходенъ съ венгерскимъ. Существуют предметы, имѣющіе въ томъ и другомъ родственное обозначеніе, напр.: kutua—kutza (собака), mouska—mandza (кошка), tywb—tui (курица), met—mitsz (медь), szám—szum (число). Поразительно, что для обозначенія якоря, въ венгерскомъ языкѣ употребляется совершенно соответствующее слово *vasmaeska* (желѣзная кошка). Въ китайскихъ именахъ, какъ и въ венгерскихъ, всегда предшествуетъ родовое имя. Китайцы считаютъ венгерцевъ родственнымъ племенемъ. Одинъ вице-король такъ привѣтствовалъ однажды Фараго „мы соотечественники; вѣдь не правда ли то, что ты монголь?“ Въ китайской исторіи упоминается о куманяхъ, рассказываетъ, что они толпами нападали на Китай, называются они клиши или клишио. Фараго видѣлъ многія ландкарты Европы, въ которыхъ Венгрія обозначается словомъ клиши. По Лерсиусу, Мюллеру, Витнею, языкъ готтентотовъ родствененъ съ древнеегипетскимъ, по Блекку съ семитическимъ. Знатоки африканскихъ языковъ, говоритъ Витней, принимаютъ, что изъ нихъ значительное число имѣетъ признаки родства съ древнеегипетскими (и вмѣстѣ съ послѣднимъ образуетъ вѣтвь хамитическую) такъ ливійскій или берберскій, эфиопскій, самый замѣчательный членъ котораго языкъ Salla. Южноафриканскіе языки Банту характеризуются особенными префиксами. Напримѣръ, *um topa* — отрокъ, *aba topa* — отроки. Времена и наклоненія глагола отчасти выражаются суффиксами и различаются тамъ классы спряженій, которыя сходны съ древнеалтайскими и семитическими. Кафры, говоритъ Bantu, приближаются въ физическомъ, какъ въ языковомъ отношеніи, къ расѣ средней части странъ, съ другой стороны, съ кафрами стоятъ въ связи въ отношеніи языка жители Конго, Бенгуела, Анголы и Доанго.

Мы не отрицаемъ того, что въ приведенныхъ нами (по Platz'у) утверженіяхъ филологовъ заключается значительная доза преувеличеній. Можно долагать, что очень часто въ

своихъ утверждёнйхъ они увлекались предвзятыми идеями а также стремленіями къ широкимъ обобщеніемъ, но нельзя также отрицать всякое значеніе у этихъ утверждёнйхъ; они во всякомъ случаѣ, констатируя факты частнаго, положимъ, случайнаго сходства между языками, говорятъ намъ о томъ, что существующее различіе между языками не безусловно, какъ пытались утверждать это полигенисты. Эти ихъ указанія приобретаютъ еще большую силу, когда констатируется, что между всѣми языками можно отмѣтить нѣчто общее и притомъ это общее касается важныхъ и даже существенныхъ сторонъ. Всѣ языки земнаго шара, по Гейзеру, сходны въ слѣдующихъ 4 пунктахъ: 1) въ объемѣ звуковыхъ средствъ 2) въ понятіяхъ (?) 3) въ законахъ образованія звуковъ, 4) въ родствѣ понятій, которое указываетъ каждому опредѣленное другое понятіе, отъ котораго оно происходитъ. Это весьма важно. Далѣе звуки для выраженія чувствованій, какъ и самыя чувствованія, весьма сходны у всѣхъ людей стараго и новаго свѣта. Нѣкоторые способы сочетанія слоговъ и звуковъ также сходны у всѣхъ народовъ и служатъ для одинаковыхъ цѣлей. Удвоеніе служитъ въ различныхъ языкахъ міра для повторенія или усиленія значенія или для обозначенія множественности случаевъ. Въ полинезійскомъ языкѣ ака значить смѣяться, ака ака—сильно смѣяться, въ англійскомъ how how—отъ оердца — сильно смѣяться, въ малайскомъ orang — мужъ, orang orang мужи, въ японскомъ tito—мужъ tito-bito мужи, въ сирійскомъ pupi-pupi—рыбы. Извѣстно значеніе удвоенія въ греческомъ διδομι, tetoda, въ латинскомъ memordi, гдѣ оно обозначаетъ продолжительность дѣйствія и усиленіе значенія, какъ въ нѣмецкомъ saulen, въ венгерскомъ sulog, ziz eg (шептать; шелестить). Во всѣхъ языкахъ находятся слова звукоподражательныя. Кукушка вездѣ называется сходнымъ именемъ. Осель по египетски eo, ворона по санскритски kaka, кошка по китайски maо, соловей по персидски bulbul, муха по австралійски bumberu, барабанъ по санскритски dandu, флейта на языкѣ Ealla—ulure, свирѣль по малайски pipit, колоколь по якогамски kwalal-kwalas, кузнечный мѣхъ на языкѣ Quklé—рявъ, пупка на языкѣ

ботокудовъ *pung*. Во всѣхъ языкахъ обнаруживается большое однообразие относительно законовъ, лежащихъ въ основаніи образованій. Женскія формы имени, говоритъ *Quelen*, въ половинѣ языковъ образуются чрезъ присоединеніе корня, выражающее понятіе женскаго. Напримѣръ, въ китайскомъ *ma-mi*—кобыла (*ma*—лошадь и *mi*—мать); на китайскомъ *tye*—королева *te*—она, *wo*—король); на даякскомъ *toa olewa*—курица (*toa*—птица, *olewa*—женщина); на языкѣ *Quichna huarmi* *hua hua*—дѣвочка (*huarmi*—женщина, *huc huo* дитя); въ языкѣ *Voguba aqomali* корова (*abo*—женщина и *malu*—рогатый скотъ); въ венгерскомъ *kiralyne* королева (*kiraly*—король, *ne*—вышедшая за мужъ). Въ глаголахъ еще почти вездѣ можно находить различныя обозначенія для категорій, содержащихся въ формѣ. Такъ дат. форма *studui-mus* соотвѣтствуетъ китайской *wo-men-nio-jeao* обѣ содержатъ категоріи 1-го лица, множествен. числа, прошедшаго времени и основное понятіе въ особенныхъ формахъ. Въ японскомъ *ware*—я выражаетъ множ. число *ta*—прошедшее время, *mi*—основное понятіе. Въ греческомъ *επειθμεν*—мы были убѣждены, гдѣ удвоеніе указываетъ полное окончаніе, префиксъ *πεπ*—основное понятіе—*μεν*—первое лицо множествен. числа, въ еврейскомъ *ti-ktol-n-ah-bi* ихъ убьете, гдѣ мѣстоименіе указываетъ на будущее и вмѣстѣ на второе лицо, *ktol* основное понятіе, и повидимому множественное число, *ah* женскій родъ. Между языками, стоящими на крайнихъ противоположныхъ пунктахъ различія, иногда обнаруживается поразительное сходство. Такъ англійскій языкъ отбросилъ древнія флексіи въ такой степени, что различіе между отдельными частями рѣчи почти также изгладилось въ немъ, какъ и въ китайскомъ, одно и то же слово употребляется въ немъ, какъ существительное, прилагательное, глаголъ, какъ, напримѣръ *the people's quiet*—покой народа, а *quiet people* покойный народъ *to quiet the people*—успокоивать народъ. Выше мы приводили примѣры изъ олофрастическихъ, американскихъ языковъ, можно указать, что и въ европейскихъ языкахъ встрѣчается олофрастика. Такъ итальянское *portandoci*—несущій васъ, *portandovero*—который васъ несетъ

(Lenorm. p. 348) гаскѣнское de che-ni-drami—оставь меня спать—представляютъ намъ образцы такого же слитія словъ, какъ и въ олофрастическомъ подклассѣ языковъ.)

На основаніи фактовъ, представляемыхъ лингвистикою, пытались отрицать: 1) возвѣщаемое Библиею единство происхожденія человѣческаго рода; 2) традиціонную хронологію, построенную на основаніи указаній Библии; 3) происхожденіе всего современнаго человѣчества отъ Ноя. Мы собственно имѣемъ въ виду сейчасъ разсмотрѣть отрицаніе втораго пункта, но онъ стоитъ въ необходимой связи съ третьимъ такъ, что необходимо коснуться и послѣдняго. Дѣло вотъ въ чемъ. Лингвисты отмѣчаютъ, что въ ряду языковъ существуетъ группа флексивныхъ: семитскіе, хамитскіе и арійскіе, которые, также можно назвать иафетовскими, на нихъ говорить кавказская раса, отъ всѣхъ другихъ языковъ они различаются въ высшей степени резко. Полагаютъ, что на языкахъ флексивныхъ говорятъ потомки Сима, Хама и Иафета; но что народы, говорящіе на другихъ языкахъ, произошли отъ другихъ племенъ, не погибшихъ во время потопа. Позднѣе мы подробно остановимся на этомъ предметѣ, но и теперь, опровергая ученіе о глубокой древности челоѣка и утверждая возможность образованія и развитія всѣхъ существующихъ языковъ изъ одного въ теченіе 5000 лѣтъ, мы должны будемъ остановиться на аргументѣ почерпаемомъ изъ флексивныхъ языковъ. Мы разсмотримъ теперь, какъ измѣняются и какъ образуются языки, и попытаемся показать, что ни съ точки зрѣнія хронологіи ни съ точки зрѣнія этнографіи нѣтъ достаточныхъ основаній отрицать происхожденіе всѣхъ языковъ въ теченіи 5000 лѣтъ у сыновей Сима, Хама и Иафета.

Прежде всего, отчего измѣняются языки?

Причинъ этого много. Первою изъ нихъ является физическая организація челоѣка. Извѣстно, что такое слово съ точки зрѣнія физической. Челоѣкъ при помощи своего горла издаетъ звуки, которые измѣняются отъ такого или инаго сочетанія голосовыхъ органовъ. Дыханіе, которое производится свободнымъ, усиленнымъ его легкими, затѣмъ движеніе (его) языка, губъ, зубовъ, которыми производится

прижиманіе мягкихъ и подвижныхъ частей рта къ твердымъ частямъ, которыя ихъ окружаютъ, производятъ членораздѣльные звуки (рѣзко различающіеся по своей природѣ и своему разнообразію отъ крика животныхъ и пѣнія птицъ). Органы эти и способны производить ихъ сочетаніе у одного и того же человѣка въ различныя періоды жизни различны, они еще болѣе различны у различныхъ людей. Отсюда и звуки, производимые различными людьми, различны, различны значить, и слова. Словарь 2-хъ лѣтнихъ дѣтей очень мало похожъ на словарь взрослыхъ не только по количеству словъ, но и по различію словъ для обозначенія однихъ и тѣхъ же предметовъ. У дѣтей замѣчается способность творчества, нѣкоторымъ предметамъ они даютъ собственные наименованія, далѣе, вслѣдствіе неумѣнья произносить многіе звуки, они искажаютъ тѣ слова, которыя заучиваются по указанію взрослыхъ, наконецъ, у нихъ обнаруживается стремленіе высказать все сразу, и ихъ интересныя олофрастическія попытки, конечно, приходилось наблюдать каждому. Эти наблюденія надъ дѣтьми прежде всего показываютъ намъ на необходимость дифференцировки языковъ и на возможность быстраго дифференцированія, принимая во вниманіе особенно то, что каждый ребенокъ, вѣдь, создаетъ свой языкъ отличный отъ языка другаго ребенка. Далѣе, лица различныхъ половъ тоже обнаруживаютъ наклонность къ произношенію и употребленію различныхъ звуковъ. Говорятъ, что гласныя а и і характеристичны для женщинъ, а о и у—для мужчинъ. Индійскій комментаторъ, объясняя 10 стихъ 3 кн. Ману, гдѣ приказано женщинамъ давать только имена пріятныя и не заключающія ничего непріятнаго, рекомендуетъ въ особенности употреблять такія имена которыя заключаютъ много а. Люди различныхъ національностей также способны производить различныя звуки. Живя въ различныхъ мѣстностяхъ, они ставятъ развитіе своего горла въ различныя условія, отъ чего и происходятъ различныя слѣдствія. По всей вѣроятности въ природѣ Великобританіи нужно искать объясненіе происхожденія звука the и верхняго Канитора объяснять странное придыханіе готтентотовъ. Воспитаніе въ этомъ отно-

шеніи можетъ бороться съ природою и побѣждать ее, но люди первобытные не прибѣгали къ этому средству. У людей вообще замѣчается сильная склонность къ преобразованію словъ. Люди культурные признають нормы языка и принуждаютъ себя и своихъ дѣтей подчиняться этимъ нормамъ, но люди не культурные не питають благоговѣнія къ родной грамматикѣ и свободно искажаютъ слова.

Кромѣ самой организаціи измѣненія въ языкѣ вызываются нравами, обычаями, социальными условіями. У жителей Таити, напримѣръ, въ ежедневномъ обиходѣ не употребляются тѣ слова, которыя вполнѣ или отчасти созвучны съ именемъ вождя или съ именами его ближайшихъ родственниковъ, но выбираются для обозначенія предметовъ, называвшихся прежде этими словами, новыя выраженія. Но такъ какъ каждое имя въ полинезійскомъ языкѣ имѣетъ значеніе, и знатные обыкновенно имѣють тамъ много именъ, то, понятно, что чрезъ указанный обычай въ языкѣ должны произойти многія измѣненія. Вальхуер упоминаетъ, что при утвержденіи трона Оту, которое произошло между его путешествіемъ и путешествіемъ Кука, 40—50 ежедневныхъ словъ были совершенно измѣнены. Во время правленія королевы Поморы *ночь*, которая доселѣ обозначалась словомъ *Ро*, была названа *Мі*. И такое измѣненіе касается всѣхъ словъ, въ которыхъ находится слогъ, соотвѣтствующій слогу въ имени короля. При королѣ Ту въ языкѣ были произведены такія измѣненія: вмѣсто *tu*—стоять стали употреблять *tia*, вмѣсто *tetu*—звѣзда, *tetia*, вмѣсто *tui*—бить *tiai* и т. д. Подобный обычай существуетъ у кафрскихъ женщинъ. Имъ запрещено употреблять тѣ слова, которыя созвучны съ именами ихъ мужей или родственниковъ, вслѣдствіе этого у нихъ много собственныхъ, особенныхъ выраженій. Правда, эти выраженія сначала употребляются только въ семейномъ кругу и то только женщинами, но съ теченіемъ времени они достигаютъ всеобщаго значенія. У южно-американцевъ есть обычай, способствующій быстрой порчѣ языка и происхожденію новыхъ нарѣчій. Когда индійцы, пишетъ Ветеръ у Макса Мюллера, мужчины и женщины (когда) говорятъ другъ

съ другомъ, то доставляютъ для нихъ великое удовольствіе порча словъ и изобрѣтеніе новыхъ выраженій. Занимательно видѣть, какъ все общество заливаеця звонкимъ смѣхомъ, когда какойнибудь забавникъ выпускаетъ новое искаженное слово, и такія слова, затѣмъ, входятъ въ употребленіе. Если эти измѣненія происходятъ у такихъ семействъ или поселеній, которыя въ теченіи многихъ лѣтъ съ остальными частями племени не имѣютъ никакого общенія, то порча языка становится постоянною, и образъ рѣчи такихъ поселенцевъ вслѣдствіе долгой особенности для остальныхъ частей племени становится непонятнымъ. Это случилось съ Коллицами въ Юруа. Я вѣрю поэтому, говоритъ Vates, что при малости населенія и обособленности ордъ и племень поразительное разнообразіе южно-американскихъ языковъ обязано этой способности изобрѣтать новыя слова и выраженія. Вѣра въ будущую жизнь также вліяетъ на измѣненіе языка. Имена умершихъ у дикихъ народовъ не упоминаются изъ боязни, что они могутъ явиться. Когда Рано, вождь сакалавовъ на Мадагаскарѣ, умеръ, то сакалавы не стали болѣе употреблять слово Рано—вода, но вмѣсто него стали говорить Maetschaка, что означало прежде сырость. Это же самое слѣдуетъ изъ законовъ табу, которые были распространены всюду. Предметы особенно священные не могли быть называемы, точно такъ же, какъ и имена умершихъ. По различнымъ случаямъ самыя разнообразныя предметы могли попасть подъ запрещеніе, и это запрещеніе дикими народами соблюдалось съ величайшимъ тщаніемъ. У полинезійцевъ вожди могли все подвергнуть табу, отсюда постоянная потребность въ новыхъ названіяхъ. Вражду при разсужденіи о происхожденіи языковъ тоже должно принять во вниманіе. Гдѣ враждебныя племена живутъ близко одно къ другому, тамъ ненависть сильно дѣйствуетъ на языкъ. Слова, названія, особенно употребительныя у враговъ тщательно изгоняются, любимыя предметы для одной стороны становятся предметами ненависти для другой. Прежде всего дѣлалось тамъ значительнымъ изолированіе въ постоянномъ измѣненіи ранне одинаковыхъ представленій. На Нукагива (маркизскій архипелагъ) свойство почвы обуславливаетъ

сильное обособленіе жителей долинъ (весь островъ представляетъ собою вершину камня съ глубоко прорѣзывающими трещинами, которыя раздѣлены широкими и высокими трудно переходимыми скалами). Они потомки переселенцевъ съ Таити, но всѣ находятся въ глубочайшей враждѣ и рѣзко различаются по языку одни отъ другихъ. Общее происхожденіе жителей двухъ государствъ Пиринейскаго полуострова (Испаніи и Португаліи) не можетъ подлежать сомнѣнію, однако, соперничество, существовавшее постоянно между двумя государствами, вызвало къ жизни два различныхъ языка.

Языкъ можетъ также измѣниться вслѣдствіе измѣненія внѣшнихъ формъ слова, измѣненія проистекающаго изъ стремленія къ удобству, къ сокращенію, къ легчайшему произношенію. Такъ изъ греко-латинскаго *ἐπισκοπος*, *episcopus* образовалось французское *évêque*, итальянское *vescovo*, испанское *abispo*, португальское — *bispo*, нѣмецкое — *bischof*, венгрское — *püspök*. Французское *été* соотвѣтствуетъ латинскому *statum* или *aestatem*, *precher* — проповѣдывать лат. *praedicare*, *blâmer* — порицать — *blasfamae*. Древняя форма французскаго *äge* есть — *edage*. *Eclage* есть сокращенная форма латинскаго *aetaticum*; *aetaticum* происходитъ отъ *aetas*, и *aetas* отъ *aevitas*. Можно ли было думать, что подъ вліяніемъ обстоятельствъ, гдѣ такое стягиваніе было возможно, языкъ варварскаго народа чрезъ немного поколѣній измѣнится до неузнаваемости. Кто обратитъ вниманіе на то, какъ въ англійскомъ языкѣ слова сливаются въ рѣчи, то придетъ къ убѣжденію, что этотъ языкъ измѣнялся бы такъ же быстро, какъ и языки варварскіе, если бы школа и пресса не сохраняли бы слова въ ихъ установившейся и раздѣленной формѣ. Кто могъ бы съ перваго взгляда во французскомъ *au* — *jour* — *dui* узнать слова *domus*, *diu*, *hodie* или въ *sou-liee* слова *sub-talum*.

Не только внѣшняя форма, но и значеніе словъ можетъ претерпѣвать измѣненіе. *Επισκοπος* первоначально значило надсмотрщикъ, *πρεσβυτερος* — старѣйшій, но съ начала христіанской эры эти слова приобрѣли новое значеніе. Если бы греческіе или латинскіе классики встали изъ гробовъ,

то они съ изумленіемъ стали бы читать произведенія греческихъ и латинскихъ отцовъ церкви. Каждая строчка являлась бы для нихъ непонятною загадкою, ибо христіанство сообщило новыя значенія греческимъ и латинскимъ словамъ. Латинское *Iovialis* отъ *Iovis* первоначально обозначало юпитеровскій или божественный, теперь имѣеть значеніе пріятный, веселый. Нѣмецкое слово *Elend*—бѣдствіе въ древнее время означало: „въ другой сторонѣ“ или „изъ другой стороны“. Далѣе, измѣненія въ языкѣ происходятъ вслѣдствіе потери цѣлыхъ словъ и грамматическихъ формъ. Двумя путями, говоритъ Витней, теряются слова и формы. Первый: когда у народа исчезаютъ извѣстные понятія, то вмѣстѣ съ ними исчезаютъ и тѣ слова, которыя для этого употребляются. Вопросъ: когда для обозначенія извѣстныхъ понятій входятъ новыя слова, вытѣсняющія старыя и заставляющія ихъ засыпать. Боги германской мифологіи вмѣстѣ съ язычествомъ умерли въ обиходномъ языкѣ ежедневной жизни (точно также какъ и русскіе, Перунъ, Хорсъ и др. въ настоящее время извѣстны только школьникамъ). Еще въ среднемъ верхнегерманскомъ нарѣчій употребительное слово *lützd* (англійское *little*)—маленькій исчезло въ современномъ верхнемъ германскомъ нарѣчій. Въ среднемъ верхне германскомъ нарѣчій *klein*—маленькій—имѣеть еще значеніе нѣжный (*tein*), котораго у него нѣтъ болѣе. *Schlech*—дурный во время Лютера вовсе не имѣло оскорбительнаго значенія (значило крѣпкій) и было приложено къ *Iovu* для характеристики этого праведнаго чловѣка (см. у *Sturzel'a*). Въ романскихъ языкахъ исчезло названіе лошади *equus* и вмѣсто него вошли въ употребленіе *caballus*, *cavallo*, *cheval*. Въ венгерскомъ языческое имя Бога *dleve*—живущій, по *Hupvalvu*, замѣнено чрезъ *jsten* слово турецкаго происхожденія. Въ русскомъ языкѣ можно указать тоже много словъ, исчезнувшихъ или исчезающихъ изъ употребленія путями, указанными Витнеемъ. Слово *арыжка* не имѣеть болѣе соотвѣтствующаго понятія, точно такъ же какъ слова: *закупъ*, *смердь* и др. Вмѣсто однихъ словъ явились другія, причемъ замѣна, намъ кажется, производится не всегда удачно, такъ „потому что“ вытѣсняетъ изъ употребленія

„ибо“, а между тѣмъ при произношеніи и написаніи ибо, равнаго по значенію потому что, нужно только $\frac{1}{3}$ того времени, которое требуется для произнесенія и употребленія послѣдняго. Потеря и измѣненія грамматическихъ формъ также происходятъ постоянно въ языкахъ. Въ готскомъ языкѣ прилагательное, стоящее сказуемымъ, измѣняется согласно роду и числу подлежащаго, какъ и въ латинскомъ. *Manna ist gōde*—мужчина—хорошъ, *dinō ist gōda*—женщина хороша, *baŋn ist god*—дѣтя хорошо и также во множественномъ *gōdi, gōdās, gōda*. Въ древнемъ и среднемъ и верхнегерманскомъ нарѣчій эти различія постепенно теряются и въ настоящее время въ нѣмецкомъ языкѣ для всѣхъ народовъ и чиселъ сказуемаго употребляется неизмѣняемая форма *gut*. Въ современномъ нѣмецкомъ языкѣ въ словахъ женскаго рода единственнаго числа падежи можно узнавать только по числу, во множественномъ числѣ только нѣкоторыя дательный падежъ обозначаютъ суффиксомъ *n* (*Schwestern*). Между тѣмъ какъ въ готскомъ каждый падежъ какъ единственнаго, такъ и множественнаго числа имѣетъ свое особое окончаніе. Такъ, напр., нѣмецкое *Macht*—сила на готскомъ *mahts*, въ родит. *mahtais*, дат. *mahtai*, винит. *maht*, во множест. именит. *mahtels*, род. *mahtē*, дат. *mahtin*, вин. *mahtins*. Въ древне нѣмецкомъ употреблялось *zween, zwo, zwei*, для обозначенія мужскаго рода, женскаго и вещественной формы отъ 2, въ теперешнемъ словоупотребленіи сохранилась только форма *zwei*. Измѣненіе языка происходитъ вслѣдствіе введенія новыхъ формъ и словъ, чрезъ соединеніе словъ существующихъ, чрезъ заимствованіе изъ другихъ языковъ, чрезъ перемѣну звуковъ и ономапію. Газъ есть новое слово, которое одинъ голландскій химикъ ввелъ для обозначенія состоянія матери, юбилей, суббота суть слова взятыя съ еврейскаго, алгебра, аскали, зенитъ—съ арабскаго, карованъ, шахъ съ персидскаго, пуншъ—съ индійскаго, чай съ китайскаго, Вигвамъ, конекъ, макассинъ—съ американскихъ языковъ. Извѣстно, что въ венгерскомъ языкѣ находится очень много словъ турецкихъ и славянскихъ, и что также много словъ введено въ венгерскій языкъ учеными въ первой половинѣ настоящаго сто-

лѣтія. Imperfectum современнаго нѣмецкаго языка есть ничто иное, какъ новая форма образованія, которая произошла изъ соединенія неопредѣленнаго наклоненія глагола съ формою отъ глагола thun. Salbte—salben that, nährte—nähren that (Въ венгерскомъ есть, напр., новая форма образованія toltan dottam—я увижу). Въ нѣмецкомъ языкѣ измѣненія гласныхъ въ словахъ недавняго происхожденія Готскій языкъ обозначаетъ множественное число существительныхъ, какъ и различныя глагольныя формы опредѣленными окончаніями. Akes—akas—Acker—Аекер¹⁾).

Въ приведенныхъ нами примѣрахъ должно обратить вниманіе на 2 важныя обстоятельства: 1) что даже у народовъ, имѣющихъ литературу и грамматику—эти величайшія препоны для измѣненія языка, языкъ, мы видимъ, въ теченіи 1000 лѣтъ могъ измѣниться до неузнаваемости. 2) Что внѣ человѣческой прихоти и внѣ измѣненія внѣшнихъ условій есть нѣчто, что преобразуетъ языкъ, измѣняетъ самыя его законы, какъ напр., вводитъ перемѣну гласныхъ. Если теперь мы обратимся къ человѣку первобытному, постоянно перекочевывавшему съ мѣста на мѣсто и оказывавшемуся постоянно въ новыхъ условіяхъ, не признававшему никакихъ нормъ языка, повиновавшемуся природѣ вообще и потому таинственному закону, который заправляетъ ростомъ и развитіемъ языка, то мы будемъ удивляться уже не тому, какъ возникли и дифференцировались языки, а тому, какъ напр. послѣ потопа до времени Фалега у всѣхъ людей могъ оставаться одинъ языкъ и одни слова. Причину этого мы должны будемъ искать въ сознательномъ сопротивленіи послѣпотопныхъ людей раздѣленію и разбросанію. Нельзя, вѣдь, допустить, что человѣкъ до вавилонскаго столпотворенія имѣлъ иную физическую организацію, чѣмъ прежде, и что то начало, которое управляетъ языкомъ, дѣлало послѣдній такъ же неизмѣннымъ, какъ неизмѣнна дѣятельность глаза и другихъ органовъ чувствъ. Священный текстъ не даетъ рѣшительно никакихъ основаній для такого утвержденія, скорѣе въ немъ даже можно найти ясныя указанія того, что ничего подобнаго не было. Если бы столпотвореніемъ

¹⁾ Примѣры приведены главнымъ образомъ по Platz'у „Der Mensch“.

вавилонскимъ было произведено такое измѣненіе организаціи, то это, вѣдь, не помѣшало бы столпотворенію, такъ какъ послѣдствія измѣненія организаціи сказались бы не вдругъ, а постепенно. Пораженіе же строителей при вавилонскомъ столпотвореніи было внезапнымъ. Если въ немъ желаютъ видѣть причину множественности языковъ, то возникаетъ новый вопросъ: почему же языки измѣнялись впоследствии. Не должно бы дѣло кончиться тѣмъ, что языки возникли сразу, явились во всеоружіи своихъ грамматикъ и синтаксисовъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера, и затѣмъ снова замерли бы въ своей косности и неподвижности какъ языкъ Адама до вавилонскаго столпотворенія? Въ виду всего этого намъ опять таки представляется послѣ разсмотрѣнія того, какъ измѣняются языки, что вавилонское столпотвореніе закончилось не событіемъ образованія языковъ, а совсѣмъ инымъ. Несомнѣнно, что до потопа было много языковъ, и можетъ быть Ной говорилъ не тѣмъ, которымъ говорилъ Адамъ. Въ теченіи 2 тысячъ лѣтъ у первобытнаго человѣчества не могъ существовать одинъ языкъ. М. Мюллеръ приводитъ свидѣтельства англійскихъ миссіонеровъ о томъ, что въ Америкѣ у индійцевъ языкъ въ 20 (или 10?) лѣтъ измѣняется до неузнаваемости, онъ указываетъ далѣе, что у кочевниковъ Азіи постоянно создаются новые языки и умираютъ старые. Языки у нихъ, говоритъ онъ, въ высшей степени не устойчивы. Подобно тому, какъ въ тѣхъ пустыняхъ, по которымъ ходятъ эти кочевники, взмѣтаются ураганомъ горы песку моментально и затѣмъ почти моментально же исчезаютъ, такъ скоро создаются и затѣмъ исчезаютъ ихъ языки. Но американскіе индійцы и азіатскіе кочевники, вѣдь, не первобытныя племена, а только племена, у которыхъ не существуетъ искусственныхъ преградъ для удержанія языка отъ измѣненія. Первобытнаго же человѣка мы, согласно теоріи дѣтскаго возраста человѣчества, представляемъ инымъ. Онъ по своей природѣ долженъ быть въ высшей степени способенъ къ измѣнчивости, долженъ былъ быть въ высшей степени пластичнымъ, и эта пластичность должна была неминуемо выражаться въ измѣненіи языка. Можно указать на одно только сдерживающее

начало въ первое время существованія человѣчества, начало это долго-лѣтіе патріарховъ. Рѣдкая смѣна поколѣній, общеніе можетъ быть 8-го и 9-го поколѣнія съ первымъ (въ Библии по всей вѣроятности не всегда перечисляются старшія дѣти, когда говорится родиль 187 лѣтъ или еще больше сына) заставляло послѣднее говорить языкомъ перваго. Но во 1) долголѣтіе это можетъ быть было удѣломъ не многихъ сифитовъ, во 2) несомнѣнно до потопа люди расселились въ различныя страны, такъ, что, если допускать общее долголѣтіе, то можетъ быть было то, что одинъ и тотъ же человѣкъ подъ влияніемъ новыхъ странъ и новыхъ обстоятельствъ могъ мѣнять свой языкъ. Тѣмъ не менѣе въ той вѣтви сифитовъ, отъ которой произошелъ Ной, дѣйствительно языкъ могъ болѣе или менѣе фиксироваться, и потому о Ноѣ мы говоримъ, что онъ, можетъ быть, говорилъ не на языкѣ Адама, но не утверждаемъ это рѣшительно.

Языки по утвержденію филологовъ, измѣняются въ направленіи отъ крайняго моносиллабизма къ строгому флексизму. Первый языкъ, на которомъ говорилъ первый человѣкъ, полагаютъ лингвисты, былъ строго радикальнымъ. Радикальные языки отличаются тою особенностію, что у нихъ измѣненій прослѣдить нельзя, ибо измѣненія состоятъ въ замѣнѣ одного кореннаго слова другимъ. Поэтому изъ одного радикальнаго языка легко можетъ возникнуть нѣсколько новыхъ, родство между которыми опредѣлить нельзя, а при дальнѣйшемъ развитіи которые, понятно, и совсѣмъ становятся непохожими въ самыхъ существенныхъ своихъ свойствахъ. Въ виду того, что и сейчасъ еще существуютъ радикальные языки, должно полагать, что первые послѣпотопные люди говорили языкомъ радикальнымъ. Возможность образованія существующихъ языковъ въ теченіи 5000 лѣтъ изъ одного на основаніи вышеизложеннаго не можетъ быть оспариваемо. Но спрашивается, соответствуетъ ли этой возможности дѣйствительность. Мы имѣемъ литературные памятники замѣчательной древности, восходящіе почти ко времени потопа, на основаніи языковъ этихъ, памятниковъ не должно ли придти къ какому нибудь иному заключенію

относительно происхожденія существующихъ языковъ, нельзя ли также отрицать соответствие этой возможности дѣйствительности на основаніи обособленности семитскихъ, хамитскихъ и арійскихъ языковъ? Прежде всего при отвѣтѣ на этотъ вопросъ мы должны отмѣтить, что самая древность глубокая литературныхъ памятниковъ не превосходитъ 4000 лѣтъ. По общему мнѣнію самые древніе памятники египетскіе, относительно нихъ мы можемъ сказать, что ихъ болѣе чѣмъ 4000 лѣтняя древность въ высшей степени сомнительна. Такимъ образомъ на образованіе нѣсколькихъ группъ языковъ остается всего одна тысяча лѣтъ. Возможность быстрого образованія языковъ доказана нами, отсюда и возможность возникновенія языка древнеегипетскаго не можетъ быть оспариваема. Особенно, если мы примемъ во вниманіе, что относительно древнеегипетскаго языка были даже споры, нужно ли его относить къ языкамъ флексивнымъ? Спряженія его носятъ чисто агглютинативный характеръ, система временъ у него не развиты, обозначеніе родовъ происходитъ такъ, какъ происходитъ оно въ радикальныхъ языкахъ, тамъ женскій родъ обозначаютъ чрезъ *ti* или *t*, которое ставятъ и предъ и послѣ слова. Что касается до интересной обособленности трехъ вѣтвей флексивныхъ языковъ, то, кажется, изъ ближайшаго разсмотрѣнія особенностей этихъ языковъ открывается, что никакъ нельзя дѣлать на основаніи ихъ такого вывода, который пытаются дѣлать Шобель, Ленорманъ, Жанъ д'Этьенъ и другіе. Видно, что языки эти образовались недавно. Русскій языкъ, по утверженію знатоковъ, носитъ много сходныхъ чертъ съ санскритскимъ. Но для русскаго языка нормы утверждены сравнительно недавно, значить недавно предки русскихъ пришли на русскую равнину, ибо иначе въ новыхъ мѣстахъ поселенія и въ новыхъ условіяхъ жизни они не сохранили бы въ своемъ языкѣ, ничего напоминающаго о санскритѣ. Далѣе, во всѣхъ арійскихъ языкахъ въ формахъ глаголовъ и существительныхъ можно собственно указать еще слѣды агглютивизаціи. Возьмемъ языкъ, достигшій весьма высокой степени развитія— французскій. Будущее отъ *parler* въ немъ будетъ *parlerai*. Что

представляет собою эта форма? неопредѣленною накл. *paŕleg* — говорить и изъявительное настоящ. *ai* — имѣю, буквально: я имѣю говорить. Но въ нѣкоторыхъ глаголахъ, мы видимъ, дѣло уже измѣнилось: *J'igaŕ* разложить такъ, какъ *paŕlegaŕ*, уже нельзя. Выше мы настаивали на родствѣ языковъ семитическихъ и арійскихъ, родствѣ, открывающемся изъ существованія сходныхъ словъ для обозначенія одинаковыхъ предметовъ, теперь мы обратимъ вниманіе на тѣ возраженія, которыя ставились противъ этого родства. Возраженія эти суть слѣдующія: семитическая система, говоритъ Шлейхеръ, не имѣла, прежде разрѣшенія семитическихъ діалектовъ на языки, отличные одни отъ другихъ, корней, которымъ можно бы было дать какую нибудь звуковую форму — (какъ это имѣетъ мѣсто въ индо-европейской системѣ): значеніе корня привязано къ простымъ согласнымъ, а чрезъ присоединеніе, къ нему гласныхъ показываютъ отношенія общаго значенія. Три согласныя *Q, t, l* представляютъ корень еврейскаго *qatal*, арабскаго *qatala* — онъ убилъ, *qutila* — онъ убить, еврейскаго *hiqtıl*, онъ приказываетъ убить, арабскаго *maqtulum* — убитый. Совершенно иначе въ системѣ индо-европейской, гдѣ смыслъ слова опредѣляется гласною. Далѣе. Корень семитическій можетъ присоединять къ себѣ всѣ гласныя, которыя и измѣняютъ его значенія, корень индо-европейскій, напротивъ, имѣетъ свою собственную органическую гласную, такъ корень санскритскаго *manō* я мыслю, греческаго *μενος* — мысль, латинскаго *mens, moneo*, готическаго *gamaian* — мыслить не безразличенъ къ гласнымъ *a, e, o, i*, но его гласная есть собственно *a*, переходящая въ иную гласную только сообразно законамъ, которые признаетъ и опредѣляетъ лингвистическій анализъ. Затѣмъ, корень семитическій состоитъ изъ 3-хъ буквъ: *qtł* — убивать, *ktb* писать, а *br* — говорить (безъ всякаго сомнѣнія, онъ происходитъ отъ формъ болѣе простыхъ); напротивъ, корень индо-европейскій болѣе свободенъ по своей формѣ, какъ это можно показать на примѣрахъ: корень отъ франц. *aller* есть *i*, отъ *verser* — *su*, точно также и отъ *aggrer*, всегда онъ моносиллабическій. Система семитическая имѣетъ только 3 падежа и 2 времени, система индо-европейская имѣетъ по крайней мѣрѣ 8

падежей и 5 времёнъ. Всѣ арійскія слова имѣютъ одну и ту же форму, форму корня, измененную или нѣтъ, сопровождаемую производнымъ суффиксомъ, въ семитическихъ языкахъ имѣетъ мѣсто та же форма (напр. араб. *qatalta*— ты чловѣкъ, ты убилъ), но знаютъ также форму, гдѣ элементъ производный есть префиксъ, форму, гдѣ корень находится между 2-мя производными элементами, и другія еще формы. Семитическая флексія, говоритъ съ своей стороны Витней, совершенно отлична отъ флексіи индо-европейской и не позволяетъ производить ни одну систему отъ другой, ни обѣ системы отъ 3-ей. Существенная характеристика семитизма состоитъ въ 3-хъ буквенной формѣ его корней: они составлены изъ 3-хъ согласныхъ, къ которымъ присоединяются различныя согласныя, какъ элементы, показывающіе различныя отношенія корня, наприм. по арабски корень *dti* заключаетъ въ себѣ понятіе убійства и *datola* значить я билъ, *duṭila*—онъ былъ убитъ, *datl*—убійца, *duṭl* врачъ и т. д. Помимо этой флексіи, одолженной употребленію различныхъ гласныхъ, семитизмъ образуетъ также свои слова, пользуясь суффиксами и префиксами. Но присоединеніе суффиксовъ къ аффиксамъ, образованіе производныхъ тоже образованныхъ отъ производныхъ, ему почти неизвѣстно, отсюда главнымъ образомъ пріостекаетъ однообразіе языковъ семитическихъ. Строеніе семитическаго глагола существенно отличается отъ строенія глагола индоевропейскаго. Въ 2-мъ и 3-мъ лицахъ семитическій глаголь различаетъ мужской и женскій роды: *datolat*—она убила; *datola*—онъ убилъ; этого нѣтъ въ языкахъ индоевропейскихъ. Санскритскій *bharati*—онъ несетъ, она несетъ. Различіе прошедшаго, настоящаго, будущаго, которое столь существенно, столь глубоко въ языкахъ индоевропейскихъ, не существуетъ для семитизма, тамъ существуютъ только два времени, отвѣчающія одно дѣйствию исполнившемуся, другое не исполнившемуся.

Таково различіе, отмѣчаемое лингвистами, между языками семитическими и арійскими, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, настолько глубоко, что не позволяетъ производить ни одну систему отъ другой, ни обѣ системы отъ

третьей первоначальной—это мнѣніе нѣкоторыхъ мы признаемъ справедливымъ только на половину. Дѣйствительно, различіе арійскихъ и семитическихъ языковъ таково, что ясно видно, что развитіе ихъ шло путями, независимыми одни отъ другаго. Но никто не можетъ оспаривать, что оба эти семейства языковъ могли произойти отъ одного силлабическаго языка. Выше мы указали на слова сходныя, какъ въ арійскомъ, такъ и въ семитическомъ языкахъ. Приведенныя нами выше указанія относительно происхожденія арійцевъ, если мы ихъ сопоставимъ съ принадлежностію семитовъ и арійцевъ къ одной расѣ и съ существованіемъ у тѣхъ и другихъ общихъ преданій о потопѣ, составляетъ насъ съ необходимостію утверждать, что первоначальный языкъ ихъ предковъ былъ общій. Какой это былъ языкъ? Его лексиконъ, его особенности, можетъ быть, филологи узнаютъ впоследствии, но представляется несомнѣннымъ, что это былъ языкъ не флексивный и что по всей вѣроятности онъ былъ моносиллабическимъ, ибо то и другое семейство языковъ не имѣютъ ни общихъ частицъ (аллютинативнаго характера) для опредѣленія формъ и отношеній, ни тѣмъ болѣе флексивныхъ формъ, отсюда для насъ слѣдуетъ важный выводъ. Значитъ, Ной говорилъ на моносиллабическомъ языкѣ, но отъ такого языка могли произойти всѣ существующіе нынѣ языки. Что же касается до языковъ флексивныхъ, то они, значитъ, не представляютъ собою наслѣдства, полученнаго людьми, спасшимися отъ потопа, отъ ихъ предка, но есть плодъ ихъ собственнаго развитія. Дѣло мы представляемъ себѣ такимъ образомъ. Изъ многочисленныхъ потомковъ Ноя многіе, 400—500 лѣтъ спустя послѣ потопа, разсѣялись далеко можетъ быть за предѣлы Азіи. Вслѣдствіе болѣе или менѣе благоприятныхъ или неблагоприятныхъ условій жизни языки ихъ остановились или на моносиллабической или на агглютинативной степени развитія. Но наиболѣе даровитые изъ потомковъ Сима, Хама и Іафета, занявъ лучшія мѣста около колыбели человечества, пошли быстрыми шагами по пути прогресса, и чрезъ 1000—1500 лѣтъ послѣ потопа языки ихъ стали приближаться къ флексивнымъ. Но они не стали

еще таковыми. Древнѣйшіе хамитическіе языки дышатъ агглютинативнымъ характеромъ, тоже должно сказать и о языкахъ индоевропейскихъ. Ботъ полагаетъ, что и въ настоящее время индоевропейскіе языки можно отнести къ агглютинативнымъ, основываясь на томъ, что ихъ корень обыкновенно не измѣняеъ. Но въ настоящее время, конечно, гораздо съ большимъ правомъ ихъ должно поставить въ рядъ языковъ флексивныхъ, однако, въ недалекомъ прошломъ, очевидно, приближавшимся къ языкамъ агглютинативнымъ. Могутъ представить то возраженіе: какимъ образомъ произошло то, что языки нѣкоторыхъ потомковъ, напримеръ Лафета болѣе отличаются отъ языковъ другихъ потомковъ его же, чѣмъ языки послѣднихъ отъ семитическихъ и хамитическихъ. Но что удивительнаго, если нѣкоторыя сыновья трехъ братьевъ, поселившіеся въ однихъ условіяхъ, другіе сыновья тѣхъ же трехъ братьевъ, поселившіеся въ другихъ условіяхъ, оказались болѣе сходными между собой, чѣмъ съ своими родными братьями изъ другой группы. Поселенцы сѣверной Америки болѣе похожи одинъ на другаго, чѣмъ на англичанъ, однако почти у каждаго изъ этихъ поселенцевъ, если оглянуться въ прошлое, вѣроятно, окажется, остались въ Англии болѣе близкіе родственники, чѣмъ тѣ люди, съ которыми онъ эмигрировалъ въ Америку. Въ виду всего вышеизложеннаго мы полагаемъ, что данныя, почерпаемыя въ лингвистикѣ для отрицанія извѣстнымъ образомъ истолкованныхъ библейскихъ положеній, не могутъ быть признаны достаточно убѣдительными, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, пожалуй, болѣе говорятъ противъ тѣхъ выводовъ, которые пытаются дѣлать изъ нихъ, чѣмъ за эти выводы.

Стронники ученія о глубокой древности челоѣчества почерпаютъ еще свои аргументы изъ хронологіи народовъ и на основаніи таковой хронологіи пытаются доказывать, что въ какіе нибудь 5000 лѣтъ не могло произойти то, что произошло. Аргументы эти получили особенную силу въ началѣ 19 столѣтія послѣ экспедиціи Наполеона въ Египетъ, когда были открыты египетскіе памятники, претендующіе на 20000 лѣтнюю древность, и эти аргументы те-

перь значительно потеряли цѣну и довѣріе, такъ какъ фантастичность и лживость многотысячныхъ и даже миллионныхъ цифръ, которыя фигурировали въ хронологіяхъ нѣкоторыхъ народовъ, была доказана самымъ безспорнымъ образомъ. Тѣмъ не менѣе еще и теперь многіе убѣждаются хронологическими и историческими указаніями въ томъ, что традиционная библейская хронологія неправильна и что она должна быть изменена, и что для существованія рода челоуѣческаго нужно назначить большую цифру, чѣмъ это полагали прежде. Не трудно показать, что такія разсужденія утверждаются на очень шаткихъ основаніяхъ.

Послѣпотопное челоуѣчество начало расселяться по земному шару изъ западной Азии. Мѣста, наиболѣе отстоящія отъ Арменіи, были заселены наиболѣе поздно. Наиболѣе успѣшное культурное движеніе послѣ потопа началось въ мѣстахъ отстоящихъ недалеко отъ послѣпотопной колыбели челоуѣчества: въ Ассиро-Вавилоніи, Египтѣ, Китаѣ и Индіи.

Изъ таковыхъ государствъ Китай и Индія считаются въ настоящее время позднѣйшими. Что касается до Китая, то по мнѣнію одного изъ самыхъ новыхъ его историковъ Сигизмунда Фрича, историческій періодъ этого государства начинается лишь съ 775 г. до Р. X. „Все событія, говоритъ онъ, разсказанныя послѣ этой даты, историческія, и все то, что имъ предшествуетъ, баснословно“. Древнѣйшими памятниками китайской письменности представляютъ таблицу Ю, о которой говорятъ, что она была найдена въ 1212 г. до Р. X., таблица „каменныхъ барабановъ“ династіи Чу (827—782 г. до Р. X.) и еще 72 выгравированныя таблицы предшественниковъ Фо-чи, но и эти памятники, какъ видимъ, ведущіе вовсе не въ глубокую древность, возбуждаютъ законныя подозрѣнія. Въ Индіи не находятъ никакого памятника, древность котораго восходила бы далѣе, чѣмъ за 3 вѣка до Р. X. Надписанія царя Асски (250 г. до Р. X.), знакомяща съ нѣкоторыми историческими фактами этого времени, суть самыя древнія индѣйскія надписанія. Литература позволяетъ намъ восходить далѣе, чѣмъ собственно исторія, однако и литература вовсе не счита-

еть за собой такой глубокой древности, какую усвоили ей прежде. Ученый издатель Ригъ-Веды М. Мюллеръ полагаетъ образованіе Ведъ въ теченіе тысячи лѣтъ между 12—2 вѣками предъ нашей эрой.

За Халдеею и Египтомъ Берозъ и Манетонъ насчитывали сотни тысячелѣтій, но открытія въ области Ассириологии и Египтологіи отняли всякое значеніе у приводимыхъ ими фантастическихъ цифръ. Вотъ, что можно сказать на основаніи этихъ открытій о хронологическихъ датахъ этихъ государствъ. Ассирійцы въ древности считали годы по именамъ начальниковъ эпонимовъ, называвшихся limmi и дававшихъ свое имя году, какъ архонты въ Аѣнахъ и консулы въ Римѣ. Далеко не всѣ limmi извѣстны и опубликованы, но несомнѣнно, что этотъ институтъ существовалъ уже въ XIV вѣкѣ до Р. Х., ибо надпись Биннирара I датирована эпониміей Сальмонкарроду. Пользуясь этой системой хронологіи, Ассирійцы позднѣйшаго времени могли давать точныя даты событій прошедшихъ, а потому вообще хронологическимъ указаніямъ ассирійцевъ оказывается большое довѣріе. Сеннахерибъ (705—681 г. до Р. Х.), врагъ Езекин, упоминаетъ въ одной изъ надписей, что печать принадлежавшая Туклатъ-Нинипу была принесена въ Вавилонъ за 600 лѣтъ передъ этимъ, и что 418 лѣтъ протекло, какъ онъ самъ захватилъ Вавилонъ (въ 692 г.) съ низверженія Теглатфалассара I-го вавилонянами. Теглатфалассаръ (около 1130 г. до Р. Х.) говоритъ въ свою очередь, что онъ реставрировалъ въ Калх-Шерготъ храмъ, построенный Самсибиномъ, сыномъ Шмидагона, за 701 годъ передъ этимъ. Сынъ Сеннахериба, Ассурбанипаль (668—626) рассказываетъ съ своей стороны, что идолъ, котораго онъ возставилъ въ 636 году въ странѣ Номъ, былъ поставленъ Эрехомъ назадъ тому 1675 лѣтъ, слѣдовательно за 2274 года до нашей эры. Это самая отдаленная дата, которую только доставили до настоящаго времени ассирійскіе документы. И эта дата, должно признать, вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія относительно своей точности.

Но цилиндръ Набонида, вавилонскаго царя, найденный въ Абу-Абба Ормуздомъ Рассамомъ и сохраняемый теперь

въ Британскомъ музеѣ, представляетъ дату еще болѣе древня и слѣдовательно — болѣе важности, чѣмъ ассирійскіе документы. Пенчъ познакомилъ съ этимъ цилиндромъ въ археологическомъ библейскомъ лондонскомъ Обществѣ, въ 1882 году. На цилиндрѣ повѣствуется, что Лигбагасъ или Урбагасъ, царь Ура (отечество Авраама), жилъ за 700 лѣтъ предъ эпохой Гаммургаса или Гаммураби, эпоха котораго однако совершенно неизвѣстна. Тамъ разсказывается еще, что Нарамзиль, сынъ Саргона I, основалъ храмъ бога Сомаса или Солнца въ Сиппарта за 3200 лѣтъ до царствования Набониды, т. е. за 3750 лѣтъ до нашей эры. Эта положительная дата — самая значительная изъ всѣхъ, которыя были открыты доселѣ на подлинныхъ древнихъ монументахъ — заставляетъ возводить потопъ, который — какъ мы знаемъ — былъ извѣстенъ вавилонянамъ, какъ и евреямъ, болѣе чѣмъ за 4000 лѣтъ до Р. Х., ибо прежде Нарамзина и Саргона было уже согласно свидѣтельству монументовъ нѣсколько послѣ потопныхъ царей. Но должна ли внушать себѣ довѣріе эта дата Набониды? Многіе ученые вполне довѣряютъ ей, но трудно слѣдовать за ними. Кто и какимъ образомъ опредѣлилъ время царствования Нарамзина? Если въ Ассиріи хронологію вычислять по limni, относительно существованія которыхъ раньше XIV вѣка мы однако не имѣемъ свѣдѣній, то должно замѣтить, что относительно вавилонской хронологіи и способовъ счисленія вавилонянъ еще ничего неизвѣстно. Мы знаемъ, что въ настоящее время трудно опредѣлить дату за тысячу лѣтъ назадъ, почему же тогда было легче вычислить время совершенія событія за 4000 лѣтъ? Жрецы, которые завѣдывали этимъ дѣломъ и которые начали его, какъ мы вообще можемъ судить по даннымъ исторіи, довольно поздно, эти жрецы, оглядываясь на свое прошлое, не были ли черезъ чуръ щедры на преувеличенія? Для Халдеи и Вавилона точная хронологія начинается только съ эры Набонассара въ 747 г. до Р. Х. Списокъ Птолемея, царскіе вавилонскіе листы, синхронисмы ассирійскихъ монументовъ и наконецъ многочисленныя таблицы, датируемыя семействомъ Егиби (съ Навуходоносора до Дарія Гистаспа), доставляютъ точныя и вѣрныя указа-

нія съ этой эпохи, но нѣтъ никакой возможности проверить показанія относительно эпохъ предшествовавшихъ кромѣ показаній ассирійскихъ документовъ, которые однако, какъ мы видимъ, не ведутъ насъ въ слишкомъ глубокую древность²⁾.

Далеко ли въ древность ведетъ насъ Египетъ? Открытые доселѣ монументы и памятники далеко не охватываютъ всей его исторіи. Такъ они не даютъ никакихъ свѣдѣній о 1, 2, 3, 7, 8, 9, 10, 14, 15 и 16 династіяхъ, указываемыхъ Манетономъ. Самый древній документъ принадлежитъ Снефру, первому фараону (по Манетону) четвертой династии. При немъ уже встрѣчаются многочисленные памятники, и затѣмъ послѣ него начинается постройка пирамидъ. При сравненіи показаній Манетона съ показаніями монументовъ находятъ противорѣчія. Согласно показаніямъ Иосифа (сблнх. Агіон. I, 14), Манетонъ (Исторія Манетона дошла до насъ лишь въ отрывкахъ, записанныхъ разными писателями) утверждаетъ, что 15, 16 и 17 династии царствовали 511 лѣтъ, согласно Юлію Африкану — 955. Монументы рѣшительно отрицаютъ столь большую продолжительность. Въ древней египетской имперіи было шесть династій, первая изъ нихъ царствовала по Манетону 268 лѣтъ, по туринскому папирусу — 102 года.

Мы остановимся на двухъ указаніяхъ относительно исторіи Египта: во 1) на повѣствованіи Библии о посѣщеніи Египта Авраамомъ и во 2) на надписи Хеопса, государя четвертой династии, въ таблицѣ сохраняемой въ каирскомъ музеѣ, говорящей о храмѣ (откопанномъ Мариеттомъ у ногъ сфинкса), что этотъ храмъ относится къ временамъ отдаленнѣйшимъ отъ Хеопса такъ, что онъ не могъ ничего узнать о его происхожденіи.

Авраамъ былъ въ Египтѣ при одинадцатой или — крайнее — при двѣнадцатой династии³⁾ и согласно тексту LXX при-

²⁾ Подробнѣе свѣдѣнія объ индійской, вѣдической и ассиро-авилонской хронологіи см. у Vigouroux въ „La chronologie des temps primitifs“ Rev. Q. Scient. Т. 20.

³⁾ О исторіи, подобной случившейся съ Авраамомъ, говорить папирусы одинадцатой династии. Описаніе Египта, которое дается въ этомъ случаѣ

близительно 1100 лѣтъ спустя послѣ потопа. Когда возникъ Египетъ, мы не знаемъ, но принимая во вниманіе, что 1) нѣкоторыя изъ египетскихъ династій мифическаго характера; 2) нѣкоторыя изъ нихъ царствовали совмѣстно, мы не можемъ удивляться тому, что въ Египтѣ 12 династій могло быть въ теченіе немногихъ столѣтій, если только столѣтій. Предъ Псамметихомъ Египтомъ правило 12 фараоновъ; значить, Египтомъ могли управлять параллелью 12 династій, по всей вѣроятности ихъ (правлящихъ совмѣстно) было гораздо меньше предъ временемъ Авраама, но сколько именно—мы не знаемъ. Не знаемъ мы и того, задолго ли предъ двѣнадцатой династіею правила четвертая династія, но не можемъ признать удивительнымъ, что фараоны этой династіи находили памятники, происхожденіе которыхъ имъ было неизвѣстно. Тѣ фараоны, которые считаются принадлежащими къ четвертой династіи, или ихъ предки могли быть предводителями новыхъ эмигрантовъ, спустившихся изъ Азіи по направленію къ юго-западу (должно полагать, въ Египетъ изъ Азіи было совершено много эмиграцій). Вслѣдствіе этого цѣль преданій могла быть прерванною. Да потомъ преданія при извѣстныхъ условіяхъ могутъ исчезать быстро и безслѣдно. Что было на Руси назадъ тому 300—400 лѣтъ, мы знаемъ только изъ книгъ, въ народной памяти почти совершенно исчезли воспоминанія о такомъ недалекомъ прошедшемъ. Что же удивительнаго, если Хеопсъ не могъ найти историческихъ указаній о какомъ то кѣмъ то выстроенномъ (можетъ быть 2—3 столѣтія назадъ) храмѣ?

Вообще Египетъ, какъ и всѣ другія государства древности, не даетъ намъ ни одной несомнѣнной даты, которая стояла бы въ противорѣчій съ традиціонною хронологіею Библии. Такія даты мы встрѣчаемъ лишь въ гипотезахъ

въ Библии, соотвѣтствуетъ древнѣшему періоду Египта (до вторженія гиксовъ), но не позднѣшему (указываютъ, что въ числѣ подарковъ, сдѣланныхъ Аврааму фараономъ, не упоминаются кони, являющіеся въ Египтѣ позднѣе при 18-й династіи). Наконецъ, въ Бени-Гассанѣ въ гробницѣ правителя области изъ временъ двѣнадцатой династіи найдена картина, замѣчательно соотвѣтствующая исторіи Авраама.

ученыхъ. Гипотезы эти—особенно относительно Египта—довольно противорѣчивы. Будемъ надѣяться, что при руководствѣ этими гипотезами и при помощи новыхъ открытій и фактовъ ученые намъ когда нибудь выяснятъ истину и, выяснивъ ее, будутъ болѣе осторожны въ своихъ сужденіяхъ о библейскомъ повѣствованіи.

Г Л А В А 11-ая.

Изложеніе и рассмотрѣніе преданій, заставляющихъ предполагать удивительное происхожденіе человечества отъ одного общаго корня: Преданіе о созданіи человека, его паденіи, его допотопной жизни, о потоцѣ и вавилонскомъ столпотвореніи. Гдѣ можно предполагать прародину человечества, руководясь преданіями народовъ? Соображенія Катража о прародинѣ человечества. Замѣчанія на нихъ. Теорія европейскаго происхожденія арийцевъ. Опредѣленіе даты (конца ледниковаго эпохи) появленія и начала распространенія человека на землѣ.

Мы изложили всѣ тѣ главныя возраженія, которыя дѣлаются противъ ученія Библии о немноготысячелѣтней древности человеческого рода и которыя вмѣстѣ часто касались вопросовъ 1) о единствѣ происхожденія человечества, 2) о всемирности потопа и 3) о невѣрномъ представленіи Библей хода исторіи первобытнаго человечества. Мы, надѣемся, показали, что всѣ эти возраженія не достаточно обоснованы для того, чтобы на основаніи ихъ измѣнить взглядъ на какой бы то ни было пунктъ библейскаго ученія. Теперь мы, руководясь особымъ родомъ данныхъ, попытаемся представить нѣкоторыя основанія недревности человеческого рода, которыя будутъ вмѣстѣ служить основаніями и единства человечества. Эти основанія мы надѣемся почерпнуть въ преданіяхъ человечества. Совершенно законно въ послѣднее время начали относиться скептически и подозрительно къ попыткамъ построить исторію человечества на

основаніи преданій: Преданія, говорятъ, представляютъ себою нѣчто столь непостоянное, столь эластичное, легко измѣняющееся и способное утратить всякій признакъ истины, что весьма опасно оказывать имъ, какое бы то ни было довѣріе и весьма трудно отыскивать въ мутномъ руслѣ ихъ крупинцы правды. Такой взглядъ на преданія вполне законенъ и подтверждается многими фактами. Эластичность преданій, подавала поводъ построять самыя разнообразныя теории и объясненія однихъ и тѣхъ же сказаній. Достаточно, наприм., указать на объясненіе троянской войны М. Мюллеромъ, пытавшимся сказанія Иліады и Одиссеи произвести отъ какихъ то индійскихъ легендъ, не имѣющихъ въ основѣ своей никакой исторической подкладки и на взгляды другихъ на эту войну, какъ на явленіе историческое, взгляды подтверждаемые раскопками Шлимана. Отвѣять у преданій ложь и найти лежащая въ основѣ ихъ зерна исторической истины въ большинствѣ случаевъ, пожалуй, невозможно. За всѣмъ тѣмъ, конечно, преданія могутъ быть полезны въ наукѣ для многихъ цѣлей, они даютъ основаніе для характеристики народа, знакомятъ съ его бытомъ, окружающею его природою и его возрѣвьями. Но одно замѣчательное обстоятельство сообщаетъ преданіямъ апологетическое значеніе. Оказывается, что у многихъ народовъ, раздѣленныхъ тысячами веретъ, морями и пустынями, существуютъ преданія паразительно близкія по своему содержанию; притомъ характеръ этихъ преданій таковъ, что объяснить ихъ, какъ возникшія въ различныхъ мѣстахъ подъ вліяніемъ аналогичныхъ условій невозможно, какъ невозможно объяснить ихъ и путемъ заимствования. Единственно возможное объясненіе ихъ то, что они были у того племени, отъ котораго произошли всѣ народы, ихъ имѣющіе. Принимая во вниманіе, что преданія эти часомъ отличаются живостью и свѣжестью, и зная, какъ легко люди забываютъ свое прошлое и искажаютъ его въ своей памяти, мы должны признать, что расселеніе этихъ народовъ изъ мѣста ихъ первоначальнаго происхожденія произошло недавно. Такія преданія не даютъ намъ точной хронологической даты событій, но они по своему свойству таковы,

что способны вызвать удивленіе, какъ они могли сохраняться въ теченіи 2—3 тысячъ лѣтъ. Необходимо уму представляется мысль, что въ основѣ ихъ лежатъ дѣйствительныя великія событія, глубоко врэзавшіяся въ памяти тѣхъ, которые въ нихъ участвовали. Обратимся къ этимъ преданіямъ. Они касаются 1) созданія челоуѣка, 2) его паденія, 3) его допотопной жизни, 4) потопа и столпотворенія вавилонскаго. Мы изложимъ эти преданія главнымъ образомъ по Ленорману (только тѣ изъ находящихся у него, которыя представляются намъ наиболѣе полезными для нашей цѣли), отрицающему библейскую хронологію и всемірность потопа и выдающему въ библейскомъ повѣствованіи о созданіи челоуѣка и первой жизни челоуѣчества аллегорію и легенду, а не исторію. Изложеніе преданій такимъ лицомъ, конечно, отличаются характеромъ тенденціознымъ. Но эта тенденціозность направлена въ сторону неблагоприятную для насъ, тѣмъ болѣе должно имѣть значеніе то, что оказывается возможнымъ изъ послымокъ, собранныхъ для опроверженія защищаемаго нами воззрѣнія на библейское повѣствованіе, извлечь основанія въ пользу этого воззрѣнія.

Прежде всего обратимся къ сказаніямъ о созданіи челоуѣка. Было много великихъ историческихъ событій, прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ люди могли слушать повѣствованіе о немъ изъ устъ говорящихъ близко извѣстную имъ правду. Все это, а особенно духъ язычества, враждебный истинной религіи, должны были изгладить изъ памяти повѣствованіе объ этомъ созданіи и однако, оказывается, что оно исчезло не совсѣмъ и изъ различныхъ угловъ земнаго шара мы слышимъ еще, хотя и слабыя, отголоски величественнаго библейскаго сказанія. Въ фрагментахъ финикійской космогоніи мы находимъ, что первая смертная пара людей Protogenos (Adam Quadmon) и Aeon (Havah) произошла отъ вѣтра Colries'a и его супруги Вааѣ, и что Aeon первая изобрѣла ѣсть плоды съ деревьевъ. Въ египетскихъ сказаніяхъ говорится о созданіи Богомъ людей изъ грязи земли. Въ космогоніи Перу первый челоуѣкъ, созданный божественнымъ всемогуществомъ, называется Aра самосса—одушевленная земля. Между племенами сѣверной Америкѣ,

манданы рассказываютъ, что великій Духъ образовалъ изъ глины двѣ фигуры, что Онъ высушилъ ихъ и оживилъ дыханіемъ изъ своихъ устъ, и что одинъ изъ нихъ получилъ имя перваго человѣка, а другая—имя его подруги. Великій Богъ Тамти, Таегаго образуетъ человѣка изъ красной земли, и дейасы Борнео, противящіеся всѣмъ мусульманскимъ вліяніямъ, передаютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, что человѣкъ былъ образованъ изъ земли. Въ религіи Зороастра твореніе представляется свободнымъ дѣломъ личнаго Бога. Агурамазда, богъ благой и великій, создавшій вселенную въ 6 послѣдовательныхъ періодовъ (обнимающихъ время въ 365 дней), оканчиваетъ свое дѣло созданіемъ человѣка, названнаго Gaumaretan (жизнь, смертная), который и выходитъ безпорочнымъ изъ рукъ создателя. Во всѣхъ этихъ повѣствованіяхъ нельзя не видѣть сходства съ Библіею, хотя сходства слабого, весьма слабого. Это и не удивительно, ибо страшно было бы сохраненіе цѣлаго воспоминанія о сотвореніи Богомъ человѣка, когда собственно исчезло ясное понятіе о Богѣ, когда самая религія совершенно исчезла. Но гораздо сильнѣе сохранилось воспоминаніе у человѣчества о первобытномъ блаженномъ состояніи и о паденіи. Это понятно. Современное несчастное состояніе человѣчества было бы величайшею загадкою для человѣчества, если бы оно не имѣло себѣ объясненія въ тайнѣ паденія первозданнаго человѣка. „Человѣкъ, говоритъ Паскаль, былъ бы гораздо болѣе непонятенъ безъ этой тайны, чѣмъ эта тайна непонятна для человѣка“. Сказанія о первобытномъ блаженномъ состояніи находятся у всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ древности, но во многихъ случаяхъ подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ условій и особенностей религіозныхъ воззрѣній, эти сказанія не только по своей внѣшней формѣ, но и по своему духу, стали совершенно несогласны съ сказаніями Библіи. Это подадо поводъ нѣкоторымъ настаивать на томъ, что мысль о золотомъ прошедшемъ вѣкѣ возникла и развила у различныхъ народовъ самостоятельно и имѣетъ свой источникъ въ стремленіяхъ человѣческой природы. Это объясненіе можно бы было назвать правдоподобнымъ, если бы въ сказаніяхъ было согласіе въ духѣ,

а не въ буквѣ и если бы самое сродство въ буквѣ не простиралось до такихъ предѣловъ, при которыхъ невозможно говорить объ аналогичныхъ причинахъ, вызвавшихъ одинаковыя слѣдствія. Вотъ, самое древнее преданіе арійцевъ о паденіи человѣка. Первый человѣкъ называется у иранцевъ *Yima* и у индійцевъ *Yama*. Сынъ неба, а не человѣка *Yima* соединяетъ въ себѣ черты, которыя Битіе приписываетъ Адаму и Ною — отцамъ до и послѣпотопнаго человѣчества. Позднѣе *Yima* является просто первымъ царемъ иранцевъ, но царемъ, жизнь котораго, какъ и жизнь его подданныхъ, проходитъ среди райскаго блаженства, въ раю *Aigiana Vaedia* — жилище первыхъ людей. Но послѣ нѣкотораго періода жизни чистой и безгрѣшной *Yima* совершилъ грѣхъ, который отяготѣлъ на его потомствѣ, и этотъ грѣхъ, заставившій его потерять могущество и выбросившій его за предѣлы райской земли, отдаетъ его во власть змѣя, злаго змѣя *Анграмайяниуса*, который и заставляетъ его погибнуть въ ужасныхъ мученіяхъ. Позднѣе въ *Бундегешѣ* *Yima* уже не является ни первымъ человѣкомъ, ни первымъ царемъ. Исторія паденія, которое заставляетъ *Yima* терять свое адемское блаженство и подпадать во власть врага, всегда остается связанною съ именемъ этого героя. Но это паденіе — не первый грѣхъ. Грѣхъ первый, приписываемый предкамъ, отъ которыхъ происходятъ всѣ люди, относится здѣсь къ *Maschia* и *Maschiâna*. Вотъ сказаніе *Бундегеша* о первомъ грѣхѣ.

„Человѣкъ былъ, отецъ міра былъ. Небо назначено было ему подѣ условіемъ, чтобы онъ былъ покоренъ сердцемъ, чтобы онъ со смиреніемъ дѣлалъ дѣдо закона, чтобы онъ былъ чистъ въ своихъ мысляхъ, чистъ въ своихъ словахъ, чистъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и чтобы онъ не призывалъ дѣвъ (демоновъ). При такихъ условіяхъ мужчина и женщина должны были составлять взаимно счастье другъ друга. Таковы были въ началѣ ихъ мысли, таковы были ихъ дѣла. Они облизались и жили вмѣстѣ. Сначала они говорили эти слова: Агурамазда далъ воду, землю, деревья, животныхъ, звѣзды, луну, солнце и всѣ блага, которыя идутъ отъ чистаго корня и отъ чистаго плода. Но потомъ

ложь покрыла ихъ сердце, она извратила ихъ расположенія и сказала имъ: Ангромайянусъ дальъ воду, землю, деревья, животныхъ и все то, что названо выше. Въ началѣ Ангромайянусъ обманулъ ихъ относительно девъ и до конца этотъ жестокий искалъ только гибели ихъ. Повѣривъ его лжи, оба они стали подобны демонамъ, и ихъ души будутъ въ аду до обновленія тѣла. Они питались въ теченіе 30 дней, они покрывались черными одеждами; черезъ 30 дней они пошли на охоту, бѣлая коза предстала имъ, они извлекли своими устами молоко изъ ея сосцовъ и питались этимъ молокомъ, которое доставляло имъ много удовольствія. Дева, который говоритъ ложь, сталъ болѣе смѣлымъ, онъ предсталъ во второй разъ и принесъ имъ плоды, которые они ѣли, и вслѣдствіе этого изъ ста преимуществъ, которыми они пользовались, у нихъ не осталось ни одного. Послѣ 30 дней и 30 ночей сѣрый и бѣлый баранъ предсталъ, они отрѣзали у него лѣвое ухо. Наученные небесными язатами они извлекли огонь изъ дерева коперъ, ударяя по немъ кускомъ дерева. Оба они удивились древесному огню, они раздули его дыханіемъ устъ, они зажгли сначала куски дерева копа, потомъ финиковаго и потомъ мирты. Они изжарили барана, котораго разрѣзали на 3 части. Съѣвши мясо собаки, они покрылись шкурою этого животного, они предались потомъ охотѣ и сдѣлали себѣ жилища изъ шкуры дикихъ звѣрей“. Въ этомъ повѣствованіи Бундегеша невозможно видѣть только случайное сходство съ Библией. Сходство здѣсь указываетъ на общій источникъ преданія, значить, прежде всего на общее происхожденіе арійцевъ и семитовъ. Въ скандинавскихъ легендахъ, сохранныхъ эддою Snorre'a Strulson'a, есть повѣсть столь же близкая къ библейскому сказанію о потерѣ блаженства, только не у людей, а между существами божественнаго племени у Азовъ, Безсмертная Jdunna жила съ Bragi, первымъ изъ скальдовъ или вдохновенныхъ пѣвцовъ, въ Asgar'ѣ, въ Мильдгардѣ посрединѣ міра въ раю, въ состояніи полной девидности. Боги довѣрили ей охранѣ яблоки безсмертія. Но хитрый Лѣки, родоначальникъ всякаго зла, представитель злаго начала, соблазнилъ ее другими яблоками, ко-

торья, говорилъ онъ, онъ нашелъ въ лѣсу. Она послѣдовала за нимъ, чтобы собрать ихъ, но внезапно была похищена гигантомъ, и счастье съ тѣхъ поръ исчезло изъ Asgard'a. Сказанія о таинственномъ деревѣ жизни, оказывается, были распространены во всей западной Азии. На ассирійскихъ барельефахъ, на монументахъ ассирійскихъ царей, на вавилонскомъ цилиндрѣ-археологическихъ памятниковъ, теперь находящихся въ британскомъ музеѣ ¹⁾, мы находимъ изображеніе древа жизни, охраняемаго крылатыми гениями, поклоненіе древу жизни, изображеніе древа жизни и змѣя. На финикійской вазѣ VII или VI вѣка предъ Р. X. мы находимъ изображеніе дерева и змѣя, ясно напоминающихъ о Библии. Змѣй, какъ представитель злаго начала, очень часто, видимъ мы, выступаетъ въ древности. У египтянъ змѣй Апапи борется съ солнцемъ, и Горусъ поражаетъ его своимъ оружіемъ. Говорятъ, что Форесидъ сирійскій заимствовалъ изъ финикійской миѳологии свою повѣсть о титанѣ Офіонѣ, древнемъ змѣѣ, низвергнутомъ съ своими сообщниками въ бездну Богомъ Хроносомъ, который торжествуетъ надъ нимъ при началѣ вещей. Повѣсть паразитично аналогичная съ исторіей паденія древнаго змѣя, который есть клеветникъ и сатана, низвергнутаго и заключеннаго въ бездну, которая не изображается въ ветхомъ завѣтѣ, но которая существовала въ устныхъ сказаніяхъ евреевъ и которая оказывается помѣщенной въ XII и XX гл. Откровенія св. Іоанна. Въ ведахъ тоже изображается борьба противъ змѣя, какъ представителя злаго начала, впрочемъ, съ сильнымъ натуралистическимъ оттѣнкомъ. На знаменитомъ саркофагѣ капитолийскаго музея находится изображеніе пары людей—совершенно обнаженныхъ, находящихся у подножія дерева, на которое мужчина указываетъ жестомъ, какъ бы призывая собирать плоды. Нѣкоторыя фигуры на этомъ саркофагѣ заставляютъ подозрѣвать халдеоавилонское вліяніе, именно, на немъ между прочимъ изображенъ Титанъ, сынъ Япетоса, образующій челоуѣка, гороскопъ котораго опредѣляетъ Парка. Вотъ, этотъ то гороскопъ и

1) См. Lenormant'a L' Hist. 33, 34, 35.

способенъ напомнить о Вавилонѣ, но дата этого монумента заставляетъ отодвигать его происхождение къ тому времени, когда Римъ еще не имѣлъ сношеній съ востокомъ, и побуждаетъ видѣть въ изображеніи не нѣчто давѣянное случайно со стороны, а смутное воспоминаніе о великомъ событіи: Ленорманъ, у котораго мы заимствуемъ свѣденія о сообщаемыхъ преданіяхъ народовъ, полагаетъ, что богодухновенный авторъ III главы кн. Бытія воспользовался сказаніями сосѣднихъ народовъ для того, чтобы въ аллегорической формѣ сообщить потомству о великомъ событіи нравственнаго паденія первоначальнаго человѣчества. Но это объясненіе представляется совершенно несостоятельнымъ. Вѣдь, далеко отъ западной Азіи мы встрѣчаемъ сказанія о змѣѣ, древѣ жизни, началѣ, никѣзла, мы встрѣчаемъ эти сказанія разсѣянными повсюду. Прежде всего требуется объяснить происхождение повѣствованія, авторъ котораго признается богодухновеннымъ. А при объясненіи этихъ сказаній отрицать ихъ фактическую основу значитъ отказаться отъ объясненія. Какимъ образомъ на самомъ дѣлѣ у жителей Скандинавіи и иранскаго плоскогорія могло образоваться одинаковое вѣрованіе, что плоды, употребленные нѣкогда въ пищу разумными существами, были причиною прекращенія ихъ блаженной жизни? Почему это въ змѣѣ олицетворили злое начало? Это было бы понятно, если бы такое олицетвореніе имѣло мѣсто въ Индіи, гдѣ змѣи приносятъ столько вреда, но оно находится не въ Индіи только и — главное — зародилось не въ Индіи? Почему у людей могло возникнуть вѣрованіе, что корень зла — въ яблокѣ? Конечно, можно изощрять свое остроуміе, придумывая различныя гипотезы для объясненія этого загадочнаго явленія, причемъ можно отрицать правдивость библейскаго разсказа, но это остроуміе всегда въ концѣ окажется несостоятельнымъ, а натянутость его всегда будетъ сознаваться непосредственно.

Послѣ сказанія о паденіи мы находимъ довольно распространеннымъ сказаніе о допотопныхъ патриархахъ. Прежде всего такое сказаніе оказывается въ Халдѣ, гдѣ перечисляются 10 допотопныхъ царей, при чемъ при послѣднемъ Ксизустрѣ, или по исправленному чтенію Газизадрѣ, происходитъ потопъ.

Согласно ассирийскимъ преданіямъ, собраннымъ Абидоссою, прежде основанія Ниневія было 10 поколѣній героевъ, отъ которыхъ и произошла нація. По армянскимъ преданіямъ было также 10 героевъ, предковъ Арама, который окончательно образовалъ племя и далъ ему свое имя. Священные книги иранцевъ, приписываемыя Зороастру, считаютъ при началѣ человечества 9 героевъ съ характеромъ истинно мифическимъ, за Gayomartanъ, человѣкомъ, типомъ, героемъ, около котораго группируются все преданія о первыхъ вѣкахъ до того момента, когда они принимаютъ характеръ болѣе человѣческой или даже полуисторической. Такъ представляются Paradhânos древняго преданія, бывшіе 10 царями Reshdâdiens, позднѣйшей иранской легенды, которую воспользовался Фирдуси въ своей эпопее, первыми земными монархами, людьми древняго закона, которые питались чистымъ напиткомъ хома и которые сохраняли святость. Въ космогоническихъ легендахъ индійцевъ мы встречаемъ 9 Brahmadikos, которыхъ становится 10 съ Брахмою ихъ родоначальникомъ и которыхъ называютъ 10 Pitris (отцовъ). Китайцы считали 10 императоровъ, участвующихъ въ божественной природѣ, между Tou-hi и правителемъ, который начинаетъ времена историческія, Hoang-ti и вступленіемъ послѣдняго обозначаютъ 10-й изъ периодовъ ki, которые прошли отъ созданія человѣка и начала господства человѣческаго на землѣ Sin-hoang. Германцы и жители Скандинавіи вѣрили въ 10 предковъ Wodan'a или Odin'a, какъ арабы въ 10 мифическихъ царей Ad'a, первоначальнаго народа ихъ полуострова, имя котораго означаетъ "древній". Въ Египтѣ первая времена существованія человѣка отмѣчаются царствованіемъ боговъ на землѣ. Фрагменты Манетона, относящіеся къ этимъ первымъ эпохамъ, дошли до насъ въ такомъ состояніи, что трудно уразумѣть, сколько именно допускалъ этотъ авторъ божественныхъ царствованій, но сохранившіеся отрывки знаменитаго туринаскаго папируса, который содержалъ списокъ египетскихъ династій, написанный титратическимъ письмомъ, кажется, указываютъ, что редакторъ этого листа считалъ до 10 боговъ, которые вначале управляли людьми. Напрасно стали бы пытаться,

говорить Ленорманъ, выборъ этого числа 10 связать съ какими нибудь умозрѣніями: религіозной философіи язычества относительно таинственной силы чиселъ. Не въ этомъ послѣднемъ періодѣ развитія человечества и періодѣ уже довольно близкомъ къ намъ беретъ свой корень преданіе о 10 допотопныхъ патріархахъ. Оно возводитъ насъ болѣе далеко, къ той первоначальной эпохѣ, когда предки всѣхъ расъ, у которыхъ мы много нашли, жили еще близко, одни около другихъ. Эта эпоха въ прогрессивномъ ходѣ знаній была тою, когда число 10 было числомъ самымъ высокимъ, до котораго умѣли считать, потому, числомъ неопредѣленнымъ, которымъ пользовались для обозначенія многого, для выраженія общаго понятія множественности. Это былъ тотъ моментъ, когда первоначальное пятеричное счисленіе, данное пальцами руки, перешло въ счисленіе десятичное, основанное на счисленіи пальцевъ обеихъ рукъ, которое осталось почти у всѣхъ народовъ точкою отправленія для вычисленій самыхъ совершенныхъ и сложныхъ; которыя достигаютъ безпредѣльности въ безконечномъ умноженіи и въ безконечномъ дѣленіи. Но важно замѣтить, что именно до 10 существуетъ неоспоримая близость именъ въ названіяхъ именъ египетскихъ и семитскихъ и что равно, если есть родство между тѣми же названіями въ языкахъ арійскихъ и въ языкахъ семитовъ, то оно тоже ограничено этимъ предѣломъ. Ленорманъ подчеркиваетъ два обстоятельства: 1) что 10 въ Библии и въ другихъ преданіяхъ относительно первыхъ человѣческихъ поколѣній не имѣетъ точнаго значенія, а служитъ только для выраженія неопредѣленнаго множества, 2) что это преданіе находится у арійцевъ, семитовъ и хамитовъ и только у нихъ. Первое ему нужно для того, чтобы отрицать точный и историческій смыслъ библейскаго повѣствованія, а второе для подкрѣпленія своей излюбленной гипотезы о всемірности потопа, которая въ данномъ случаѣ подкрѣпляется такимъ образомъ. Расселеніе народовъ (потомковъ Каина и Сѣа) произошло раньше, чѣмъ они умѣли считать до 10, но разсѣяніе народовъ произошло тогда, когда счисленіе остановилось на этой цифрѣ, вотъ почему у ноахидовъ и существуетъ это преданіе. Но не

трудно обнаружить неправильность разсужденія Ленормана. Во 1) цифра 10 не упоминается во многихъ изъ этихъ преданій, тамъ перечисляются только 10 именъ, которыхъ въ эпоху счисленія до 10, люди такъ же легко могли насчитать 10, какъ и 20 и 30. А когда эти преданія были записаны, то люди безъ сомнѣнія умѣли считать гораздо болѣе, чѣмъ за 10. Во 2) существованіе преданія о 10 патріархахъ у ноахидовъ (они существуютъ не у ноахидовъ только, а, наприм., у китайцевъ) не доказываетъ, что его не было первоначально и у другихъ народовъ, преданія могутъ исчезать скоро, тѣмъ болѣе, что это преданіе само по себѣ не бьетъ въ глаза и не врѣзывается въ память. Представлять же, что оно возникло у ноахидовъ, навѣянное неопредѣленнымъ значеніемъ, 10, нельзя, потому что несомнѣнно, что люди, спасшіеся отъ потопа, умѣли ковать желѣзо, умѣли считать гораздо далѣе 10 (уже до потопа потомокъ Каина Ламехъ говорилъ, что за него отмстится въ 77 разъ). Въ 3) въ различныхъ генеалогіяхъ, какъ и собственно въ генеалогіи библейской, число 10 разлагается на 9 + 1, первый выдѣляется изъ числа остальныхъ, что вовсе не вяжется съ допущеніемъ образованія преданія подъ вліяніемъ представленія 10, какъ неопредѣленнаго множества. Всѣ эти соображенія обязываютъ отнести отрицательно къ взгляду Ленормана и въ цифрѣ 10 видѣть не большой X, а 10, хотя вопросъ о томъ, были ли эти 10 патріарховъ особенно знаменитыми между множествомъ другихъ, или ими обозначается все число поколѣній отъ созданія человѣка до потопа, вопросъ этотъ остается открытымъ.

Кромѣ числа 10 у различныхъ народовъ отъ допотопнаго періода осталось воспоминаніе о гигантахъ, точно такъ же, какъ и о весьма большой продолжительности ихъ жизни. У грековъ ученіе о гигантскомъ ростѣ первыхъ людей было тѣснѣйшимъ образомъ связано съ ученіемъ объ ихъ автхроніи. Аркадія была нѣкогда называема Gigantis и Ликія — Gigantia сообразно съ свойствами, приписывавшимися ихъ первымъ обитателямъ. Преданіе о народности гигантовъ, рожденныхъ изъ земли, привязывается къ южной части острововъ Родоса и Коса. Cyzique показывала на своей

земль плотину, о которой думала, что она построена гигантами. Мысль, что первоначальные герои имѣли гигантскіе размѣры, является общемо въ классической поэзи. Берозъ, сообразно халдеовавилонскимъ преданіямъ, говоритъ, что первые люди имѣли чудовищный ростъ и силу, и представлялъ ихъ, какъ жившихъ еще и въ первое время послѣ потопа. Изъ повѣствованій халдейскаго историка, а также изъ національныхъ преданій Арменіи Маръ Абасъ Котина извлекъ свое повѣствованіе о древнихъ гигантахъ этой страны и Месопотаміи, объ ихъ насиліяхъ и о войнѣ двухъ болѣе страшныхъ между ними Бела вавилонскаго и Naigh'a армянскаго. Всѣ арабскія легенды единодушно представляютъ, какъ гигантовъ первоначальные (досемитическіе) народы арабскаго полуострова, сыновей Амалика и Ога, падіи, оставившей память о своемъ нечестіи и надменности. Многими въ настоящее время раздѣляется мнѣніе, что всѣ эти сказанія о гигантахъ не имѣютъ для себя реального основанія. „Это есть древнее преданіе, говоритъ Мори, что люди сильные и могущественные, изображаемые въ воображеніи народномъ, какъ гиганты, привлекли на себя за свое нечестіе, гордость и надменность гнѣвъ боговъ. Предполагаемые гиганты были по всей вѣроятности только первыми людьми, которые злоупотребляли превосходствомъ ихъ знаній, ихъ силу для подчиненія себѣ подобныхъ. Знанія, которыми они владѣли, для народовъ невѣжественныхъ и жестокихъ, казались откровеніемъ, которое они получили отъ боговъ, тайнами, которыя они похитили съ неба. Или потому что эти гиганты выдавали себя за происшедшихъ отъ божествъ или по суетвѣрью дѣтски наивныхъ народовъ они являлись для послѣдующихъ рожденными отъ сношенія безсмертныхъ съ женщинами. Жрецы, исключительные и ревнивые монополисты знаній, научили въ послѣдствіи, что эти нечестивые гиганты были низвергнуты потомъ богами, съ которыми они пытались соперничать въ могущество. Несомнѣнно, что какія-нибудь великія катастрофы, положившія конецъ господству этихъ тирановъ, можетъ быть революція, которая отдала въ руки жрецовъ власть, принадлежавшую, нѣкогда вѣбннымъ главамъ, были представ-

лены, какъ дѣйствія божественнаго гнѣва, отсюда возникла легенда и въ добрый часъ распространилась по Халдеѣ и Греціи. Ленорманъ съ весьма незначительными оговорками принимаетъ это мнѣніе, онъ указываетъ еще на то, что сказанія о гигантахъ могли находить себѣ подтвержденіе въ останкахъ громадныхъ млекопитающихъ, которые принимали за останки людей. Ленорманъ особенно настаиваетъ на томъ, что въ дѣйствительности гигантовъ не было. Бывали, дѣйствительно, случаи, что кости мамонта погребались по христіанскому обряду, но за всёмъ тѣмъ существуютъ самыя сильныя основанія утверждать, что гиганты не плоды воображенія младенческихъ народовъ, а существовали въ дѣйствительности. Нѣкоторыя, правда, довольно слабыя доказательства этого можно указать въ открытіяхъ послѣднихъ годовъ въ области палеонтологіи и антропологіи. Можно, пожалуй, еще указать, что такіе останки знаетъ археологія. Это останки громадныхъ сооружений древности, наводящія на мысль о гигантскихъ силахъ и трудѣ. Можно было бы указать на эти останки, какъ на вызвавшія самыя легенды, наприм., въ Греціи, гдѣ эллинамъ пришлось найти пеласгическія постройки, если бы преданія эллиновъ не были сходны (о гигантахъ) съ преданіями индійцевъ, и значить, во многихъ существенныхъ своихъ частяхъ образовались не на европейской почвѣ. Воздвигнуты же были они по всей вѣроятности людьми обыкновенныхъ размѣровъ. Но за всёмъ тѣмъ странно было бы отрицать существованіе въ прошедшемъ гигантовъ. Ихъ останки могли исчезнуть или еще могутъ быть найдены. Можетъ быть они жили только вблизи колыбели человѣчества; То обстоятельство, что гиганты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляются автохтонами, объясняется такъ: поселенцы, придя въ извѣстное мѣсто, встрѣчали громадныя постройки, которыя имъ напоминали имъ преданія имъ отъ предковъ сказанія о гигантахъ; они приурочивали эти сказанія къ новымъ мѣстамъ и новой обстановкѣ. Такъ могли измѣниться сказанія о гигантахъ особенно подъ вліяніемъ религіознаго языческаго духа, но они не могли такъ возникнуть, какъ представляютъ это Мори и Ленорманъ. Прежде

всего ихъ объясненіе не соотвѣтствуетъ Библии! Гиганты или исполины здѣсь вовсе не потомки неба и земли, какъ это представляли многіе, какъ это сдѣлалъ Байронъ въ своей известной мистеріи „Небо и Земля“, гиганты здѣсь поколѣніе, происшедшее отъ смѣси сифитовъ съ кинитями. Что подъ сынами Божиими и дочерьми человѣческими, о которыхъ говорится въ 2 и 4 стихахъ, нужно понимать людей, это открывається съ несомнѣнностію изъ стиха 3-го, въ которомъ Богъ по поводу увлеченія сыновъ Божіихъ дочерьми человѣческими говоритъ: „не быть пренебрегаему духу Моему между людьми“, какихъ словъ бытописатель не приписалъ бы Богу, если бы дѣло шло не о людяхъ, Далѣе. Въ Библии, въ чемъ въ этомъ отношеніи открывається сходство и со всеми другими сказаніями, гигантамъ приписывается только физическая сила. Они вовсе не представляются носителями какихъ то тайнъ или надѣльными какими то особенными дарованіями, напротивъ, отъ нихъ вѣетъ чѣмъ то стихійнымъ. Въ высшей степени поэтому представляется страннымъ мнѣніе Моря о томъ, что гиганты это на самомъ дѣлѣ люди обыкновенные въ физическомъ, но необыкновенные въ духовномъ отношеніи. Въ Библии представляется дѣло потопа много людей, прославившихся своимъ служеніемъ культурѣ, но ни кто изъ нихъ не причисляется къ гигантамъ. Значѣтъ, библейское сказаніе, нужно полагать, во всякомъ случаѣ возникло у евреевъ раньше существованія у нихъ жрецовъ, которые при томъ и не были у нихъ монополистами науки. Если въ греческихъ сказаніяхъ титаны оказываются и первыми (титанъ Прометей) цивилизаторами, то здѣсь можно видѣть скорѣе смѣшеніе представителей духовной силы съ представителями силы физической. Да и здѣсь нужно замѣтить, когда гиганты представляются какъ первые цивилизаторы, они вмѣстѣ представляются и благодѣтелями человѣчества, что совсѣмъ уже не вяжется съ мнѣніемъ Моря. Въ виду всего этого гипотезу Моря нельзя не признать крайне неосновательною. Оставляя въ сторонѣ всякія произвольныя толкованія сказаній о гигантахъ и снимая съ этихъ сказаній окружающую ихъ сложную оболочку — противорѣчивыя на-

слоения, — получаемъ, что нѣкогда на землѣ жили исполины, сильные люди и при томъ люди нечестивые, т. е., получаемъ именно то, что говорится въ Библии. Естественно и закономерно поэтому утверждать, что всѣ эти сказанія представляютъ собою осложнившіяся и искаженныя варіаціи библейской первоосновы.

Особенно много и особенно разнообразны сохранившіяся у различныхъ народовъ преданія о потопѣ; въ Америкѣ и Элладѣ, въ Индіи и Литвѣ мы находимъ сказанія о потопѣ, истребившемъ людей по волѣ боговъ. Преданія о потопѣ разсматривались до послѣдняго времени многими учеными, какъ отголосокъ великаго событія, о которомъ повѣствуетъ Библия. Однако новѣйшія изслѣдованія побуждаютъ измѣнить эту точку зрѣнія. Такъ можно признать почти несомнѣннымъ, что греческія сказанія о потопѣ возникли на туземной почвѣ и представляютъ отголосокъ мѣстныхъ событій, тоже самое должно сказать о преданіяхъ Индіи и Китая. Для рѣшенія вопроса о происхожденіи египетскаго сказанія о потопѣ (?) намъ кажется въ настоящее время еще не имѣется достаточныхъ данныхъ, и вопросъ о связи его съ повѣствованіемъ Библии должно признать открытымъ. Американскія преданія стоятъ въ несомнѣнной связи съ Библиею, но они — какъ показываютъ изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ — представляютъ собою плодъ заимствования, характеръ заимствования носить и литовское преданіе. Такимъ образомъ большая часть преданій о потопѣ по нашему мнѣнію не можетъ въ настоящее время имѣть апологетическаго значенія, т. е. не можетъ подтверждать истинности Библейскаго повѣствованія. На первый взглядъ это представляется страннымъ. Потопъ въ ряду событій, которыя касались всего человѣчества, былъ однимъ изъ позднѣйшихъ и затѣмъ по своимъ внѣшнимъ свойствамъ является такимъ событіемъ, которое должно произвести сильное впечатлѣніе и глубоко вѣстаться въ память человѣчества. При изслѣдованіи однако не трудно понять, почему память собственно о библейскомъ потопѣ затмилась, потому что за библейскимъ потопомъ слѣдовало много мѣстныхъ катаклизмовъ, которые дѣйствовали на чувства

современниковъ сильнѣе, чѣмъ отдаленное преданіе, и вытѣсняли у нихъ воспоминаніе о послѣднемъ.

Постараемся доказать высказанныя нами положенія. Самое древнее изъ греческихъ преданій о потопѣ связано съ именемъ Огигея, древнѣйшаго царя Беотіи и Аттики, лица совершенно мифическаго, которое теряется во мракѣ времени. Его имя, кажется, происходитъ отъ того названія, которымъ обозначали первоначально потопъ въ арійскихъ діалектахъ, по санскритски *augha*. Рассказываютъ, что въ его время вся земля была наводнена потопомъ, воды котораго поднялись до неба, и отъ котораго онъ ускользнулъ въ суднѣ съ нѣсколькими товарищами. Въ болѣе позднее время, мы видимъ греческія сказанія о потопѣ привязываются къ личности Девкальона, причемъ потомъ сначала представляется все таки всемірнымъ. Именно повѣтствуется, что по совѣту отца Прометея Девкальонъ построилъ ковчегъ, въ которомъ и спасся съ женою Пиррою. Потопъ начался. Ковчегъ плавалъ по волнамъ въ теченіе девяти дней и девяти ночей и наконецъ былъ принесенъ водами къ вершинѣ Парнаса. Девкальонъ и Пирра вышли, принесли жертву и населили міръ, бросая по приказанію Зевса черезъ себя назадъ кости (т. е. камни) земли, которые превращались въ людей. Однако съ теченіемъ времени начали говорить, что во время потопа Девкальона погибли не всѣ, что многіе спаслись на высокихъ горахъ, что даже и въ Тессаліи и то нѣкоторые были спасены отъ потопа, во всѣхъ же другихъ мѣстностяхъ Греціи стали указывать особыхъ героевъ, которые во время потопа или спасли своихъ соплеменниковъ, или, спасшись только сами, населили отъ себя свою страну. Исторія греческихъ преданій о потопѣ даетъ намъ поучительный примѣръ того, какъ искажаются и затѣмняются преданія о прошедшемъ въ памяти народовъ. Тессалійское наводненіе, бывшее при Девкальонѣ (дѣйствительной исторической личности) вытѣснило у грековъ воспоминаніе о потопѣ Огигея. Затѣмъ національное самолюбіе разныхъ греческихъ племенъ съ неудовольствіемъ должно было отмѣтить, что по сказанію о Девкальонѣ выходитъ, что всѣ греки произошли отъ Тес-

салийцевъ. Понятно, это никому не могло нравиться кромѣ еессалийцевъ, и вотъ различныя племена стали составлять сказанія, что ихъ родоначальники такъ же, какъ и Девкальонъ спаслись отъ потопа. Такъ искажались въ Греціи преданія о потопѣ. Причину же возникновенія этихъ сказаній указываетъ намъ геологія. Незадолго до исторической эпохи Черное море, принявшее приблизительно уже тѣ очертанія, какія имѣетъ и нынѣ, было отдѣлено отъ Средиземнаго моря Эгейской сушой, находившейся на мѣстѣ Мраморнаго моря, Босфорскаго и Дарданельскаго проливовъ, Черное море было тогда почти прѣснымъ или слабо солоноватымъ. Между тѣмъ Эгейская суша стала спускаться въ глубь, волны Средиземнаго моря проникли въ прежній почти прѣсноводный бассейнъ и осолонили его, съ другой стороны избытокъ водъ Понта излился въ Средиземное море. Это сопровождалось цѣлымъ рядомъ грозныхъ катастрофо-мѣстныхъ потоповъ. Уже задолго до того времени, какъ геологія овладѣла ключемъ къ пониманію прошлой исторіи земли, люди мыслящіе догадывались, что сказанія древнихъ авторовъ о потопѣ представляютъ отголосокъ событія, подобнаго разсказанному нами. Такую точку зрѣнія на эти сказанія установилъ еще въ 1807 г. А. Dureau de Lamalle fils въ книжкѣ *Geographie physique de la mer Noire, de l'interieur de l'Afrique et de la Mediterranée* Paris.

Не беремся объяснять происхожденія индійскаго сказанія о потопѣ, однако достаточно привести это сказаніе, чтобы всякій безпристрастный изслѣдователь согласился, что искать связи этого сказанія и библейскимъ повѣтствованіемъ очень рискованно. Вотъ это сказаніе. „Утромъ принесли Ману (типъ и предокъ человѣчества въ Индійскихъ сказаніяхъ) воды, чтобы умыться. Рыба оказалась у него въ рукахъ и обратилась къ нему съ этими словами: защити меня и я тебя спасу.—Отъ чего ты спасешь меня?—Потопъ поглотитъ всѣ творенія, вотъ отъ чего я спасу тебя.—Какъ я защищу тебя?—Рыба отвѣчала: такъ какъ мы весьма малы мы находимся въ великой опасности: рыба поглощаетъ рыбу. Схорони меня сначала въ сосудѣ. Когда я стану слишкомъ большою, вырой бассейнъ и пусти меня туда. Когда я

стану еще больше, перенеси меня въ океанъ. Тогда я спасу тебя отъ гибели. Вскорѣ она становится большою рыбою, она говоритъ Ману: въ тотъ годъ, когда я достигну полнаго роста, произойдетъ потопъ. Построй тогда корабль и поклонись мнѣ. Когда воды поднимутся, войди въ этотъ корабль, и я тебя спасу.

„Сохранивши рыбу такимъ образомъ, Ману отнесъ ее въ океанъ. Въ годъ, который она назначила, Ману построилъ корабль и поклонился рыбѣ. И когда произошелъ потопъ, онъ вошелъ на корабль. Тогда приплыла къ нему рыба, и Ману привязалъ буксиръ къ ея рогу. И благодаря этому средству, рыба на буксирѣ провела его надъ горами сѣвера. Рыба сказала: я спасла тебя, привяжи корабль къ дереву, чтобы вода не увлекла его пока ты на горѣ. По мѣрѣ того, какъ воды будутъ понижаться, ты сходи. Ману сходилъ вмѣстѣ съ водами. И это то и называется нисхожденіемъ Ману съ горъ сѣвера. Потопъ погубилъ всѣ созданія и Ману остался одинъ.“

Что касается до преданія о потопѣ китайцевъ, то оно несомнѣнно является отзвукомъ мѣстнаго наводненія. Сущность его такова. Въ царствованіе Ю въ Китаѣ произошелъ потопъ. Воды разлились по землѣ и достигли до неба. Несчастіе было отчасти устранено, отчасти ослаблено, благодаря трудамъ министра и инженера Ю, занявшагося регулированіемъ теченія рѣкъ и прорытіемъ каналовъ для отвода водъ. „Это было событіе, говоритъ Ленорманъ, совершенно мѣстное и его дату можно опредѣлить съ такою степенью точности, какая только возможна въ китайской хронологіи, когда восходятъ за 8 вѣковъ, до Р. Х., дату во всякомъ случаѣ позднѣйшую начала историческихъ временъ Египта и Вавилоніи (согласно хронологической системѣ хух-манку-ссе труды Ю для предотвращенія несчастій отъ наводненій были окончены въ 2278 предъ Р. Х., согласно указаніямъ лѣтописей Вамбуа по Тшаушу въ 2062 г.). Ученый синологъ Эдуардъ Біо доказалъ въ мемуарѣ о перемѣнѣ нижняго теченія Гоанго, что описываемая катастрофа должна быть приписана многочисленнымъ наводненіямъ этой рѣки. Первобытное китайское общество,

расположившись по теченію Гоанго, много страдало отъ его разливовъ. Труды Ю. были ничѣмъ инымъ, какъ только началомъ необходимыхъ построекъ для сдерживанія водъ, построекъ, которыя продолжались и въ послѣдующій періодъ. Знаменитая надпись, выгравированная на скалѣ одного изъ пиковыхъ горъ Гу-нанъ, была, говорятъ, современнымъ памятникомъ этихъ трудовъ.

Такъ называемое египетское сказаніе о потопѣ, прочитанное Эдуардомъ Нэвилемъ на гробницѣ Сэти, вызываетъ сомнѣніе даже въ томъ, можно-ли назвать его преданіемъ о потопѣ. Египетская надпись описываетъ сцену, происшедшую въ концѣ царствованія Ра (перваго земнаго царствованія, слѣдую системѣ еивскихъ жрецовъ, втораго, — слѣдую жрецамъ мемфисскимъ, которымъ слѣдуетъ и Манетонъ, и которые помѣщали начало вещей въ царствованіе Фта—предшественника Ра). Раздраженный и разгнѣванный преступленіями людей, созданныхъ имъ, Ра собираетъ около себя другихъ боговъ, чтобы держать съ ними совѣтъ (долженствуемый быть сохраненнымъ въ глубочайшей тайнѣ) объ истребленіи людей за нечестіе.

„Сказаль ²⁾ Ра Нуну; ты старѣйшій изъ боговъ, отъ котораго рожденъ я, и вы, начальные боги, вотъ люди произошли отъ меня, они произносятъ рѣчи противъ меня, скажите мнѣ, что бы вы сдѣлали противъ этого; вотъ я жду и не умерщвляю ихъ, доколѣ не выслушаю вашихъ рѣчей.

Сказаль его величество Нунъ: мой сынъ Ра, богъ болѣе великій, чѣмъ тотъ, который тебя произвелъ и создалъ, я пребываю въ великомъ страхѣ предъ тобою; что ты размышляешь въ собственномъ сердцѣ?

Сказаль величество Ра: вотъ они бѣгутъ въ горы, и ихъ сердца полны ужаса.

Сказали боги: да позволить это твое лице. Пусть будутъ поражены эти люди, которые измышляютъ зло—твой враги, и пусть никто (изъ нихъ не будетъ существовать)“.

---

²⁾ Мы приводимъ преданія преимущественно по Ленорману (L'Hist. ancien. T. 1. 1881.

Богиня, имя которой къ сожалѣнiю исчезло, но которая кажется была Тафнуть, отождествляемая съ Гаторъ или Секхетъ, тогда была послана для приведенiя въ исполненiе приговора объ уничтоженiи людей.

„Эта богиня отправилась и истребила людей на землѣ. Сказаль его величество богъ: иди съ миромъ Гаторъ, ты сдѣлала (то, что тебѣ было приказано). Сказала эта богиня: ты есь живой, ибо я была болѣе сильною, чѣмъ люди, и мое сердце довольно. Сказаль его величество Ра: я есмь живой, ибо я владычествую надъ ними (и я окончу) ихъ истребленiе. И вотъ почему Секхетъ въ теченiи многихъ ночей попирала ногами ихъ кровь до города На-khnen-sou (Гераклеополиса)“.

Но когда избiенiе окончилось, гнѣвъ Ра ослабѣлъ. Онъ начинаетъ раскаиваться въ томъ, что онъ сдѣлаль. Великая искупительная жертва утишаетъ его. Собираютъ плоды со всего Египта, мелютъ ихъ и смѣшиваютъ съ кровью людей, которою наполнили 700 кружекъ, которыя и ставятъ предъ богомъ.

„Вотъ его величество Ра, владыка верхняго и нижняго Египта, пришелъ съ богами въ три дня плаванiя, чтобы видѣть эти сосуды съ питьемъ послѣ того, какъ приказаль богинѣ избавить людей. Сказаль его величество Ра: я поднимаю мою руку для того, чтобы поклясться, что я не буду больше избивать людей.“

Его величество Ра, владыка верхняго и нижняго Египта, приказаль посреднѣ ночи вылить сосуды съ жидкостью, и поля были совершенно наполнены водою, ея лицо было радостно, и она пила обильно и она возвратилась насыщенной, она не замѣтила людей.

Сказаль его величество Ра этой богинѣ: иди съ миромъ, прелестная богиня. И онъ приказаль, чтобы родились юныя жрицы Аму (имя Ливii). Сказаль величество Ра богинѣ: пусть будутъ дѣлаться возлiянiя изъ чаши въ каждый изъ праздниковъ новаго года подъ надзоромъ моихъ жриць. Вслѣдствiе этого произошло то, что съ древнихъ дней всѣми людьми совершаются излiянiя подъ присмотромъ жриць Гаторъ“.

Однако нѣкоторые люди ускользнули отъ гибели, которая была назначена богомъ Ра, они обновили населеніе поверхности земли. Что касается до Ра, правившаго міромъ, то онъ почувствовалъ себя старымъ, больнымъ, утомленнымъ, онъ не желалъ болѣе жить между людьми, чтобы у него не возникло сожалѣніе, что онъ не уничтожилъ ихъ вполне, между тѣмъ какъ онъ поклялся впредь щадить ихъ.

„Сказалъ его величество Ра: есть тяжкая скорбь, которая меня удручаетъ; что причиняетъ мнѣ боль? Сказалъ его величество Ра: я есмь живой, мое сердце не будетъ больше съ ними (людьми) и я никогда не уничтожу ихъ и не произведу ихъ гибели.“

Сказали ему сопровождавшіе его боги: не удаляйся по причинѣ твоей слабости, въ своей волѣ ты держишь все, что желаешь“.

Тѣмъ не менѣе Ра рѣшилъ удалиться. Богиня Нуть была превращена въ корову. Ра сѣлъ ей на спину, чтобы ѣхать на ней на небо. Тогда его увидѣли люди, потомки новаго человѣчества и предложили ему сразиться за него съ его врагами. Они произвели великую битву и вышли побѣдителями. Ра сказалъ имъ: пусть будутъ вамъ прощены ваши грѣхи. Жертвы устранили истребленіе. Послѣ этого Ра на Нуть (въ образѣ коровы) удалился на небо, а управление міромъ распредѣлилъ между подвластными ему богами.

Можно отмѣтить въ этомъ сказаніи нѣсколько чертъ, сближающихъ его съ повѣствованіемъ книги Бытія о потопѣ. Въ египетскомъ сказаніи признается разращеніе первобытнаго человѣчества, божественное осужденіе этого человѣчества за нечестіе на гибель, сохраненіе отъ гибели немногихъ благочестивыхъ, принесеніе умиловительной жертвы, смягченіе этою жертвою Бога и возвѣщеніе, что родъ человѣческій не будетъ болѣе истребляемъ, причѣмъ подобно тому какъ въ Библии Богъ не потому отказывается поражать человѣка, что онъ заслуживаетъ милости (помышленія человѣка зло отъ юности его), а по своей любви, такъ и здѣсь Богъ не отмѣчаетъ въ людяхъ ничего, что внушало бы снисхожденіе къ нимъ, напротивъ, онъ признаетъ невозможнымъ общеніе съ ними и удаляется отъ нихъ. Рѣз-

кое различіе между библейскимъ повѣствованіемъ и египетскимъ — не говоря о различіи духа истинной религіи и религіи грубо азычской — заключается въ томъ, что въ Библии вода причинила погибель, здѣсь, напротивъ, жидкость спасла многихъ благочестивыхъ отъ погибели. Признавая, что египетское сказаніе представляетъ собою отголосокъ библейскаго событія, можно составлять гипотезы о томъ, какимъ образомъ оно приняло свою настоящую форму (вода Нила въ Египтѣ была величайшимъ благомъ, вотъ почему преданіе о потопѣ, принесенное изъ Азіи первыми египетскими поселенцами, съ теченіемъ времени въ вопросѣ о средствахъ отмщенія и спасенія повернулось совершенно на изнанку), но нельзя не сознаться что подобныя гипотезы далеко не для всѣхъ представляются имѣющими убѣдительный характеръ.

Американскія преданія о потопѣ издавна поражали изслѣдователей своимъ сходствомъ съ библейскимъ повѣствованіемъ. Такъ по преданіямъ Мексики, принявшимъ у мексиканцевъ вполнѣ установившуюся форму въ символическихъ и мнемоническихъ рисункахъ до времени Колумба, Ноемъ мексиканскаго потопа былъ Кокскоксъ, названный нѣкоторыми народностями Теочичактли или Тецпи. Онъ спасся вмѣстѣ съ своею женою Ксочикветцаль въ лодкѣ или, слѣдуя другимъ преданіямъ, на кедровомъ плоту. Рисунки, изображающіе потопъ Кокскокса были находимы у ацтековъ, мицтековъ, цапотековъ, тласкальтековъ и мешоаканезовъ. Въ частности преданіе этихъ послѣднихъ представляетъ болѣе поразительное, чѣмъ у другихъ, сходство съ повѣствованіемъ Библии. У нихъ повѣствовалось, что Тецпи помѣстился въ просторномъ суднѣ съ женою, дѣтьми, многими животными и сѣменами, сохраненіе которыхъ было необходимо для существованія рода человѣческаго. Когда великій богъ Тецкатлипока приказалъ, чтобы воды отступили назадъ, Тецпи выпустилъ изъ лодки коршуна. Птица, питавшаяся падалью, не возвратилась по причинѣ великаго множества труповъ, которыми была усѣяна только что обсохшая земля. Тецпи посылалъ другихъ птицъ. Изъ нихъ возвратилась одна колибри, принесшая во рту вѣтвь съ

листьями. Тогда Тецпи, видя, что земля начала покрываться новою зеленью, оставилъ свой корабль на горѣ Каль-праканъ.

Какъ объяснить происхожденіе этого сказанія? „Достоинство удивленія, говорить Мори, встрѣтить въ Америкѣ преданія о потопѣ несравненно болѣе близкія къ преданію Библии и религіи халдейской, чѣмъ у какого то бы ни было народа древняго міра. Трудно допустить, чтобы подобныя воспоминанія были занесены эмиграціями, которыя—весьма вѣроятно—совершались изъ Азіи въ Америку черезъ Курильскіе и Алеутскіе острова и которыя совершаются еще въ наши дни, Не находятъ никакого слѣда (?) такихъ воспоминаній у сибирскихъ или монгольскихъ народностей, которыя смѣшались съ автохтонными (?) племенами новаго свѣта. Безъ сомнѣнія нѣкоторыя американскія племена достигли въ моментъ испанскаго завоеванія довольно высокаго социальнаго устройства, но ихъ цивилизація имѣетъ характеръ своеобразный и кажется возникла на той же почвѣ, на которой и разцвѣла. Многія весьма простыя изобрѣтенія, каковы, наприм., взвѣшиваніе тяжестей посредствомъ гирь и употребленіе огня для освященія были неизвѣстны этимъ народамъ, что доказываетъ намъ, что не изъ Индіи и не изъ Японіи они получили ихъ знанія. Попытки, дѣлавшіяся для того, чтобы найти въ Азіи въ буддійскомъ обществѣ начало мексиканской цивилизаціи, не привели еще ни къ какому удовлетворительному заключенію. Однако, если бы буддизмъ и проникъ въ Америку—что намъ представляется сомнительнымъ,—то онъ не могъ бы принести мифа, котораго не оказывается въ его книгахъ. Причина сходства преданій о потопѣ туземцевъ новаго свѣта съ преданіями Библии остается доселѣ необъясненною“³⁾.

Удивленіе Мори не имѣетъ болѣе основаній для своего существованія. Ислѣдованія американистовъ послѣднихъ лѣтъ съ несомнѣнностью доказали, что европейцы иногда пропикали въ Америку и до времени Колумба, и что именно въ Америку пропикали миссіонеры. Имѣются вещественныя

---

³⁾ См. у Ленормана L'Hist. anc. T. I. p. 82. 1881.

доказательства этого (крестъ въ Юкатанѣ). Отсюда происхожденіе преданій о потопѣ становится очень понятнымъ. Миссіонеры рассказывали американцамъ о потопѣ, тѣ слушали, потомъ сами рассказывали другимъ землякамъ то, что слышали, записывали, изображали на рисункахъ, причемъ мало по малу придавали слышанному туземную окраску.

Отношенія американскихъ преданій къ повѣствованію книги Бытія представляется намъ совершенно аналогичнымъ отношенію литовскаго преданія о потопѣ къ греческому сказанію о Девкальонѣ. Вотъ это сказаніе. Литовскій богъ Прамцимасть, видя землю исполненную безпорядковъ, послалъ двухъ гигантовъ—Вандона и Ваяся, воду и вѣтеръ, чтобы ее опустошить. Они въ ихъ гнѣвѣ всколебали все, и только нѣсколько человекъ спаслись на одной горѣ. Тогда, проникнувшись состраданіемъ Прамцимасть, ѣвшій небесные орѣхи, уронилъ вблизи горы скорлупу, въ которой люди и нашли убѣжище, и которую пощадили гиганты, Ускользнувъ отъ бѣдствія, спасшіеся потомъ разѣялись и одна пара весьма старая осталась въ Литовской сторонѣ, скорбя о томъ, что у нихъ не будетъ дѣтей. Прамцимасть, чтобы утѣшить ихъ, послалъ имъ радугу и приказалъ скакать на костяхъ (камняхъ) земли. Оба старые супруга сдѣлали девять скачковъ, и вслѣдствіе этого явилось девять паръ, которые стали предками девяти литовскихъ племёнъ.— Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что это литовское сказаніе имѣло своимъ источникомъ ессалійскую сагу.

Только халдео-вавилонское сказаніе о потопѣ—несомнѣнно—не представляетъ собою заимствованія и въ то же время—несомнѣнно—говоритъ о томъ же событіи, о которомъ повѣствуетъ и книга бытія.

Халдеоавилонское сказаніе о потопѣ было извѣстно въ глубокой древности въ сообщеніи Бероза, но не такъ давно это сказаніе было прочитано въ клинообразныхъ надписяхъ безвременно умершимъ Смитомъ, Причемъ оказалось, что въ редакціи Бероза были измѣнены имена лицъ упоминаемыхъ въ событіи, и нѣкоторыя подробности сказанія.

Что касается до клинообразной надписи о потопѣ, то Смитъ предположилъ — съ чѣмъ охотно соглашаются и другіе ассириологи — что редакція его восходитъ ко времени Авраама. Такимъ образомъ халдеовавилонское сказаніе о потопѣ является древнѣйшимъ изъ всѣхъ сказаній объ этомъ событіи, не исключая повѣствованія Библии.

Повѣствованіе о потопѣ влагается въ уста Газизарды, патриарха, спасшагося отъ потопа и перенесеннаго богами въ отдаленное мѣсто, гдѣ онъ наслаждается вѣчнымъ блаженствомъ. Газизарда рассказываетъ свою исторію Издубару, извѣстному халдейскому герою.

„Я желаю открыть тебѣ, о Издубаръ, исторію моего спасенія и сказать тебѣ объ опредѣленіи боговъ.

„Городъ Суринакъ, городъ, который, ты знаешь, расположенъ на Евфратѣ, онъ былъ древній и въ немъ (не почитали) боговъ. (Я одинъ, я былъ) ихъ почитателемъ великихъ боговъ. (Боги собрались на совѣтъ по призыву) Ану. (Потопъ былъ предложенъ) Бел(омъ) (и одобренъ) Набу, Нергадемъ и) Ниниб(омъ).

„И богъ Еа, непреложный владыка, повторилъ ихъ опредѣленіе воснѣ. Я слушалъ опредѣленіе жребія, который онъ мнѣ возвѣстилъ, и онъ сказалъ мнѣ: человекъ изъ Суринака, сынъ Убаратуту — дѣлай судно и оканчивай его (скорѣй). Я уничтожу сѣмя и жизнь (потопомъ). Итакъ прикажи войти въ судно сѣмени всего того, что имѣетъ жизнь. Судно, которое ты построишь, (будетъ) въ 600 локтей высоты и ширины. Спусти его въ океанъ и покрой его кровлей“. Я понялъ и сказалъ Еа, моему владыкѣ: „(судно), которое ты мнѣ приказываешь строить, (когда) я буду дѣлать, молодые и старые (будутъ смѣяться надо мною)“. (Еа открылъ свои уста) и сказалъ, онъ сказалъ мнѣ, его рабу: „(если они станутъ смѣяться надъ тобою), ты имъ скажешь: (будетъ наказанъ) тотъ, кто меня оскорбитъ, (ибо покровительство боговъ) есть надо мною... какъ пещера... Я произведу мой судъ надъ тѣмъ, что есть вверху и тѣмъ, что есть внизу... Затвори судно... Въ моментъ входа, который я укажу, отвори внутрь и затвори за собой дверь корабля. Во внутренности твой хлѣбъ, твоя утварь, твоя

провизія, твои богатства, твои рыбы, мужчины и женщины и молодые люди, полевой скоть и дикія животныя полей, которыхъ я соберу и которыхъ я пришлю къ тебѣ, и будутъ сохраняться за твоей дверью“. Газизадра открылъ свои уста и сказалъ, онъ сказалъ На, своему владыкѣ: „никто не сдѣлалъ (такого) судно. На подводной части я укрѣплю... увижу... и судна. Судно, которое ты мнѣ приказываешь построить (такъ), которое въ.....“⁴⁾

„Въ пятый день (его два бока) были подняты. Въ его объемѣ всего на всего было 14 мѣръ, 14 всего на всего считали ихъ на верху. Я взялъ свою кровлю и покрылъ его. Я плавалъ въ шестой (день), я раздѣлил на этажи въ седьмой. Я замазалъ щели, черезъ которыя вода входила внутрь. Я осмотрѣлъ трещины и я прибавилъ то, чего не доставало. Я вылилъ на внѣшнюю часть трижды 3600 (мѣръ) смолы и трижды 3600 (мѣръ) на внутреннюю. Трижды 3600 человекъ носильщиковъ принесли на ихъ головахъ ящики провизіи⁵⁾. Я взялъ 3600 ящиковъ для питанія своего семейства, и моряки раздѣлили себѣ дважды 3600 ларей. Для (продовольствія) я приказалъ убить быковъ. Я опредѣлил (части) на каждый день. (Предвидя нужду въ) питьи, бочкахъ и винѣ, (я собралъ въ количествѣ) какъ воды рѣки и продовольствіе въ количествѣ равномъ пыли земли. Я озаботился (размѣститъ все въ) ящикахъ... солнца... судно было готово... крѣпкій, и я приказалъ нести вверхъ и внизъ принадлежности корабля. (Этотъ грузъ) наполнилъ его двѣ трети. трети.

Все то, что я имѣлъ, я собралъ, все, сколько я имѣлъ серебра, я собралъ, все, сколько я имѣлъ золота, я собралъ, всѣ сѣмена, которыя я имѣлъ, я собралъ. Я при-

---

⁴⁾ Пропущено нѣсколько словъ.

⁵⁾ Г. Петровскій приписываетъ Ленорману такой переводъ этого мѣста: „три мѣры брали люди, которые нагружали карзину: они воздвигли алтарь“, причѣмъ цитируетъ нѣмецкій переводъ Ленормана Die Anfänge d. Cultur. Мы не видали этого сочиненія Ленормана L'Historie ancien. de l'orient 1881 это мѣсто переводится имъ такъ, какъ оно переведено у насъ См. р. 61. См. также статью Петровскаго „Вавилонская записъ о потопахъ“ стр. 88 (Чтен. въ обществѣ люб. д. п. 1889. Июль—августъ).

казаль войти въ судно моимъ слугамъ, мужчинамъ и женщинамъ, полевому скоту, дикимъ полевымъ животнымъ и сыновьямъ народа, я приказаль всѣмъ войти.

„Schamasch (солнце) опредѣлилъ моментъ и возвѣстилъ его въ слѣдующихъ словахъ: „вечеромъ я обильно задождю съ неба, войди въ судно и затвори твою дверь“. Опредѣленный моментъ наступилъ, который онъ возвѣстилъ этими словами: вечеромъ я обильно задождю. Когда я достигъ вечера этого дня, когда я долженъ былъ быть на стражѣ, я я чувствовалъ страхъ, Я вошелъ въ судно и затворилъ мою дверь. Затворяя судно, *Bonzourschadi—rabi*, кормчему ввѣрилъ я, (это) жилище со всѣмъ тѣмъ, что оно несло.

Wop-scheri-inav-pamavi (олицетвореніе дождя) поднялось изъ глубины неба въ темномъ облакѣ. Раманъ (богъ грозъ и бурь), гремѣлъ посрединѣ этого облака. И *Nabou* и *Scharrou* шли впередъ, они шли, опустошая горы и долины. Могущественный Нергалъ влекъ за собою горы, Нинибъ приближался, разрушая все предъ собою. Азаръ заставляла каналы непрестанно разливаться. Ануннаки несли разрушеніе. Наводя ужасъ они колебали землю. Наводненіе Рамана простерлась до неба, и (земля), ставшая безъ блеска, превратилась въ пустыню.

Они сокрушили... поверхность всей земли, (они уничтожили) живыя существа на поверхности земли. Страшный (потопъ) надъ людьми поднялся до (неба). Братъ не видѣлъ болѣе брата, люди не узнавали себя болѣе. Въ небѣ боги почувствовали страхъ отъ бури и искали убѣжища, они поднялись до неба Ану. Боги были неподвижны, тѣсно прижавшись одни къ другимъ, какъ собаки. Истаръ говорила, какъ маленькое дитя. Великая богиня возвѣстила это разсужденію: „вотъ человѣчество обратилось въ прахъ, и это зло я возвѣстила въ присутствіи боговъ, за зло возвѣстила я... ужасный изъ людей, которые принадлежатъ мнѣ. Я мать, которая родила людей, и вотъ, они наполняютъ море, какъ племя рыбъ. И боги по причинѣ того, что дѣлають архангелы бездны, плачутъ со мною“, Боги сидѣли на своихъ сѣдалищахъ въ слезахъ и крѣпко сжимали свои уста, (размышляя) о будущемъ.

„Шесть дней и столько же ночей прошли. Вѣтеръ, буря и дождь потопа были во всей ихъ силѣ. По приближеніи седьмага дня потопный дождь сталъ ослабѣвать, страшная буря, которая неслась подобно землетрясенію, утихла. Море начало осушаться, а вѣтеръ и буря кончились. Я смотрѣлъ на море, наблюдая внимательно. И все человѣчество было обращено въ прахъ. Какъ водоросли, плавали трупы. Я открылъ окно, и свѣтъ ударилъ мнѣ въ лицо. Меня охватило скорбь, я сѣлъ и плакалъ и мои слезы текли по моему лицу“.

„Я смотрѣлъ на страны, которыя ограничивали море, на 12 точекъ горизонта. Нѣтъ суши, судно неслоь надъ страной Ницирь. Гора Ницирь задержала судно и не дала ему перейти выше себя. Одинъ и другой день гора Ницирь держала судно и не пускала его чрезъ себя; третій и четвертый день гора Ницирь держала судно и не пускала его чрезъ себя; пятый и шестой день гора Ницирь держала судно и не пускала его чрезъ себя. По приближеніи седьмага дня я приказалъ вылетѣть голубю и выпустилъ его. Голубъ вылетѣлъ, покружился и не нашелъ мѣста, гдѣ сѣсть, и вернулся. Я пустилъ летѣть ласточку и выпустилъ ее. Она вылетѣла, покружилась и не нашла мѣста гдѣ бы сѣсть, и вернулась. Я пустилъ летѣть ворона и выпустилъ его. Воронъ вылетѣлъ и увидѣлъ падалъ на водахъ. Онъ поѣлъ, посидѣлъ, покружился и не вернулся.

Я приказалъ тогда выйти (тому, что было въ суднѣ) на 4 стороны. И я принесъ жертву. Я вознесъ жертвенный костеръ на вершинѣ горы. 7 по 7 (?) я разставилъ жертвенные сосуды и подъ ними я положилъ тростникъ, кедръ и мозжевельникъ. Боги почувствовали благовоніе, боги почувствовали доброе благовоніе, и боги собрались какъ мухи, надъ приносящимъ жертву. Поднимаясь издалека, великая богиня подняла великіе пояса (радугу), которые Ану сдѣлалъ, какъ ихъ славу (боговъ). Эти боги—свѣтлый кристаллъ предо мною, я не покину ихъ никогда, въ этотъ день я молилъ о томъ, чтобы я могъ никогда не покидать ихъ. Да придутъ боги къ моему костру всесожженія, но да никогда Бэль не подойдетъ къ моему костру всесожженія, ибо онъ не обуздаль и произвелъ бурю (потопа) и онъ отдалъ

моихъ людей безднѣ. Издалека приближаясь, Бэль увидѣлъ корабль, и Бэль остановился, исполненный гнѣва на боговъ и на небесныхъ архангеловъ. Никто не долженъ выйти живымъ. Никакой человекъ не долженъ избѣгнуть бездны. Нинибъ открылъ свои уста и говорилъ, онъ сказалъ владыкѣ Бѣлу: кто другой, кромѣ Еа опредѣлитъ рѣшеніе, ибо Еа владѣетъ знаніемъ и (предвидитъ) все? Еа открылъ свои уста и говорилъ. Онъ сказалъ воителю Бѣлу: О ты глашатай боговъ, воитель, какъ ты не обузданъ, ты произвелъ бурю (потопа). Оставь грѣшника нести тяжесть его злословія. Успокойся въ твоемъ добромъ счастьи и никогда не производи насилія. Разъ на всегда да не будетъ насилія. вмѣсто того, чтобы тебѣ производить (новый) потопъ, пусть явятся львы и стануть уменьшать число людей, вмѣсто того, чтобы производить тебѣ (новый) потопъ, пусть явятся гіены и стануть уменьшать число людей; вмѣсто того, чтобы производить (новый) потопъ, пусть явится голодъ, и пусть земля будетъ (безплодна); вмѣсто того, чтобы производить тебѣ новый потопъ, пусть Дибара (богъ эпидемій) явится, и пусть люди будутъ (умерщвляемы). Я не открылъ опредѣленія великихъ боговъ. Это Газизадра истолковалъ сонъ и понялъ то, что опредѣлили боги.

Тогда, когда рѣшеніе было постановлено, Бэль вошелъ на корабль, онъ взялъ меня за руку и приказалъ подняться. Онъ приказалъ также встать моей женѣ и стать ей около меня. Онъ обошелъ вокругъ насъ и сталъ неподвижно, онъ приблизился къ нашей группѣ. Доселѣ Газизадра былъ частію смертнаго человечества, но пусть Газизадра и его жена сейчасъ поднимутся для того, чтобы жить, какъ боги, и Газизадра пусть поселится вдали у устья рѣкъ. Они понесли меня и поселили меня въ отдаленномъ мѣстѣ у устья рѣкъ“.

Къ приведенному повѣствованію Газизадры должно присоединить окончаніе изъ разсказа второй позднѣйшей редакціи, (Бероза), отличающейся отъ первой въ деталяхъ и въ названіяхъ лицъ, по тождественной съ ней въ своей сущности. Согласно этой редакціи послѣпотопное человѣ-

чство произошло отъ спутниковъ Газизадры, называемаго тамъ Ксизутросомъ.

Глубокая древность халдейской саги и ея сходство съ Библейскимъ повѣствованіемъ подали поводъ составить гипотезу, что библейское повѣствованіе есть монотеистическая переработка халдейской саги. Не трудно показать неосновательность этого мнѣнія. Если бы халдейская сага была первоосновой библейскаго разсказа, измѣненной въ послѣдгемъ ради монотеистической тенденціи, то конечно авторъ, переработывавшій сагу, поступилъ бы тогда такимъ образомъ: вездѣ, гдѣ въ халдейской сагѣ выступаютъ дѣятелями боги и духи, онъ поставилъ бы дѣятелемъ одного Бога, между тѣмъ онъ нигдѣ не выводитъ Бога, какъ непосредственную причину всѣхъ ужасовъ потопа, онъ описываетъ потопъ, какъ явленіе природы, въ повѣствованіи слышится голосъ очевидца, напротивъ, въ халдейской поэмѣ, мы видимъ, естественное событіе закрыто миеологическими образами. При изслѣдованіи исторіи преданій открывається, что простота является, ихъ первоначальною формою, а осложненія являются впослѣдствіи. Число боговъ въ древнѣйшихъ индійскихъ гимнахъ гораздо меньше и описаніе событій гораздо проще, чѣмъ въ позднѣйшихъ. Но представляются основанія для предположенія что образованіе преданій о потопѣ шло путемъ обратнымъ. Намъ кажется, что въ халдео-вавилонской сагѣ есть нѣкоторые слѣды того, что въ основѣ его лежало событіе, о которомъ повѣствуетъ Библия. Вотъ, эти слѣды. Въ повѣствованіи Газизадры о пригосвленіи провизіи дѣло представляется такъ, какъ будто ему предстоитъ долгое плаваніе, а не семидневное. Въ замѣчаніи Газизадры о двѣнадцати точкахъ горизонта, гдѣ не было видно суши, содержится указаніе, какъ это объяснилъ Равлинсонъ, на 12 знаковъ зодіака, въ которыхъ солнце попеременно восходитъ въ теченіи цѣлаго года. Повидимому пища приготовлялась на годъ, и плаваніе продолжалось годъ, но искажаясь отъ времени, преданіе сократило плаваніе до 7 дней. однако, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, уцѣлѣли нѣкоторыя указанія на истинное положеніе дѣла

Разсмотрѣніе взаимныхъ отношеній халдейскаго и библейскаго сказаній о потопѣ побуждаетъ придти къ тому заключенію: въ основѣ того и другаго сказанія лежитъ одно событіе, въ которомъ принимали участіе общіе предки халдеевъ и евреевъ. Впослѣдствіи потомство, произшедшее отъ этихъ общихъ предковъ, раздѣлилось на двѣ вѣтви: одна осталась въ халдеѣ, другая переселилась въ Палестину. Первая потеряла истинную религію и исказила въ своихъ сказаніяхъ событіе потопа, вторая сохранила истинную религію и—подъ воздѣйствіемъ св. Духа—истинное представленіе о событіи потопа.

Несомнѣнные черты сходства съ библейскимъ повѣствованіемъ о потопѣ носятъ иранское сказаніе, которое однако не имѣетъ характера сказанія заимствованнаго. У Иранцевъ разсказывается, что Уіма, который согласно первоначальному пониманію былъ отцомъ человѣчества, былъ увѣдомленъ Агурамаздою благимъ богомъ о томъ, что земля будетъ опустошена разрушительнымъ наводненіемъ. Богъ приказалъ ему построить убѣжище—садъ квадратной формы вага, защищенный плотиною и ввести туда начатки людей, животныхъ и растений, чтобы сохранить ихъ отъ уничтоженія. Дѣйствительно, когда произошло наводненіе, садъ Уіма одинъ былъ пощаженъ со всѣмъ тѣмъ что въ немъ находилось. И вѣсть спасенія была принесена птицею Каршпта, посланною Агурамаздою.

Мы не будемъ болѣе приводить преданій о потопѣ. Ихъ очень много, но всѣ они могутъ быть подведены подъ 2 группы: или они представляютъ собою заимствованіе или отголосокъ мѣстныхъ событій. Мы знаемъ, что по Библейскому повѣствованію оказывается, что допотопное избранное человѣчество жило въ Месопотаміи и что послѣ потопа человѣчество сначала проживало въ Арменіи. Изъ исторіи мы знаемъ, что послѣпотопная культура прежде всего расцвѣла около этихъ мѣстъ. Разсматривая преданія, мы видимъ, что воспоминаніе о потопѣ, описываемомъ Библиею, наиболѣе ясно сохранилось въ этихъ мѣстахъ, что по мѣрѣ того, какъ мы отходимъ отъ этихъ мѣстъ, воспоминаніе о библейскомъ потопѣ становится менѣе яснымъ и отчетли-

вмѣ (напр. въ Египтѣ) и наконецъ исчезаетъ окончательно. Если потопъ былъ дѣйствительно лѣтъ 5000 назадъ, то судьба преданій о немъ и не могла быть иною, чѣмъ какою она является нынѣ. Американскія преданія вызывали естественныя недоумѣнія, но изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ, какъ мы видѣли, лишили апологетовъ опоры въ нихъ, хотя нисколько конечно не поколебали утверждаемаго Библейскія факта. Напротивъ то, что открылось относительно американскихъ преданій, можно было предвидѣть, но нельзя было предвидѣть, одного палеонтологическаго факта, который является весьма поучительнымъ для лицъ, отрицающихъ Библейскій потопъ. Есть много геологическихъ и палеонтологическихъ данныхъ въ пользу потопа, и мы приводили ихъ отчасти на предыдущихъ страницахъ, но вотъ въ то самое время, когда изслѣдованія относительно американскихъ преданій повидимому отнимали у апологетовъ одинъ изъ аргументовъ въ пользу потопа, палеонтологическія изслѣдованія относительно судьбы лошади въ Америкѣ дали по нашему мнѣнію такое доказательство въ пользу всемірности потопа, которымъ положительная наука совсѣмъ не владѣла прежде. Палеонтологія показала, что въ геологическую эпоху—весьма близкую къ нашей—въ Америкѣ жили животныя, которыя современною наукою разсматриваются, какъ непосредственные предки лошади (гиппаріонъ). Животныя эти, видно, были широко распространены въ Америкѣ, затѣмъ они исчезли. Когда въ Америку явился Колумбъ, лошади въ ней не было, между тѣмъ условій благоприятныхъ для размноженія лошади въ этой части свѣта было болѣе, чѣмъ въ какой либо иной: европейская лошадь въ Америкѣ распространилась быстро, и отъ домашнихъ лошадей тамъ произошли дикіе мустанги. Отчего же лошадь не существовала въ Америкѣ ранѣе появленія въ ней европейцевъ? Оттого, полагаемъ мы, что послѣ потопа въ Америку не возвратились ни лошадь ни гиппаріонъ.

Послѣднимъ событіемъ, участниками котораго, согласно Библейскому повѣствованію были всѣ или почти всѣ предки современнаго человѣчества, было вавилонское столпотво-

реніе. Преданій о немъ гораздо меньше и они гораздо менѣе отчетливы, чѣмъ преданія о потопѣ. Это объясняется по нашему мнѣнію тѣмъ, что это событіе было широко, но не глубоко, оно было важно по своимъ послѣдствіямъ, но для тѣхъ, которые поражаются лишь явленіями, а не ихъ значеніемъ, оно не могло представлять ничего такого, чтобы побуждало хранить о немъ память въ теченіе тысячелѣтій. Существующія преданія о вавилонскомъ столпотвореніи, какъ и преданія о потопѣ, могутъ быть раздѣляемы на три группы: во 1) есть преданія, отношеніе которыхъ къ библейскому событію представляется сомнительнымъ; во 2) существуютъ преданія, которыя носятъ характеръ заимствованія изъ Библии и наконецъ 3) есть преданія, представляющія самостоятельный отголосокъ великаго библейскаго событія. Къ первой группѣ прежде всего должно отнести греческое сказаніе объ алоадахъ. Алоады-гиганты, дѣти Алоя и Афимедеи, производили на землѣ великія преобразования, они, благодаря своей силѣ, дѣлали сушу моремъ и море сушей и предприняли построить башню до небесъ, но тогда боги разгнѣвались на нихъ и низвергли ихъ въ тартаръ. Имѣетъ ли этотъ мифъ связь съ библейскимъ событіемъ или нѣтъ, вопросъ сомнительный; но несомнѣнно, что съ этимъ мифомъ имѣетъ связь повѣствованіе Овидія (въ его метаморфозахъ) о томъ, что гиганты покусились достигнуть небснаго царства и (съ этою цѣлію) взгромоздили горы до извѣстной высоты. Тогда всемогущій отецъ (боговъ) пустилъ молнію, разбилъ Олимпъ и опрокинулъ Оссу, нагроможденную на Пеліонъ. Тоже самое разсказывается у Виргилія (Georg. Lib. I. v. 281), стихи котораго отчасти комментируютъ повѣствованіе Овидія: У Виргилія говорится о троекратной попыткѣ сыновъ земли поставить Оссу на Пеліонъ, а на Оссу еще вкатить Олимпъ:

Ter sunt conati imponere Pelio Ossam
Scilicet atque Ossae fronda sum involvere Olympum.

Вслѣдствіе указанія этихъ стиховъ буквальный смыслъ

выше приведенныхъ послѣднихъ словъ Овидія будетъ такой: они стяхнули Оссу съ дежавшаго подъ ней Пеліона ⁶⁾.

Ко 2-й группѣ преданій о вавилонскомъ столпотвореніи должно отнести, на примѣръ, то, которое послужило сюжетомъ для рисунка, сохраненнаго для насъ, благодаря Pedro de los Rios. Pedro de los Rios, доминиканскій монахъ, мѣнѣ чѣмъ черезъ 50 лѣтъ послѣ Кортеса заявившійся изученіемъ американскихъ преданій съ миссіонерскими цѣлями, оставилъ любопытную копію одного мексиканскаго рисунка, копію, не сохранившую стили рисунка, но сохранившую его мысль. На этомъ рисункѣ (изображеніе его см. у Lepoint'a L'Hist. ancien. T. 1. p. 83), мы думаемъ хотя кажется, никто еще не высказывалъ этого предположенія, можно найти нѣкоторое указаніе на вавилонское событіе. Рисунокъ собственно изображаетъ потопъ. Коксоксъ-Мексиканскій. Ной плаваетъ въ своей кедровой лодкѣ по волнамъ потопа. Посреди водъ возвышается вершина горы Кальгукана. На древѣ, увѣнчивающемъ эту вершину, стоитъ орелъ и раздаетъ подходящимъ къ нему людямъ, произшедшимъ отъ Коксоккса языки (согласно американскому преданію они первоначально были лишены дара слова). Вотъ тотъ то орелъ, изъ клюва котораго вылетаетъ множество языковъ, изображенныхъ въ той формѣ, въ какой у насъ изображаютъ огненные языки, сошедшіе на христіанъ въ Иерусалимской горницѣ въ день пятидесятницы, своими языками и наводитъ насъ на мысль о вавилонскомъ столпотвореніи, событіи, послѣ котораго началось раздѣленіе языковъ и племенъ у послѣ потопнаго челоѣчества. Происхожденіе этого рисунка, полагаемъ, несомнѣнно тоже, какъ и происхожденіе американскихъ преданій о потопѣ.

Наконецъ къ третіей группѣ преданій о вавилонскомъ столпотвореніи должно отнести преданія халдеи. Такъ мы нашли самостоятельное сказаніе о потопѣ, тамъ находится самостоятельное сказаніе о вавилонскомъ событіи. Преданій о вавилонскомъ столпотвореніи въ западной Азіи находится

⁶⁾ Смотри повѣствованіе Овидія о первобытномъ челоѣчествѣ и всемірномъ потопѣ. Глоріантова. Христ. Чтен. 1877 г. Май—іюнь. стр. 604—605.

много, но позднѣйшія изъ нихъ написаны подъ замѣтнымъ влияніемъ Библии, таковы преданія находимыя у Верова, Абидены и Александра Полигистора. Абидена говоритъ слѣдующее: „разсказываютъ, что первые люди, безумно гордившія своею силою и ростомъ, презирали Боговъ и считали себя выше ихъ. Исполненные гордости и надменности они воздвигли башню чудовищной высоты, эта башня — теперешній Вавилонъ. Башня уже приближалась къ небу, когда вѣтры пришли на помощь богамъ и восколебали всю постройку и ниспровергли ее на строителей. Развалины были названы Вавилономъ, и люди, которые доселѣ говорили однимъ языкомъ, начали съ того времени по приказанію Боговъ говорить различными языками. Редакція Александра Полигистора говоритъ: когда люди имѣли еще одинъ языкъ, нѣкоторые изъ нихъ предприняли постройку громадной башни, чтобы подняться до неба. Но Божество, приказавъ дуть вѣтрамъ, разрушило башню, разсѣяло этихъ людей и дало каждому собственный языкъ, откуда городъ и названъ былъ Вавилономъ (Вавилонъ — смѣшеніе). Эти повѣствованія позднѣйшаго происхожденія не представляютъ особаго интереса и не имѣютъ важнаго значенія. Но Смитъ удалось въ клинообразныхъ надписяхъ — древнѣйшихъ, чѣмъ книга Бытія — найти сказанія о вавилонской башнѣ — сказаніе, правда, неособенно ясное, но несомнѣнно представляющее отголосокъ тогоже событія, о которомъ говоритъ и XI гл. кн. Бытія. Вслѣдъ за повѣствованіемъ о потопѣ въ вавилонскихъ таблицахъ разсказывается о грѣхѣ бога-зу укравшаго дун-сими (полагаютъ таблицу судьбы) и обращеннаго за это въ птицу, за тѣмъ слѣдуетъ множество басенъ, въ которыхъ разговариваютъ между собою орель, змѣй, лошадь, быкъ и другія животныя, и при этомъ орель разсказываетъ змѣю о построеніи великаго города и башни, имя строителя которыхъ этана. Постройка была разрушена ночью, и совѣтъ строителей смѣшался.⁷⁾

Не трудно усмотрѣть полнѣйшую аналогію между преда-

⁷⁾ Халдейскіе разсказы о первыхъ временахъ міра. Елевскаго. Христ. учен. стр. 418—419. 1876. Мартъ.—Априль.

ніями о потопахъ и преданіями о вавилонскомъ столпотвореніи за исключеніемъ, конечно, того, что преданія о послѣднемъ вообще несравненно слабѣе, чѣмъ о первомъ. Тамъ, гдѣ независимо отъ Библии сохранили память о потопахъ, сохранили память и о вавилонскомъ столпотвореніи (Греція); гдѣ преданія о потопахъ носятъ характеръ заимствованія, съ таковымъ же характеромъ является преданіе о вавилонскомъ столпотвореніи (Америка). Географическое распредѣленіе преданій о вавилонскомъ столпотвореніи именно таково, какимъ оно должно бы было быть, если бы этотъ фактъ имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности. Онъ и былъ въ дѣйствительности. За всѣмъ тѣмъ до нашего міѣнію апологетическое значеніе должно быть главнымъ образомъ признано за преданіями о допотопной жизни человѣчества, отчасти за преданіями о потопахъ (халдеоавилонское, иранское) и весьма мало за преданіями о вавилонскомъ столпотвореніи (халдеоавилонское).

То обстоятельство, что преданія о допотопной жизни человѣчества оказываются сходными у многихъ народовъ, разбѣянныхъ по различнымъ угламъ земнаго шара, намъ кажется, доказываетъ два положенія, 1) что въ основѣ этихъ преданій лежатъ дѣйствительныя событія, и 2) что эти событія произошли сравнительно не такъ давно, во всякомъ случаѣ не десятки тысячелѣтій тому назадъ. Первое положеніе особенно доказывается характеромъ сходства преданій. Еслибы преданія различныхъ народовъ были сходны по своему духу и по своимъ взглядамъ на свое происхожденіе, то тогда пожалуй, вполне законно было бы отнестись къ нимъ скептически. Многие народы, наприм., производятъ себя отъ боговъ, окружаютъ начало своей исторіи величественнымъ ореоломъ. Это объясняется очень просто тщеславіемъ этихъ народовъ, и нѣтъ нужды подозрѣвать на основаніи сходства такихъ преданій ихъ родственное происхожденіе. Но въ отмѣченныхъ нами преданіяхъ человѣчества сходство заключается не въ томъ, что сходство заключается въ описаніи фактовъ, при чемъ самые факты эти, мы видимъ, у разныхъ народовъ распредѣляются не одинаково, видно, что они часто и не знали, куда отнести добыче, о кото-

ромъ разсказывали ихъ предки, и порой говорили, что оно произошло на землѣ, а порой, что оно имѣло мѣсто и на небѣ. Такъ мы видимъ, произошло съ исторіей паденія первыхъ людей. Въ Азій его приурочили къ землѣ, а скандинавы перенесли на небо и заставили потерять блаженство чрезъ вкушеніе яблока самихъ боговъ. Въ преданіяхъ о допотопной жизни человѣчества мы опять находимъ нѣчто такое, что можетъ быть объяснено и понято только при признаніи богодухновенности Библии. На самомъ дѣлѣ, въ преданіяхъ здѣсь оказывается какая то двойственность: съ одной стороны, говорится о долгожизненности, святости, близости къ богамъ первыхъ людей, съ другой, говорится о несчастіи, стихійномъ характерѣ и враждебности богамъ первыхъ людей (гигантовъ). Для ученыхъ, отрицающихъ божественныхъ авторитетъ Библии, пытающихся первоначальныя преданія истолковать на основаніи психологическаго строя послѣдующихъ поколѣній, эта двойственность, думаемъ, только въ томъ случаѣ не представляетъ затрудненій, если они на нее не обращаютъ вниманія. Число 10, фигурирующее въ допотопной исторіи, едва ли тоже можетъ найти для себя объясненіе помимо признанія за нимъ фактической основы.

Разсматривая и сравнивая преданія народовъ, мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ можемъ указать направленія, отдаляясь по какимъ отъ своего источника, они становились менѣе ясными и полными. Распредѣленіе преданій естественно наталкиваетъ на попытку на основаніи ихъ составить представленіе о расселеніи племенъ земнаго шара, но нельзя не сознаться, что такая попытка является весьма рискованною. Плыть по мутному руслу преданій можно, но есть большая опасность заблудиться въ его теченіяхъ. На самомъ дѣлѣ, если мы отрѣшимся отъ различныхъ указаній, представляемыхъ для опредѣленія колыбели человѣчества; какъ съумѣемъ мы найти ее, руководясь исключительно преданіями? Нѣкоторыя сказанія Скандинавіи оказываются весьма сходными съ сказаніями Халдеи и Вавилона; и нѣкоторыя сказанія послѣднихъ съ преданіями Мексики. Въ дѣлѣ естественное заключеніе будетъ то, что выходы изъ какаго

нибудь изъ указанныхъ трехъ пунктовъ населили 2 другіе пункта. а промежуточные пространства были населены другими племенами, что завѣдомо несправедливо. Обращая вниманіе на то, что у различныхъ народовъ, то то, то другое преданіе оказывается сходнымъ съ преданіями халдеобиблейскими, можно приводить это въ нѣкоторое основаніе того, что мѣстность близкая къ Халдеѣ была центромъ, изъ котораго распространилось человѣчество, но собственно говоря, основаніе это весьма слабо и безъ связи съ другими основаніями въ пользу того же положенія, можетъ быть оспариваемо на почвѣ самихъ преданій. Но дѣло въ томъ, что есть еще другія данныя для рѣшенія вопроса о прародинѣ человѣчества и эти данныя ведутъ насъ туда же, куда ведутъ и преданія. Преданія такимъ образомъ усиливаютъ значеніе этихъ данныхъ, а эти данныя усиливаютъ апологетическое значеніе преданій. Такъ, исходя изъ этнографическихъ, лингвистическихъ, зоологическихъ и географическихъ данныхъ, многіе ученые указывали прародину человѣчества тамъ же, гдѣ побуждаютъ искать ее преданія. Приведемъ соображенія Катрфажа объ этомъ.

Въ Азіи, говоритъ онъ, находится обширная область, ограничиваемая на югѣ и на юго западѣ Гиммалаями, на западѣ Болоромъ, на сѣверозападѣ Алатау, на сѣверѣ Алтаемъ и его отрогами, на востокѣ—Хинганомъ, на югѣ и на юго-востокѣ Фелина и Куэнь Лунемъ. Этотъ великій центральный массивъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ колыбель человѣческаго рода (существующаго теперь).

Дѣйствительно, три основные типа всѣхъ человѣческихъ расъ имѣютъ своихъ представителей въ народностяхъ, группирующихся вокругъ этого массива. Негрскія племена наиболее удалены отъ него, но однако встрѣчаются морскія стоянки, гдѣ находятъ представителей негрской расы или чистыхъ или метисовъ на пространствахъ отъ острововъ Киу-Сиу до Андамана. На материкѣ, оказывается, негрская кровь течетъ въ жилахъ всѣхъ низшихъ кастъ и классовъ обидхъ полуострововъ. Можно находить и чистокровныхъ черныхъ на Индостанѣ, простираясь на сѣверѣ до Цекала и на западъ до Персидскаго залива.

Массивъ, о которомъ идетъ рѣчь, повидимому населенъ исключительно одною желтою расою, представляющею частію чистокровныя племена, частію смѣшанныя (съ кровью бѣлыхъ). Эта раса всюду населяетъ массивъ на сѣверѣ, на востокѣ, на юго-востокѣ, на западѣ, на югѣ она является преимущественно смѣшанною. Но эти смѣшанныя племена не составляютъ значительнаго элемента поселенія.

Бѣлая раса съ своими разноплеменными представителями повидимому оспаривала у желтой расы самую центральную площадь массива. Въ прошедшемъ представители бѣлой расы находились у устьевъ Гоанго въ настоящее время встрѣчаются рабы бѣлой народности въ маломъ Тибетѣ и въ восточномъ Тибетѣ. Мюаце занимаютъ горныя области Китая, Сіапуты сопротивляются всѣмъ нападеніямъ на нихъ въ ущельяхъ Балора. На границахъ плоскогорія на востокѣ мы встрѣчаемъ яйносовъ и японцевъ высшихъ кастъ, чингачевъ, филиппинцевъ, на югѣ—индусовъ, на юго-западѣ и западѣ бѣлый элементъ—чистый или смѣшанный—господствуетъ всецѣло.

Никакая другая страна на землѣ не представляетъ подобнаго соединенія самыхъ разнообразныхъ человѣческихъ типовъ, расположенныхъ около одного общаго центра.

Уже одно это должно вести къ догадкѣ, что этотъ центръ есть мѣсто происхожденія человѣчества, но можно привести еще и другія основанія.

Одно изъ самыхъ серьезныхъ представляетъ лингвистика.

Три основныя формы человѣческаго языка находятся въ тѣхъ же самыхъ сторонахъ и въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ: Представителями моносиллабическихъ языковъ на югѣ и на юго-востокѣ являются китайскій, кохинхинскій, сіамскій, тибетскій. Ивъ языковъ агглютинативныхъ на пространствѣ отъ сѣверо-востока до сѣверо-запада встрѣчается группа утро-японская, на югѣ дравидскіе и малайскіе, на западѣ—турецкіе, наконецъ сговорятъ съ епо производными и языки иранскіе являются на югѣ и на юго-западѣ представителями языковъ флективныхъ.

Нѣкоторые лингвистическіе типичныя, соединенныя въ кругу центральнаго массива Азіи, привязываются къ чело-вѣческіе языки или къ своему словарю или по своей грам-матикѣ. Нѣкоторые изъ этихъ азиатскихъ языковъ весьма сходны съ языками, на которыхъ говорятъ въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ или областяхъ отдѣленныхъ отъ Памирскаго плоскогорія совершенно иными языками. Извѣстно, нѣкоторые лингвисты, наприм., Морисъ, связываютъ родственною связью языки дравидскіе съ языками австралийскими.

Наконецъ, изъ Азіи пришли наши домашнія животныя, ставшія ручными съ самой глубокой древности. Исидоръ Жофруа относительно этого соглашается всецѣло съ Дюроде Маль⁸⁾.

Сображенія Катрфажа указываютъ точно мѣсто праро-дины челоѣчества, но нельзя за ними послѣдовать всецѣло. Делятръ въ обширномъ изслѣдованіи доказываетъ, что съ большимъ правомъ пунктъ, откуда разсѣялось нынѣ суще-ствующее челоѣчество, нужно передвинуть отъ востока къ западу — къ Арменіи. Онъ указываетъ, что и Арменія является центральнымъ пунктомъ для всѣхъ расъ и языковъ и что тамъ именно живутъ всѣ азіатскія животныя, ставшія домашними. Арменія представляетъ лишь одну особенность сравнительно съ Памирскимъ платоу, что поселенія желтой и черной расы и страны, въ которыхъ говорятъ моносил-лабическими и флексивными языками, отстоятъ отъ нея далѣе, чѣмъ отъ Памирскаго платоу, но эта особенность по мнѣнію Делятра только усиливаетъ правдоподобность его гипотезы. Если бы всѣ люди первоначально жили на Па-мирскомъ платоу въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, то было бы весьма страннымъ, что тамъ одни и тѣ же условія про-извели и моносиллабическіе и агглютинативныя и флекси-вные языки, и однихъ и тѣхъ же климатическія условія образо-вали бы и бѣлую и желтую и черную расу. Необходимо признать, что различіе расъ и языковъ было слѣдствіемъ расселенія первобытнаго челоѣчества. Такимъ образомъ

8) Quatrefages, L'Esp. humain, p. 130—131.

то, что по мнѣнію Батрфажа обосновываетъ его гипотезу, но мнѣнію Делятра подрываетъ ее. Делятра обращаетъ вниманіе еще на то, что Армения ближе къ центрамъ самой древней цивилизаціи (Египту и Ассиро-вавилоніи), чѣмъ намирское плато. Нельзя, конечно, отрицать того, что и гипотеза Делятра (представляющая въ сущности лишь поправку гипотезы Батрфажа) не опирается на твердыя основанія, но несомнѣнно однако, что и этнографія и географія и лингвистика и зоологія даютъ много побужденій для того, чтобы искать прародину человѣчества вообще на западѣ Азіи, не пытаясь болѣе точно опредѣлять границы этой прародины. На самомъ дѣлѣ, представивъ западъ Азіи исходнымъ пунктомъ, откуда разсѣялось человѣчество, мы легко можемъ представить, и какъ оно расселилось по всему земному шару и какъ, расселившись, оно отделилось въ тѣ формы и типы, какіе мы встрѣчаемъ въ настоящее время. Въ указанныхъ мѣстностяхъ Азіи мы находимъ зародыши и древнѣйшія формы нѣкѣхъ существующихъ языковъ, отсюда разносилась культура, отсюда не только выведены всѣ домашнія животныя, но несомнѣнно отсюда перенесены и нѣкоторыя культурныя растенія. Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ побуждаетъ чисто возниа науки придти къ заключенію, что человѣчество впервые жило на западѣ Азіи, т. е. придти къ тому выводу, который давно съ несомнѣнною ясностію возвѣщенъ человѣчеству въ Библии.

Ученые враждебные религіи, и понятно, очень неохотно принимаютъ этотъ выводъ, во имя антирелигіозной тенденціи стремятся ослабить его значеніе и поколебать его, и въ 80-къ годахъ мы видимъ, явилось много трудовъ, въ которыхъ исходнымъ пунктомъ для разселеній человѣческихъ племенъ принимаютъ Европу, даже Скандинавію. Пенка, Дюхеръ, Шрадеръ (книга послѣдняя переведена на русскій языкъ), затѣмъ Сейсъ и Тейлоръ пришли къ заключенію, что европейское происхожденіе аарійцевъ должно считать доказаннымъ, что не германскія и славянскія племена вышли изъ Азіи, а напротивъ индусы и иранцы спустились въ Азію съ Скандинавскихъ высотъ. Это странное мнѣніе, ни на чемъ не основывающееся и ничего не могущее объяснить

въ этнографіи, если бы даже оказалось вѣрнымъ, полагаемъ, обязано своимъ происхожденіемъ исключительно не желанію принимать Библейскія истины. Оно однако встрѣтило себѣ достойный отпоръ со стороны М. Мюллера, который въ вопросѣ о происхожденіи арійцевъ повторилъ тезисы Катрфажа и Делятра, присоединивъ еще специально лингвистическія соображенія. Въ 1889 г. М. Мюллеръ издалъ книгу „Biographies of words and the Home of the Aryas“... Какъ показываетъ самое заглавіе, книга содержитъ 2 части, и вторая изъ нихъ говоритъ о родинѣ арійцевъ. Мы резюмируемъ кратко заключительныя сужденія по этому предмету.

Существуютъ всѣ основанія думать, что мѣстожителства тѣхъ, которые первые говорили на арійскихъ языкахъ, должно искать въ Азій. Дѣйствительно 2 различные потока разнесли арійскія ідиомы по міру, одинъ направляется къ юго-востоку въ Индію, другой идетъ на сѣверо-западъ въ Европу. Точка пересѣченія этихъ двухъ линий въ Азій.

Кромѣ того, не въ Азій ли встрѣчаются самыя древніе центры цивилизаціи. И потому, если миграція совершалась изъ Европы въ Азій и въ частности изъ Скандинавіи должно бы было встрѣтить въ первоначальномъ словарѣ первобытныхъ арійцевъ нѣкоторое число словъ, относящихся къ жизни морской. Но въ дѣйствительности у нихъ нѣтъ общаго названія для моря.

Вотъ, другое соображеніе. Кухонныя останки показали, что народы сѣверной Европы и особенно скандинавцы употребляли въ большомъ количествѣ рыбную пищу. Но между тѣмъ, какъ въ древнѣйшемъ арійскомъ словарѣ находятся общія названія не только для нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ, но и для полевого скота, напрасно бы тамъ стали искать одинаковыхъ названій для обозначенія рыбы или какихъ либо ея видовъ. Кромѣ этого, ни въ ведахъ ни въ поэмахъ Гомера нѣтъ упоминанія о рыбахъ, какъ о питательномъ средствѣ.

Для того, чтобы доказать, съ полною вѣрностію, что колыбелью арійскихъ языковъ, была Азій, нужно установить эти два положенія: во 1) что дѣйствительно сѣверозападная

и вѣтвь юговосточная владѣютъ одинаковыми словами для обозначенія предметовъ, которые находятся въ азиатскихъ областяхъ, 2) что въ этихъ двухъ группахъ нѣтъ общихъ словъ, обозначающихъ предметы, которые не находятся въ Азии въ древнемъ обиталищѣ арійцевъ.

Перваго не оказывается въ арійскихъ языкахъ (имена льва, тигра, верблюда не общи у европейскихъ и азиатскихъ арійцевъ), но это только отсутствіе донавательства азиатскаго ихъ происхожденія, а не опроверженіе теоріи. На самомъ дѣлѣ весьма понятно, что арійцы, перешедшіе изъ Азии во Францію или Скандинавію, забыли про тигровъ и львовъ. Затѣмъ второе положеніе оказывается въ фактѣ отношенію къ „морю“ и „рыбѣ“. Такимъ образомъ въ пользу азиатскаго происхожденія арійцевъ основанія все таки имѣются; имѣются ли они въ пользу ихъ европейскаго происхожденія? Для этого нужно посмотрѣть, насколько послѣдняя гипотеза удовлетворяетъ двумъ послѣднимъ положеніямъ. Правда, есть нѣсколько общихъ арійскихъ словъ обозначающихъ предметы, находящіеся въ Скандинавіи (береза), но трудно изъ этого дѣлать какой бы то ни было выводъ, потому что весьма большое число катен горій исключены изъ словаря; потому что нельзя указать ни одного общаго имени, которымъ обозначались бы предметы исключительно существующіе въ Скандинавіи. Съ другой стороны въ арійскомъ лексиконѣ находятся два слова для обозначенія змѣя. Какъ объяснить эту особенность въ случаѣ, если миграція арійцевъ имѣла своимъ исходнымъ пунктомъ отправленія Скандинавію; тѣмъ болѣе, что европейскіе арійцы одни называютъ угря маленькимъ змѣемъ (*anguilla* и *euylas* и *anguis*) и др.

Разсужденія М^т Мюллера, равно какъ соображенія Катрифажа и другихъ лингвистовъ и натуралистовъ побуждаютъ искать прародину человечества тамъ же, куда ведутъ насъ и преданія, и нѣдѣясно указываетъ ее Библія. Но преданія, кромѣ того, что указываютъ на дѣйствительность событій, описываемыхъ Бибіею, ни гдѣсто, гдѣ эти событія проис-

ходили; имѣютъ еще иное значеніе, они побуждаютъ насъ заключать, что эти событія происходили недавно.

На самомъ дѣлѣ, память первобытныхъ народовъ коротка и, судя по даннымъ представляемымъ дѣйствительностію, нельзя бы, кажется, ожидать, чтобы она могла охватить и 2 тысячелѣтія, при нѣкоторыхъ условіяхъ эмигранты въ теченіе немногихъ столѣтій забываютъ всю исторію своихъ предковъ. Таковы, наприм. поселенцы коралловыхъ островъ въ тихомъ океанѣ нѣсколько столѣтій лишь они переселились на эти острова изъ прежняго своего отечества, гдѣ употребляли желѣзо, имѣли достаточно утвари, довольно развитое социальное устройство и отъ всего этого не осталось и слѣда (R. q. s. T. II p. 124 — 125 et. sq.). Вообще всѣ тѣ народы, которые шли къ низу въ своемъ развитіи, быстро забываетъ свое прошедшее. Вотъ почему *argumentum e silentio*, почерпаемый изъ факта отсутствія преданій у многихъ народовъ о библейскихъ событіяхъ, ничего не говоритъ противъ дѣйствительности этихъ событій. Не только народы, шедшіе путемъ регресса, но и народы прогрессирующіе позабываютъ прошедшее скоро. Что если спросить у русскихъ, откуда и когда они пришли на русскую равнину? У нихъ мы не найдемъ даже преданій, относящихся къ этому предмету, а вѣдь, между тѣмъ, событіе произошло лишь 1000 лѣтъ съ небольшимъ, какъ можно судить по нѣкоторымъ побочнымъ даннымъ. Говорятъ, что славяне пришли на русскую равнину въ половинѣ седьмаго вѣка, спустившись съ предгорій карпатъ. Въ языческихъ литературныхъ памятникахъ 10 вѣка мы, однако, уже видимъ, что русскіе вполне готовы считать себя автохтонами восточной Европы. Намъ представляется просто невозможнымъ, чтобы у народовъ, не лишившихъ исторіи, память событій простиралась на 7 тысячъ лѣтъ и, кажется, что только особыя обстоятельства способствовали ихъ сохраненію въ теченіе столь долгаго времени. Прежде всего преданія эти совершенно въ неповрежденномъ видѣ были переданы Ноемъ предкамъ послѣ потопнаго человѣчества. Затѣмъ въ теченіе еще нѣкотораго періода (до вавилонскаго столпотворенія) преданія эти могли не искажаться. Далѣе

они несомненно были привязаны къ религіознымъ вѣрованіямъ, а въ случаѣ случаевъ преданія и завѣты обыкновенно сохраняются (неравненно надежнѣе, хотя все-таки не) избѣгаютъ вліянія времени. Вотъ только эти обстоятельства, думаемъ мы, и могли сохранять на нѣсколько тысячъ лѣтъ въ памяти народовъ нѣкоторые, хотя смутные образы первобытныхъ временъ.

Преданія, такъ же образомъ, представляютъ основанія въ защиту недавняго происхожденія человеческого рода. Мы попытаемся теперь представить основанія въ пользу того же изъ той отрасли человеческого знанія, которая пугаетъ обыкновенно непосвященныхъ сотнями тысячъ и милліонами лѣтъ—изъ геологіи. Самая скромная цифра лѣтъ, которая назначалась геологами для прошедшаго человечества, если эти геологи освободились отъ суевѣрій и традицій предковъ, обыкновенно равняется нѣсколькимъ сотнямъ тысячамъ. По Мортлье, человекъ живетъ 222.000 лѣтъ. Цифра получаемая Кроллемъ на основаніи его вычисленій, нѣсколько больше. Онъ привязываетъ ледниковый періодъ, какъ дѣйствице къ причинѣ, къ періоду великаго эксцентриситета (?) въ земной орбитѣ и такимъ образомъ получаетъ, что начало этого періода отстоитъ за 240000 лѣтъ до нашего времени, а конецъ за 80 тысячъ (R. q. S. T. II, p. 663 о книгѣ Катрфажа); человекъ же жилъ, полагають, до ледниковаго періода, значитъ къ 240000 нужно прибавить еще нѣкоторый плюсъ. Увѣренность, съ которою предлагаются эти цифры, могла бы ввести, пожалуй, въ сомнѣніе, если бы въ противовѣсъ ей нѣкоторыми болѣе осмотрительными геологами и антропологами не предлагались вычисленія съ цифрами въ нѣсколько тысячъ; т. е. вычисленія доступныя человѣческому пониманію. Такъ Адрианъ Арслень, пользуясь, какъ хронометромъ, отложеніями соны и подвергнувъ изслѣдованію 30 различныхъ пунктовъ, раздѣливъ отложенія на 8 шихты. Древность верхней римской шихты = 1500; следующей бронзовой шихты = 2250, нижней шихты полированного камня 3000 л. (Platz. S. 762 и R. q. S. T. III, p. 662) отсюда древность всего четвертичнаго періода (онъ) признаеть = 6750

годамъ, цифра ничего общаго не имѣющая съ 100 тысячами лѣтъ. Арсленъ признаетъ, что человѣкъ явился послѣ ледниковаго періода въ Европѣ, основательно указывая Мортилье; что нельзя древнѣйшихъ жителей сѣверной Франціи относить къ доледниковому періоду, ибо тамъ не обнаружено слѣдовъ этого періода, такъ какъ на сѣверѣ Франціи и вообще не обнаружено слѣдовъ ледниковаго періода и потому, слѣдуя Мортилье съ равнымъ правомъ и современныхъ обитателей можно, значить, отнести къ доледниковому періоду. Но вотъ Шарпантье, не оспаривая существованіе доледниковаго человѣка, настаиваетъ на томъ, что весь ледниковый періодъ могъ обнимать собою всего нѣсколько тысячелѣтій и не требовать для своего происхожденія никакихъ необыкновенныхъ условій. Въ противоположность Мортилье для руководства при вычисленіи ледниковъ взявшаго цифру minimum'a ихъ движенія въ настоящее время, да при томъ еще раздѣленную на 5, Шарпантье обращаетъ вниманіе на движеніе ледниковъ, происходившихъ въ 1812—1818 гг., которые отличались суровыми вимами. Если бы мы имѣли, говоритъ онъ, рядъ въ 700 или 800 лѣтъ, лѣтъ столь же холодныхъ и дождливыхъ, какъ годы 1812—1818, то мы получили бы всѣ условія времени и климата для того, чтобы диллювіальный ледникъ Роны спустился до Юры (Pesnel, p. 367; Sharpentier, Essais sur les glaciers, p. 301), т. е. до тѣхъ мѣстъ, до которыхъ доходили они во время ледниковаго періода.

Сопоставляя различныя приведенныя сужденія геологовъ о древности, мы видимъ, что они настолько разнорѣчивы, что изъ нихъ нельзя вывести въ дѣйствительности никакой хронологической даты. Нѣкоторые предлагаютъ брать среднюю цифру, но почему же среднюю? Рѣшеніе научныхъ вопросовъ при помощи средняго арифметическаго еще можетъ имѣть мѣсто, когда обсуждаемыя цифры близки между собой, но когда они расходятся такъ далеко, то прежде всего возникаютъ основанія заподозрить основательность аргументовъ, на которыхъ опираются всѣ они или одна ихъ половина. Выше, разсуждая о геологическихъ и палеонто-

логическия основаніяхъ ученія о древности человѣка, мы уже показали 1) слабость геологическихъ аргументовъ въ пользу этого ученія и 2) нѣкоторыя основанія въ пользу того, что ледниковый періодъ отстоитъ отъ насъ недалеко (свѣжестъ ледниковыхъ шрамовъ) и 3) основанія (отрицательныя) въ пользу мнѣнія о появленіи человѣка въ концѣ ледниковой эпохи. Теперь мы попытаемся показать, что существуютъ нѣкоторыя основанія опредѣлить время ледниковой эпохи. Основанія эти астрономическія. Прежде причину ледниковыхъ явленій въ Европѣ пытались видѣть въ томъ, что Сахара была нѣкогда моремъ. Говорили, что въ ту пору вѣтеръ приносилъ съ Сахары обильное количество воды, которое осаждалось на Альпакъ, что вслѣдствіе обилія водяныхъ осадковъ усиливалось въ Южной Европѣ испареніе, вслѣдствіе котораго развивался холодъ, и образовывались ледники. Утверждали, что теперешняя сравнительно высокая температура Европы обязана теплымъ вѣтрамъ, дующихъ изъ Сахары. Другіе говорили, что причина прежней низкой температуры Европы лежала въ томъ, что Гольфстремъ прежде не приносилъ своихъ теплыхъ водъ къ берегамъ Норвегіи. Что касается до Сахары, то она дѣйствительно недавно была моремъ и превращеніе ея въ пустыню, конечно, не прошло безъ вліянія для температуры Южной Европы, но вліяніе это во всякомъ случаѣ слишкомъ ничтожно и имъ никакимъ образомъ нельзя объяснить совокупность всѣхъ ледниковыхъ явленій въ Европѣ. Мнѣніе объ измѣненіи теченія Гольфстрема не имѣетъ за собой никакихъ основаній. Сверхъ всего этого должно замѣтить, что если даже и принять совокупное дѣйствіе двухъ причинъ Сахарскаго моря и отсутствія теплыхъ водъ Гольфстрема, ледниковыя явленія не будутъ объяснены вполне, потому что несомнѣнно показано, что ледниковыя явленія были и въ Америкѣ, говорятъ, что они были и въ Азіи, одновременность ледниковой эпохи въ Европѣ и Америкѣ не подлежитъ сомнѣнію. Нѣкоторые объясняли ледниковый періодъ тѣмъ, что будто бы солнечная система (направляющаяся къ созвѣздіямъ Лиры и Геркулеса) нѣкогда проходила въ какомъ то холодномъ пространствѣ, вызвавшемъ

общее пониженіе температуры. Объясненіе это совершенно фантастическое, оно вызываетъ и апіорныя воараженія и не подтверждается фактами: не видно, что бы у тропиковъ температура когда нибудь была ниже, чѣмъ теперь. У нѣкоторыхъ геологовъ, правда, проходитъ мысль, что ледниковая эпоха была одновременно на всемъ земномъ шарѣ (напр. у Днострацева), но рѣшительно нѣтъ оснований утверждать, что и въ Европѣ и въ Австраліи она были одновременно, напротивъ, какъ покажемъ мы сейчасъ, должно предполагать обратное. Дѣло вотъ въ чемъ. Температура сѣвернаго и южнаго полушарія не одинаковы. И если мы противопоставимъ теперешнюю температуру Европы ея температурѣ въ ледниковую эпоху, то далеко не съ такимъ правомъ мы можемъ противопоставить современную температуру Австраліи прежней температурѣ Европы. Температура Австраліи, южной Америки незначительно выше ледниковой температуры Европы, если только выше. Берега Патагоніи, лежащіе на широтѣ Турина и Венеціи, т. е. подъ 45° широты имѣютъ глетчеры спускающіеся къ самому морю, а земли подъ 60° южной широты, соответствующія Петербургу и Христіаніи на сѣверѣ, покрыты сплошнымъ слоемъ льда. Въ ледниковую эпоху сѣверное полушаріе характеризовалось еще обиліемъ морей. Этотъ признакъ принадлежитъ теперь южному полушарію. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно бросить одинъ взглядъ на карты полушарій. Но съ другой стороны извѣстно, что въ южномъ полушаріи въ недалекомъ прошедшемъ земли было гораздо больше, чѣмъ теперь. Недавно еще въ южномъ полушаріи былъ материкъ по своей внѣшней формѣ совершенно напоминавшій Африку, въ составъ котораго входили: Австралія, Новая Гвинея, Новая Каледонія, Новая Зеландія, Вандимедова земля, острова Макари и др. Напротивъ, въ сѣверномъ полушаріи, мы видимъ, недавно были многочисленные моря, а теперь количество суши все увеличивается: балтійское море исчезаетъ, берега бѣлаго моря, калскій полуостровъ поднимаются. Все это приводитъ насъ къ тому заключенію, что сѣверное и южное полушарія въ настоящее время доминировали ролями, что дослѣ того, какъ ледниковая

эпоха окончилась въ Европѣ, такая началась въ Южной Америкѣ и Австрали, и что теперь южное полушаріе находится или въ началѣ ледниковаго періода или можетъ быть около момента его наибольшаго развитія, но только, несомнѣнно, еще не въ стадіи возвращенія къ болѣе теплой температурѣ. Перемена отношеній сѣвернаго и южнаго полушарія совпадаетъ съ переменами ихъ отношенія къ солнцу, на что многими было обращено вниманіе и что дало основанія для объясненія ледниковыхъ явленій и для вычисленія ихъ хронологическихъ датъ.

Земля, какъ извѣстно, движется по эллипсису, въ одномъ изъ фокусовъ котораго находится солнце; ось земли въ этомъ движеніи наклонена къ плоскости эклиптики подъ угломъ 23° (отъ чего происходитъ, что въ одно полугодіе одно полушаріе бываетъ больше наклонено къ солнцу, въ другое — другое). Когда земля приближается къ солнцу, она двигается быстрѣе, когда удаляется отъ него, — медленнѣе. Въ самомъ близкомъ разстояніи отъ солнца (въ перигелии) земля бываетъ въ декабрѣ, въ самомъ далекомъ (въ афелии) въ іюнѣ. Отъ неодинаковой скорости движенія земли происходитъ то, что въ томъ полушаріи, которое бываетъ наклонено къ солнцу, когда она движется быстрѣе, лѣто бываетъ на 4 сутокъ короче, въ противоположномъ же полушаріи на 4 дня будетъ короче зима, отъ этого въ одномъ полушаріи — въ настоящее время въ сѣверномъ — въ году на 8 сутокъ теплыхъ болѣе, чѣмъ въ другомъ (южномъ). Кромѣ этого, замѣтимъ, южное полушаріе въ году будетъ подвергаться въ общемъ болѣе сильному притяженію, чѣмъ сѣверное. Изъ этого вытекаютъ важныя слѣдствія: 1) температура въ южномъ полушаріи будетъ нѣсколько холоднѣе, чѣмъ въ сѣверномъ; 2) приливы, производимые притяженіемъ луны и солнца, вслѣдствіе сильнѣйшаго дѣйствія солнечнаго притяженія, будутъ въ южномъ сильнѣе. Средняя приливная волна для южнаго полушарія = 48 дюймамъ, для сѣвернаго же она = $45^{11/12}$ д., отъ этого ежегодно нѣкоторое количество воды изъ сѣвернаго полушарія должно переходить въ южное, что, усиливая притяженіе на югѣ и перенося центръ тяжести къ югу, само по себѣ произво-

дять дальнѣйшее привлеченіе водной массы на югъ. Эту прибывъ воды и замѣчаютъ ежегодно вода въ южномъ полушаріи поднимается минимумъ на $\frac{1}{2}$ дюйма, это даетъ въ столѣтіе 50 дюймовъ, въ 10,500 лѣтъ — $437\frac{1}{2}$ футовъ. Но въ это же время вода въ сѣверномъ полушаріи будетъ понижаться точно такимъ же образомъ такъ, что дѣйствительный излишекъ воды въ южномъ полушаріи будетъ 875 футовъ. Увеличеніе количества воды на югѣ влечетъ за собой чрезмѣрное усиленіе испареній, а это — чрезмѣрное пониженіе температуры. Вода и холодъ должны воцариться на югѣ. Взглянемъ на южное полушаріе: почти все оно покрыто водою, берега Патагоніи, лежащіе на высотѣ Турина и Венеці, т. е. подъ 45° широты, имѣютъ глетчеры, спускающіеся къ самому морю, а земли подъ 60° южной широты, соотвѣтствующіе Петербургу и Христианіи на сѣверѣ, покрыты сплошнымъ слоемъ льда. Но теперь замѣтимъ, что болѣе сильному притяженію, чѣмъ сѣверное полушаріе, южное подвергается не 10500 лѣтъ а 5894 г. и будетъ подвергаться еще 4206 лѣтъ. Объяснимъ смыслъ приведенныхъ цифръ. Плоскость земной орбиты относительно небеснаго пространства не остается постоянной, но обращается въ теченіе 21 тысячи лѣтъ такъ, что ея большая ось, имѣя, наприм. направленіе на югъ и на сѣверъ, постоянно переходитъ на юго востокъ и сѣверо-западъ и т. д., пока опишетъ полную окружность и придетъ въ прежнее положеніе. Отъ этого происходитъ у насъ явленіе, извѣстное подъ именемъ предваренія равноденствій, каждый годъ весна у насъ начинается раньше, чѣмъ въ предыдущій, каждый послѣдующій годъ въ извѣстное число мы находимся не на томъ мѣстѣ земной орбиты, на которомъ мы находились въ предыдущій годъ, а отодвигаемся отъ него на 50". Изъ этого вытекаетъ, что не всегда въ мѣсяцы отъ сентября до марта южному полушарію приходилось занимать положеніе ближайшее къ солнцу, но было время когда въ такомъ же положеніи находилось сѣверное полушаріе, ибо если теперь зима у насъ начинается 10 декабря, то назадъ тому 10500 лѣтъ, въ этотъ день у насъ начиналось лѣто, а еще назадъ 10500 лѣтъ такъ же, какъ и нынѣ въ этотъ

день начиналась зима (въ земной орбитѣ—1.296.000" (360), раздѣливъ это число на 50', получимъ 25,920 лѣтъ, но вслѣдствіе планетныхъ притяженій нутація земной оси совершается скорѣе—въ 21000 лѣтъ. Въ этотъ періодъ и времена года возвращаются къ прежнимъ числамъ). Астрономія показываетъ намъ, что сильнѣйшее притяженіе для южнаго полушарія началось 5895 (считая отъ 1894 года назадъ). Назадъ тому 11,140 лѣтъ, значить, былъ maximum холода, и назадъ тому 5895 лѣтъ еще была у насъ въ Европѣ ледниковая эпоха (см. Шмика, перемѣщеніе морей и ледяныя эпохи обоихъ полушарій земли. Природа 1875 г. кн. 3). Если даже допустить, какъ это предполагаетъ Иностранцевъ, что человѣкъ пережилъ въ Европѣ самое сильное напряженіе холода, и тогда появленіе человѣка на землѣ нѣтъ основаній отодвигать далѣе 13 тысячъ лѣтъ тому назадъ. Но мы видѣли, что по мнѣнію авторитетнѣйшихъ изслѣдователей въ данномъ вопросѣ (Пенка) человѣкъ является только въ концѣ ледниковой эпохи, но мнѣнію же нѣкоторыхъ (Арслена) въ Европѣ онъ является послѣ нея. Цифра, получаемая такимъ образомъ для обозначенія древности человѣка (отлагая 2000 лѣтъ на расселеніе изъ Азіи) весьма близко подходитъ къ той, которую извлекаютъ изъ текста LXX. Разсуждая о библейской хронологіи, мы сказали, что вопросъ о ней должно въ нѣкоторой мѣрѣ признать открытымъ, и что разъясненіе его можно искать въ данныхъ астрономіи и геологіи. Желаящіе должны искать его тамъ. Тоже, что найдено пока, говоритъ, что человѣкъ явился на землѣ назадъ тому приблизительно 7—8 тысячъ лѣтъ и явился сразу полнымъ человѣкомъ. Представляемъ судить, съ чѣмъ согласны эти данныя науки—съ Библіей или съ дарвинизмомъ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Мы знаем, что доводы, которые мы привели против эволюціонной теоріи происхожденія человѣка, какъ доказывающіе ея полную несостоятельность, далеко не всемі будутъ признаны имѣющими такое значеніе. Одинъ изъ русскихъ эволюціонистовъ въ своей рѣчи, которой при признаніи полной ея логической и научной несостоятельности—нельзя отказать во многихъ литературныхъ достоинствахъ и главнымъ образомъ остроуміи—говоритъ, что легко вкреду-бѣдить, но трудно убѣдить и еще труднѣе разубѣдить. Можетъ быть его положеніе во многихъ отношеніяхъ и не отличается вѣрностію: въ вопросахъ чисто научнаго свойства измѣнять убѣжденія при появленіи новыхъ открытій можно безъ особыхъ духовныхъ страданій, но по отношенію къ занимающему насъ вопросу его положеніе нельзя не признать справедливымъ. То или иное рѣшеніе вопроса о происхожденіи человѣка стоитъ въ тѣснѣйшей связи со всемъ міросозерцаніемъ человѣка, міросозерцаніе же человѣкъ обыкновенно имѣетъ одно на всю жизнь. По этому убѣдить человѣка, не выработавшаго себѣ опредѣленнаго міросозерцанія (безпринципнаго), что челоѣкъ сотворенъ Богомъ, трудно; разубѣдить эволюціониста еще труднѣе. Видѣть это значить заставить человѣка смѣять то, чему онъ поклонялся, и повлечется тому, что онъ свирѣлъ. Но только легкомысленный человѣкъ можетъ легко разбѣгать своахъ боговъ и начинать кланяться чуждымъ. Если бы какой-нибудь ангелъ послѣ проповѣди апостолета сказалъ: „Ибрую“, едвали этому нужнее бы было радостно вѣ, ибо лезавствъ, съ

которой онъ отказался отъ невѣрія, должна вести къ предположенію, что онъ также легко и снова откажется отъ вѣры. Вотъ почему должно полагать, что если бы въ наукѣ явились и несравненно болѣе ясны и очевидны доказательства несостоятельности теоріи животнаго происхожденія человѣка, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ теперь, то и тогда эта теорія долго бы еще принималась многими. Отказаться отъ этой теоріи значить признать положительную религію, потому что въ ряду различныхъ гипотезъ о естественномъ происхожденіи человѣка при современномъ состояніи знанія одна только гипотеза эволюціи представляется имѣющею видъ правдоподобія и кажется, другой правдоподобной гипотезы нельзя даже измыслить. Никто, вѣдь, не повѣритъ теперь тому, что разсказывали натуръ философы стараго времени, что человѣкъ явился впервые на свѣтъ въ чашечкѣ гигантскаго тропическаго цвѣтка или произошелъ отъ допотопной лягушки, какъ никто не вѣритъ, что человѣкъ произошелъ изъ камней Девкальона и Пирры, изъ зубовъ посѣянныхъ Кадмомъ или изъ морской пѣны. Если человѣкъ произошелъ естественнымъ образомъ, то онъ могъ произойти только путемъ эволюціи отъ животныхъ предковъ; если онъ не могъ произойти такимъ образомъ, то, значить, онъ непосредственно былъ сотворенъ Богомъ. Склониться къ тому или другому изъ этихъ предположеній человѣкъ не можетъ только подъ давленіемъ научныхъ доказательствъ, въ рѣшеніи вопроса непременно должно принять участіе его сердце, рѣшеніе въ данномъ случаѣ опредѣляется всею духовною настроенностью рѣшающаго.

Если то или другое рѣшеніе вопроса о происхожденіи человѣка опредѣляетъ міровоззрѣніе рѣшающаго, то, съ другой стороны, то или другое рѣшеніе опредѣляетъ также тотъ путь, по которому долженъ намѣчать рѣшающій развитіе науки о человѣчествѣ. При признаніи естественнаго происхожденія человѣка этотъ путь становится слишкомъ прямолинейнымъ. Человѣчество двигалось отъ состоянія крайней умственной тупости и нравственной неразвитости къ состояніямъ болѣе и болѣе совершеннымъ въ духовномъ

отношеніи. При признаніи Библійскаго ученія о происхожденіи человѣка исторія развитія человѣчества представляется намъ, какъ гораздо болѣе сложная и многообразная. Первый человѣкъ не былъ дикаремъ, не былъ и сыномъ культуры, и его потомки не шли исключительно по пути прогресса, а двигались въ умственномъ и нравственномъ отношеніи по различнымъ путямъ и часто ходили путями кривыми. Оканчивая теперь нашъ трудъ, окинемъ бѣглымъ взглядомъ ходъ исторіи первобытнаго человѣчества, какъ его представляетъ Библия, и сравнимъ съ свидѣтельствами науки объ этой исторіи, чтобы увидѣть, что простота эволюціонной точки зрѣнія не облегчаетъ, а затрудняетъ пониманіе явленій антропологии, и что, напротивъ, божественное откровеніе освѣщаетъ эти явленія и способствуетъ ихъ болѣе глубокому и болѣе полному пониманію.

Прежде всего обратимъ вниманіе на ученіе Библии о духовной природѣ первыхъ людей. Здѣсь мы видимъ, что первые люди были не только религіозными, но уже имѣли и культъ, хотя этотъ культъ еще не принялъ формы торжественнаго Богослуженія. По мнѣнію всѣхъ толкователей уже въ раю послѣ грѣхопаденія была принесена жертва. Основаніе для этого, какъ было сказано, видятъ въ томъ, что Адаму и Евѣ были даны кожанная одежда, кожа каковыхъ, полагаютъ, была снята съ животныхъ, предназначенныхъ въ жертву. Каинъ и Авель принесли жертвы и весь ходъ повѣствованія заставляетъ полагать, что она не была первою, посему весьма вѣроятнымъ представляется, что первая жертва была принесена въ раю. Однако культъ первыхъ людей не отличается пышностію. Бытописатель замѣчаетъ, что только по рожденію Эноса стали призывать имя Господне, т. е. по толкованію комментаторовъ, началось торжественное общественное богослуженіе. Принимая во вниманіе, что благочестіе съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сосредоточивалось въ одной вѣтви потомства Сиева и исчезало въ другихъ поколѣніяхъ, мы должны принять, что развитіе религіи, развитія высшаго культа у людей допотопныхъ не было. Самое большее, въ чемъ могла выразаться ихъ религіозность, это въ жертвѣ и еще

въ потребеніи мертвецовъ. Но конечно уже въ это время могло происходить не только оскуднѣніе религіозности, но и ея извращеніе, а посему же въ это время естественно допустить почитаніе твари вмѣсто Творца, бездушнѣйшей вещи вмѣсто единого, истиннаго, вѣчнаго Духа. Теперь обратимъ вниманіе вотъ на какое обстоятельство. У древнѣйшихъ внѣ историческихъ племенъ Европы мы встрѣчаемъ погребеніе мертвецовъ (напр., въ ментонскихъ пещерахъ, въ гротѣ Vache-aux Roches—въ Солютрѣ и т. д.) мы встрѣчаемъ у нихъ очаги, которые своею формою наводятъ на мысль не о кухнѣ, а о жертвенникѣ, мы встрѣчаемъ, наконецъ, у многихъ бельгійскихъ и др. троглодитовъ амулеты совершенно сходные съ талисманами послѣдующихъ вѣковъ. Не доказано, чтобы какое либо древнее племя не имѣло религіи, хотя вѣроятность существованія такихъ племенъ представляется весьма большою на основаніи текста самой Библии. Каинъ ушелъ отъ лица Божія, едвали когда либо затѣмъ онъ обращалъ свой взоръ къ Господу, его потомки—въ родѣ Ламеха—тоже не могли быть особенно религіозными. Однако въ самыхъ словахъ свирѣпаго Ламеха, говорящихъ о его крайней жестокости, кажется можно подслушать, что религія еще не совсѣмъ исчезла изъ племени каинитовъ. Ламехъ, упоминая, что за Каина отмстится въ семѣро, говоритъ, что за него — Ламеха отмстится въ 77 разъ. По всей вѣроятности Ламехъ разумѣлъ, что за него отмститъ не Тотъ, который имѣлъ отмститъ за Каина—Господь, а его (Ламеховы) потомки (кровная месть), но во всякомъ случаѣ эти слова показываютъ, что память о Господѣ еще сохранилась имъ. Поэтому представляется вѣроятнымъ, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ Каинитовъ имѣли и внутреннее и внѣшнее богопочтеніе, но многие могли, конечно, стать и рѣшительно нечестивыми. Вытоптатель и представляетъ намъ, что къ этому и направлялись потомки перваго убійцы. Практическій атеизмъ и отрицаніе на практикѣ постановленій нравственности, вотъ, что кажется характеризуетъ время предъ самымъ потокомъ. Нельзя сказать, чтобы нилебитологическая антропология нашла что нибудь опровергающее такое ученіе

Библи, скорѣе можно сказать, что она еще на наши много изъ того, о чемъ повѣщаетъ Откровеніе.

Каково было умственное и индустріальное развитіе первобытнаго человѣчества? Несомнѣнно, что не высокое. Первые люди не могли себѣ самостоятельно сдѣлать одежды, изобрѣтеніе искусствъ, музыкальныхъ орудій, даже странствованіе въ шатракъ со стадами были уже значительно позднѣйшею ступенью культуры человѣчества. Если принять, что генерации каинитовъ перечисляются въ Библии въ непрерывномъ порядкѣ, чего доказать нельзя, то и тогда изобрѣтеніе всего этого падаетъ на восьмое поколѣніе людей, что при тогдашней долгожизненности, конечно, могло падать на время лѣтъ на 1000 отдаленное отъ сотворенія человѣка. Однако начатки культуры были уже у этихъ людей. Они носили одежды, знали употребленіе огня (жертвы), употребляли орудія (наприм. для убиванія животныхъ), они уже умѣли въ самое раннее время считать (Богъ говоритъ Каину, что за него отомстится въ семеро, а Ламехъ уже умѣетъ считать до 77. Многие современные дикари въ счисленіи далеко не доходятъ до этой цифры), они раздѣляли животныхъ на чистыхъ и нечистыхъ; несомнѣнно, что они вели счетъ недѣлями. Заповѣдь о субботѣ, нужно полагать, была дана еще въ раю вмѣстѣ съ откровеніемъ о твореніи (что это откровеніе было сообщено раньше времени Моисея, это доказывается уже тѣмъ, что сказанія о твореніи близкія къ Библейскому, находятся, наприм., у Халдейцевъ, несомнѣнно древнѣе времени Моисея). Нѣкоторые антропологи, основываясь на томъ, что на изображеніяхъ, найденныхъ въ пещерахъ, человѣкъ рисовался голымъ, высказали мнѣніе, что первобытный человѣкъ не носилъ одежды, но ихъ предположеніе является въ высшей степени неосновательнымъ, они забываютъ, что тѣ люди, изображенія которыхъ найдены, жили въ Европѣ въ эпоху, когда климатъ ея былъ не менѣе суровымъ во всякомъ случаѣ, чѣмъ теперь, а очень понятно, что человеку въ такомъ климатѣ жить безъ одежды не возможно. Если руководствоваться примѣромъ этихъ антропологовъ, то надобно бы признать, что и Грешъ въ блестящій періодъ развитія шелъ

образованности ходили тоже безъ одежды, потому что на картинахъ этого времени люди представлялись обнаженными точно такъ же, какъ таковыя являлись и въ произведеніяхъ скульптуры. Положительными открытіями науки подтверждаются и восполняются сказанія Библии о первобытныхъ временахъ. Вездѣ, гдѣ была возможность изслѣдовать образъ жизни первобытныхъ племенъ, было найдено употребленіе огня. Библия показываетъ намъ, что чувство прекраснаго не было чуждо допотопному человѣчеству, по крайней мѣрѣ, позднѣйшимъ его поколѣніямъ: она говоритъ о музыкантѣ Ювалѣ и сестру Тубалкуина называетъ милой, пріятной (Ноемой, съ именемъ которой связывается представленіе о первой пѣвицѣ и первой ткачихѣ). Обращаясь къ остаткамъ исторической археологіи, мы находимъ произведенія искусства, стоящія на довольно высокой степени развитія (изображенія на кости изъ грота Маделенъ и произведенія скульптуры), находимъ (Ларте) музыкальные инструменты. Мы находимъ, далѣе, что допотопный человѣкъ иногда, кажется, предавалъ памяти свои мысли или событія изъ жизни (такъ у везерскихъ троглодитовъ была найдена пластинка съ нарѣзками и черточками, очевидно, представлявшими собою записъ чего нибудь); что касается до орудій первобытнаго человѣчества, то Библия возвѣщаетъ намъ, что еще до потопа уже начался металлическій вѣкъ. Полагали, что это опровергается тѣмъ, 1) что у древнѣйшихъ, судя по всему, допотопныхъ племенъ, не оказывается металлическихъ орудій, мало этого: у нихъ нѣтъ даже и полированныхъ каменныхъ, они находятся въ вѣкѣ палеолитическомъ; 2) что несомнѣнно у послѣ потоцныхъ эмигрантовъ, именно, у арійцевъ не оказывается металлическихъ орудій, они приносятъ съ собою въ Европу только полированный топоръ; факты эти вѣрныя, но значеніе ихъ истолковано не вѣрно. Допотопные эмигранты могли прибыть въ Европу раньше, чѣмъ Тубалкуинъ положилъ начало обработкѣ металловъ, или даже если и во время и послѣ Тубалкуина, то вѣдь нельзя же представлять себѣ, что съ дней Тубалкуина металлургія получила всеобщее распространеніе; она могла быть и по всей вѣроятности была монополизирована

немногими. Собственно говоря, мы даже не имѣемъ рѣшительныхъ основаній утверждать, что она была известна въ семействѣ Ноя, но это должно предполагать (построеніе ковчега представляется дѣломъ въ высшей степени затруднительнымъ безъ металлическихъ орудій). Ссылка на арійцевъ не можетъ имѣть значенія, потому что изслѣдованіями въ области языковъ арійцевъ доказано, что они знали употребленіе металловъ раньше ихъ выхода изъ прародинны (это доказывается сходствомъ названій нѣкоторыхъ металловъ у разныхъ арійскихъ племенъ). Это открытіе, согласясь съ Библіей, повидимому находится въ несогласіи съ доисторической археологіей, но это только повидимому. Металлургія вначалѣ была достояніемъ немногихъ, это подтверждается изслѣдованіемъ распространенія металлическихъ орудій, а это приводитъ къ заключенію, что большинство арійцевъ, вторгнувшись въ Европу, могло и не имѣть въ своихъ рукахъ металлическихъ орудій, что дѣйствительно и было. Но нѣкоторые арійцы, принадлежавшіе къ той же эпохѣ, употребляли орудія изъ металловъ; многія изъ орудій могли исчезнуть, такъ какъ вообще металлическія орудія уничтожаются скорѣе, чѣмъ камни, нѣкоторыя ихъ орудія были найдены и только несправедливо иногда были относимы къ позднѣйшему времени. Далѣе у туранцевъ, которые несомнѣнно явились въ Европу не позже арійцевъ, мы находимъ съ древнѣйшихъ, незапамятныхъ временъ употребленіе металловъ.

Первые люди были мало развиты и плохо защищены въ борьбѣ съ окружающей ихъ дѣйствительностію, но уже одно то, что они вышли побѣдителями изъ этой борьбы и подчинили природу показываетъ, что ихъ духовныя силы хотя и были въ значительной степени монѣ и дремала, — были велики. Ихъ положеніе въ этомъ отношеніи оказывается несходнымъ съ положеніемъ современныхъ дикарей, относительно которыхъ съ несомнѣнносію констатировано, что они никогда не могли подняться на высшую ступень культуры, имѣвъ тѣд на которой находились, до крайней мѣрѣ никогда не могли подняться самостоятельно, безъ воспитательнаго или культурнаго вліанія другихъ народовъ.

Это показывает, что нельзя во всем проводить аналогію между первобытными людьми и современными дикими племенами.

Но довольно разсуждать о духовной природѣ первобытнаго человечества, обратимся теперь къ разсужденію о физической организаціи первыхъ людей. Эта организація, какъ учитъ Библия, была въ высшей степени крѣпкою, ибо жизнь людей первыми поколѣніи обнимала 9—8 столѣтій. Эти цифры были камнемъ преткновенія для многихъ: Рио де Neuville, мы видѣли, даже склонился къ мнѣнію, что они во все значатъ не то, что въ нихъ хотѣли находить. Но этотъ скептицизмъ и это недовѣріе къ Библейскому показанію представляются въ высшей степени странными. Уже аргюти мы должны положить, что первые люди были крѣпче и сильнѣе насъ. Мы имѣемъ за собою по крайней мѣрѣ 7000 лѣтъ назадъ. Въ теченіе этихъ 7000 лѣтъ наши предки подвергались безчисленнымъ болѣзнямъ, пораненіямъ и т. д. Эти болѣзни, эти вывихи должно необходимо по закону наследственности отзываться на насъ. Организмъ нашъ несомнѣнно разшатанъ, однако мы живемъ по 60—70 лѣтъ. Люди, которымъ не отъ кого было наследовать болѣзней, конечно, жили гораздо болѣе. Обращаясь къ священному тексту мы находимъ въ немъ, что самая глубокая долготеленность падаетъ на первое время человечества, затѣмъ число лѣтъ жизни уменьшается вообще въ строгой постепенности. Это, какъ нельзя болѣе, согласуется съ закономъ наследственности. Теорія эволюціи по видимому должна бы была утверждать тоже самое, но она находится здѣсь въ безысходномъ кругу противорѣчій, распутаться въ которомъ не удастся никому изъ ея сторонниковъ. Теорія эволюціи не можетъ въ данномъ случаѣ согласоваться съ Библией, ибо она не можетъ допустить, что бы первыи поколѣнія людей не имѣли наследственныхъ болѣзней, ибо эти первыи поколѣнія — отъ ихъ точки зрѣнія — суть послѣдніи въ длинномъ, можетъ быть, миллионнѣ лѣтъ существовавшемъ ряду ролюкиотомко предковъ человечества — антропогенномъ. Если же патогія изъ обильнѣе страдаютъ болѣзнями подобными тѣмъ, которыми страдаетъ человѣкъ, — напримеръ,

нахоткою, то конечно имъ было подверженъ и проблематическій антропозоикъ. Эволюціонисты должны непременно принять, что онъ подвергался имъ, и что всё эти болѣзни унаслѣдовали новый видъ существъ, явившихся на землѣ, — homo. Оказывается такимъ образомъ, что у эволюціонистовъ нѣтъ новыхъ видовъ, а только старые одряхлѣвшіе. Непонятно съ точки зрѣнія той же теоріи, какимъ образомъ эти одряхлѣвшіе виды (а наиболѣе совершенные несомнѣнно всегда наиболѣе одряхлѣвшіе) торжествуютъ въ борьбѣ за существованіе. Повинуясь Дарвиновскимъ принципамъ, люди должны бы были вымереть въ первое время своего существованія. Но этого не было и это служитъ однимъ изъ доказательствъ, что человѣческій родъ явился ex abrupto, несвязанный фамиліными болѣзнями ни съ какимъ изъ ранѣе существовавшихъ организмовъ. Божественное откровеніе возвѣщаетъ намъ однако, что уже на первыхъ порахъ своего существованія человѣкъ подвергся смертной болѣзни, которая охватила все его существо, но охватила, какъ показываетъ само слово Божіе, не сразу: ядъ проникалъ только постепенно; но мѣръ того, какъ онъ проникалъ, люди становились слабѣе физически, но въ началѣ мы видимъ они являются сильными тѣломъ, а многіе и духомъ (Сифъ, Енохъ). Обусловливаемая крѣпостью физической организаціи, долгожизненность первыхъ людей, несомнѣнно, имѣла своимъ источникомъ и самый ихъ образъ жизни — близкій къ природѣ — и отсутствіе многихъ вредныхъ привычекъ. Если люди до потопа не пили вина, не употребляли опиума, гашиша и др. ядовъ, то уже это должно было освобождать ихъ отъ многихъ изъ тѣхъ распысокъ на жизнь, которыя постоянно давались и даются чрезъ употребленіе алкоголя и др. наркотическихъ веществъ послѣдующими поколѣніями. Природа, среди которой жили, согласно Библии, первые поколѣнія людей, также способствовала долгожизненности. Ихъ поселенія находились въ той области, которую арабы называютъ раемъ ислама. Здоровая, плодородная богатая мѣстность, это, какъ показываетъ и современный опытъ, одно изъ важнѣйшихъ условий для долгой и здоровой жизни. Какъ нѣкоторые отзываютъ

этой прежней долгожизненности, можно находить въ тѣхъ вовсе не особенно рѣдкихъ случаяхъ долголѣтня, встрѣчающихся и въ настоящее время. Людей дожившихъ до 100 лѣтъ; по всей вѣроятности приходилось встрѣчать каждому, но извѣстный случай, когда долгожизненность доходила до 150—200 лѣтъ.

Въ ряду библейскихъ указаній относительно физической организаци допотопныхъ людей есть одно, которое, какъ мы говорили, находить себѣ откликъ въ преданіяхъ всѣхъ народовъ; но справедливость котораго прежде настойчиво отрицали многіе антропологи. Это сказаніе объ исполинахъ. Библия говоритъ намъ; что до потопа на землѣ были исполины; и что число ихъ особенно увеличилось въ то время; когда произошло смѣшеніе каинитовъ съ сиеитами. Исполины—это люди необыкновенно высокаго роста и необыкновенно большой силы. Библия указываетъ даже намъ приблизительно, какой мѣры мы должны представлять этихъ исполиновъ. Исполины были и послѣ потопа. Съ ними встрѣчались и имѣли столкновенія Евреи на пути изъ Египта и землѣ обѣтованной. Таковъ былъ, напр., Огъ—царь вавилонскій, постель котораго по свидѣтельству очевидца, собственными глазами видѣвшаго ея остатки, имѣла 9 локтей длины и 4 локтя ширины (Второзак. 3, 11)—локтей мужескихъ ($10\frac{1}{2}$ вершковъ). Эта постель послѣдняго изъ рефаимовъ показываетъ, что въ сравненіи съ нимъ современные гиганты должны быть считаемы лиллипутами. Выше мы показали, что библейское сказаніе объ исполинахъ, кромѣ преданій другихъ народовъ, подтверждается и данными науки. Теперь обратимъ вниманіе на то, что оказывается, что кромѣ исполиновъ существовали еще въ первое время человечества пигмеи. Малорослостію отличалось бельгійское племя. Объ малорослости ископаемыхъ людей свидѣтельствуютъ многія находки доисторической археологіи—запястья и рукоятки кинжаловъ, рассчитанныя, видно, на очень маленькую руку. Въ 1887 году вышла книжка Катрфажа „Les Pygmées“, въ которой знаменитый антропологъ констатируетъ; что существовали пигмеи въ Азіи, которыхъ онъ называетъ негритосами, и въ Африкѣ, которыхъ онъ

усвояетъ имя негрилловъ. Родина негритосовъ должна была находиться въ Новой Гвинее и по островамъ меланезійскаго архипелага до Фиджи. Всѣ они—островитяне. Впрочемъ, завоеванія, эмиграціи и рабство распространили эту расу (хотя уже и не въ типическомъ видѣ) на гораздо большую площадь по островамъ Тихаго океана (Тиморъ, Цераръ, Борнео, до западнаго берега Борнео и т. д.). На сѣверѣ ихъ можно прослѣдить до Каролинскихъ острововъ, на югѣ—до Новой Зеландіи. Теикате нашелъ даже такой меланезійскій черепъ на островахъ Св. Духа у берега Калифорніи. Племена гигантовъ тоже, должно полагать, были широко распространены. Не говоря уже объ Азіи, они, какъ это доказываютъ преданія, существовали въ Европѣ, и открытія послѣднихъ лѣтъ заставляютъ предполагать существованіе ихъ въ Америкѣ. Итакъ оказывается, что въ первыя времена существованія человѣческія племена варіировали гораздо сильнѣе, чѣмъ теперь. Тогда существовали и пигмеи и великаны. Съ точки зрѣнія дарвинизма этого допустить нельзя, ибо варіаціи, по теоріи эволюціи, идутъ тѣмъ дальше и тѣмъ больше расходятся, чѣмъ больше проходитъ времени, вслѣдствіе чего наибольшую степень различія между племенами должно бы было встрѣтить въ настоящее время. Но этого нѣтъ; какъ же объяснить эти варіаціи, бывшія столь значительными и сгладившіяся въ настоящее время? Библия объясняетъ намъ ихъ. Человѣкъ, созданный непосредственно Богомъ, не получилъ закрѣпленными многовѣковою наслѣдственностію второстепенныхъ чертъ своей организаціи. Вслѣдствіе этого онъ былъ у него весьма пластичны и легко варіировали. Впослѣдствіи, сдѣлавшись старше, человѣкъ сталъ менѣе способенъ къ измѣненіямъ, между тѣмъ наиболѣе и наименѣе рослыя племена—крайности исчезли, и различія между племенами оказались гораздо менѣе значительными.

Такъ Божественное откровеніе освѣщаетъ намъ явленія антропологии и способствуетъ ихъ уразумѣнію, освѣщаетъ даже явленія чисто-научнаго свойства, не имѣющія отношенія къ религіи и морали. И можно категорически утвер-

ждать, что человекъ никогда бы не понялъ первобытной исторіи человечества, если бы освѣщеніе этой исторіи ему не было дано свыше. Но къ изслѣдованію этой исторіи человека побуждаетъ болѣе любознательность, чѣмъ нужда. Что ему на самомъ дѣлѣ до образа жизни, привычекъ и вѣрованій ментонскихъ дикарей? Что ему до первобытнаго человечества? Зачѣмъ ему познавать другихъ, когда при разсужденіи человека прежде всего ему нужно познать самого себя — свой собственный духъ, свойства и стремленія своего духа. Что такое его духъ? Нѣчто ли подобно дыканію вѣтра, нынѣ существующее и завтра имѣющее исчезнуть, или нѣчто предназначенное къ чему нибудь высокому и святому? Въ его духѣ заложены стремленія къ добру и злу. Откуда эта двойственность? Поддержанію и осуществленію какихъ стремленій долженъ содѣйствовать человекъ? Долженъ ли удовлетворять каждой мимолетной прихоти своей души или, изгоняя злое, долженъ воспитывать въ ней только доброе. Въ душѣ человека есть совѣсть, повелѣвающая ему творить добро или избѣгать зла, но повелѣнія совѣсти въ отдѣльныхъ случаяхъ могутъ являться неопредѣленными и часто неубѣдительными и необоснованными. Человекъ можетъ себя поставить вопросъ: не есть ли эта совѣсть, мучающая его, только нѣчто болѣзненное, ложная стыдливость за дѣйствіе, не заключающія въ себѣ ничего не хорошаго? Браминъ, неосторожно вдохнувшій воздухъ полной грудью и широко разинутымъ ртомъ, испытываетъ угрызенія совѣсти, полагая, что онъ, поступивъ такъ, могъ вдохнуть въ себя инфузорій съ душою своего предка. Эти угрызенія совѣсти паталогическаго характера, но не таковы ли всѣ угрызенія совѣсти и не лучше ли всего стремится къ ихъ полному разрушенію? Вотъ предположенія, отъ которыхъ съ ужасомъ отвратится человекъ, но несостоятельность которыхъ онъ никогда не сумѣетъ доказать своимъ естественнымъ разумомъ, ибо никогда, руководясь имъ однимъ, онъ не уразумѣетъ самого себя — происхожденія своихъ хорошихъ и дурныхъ свойствъ, не уразумѣетъ, отчего это, утопая въ грязи, онъ все таки тянется къ небу. Но объясненіе этого дано человеку свыше

въ исторіи его творенія и паденія, возвѣщаемой ему въ Божественномъ откровеніи. Тайна этихъ великихъ событій, правда, слишкомъ глубока, чтобы ее вполне можно было уразумѣть человѣку, но, закончимъ мы словами Паскаля, „человѣкъ былъ бы гораздо непонятнѣе безъ этой тайны, чѣмъ эта тайна непонятна для человѣка“.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стран</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
	1 10	космологическимъ	космогоническимъ
	25 6	это	это
	35 17	Hitz'y	Гитцигу
	35 37	прирожденное	прирожденное
	36 17	звключается	заключается
	36 37	Mitz.	Lact.
	37 4	стр.	и слѣд.
	40 37	dlet	plet
	43 36	Zöckler Die lehre	Zöckler, Die Lehre
	54 19	сотвореніи	сотвореніи
	81 25	A—Tèsnра ходить	et—Tès проходить
	81 26	saxâ	safâ
	81 26	Gumar—makafi	Gumar Makati
	81 28	Wodi et Gâm	Wadi es Sâm
	84 11	Prät	Frat
	86 35	assirio logische	assiriologische
	124 30	самаританской	самаританской
	152 55	Menschenund Affeuschädel	Menschen und Affenschädel
	162 38	Дарвина	Дарвина
	163 6	волнамъ	волкамъ
	165 38	tropicol	tropical
	183 18	палеоптологической	палеонтологической
	183 22	леоптологическнхъ	леонтологическихъ
	185 36	Ursprung seine	Ursprung, seine
	192 25	fuevunt	fuerunt
	210 18	sic	sie
	210 19	ach	auch
	231 8	и	и
	231 37	Fenerelle	Generalle
	231 37	Г	Т
	232 26	децентрализацию.	децентрализацию
	232 34	теоріи	теоріи
	232 35	Г	Т
	232 36	индивидуальность	индивидуальность
	232 37	Брантомъ	Брандтомъ
	242 18	наслѣдственности, Брукса	наслѣдственности Брукса
	242 18	Брукса Геринга	Брукса, Геринга

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
259	35	физиологич.	физиологич.
272	25	моленоски	моллюски
294	36	l'homme	l'homme
340	6	Июрь	Шеръ
342	11	Jardin	Jardin
349	13	Дуккеръ	Дункеръ
349	37	Hamard	Hamard
356	37	Hamord	Hamard
357	3	déluge	déluge
358	37	Hamard	Hamard
426	15	Лепормана	Ленормана
428	35	Лепормана	Ленормана
434	37	Клапаредомъ	Клапаредомъ
435	36	decidnates	deciduates
449	16	Глава VIII	Глава 8-я
459	36	статья	статья
474	36	Sur l'antiquité	Sur l'antiquité
503	36	ite	ile
505	16	Гейгру	Гейгеру
514		лезгинскіе	лезгинскіе
520	11	Гейзеру	Гейгеру
564	36	проинкали	проникали
565	9	аналогич-	аналогич-
574	36	frondo sum	frondosum
600	11	во все	вовсе